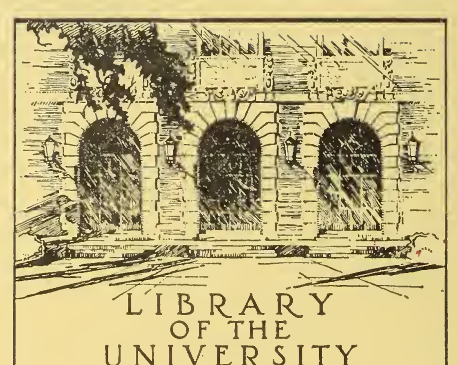

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

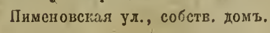
ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собств. домъ.
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ 15 декабря 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногороднихъ.**

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

По соглашенію редакціи „НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ" и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова принимается подписка въ разсрочку на

„Настольный Энциклопедическій Словарь"

изд. Т-ва Гранатъ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ. „Настольный Энциклопедическій Словарь" издается на бумагѣ двухъ разборовъ: обыкновенной (тонкой веленевой) и лучшей (плотной веленевой).

ЦѢНА: полному изданію на обыкн. бумагѣ: безъ перепл. 37 руб., въ изящн. коленкоров. перепл. (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 40 руб.; на лучшей бумагѣ: безъ переплета 44 руб. 80 коп., въ изящномъ коленкор. переплетѣ 48 руб.

За пересылку приплачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Съ 1 марта 1896 г. цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 35 руб. за экз. на обыкн. бум. и 43 руб. за экз. на лучшей бум.) и стоимость пересылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. бум. 4 руб. 80 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (30 руб. за экз. на обыкн. бум., 38 руб. за экз. на лучш. бум.) и стоимости пеерсылки (для обыкн. бум. 4 руб., для лучш. 4 руб. 80 коп.). 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

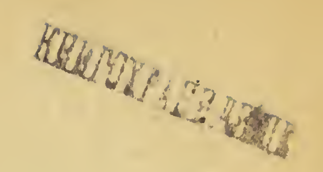
КНИГА III.

МОСКВА.

1896.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕНСІОНЕРЫ*).

(Разсказъ).

VIII.

На балконъ вошли Трухачевъ и Вырыпаевъ. На Трухачевѣ была щегольская визитка, на носу золотое пенснэ, а на Вырыпаевѣ черная фрачная пара и звѣзда Льва и Солнца.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—говорилъ Трухачевъ, остановившись чуть ли не въ дверяхъ,—какъ вы ни резюмируйте, а де факто проектъ мой произведетъ громадную реформу въ государствѣ и, въ то же время, обогатитъ его стадесятимилліонное населеніе.

— А куда съ хлѣбомъ-то дѣваться, коль скоро вы уничтожите винодѣліе?—спросилъ Вырыпаевъ, понюхавъ табаку.

— Ваше превосходительство, перекреститесь, — вскрикнулъ Трухачевъ, перекрестивъ Вырыпаева.—Господь съ вами. Въ виду этого-то я и совѣтую замѣнить вино полпивомъ, медомъ и брагой. Настройте на каждомъ шагу пивоваренныхъ и медоваренныхъ заводовъ, и вотъ вамъ рынокъ для избытковъ хлѣба. Не хватитъ даже. За то мы уничтожимъ пьянство, эту язву, подъѣдающую подъ корень государство какъ съ нравственной стороны, такъ и съ финансовой.

— Однако, мамуличка,— перебилъ его Вырыпаевъ, — статистика говоритъ намъ противное.

— Кто говоритъ, кто?

— Статистика.

Трухачевъ даже какъ-то привскочилъ.

— Статистика?—вскрикнулъ онъ.—Гм... статистика? Вретъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

она, ваша статистика... вретъ, какъ сивый меринъ, съ позволенія сказать, извините за выраженіе. Коли на то пошло, ваше превосходительство, — продолжалъ Трухачевъ, колотя себя въ грудь,— коли на то пошло, такъ вѣдь я самъ когда-то былъ кабатчикомъ и потому дѣло это проштудировалъ во всѣхъ деталяхъ. Въ данномъ дѣлѣ ваша статистика безсильна, ибо ни одинъ порядочный кабатчикъ, не говоря уже о такомъ, который всю душу свою положилъ за кабацкую стойку, не только чиновнику, но даже отцу родному не откроетъ настоящаго баланса своихъ винныхъ операцій. Ужъ въ этомъ-то вы, конечно, со мною адгерентны, ваше превосходительство.

— Виноватъ, голубушка. Слова этого не понимаю.

— Ну, солидарны, что ли,—пояснилъ Трухачевъ.

— Гм... да, конечно.

— Но главное,—продолжалъ Трухачевъ, обнимая Вырыпаева за талію и не замѣчая, что на балконѣ показался Верхолетовъ,— почему я такъ тороплюсь доложить земскому собранію свой докладъ, это потому, что теперь, въ данный моментъ, само министерство склонно отрицательно относиться къ извлеченію государственнаго дохода путемъ акциза и въ этомъ направленіи принимаетъ даже нѣкоторыя полумѣры... Поняли?

— Гм... да, да...

— Вы-то, можетъ быть, и понимаете другъ друга,— проговорилъ Верхолетовъ, сходя съ балкона,— но за то я-то васъ совсѣмъ не понимаю.

Вырыпаевъ словно проснулся, услыхавъ голосъ друга.

— Мамуличка,—вскрикнулъ онъ, протягивая къ нему обѣ руки.

— Помилуйте,—продолжалъ Верхолетовъ, отстраняя Вырыпаева и подходя къ Трухачеву.— Одинъ пришелъ невѣсту показывать, другой сватать ее, а сами о какомъ-то акцизѣ толкуютъ.

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ!—вскрикнулъ Трухачевъ, хлопнувъ себя по лбу.—Да гдѣ же она, гдѣ?

— Одѣвается.

— Виноватъ, ваше превосходительство, тысячу разъ виноватъ. Но мы сію минуту все это поправимъ. Пойду и притащу къ вамъ свою племянницу. Сію минуту.

И, проговоривъ это, онъ торопливо убѣжалъ въ комнату Людмилы Петровны.

— Ну, мамуличка,—заговорилъ Вырыпаевъ, отирая платкомъ потъ съ лица и головы.—Одолѣлъ онъ меня съ своимъ проектомъ.

И потомъ, что-то вспомнивъ, спросилъ:

— Какъ ее зовутъ-то?

— Кого?

— Да невѣсту-то?

— Людмила Петровна. Не забудь, смотри.

— Нѣтъ, нѣтъ. У Пушкина поэма есть *Русланъ и Людмила.*

— Тсс... идутъ.

IX.

И дѣйствительно, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Трухачевъ подъ руку съ Людмилой Петровной.

— Позвольте представить вамъ, ваше превосходительство, — проговорилъ онъ, указывая на Людмилу Петровну, — племянница моя.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Андреевичъ Вырыпаевъ,—проговорилъ Вырыпаевъ, подойдя къ Людмилѣ Петровнѣ и цѣлуя ея ручку. Прошу любить да жаловать-съ.

— Немножко я знаю васъ. Въ церкви встрѣчала васъ,—проговорила Людмила Петровна.

— Такъ точно-съ. Одного прихода, кажется.

— Ну вотъ и отлично, что одного прихода,—подхватилъ Трухачевъ.—Познакомьтесь, поговорите, а мы съ господиномъ адвокатомъ въ садъ пойдемъ.

И, обратясь къ Верхолетову, проговорилъ,—понизивъ голосъ:

— Надо насчетъ купчей поговорить. Хочется мнѣ, что бы она была датирована днемъ Людмилиной свадьбы и что бы Людмила значилась женою дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я ужъ и доску для дома заказалъ съ такою же надписью.

— Пойдемъ, поговоримъ.

— Вы извините меня, ваше превосходительство,—обратился онъ къ Вырыпаеву, котораго Людмила Петровна успѣла уже посадить на диванъ рядомъ съ собою, — за эту маленькую либеральность. Я васъ на минуту оставлю.

— Сдѣлайте одолженіе,—проговорилъ Вырыпаевъ.

Трухачевъ обнялъ Верхолетова за талію, и они вышли въ садъ.

— А у васъ при квартирѣ и садикъ имѣется?—спросилъ Вырыпаевъ, посматривая на балконную дверь.

— Прехорошенькій. Много цвѣтовъ, бесѣдочка есть, изъ которой прелестный видъ на Волгу. Видно, какъ снуютъ пароходы, какъ ползутъ бѣляны, баржи.

— А рыбку удить не изволите?

— Нѣтъ. Пачкатни много.

— А преинтересное занятіе. Я страстный охотникъ, сударыня.

— Да?

— Да-съ, и, могу похвастаться, знатокъ этого дѣла. Когда я жилъ... Виноватъ-съ, забылъ ваше имя-отчество.

— Людмила Петровна.

— Когда я жилъ, Людмила Петровна, во Владимірѣ на Клязьмѣ...

— Ахъ, вы жили тамъ?

— Я тамъ службу начиналъ, сударыня, а потомъ продолжалъ таковую по разнымъ другимъ городамъ. Такъ вотъ-съ... Когда я жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ...

— Вы курить не желаете ли?

— Не курю-съ и не пью-съ. А вотъ ежели дозволите этимъ позаняться,—прибавилъ онъ, похлопавъ по табакеркѣ, — такъ съ великимъ удовольствіемъ.

— Пожалуйста.

— Имѣю эту слабость.

Вырыпаевъ понюхалъ.

— Виноватъ-съ, спохватился онъ. А вамъ-то и не предложилъ...

— Мерси, я не нюхаю.

— А я знавалъ многихъ барышень, которыя нюхали-съ. И, представьте, до глубокой старости читали безъ очковъ. Для зрѣнія это очень пользительная штука. Слезу гонитъ. Положимъ, платки пачкаются. Но, прибавилъ онъ, показывая платокъ,—ежели имѣть такіе, цвѣтные, такъ почти не замѣтно. Такъ вотъ, мамуличка... Виноватъ-съ, извините, ради Бога, спохватился Вырыпаевъ, привскочивъ съ мѣста. Извините... привычка такая глупая.

— Ничего, ничего,—успокоивала его Людмила Петровна, весело разсмѣявшись.— Ничего.

— Ради Господа извините, Людмила Руслановна.

— Петровна,—поправила она.

Вырыпаевъ сконфузился еще пуще и даже плюнулъ.

— Тьфу. Это все пушкинская поэма виновата,—проговорилъ онъ и опять принялся извиняться, а Людмила Петровна продолжала весело смѣяться и всячески старалась успокоить старика.

— Ничего, ничего, говорила она.—Это и со мной бываетъ. Я тоже съ трудомъ запоминаю имена.

Наконецъ, Вырыпаевъ успокоился и усѣлся на свое мѣсто.

— Такъ вотъ-съ,—заговорилъ онъ,—когда я жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, такъ не повѣрите-ли? я каждый день вотъ какихъ окуней вытаскивалъ.

И онъ показалъ размѣръ окуней.

— А какое на васъ миленькое платье,—заговорилъ онъ перемѣнивъ тонъ и показывая рукой на платье. —Скажите, какъ называется эта матерія?

— Сарпинка.

— Дорогая-съ?

— Копѣекъ пятнадцать вѣроятно.

— Только-съ?

— Не больше.

— Я почему васъ спрашиваю. Горничная, которая мнѣ въ нумерахъ прислуживаетъ, выходитъ замужъ. Дѣвушка очень, очень бѣдная... И вотъ мнѣ хотѣлось бы подарочекъ ей сдѣлать.

— Такъ вы подарите ей что-нибудь болѣе полезное.

— Что же?

— Полотна, напримѣръ.

— На рубашки-съ?

— Тамъ ужъ она сама сообразитъ, что ей нужнѣе.

— Правда, правда. А что стоитъ полотно?

— Это смотря потому, какое вы возьмете. Да дѣвушка-то изъ какихъ?—спросила она.

— Мѣщанка, вѣроятно-съ.

— Ахъ, Боже мой. Да, вѣдь, и мѣщанки бываютъ разныя. Я и сама мѣщанка. Дѣло не въ сословіи, а въ характерѣ, въ воспитаніи. Есть дѣвушки избалованныя, испорченныя и, наоборотъ, скромныя, разсудительныя. Скромная дѣвушка,—продолжала она, будетъ въ восторгѣ отъ бѣлья изъ ярославскаго полотна, а я, напримѣръ, вышвырну его въ окно и потребую батиста. Дѣвушка не избалованная вполнѣ удовлетворится простенькой бѣличей шубкой, а мнѣ необходимы соболя. Такъ и во всемъ остальномъ. Вы думаете, надѣла бы я это платье ради его дешевизны? Ни за что. Я ношу его потому только, что сарпинка въ модѣ. Пройдетъ завтра мода, и завтра же этого платья не будетъ. Вотъ, вѣдь, я какая. А почему? Потому что я избалована. Я даже ничему цѣны не знаю, такъ какъ мнѣ не давали даже самой покупать, а все дарили. Все, что вы видите на мнѣ, начиная съ этого скромнаго платья и кончая этими изумрудами и бриллiантами, все мнѣ подарено... Единственная вещь, которую я купила сама, это ботинки, которыя

сейчасъ на мнѣ,—прибавила она, приподнявъ платье и показывая щегольски обутую ножку.

— Варшавскія-съ?—спросилъ Вырыпаевъ,—ощупывая ногу.

— Не знаю, но помню, что съ меня взяли за нихъ пятнадцать рублей.

— Серебромъ?—удивился Вырыпаевъ.

— Конечно.

— Скажите, какая дороговизна,—удивился Вырыпаевъ, покачивая головой.—Впрочемъ,— прибавилъ онъ, —нынче, вообще, обувь сильно вздорожала. Хоть босикомъ ходи! Я по своимъ сапогамъ знаю.—И, приподнявъ ногу, онъ продолжалъ:—Вотъ, хоть эти сапоги, къ примѣру. Положимъ, они изъ настоящаго петербургскаго опойка, внутри голенища вы можете даже клеймо увидать, но, вѣдь, точно такіе же сапоги и у того же самого Королева, у котораго я постоянно покупаю обувь, въ прежніе годы, по три рубля были, а теперь не угодно ли семь. Какъ это вамъ покажется? Допустимъ, что сапогъ въноскѣ прочный, но, вѣдь, и семь рублей хорошія деньги. Вотъ эти, напримѣръ, я другой годъ треплю и, какъ видите, ни одной заплаты. Только вотъ тутъ на подошвѣ,— прибавилъ онъ, постукивая по подошвѣ пальцемъ, слегка протираться начало... Но, вѣдь, и семь рублей хорошія деньги, мамуличка.

Но, спохватившись, что онъ опять проговорился, поймалъ руку Людмилы Петровны и принялся цѣловать ее.

— Простите, ради Господа. Вотъ привычка-то.

— Да ничего, ничего!—говорила та расхохотавшись.—А лучше всего такъ и называйте меня мамуличкой. Мнѣ это такъ нравится.

— Позволяете, Людмила Руслановна?

— Прошу васъ даже объ этомъ.

И онъ опять принялся цѣловать ея руку.

— Ну, вотъ, и отлично!—говорилъ онъ.

— Браво, браво. Ай да ваше превосходительство! раздались вдругъ голоса съ балкона.—Отлично, превосходно.

Вырыпаевъ вскочилъ съ мѣста и, увидавъ Трухачева и Верхолетова, входившихъ въ комнату, окончательно растерялся.

— Вотъ, это я понимаю,— продолжалъ Трухачевъ, покатываясь со смѣху.—Это по нашему. Разъ, два и кончено. Сдѣлали декларацію?

— Какую?—удивился Вырыпаевъ.

— Какъ, какую?... Да, вѣдь, вы руки ея просить хотѣли, ваше превосходительство.

На балконѣ показались: Трухачевъ и Богданъ Богданычъ.

— Я порѣшилъ,—говорилъ Трухачевъ, спускаясь въ садикъ,—свадьбу справить на англійскій манеръ.

— И отлично,—замѣтилъ докторъ.

— Ничего такого, знаете ли, вульгарнаго и буржуазнаго.

— Самое лучшее.

— Людмила даже вѣнчальнаго костюма не дѣлала. Къ чему?

— Конечно.

— Пріѣдутъ молодые, напьемся здѣсь чаю и по домамъ. Фриштикъ, впрочемъ, будетъ еще, — прибавилъ Трухачевъ, — но тоже на англійскій манеръ, одновременно съ чаемъ.

— И это хорошо.

— Будетъ у насъ бифстексъ, плумъ-пуддингъ и чешеръ.

— А, честеръ, — вскрикнулъ докторъ. — Отлично, я очень люблю честеръ.

— Виноватъ, докторъ. Вы не такъ выговариваете. Не честеръ, а чешеръ. Такъ, съ маленькимъ, знаете ли, присвистомъ и съ легонькимъ шипѣньемъ.

— Можетъ быть, можетъ быть.

— И даже никакихъ гостей,— продолжалъ Трухачевъ.—Будутъ только генералъ Коробановъ съ супругою, въ качествѣ родителей.

— Ахъ, это глухой такой?

— Ну, да, извѣстный севастопольскій герой, и, затѣмъ, Понизовскій и Верхолетовъ въ качествѣ шаферовъ. Приглашать гостей я считаю инковенабельнымъ и толеранціи такой не допускаю. Скромность и простота, простота и скромность—вотъ мой девизъ.

— Однако,—замѣтилъ докторъ,—вы, все-таки, во фракѣ.

— И опять-таки на англійскій манеръ!—вскрикнулъ Трухачевъ.—Тамъ даже въ будни къ обѣду мужчины являются во фракахъ, а дамы декольте.

И, вдругъ, обротясь къ горничной, спросилъ.

— А что, молодыхъ не видать?

— Не видать еще, сударь.

— Сбѣгай-ка на террасу, оттуда виднѣе.

Горничная побѣжала, а Трухачевъ предложилъ доктору посидѣть пока.

— Посидимте-ка, — проговорилъ онъ, и, усѣвшись, прибавилъ:—Я такъ счастливъ, что, наконецъ-то, аранжировалъ судьбу Людмилы. Право, жалко было смотрѣть на дѣвушку. Сирота, ни отца, ни матери. Ну, а теперь...

— Теперь, она вполнѣ обезпечена.

— Не правда ли?

— Да, да. Я очень радъ и за его превосходительство.

— Еще бы!

— Въ послѣднее время дѣла его были очень запутапы.

— Да, да.

— А теперь онъ и съ долгами расплатился.

— Ну, да, да.

— Совершенно счастливъ. Прибодрился, повеселѣлъ.

— Деньги, батюшка, великое дѣло!

— Великое, великое.

— Ну, что?—крикнулъ Трухачевъ горничной, все еще стоявшей на террасѣ.—Не видать?

— Не видать, сударь.

— Долгонько.

— А у тебя все готово?—спросилъ онъ ее, когда та возвратилась въ садикъ.

— Кажись все-съ.

— А теперь ступай и принеси мнѣ хлѣбъ-соль, совсѣмъ съ блюдомъ, и шампанское.

— А шампанское въ вазахъ прикажете?

— Конечно.

— Слушаю-съ.

И горничная убѣжала.

— Ловкая дѣвка, — замѣтилъ Трухачевъ и тотчасъ же прибавилъ:—Однако, съ этими свадебными хлопотами я совсѣмъ забросилъ свой проектъ.

— Еще бы!

— Нѣтъ-съ, Богданъ Богданычъ, — продолжалъ онъ, похлопавъ его по плечу,—вы напрасно держитесь того мнѣнія, что проектъ мой останется безъ послѣдствій.

— Нѣтъ, я думаю только, что онъ не скоро будетъ удовлетвореннымъ.

— И прекрасно-съ, и Господь съ ними-съ,—вскрикнулъ Трухачевъ, сопроводивъ свое восклицаніе соотвѣтствующими жестами.—Я и не хлопочу, чтобы онъ былъ тотчасъ же удовлетворенъ. Пусть отложатъ. Но, все-таки, мой проектъ послужитъ богатымъ матеріаломъ для разрѣшенія этого колоссальнаго вопроса въ будущемъ. Я буду ходатайствовать передъ собраніемъ, чтобъ оно, принципіально согласившись съ моимъ предложеніемъ, поручило особой коммиссіи детально мотивировать его и представить куда слѣдуетъ.

— Ну да, ну да, — согласился докторъ, желая поскорѣе отдѣлаться отъ проекта.—Конечно, собранію будетъ пріятно слышать заявленіе, исходящее изъ глубины души и сердца. Пріятно, пріятно.

Вошла горничная и принесла хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ.

— Давай сюда,—крикнулъ Трухачевъ, увидавъ ее.

Горничная подала.

— А теперь за шампанскимъ бѣги.

Горничная ушла, а Трухачевъ, поставивъ блюдо на столъ, вынулъ изъ кармана какую-то сложенную бумагу, которую и подсунулъ подъ солонку.

— А это что за бумагу подсунули вы?—полюбопытствовалъ докторъ.—Ужъ не стихотвореніе ли какое?

— Нѣтъ-съ, почище-съ. Это, батюшка мой,—продолжалъ онъ, показывая бумагу,—купчая крѣпость на сей самый домъ.

— Купили?

— Да-съ, на имя ея превосходительства Людмилы Петровны Вырыпаевой. Нынѣшнимъ числомъ и датирована. Не хотѣлось,—продолжалъ онъ,—чтобъ она, сдѣлавшись генеральшей, вошла въ чужой домъ. Пусть войдетъ въ свой собственный.

— Это очень мило.

— И элегантно.

XI.

— Поздравляю,—громко крикнулъ Верхолетовъ, стремительно взбѣгая на балконъ, въ цилиндрѣ и во фракѣ съ букетикомъ въ петлицѣ.

— Повѣнчались?—вскрикнулъ Трухачевъ.

— Готовы. Молебенъ служить остались.

И, сбѣжавъ съ балкона, принялся обнимать и цѣловать Трухачева, а кстати, и Богдана Богданыча.

— А гдѣ же другой шаферъ?

— А другой поздравляетъ тебя, желаетъ успѣха твоему проекту и извиняется, что не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Онъ изъ церкви прямо на пароходъ... нанялъ извозчика и поскакалъ. Во вторникъ гдѣ-то Демона поетъ, такъ боится къ Тамарѣ опоздать.

— Это жаль.

— А мнѣ такъ нисколько.

И, отведя Трухачева къ сторонкѣ, прибавилъ:

— Демонъ онъ, такъ Демонъ и есть. Вчера,—проговорилъ онъ шепотомъ—весь вечеръ на бульварѣ съ твоей Людмилой просидѣлъ, и все шушукались. Ты съ своимъ проектомъ возился, а они должно свой сочиняли. Я такъ и думалъ, что свадьба не состоится.

Трухачевъ расхохотался даже.

— Ты вѣчно съ подозрѣніями.

Но Верхолетовъ уже не слушалъ его и, увидавъ Богдана Богданыча, радостно кричалъ.

— Голубчикъ, Богданъ Богданычъ, а васъ то я и не замѣтилъ.

— Какъ? Мы даже расцѣловались.

— Ей-Богу? Впрочемъ, у васъ такая ужъ физіономія не замѣтная.

— Да, да. Мнѣ многіе говорили то же самое.

— Вѣрно, вѣрно. Есть такіе, есть. И говоришь съ человѣкомъ, а съ кѣмъ именно, не замѣчаешь.

Но, увидавъ на балконѣ горничную съ шампанскимъ, подбѣжалъ къ ней и выхватилъ вазу.

— Шампанское?—спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ.

— Откубрено?

— Бичевочки только порѣзать.

— А бокалы?

— Бокалы на столѣ, сударь,—отвѣтила горничная, показывая на столъ.

— Отлично.

— Теперь самоваръ неси,—приказалъ Трухачевъ.

Горничная убѣжала.

— А Коробановы тоже молебенъ слушать остались?

Но, увидавъ чету Коробановыхъ, появившуюся на балконѣ, бросился къ нимъ на встрѣчу и, подхвативъ генерала подъ руку, принялся сводить его со ступеней.

— И хотѣла было помолиться,—говорила генеральша, обращаясь къ Трухачеву,—да, вотъ, генералъ-то мой ужъ слишкомъ утомился, да и чайку захотѣлъ признаться. Одолѣлъ просто. Дергаетъ меня за платье и шабашъ. Поѣдемъ, да поѣдемъ.

И, затѣмъ, спустившись въ садикъ, прибавила:

— Ну, поздравляю, голубчикъ. Дай Богъ совѣтъ да любовь. Дай Богъ.

— Благодарю за поздравленіе, ваше превосходительство,—говорилъ Трухачевъ, цѣлуя у генеральши руку,—а больше всего

благодарю за то, что вы осчастливили мою сироту своимъ высокимъ вниманіемъ.

— Не за что, батюшка, не за что. Я охотница до этого. Что кумой быть, что посаженой матерью... признаться даже свахой.

— И васъ тоже благодарю, ваше превосходительство,—продолжалъ Трухачевъ, обратясь къ генералу, страдавшему глухотой и разными другими возможными и невозможными недугами,—благодарю отъ всей души и не нахожу даже словъ.

— И не находи, батюшка,—перебила его генеральша,—все равно не услышитъ... Къ стѣнѣ горохъ.

И, обратясь къ мужу, крикнула:

— Слышишь?

— Слышу, слышу,— отвѣтилъ тотъ, кивая головой.

— Ну, что онъ сказалъ?

— Чай пить зоветъ.

— Попалъ, нечего сказать...—подхватила генеральша, махнувъ рукой, и, обратясь къ Трухачеву, прибавила: —Ужъ ты не тревожь его разговорами... И онъ тебѣ надоѣстъ, и ты ему. Посади его куда-нибудь къ сторонкѣ, чайку дай... онъ и будетъ сидѣть.

— Мнѣ бы хотѣлось только, ваше превосходительство,—заговорилъ Трухачевъ какимъ-то особенно заискивающимъ тономъ,—молодыхъ встрѣтить конвенабельно...

— Ты, батюшка, по-нѣмецки со мной не разговаривай,—перебила его генеральша.—Я этой чухляндіи не понимаю. Русскимъ языкомъ говори.

— Хотѣлось бы молодыхъ встрѣтить честь-честью...

— Ну, вотъ, это по-нашему. Съ иконами, значитъ?

— Точно такъ-съ. Я—съ хлѣбомъ-солью, а вы—съ иконами...

— Такъ это и мужу слѣдуетъ,—замѣтила она.

— Да-съ, и они тоже.

— Хорошо бы еще хмѣлькомъ попорошить,—подхватила генеральша, подбоченясь и подмигнувъ глазомъ.

— И хмѣль приготовленъ, ваше превосходительство. Нельзя же...

— Чудесно. Чтобы, значитъ, и въ довольствѣ жили, и весело. Такъ, такъ. Я, вѣдь, и сама изъ купеческихъ и все эти порядки знаю до тонкости... Помню, когда я замужъ выходила,—не за этого, разумѣется, на такого никакой хмѣль не подѣйствуетъ, а за перваго мужа,—такъ насъ съ головы до ногъ хмѣлемъ засыпали... И ужъ весело жили съ покойникомъ, не гной его косточки... Ну, а

гдѣ же встрѣчать-то будемъ?—спросила она, перемѣнивъ тонъ.— Не въ саду, поди?

— Какъ можно, ваше превосходительство, въ домѣ, въ домѣ.

— То-то.

— Въ домъ пожалуйте...

— Пойдемъ, пойдемъ.

И, обратясь къ мужу, махнула рукой.

— Иди за мной.

Трухачевъ подхватилъ генерала, и всѣ направились къ балкону.

Въ это самое время послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа, а выбѣжавшая на балконъ горничная прокричала суетливо:

— Ѣдутъ, ѣдутъ, молодые ѣдутъ!... Не далечко... Въ проулокъ завернули...

Трухачевъ приказалъ Фросѣ захватить хлѣбъ-соль, и всѣ поспѣшили въ домъ, кромѣ Верхолетова и доктора, оставшихся въ садикѣ.

— Вы что же встрѣчать-то не пошли, Богданъ Богданычъ?— спросилъ Верхолетовъ, бросившись къ шампанскому.

— Все равно, не замѣтятъ,—отвѣтилъ тотъ, посмѣиваясь.

— Навѣрняка,—вскрикнулъ Верхолетовъ, передавая ему бутылку.—Откубрите-ка, пожалуйста, а то я боюсь перчатки замарать... И не люблю я эти свадьбы на англійскій манеръ,—продолжалъ онъ, взявъ подносъ съ бокалами. — Откубривай, да раскубривай, разливай, да разноси, а выпить нечего... Ну, что, откубрили?

— Откубрилъ.

— А теперь по бокаламъ разливайте...

И онъ подошелъ къ нему, держа подносъ, заставленный бокалами. Въ это самое время изъ домика послышалось громкое «ура», апплодисменты и топанье ногами.

— Ну, встрѣтили,—замѣтилъ докторъ, разливая шампанское.

— Орутъ-то какъ,—подхватилъ Верхолетовъ.—А все этотъ глухой генералъ... Такъ и покрываетъ всѣхъ... Давайте и мы кричать.

— Съ удовольствіемъ.

И оба они принялись кричать «ура».

XII.

Какъ разъ въ этотъ моментъ показались на балконѣ молодые. Они шли подъ руку, веселые и счастливые. Одной рукой Людмила

Петровна опиралась на руку мужа, а въ другой держала только что полученную въ подарокъ купчую крѣпость. Ихъ сопровождала генеральская чета Коробановыхъ и торжествующій и сіяющій Трухачевъ. Всѣ кричали «ура», причемъ генералъ неистово стучалъ клюкой, а Трухачевъ продолжалъ осыпать молодыхъ хмѣлемъ, что очень всѣхъ забавляло. На Людмилѣ Петровнѣ было изящное чечунчевое платье, отдѣланное кружевами, а на молодомъ — черная фрачная пара, звѣзда и лента. Когда они сошли съ балкона, къ нимъ подлетѣлъ Верхолетовъ съ подносомъ въ рукахъ. Сперва онъ подошелъ къ молодымъ, а когда тѣ взяли себѣ по бокалу, началъ разносить и остальнымъ гостямъ.

— За здоровье молодыхъ, ура!

— Ура!...—подхватили остальные провозглашенный Трухачевымъ тостъ.

— Горько!—заоралъ глухой генералъ.—Горько!

Это всѣмъ очень понравилось и всѣ принялись кричать «горько!»

— Подсластить!—кричалъ глухой генералъ, топая клюкой.

— Подсластить, подсластить,—подхватили всѣ.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ,—послышался веселый голосокъ Людмилы Петровны.

И, обнявъ мужа, она принялась осыпать его поцѣлуями.

Раздались аплодисменты и загремѣло раскатистое браво.

— Мамуличка...—кричалъ Вырыпаевъ.—Родимушка...

А затѣмъ, поднявъ бокалъ и окинувъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, провозгласилъ:

— А теперь, господа, выпьемъ за здоровье...

Но тутъ онъ запнулся, переконфузился и, быстро подбѣжавъ къ Трухачеву, прошепталъ:

— Вѣдь, забылъ, какъ тебя зовутъ-то...

— Леонидъ Григорьичъ,— шепнулъ тотъ.

— За здоровье нашего уважаемаго и наипочтеннѣйшаго Леонида Григорьича Трухачева, ура-а-а!

— Ура!—подхватили всѣ.

Но замѣтивъ, что Людмила Петровна подошла къ Трухачеву и собирается говорить, всѣ замолкли. Замолкъ и глухой генералъ, такъ какъ генеральша поспѣшила зажать ему ротъ и пригрозить пальцемъ.

— За ваше здоровье, милый дядя,— начала Людмила Петровна.— Вы такъ много сдѣлали для меня, что я даже не знаю, какъ и благодарить васъ.

— Не стоитъ, не стоитъ,— говорилъ онъ, махая руками.

— Но вашъ послѣдній подарокъ,—продолжала она, показывая купчую,—прямо до глубины души тронулъ меня.

— Очень радъ...

— Вы словно угадали, что онъ будетъ для меня дороже золота и брилліантовъ. Мнѣ такъ всегда нравился этотъ домикъ, а въ особенности этотъ садикъ, въ которомъ мы провели съ вами столько прекрасныхъ вечеровъ, что лучше этого подарка нельзя было и придумать...

— Очень, очень радъ, что угодилъ...

— Спасибо вамъ, большое спасибо...

И, поднявъ кверху бокалъ, прибавила:

— За ваше здоровье, ура!

— Ура!—прокричали всѣ.

— Качать его!—заоралъ глухой генералъ.

— Качать его, качать!—подхватили остальные.

А пока его качали, Людмила Петровна отвела къ сторонкѣ генеральшу и проговорила:

— Ваше превосходительство, научите, что мнѣ дѣлать?

— Что такое?

— Новыя ботинки до того жмутъ мнѣ ногу, что я насилу стою,— проговорила она.

— Фу ты... Вотъ напугала-то, — проговорила генеральша, расхохотавшись.—Надѣнь другія, только и всего.

— Да, вѣдь, совѣстно васъ однихъ оставить... Мужчины извинятъ...

— А я и подавно. Я, матушка, лучше всякаго мужчины понимаю, что такое значитъ тѣсная обувь. У меня на всѣхъ пальцахъ мозоли... Вонъ въ какихъ туфляхъ хожу,— прибавила она, показывая ногу.

И, добродушно расхохотавшись, обратилась къ гостямъ, успѣвшимъ покончить качаніе.

— Слышите, господа? Горе-то у насъ какое?

— Что такое? Что такое?—заговорили всѣ, подбѣгая къ генеральшѣ.

— Не говорите, не говорите,—подхватила Людмила Петровна.

Но генеральша даже оттолкнула ее.

— Новыя ботинки ей ногу жмутъ... Такъ вотъ ей конфузно, видите ли, пойти и переобуться.

Всѣ расхохотались.

— Ступай, ступай... Не конфузься.

— Такъ вы извините меня?

— Конечно, конечно,— заговорили всѣ.

— Я сію минуту, сію минуту!

А увидавъ горничную съ самоваромъ, прибавила:

— А вотъ, кстати, и самоваръ.

И, взявъ подъ руку генеральшу, усадила ее за чайный столъ, подставила ей подъ ноги скамеечку и торопливо заговорила:

— Прошу васъ, ваше превосходительство, будьте на время хозяйкой... Вотъ вамъ сахаръ, чай, лимоны, варенье... Чашки здѣсь, стаканы тоже... Вотъ чайное полотенце... печенье... Господа, милости прошу... Садитесь пожалуйста... Пожалуйста, прошу васъ... Я сію минуту... Ну, Фрося, идемъ, идемъ скорѣе...

Та вышла.

— Да, кстати,—проговорилъ Трухачевъ, успѣвшій уже усѣсться за чайный столъ и обращаясь къ Людмилѣ Петровнѣ,—прикажи, мой другъ, повару подать намъ ростбифъ и плумъ-пуддингъ. Не забудь, пожалуйста.

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила Людмила Петровна.—А пока до свиданья.

Она присѣла по-балетному, по балетному же сдѣлала всѣмъ ручкой и побѣжала по направленію къ балкону.

— Догоню, догоню,— затараторилъ Вырыпаевъ, побѣжавъ за нею.

— Не догонишь, папашка,— прозвенѣлъ ея голосокъ.

А вслѣдъ затѣмъ она вспорхнула на балконъ, влетѣла въ домъ и, захлопнувъ за собою дверь, щелкнула замкомъ. Вырыпаевъ подбѣжалъ къ двери, попробовалъ было отворить ее, постучалъ пальцемъ по стеклу, но отвѣта не было.

— Шалунья! — вскрикулъ онъ, задыхаясь отъ усталости.— Заперлась.

— Заперлась?—спросили всѣ.

— На замокъ.

И всѣ расхохотались.

— Ну, будетъ вамъ курбетничать-то,— заговорила генеральша, разливая чай.—Присаживайтесь-ка, я васъ чайкомъ попою.

— Я не пью горячаго, ваше превосходительство,— проговорилъ онъ, подойдя къ столу,—а потому налейте мнѣ стаканъ и пусть онъ себѣ остынетъ. Мнѣ хочется на Волгу посмотрѣть. Никакъ я не воображалъ, мамуличка,— прибавилъ онъ, подойдя къ Трухачеву, — чтобы изъ этого садика былъ такой прелестный видъ... Никакъ не воображалъ.

— Нѣтъ, вы съ терраски полюбуйтесь, ваше превосходительство. Тамъ въ столѣ вы и бинокль найдете.

— Отлично. Пойду, пойду...

И онъ вошелъ въ павильонъ, а немного погодя показался на террасѣ.

— А какъ вамъ понравилось, ваше превосходительство,—обратился Верхолетовъ къ генеральшѣ, помѣшивая въ стаканѣ ложечкой,—сказанное сегодня священникомъ слово?

— Такъ себѣ... Слово, какъ слово.

— А на какую тему?—спросилъ Богданъ Богданычъ, словно желая напомнить о себѣ.

— Ахъ, батюшки,—вскрикнула генеральша.—Да я вамъ, кажись, и чаю-то не наливала?

— Нѣтъ еще.

— Извините, ради Господа. Изъ ума вонъ...

И, наливъ ему стаканъ, продолжала:

— На какую тему? Извѣстно, на какую... Изъ Священнаго Писанія. Нонче про нашу сестру пошло столько всякихъ разговоровъ что̀ въ церквахъ, что̀ въ книжкахъ, что и не переслушаешь. А вотъ попробовалъ бы съ такимъ муженькомъ пожить, какъ мой,—прибавила она, указавъ на генерала.

Всѣ расхохотались, а глядя на всѣхъ расхохотался и генералъ.

— Вишь, вѣдь, хохочетъ тоже,—продолжала генеральша,—приличіе соблюдаетъ... Чтобы не подумали, что онъ глухой... Вишь, заливается... И усъ даже покручиваетъ... Молодецъ-молодцомъ. Ну-съ, такъ вотъ-съ... И попробовалъ бы тотъ, кто говоритъ-то, съ такимъ сокровищемъ хошь недѣльку повозиться. Не бойсь, не то бы заговорилъ. Вѣдь, семьдесять семь ранъ никакъ... И удивительное это дѣло,—прибавила она, всплеснувъ руками,—словно какъ онъ тамъ, въ Севастополѣ-то, одинъ былъ... Словно, какъ окромя его, не въ кого и стрѣлять было... Вотъ вы и подумайте... На каждую рану по пластырю, утромъ и вечеромъ... Да руку перебинтуй, да голову... А, вѣдь, я хоша и не первой молодости, а, все-таки, живой человѣкъ. А все эта пенсія соблазнила... да званіе генеральское... Хотѣлось, видите ли, генеральшей сдѣлаться...

— А вы бы сидѣлку наняли, ваше превосходительство,—замѣтилъ Верхолетовъ.

— Не велитъ... «За что же,—говоритъ,—ты пенсію получаешь?» Вѣдь, онъ вонъ какой у меня.

И всѣ опять захохотали, а въ томъ числѣ и генералъ.

— Батюшки,—вскрикнулъ Вырыпаевъ, всплеснувъ руками.— Простите, изъ ума вонъ.

Трухачевъ и Верхолетовъ расхохотались. Вырыпаевъ растерялся, переконфузился, но Людмила Петровна опять пришла къ нему на помощь.

— Позвольте, господа,—заговорила она, порывисто поднявшись съ дивана.—Прежде всего, я попрошу васъ быть вѣжливыми и перестать хохотать. Вамъ кажется смѣшнымъ,—продолжала она, когда хохотъ замолкъ,—что Иванъ Андреичъ не сдѣлалъ мнѣ предложенія, а я нахожу это въ высшей степени деликатнымъ съ его стороны. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ именно заключается дѣло.

— Ну, да, да!—говорилъ приободрившійся Вырыпаевъ.

— Почему именно это дѣло началось,—продолжала Людмила Петровна,—и какъ оно покончится.

— Конечно.

— Зачѣмъ же тутъ дальнѣйшія объясненія, которыя ставятъ только въ неловкое положеніе и ту, и другую сторону?

— Ну да, понятно.

— Къ чему всѣ эти предложенія, когда я отлично знаю, что Иванъ Андреичъ уже сдѣлалъ предложеніе, и что я съ благодарностью приняла его. Что же тутъ смѣшного-то?

— Браво, браво!—подхватилъ Верхолетовъ, зааплодировавъ.— Отлично, превосходно. Чисто по адвокатски. И эффектно, и убѣдительно.

— Ужъ извините,—замѣтила она весело.—Какъ сумѣла, такъ и сказала. Отъ чистаго сердца.

— Однако, довольно!—вскрикнулъ Трухачевъ.—Прекратимъ всѣ эти дебаты и поѣдемъ лучше въ Эрмитажъ... Тамъ новый поваръ. Говорятъ, профессоръ кулинарнаго искусства. Туда же и устрицъ привезли. Пофриштикаемъ, выпьемъ за здоровье нареченныхъ и, кстати, назначимъ день свадьбы.

Предложеніе это встрѣтило всеобщее одобреніе, и только одна Людмила Петровна отказалась ѣхать.

— Это почему, мамуличка? — чуть не вскрикнулъ Вырыпаевъ, очень огорченный ея отказомъ.

— А потому, дорогой мой, что я очень, очень устала послѣ вчерашняго вечера. Насилу хожу.

— Поѣдемте!—зашумѣли всѣ.—Безъ васъ скучно.

— Рѣшительно не могу. Я въ постель сейчасъ.

Всѣ принялись уговаривать, упрашивать. Доказывали, что безъ

нея и завтракъ не въ завтракъ, что ничего и въ ротъ не пойдетъ, что и самое шампанское покажется хуже всякой полыновки. Соблазняли ее поваромъ, устрицами, зернистой икрой. Но Людмила Петровна такъ-таки и не поѣхала.

— Жаль, очень жаль,—говорилъ Трухачевъ.

И, обротясь къ остальнымъ, прибавилъ.

— Ноленсъ-воленсъ приходится ѣхать однимъ. Нельзя же не позондировать этого адепта кулинарнаго дѣла.

— А знаешь ли, милый человѣкъ, — обратился къ нему Верхолетовъ, беря свой цилиндръ.—Вѣдь, ты совсѣмъ русскій языкъ перепакостишь.

— Но сжели мода такая.

И распростившись съ Людмилой Петровной, у которой Вырыпаевъ опять поцѣловалъ руку, всѣ шумно удалились.

Послышался громъ отъѣхавшаго экипаша, и Людмила Петровна направилась было въ свою спальную, какъ вдругъ дверь распахнулась, и въ комнату влетѣлъ Понизовскій. Влетѣлъ онъ съ сіяющимъ и радостнымъ лицомъ и, остановясь у порога, вскрикнулъ:

— Поздравить?

— Съ чѣмъ?

— Замужъ выходите?

— Вы почемъ знаете?

— Самъ лордъ объявилъ.

— Да, выхожу.

— За этого самаго, что со звѣздой-то?

— За этого самаго, что со звѣздой.

— Поздравляю, ваше превосходительство,— вскрикнулъ онъ, подходя къ ней и протягивая ей обѣ руки.

— Вы довольны?

— Да, вѣдь, вы счастливѣйшая женщина въ мірѣ.

— А вы будете шаферомъ этой счастливѣйшей женщины?

— Да, вѣдь, я же на-дняхъ исчезаю.

— На-дняхъ будетъ и свадьба.

— Ежели только не задержите,—съ восторгомъ.

— Ну, вотъ и отлично.—И, протянувъ ему руку, прибавила:— благодарю.

— А потомъ...—заговорилъ онъ.

— А потомъ?—перебила его Людмила Петровна.

— А потомъ поѣдемте съ нами.

— Куда?

— Въ артистическое турне. Вы подумайте только, что насъ

впереди ждетъ? Деньги, слава, лавры, оваціи, аплодисменты. А Волга-то, Волга... Вѣдь, мы все лѣто проведемъ на ней. Роскошный пароходъ, прелестный столъ. Уютная каюта, въ которой такъ покойно и мягко... веселая, дружеская компанія... музыка, пѣніе. А кругомъ, кругомъ-то? Живописные берега... горы, лѣса, города, монастыри. А лунныя ночи... а чистый, свѣжій воздухъ. А опьяняющія трели соловья.

— Вы, кажется, съ ума сошли? Нѣтъ?

— Сошелъ, сошелъ, это вѣрно,—вскрикнулъ онъ восторженно.—Но кто же виноватъ, какъ не вы сами. Да, вы, вы... Вы и только вы однѣ съ ума меня свели... Вѣдь, я люблю васъ... Клянусь вамъ...

— Ужъ не «первымъ ли днемъ созданья?» Ужъ не хотите ли сдѣлать меня царицей міра? Перестаньте. Я не Тамара и клятвамъ такимъ не вѣрю. Ступайте лучше къ женѣ. Она, бѣдненькая, по всей вѣроятности, очень объ васъ скучаетъ. До свиданья.

И, сдѣлавъ глубокій реверансъ, какія дѣлаютъ обыкновенно танцовщицы на сценѣ, она упорхнула въ свою комнату.

— Противная!—вскрикнулъ Понизовскій, проводивъ ее продолжительнымъ взглядомъ, а когда дверной замокъ щелкнулъ, стремительно выбѣжалъ изъ комнаты.

X.

Свадьба состоялась дня черезъ два послѣ описаннаго. Происходила она въ мѣстной приходской церкви, той самой, въ которой Людмила Петровна впервыя увидала своего суженаго, и только въ присутствіи посаженого отца, посаженой матери и двоихъ шаферовъ. Посаженымъ отцомъ былъ приглашенъ весь израненный и глухой генералъ Коробановъ, ходившій съ костылемъ и съ рукою на привязи,—посаженою матерью его супруга, бойкая и толстая генеральша, а шаферами—Понизовскій и Верхолетовъ. Въ качествѣ свидѣтеля былъ приглашенъ знакомый намъ докторъ Богданъ Богданычъ, но онъ почему-то запоздалъ и явился не въ церковь, куда бы слѣдовало, а въ квартиру Людмилы Петровны. И такъ, свадьба совершилась безъ малѣйшихъ торжествъ и самымъ скромнымъ образомъ. Порѣшено было, послѣ свадьбы выпить за здоровье молодыхъ по бокалу шампанскаго, напиться въ саду чаю и—по домамъ. Самъ лордъ въ церковь не поѣхалъ, а проводивъ Людмилу Петровну, остался въ ея квартирѣ, чтобы поприсмотрѣть за прислугой и встрѣтить новобрачныхъ честь-честью, съ хлѣбомъ и солью. По правдѣ сказать, его очень подмывало отпраздновать свадь-

бу съ «трескомъ» и «градомъ», чтобы весь городъ ахнулъ, но такъ какъ противъ этого была Людмила Петровна, то лорду и пришлось поумѣрить свои восторги. Это было очень досадно. Однако, онъ скоро утѣшился, вспомнивъ, что въ фешенебельныхъ кружкахъ Англіи скромныя свадьбы считаются даже нѣкоторымъ шикомъ.

Въ описываемый моментъ въ садикѣ была только одна горничная Людмилы Петровны, Фрося. Она успѣла уже накрыть большой столъ для чая и разставить все требующееся для чаепитія, не доставало только самовара, который въ ожиданіи молодыхъ бойко кипѣлъ въ кухнѣ, испуская цѣлые клубы пара. День былъ солнечный, теплый и потому садикъ имѣлъ праздничный видъ. Онъ, словно, тоже праздновалъ бракосочетаніе своей хорошенькой и заботливой хозяйки, радовался ея радости и разукрасился всѣми цвѣтами, какіе только у него имѣлись. Дѣйствительно, садикъ былъ очень хорошенькій. Онъ былъ на самомъ берегу Волги, и видъ на Волгу былъ оттуда восхитительный. Въ лѣвой сторонѣ виднѣлась часть дома съ балкономъ, убраннымъ парусинными драпировками и растеніями, вправо возвышались кусты сирени, а позади высокій досчатый заборъ, густо заросшій дикимъ виноградомъ. Въ заборѣ имѣлась калитка, выходившая на берегъ, а не подалеку отъ нея нѣчто вродѣ павильона, на верху котораго виднѣлась терраска, обнесенная рѣшеткой. Терраска эта была, какъ разъ, вровень съ заборомъ, и видъ изъ нея былъ превосходный. Изящная садовая мебель довершала красоту садика и придавала ему еще болѣе красоты и оживленія. Фрося тоже была разодѣта по-праздничному, и только одинъ бѣленькій фартучекъ обличалъ, что она была не въ числѣ гостей, а при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей. За то лицо ея дышало полною радостью. И, дѣйствительно, она отъ души радовалась за свою милую и хорошую барышню.

— Ну, — говорила она, — барышня моя вѣнчаться поѣхала. Сейчасъ генеральшей будетъ. Ужъ такъ-то я за нее рада, такъ-то рада. Да и она не нарадуется, сердечная. Да и то сказать, — продолжала она, разстанавливая посуду, — какъ и не радоваться? Такая же, какъ и я, мѣщанка была и, вдругъ, генеральша. Ужъ и смѣшная же только. Ну, говоритъ, Фрося, и тебя замужъ выдамъ... не за генерала, конечно, а ужъ чиновника куплю, — да, куплю тебѣ. А потомъ увидала на этомъ деревцѣ птичку, — прибавила Фрося, указывая на деревцо сирени, — и я, говоритъ, скоро такой же вольной пташкой сдѣлаюсь. На одной вѣточкѣ посижу, на другой, а потомъ — пырхъ... и поминай, какъ звали. Такая-то веселая, что просто животики надорвешь.

— Да что же это другой-то пенсіонеръ не идетъ?—спохватилась генеральша. И, обратясь къ Вырыпаеву, все еще торчавшему на террасѣ, крикнула.—Эй, пенсіонеръ!... На кого засмотрѣлся? Бабы что ли купаются? Иди-ка... Чай замерзъ!

— Сейчасъ,—отозвался тотъ.—Смотрю, какъ рыбу удятъ.

— Нашелъ чѣмъ любоваться,—проворчала генеральша.—Охъ, мнѣ эти пенсіонеры!... Никакого-то отъ нихъ толку... Только слава одна!

Замокъ балконной двери щелкнулъ, затѣмъ распахнулась дверь, и на балконѣ показался поваръ въ бѣлой курткѣ, бѣломъ колпакѣ и такомъ же фартукѣ. Въ одной рукѣ онъ держалъ блюдо съ ростбифомъ, а въ другой—пылавшій синенькимъ огонькомъ плумъпуддингъ.

— Ставь сюда,—крикнулъ Трухачевъ, увидавъ повара и похлопывая по столу рукой.—Выглядитъ хорошо,—прибавилъ онъ, понюхивая поставленныя на столъ блюда.

— Отлично, отлично!—подхватили всѣ.

— Ростбифъ нарѣзанъ?—спросилъ Трухачевъ.

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ поваръ, подавая Трухачеву какую-то записку.

— Это что такое?

— Записочка-съ.

— Отъ кого?

— Отъ ея превосходительства, отъ барыни.

— Отъ Людмилы Петровны?

— Такъ точно-съ.

— Да, вѣдь, ея превосходительство ботинки мѣнять пошла?

— Никакъ нѣтъ-съ, они уѣхали и горничную съ собой взяли.

Всѣ были до того удивлены этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что даже привстали съ мѣстъ.

— Быть не можетъ!—вскрикнула генеральша.

Но поваръ подтвердилъ сказанное и даже прибавилъ подробности отъѣзда Людмилы Петровны.

— Наняли извощика,—говорилъ онъ,—взяли съ собой небольшой сакъ-вояжикъ и уѣхали... А вамъ приказали эту записочку передать. Кланяйся, говоритъ, и передай.

Трухачевъ словно ушамъ не вѣрилъ.

— Господа,—бормоталъ онъ, растеряннымъ голосомъ.—Что же это такое? Я ничего не понимаю!

Ничего не понимали и остальные, и только одна генеральша оставалась въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

— Да прочитай ты записку-то, шутъ ты гороховый!—разсердилась она, подбѣжавъ къ Трухачеву.—Ну что ты нюни-то распустилъ, словно баба!

— Да ужъ я и читать-то боюсь,—пробормоталъ онъ, совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

Генеральша выхватила у него записку и передала ее стоявшему рядомъ Верхолетову.

— Читай!—приказала она.

— Позволишь?—спросилъ было Верхолетовъ, обращаясь къ Трухачеву, но генеральша топнула на него ногой и окончательно разсердилась.

— Да читай же, чортъ тебя возьми!—крикнула она.

И Верхолетовъ прочиталъ слѣдующее:

«Милостивый государь, Леонидъ Григоричъ. Я приглашена въ оперное сосьете, совершающее артистическое турнэ по Волгѣ и въ слѣдующій же вторникъ должна танцовать лезгинку въ оперѣ «Демонъ». Сію минуту сажусь на пароходъ».

— Пароходъ! пароходъ!—закричалъ вдругъ Вырыпаевъ съ террасы, показывая на бѣжавшій вдалекѣ пароходъ.—Не разберу только, какъ называется.

— Да читай же,—крикнула генеральша, лицо которой принимало довольное выраженіе, словно какъ она вполнѣ сочувствовала случившемуся.

«Мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Понизовскимъ, который тоже во вторникъ поетъ въ «Демонѣ» заглавную роль. Извините, что такъ внезапно уѣзжаю, но долгъ службы прежде всего. Всѣмъ мой поклонъ. Преданная вамъ генеральша Вырыпаева. Ростбифъ и плумъ-пуддингъ посылаю».

Генеральша даже въ восторгъ пришла.

— Вотъ это я понимаю,—вскрикнула она подбоченясь и подбѣгая къ упавшему на диванчикъ Трухачеву.—Молодецъ дѣвка! Ты съ ней вздумалъ комедіи разныя разыгрывать, а она съ тобой по-балетному... Такъ васъ, дураковъ, и надо.

— Дураковъ, дураковъ, говорите вы? Такъ я дуракъ по-вашему?—кричалъ Трухачевъ, вскочивъ съ мѣста.—Такъ нѣтъ же. Я докажу вамъ, какой я дуракъ.

И, обратясь къ Вырыпаеву, крикнулъ:

— Ваше превосходительство... Да будетъ вамъ тамъ глаза-то таращить... Слѣзайте-ка... Жена ваша убѣжала... Воротите ее... телеграфируйте, чтобы назадъ ее... по этапу... кандалы ей... Слышите ли, что я вамъ говорю?

БАБЬЕ ЛѢТО.

Разсказъ.

Qui n'a pas l'esprit de son âge,
De son âge a tout le malheur.
Voltaire.

I.

Въ блѣдно-голубомъ будуарѣ Антонины Михайловны топился каминъ и нѣжно пахло гіацинтами, ландышами и розами, наполняющими большую фарфоровую раковину, которую везетъ амуръ. Къ аромату цвѣтовъ примѣшивался запахъ peau d'Espagne, пудры и свѣжаго воздуха. Антонина Михайловна только что вернулась съ прогулки по Морской и Набережной и, стоя передъ зеркаломъ, снимала шляпку, напѣвая въ полголоса шансонетку, слышанную ею въ Парижѣ.

— Варюша!—крикнула она въ сосѣднюю комнату,—Варюша, если еще заѣдетъ Петръ Петровичъ, ты выйдешь къ нему и скажешь, что я больна или уѣхала,—однимъ словомъ, скажешь ему все, что хочешь. А также, что я прошу не безпокоить меня больше.

Варюша или Варвара Ѳедоровна вошла въ комнату. Это былъ неизмѣнный, вѣрный другъ Антонины Михайловны, готовый идти за нее и въ огонь, и въ воду. Она была черна, плоска и неуклюжа. Платье всегда сидѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ, голосъ былъ грубъ и рѣзокъ, и злые языки говорили, что удивительная дружба ея съ Антониной Михайловной была не безвыгодна для Варюши въ матеріальномъ отношеніи и происходила оттого, что непривлекательность ея еще болѣе оттѣняла и выставляла на видъ красоту Тони.

Теперь Варюша, нерѣшительно переступая съ ноги на ногу, постояла въ дверяхъ и произнесла:

— Что-жъ, я, пожалуй, скажу. Мнѣ все равно.

Антонина Михайловна провела слегка пуховкой по своему свѣжему, чуть-чуть порозовѣвшему на морозѣ лицу, отчего оно сдѣлалось еще нѣжнѣе и мягче. Потомъ она поправила волнистые волосы, такъ красиво лежащіе на маленькой, изящной головѣ, и бѣглымъ, внимательнымъ взглядомъ окинула себя всю въ трехстворчатое зеркало.

Ну, кто скажетъ, что ей уже 36 лѣтъ, что у нея трое дѣтей, что она была несчастна въ замужствѣ, разошлась съ мужемъ, перенесла тяжелую нервную болѣзнь и что въ ея жизни было много горя и всякихъ непріятностей?

Рѣшительно никто.

Есть, правда, маленькія черточки около глазъ, есть нѣсколько сѣдыхъ волосъ, но кто же и сумѣетъ разсмотрѣть ихъ въ этотъ вѣкъ близорукихъ людей, носящихъ pince-nez чуть не со дня рожденія?

Нѣтъ, она хороша еще, она остроумна, она богата, и, о счастье, она, кромѣ всего этого, еще совершенно свободна!

Съ мужемъ своимъ, Петромъ Петровичемъ, она разошлась навсегда, хотя формальнаго развода и не было. Да и къ чему?

Другой разъ замужъ она ни за что не пойдетъ, хотя теперь есть серьезный претендентъ на ея руку—Михаилъ Ивановичъ Палтовъ. Это человѣкъ вполнѣ достойный, умный, съ блестящею карьерой; но онъ скученъ, и Антонина Михайловна его не любитъ. Скоро будетъ два года, какъ она оставила своего мужа, и теперь онъ снова дѣлаетъ всевозможныя попытки, чтобы сблизиться съ нею. Онъ дѣйствуетъ и черезъ родныхъ, пишетъ письма и заѣзжаетъ самъ, хотя его не велѣно принимать. Онъ умоляетъ Антонину Михайловну вернуться, унижается и готовъ на всевозможныя уступки.

Но все напрасно.

И чѣмъ не хорошо ея теперешнее положеніе?

Во-первыхъ,— а это самое важное,— у нея свое совершенно независимое состояніе. Съ нею живетъ ея мать, Варюша и старшій сынъ юнкеръ. Дѣвочки у отца, и это причиняетъ Антонинѣ Михайловнѣ не мало горя. Она также не теряетъ надежды, что ей возвратятъ ихъ, и энергично хлопочетъ объ этомъ черезъ своего повѣреннаго. Теперь у нея образовался небольшой кружокъ симпатичныхъ ей людей, и теперь она принимаетъ и ѣздитъ исключительно къ тѣмъ, кто ей нравится. Да, теперь она свободна!

Антонина Михайловна позвонила и велѣла подать себѣ темнокрасный плюшевый капотъ, отдѣланный парижскими вышивками, жемчугомъ и золотомъ по блѣдно-розовой кисеѣ. Она вдѣла въ уши

крупную бирюзу, осыпанную брилліантами, и застегнула на шеѣ какой-то парюръ въ видѣ ожерелья съ большимъ фермуаромъ.

Въ это время раздался звонокъ, и Филиппъ, постучавъ предварительно у дверей будуара, доложилъ, что пріѣхалъ поручикъ Давыдовъ.

— Проси сюда,—сказала Антонина Михайловна.

Ей доставляло удовольствіе теперь, когда она была совершенно свободна, дѣлать часто многое наперекоръ тому, что было принято. Такъ, она иногда принимала не въ гостиной, а въ будуарѣ, почти спальной, потому что за атласнымъ щитомъ стояла кровать, широкая и низкая, по виду похожая на гондолу.

Послышалось бряцаніе шпоръ, и въ дверяхъ показалась широкоплечая и высокая фигура поручика Давыдова. Онъ слегка прикоснулся своими шелковистыми усами къ ея рукѣ и, быстрымъ взглядомъ охвативъ ее съ ногъ до головы, сказалъ, небрежно цѣдя слова:

— Прелестно! Я еще не видалъ у васъ этого капота.

Онъ бросилъ перчатки въ фуражку и, не ожидая приглашенія, опустился на диванъ, подложивъ подъ бокъ для удобства голубую съ вензелемъ подушку.

— Ненавижу эти вѣчныя темныя платья, — продолжалъ онъ тономъ паши,—или еще этотъ вашъ хваленый «genre anglais». Женщина для того, чтобы намъ нравиться, должна быть женственной прежде всего. А такъ какъ вы одѣваетесь для насъ, то и нечего копировать мужчинъ.

Антонина Михайловна полулежала на кушеткѣ и смѣялась. Давыдовъ ей рѣшительно нравился этой своей безцеремонностью, доходящей иногда до дерзости, этой «desinvoltura», какъ говорятъ итальянцы, съ какою онъ держалъ себя. Онѣ съ Варюшей такъ и прозвали его между собою: «Monsieur Sans-gêne».

Давыдовъ досталъ изъ кармана часы со множествомъ брелоковъ и сказалъ въ пространство тономъ избалованнаго ребенка:

— Уже шесть часовъ. Когда же въ этомъ домѣ обѣдаютъ?

— Будемъ обѣдать, будемъ,— смѣялась Антонина Михайловна.—Только надо немного подождать, еще не всѣ пріѣхали. О, какъ мы нетерпѣливы!

— А кого мы ждемъ? Кого? кого? кого?—спрашивалъ Давыдовъ, пересѣвшій на кресло рядомъ съ кушеткой, покрывая жадными поцѣлуями маленькія, изнѣженныя руки Антонины Михайловны.

Она нервно смѣялась, откидывая назадъ голову, и, отмахиваясь, говорила съ притворною строгостью:

— Оставьте сейчасъ мои руки, Александръ Иванычъ! Что вы дѣлаете? Ну, какъ вамъ не стыдно! Вѣдь я не изъ дерева... ну, меня это волнуетъ, наконецъ... Оставьте сію минуту... Слышите?

— Антонина Михайловна, — говорилъ Давыдовъ, продолжая цѣловать ея руки, причемъ свѣтлые и наглые глаза его смотрѣли ей прямо въ лицо.—Антонина Михайловна, это, наконецъ, жестоко. Отчего вы не хотите полюбить меня?

— Перестаньте!—строго сказала Антонина Михайловна.—Не хочу, потому что это дурно.

— Наоборотъ,—запротестовалъ Давыдовъ,—увѣряю васъ, это такъ хорошо, такъ безподобно... Попробуйте!...

И онъ все цѣловалъ маленькія руки. Но въ это время въ глубинѣ будуара открылась дверь, и показалась Варюша. Пріятно улыбаясь и показывая испорченные зубы, она сказала:

— Pardon, Тони, тамъ въ гостиной дядя и Палтовъ ожидаютъ тебя. Можно подавать обѣдъ?

— Ахъ, Варвара Өедоровна, Варвара Өедоровна, — говорилъ Давыдовъ, идя за дамами въ гостиную.—У васъ удивительный талантъ всегда войти вò-время!

Дядя, толстый молодящійся генералъ съ большимъ хищнымъ носомъ и простуженнымъ, но все еще зычнымъ голосомъ, и Палтовъ, блѣдный и худой, съ ученымъ значкомъ на груди, поднялись на встрѣчу.

Антонина Михайловна знала, что оба влюблены въ нее, и видѣла теперь по ихъ глазамъ, что они находятъ ее очень интересной въ этомъ красномъ плюшѣ и любуются ею, и это ей было пріятно.

Обѣдъ былъ плохъ и безвкусенъ. Антонина Михайловна была равнодушна къ ѣдѣ и требовала одного, чтобы все было хорошо подано. Хозяйствомъ завѣдывала Варюша. Но если обѣдъ былъ не вполнѣ удовлетворителенъ, за то вина, закуски, ликеры и сигары были превосходны.

Къ столу изъ внутреннихъ комнатъ вышла маленькая, очень полная старуха въ коричневомъ шелковомъ платьѣ и кружевномъ чепцѣ,—мать Антонины Михайловны. Старуха всѣмъ кротко улыбалась и когда говорила съ чужими, то почти къ каждому слову прибавляла по-старинному частицу «съ». Замѣчательно, что она не дѣлала этого, когда говорила съ близкими. Впрочемъ, она всегда больше молчала, и про нее сейчасъ же всѣ забывали, какъ про старую, ненужную мебель.

Вечеромъ играли въ винтъ, и пріѣхало еще двое молодыхъ людей изъ числа бывающихъ вездѣ.

Одинъ штатскій брюнетъ, а другой маленькій, бѣлобрысый офицеръ, похожій на котенка.

Филиппъ принесъ въ гостиную вина, ликеры, сигары и фрукты и, поставивъ возлѣ каждаго изъ играющихъ по стакану, постоянно подливалъ въ нихъ вино.

Въ два часа ночи всѣ пошли ужинать. Генералъ попробовалъ было сочинить экспромтъ по-французски въ честь хозяйки, но запутался, и у него ничего не вышло. Тогда онъ сталъ разсказывать старые, всѣмъ давно извѣстные анекдоты, и при этомъ онъ дѣлалъ видъ, какъ будто говоритъ ужасныя неприличности. Антонина Михайловна нервно смѣялась, бриллiанты горѣли у нея въ ушахъ и на груди. А послѣ ужина она пѣла шансонетки, которымъ научилась за свою послѣднюю поѣздку въ Парижъ. Она спѣла, болѣе или менѣе удачно копируя Ивэтту Гиберъ и другихъ кафешантанныхъ пѣвичекъ: «Les plumes de Poan», и «Sur l'imperiale», и «Le vieux Monsieur du conservatoire».

Варюша принесла гитару. Антонина Михайловна, аккомпанируя себѣ сама, запѣла цыганскія пѣсни.

«Я ждалъ тебя,
Часы текли уныло,
Какъ старые, докучные враги,
Всю ночь меня будилъ твой голосъ милый,
И чьи-то слышались шаги»...

Всѣ были въ восторгѣ и шумно окружили ее. Дядя, выпившій уже три бокала шампанскаго, воскликнулъ съ паѳосомъ:

— Нѣтъ, вотъ это женщина! Удивительная, необыкновенная женщина! И никто, никто не понимаетъ ее! Нѣтъ, никто!

Давыдову нравилась красивая женщина, съ гитарой въ рукахъ, можетъ быть потому, что напоминала ему цыганъ и кутежи, — и онъ тоже восхищался пѣніемъ и кричалъ браво! Молодые люди пили шампанское и цѣловали ручки. Палтовъ молчалъ и ему хотѣлось плакать.

А Антонина Михайловна была глубоко увѣрена въ эту минуту въ томъ, что она необыкновенная, удивительная женщина, которую никто не можетъ понять, и ей хотѣлось любить весь міръ.

Потомъ всѣ разомъ поднялись и стали прощаться, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы никто не оставался послѣднимъ, и шумно вышли на улицу.

Былъ шестой часъ утра. На слѣдующій день Антонина Михайловна проснулась поздно, и у нея слегка болѣла точка надъ лѣвой бровью.

II.

Палтовъ писалъ размашистымъ, твердымъ почеркомъ человѣка, привычнаго къ письменнымъ занятіямъ:—«Я люблю васъ, и хотя глубоко сознаю, что любить васъ не должно, что любовь эта не принесетъ мнѣ ничего, кромѣ мученій,—но, все-таки, люблю. Я всю эту ночь думалъ о васъ и слышалъ вашъ голосъ...»

Тутъ Антонина Михайловна нетерпѣливо пропустила нѣсколько строчекъ, гдѣ онъ говорилъ о своихъ чувствахъ, и стала читать дальше:

«На правахъ стараго друга, позвольте быть съ вами откровеннымъ и предостеречь васъ, пока еще есть время. Зачѣмъ вы допускаете до такой близости поручика Д.? Это безнравственный, бездушный и пустой человѣкъ, относящійся къ женщинѣ безо всякаго уваженія. И вы компрометируете себя уже тѣмъ однимъ, что принимаете его...»

Далѣе начинались извиненія и увѣренія въ неизмѣнной преданности и любви.

Это письмо Антонина Михайловна разорвала съ досадой и бросила въ каминъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто просилъ Палтова вмѣшиваться не въ свои дѣла?

— Постойте, Дуняша, — сказала она горничной, убиравшей кофе. — Я замѣтила, что вы, кажется, позволяете себѣ носить мои матинэ. Что бы этого не было.

Послѣ завтрака Антонина Михайловна надѣла барашковую кофточку и такую же шляпку, съ двумя острыми черными крыльями сбоку, и поѣхала съ Варюшей кататься въ парныхъ саняхъ, каждый день съ двухъ часовъ ожидавшихъ ее у подъѣзда.

На улицѣ было весело. Свѣтило яркое февральское солнце, слегка подмораживало, и въ воздухѣ пахло блинами и масляницей.

Звонили колокольчики чухонскихъ санокъ, на-встрѣчу попадались тройки, огромныя четырехмѣстныя сани на высокихъ полозьяхъ, коляски, кареты и одиночки.

На углу Невскаго и Большой Морской стоялъ Давыдовъ съ двумя офицерами. Онъ поклонился, и блѣдныя щеки Антонины Михайловны чуть-чуть порозовѣли.

Проѣхавъ два раза по Морской и разъ по набережной, Антонина Михайловна велѣла кучеру ѣхать къ гадалкѣ, Татьянѣ Ивановнѣ.

Отъ гадалки поѣхали въ музей восковыхъ фигуръ и всякихъ рѣдкостей и уродствъ. Тутъ были и лилипуты, и укротительница

змѣй, и человѣкъ съ птичьей головой и, наконецъ, дѣвица-обезьяна. Въ Парижѣ эта дѣвица имѣла большой успѣхъ между клубменами. Она была добродушно-отвратительна, вся покрытая коричневыми волосами съ головы до ногъ, и граціозно улыбалась зубастымъ ртомъ съ толстыми губами.

Антонина Михайловна съ любопытствомъ оглядѣла ее въ свой лорнетъ и даже погладила по рукѣ.

— Странный вкусъ у этихъ господъ,—сказала она Варюшѣ, которая въ отвѣтъ только мотнула головой.

Изъ музея отправились въ книжный магазинъ, а оттуда заѣхали въ Казанскій соборъ и поставили по свѣчкѣ. Было уже пять часовъ, когда пріѣхали домой, а въ шесть надо было ѣхать обѣдать къ Виригинымъ.

Собираясь къ нимъ, Антонина Михайловна надѣла черную бархатную юбку и ярко-красный фракъ съ бѣлымъ шелковымъ жилетомъ, какъ носили это лѣто всѣ дамы на водахъ во время вечернихъ собраній въ Висбаденѣ и Эмсѣ.

Варюша тоже надѣла фракъ съ шерстяной коричневой юбкой. Но ея фракъ былъ гораздо темнѣе и вообще плохая копія съ фрака Антонины Михайловны, шитаго Редферномъ.

У Виригиныхъ были блины, и собрались родственницы m-me Виригиной.

Давыдовъ сидѣлъ въ гостиной между родственницами и имѣлъ скучающій видъ.

— За что, за что вы меня мучаете? — говорилъ онъ ей послѣ обѣда и потомъ вечеромъ, сидя съ нею возлѣ рояля.—Вѣдь, жизнь проходитъ, и сегодняшній день, повѣрьте, уже никогда больше не вернется. А подумайте, сколько уже такихъ дней потеряно нами. И для чего? Изъ - за чего? — Вѣдь, вы совершенно свободны... а жизнь хороша, и вы не живете вовсе... Удивляюсь, какъ вы не понимаете этого,—вы, умная женщина!...

А она нервно смѣялась и, стараясь скрыть смущеніе, овладѣвавшее ею, кричала Варюшѣ, сидѣвшей поодаль.

— Non, vraiment, il est impayable, tu n'as pas l'idée, ce qu'il me raconte là!

— Ну, отчего вы не хотите, чтобы мы были счастливы?— продолжалъ Давыдовъ, наклоняясь къ ней такъ близко, что концы его усовъ почти касались ея щеки.—Чудная, прелестная! Я, право, удивляюсь самъ себѣ. Да, я удивляюсь, что, не имѣя никакой надежды, продолжаю, все-таки, увлекаться вами... Это такъ идеально-глупо, что право во мнѣ есть еще положительно много

хорошаго!—И, близко пагнувшись къ ней, прошепталъ, какъ бы случайно скользнувъ рукою по ея ногѣ...

— Не мучьте, я люблю васъ...

Оскорбленная этой фамильярностью, Антонина Михайловна встала со своего мѣста и перешла къ дамамъ. Щеки ея горѣли, и голова слегка кружилась. И несмотря на то, что она была оскорблена, сердце ея сладко замирало.

Садясь въ карету, она сказала провожавшему ее и Варюшу Давыдову: «До свиданья».

Послѣ этого вечера онъ исчезъ и не былъ больше недѣли.

Антонина Михайловна продолжала вести все тотъ же, разъ навсегда заведенный образъ жизни. Она вставала поздно, каталась каждый день съ Варюшей отъ 2 до 5 часовъ, читала романы, напѣвала шансонетки, заказывала себѣ удивительно женственные туалеты, а вечера проводила въ оперѣ, Михайловскомъ театрѣ или у знакомыхъ.

Но все время думала только о Давыдовѣ.

За это время даже мысль о дѣтяхъ, не оставлявшая ее никогда, даже эта мысль спряталась куда-то далеко, въ самую отдаленную извилину мозга.

Отчего онъ не ѣдетъ? Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Нельзя же такъ вдругъ оборвать. И изъ-за чего? Никакого недоразумѣнія, вѣдь, между ними не было... И каждый день Антонина Михайловна ждала, что Давыдовъ, наконецъ, пріѣдетъ, а онъ все не пріѣзжалъ. Во время прогулки она надѣялась встрѣтить его и, дѣйствительно, видѣла его на Морской раза два мелькомъ.

Онъ холодно и вѣжливо поклонился ей издали.

И это было все.

Насталъ постъ. Колокольчики чухонскихъ санокъ не звонили больше на улицахъ, и всюду лежали груды почернѣвшаго снѣга. Въ церквахъ молились о ниспосланіи духа цѣломудрія, смиренномудрія, любви и терпѣнія, и протяжный, грустный звонъ раздавался въ воздухѣ утромъ и вечеромъ. Антонина Михайловна тоже ѣздила съ Варюшой по церквамъ и монастырямъ, гдѣ усердно молилась и слушала меѳимоны. Но и въ церкви мысли ея были о *немъ* одномъ, и она молилась только о томъ, чтобъ увидѣть *его*, чтобъ *онъ* вернулся.

— Я люблю его! Мнѣ нужно его! Господи, сдѣлай такъ, чтобъ онъ вернулся...

Но на другой день утромъ ей дѣлалось стыдно своихъ слезъ и своей тоски; гордость ея возмущалась.

На второй недѣлѣ поста, когда мокрый снѣгъ валилъ хлопьями, и небо, земля и воздухъ обратились въ сплошную, жидкую грязь, Антонина Михайловна, чувствуя тоску и глубокое отвращеніе къ жизни, лежала на кушеткѣ возлѣ камина и читала или воображала, что читаетъ «La tentation de St. Antoine» Флобера. И несмотря на тоску, какую-то лѣнь и апатію, ее заинтересовала понемногу эта страшная книга. Воображеніе рисовало странныя, чудесныя картины. Всѣ религіи, культы, вѣрованія, языческія божества, весь Олимпъ, сцены Новаго и Ветхаго Завѣта въ совершенно новомъ освѣщеніи, проходили передъ нею въ пестромъ калейдоскопѣ. Порою ей казалось, что должно быть грѣшно читать такую книгу,— настолько сильно и ярко было впечатлѣніе.

Антонина Михайловна зачиталась.

Маленькіе часики изъ севрскаго фарфора, стоявшіе на каминѣ, звонко пробили сначала часъ, потомъ два и, наконецъ, три часа, а она все читала.

А вотъ и знаменитый діалогъ сфинкса съ химерой на берегу Нила. Загадочный, неподвижный и темный сфинксъ говоритъ, обращаясь къ легкой, капризной и веселой химерѣ съ зелеными глазами: «Oh fantaisie, emporte moi sur tes ailes pour désennuyer ma tristesse!» (О фантазія, унеси меня на твоихъ крыльяхъ, чтобы развѣять мою тоску). И ей казалось, что душа ея такой же грустный, никѣмъ не понятый сфинксъ, какъ тотъ, который лежитъ вѣками тамъ въ пустынѣ, на берегу голубого Нила, и горячо молитъ химеру-фантазію унести его на своихъ крыльяхъ и развѣять его грусть.

Вдругъ раздался звонокъ.

«Искушеніе святого Антонія» полетѣло на полъ, и сердце Антонины Михайловны забилось часто и больно.

Но Филиппъ доложилъ, что пріѣхалъ Михаилъ Ивановичъ Палтовъ.

Антонина Михайловна подняла книгу и сдѣлала видъ, что читаетъ, сказавъ равнодушнымъ голосомъ: «Проси».

И Палтовъ вошелъ, такой блѣдный съ убитымъ видомъ...

— Простите, началъ онъ,—цѣлуя руку Антонины Михайловны, между тѣмъ, какъ въ его большихъ утомленныхъ глазахъ свѣтилась радость, что онъ, наконецъ, видитъ ее.—Простите великодушно,—повторялъ онъ,—я не долженъ былъ писать вамъ тогда. Не гнѣвайтесь, умоляю васъ! И вѣрьте, что мною тогда руководило единственно глубокое къ вамъ чувство.

Антонина Михайловна, совершенно забывшая за это время о

Палтовѣ и о его письмѣ, сказала равнодушнымъ голосомъ, любезно улыбаясь:

— Вѣрю, вѣрю, и нисколько не сержусь.—И указала ему на кресло возлѣ кушетки.

Тогда Палтовъ заговорилъ своимъ глухимъ голосомъ, тяжело и пространно, о своей любви и о тѣхъ страданіяхъ, какія она причиняетъ ему. Безъ сомнѣнія, онъ былъ искрененъ, но выходило такъ, какъ будто плохой актеръ взялся за роль Ромео или за монологъ Гамлета.

— Одинокая жизнь ужасна,—говорилъ онъ,—особенно страшно быть одному, когда молодость пройдетъ и когда захочется серьезной, глубокой привязанности. Придетъ и для васъ время,—продолжалъ онъ голосомъ пророка,—когда и вы захотите этого настоящаго, глубокаго чувства, но будетъ поздно, и вы будете одна. Теперь вы радуетесь своей свободѣ. А знаете ли, что такой женщинѣ, какъ вы, свобода—ядъ? Такая женщина всегда только воображаетъ, что свободна, а на самомъ дѣлѣ она всегда чему-нибудь подчинена... Мало того, она тогда только и счастлива, когда порабощена. А она всегда во власти своихъ страстей...

Палтовъ въ волненіи прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ.

Вѣроятно, въ тишинѣ и уединеніи своего кабинета онъ готовился къ этому свиданію съ Антониной Михайловной, какъ готовился къ лекціямъ и экзаменамъ. Онъ продумалъ основательно все то, что теперь говорилъ ей, и оттого все выходило у него такъ неискренно и книжно.

И онъ говорилъ долго и пространно, а она лежала на своей голубой кушеткѣ и, положивъ блѣдное лицо на руки, мрачно глядѣла въ огонь и думала: «Какъ онъ скученъ,— о боги! И если такъ, да на всю жизнь!...»

Когда онъ ушелъ, она взялась было снова за Флобера, но вниманіе ея было слишкомъ развлечено и не могло уже больше сосредоточиться.

Она утомленно опустила голову на подушки, и ей вспомнились слова Давыдова: «Вѣдь, ваша жизнь уходитъ даромъ, и сегодняшній день не вернется уже никогда больше...» А ей уже 36 лѣтъ.

Много ли остается жить?...

И она повторяла въ раздумьѣ, съ тоскою заломивъ руки:

— Да, сегодняшній день пройдетъ и никогда, никогда больше не вернется...

Наступали сумерки, и все въ комнатѣ затуманилось и потеряло яркость красокъ и очертаній... Въ каминѣ съ легкимъ трескомъ

одинъ за другимъ погасали уголья и покрывались сѣдымъ пепломъ, и Антонина Михайловна подумала, что такъ же погаснетъ ея жизнь, какъ погасла ея молодость. Цвѣты умирали въ фарфоровой раковинѣ, нѣжно и слабо благоухая: ихъ поставили слишкомъ близко къ огню.

Маленькіе часики звонко пробили половину четвертаго. И глухая, нестерпимая тоска выросла съ новою силой. Гдѣ онъ? Неужели все кончено, и она его никогда, никогда больше не увидитъ? Неужели она будетъ лишена счастья полюбить, узнать страсть,—настояшую, сильную, всепоглощающую страсть?

И снова, и снова видѣла она передъ собою свѣтлые глаза Давыдова съ ихъ густыми, загибающимися кверху, рѣсницами, и ихъ блескъ волновалъ ее. Подумалось ей также, что за эти два года, да и за всѣ долгіе годы замужства, она не жила вовсе, а только убивала день за днемъ, стараясь обмануть себя и воображая, что живетъ; что живя съ нелюбимымъ мужемъ, она была все время вѣрна ему,—и ей стало грустно... Жизнь уходила безъ любви и счастья, и, можетъ быть, потому только, что она, Антонина Михайловна, не умѣла пользоваться жизнью, не умѣла быть счастливой...

И снова ей пришли на умъ слова Давыдова: «Вѣдь, жизнь уходитъ,— отчего вы не хотите, чтобы мы были счастливы?... Вѣдь, вы совершенно свободны, вы умная женщина...»

И когда раздался звонокъ, она сразу почувствовала, что это онъ; она даже ни минуты не сомнѣвалась въ этомъ и съ радостнымъ крикомъ, которому позавидовала бы любая знаменитая актриса,—такъ онъ былъ хорошъ,—бросилась къ нему на встрѣчу. Давыдовъ вошелъ прямо безъ доклада, такой жизнерадостный и неотразимый въ своей простой философіи. Подошелъ и обнялъ ее.

А она, потерявъ голову, уже не разсуждала больше и не могла, да и не хотѣла ему противиться. Налетѣвшій вихрь страсти былъ такъ силенъ, что смялъ и уничтожилъ послѣдніе, робкіе протесты воли...

Антонину Михайловну охватило сладкое безуміе, за которое можно было отдать всю жизнь. Ей казалось, что она грезитъ, но что сонъ этотъ слишкомъ хорошъ и странно похожъ на дѣйствительность, но на совершенно новую, прекрасную дѣйствительность, ошеломившую ее своею неожиданностью. Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Должно быть пошелъ снѣгъ. Каминъ погасъ, и только цвѣты слабо благоухали...

III.

Давыдовъ былъ женатъ, но съ женою не жилъ. Женился онъ, или, вѣрнѣе, его женили еще совершеннымъ мальчикомъ, едва вышедшимъ въ офицеры. Виною его женитьбы была сельско-хозяйственная выставка, какъ онъ самъ увѣрялъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Потому что не будь выставки, онъ бы не пріѣхалъ изъ мѣстечка, гдѣ стоялъ его полкъ, въ губернскій городъ, а не пріѣзжай онъ въ губернскій городъ, то не встрѣтилъ бы тамъ только-что окончившую курсъ въ институтѣ «бѣлокурую грёзу»,— свою будущую жену, каждый день пріѣзжавшую со своей мамашей «гулять» на выставку. Она была очень хороша и знала про это. Ея точеное личико, золотистые волосы, нѣжные темные глаза и прелестная фигура обращали на себя всеобщее вниманіе.

Явились поклонники.

Но мамаша, пріѣхавшая съ твердымъ намѣреніемъ непремѣнно выдать замужъ какъ можно скорѣе эту старшую дочь, рѣшительно и круто повела дѣло.

Въ деревнѣ осталось еще три дочери, и объ нихъ тоже надо было подумать. Поэтому мамаша дѣйствовала, какъ опытный полководецъ, ловко отстранивъ несерьезныхъ ухаживателей, а также искусно разжигая соревнованіе, ревность и самолюбіе между, такъ называемыми, «женихами».

Давыдову захотѣлось отличиться передъ товарищами, завладѣвъ красавицей, и онъ бухнулъ предложеніе, которое было принято съ радостью. Давыдовы считались богатыми помѣщиками.

На самомъ дѣлѣ, дѣды и отцы жили широко, и теперь все было заложено и перезаложено. Но сопротивляться было некогда,—мамаша спѣшила со свадьбой. Институткѣ было тоже все равно. Женихъ былъ очень недуренъ, къ тому же съ состояніемъ, какъ ей сказали, а въ институтѣ считалось шикомъ передъ подругами выйти замужъ, «едва появившись въ свѣтъ», да еще за военнаго.

Стоя подъ вѣнцомъ въ модной домовой церкви и крутя первые свои шелковистые усики, Давыдовъ думалъ, искоса поглядывая на нарядную толпу приглашенныхъ: «Кажется, я удралъ порядочную глупость,—ну, да теперь ужъ поздно удирать обратно!»

Бѣлокурая невѣста, походившая въ облакахъ бѣлаго тюля и въ волнахъ бѣлаго атласа, отдѣланнаго fleurs d'orange'емъ, болѣе чѣмъ когда-либо на «грёзу поэта», судорожно мяла въ рукахъ кружевной платокъ и чуть-чуть хмурила тонкія бровки. Она была раздосадована и возмущена. Еще бы! Женихъ не преподнесъ ей ни одной брилліантовой вещи. Стоило ли выходить замужъ послѣ этого?

Невѣсту, впрочемъ, утѣшала одна мысль,—это, что теперь она выходитъ замужъ «на-черно», и что потомъ всегда можно будетъ выйти «на-бѣло», то-есть взять мужа, который удовлетворялъ бы всѣмъ требованіямъ, а съ этимъ развестись. Увы! И эта теорія россійскихъ demi-vièrge'ей успѣла проникнуть за толстыя стѣны институтовъ, несмотря на всѣ предосторожности.

Послѣ брака Давыдовъ безумно влюбился въ свою жену. Онъ смотрѣлъ на все ея глазами, ходилъ за нею, какъ пришитый, и ни въ чемъ не могъ отказать ей. А молодая m-me Давыдова любила все дорогое, красивое и такое, чего не было у другихъ. «Бѣлокурая грёза» стоила очень дорого, была очень требовательна и очень капризна. Кромѣ того, она была совершенно равнодушна ко всему, кромѣ себя, своей красоты и своего комфорта. Жить въ провинціи она не могла, перессорилась со всѣми полковыми дамами и настояла на томъ, чтобы мужъ перешелъ на службу въ Петербургъ. На другой годъ послѣ свадьбы у нея былъ любовникъ, дарившій ей брилліанты, и она оставила мужа.

Съ Давыдовымъ сдѣлалось нервное разстройство, и онъ пролежалъ въ больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Выйдя оттуда, еще больной и слабый, онъ узналъ, что «бѣлокурая грёза» собирается замужъ за своего любовника уже «на-бѣло» и что уже начала дѣло о разводѣ.

Онъ далъ ей разводъ, и она вышла замужъ.

Теперь иногда онъ встрѣчалъ ее въ театрѣ или на улицѣ, и она всегда улыбалась ему, какъ старому знакомому.

Но надо было жить. Болѣзнью выболѣло горе, и молодость брала свое. Денежныя дѣла были совершенно разстроены, жалованье крошечное, арендаторы высылали ежемѣсячно по 50-ти рублей, да и то не аккуратно.

На эти скудные рессурсы надо было жить, то-есть пить, ѣсть, одѣваться, бывать въ обществѣ, любить и, кромѣ того, держать себя джентльменомъ.

Но и эту сложную и хитрую задачу Александръ Ивановичъ Давыдовъ разрѣшалъ необыкновенно просто. Впрочемъ, надо сказать и то, что нигдѣ нельзя такъ удобно и легко устроиться одинокому молодому человѣку, обладающему, конечно, ловкостью и пріятными внѣшними качествами, какъ въ Петербургѣ. Ужъ такой городъ!

Послѣ семейной катастрофы Давыдовъ уѣхалъ изъ своей бывшей, изящно и богато убранной квартиры и сталъ нанимать комнату отъ хозяйки. Такую комнату онъ всегда старался найти въ тихой, но центральной улицѣ, въ домѣ внушительной наружности

и непремѣнно съ парадною лѣстницей и благообразнымъ швейцаромъ. Всѣмъ посѣтителямъ этотъ швейцаръ разъ навсегда получалъ приказаніе отказывать подъ разными предлогами. За комнату Давыдовъ платилъ рублей 20—25 въ мѣсяцъ, съ прислугой и освѣщеніемъ лампой.

Теперь это была довольно большая комната, служившая нѣкогда будуаромъ, устланная старымъ, мѣстами вытертымъ ковромъ, оклеенная обоями съ цвѣточками и малиновымъ фризомъ и съ дешевымъ розовымъ фонарикомъ посерединѣ. Мебели было мало, и она была уже очень разнокалиберная и сборная. Одна кровать была великолѣпна, взятая изъ супружеской квартиры. На стѣнахъ висѣли группы въ рамкахъ, два ружья и кинжалъ съ бронзовой рукояткой.

Давыдовъ вставалъ въ девять часовъ утра, потому что въ десять уже надо было быть на службѣ. Чаю онъ утромъ не пилъ, а выпивалъ стаканъ молока, что было и полезно, и дешевле стоило. На службѣ онъ пилъ казенный чай, который очень любилъ, читалъ казенныя газеты и, встрѣчая просителей и просительницъ, провожалъ ихъ изъ пріемной въ кабинетъ генерала.

Въ три часа, когда оканчивалось присутствіе, Давыдовъ отправлялся обѣдать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, если былъ званъ. Если же нѣтъ, то у него въ резервѣ имѣлась старая тетка и женатый товарищъ, жившій, правда, на Васильевскомъ островѣ, но куда онъ могъ явиться и безъ приглашенія. Вечера онъ проводилъ тоже у знакомыхъ за картами, благо въ Петербургѣ есть похвальный обычай назначать дни съ винтомъ и ужиномъ. Такихъ журфиксныхъ домовъ у Давыдова съ лихвой набиралось не только на семь, но и на четырнадцать дней въ недѣлю. Оставалось только выбирать такіе дома, гдѣ лучше принимали и кормили.

Возвращался онъ домой поздно и засыпалъ богатырскимъ сномъ до слѣдующаго утра.

Такъ было каждый день.

Расходовъ на извозчиковъ поручикъ Давыдовъ не признавалъ и прибѣгалъ къ нимъ развѣ въ случаѣ крайней необходимости. Постоянно же ходилъ пѣшкомъ, справедливо находя это болѣе здоровымъ.

Чаю, сахару, свѣчей, спичекъ, чернилъ, бумаги и перьевъ онъ никогда не покупалъ и прекрасно обходился безъ этихъ предметовъ роскоши. Да и къ чему? Чай онъ пилъ всегда у знакомыхъ или на службѣ, письма писалъ, если являлась къ тому надобность, тоже на службѣ, а лампу ему давала хозяйка въ счетъ квартиры.

На остающіяся деньги, отъ неизбѣжнаго расхода на квартиру, Давыдовъ могъ одѣваться, держать себя джентльменомъ и, наконецъ, любить. Послѣдній расходъ, какъ извѣстно, очень часто превышаетъ всѣ другіе расходы молодыхъ людей.

Но и тутъ поручикъ Давыдовъ умѣлъ устроиться.

Женщинъ полусвѣта, которыя стоили дорого, онъ всегда благоразумно избѣгалъ. Онѣ ему не нравились.

За то можно смѣло сказать, что онъ не пропускалъ своимъ вниманіемъ ни одной женщины между 15-ю и 60-ю годами. И съ каждой изъ нихъ онъ держалъ себя такъ, какъ будто бы она, только она одна, ему нравилась. Онъ цѣловалъ ручки, нашептывалъ комплименты и на каждую барышню и даму смотрѣлъ какъ на красивую, нравящуюся ему женщину. Успѣхъ онъ имѣлъ необыкновенный, только благодаря этому простому пріему. Барышни видѣли въ немъ если и не жениха, то ловкаго кавалера и ухаживателя, дамы смотрѣли еще болѣе практично на вещи. И вездѣ, гдѣ были женщины, онъ былъ желаннымъ гостемъ,— ему оставалось только изображать пашу и выбирать.

И онъ выбиралъ.

Ему больше всего нравились женщины уже не молодыя, но прекрасно сохранившіяся, съ положеніемъ въ свѣтѣ и открытымъ домомъ, къ которымъ пріятно было пріѣхать въ ложу, и на вечеръ, и на обѣдъ.

Антонина Михайловна была такой женщиной. Она была хороша, эффектна, умѣла мило болтать, удивительно сохранилась и очень нравилась Давыдову. Нравилась ему также ея обстановка, вечера съ винтомъ и шампанскимъ и обѣды съ тонкой гастрономической закуской.

Дурного во всемъ этомъ онъ ничего не видѣлъ и, весело и дерзко глядя на нее своими свѣтлыми глазами, думалъ: «Ничего еще она... Молодчина! За себя постоитъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно?

Въ прошломъ году онъ каждый день бывалъ гласно и не гласно у Катерины Ивановны, которая тоже была очень хороша и тоже удивительно сохранилась. И у Катерины Ивановны былъ превосходный поваръ, и мужъ занималъ видный постъ, и на журфиксахъ подавали шампанское.

А въ позапрошломъ году онъ всю осень и зиму пропадалъ у Александры Васильевны и ѣздилъ на ея рысакахъ. И у Александры Васильевны тоже былъ прекрасно поставленный домъ, и винтили

чуть не каждый день, и она тоже очень нравилась Давыдову и тоже удивительно сохранилась.

И все это было такъ просто, такъ пріятно, а главное—ничего, рѣшительно ничего не стоило!

Но по воскресеньямъ, въ двѣ недѣли разъ (en quinze) въ комнату Давыдова приходила молоденькая француженка гувернантка, m-lle Жюли, и наполняла ее смѣхомъ и щебетаньемъ. Ей было 18 лѣтъ, и ея тоненькое, блѣдное личико напоминало лицо неаполитанскаго мальчика. Она была стройна и гибка, какъ змѣйка, и въ ней была бездна неукротимаго веселья и необыкновенная жажда жизни. Житейская философія ея была крайне проста.

— Oh la!... la!...—говорила она, премило прищелкивая языкомъ.—La vie n'est guère amusante tous les jours avec la marmaille et madame qui est si jalouse! Mais il faut pourtant vivre!

А такъ какъ «жить» каждый день было нельзя, то она и жила каждое «dimanche en quinze» и обѣдала съ красивымъ русскимъ офицеромъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, пила красное вино и, обнимая Давыдова своими худыми, еще полудѣтскими руками, вся дрожала отъ страсти и бормотала, какъ въ бреду:—Oh, que je t'aime.

На нее Давыдовъ не жалѣлъ денегъ и однажды подарилъ ей черные фильдекосовые чулки, купленные въ экономическомъ обществѣ офицеровъ.

Жюли подняла на него свои неаполитанскіе глаза и сказала:

— Merci, cher, но я ношу только шелковые чулки, мнѣ присылаетъ тетя изъ Парижа, и платье и корсеты тоже,—ей это ничего не стоитъ, car elle est très bien lancée—прибавила Жюли съ гордостью.

И эту маленькую змѣйку Жюли, этого забавнаго чертенка, Давыдовъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ каждые «dimanche en quinze» и съ нею забывалъ и Катерину Ивановну, и Александру Васильевну, и Антонину Михайловну.

IV.

Викторъ, сынъ Антонины Михайловны, упалъ во время верховой ѣзды въ училищѣ и ушибъ ногу. Онъ лежалъ въ своей небольшой комнатѣ, увѣшанной картинками и фотографіями самаго легкомысленнаго содержанія, большею частію изображавшихъ раздѣтыхъ дамъ и дѣвицъ.

У него сидѣлъ Давыдовъ, каждый день являвшійся узнавать о

его здоровьи. Виктору льстило, что красивый поручикъ обращается съ нимъ по-пріятельски, какъ съ равнымъ по чину и возрасту.

Лежа теперь на своей узенькой желѣзной кровати, Викторъ странно скучалъ по училищу и товарищамъ. Онъ нервничалъ, капризничалъ и придирался ко всему и совершенно измучилъ бабушку, которая металась по комнатамъ, какъ испуганная насѣдка. Когда приходилъ Давыдовъ, Викторъ оживлялся и велъ съ нимъ длинные разговоры объ училищѣ, о воспитателяхъ и о томъ, въ какой полкъ всего лучше выйти. Но самое интересное—это были разговоры о женщинахъ.

Варюша, комната которой была рядомъ, въ смятеніи убѣгала каждый разъ, чтобы не слышать нѣкоторыхъ подробностей такихъ разговоровъ. Виктора раздражало такое близкое сосѣдство съ Варюшей, которую онъ ревновалъ къ матери и вообще не любилъ за то, что она некрасива. Чтобы чѣмъ-нибудь насолить ей, онъ, когда оставался одинъ и зналъ, что она рядомъ, начиналъ пѣть дикимъ голосомъ солдатскія пѣсни или громко разсказывать самому себѣ анекдоты, стучать въ стѣну кулаками или, наконецъ, грознымъ голосомъ звать бабушку, Филиппа, или «кого-нибудь». Когда къ нему вбѣгали на эти крики, то онъ вѣжливо спрашивалъ, что имъ нужно, и, дѣлая самое невинное лицо, говорилъ, что имъ послышалось,—онъ никого и не думалъ звать. На случай еслибы въ комнату вошла Варюша, Антонина Михайловна или даже Дуняша, подъ подушкой у Виктора лежала черная атласная маска, похищенная имъ у матери. Надѣвъ на лицо маску и укрывшись по горло одѣяломъ, ему не было стыдно передъ женщинами, что онъ въ постели и не одѣтъ.

Антонина Михайловна, поручивъ сына доктору и зная, что о немъ заботится бабушка, очень мало о немъ думала. Ничего опаснаго нѣтъ. Виктору сдѣлаютъ все, что нужно, а дуритъ онъ потому, что скучаетъ. Это такъ просто.

Мысли Антонины Михайловны были всецѣло заняты однимъ—ея новымъ чувствомъ, ея любовью. Все остальное казалось ей такимъ маленькимъ, ничтожнымъ и не стоющимъ вниманія. Жизнь, до сихъ поръ такая скучная, монотонная и не интересная, получила необыкновенную прелесть, значеніе и смыслъ.

Антонина Михайловна была счастлива.

Въ театрѣ, въ музыкѣ, въ оперѣ, въ книгахъ она теперь всегда умѣла находить отношеніе къ себѣ и къ своей любви. И она была увѣрена, что теперь гораздо глубже и лучше понимаетъ и музыку, и литературу, и искусство и больше можетъ наслаждаться ими, потому что узнала любовь.

И она была счастлива.

Давыдовъ бывалъ каждый день, и сближеніе его со всѣми, окружающими Антонину Михайловну, шло очень быстро.

Одна бабушка долго не поддавалась.

Ее возмущалъ этотъ «неучъ» и «моветонъ», который разваливался на диванахъ въ присутствіи дамъ, отваливалъ за обѣдомъ себѣ лучшіе куски, кричалъ, играя въ карты, и ее, вдову генералъ-майора, осмѣлился назвать «бабусей». Съ Тоничкой онъ былъ тоже крайне непочтителенъ по мнѣнію бабушки, и не было вовсе похоже на то, чтобъ онъ ухаживалъ или былъ влюбленъ.

Наоборотъ, сама Тоничка какъ-то особенно ласково и черезчуръ любезно относилась къ нему, и позволяла ему рѣшительно все, что было уже совсѣмъ неприлично.

Бабушка, наконецъ, рѣшилась высказать свое мнѣніе дочери. И послѣ многихъ лѣтъ молчанія она заговорила.

Но при первыхъ же ея словахъ Антонина Михайловна вспыхнула, какъ порохъ.

— Если вамъ не нравятся мои знакомыя, maman,—сказала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—то я переѣду на другую квартиру, а пока мы живемъ вмѣстѣ, я буду принимать, кого хочу.

Бабушка такъ и опѣшила. Тоничка способна сдѣлать это, уѣхать на другую квартиру и взять съ собою Виктора, котораго бабушка любила безъ памяти. И она была не рада, что заговорила.

Между тѣмъ Антонина Михайловна была неумолима и осыпала ее градомъ упрековъ.

— А! Мало того, что ее шестнадцатилѣтней дѣвочкой выдали замужъ! И за кого!! Испортили ей жизнь, отравили молодость. Мало того, что она все время жила и смотрѣла на жизнь чужими глазами и изъ чужихъ рукъ, что она проводила время въ болѣзняхъ и мукахъ съ дѣтьми и эгоистомъ мужемъ, котораго всегда ненавидѣла? Мало этого? Но теперь кончено. Она стала умнѣе. Теперь она свободна, и будетъ дѣлать, что захочетъ, и то, что ей нравится, и принимать будетъ, кого вздумаетъ и любить тоже, кого захочетъ. И никто, никто въ цѣломъ мірѣ не имѣетъ права вмѣшиваться въ ея жизнь!

Антонина Михайловна говорила такъ громко и съ такимъ убѣжденіемъ, что въ концѣ-концовъ maman растрогалась сама.

И она тихо поплелась въ конецъ корридора, въ свою большую, неуютную комнату, уставленную старинной, грузной мебелью.

Тамъ она сѣла на жесткій и неудобный диванъ и закурила тол-

стую папироску въ янтарномъ мундштукѣ. И сидѣла она такъ долго, похожая на старое, потемнѣвшее отъ времени изваяніе будды, и все думала о томъ, какъ она устарѣла, и ей пришло въ голову, что пора умирать. Затѣмъ она вынула изъ ящика стола колоду картъ и принялась раскладывать пасьянсъ, все продолжая думать.

— Ну, что же изъ того, что она выдала замужъ Тоничку 16-ти лѣтъ? И положимъ даже не 16-ти, а ужъ ей исполнилось всѣ 18-ть лѣтъ. Что же было возить дочь по баламъ и курортамъ до изнеможенія и до 30-ти лѣтъ, какъ теперь это дѣлаютъ? И кончить все тѣмъ же. Между тѣмъ Петръ Петровичъ былъ богатъ, красивъ, уменъ и съ будущностью. Тоничка ему нравилась. Чѣмъ же не пара? И жили прекрасно. Какіе пріемы, обѣды, балы, туалеты были у Тонички! И дѣтей Богъ далъ,—что же, вѣдь, благословеніе Божіе—дѣти. И болѣзни были,—такъ ужъ это положенное, всѣ женщины болѣютъ. Тоничка всегда казалась довольной своей жизнью, была весела, ни на что не жаловалась и на все смотрѣла глазами Петра Петровича. Какъ вдругъ, послѣ 18-ти лѣтъ супружеской жизни, точно какая-то муха укусила ее... Начались нелады, ссоры, непріятности, скандалы... такъ что людей было стыдно.

Теперь Тоничка, выхлопотавъ себѣ отдѣльный видъ на жительство, уѣхала отъ мужа, бросила дѣтей, выѣзжаетъ всюду одна, живетъ весело, ни въ чемъ себѣ не отказываетъ и все говоритъ про свою загубленную молодость.

И говоритъ она объ этомъ такъ увѣренно и громко, что въ правотѣ ея нельзя сомнѣваться... А между тѣмъ дѣвочки бѣдныя брошены однѣ, на руки чужихъ людей, разныхъ боннъ и гувернантокъ. Петръ Петровичъ вѣчно въ разъѣздахъ, да и гдѣ ему усмотрѣть! Здѣсь нуженъ женскій глазъ,—а онъ мужчина. Небось ужъ завелъ себѣ тамъ какую-нибудь... Бѣдныя дѣвочки!...

И чѣмъ больше думала обо всемъ этомъ бабушка, тѣмъ меньше могла понять, кто здѣсь правъ, кто виноватъ... и снова подумала, что ей пора умирать.

Въ это время Филиппъ, просунувъ голову въ дверь—доложилъ:

— Ваше превосходительство, докторъ пріѣхалъ.

Бабушка поспѣшно бросила карты.

— А барыня гдѣ?—спросила она.

— Съ Александромъ Ивановичемъ въ театръ изволили уѣхать,—отвѣчалъ Филиппъ, и въ его хитрыхъ, черныхъ глазкахъ мелькнула усмѣшка. Со старой барыней давно перестали стѣсняться, и всѣ

въ домѣ были теперь на сторонѣ молодого, ловкаго офицера. Одна Варюша какъ была, такъ и оставалась враждебною Давыдову.

Она не могла не видѣть, что Антонинѣ Михайловнѣ гораздо пріятнѣе ѣхать кататься или въ театръ съ Давыдовымъ, а не съ нею, вѣрнымъ и преданнымъ другомъ Варюшей, и что Антонина Михайловна ищетъ предлоговъ отстранить ее отъ этихъ поѣздокъ.

Антонина Михайловна проводила теперь цѣлые часы въ голубомъ будуарѣ все съ тѣмъ же Давыдовымъ, а Варюша, чувствуя себя третьимъ лицомъ, уходила, чтобы не мѣшать.

И Варвара Ѳедоровна хмурилась и страдала.

Она пробовала даже протестовать и защищать свои, болѣе старыя права на Тони, но борьба была не равная. Тогда она, скрѣпя сердце, объявила, что получила письмо изъ деревни, что ее вызываютъ по дѣламъ и что она должна, непремѣнно должна ѣхать.

Антонина Михайловна широко раскрыла глаза, судорожно обняла Варюшу и, прижавъ ее къ себѣ, сказала:

— Какъ? Ты оставляешь меня? Но, вѣдь, ты вернешься? Да?

Но въ душѣ она была довольна.

Cette chère Варюша,—право, она ее очень любила... Но зачѣмъ она стала такая скучная за послѣднее время, такая надоѣдливая?

Бѣдная «chère Варюша». Вся жизнь ея была, казалось, какимъ-то недоразумѣніемъ, горькою насмѣшкой судьбы.

Ее никто никогда не любилъ. Была она и замужемъ, хотя ее всѣ упорно принимали за старую дѣву. Но и замужство ея было какимъ-то недоразумѣніемъ, она не любила говорить о немъ. Впрочемъ она скоро овдовѣла, дѣтей у нея не было, и осталась совершенно одинокой въ своемъ небольшомъ, очень скучномъ имѣньи, которое осталось ей отъ матери.

Здѣсь разыскала ее Антонина Михайловна, тотчасъ же послѣ того, какъ оставила своего мужа.

Она привезла Варюшу къ себѣ, обласкала ее и поселила въ маленькой комнаткѣ возлѣ своей уборной.

И Варюша была счастлива. Наконецъ-то ее любили, ласкали и дорожили ею.

Для Антонины Михайловны она была находкой. Болѣе преданной, нетребовательной и удобной подруги трудно было найти.

Заниматься хозяйствомъ, заказывать обѣдъ, разливать чай, занимать скучныхъ гостей, возиться съ портнихами, разузнать что-нибудь, помочь въ чемъ-нибудь,—на все Варюша была готова и все исполняла превосходно. Мало того, изъ-за Тони она готова была перегрызть горло всякому, летѣть ночью хоть на край свѣта

и вполнѣ забывать себя для нея. И всегда она была всѣмъ довольна и, глядя на Тоню влюбленными глазами, говорила:

— Я что-жъ, мнѣ все равно, я пожалуй!

— Варвара Ѳедоровна уѣзжаютъ-съ!—молодцевато доложилъ Филиппъ, отворяя дверь Давыдову.

— А? вотъ какъ!—весело произнесъ тотъ, сбрасывая пальто и поправляя передъ зеркаломъ свои густыя на вискахъ, но уже начинавшіе рѣдѣть на макушкѣ волосы.

Филиппъ схватилъ щетку и началъ чистить сюртукъ Александра Ивановича.

— Кушать прикажете подавать?—освѣдомился онъ, почтительно наклоняя въ бокъ голову и опуская руку со щеткой.

— Подавай!—еще веселѣе кинулъ ему черезъ плечо Давыдовъ и быстро направился къ голубому будуару.

Навстрѣчу ему попалась Варюша.

Услыхавъ звонокъ, она хотѣла незамѣтно проскользнуть въ свою комнату, но не успѣла.

Давыдовъ загородилъ ей дорогу.

— Варвара Ѳедоровна,—восклицалъ онъ съ комическимъ паѳосомъ.—Варвара Ѳодоровна! Что я слышу? Вы насъ покидаете? Но чѣмъ, чѣмъ мы, грѣшные, провинились передъ вами? За что Петербургъ долженъ лишиться своего лучшаго украшенія? Нѣтъ, вы не уѣдете,—продолжалъ онъ крѣпко держа Варюшу за руку.—Вы не уѣдете, потому что мы васъ не пустимъ!

И онъ весело и ласково смѣялся, показывая свои бѣлые сплошные зубы.

Варюша сердито смотрѣла на него исподлобья, лицо ея побурѣло отъ досады и обиды, она вырвала свою руку и убѣжала.

Придя въ свою комнату, она заплакала и къ обѣду не вышла, прислала сказать, что у нея болитъ голова.

А Давыдовъ, сидя въ столовой противъ хозяйки и отваливая себѣ на тарелку львиную долю свѣжаго омара и запивая рябиновой, говорилъ:

— Ну-съ, а что же мы дѣлаемъ сегодня вечеромъ?

Антонина Михайловна, одѣтая въ прелестное платье empire изъ сукна vieux rose, отдѣланное настоящими кружевами, счастливо смѣялась, глядя на него нѣжными глазами, и находя все, чтобы онъ ни сказалъ, и ни сдѣлалъ, достойнымъ удивленія и необыкновенно остроумнымъ.

— Но сегодня уѣзжаетъ Варюша,—сказала она смущенно.—Ее надо бы проводить.

— Ну, вотъ еще!—сказалъ Давыдовъ, и даже съ неудовольствіемъ отставилъ тарелку.—Сегодня она все равно не уѣдетъ,—вѣдь, у нея болитъ голова. Вы ее не пускайте. Она можетъ ѣхать и завтра утромъ. А мы поѣдемъ на острова.

Антонина Михайловна улыбнулась и даже хлопнула въ ладоши отъ удовольствія.

— Разумѣется, Варюша можетъ ѣхать и съ утреннимъ поѣздомъ... завтра можно будетъ проводить ее, какъ слѣдуетъ. А сегодня она нездорова и должна отдохнуть.

Послѣ обѣда все было улажено.

Варюша, на предложеніе ѣхать на другой день утромъ, съ готовностью отвѣчала свое вѣчное: «Я что же, мнѣ все равно, я пожалуй!», хотя выѣзжая утромъ, ей приходилось просидѣть 8 лишнихъ часовъ въ ожиданіи поѣзда на одной изъ станцій. Но за то она была вознаграждена звонкимъ поцѣлуемъ Тони, тотчасъ же побѣжавшей одѣваться для катанья.

«Милый, милый мой красавецъ», думала она роясь въ многочисленныхъ картонкахъ и выбирая шляпку, которая сдѣлала бы ее и моложе, и красивѣе, а главное—понравилась бы ему.

Она положительно чувствовала, что глупѣетъ отъ своей сильной любви къ «Сашѣ», какъ она называла Давыдова, когда они бывали одни, и это преисполняло ее восхищеніемъ. Да, она глупѣла, дѣлалась моложе, наивнѣе, проще! Она забывала все свое прошлое и чувствовала себя въ положеніи «новобрачной». И это было прелестно. Ей хотѣлось сюсюкать отъ нѣжности, прыгать, цѣловаться и говорить глупости.

Она была такъ счастлива.

А «онъ» въ это время, лежа на кушеткѣ въ полутемной маленькой гостиной, сладко мечталъ о «dimanche en quinze», о чертенкѣ Жюли, и о томъ, какъ она мило произноситъ свое: Oh la, la.

V.

Изящное ландо для двухъ, запряженное сѣрыми рысаками, плавно покачиваясь на усовершенствованныхъ шинахъ, быстро катилось въ общемъ потокѣ, направляясь къ пуанту.

Въ воздухѣ уже пахло раннею весной, хотя деревья были еще совсѣмъ голыя, и только кое-гдѣ робко пробивалась молодая, зеленая травка. Заходящее солнце не грѣло, а только золотило чуть-чуть блѣдное взморье, блѣдное небо и блѣдныхъ петербуржцевъ. Кругомъ была все та же извѣстная картина.

Проносились экипажи, нагруженные нарядными шляпками, цилиндрами и разноцвѣтными фуражками. Мелькали всевозможные выѣзды, въ которыхъ кокотки соперничали въ бонтонности и комильфотности съ дамами свѣта. Преобладали темные цвѣта. Петербургъ—страшный деспотъ и, нивелируя все, не допускаетъ ничего рѣзкаго или смѣлаго въ туалетахъ. Проѣзжали верховые и сверкали велосипедисты. Вотъ проѣхалъ дядя на своихъ старыхъ, раскормленныхъ лошадяхъ въ старомодной, громоздкой коляскѣ. Онъ неодобрительно посмотрѣлъ на Антонину Михайловну и чопорно и строго поклонился ей. А вонъ, тамъ дальше, Виригины въ нанятой по часамъ коляскѣ, со спотыкающимися лошадьми и оловяннымъ номеромъ на козлахъ.

А вотъ и еще знакомые, и полузнакомые, и общіе знакомые... и такіе, которыхъ знаютъ всѣ... Много лицъ... И всѣ, повернувшись спиною къ блѣдному солнцу, съ жадностью и любопытствомъ разглядывали другъ друга, хотя видѣли каждый день совершенно то же самое.

Антонина Михайловна вспомнила, какъ еще такъ недавно ее злила эта равнодушная, пустая и щегольская толпа.

Но теперь ей было рѣшительно все равно. Эта толпа составляла, вѣдь, декоративную часть пейзажа и нужна была для ансамбля картины, вродѣ хора въ оперѣ. Главное было то, что возлѣ нея, касаясь своимъ плечомъ ея плеча, сидѣлъ «онъ»,—тотъ, кто теперь ей больше всего милъ и дорогъ на свѣтѣ въ эту минуту.

И она была горда и счастлива сознаніемъ, что любима имъ, что онъ съ нею и что ихъ видятъ вмѣстѣ, неразлучными. «Пускай видятъ! Пускай осуждаютъ и злорадствуютъ! Пускай завидуютъ! Смѣяться она хочетъ надъ всѣми глупыми предразсудками и приличіями. Какое ей дѣло до другихъ, и до того, что станутъ говорить? Она любитъ—и она права. Вѣдь, жизнь одна и надо пользоваться ею, вотъ высшая мудрость».

Ландо Антонины Михайловны сдѣлало кругъ и второй разъ въѣхало на площадку, гдѣ обыкновенно останавливаются экипажи. Здѣсь въ небольшой коляскѣ, запряженной англійскими лошадьми золотистой масти, въ шорахъ, Антонина Михайловна увидала эффектную даму въ черномъ, княгиню Бабанину, свою старую знакомую. Дама прищурила свои разрисованные глаза и сдѣлала чуть-чуть замѣтный, дружелюбный знакъ головою. Оба экипажа поровнялись и остановились рядомъ, такъ что Антонина Михайловна и княгиня могли разговаривать между собою такъ же удобно, какъ еслибы сидѣли въ гостиной на одномъ диванѣ.

— Ты меня совершенно забыла,—сказала княгиня,—но я понимаю теперь отчего. Mes compliments, chère, — скользнула она опытнымъ взглядомъ по Давыдову.—Il est vraiment très bien, привози его ко мнѣ. Я, кажется, его встрѣчала часто въ прошломъ году съ Катринъ Бѣлостоцкой.

И княгиня Бабанина тонко улыбнулась, какъ особа понимающая всѣ человѣческія слабости и стоящая неизмѣримо выше ихъ, причемъ ея эмалированное лицо не измѣнило ничуть своего кукольнаго выраженія, и она любезно кивнула своей раскрашенной головкой на прощаніе.

Экипажи разъѣхались.

Стало еще холоднѣе послѣ того, какъ зашло солнце. Съ рѣки и безчисленныхъ заливчиковъ между островами поднимался густой бѣлый туманъ и, принимая причудливыя формы, стлался по черной землѣ.

Началось бѣгство обратно въ городъ.

Въ бѣломъ туманѣ замелькали, какъ черныя китайскія тѣни, быстро обгоняя другъ друга, экипажи съ поднятыми верхами, увозя изнѣженныхъ дамъ и ихъ кавалеровъ въ городъ на зимнія квартиры.

Подулъ сильный вѣтеръ, и упало нѣсколько капель дождя.

— Саша,—сказала Антонина Михайловна, зябко натягивая на колѣни толстое тигровое одѣяло.—Саша, отчего ты никогда не говорилъ мнѣ о Катринъ Бѣлостоцкой?

Давыдовъ, думавшій о совсѣмъ другомъ, отвѣчалъ равнодушнымъ голосомъ:

— Развѣ я никогда ничего не говорилъ про Катринъ? Да нѣтъ, ты ошибаешься, навѣрное я говорилъ про нее. Мы съ нею были большими друзьями,—но, увы! Ничто не вѣчно подъ луною!—мы больше не видимся! Но, знаешь ли: Катринъ, она удивительно сохранилась для своихъ лѣтъ! Прямо удивительно! Ну, да и холодъ же сегодня, — прибавилъ онъ, подымая воротникъ пальто. — Знаешь, заѣдемъ къ Фелисьену.

VI.

Весна скупо и медленно подвигалась впередъ, понемногу отвоевывая у зимы свое царство. Началась неравная борьба.

Только-что ясно, тепло и привѣтливо начинало грѣть солнце и располагать всѣхъ на весеній ладъ, какъ внезапно съ сѣвера налеталъ злой вѣтеръ, рвалъ и металъ все на своемъ пути и опрокидывалъ всѣ благія начинанія весны. Онъ нагонялъ тяжелыя, свин-

цовыя тучи, забрасывалъ петербуржцевъ снѣгомъ и дождемъ и замораживалъ по утрамъ маленькія лужицы.

У Антонины Михайловны были теперь часто разстроены нервы, и хотя она все сваливала на погоду, но причина была совсѣмъ другая. Варюша уѣхала, и съ ея отъѣздомъ многое въ домѣ и хозяйствѣ пошло не такъ.

И это тоже раздражало.

Виктору стало настолько лучше, что онъ уже могъ ходить по всѣмъ комнатамъ, но его еще не пускали въ училище. Онъ скучалъ злостно и, чтобы выместить свою скуку на окружающихъ, пускался на всевозможныя шалости и продѣлки, приличныя развѣ дѣтямъ младшаго возраста.

Такъ, однажды, всѣ въ домѣ, сами не зная какъ, выпачкались въ какой-то липкой сѣрой краскѣ. Оказалось, что это Викторъ вздумалъ выкрасить всѣ фарфоровые cache-pots, вѣроятно, находя, что такъ красивѣе. Когда же всѣ выпачкали руки и платье и недоумѣвали, откуда такая напасть, то онъ подошелъ и преспокойно вытеръ злополучную краску. Изъ кушетки, обтянутой дорогимъ ліонскимъ шелкомъ, на которой Александръ Ивановичъ совершалъ ежедневно свой послѣобѣденный кейфъ, изъ этой кушетки оказался вырѣзаннымъ ножницами, неизвѣстно кѣмъ, довольно большой кусокъ обивки. И хотя Викторъ удивлялся, недоумѣвалъ и даже негодовалъ вмѣстѣ со всѣми, тѣмъ не менѣе было ясно, что виновникомъ былъ онъ.

— Гадкій, отвратительный мальчишка,—нервно говорила Антонина Михайловна,—я отошлю тебя къ отцу, для того, чтобъ онъ какъ слѣдуетъ выпоролъ тебя и выбилъ бы изъ тебя дурь и блажь.

Но Виктора нельзя было напугать этимъ. Какъ бы не такъ! Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, мама подняла на ноги всѣхъ адвокатовъ и ѣздила по судамъ, чтобъ отнять сына у «истязующаго его отца» (такъ именно было сказано въ бумагѣ, и Викторъ запомнилъ выраженіе). Не для того же она столько хлопотала, чтобы собственноручно вернуть сына тому же отцу?

Нѣтъ, Викторъ былъ хитеръ и сообразителенъ и понималъ всю выгоду своего положенія. Онъ, напримѣръ, отлично зналъ, что Антонина Михайловна у него теперь заискиваетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Давыдовъ сталъ бывать каждый день. Развѣ не давала она теперь Виктору столько денегъ, сколько онъ спрашивалъ на свои прихоти, и это сверхъ мѣсячнаго жалованья, высылаемаго отцомъ? Развѣ не платила съ готовностью его карточныхъ долговъ? И развѣ не смотрѣла сквозь пальцы на его шалости съ Дуняшей,

которая, мечтая объ офицерахъ, прибѣгала чуть не каждый вечеръ въ комнату юнкера? Поэтому можно было капризничать и чудить вволю и притомъ совершенно безнаказанно. Тѣмъ болѣе, что у Виктора было два защитника: бабушка и Давыдовъ. Антонинѣ Михайловнѣ же въ сущности было все равно, и она если и сердилась, то не долго,—ей было не до того.

Любовь вполнѣ поглотила ее.

Съ утра до вечера была одна только мысль, это—видѣть его, видѣть какъ можно чаще, быть съ нимъ какъ можно дольше, а если возможно — совсѣмъ не разставаться... И Антонина Михайловна была геніальна въ изобрѣтеніи предлоговъ, чтобы быть вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что это не всегда было легко устроить.

Была служба, были товарищескіе обѣды, были другіе журфиксные знакомые, къ которымъ Давыдовъ сталъ мало-по-малу возвращаться, такъ какъ любилъ разнообразіе, и наконецъ были «les dimanches en quinze» съ m-lle Жюли. И все это мѣшало видѣться и принадлежать другъ другу.

О, если бы завладѣть имъ совершенно, чтобъ онъ все забылъ и все оставилъ и жилъ бы для нея одной,—вотъ это было бы высшее счастье! За такое счастье не жаль было заплатить, какъ бы дорого оно ни стоило.

Весна между тѣмъ все приближалась. Деревья одѣлись нѣжнымъ зеленымъ пухомъ, быстро обращавшимся въ клейкіе маленькіе листья. Солнце сверкало въ синихъ волнахъ Невы, освобожденной отъ несноснаго ледохода, а небо напоминало блѣдную, голубую эмаль.

Набережная опустѣла, и въ Лѣтнемъ саду были толпы гуляющей публики, чинно двигавшейся между почернѣвшими отъ времени мраморными статуями, и возвращаться съ острововъ было уже не такъ холодно.

Да, весна наступала, весна наступила, а между тѣмъ ничего не было рѣшено Антониной Михайловной... Ничего смѣлаго и рѣшительнаго, чего требовало положеніе вещей. И вдругъ у Антонины Михайловны блеснула геніальная мысль.

Возвращаясь однажды послѣ ужина у Фелисьена и надышавшись на островахъ свѣжимъ запахомъ молодой листвы и мечтательно любуясь призрачнымъ свѣтомъ бѣлой ночи, Антонина Михайловна сказала дремавшему возлѣ нея Давыдову:

— Знаешь что, Саша, милый, я рѣшила на лѣто уѣхать за границу... Я не могу оставаться здѣсь дольше. Мнѣ такъ надоѣлъ и Петербургъ, и Россія, и все тѣ же лица... У меня очень раз-

строены нервы... Саша, поѣдемъ за-границу вмѣстѣ... Отпускъ тебѣ дадутъ.

Давыдовъ проснулся совершенно и сладко потянулся.

— За-границу?—протянулъ онъ лѣниво.— Гм... недурно. Я никогда не былъ за-границей. И отпускъ пустяки. Только у меня нѣтъ денегъ, чтобы ѣхать за-границу, voila, madame!

Но тутъ Антонина Михайловна взволновалась.

Боже мой, какіе пустяки — деньги! И какъ ему не стыдно говорить о деньгахъ! Если у него нѣтъ денегъ, то у нея есть. Когда любятъ другъ друга, развѣ не все общее? Ну, да пусть наконецъ онъ возьметъ у нея взаймы двѣ-три тысячи,—это такъ просто... Не разстраивать же изъ-за этого путешествія... И какъ будетъ хорошо поѣхать вмѣстѣ! Сколько впечатлѣній, и какія впечатлѣнія! Она покажетъ ему все, все за-границей. Вездѣ она была много разъ, все видѣла... Всѣ чудныя мѣста покажетъ она ему, музеи и картинныя галлереи, всѣ чудныя произведенія искусства и природы... и театры, и рестораны, et les cabarets, et les cocottes... все... все... И она уже составляла планъ поѣздки такъ, чтобы всюду побывать и увидѣть всѣ достопримѣчательности.

Надо только скорѣе брать отпускъ и заказывать штатское платье. Воображаетъ она Сашу въ штатскомъ. Навѣрное ему пойдетъ, хотя военные не всегда хорошо носятъ штатское платье. Но ему навѣрное пойдетъ, ему все идетъ...

И когда Давыдовъ слабо запротестовалъ, она воскликнула, не слушая его:

— Значитъ, рѣшено. Мы ѣдемъ. И какъ только эта мысль раньше не приходила *намъ* въ голову?

И на слѣдующій день, во время послѣобѣденнаго кейфа на изрѣзанной Викторомъ кушеткѣ, Антонина Михайловна шаловливо засунула Давыдову въ боковой карманъ сюртюка три пачки новенькихъ сторублевокъ, а когда онъ притворился изумленнымъ и непонимающимъ и хотѣлъ возвратить ихъ обратно, то въ отвѣтъ на эту пантомиму Антонина Михайловна закрыла ему ротъ изящными, выхоленными руками и прошептала, цѣлуя его въ голову:

— Вѣдь, это же въ долгъ, въ долгъ, пойми, это въ долгъ, о чемъ же еще здѣсь спорить? Вѣдь, ты бы, я надѣюсь, одолжилъ мнѣ, если бы мнѣ были нужны деньги?

И Давыдовъ весело согласился,—разумѣется, онъ бы одолжилъ!

Черезъ недѣлю онъ шелъ по Большой Морской въ штатскомъ платьѣ, сидѣвшемъ на немъ превосходно, и на углу Кирпичнаго переулка встрѣтилъ бѣлобрысаго офицерика съ кошачьимъ лицомъ.

— Прощайте, уѣзжаю за-границу, въ Парижъ,—сказалъ ему Давыдовъ, по старой военной привычкѣ молодцевато подымая плечи и выставляя грудь.

— Вы ѣдете одни?

— Одинъ, одинъ, — разсмѣялся Давыдовъ, — разумѣется, одинъ. Но, вѣроятно, встрѣчу знакомыхъ, теперь вездѣ развелось такъ много русскихъ,—и, весело приподнявъ цилиндръ, онъ пошелъ дальше.

«Знаю я, какихъ ты знакомыхъ встрѣтишь,—подумалъ офицерикъ, съ глубокою завистью глядя ему вслѣдъ. — Знаю также, на чьи деньги ты покатишь за-границу! И везетъ же, подлецу»,—подумалъ онъ съ досадой.

Утромъ, въ день отъѣзда за-границу, Антонина Михайловна, надѣвъ темно-коричневый дорожный костюмъ, только что принесенный отъ Чернышова, и маленькую, изящную, очень простую и очень дорогую шляпку, отправилась въ Казанскій соборъ, гдѣ отслужила молебенъ и поставила къ образу двѣ толстыхъ свѣчи. Она долго и жарко молилась на колѣняхъ о томъ, чтобы Богъ сохранилъ ей любовь Саши, чтобъ они оба долго были счастливы и чтобы ничто никогда не мѣшало этому счастью.

Выйдя на паперть изъ мрачнаго, холоднаго и полутемнаго собора и увидя веселый, голубой майскій день, нарядный Невскій и шумную толпу экипажей, конокъ и пѣшеходовъ, Антонина Михайловна вздохнула радостно и съ облегченіемъ и живо представила себѣ, какъ она сегодня уѣдетъ.

Она раздала всѣ мелкія деньги нищимъ на паперти и, веселая и легкая, какъ птица, сѣла въ экипажъ и велѣла ѣхать домой. Сундуки были уже отправлены на вокзалъ и въ передней лежалъ только пледъ и ручной кожаный сакъ. Другого багажа Антонина Михайловна, привычная къ путешествіямъ, никогда не брала съ собой. До отъѣзда оставалось цѣлыхъ два часа. Антонина Михайловна прошлась по квартирѣ, и ей стало скучно. Всѣ комнаты, какъ-то особенно тщательно прибранныя, уже успѣли принять мертвенный видъ нежилыхъ помѣщеній. Особенно голубой будуаръ, весь закрытый сѣрыми полотняными чехлами, безъ цвѣтовъ, ковровъ и бездѣлушекъ, былъ совершенно неузнаваемъ.

Антонина Михайловна присѣла бокомъ къ роялю и стала подбирать какой-то мотивъ, слышанный ею въ Акваріумѣ, но у нея ничего не вышло, и она, захлопнувъ крышку рояля, стала безцѣльно ходить взадъ и впередъ по гостиной... Давыдова она не ждала сегодня. Онъ долженъ былъ прямо съ своей квартиры прі-

ѣхать на вокзалъ. И до Варшавы они поѣдутъ однимъ поѣздомъ, но въ разныхъ вагонахъ.

Филиппъ доложилъ, что кушать подано, и у него былъ при этомъ хитрый видъ человѣка, который кое-что знаетъ.

Maman вышла изъ своей комнаты къ завтраку. Лицо ея было хмуро и озабоченно, точно она рѣшала трудную задачу, но она молчала, потому что боялась дочери и не смѣла сказать того, что думала. Повязавшись салфеткой и шамкая беззубымъ ртомъ, она сердито принялась за яичницу.

Раздалась тонкая, дробная трель электрическаго звонка.

Филиппъ пошелъ открывать дверь и вернулся почти тотчасъ же, неся на подносикѣ письмо.

Антонина Михайловна схватила письмо, написанное на листѣ сѣроватой писчей бумаги какимъ - то дѣтскимъ, крупнымъ почеркомъ и довольно безграмотно. Оно было отъ Давыдова.

Какъ это ни странно, но это было первое письмо, полученное Антониной Михайловной отъ него за все время ихъ знакомства. Обыкновенно они заранѣе условливались между собою о свиданіяхъ. Да и видѣться было очень легко. И это первое письмо непріятно поразило Антонину Михайловну своимъ видомъ.

«Дорогая Антонина Михайловна,—такъ начиналось посланіе,— вы не сердитесь, только я подумалъ и ѣхать съ вами не могу. На это есть много причинъ, служебныхъ и другихъ. Я ожидаю движенія по службѣ, такъ какъ Крейслеръ, кажется, на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ уходитъ, и я могу быть назначенъ на его мѣсто. Какъ же я уѣду? Вы пожалуйста не сердитесь, но ѣхать я съ вами не могу. Вы лучше поѣзжайте съ Варварой Ѳедоровной и кстати привезите мнѣ изъ Парижа такой же портсигаръ, какъ у Виктора, съ картинкой на матовомъ стеклѣ. Картинку по вашему вкусу, чтобы было «rigolo». Вексель на деньги, полученныя отъ васъ, всегда готовъ дать вамъ. Цѣлую ваши прелестныя ручки и желаю добраго пути. Прошу, не гнѣвайтесь на меня, но, право, я ѣхать не могу»...

Антонина Михайловна почувствовала, что полъ колеблется подъ ея ногами, и крѣпко ухватилась за столъ. Но и столъ двигался, и стулья, и тарелки на стѣнахъ, и даже тяжелый рѣзной буфетъ, уставленный посудой, ходилъ ходуномъ. Антонина Михайловна на минуту закрыла глаза... Когда ей стало лучше, стала снова перечитывать письмо.

— Не можетъ быть, вѣроятно, она не такъ поняла, тамъ было совсѣмъ не то!

И она читала и перечитывала письмо, вертѣла его въ своихъ

похолодѣвшихъ пальцахъ и все не хотѣла вѣрить... Потомъ она стала рвать письмо на тысячи мелкихъ кусочковъ. Никто никогда не долженъ былъ узнать, какое униженіе ей пришлось пережить.

Обманута, брошена! И какъ грубо, какъ безсердечно... И тутъ же рядомъ про деньги и вексель, портсигаръ какой-то... и чтобы было «*rigolo*»,—*онъ* весь сказался въ этомъ словѣ... О, какъ она была слѣпа, глупа и довѣрчива!... И Антонина Михайловна нервно рвала бумагу, которая жгла ей пальцы... Ей хотѣлось броситься на равнодушнаго Филиппа и на старую, безчувственную maman и выгнать ихъ вонъ изъ столовой, хотѣлось сдѣлать что-нибудь отчаянное, безобразное... Причинить себѣ боль, выброситься изъ окна на улицу и рыдать, и биться, и голосить, какъ рыдаютъ и голосятъ простыя бабы, которыхъ она видѣла у Варюши въ деревнѣ...

Но она сдѣлала надъ собою страшное усиліе, сдержалась и ничѣмъ не выдала себя.

Дня черезъ два она видѣла, какъ ея Саша ѣхалъ въ ландо съ Катринъ Бѣлостоцкой, и его плечо касалось ея плеча. А черезъ недѣлю бѣлобрысый офицерикъ съ кошачьимъ лицомъ доложилъ ей, что Саша обѣдаетъ и винтитъ теперь у Катринъ Бѣлостоцкой и что онъ собирается ѣхать за границу съ Катринъ Бѣлостоцкой, которая такъ сохранилась. Антонина Михайловна сгорбилась и опустилась, точно постарѣла...

Бабье лѣто кончилось. Начиналась осень.

Е. Шавровъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Послѣ зрѣлища въ садахъ цезаря темницы значительно опустѣли. Правда, преторіанцы еще хватали жертвъ, подозрѣваемыхъ въ христіанствѣ, но облавы доставляли все менѣе и менѣе добычи,— настолько развѣ, насколько это нужно было для послѣднихъ зрѣлищъ. Народъ, пресыщенный кровью, выказывалъ все большую тревогу по поводу небывалаго до сихъ поръ поведенія обвиненныхъ. Опасенія суевѣрнаго Вестина охватывали тысячи душъ. Въ толпѣ распространялись все болѣе и болѣе странныя вещи о мстительности христіанскаго божества. Тюремный тифъ, который распространился по городу, еще болѣе увеличивалъ всеобщую боязнь. По улицамъ тянулись погребальныя процессіи, и народъ перешептывался, что необходимы новыя «piacula» [1]) для умилостивленія невѣдомаго бога. Въ храмахъ приносились жертвы Юпитеру и Либитинѣ [2]). Наконецъ, несмотря на всѣ усилія Тигеллина и его защитниковъ, повсюду все болѣе распространялось мнѣніе, что городъ былъ подожженъ по приказанію цезаря и христіане страдаютъ невинно.

Поэтому-то именно Неронъ и Тигеллинъ и не прекращали своихъ преслѣдованій. Для успокоенія народа издавались новыя распоряженія о раздачѣ хлѣба, вина и масла; были объявлены пред-

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

1) Piacula—„очистительныя жертвы".

2 Libitina—богиня похоронъ.

писанія, касающіяся постройки домовъ, необыкновенно снисходительныя для владѣльцевъ. Самъ цезарь посѣщалъ засѣданія сената и разсуждалъ вмѣстѣ съ «отцами» о нуждахъ народа и города, но за то ни одного луча милосердія не пало на осужденныхъ. Владыкѣ міра прежде всего нужно было вселить въ народъ убѣжденіе, что такія неумолимыя кары могутъ постигать только виновныхъ. Въ сенатѣ также не раздавалось ни одного голоса въ пользу христіанъ. Никто не хотѣлъ навлекать на себя гнѣвъ цезаря; кромѣ того, люди, проникающіе взоромъ въ глубину будущаго, утверждали, что при существованіи новой религіи основанія Римскаго государства не выдержатъ.

Изъ темницъ выносили только умершихъ или умирающихъ людей и отдавали ихъ родственникамъ,—римское право не наказывало мертвыхъ. Виницію представляла нѣкоторую отраду мысль, что если Лигія умретъ, то онъ похоронитъ ее въ своемъ родовомъ склепѣ и самъ опочіетъ рядомъ съ нею. У него уже не было никакой надежды спасти ее отъ смерти и онъ самъ, на-половину оторванный отъ жизни, почти совсѣмъ погрузившійся во Христа, уже не думалъ ни о какомъ другомъ соединеніи, какъ только о вѣчномъ. Его вѣра стала совершенно непоколебимой,—вѣчность казалась ему чѣмъ-то несравненно болѣе дѣйствительнымъ и правдивымъ, чѣмъ то переходное существованіе, какимъ онъ жилъ до сихъ поръ. Сердце его было полно сосредоточеннаго восторга. Еще при жизни онъ преобразился въ существо почти безтѣлесное, которое жаждало полнаго освобожденія и для себя и для другой, любимой души. Онъ представлялъ себѣ, что они съ Лигіей тогда возьмутъ другъ друга за руки и отойдутъ въ небо, гдѣ Христосъ благословитъ ихъ и дозволитъ имъ обитать въ свѣтѣ такомъ спокойномъ и ясномъ, какимъ бываетъ блескъ зари. Виницій умолялъ Христа только избавить Лигію отъ мученій въ циркѣ и дать ей спокойно заснуть въ темницѣ. Онъ съ полною увѣренностью чувствовалъ, что и самъ умретъ вмѣстѣ съ нею. Онъ думалъ, что въ виду этого моря пролитой крови ему недозволительно даже надѣяться, что одна Лигія можетъ быть спасена. Отъ Петра и Павла онъ слышалъ, что и они также должны умереть, какъ мученики. Видъ Хилона на крестѣ убѣдилъ его, что смерть, даже мученическая, можетъ быть сладкою, и онъ хотѣлъ, чтобъ она пришла для него и для Лигіи, какъ желанная замѣна злой, грустной и тяжелой доли лучшею.

По временамъ онъ даже предвкушалъ загробную жизнь. Та скорбь, которая носилась надъ ихъ душами, мало-по-малу утрачивала прежнюю томящую горечь и постепенно обращалась въ спо-

койную покорность волѣ Божіей. Прежде Виницій съ трудомъ плылъ противъ теченія, боролся и мучился, теперь отдался волнѣ, вѣря, что она несетъ его въ вѣчное затишье. Онъ отгадывалъ, что и Лигія, также какъ и онъ, готовится къ смерти, что, несмотря на раздѣляющія ихъ тюремныя стѣны, они уже идутъ по одной дорогѣ, и улыбался этой мысли, какъ счастью.

И, дѣйствительно, они шли такъ согласно, какъ будто каждый день, и подолгу, обмѣнивались мыслями. У Лигіи также не было никакихъ желаній, никакихъ надеждъ, кромѣ надежды на загробную жизнь. Смерть представлялась ей не только какъ освобожденіе изъ страшныхъ стѣнъ темницы, изъ рукъ цезаря и Тигеллина, не только какъ спасеніе, но и какъ день соединенія съ Виниціемъ. Въ сравненіи съ этою непоколебимою увѣренностью все другое теряло свой вѣсъ. Послѣ смерти для нея начиналось счастье даже и земное, и она ждала смерти, какъ невѣста ждетъ брачной минуты.

Это гигантское теченіе вѣры, которое отрывало отъ жизни и уносило за гробовую грань первыхъ послѣдователей христіанства, подхватило также и Урса. И онъ въ глубинѣ своего сердца также долго не хотѣлъ примириться со смертью Лигіи, но когда сквозь стѣны темницы до него начали доходить слухи, что дѣлается въ амфитеатрахъ и садахъ, когда смерть представилась ему какъ общая, неизбѣжная доля всѣхъ христіанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ благо, превышающее всѣ смертныя понятія о счастьи,—онъ не смѣлъ даже и молить Христа, чтобъ онъ лишилъ этого счастья Лигію или отсрочилъ бы его на долгія лѣта. Въ его безхритростной варварской душѣ складывалось представленіе, что дочери вождя лигійцевъ надлежитъ большее, и что она получитъ больше небесныхъ радостей, чѣмъ цѣлая толпа обыкновенныхъ людей, какъ онъ, и что въ вѣчной славѣ она возсядетъ ближе къ Агнцу, чѣмъ другіе. Правда, онъ слышалъ, что предъ лицомъ Бога всѣ равны, но въ глубинѣ его души все еще гнѣздилось убѣжденіе, что дочь вождя, да еще кромѣ того вождя всѣхъ лигійцевъ, не первая встрѣчная невольница. Кромѣ того, онъ надѣялся, что Христосъ дозволитъ ему и впредь служить Лигіи. По отношенію къ самому себѣ онъ питалъ одно скрытное желаніе умереть такъ же, какъ Агнецъ,—на крестѣ. Но это представлялось ему такимъ неизмѣримымъ счастьемъ, что хотя въ Римѣ на крестѣ распинали самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ,—онъ почти не смѣлъ вымаливать себѣ такую смерть. Онъ думалъ, что вѣроятно ему суждено умереть подъ зубами дикихъ звѣрей,—и это заставляло его тревожиться. Дѣтство свое онъ провелъ въ неизмѣримыхъ лѣсахъ, среди постоянныхъ охотъ, въ ко-

торыхъ, благодаря своей нечеловѣческой силѣ, прославился между лигійцами еще раньше, чѣмъ пришелъ въ мужественный возрастъ. Охота была его любимымъ занятіемъ и потомъ, въ Римѣ, когда ему пришлось отказаться отъ нея, онъ ходилъ въ виваріи и амфитеатры, чтобы хоть издали посмотрѣть на знакомыхъ и незнакомыхъ ему звѣрей. Ихъ видъ будилъ въ немъ непреоборимое желаніе вновь извѣдать свои силы, и теперь онъ опасался въ глубинѣ души, какъ бы, когда ему вновь придется встрѣтиться съ ними въ амфитеатрѣ, имъ не овладѣли мысли, недостойные христіанина, который долженъ умирать благочестиво и терпѣливо. Но онъ и въ этомъ случаѣ полагался на Христа,—его утѣшало что-то другое, болѣе отрадное. Онъ слышалъ, что Агнецъ объявилъ войну адскимъ силамъ и злымъ духамъ, къ числу которыхъ христіанская вѣра присоединяла всѣ языческія божества, и думалъ, что въ этой войнѣ онъ очень пригодится Агнцу и сумѣетъ послужить Ему лучше другихъ,—онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобъ его душа не была сильнѣе души другихъ мучениковъ. Наконецъ, онъ молился по цѣлымъ днямъ, оказывалъ услуги узникамъ, помогалъ сторожамъ и утѣшалъ свою царевну, которая по временамъ горевала, что въ теченіе своей короткой жизни не могла совершить столькихъ добрыхъ дѣлъ, сколько совершила ихъ знаменитая Тавиѳа[3]), о которой ей въ свое время разсказывалъ апостолъ Петръ. Неимовѣрная сила гиганта была страшна даже и въ темницѣ, для нея не было ни достаточно крѣпкихъ узъ, ни рѣшетокъ,—но стражи въ концѣ полюбили Урса за его кротость. Не разъ, удивленные ясностью его духа, они разспрашивали о ея причинѣ, а лигіецъ съ такою твердою увѣренностью разсказывалъ имъ, какая жизнь ждетъ его послѣ смерти, что его слушали съ удивленіемъ. Тюремщики въ первый разъ видѣли, что въ подземелье, недоступное для лучей солнца, можетъ проникнуть счастье. И когда Урсъ убѣждалъ ихъ увѣровать въ Агнца, не одному въ голову приходило, что его служба—служба раба, а жизнь—жизнь горемыки, и не одинъ задумывался надъ своею горькой участью, конецъ которой должна положить только одна смерть.

Да, смерть, но она внушала новый страхъ и не обѣщала послѣ себя ничего,—а вотъ этотъ гигантъ и эта дѣвушка, похожая на цвѣтокъ, брошенный на гнилую солому, шли на встрѣчу ей съ радостью, какъ къ вратамъ счастья.

---

[3]) Христіанка, о которой упоминается въ *Дѣяніяхъ апостоловъ*, гл. 9, ст. 36 и 40.

II.

Однажды вечеромъ Петронія навѣстилъ сенаторъ Сцевинъ и повелъ съ нимъ долгій разговоръ о тяжкихъ временахъ, въ которыя они живутъ, и о цезарѣ. Говорилъ онъ такъ откровенно, что Петроній, хотя и былъ друженъ съ нимъ, насторожился. Сцевинъ жаловался, что міръ идетъ вкривь и вкось, безумствуетъ, и что все, вмѣстѣ взятое, должно кончиться какимъ-нибудь бѣдствіемъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ пожаръ Рима. Онъ говорилъ, что даже августіане—и тѣ недовольны, что Феній Руфъ, второй префектъ преторіанцевъ, съ величайшимъ усиліемъ сноситъ омерзительный гнетъ Тигеллина, что весь родъ Сенеки доведенъ до крайности отношеніями цезаря какъ къ своему старому учителю, такъ и къ Лукану. Въ концѣ онъ началъ ссылаться на неудовольствіе народа и даже преторіанцевъ, часть которыхъ сумѣлъ привлечь къ себѣ Феній Руфъ.

— Зачѣмъ ты говоришь это?—спросилъ Петроній.

— Изъ участія къ цезарю,— отвѣчалъ Сцевинъ.— Мой дальній родственникъ служитъ въ преторіанцахъ и называется такъ же, какъ и я, Сцевинъ, и черезъ него-то я знаю, что дѣлается въ войскѣ... Неудовольствіе растетъ и тамъ... Видишь ли, Калигула былъ такой же бѣшеный,—и смотри, что съ нимъ случилось! Нашелся Кассій Хереа... То было страшное дѣло и, конечно, среди насъ нѣтъ никого, кто бы одобрилъ его, но однако Хереа освободилъ міръ отъ чудовища.

— Или,—отвѣтилъ Петроній,—ты говоришь мнѣ такъ: «Я не одобряю Херею, но это былъ прекрасный человѣкъ и дай намъ боги больше такихъ же».

Но Сцевинъ перемѣнилъ разговоръ и началъ ни съ того, ни съ сего хвалить Пизона[1]). Онъ прославлялъ его родъ, его привязанность къ женѣ, наконецъ, умъ, спокойствіе и удивительную способность привязывать къ себѣ людей.

---

[1]) Вѣроятно, разумѣется C. Calpurnius Piso, человѣкъ знатнаго рода, славившійся въ народѣ своей добротой. „Онъ занимался краснорѣчіемъ,—говоритъ о немъ Тацитъ (*Лѣтопись*, 15, 48),—для защиты согражданъ, былъ щедръ къ друзьямъ и даже незнакомымъ, отличался кротостью въ обхожденіи“. Императоръ Калигула отнялъ у него жену, но въ скоромъ времени и ее, и самого Пизона отправилъ въ ссылку, но въ различныя мѣста (въ 37 году). При императорѣ Клавдіи, около 42 года, онъ былъ возвращенъ въ Римъ. Въ 65 году (а можетъ быть и раньше еще—въ 62 году) былъ составленъ заговоръ противъ Нерона, главою котораго считался Пизонъ; заговоръ былъ обнаруженъ, и Пизонъ долженъ былъ умереть, открывъ себѣ жилы на рукахъ.

— Цезарь бездѣтенъ,—сказалъ онъ,—и всѣ въ Пизонѣ видятъ его преемника. Несомнѣнно, всякій помогъ бы ему получить власть. Его любитъ Феній Руфъ, родъ Аннеевъ всецѣло ему преданъ. Плавтій Латеранъ и Тулій Сенеціонъ бросились бы за него въ огонь. То же самое и Наталисъ, и Субрій Флавій, и Сульпиції Асперъ, и Афраній Квинкціанъ, даже и Вестинъ.

— Этотъ послѣдній немного принесетъ пользы Пизону,—сказалъ Петроній.—Вестинъ боится даже собственной тѣни.

— Вестинъ боится сновъ и духовъ,—отвѣтилъ Сцевинъ,—но онъ человѣкъ почтенный, и его не даромъ хотятъ избрать консуломъ. А что въ душѣ онъ противится преслѣдованію христіанъ, то ты не долженъ ставить ему это въ вину, такъ какъ и тебѣ необходимо, чтобъ эти безумія прекратились.

— Не мнѣ, а Виницію,—отвѣтилъ Петроній.—Для Виниція я хотѣлъ бы спасти одну дѣвушку, но не могу, потому что вышелъ изъ милости Агенобарба.

— Какъ такъ? Ты не замѣчаешь, что цезарь снова сближается съ тобою и начинаетъ разговаривать? И я тебѣ скажу, почему. Онъ снова собирается въ Ахайю, гдѣ долженъ пѣть пѣсни собственнаго сочиненія. Онъ жаждетъ этой поѣздки и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожитъ при мысли о саркастическомъ настроеніи грековъ. Вообрази себѣ, что его можетъ встрѣтить или величайшій тріумфъ, или величайшее паденіе. Ему нуженъ добрый совѣтъ, а онъ знаетъ, что лучше, чѣмъ ты, ему никто не можетъ дать указанія. Вотъ объясненіе, почему ты опять входишь въ милость.

— Меня могъ бы замѣнить Луканъ.

— Мѣднобрадый ненавидитъ его и произнесъ ему въ своей душѣ смертный приговоръ. Онъ ищетъ только предлога, онъ всегда только ищетъ предлога. Луканъ понимаетъ, что нужно спѣшить.

— Клянусь Касторомъ!—сказалъ Петроній.—Можетъ быть. Но у меня есть еще одинъ способъ быстро возвратить утраченную милость цезаря.

— Какой?

— Повторить мѣднобрадому то, что̀ ты сказалъ мнѣ сейчасъ.

— Я ничего не говорилъ!—съ безпокойствомъ воскликнулъ Сцевинъ.

Петроній положилъ ему руку на плечо.

— Ты назвалъ цезаря безумцемъ, Пизона называлъ его преемникомъ; ты сказалъ: «Луканъ понимаетъ, что нужно спѣшить». Съ чѣмъ это вы хотите спѣшить, carissime?

Сцевинъ поблѣднѣлъ и съ минуту смотрѣлъ прямо въ глаза Петронію.

— Ты не повторишь!

— Клянусь Кипридой! Какъ ты хорошо знаешь меня. Нѣтъ, я не повторю. Я ничего не слыхалъ, но также и ничего не хочу слышать... Понимаешь? Жизнь черезчуръ коротка, чтобы стоило заботиться о чемъ-нибудь. Я прошу тебя только, чтобъ ты сегодня же навѣстилъ Тигеллина и разговаривалъ съ нимъ такъ же долго, какъ и со мною... о чемъ угодно.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что если Тигеллинъ когда - нибудь скажетъ мнѣ: «Сцевинъ былъ у тебя», то я могъ бы ему отвѣтить: «въ этотъ самый день онъ былъ также и у тебя».

Сцевинъ при этихъ словахъ сломалъ свою трость изъ слоновой кости и сказалъ:

— Да падетъ злое навожденіе на эту трость. Сегодня я буду у Тигеллина, а потомъ на пиру у Нервы. Вѣдь и ты будешь? Во всякомъ случаѣ до свиданія, черезъ день, въ амфитеатрѣ, гдѣ выступятъ послѣдніе христіане... До свиданія!

— До свиданія! — повторилъ Петроній, оставшись одинъ.— Значитъ, времени терять нельзя. Я дѣйствительно нуженъ Агенобарбу въ Ахайи,—значитъ, онъ долженъ считаться со мною.

И онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство.

Дѣйствительно, на пиру у Нервы цезарь самъ потребовалъ, чтобы Петроній возлежалъ противъ него. Ему хотѣлось говорить объ Ахайи и о городахъ, въ которыхъ онъ могъ выступить публично съ большею вѣроятностью успѣха. Больше всего его интересовали аѳиняне, которыхъ онъ боялся. Остальные августіане слушали этотъ разговоръ со вниманіемъ, чтобы, воспользовавшись обрывками рѣчей Петронія, потомъ выдавать ихъ за свои собственныя.

— Мнѣ кажется, что до сихъ поръ я не жилъ,— сказалъ Неронъ,—и рожусь только въ Греціи.

— Ты родишься для новой славы и безсмертія, — отвѣтилъ Петроній.

— Надѣюсь, что будетъ такъ и что Аполлонъ не окажется завистливымъ. Если я возвращусь съ тріумфомъ, то обѣщаю ему такую гекатомбу, какой не видалъ до сихъ поръ ни одинъ богъ.

Сцевинъ началъ цитировать стихи Горація:

«Sic te diva potens Cypri,
sic fratres Helenae, lucida sidera,
ventorumque regat Pater...» [2])

— Корабль стоитъ уже въ Неаполѣ,—сказалъ цезарь.—Я хотѣлъ бы выѣхать хоть завтра.

Петроній привсталъ и, смотря Нерону прямо въ глаза, сказалъ:

— Позволь мнѣ, божественный, прежде устроить свадебный пиръ, на который я попрошу тебя раньше всѣхъ.

— Свадебный пиръ? какой?—спросилъ Неронъ.

— Виниція съ дочерью лигійскаго царя, а твоею заложницей. Правда, теперь она въ темницѣ, но, во-первыхъ, какъ заложница, она не можетъ подвергаться заключенію, и, во-вторыхъ, ты самъ дозволилъ Виницію жениться на ней, а твои рѣшенія, какъ рѣшенія Зевса, непреложны. Поэтому ты прикажешь выпустить ее изъ темницы, а я отдамъ ее жениху.

Хладнокровіе и увѣренность, съ которой говорилъ Петроній, смутили Нерона, который всегда сбивался съ толку, коль скоро кто-нибудь говорилъ съ нимъ такимъ образомъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ и опустилъ глаза.—Я думалъ о ней и о томъ гигантѣ, который задушилъ Кротона.

— Въ такомъ случаѣ оба они спасены,—спокойно добавилъ Петроній.

Но Тигеллинъ пришелъ на помощь своему господину:

— Она въ темницѣ по повелѣнію цезаря, а ты, Петроній, самъ же говорилъ, что рѣшенія его непреложны.

Всѣ присутствующіе, знающіе исторію Виниція и Лигіи, отлично видѣли, о чемъ идетъ дѣло, и всѣ умолкли, въ ожиданіи, чѣмъ кончится разговоръ.

— Она въ темницѣ по твоей ошибкѣ, по твоему незнанію права народовъ, вопреки волѣ цезаря, — съ удареніемъ сказалъ Петроній.—Ты, Тигеллинъ, наивный человѣкъ, но вѣдь и ты не будешь утверждать, что она подожгла Римъ, потому что еслибъ ты даже и утверждалъ это, то цезарь не повѣритъ тебѣ.

Но Неронъ уже пришелъ въ себя и началъ щурить свои близорукіе глаза съ выраженіемъ неописанной злобности.

— Петроній правъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.

Тигеллинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

---

[2]) „Пусть богиня—владычица Кипра (=Венера), пусть братья Елены, свѣтлыя звѣзды (= Касторъ и Поллуксъ), и властитель вѣтровъ (= Эолъ) направляютъ путь твой, корабль!“

— Петроній правъ,—повторилъ Неронъ,— завтра предъ ней откроются двери темницы, а о свадебномъ пирѣ мы поговоримъ послѣ завтра въ амфитеатрѣ.

«Опять проигралъ»,—подумалъ Петроній.

И, возвратившись домой, онъ былъ такъ увѣренъ, что Лигіи пришелъ конецъ, что на слѣдующій день послалъ въ амфитеатръ своего отпущенника условиться съ надзирателемъ споларія. Онъ хотѣлъ выкупить тѣло Лигіи и отдать его Виницію.

III.

Во времена Нерона вошли въ обычай вечернія представленія въ циркѣ или въ амфитеатрахъ,—прежде ихъ давали рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ. Августіане любили это,—послѣ такихъ представленій наступали пиры и попойки, продолжавшіеся до утра. Хотя народъ былъ уже пресыщенъ кровью, но когда разошлась вѣсть, что конецъ игрищъ приближается и что на послѣднемъ зрѣлищѣ умрутъ послѣдніе христіане, въ амфитеатръ стеклись неисчислимыя толпы. Августіане явились всѣ до одного; они догадывались, что то будетъ не обычное представленіе, и что цезарь хочетъ устроить трагедію изъ горя Виниція. Тигеллинъ хранилъ въ тайнѣ, какой родъ муки былъ избранъ для невѣсты молодого трибуна, но это только разжигало всеобщее любопытство. Тѣ, которые видѣли когда-то Лигію въ домѣ Плавтія, теперь разсказывали чудеса о ея красотѣ. Другихъ, прежде всего, занималъ вопросъ, дѣйствительно ли они увидятъ ее сегодня на аренѣ, — отвѣтъ, который цезарь далъ Петронію у Нервы, можно было толковать двоякимъ образомъ. Допускали, что Неронъ отдастъ или, можетъ быть, уже отдалъ дѣвушку Виницію; вспоминали, что она была заложница, которой дозволялось поклоняться кому она хочетъ, и которую право народовъ не дозволяло карать.

Неувѣренность, ожиданіе и любопытство овладѣли всѣми зрителями. Цезарь прибылъ раньше, чѣмъ обыкновенно. По амфитеатру прошелъ шепотъ, что должно быть произойдетъ что-то необычайное, ибо Нерона, кромѣ Тигеллина и Ватинія, сопровождалъ Кассій, центуріонъ гигантскаго роста и непомѣрной силы, котораго цезарь бралъ съ собой только тогда, когда нуждался въ защитникѣ, напримѣръ, во время своихъ ночныхъ похожденій. Замѣтили, что и въ самомъ амфитеатрѣ приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности. Преторіанская стража была увеличена, командовалъ ею не центуріонъ, а трибунъ Сурбій Флавій, до сихъ поръ извѣстный

своею слѣпою привязанностью къ Нерону. Всѣ поняли, что цезарь на всякій случай хочетъ обезопасить себя отъ взрыва отчаянія Виниція, и любопытство возросло еще болѣе.

Глаза всѣхъ присутствующихъ съ напряженнымъ вниманіемъ обращались на мѣсто, на которомъ сидѣлъ несчастный женихъ. Виницій, блѣдный, съ каплями холоднаго пота на лбу, былъ такъ же не увѣренъ, какъ и другіе зрители, и встревоженъ до глубины души. Петроній, не зная хорошенько, что̀ наступитъ, не сказалъ ему ничего и, возвратившись отъ Нервы, только спросилъ у него, готовъ ли онъ на все и будетъ ли на зрѣлищѣ. Виницій на оба вопроса отвѣтилъ утвердительно, но по кожѣ его пробѣжали мурашки,—онъ догадался, что Петроній спрашиваетъ не безъ причины. Онъ самъ съ нѣкотораго времени жилъ какъ бы полужизнью, самъ погрузился въ смерть настолько, что примирялся со смертью Лигіи: она сулила имъ обоимъ освобожденіе и соединеніе, но теперь понялъ, что думать задолго о послѣдней минутѣ какъ о переходѣ къ спокойному сну—одно, а идти смотрѣть на мученіе существа, болѣе дорогого, чѣмъ вся жизнь—другое. Всѣ, раньше пережитыя имъ скорби, вновь отозвались въ немъ. Подавленное отчаяніе вновь громко заговорило въ его душѣ, и его охватило прежнее желаніе спасти Лигію какою бы то ни было цѣной. Утромъ онъ хотѣлъ проникнуть въ куникулы, убѣдиться, тамъ ли Лигія, но преторіанская стража охраняла всѣ входы и выходы, а распоряженія, выданныя ей, были такъ суровы, что солдаты, даже знакомые Виницію, не дозволили подкупить себя ни мольбами, ни золотомъ. Виницію казалось, что ожиданіе убьетъ его раньше, чѣмъ онъ увидитъ зрѣлище. Гдѣ-то, на днѣ его сердца, еще робко трепетала надежда, что Лигіи, можетъ быть, нѣтъ въ амфитеатрѣ, и всѣ его опасенія напрасны. По временамъ онъ цѣплялся за эту надежду изо всѣхъ силъ. Онъ говорилъ себѣ, что Христосъ могъ дозволить взять ее въ темницу, но не допуститъ, чтобъ ее замучили въ циркѣ. Прежде онъ во всемъ подчинился Его волѣ, но теперь, когда, оттолкнутый отъ дверей куникуловъ, вновь возвратился на свое мѣсто и по любопытнымъ взглядамъ, устремленнымъ на него, понялъ, что возможны даже самыя страшныя предположенія, то началъ молить Христа о помощи со страстностью, почти переходящею въ угрозу. «Ты можешь! — повторялъ онъ, конвульсивно сжимая руки. — Ты можешь!» Передъ этимъ онъ не думалъ, чтобъ эта минута, когда его опасенія обратятся въ дѣйствительность, была такъ страшна. Теперь, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что происходитъ въ немъ, онъ, все-таки, сознавалъ, что если онъ увидитъ мученія Лигіи, то

его любовь обратится въ ненависть, а его вѣра—въ отчаяніе. Сознаніе это пугало его, онъ боялся оскорбить Христа, Котораго умолялъ смилостивиться и совершить чудо. Онъ уже не просилъ Его сохранить жизнь Лигіи, онъ хотѣлъ только, чтобъ она умерла раньше, чѣмъ ее выведутъ на арену, и изъ бездонной пропасти скорби повторялъ: «Не откажи мнѣ хоть въ этомъ, и я возлюблю Тебя еще больше, чѣмъ любилъ до сихъ поръ». Въ концѣ его мысли разлетѣлись во всѣ стороны, какъ волны, гонимыя вѣтромъ. Въ немъ пробуждалась жажда мести и крови, имъ овладѣвало безумное желаніе броситься на Нерона и задушить его на виду у всѣхъ зрителей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что это желаніе опять-таки оскорбляетъ Христа и нарушаетъ Его повелѣнія. По временамъ въ его головѣ мелькала молнія надежды, что все, передъ чѣмъ содрогалась его душа, можетъ еще отвратить всемогущая и милосердная длань, но эти проблески гасли тотчасъ же подъ наплывомъ неизмѣримо горькой мысли, что Тотъ, Который однимъ словомъ могъ бы разрушить этотъ циркъ и спасти Лигію, кинулъ ее, хотя она вѣрила въ Него и возлюбила Его всѣми силами своего чистаго сердца. И Виницій воображалъ, какъ она лежитъ тамъ, въ темномъ куникулѣ, слабая, безоружная, покинутая, отданная на милость и немилость озвѣрѣлой стражи, можетъ быть, отживающая свои послѣднія минуты, а онъ долженъ сидѣть бездѣятельно въ этомъ страшномъ амфитеатрѣ, не зная, какія муки придуманы для нея, и что ему придется увидать черезъ минуту. Наконецъ, какъ человѣкъ, который, падая въ пропасть, хватается за все, что растетъ на ея краю, такъ и онъ обѣими руками ухватился за мысль, что только одна вѣра можетъ спасти ее. Оставался только одинъ этотъ способъ. Вѣдь говорилъ же Петръ, что вѣрой можно землю сдвинуть съ ея основанія.

И Виницій сосредоточился въ себя, подавилъ свои сомнѣнія, все свое существо замкнулъ въ одномъ словѣ—вѣрѣ, и ждалъ чуда.

Но какъ лопается черезчуръ туго натянутая струна, такъ и его сломило душевное напряженіе. Лицо его покрылось мертвенною блѣдностью, тѣло начинало холодѣть. Тогда онъ подумалъ, что молитвы его услышаны, что онъ умираетъ. Ему казалось, что Лигія также должно быть умерла и что Христосъ беретъ ихъ обоихъ къ себѣ. Арена, бѣлыя тоги неисчислимыхъ зрителей, свѣтъ тысячи лампъ и факеловъ—все это сразу исчезло изъ его глазъ.

— Ты боленъ, — сказалъ ему Петроній, — прикажи отнести себя домой.

И, не обращая вниманія на то, что скажетъ цезарь, онъ всталъ,

чтобы поддержать Виниція и выйти съ нимъ вмѣстѣ. Сердце его было переполнено жалостью; кромѣ того, его неимовѣрно злило то, что цезарь все время смотрѣлъ сквозь свой изумрудъ на Виниція, съ удовольствіемъ наблюдая за его скорбью, можетъ быть, для того, чтобы потомъ описать ее въ поэтическихъ строфахъ и снискать рукоплесканія слушателей.

Виницій отрицательно покачалъ головой. Онъ могъ умереть въ этомъ амфитеатрѣ, но не могъ выйти изъ него. Наконецъ, представленіе должно было сейчасъ начаться.

И дѣйствительно, почти въ эту же минуту, префектъ города взмахнулъ краснымъ платкомъ. Ворота, находящіяся противъ цезарскаго подіума со скрипомъ растворились, и изъ ихъ черной пасти на ярко освѣщенную арену вышелъ Урсъ.

Гигантъ моргалъ глазами, ослѣпленный свѣтомъ арены, потомъ дошелъ до ея средины, какъ будто разсматривая, съ чѣмъ ему придется встрѣтиться. Всѣмъ августіанамъ и большей части зрителей было извѣстно, что это тотъ самый человѣкъ, который задушилъ Кротона, и при видѣ его по всѣмъ скамьямъ пробѣжалъ шепотъ. Въ Римѣ не было недостатка въ гладіаторахъ, удивляющихъ своимъ ростомъ и размѣрами, но подобнаго еще не видали очи квиритовъ. Кассій, стоявшій за цезаремъ въ подіумѣ, казался въ сравненіи съ лигійцемъ невысокимъ человѣкомъ. Сенаторы, весталки, цезарь, августіане и народъ съ восторгомъ знатоковъ и любителей смотрѣли на его могучія, похожія на обрубки дерева, ноги, на грудь, напоминающую два соединенныхъ щита, на геркулесовскія руки. Шумъ возрасталъ съ каждою минутой. Для толпы не могло существовать большаго наслажденія, какъ видѣть эти мускулы въ дѣйствіи, въ напряженіи и въ борьбѣ. Мало-по-малу шепотъ переходилъ въ крики и торопливые разспросы, гдѣ живетъ племя, порождающее подобныхъ великановъ, а Урсъ стоялъ посреди амфитеатра, нагой, болѣе похожій на каменнаго колосса, чѣмъ на человѣка, съ сосредоточеннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальнымъ лицомъ и, видя пустую арену, съ удивленіемъ посматривалъ своими голубыми глазами то на цезаря, то на зрителей, то на рѣшетки куникулъ, откуда ожидалъ появленія палачей.

Въ минуту, когда онъ выходилъ на арену, его безхитростное сердце забилось послѣдней надеждой, что, можетъ быть, его ожидаетъ крестъ, но когда онъ не увидалъ ни креста, ни свѣже выкопанной ямы, то подумалъ, что недостоинъ этой милости и что ему придется умереть иначе, подъ клыками звѣрей. Онъ былъ безоруженъ и рѣшилъ погибнуть, какъ подобаетъ поклоннику Агнца, спо-

койно и терпѣливо. Онъ хотѣлъ еще разъ помолиться Избавителю и, ставъ на колѣна посреди арены, сложилъ руки и поднялъ глаза къ звѣздамъ, льющимъ свой свѣтъ черезъ верхнюю продушину цирка.

Поза эта не понравилась толпѣ. Довольно уже они видѣли христіанъ, умирающихъ какъ овцы. Всѣ поняли, что если гигантъ не захочетъ сопротивляться, то зрѣлище сойдетъ ни на что. Кое-гдѣ послышались свистки, но вскорѣ и они стихли,—никто не зналъ, что ждетъ гиганта, и захочетъ ли онъ бороться, когда встрѣтится съ глазу на глазъ со смертью.

Ждать долго не пришлось. Вдругъ раздался пронзительный звукъ мѣдныхъ трубъ, рѣшетка одного куникула распахнулась и на арену, сопровождаемый криками бестіаріевъ, выскочилъ ужасающій германскій туръ съ обнаженнымъ женскимъ тѣломъ, привязаннымъ къ его головѣ.

— Лигія, Лигія!—крикнулъ Виницій.

Онъ ухватился за виски, перегнулся, какъ человѣкъ, почувствовавшій въ своемъ тѣлѣ остріе копья, и хриплымъ, нечеловѣческимъ голосомъ началъ повторять:

— Я вѣрю, вѣрю! Христосъ, покажи чудо!

Онъ даже не почувствовалъ, что въ эту минуту Петроній окуталъ его голову тогой. Ему казалось, что это смерть или горе заслоняютъ его глаза. Его охватило чувство какой-то странной пустоты. Въ головѣ его не осталось ни одной мысли, и только губы безсознательно повторяли:

— Я вѣрю, вѣрю, вѣрю!

Амфитеатръ умолкъ. Августіане, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ мѣстъ, потому что на аренѣ происходило что-то необыкновенное. Покорный и готовый къ смерти лигіецъ, увидавъ свою царевну на рогахъ дикаго звѣря, вскочилъ, какъ будто до него дотронулись раскаленнымъ желѣзомъ, и, сгорбивъ спину побѣжалъ на перерѣзъ разъяренному животному.

Изъ груди зрителей вырвался отрывистый крикъ изумленія, за которымъ опять наступила глухая тишина. Лигіецъ въ мгновеніе ока нагналъ скачущаго быка и схватилъ его за рога.

— Смотри!—крикнулъ Петроній и сорвалъ тогу съ головы Виниція.

Виницій всталъ, закинулъ назадъ свое блѣдное, какъ полотно, лицо и устремилъ на арену свои стеклянные, безсознательные глаза.

Всѣ зрители затаили дыханіе. Въ амфитеатрѣ было слышно,

какъ пролетитъ муха. Люди не хотѣли вѣрить собственнымъ глазамъ. Еще съ начала Рима не было ничего подобнаго.

Лигіецъ держалъ дикое животное за рога. Его ноги выше щиколокъ ушли въ песокъ, спина выгнулась, какъ туго натянутый лукъ, голова ушла въ плечи, мускулы выступили такъ, что кожа чуть не лопалась подъ ихъ напоромъ, но онъ, все-таки, осадилъ быка на мѣстѣ. И человѣкъ и животное оставались въ такой неподвижности, что зрителямъ казалось, что они видятъ подвигъ Геркулеса или Тезея или группу, изваянную изъ камня. Но въ этомъ видимомъ покоѣ было видно страшное напряженіе двухъ борящихся силъ. Туръ, также какъ и человѣкъ, ушелъ ногами въ песокъ, а его темное, косматое тѣло скорчилось такъ, что онъ походилъ на огромный шаръ. Кто первый обезсилѣетъ, кто первый падетъ,— вотъ вопросъ, который занималъ въ эту минуту зрителей, болѣе, чѣмъ ихъ собственная судьба, чѣмъ Римъ и его владычество надъ міромъ. Для нихъ теперь лигіецъ былъ полубогомъ, достойнымъ статуй и поклоненій. Самъ цезарь также всталъ съ своего мѣста. Они съ Тигеллиномъ, услыхавъ о силѣ этого человѣка, нарочно устроили такое зрѣлище и, смѣясь, говорили другъ другу: «Пусть побѣдитель Кротона одолѣетъ тура, котораго мы выберемъ», а теперь съ удивленіемъ смотрѣли на то, что было передъ ними, какъ будто недовѣряя дѣйствительности. Въ амфитеатрѣ были такіе, что, поднявъ руки, такъ и застыли въ такомъ положеніи, у другихъ на лбу выступили капли пота, какъ будто они сами боролись съ животнымъ. Въ циркѣ былъ слышенъ только трескъ огня въ свѣтильникахъ да шелестъ угольковъ, падающихъ съ факеловъ. Голоса зрителей замерли въ ихъ устахъ, за то сердца бились такъ сильно, какъ будто хотѣли выскочить изъ груди. Всѣмъ казалось, что эта борьба длится цѣлые вѣка.

Въ это время съ арены послышался ревъ, похожій на стонъ, изъ груди зрителей тоже вырвался крикъ, и вновь воцарилась тишина. Зрителямъ показалось, что они видятъ сонъ: страшная голова быка начала повертываться въ желѣзныхъ рукахъ варвара.

Лицо лигійца, шея и руки покраснѣли, какъ пурпуръ, спина сгорбилась еще сильнѣй. Видно было, что онъ собираетъ остатки своихъ нечеловѣческихъ силъ, но что его хватитъ не надолго.

Все болѣе и болѣе глухой, хриплый и болѣзненный ревъ тура смѣшивался съ свистящимъ дыханіемъ груди гиганта. Голова звѣря повертывалась все больше, изъ пасти высовывался длинный языкъ, покрытый пѣной.

Еще минута, и до ушей зрителей, сидящихъ ближе, долетѣлъ

трескъ сломанныхъ костей, и звѣрь повалился на земь со сломанною шеей.

Въ ту же минуту гигантъ сорвалъ веревки съ его рогъ, схватилъ на руки дѣвушку и вздохнулъ полною грудью.

Лицо его было блѣдно, волоса слиплись отъ пота, плечи и руки казались облитыми водою. Съ минуту онъ простоялъ безсознательно, но потомъ поднялъ глаза и обвелъ ими зрителей.

А амфитеатръ весь обезумѣлъ.

Стѣны зданія дрогнули отъ крика десятковъ тысячъ голосовъ. Съ начала зрѣлищъ еще не было видно такого энтузіазма. Сидящіе на верхнихъ скамьяхъ покинули свои мѣста и начали спускаться внизъ, чтобъ ближе видѣть силача. Отовсюду послышались просьбы о помилованіи, страстныя, упорныя, которыя вскорѣ слились въ общій хоръ. Этотъ гигантъ теперь сталъ дорогъ народу, поклоняющемуся физической силѣ, первымъ лицомъ въ Римѣ.

Урсъ понялъ, что народъ добивается, чтобъ ему оставили жизнь и даровали свободу, но видимо этого было ему мало. Съ минуту онъ оглядывался вокругъ, потомъ приблизился къ цезарскому подіуму, и, простирая къ нему тѣло дѣвушки, поднялъ глаза съ выраженіемъ мольбы, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Надъ ней смилуйтесь, ее пощадите, для нее я сдѣлалъ это!

Зрители хорошо поняли, чего онъ просилъ. При видѣ лишенной чувствъ дѣвушки, которая въ сравненіи съ громаднымъ корпусомъ лигійца казалась малымъ ребенкомъ, волненіе охватило толпу, всадниковъ и сенаторовъ. Ея крохотная фигурка, бѣлая, точно высѣченная изъ алебастра, ея обморокъ, ужасная опасность, отъ которой ее избавилъ гигантъ, наконецъ ея красота—взволновали всѣ сердца. Иные думали, что это отецъ вымаливаетъ пощады для своего ребенка. И жалость вспыхнула вдругъ, какъ пламя. Довольно крови, довольно смерти, довольно мукъ... Голоса, въ которыхъ слышались слезы, начали просить пощады для обоихъ.

Тѣмъ временемъ Урсъ шелъ по окружности арены и, слегка покачивая тѣло дѣвушки, движеніями и глазами умолялъ оставить ей жизнь. Виницій вскочилъ съ мѣста, перепрыгнулъ черезъ загородку, отдѣляющую первыя мѣста отъ арены, подбѣжалъ къ Лигіи и набросилъ свою тогу на ея обнаженное тѣло.

Затѣмъ онъ разорвалъ на груди тунику, открылъ рубцы, оставшіеся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ армянской войнѣ, и протянулъ руки къ народу.

Тогда возбужденіе зрителей перешло всякую мѣру. Толпа начала стучать ногами и выть. Голоса, взывающіе о пощадѣ, стано-

вились грозными. Народъ не только восхищался атлетомъ, но становился на защиту дѣвушки, воина и ихъ любви. Тысячи зрителей обратились къ цезарю съ гнѣвно сверкающими глазами и сжатыми кулаками. Неронъ, все-таки, медлилъ и колебался. Правда, къ Виницію онъ не питалъ ненависти, смерти Лигіи не желалъ, но предпочелъ бы видѣть тѣло дѣвушки, распоротое рогами быка или растерзанное клыками звѣрей. Его жестокость, развращенное воображеніе и развращенныя страсти находили какое-то наслажденіе въ подобныхъ зрѣлищахъ. А вотъ теперь народъ хочетъ лишить его этого наслажденія. При этой мысли на его ожирѣломъ лицѣ показалось выраженіе гнѣва. Самолюбіе не позволяло ему подчиняться волѣ толпы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей врожденной трусости, онъ не смѣлъ противиться ей.

И Неронъ началъ смотрѣть, не замѣтитъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, августіанъ съ пальцами, опущенными внизъ, въ знакъ смертнаго приговора. Но Петроній высоко держалъ поднятую руку и, притомъ, чуть не вызывающе смотрѣлъ ему въ лицо. Суевѣрный, но склонный къ возбужденію Вестинъ, который боялся духовъ, но не боялся людей, тоже давалъ знакъ пощады. То же самое дѣлалъ сенаторъ Сцевинъ, то же самое Нерва, то же самое Тулій Сенеціонъ, то же самое старый знаменитый полководецъ Осторій Скрапула и Антистій, и Пизонъ, и Ветъ, и Криспинъ, и Минуцій Термъ, и Понцій Телезинъ, и уважаемый всѣмъ народомъ Тразеа. Увидѣвъ это, цезарь отнялъ отъ глаза изумрудъ съ выраженіемъ презрѣнія и обиды. Тогда Тигеллинъ, которому во что бы то ни стало хотѣлось сдѣлать на зло Петронію, наклонился и сказалъ:

— Не уступай, божественный,—за насъ преторіанцы.

Тогда Неронъ обернулся въ ту сторону, гдѣ команду надъ преторіанцами держалъ суровый и до сихъ поръ преданный ему всею душой Сурбій Флавій и увидѣлъ что-то необыкновенное. По грозному лицу стараго трибуна струились слезы, а рука его была поднята кверху въ знакъ пощады.

Толпою начало овладѣвать бѣшенство. Отъ топота ногъ поднялась пыль и заслонила весь амфитеатръ. Среди криковъ слышались возгласы: «Агенобарбъ! Матереубійца! Поджигатель!»

Неронъ испугался. Народъ всегда былъ полновластнымъ въ циркѣ. Предшествующіе цезари, въ особенности Калигула, позволяли себѣ иногда дѣлать вопреки его волѣ, что, впрочемъ, всегда вызывало безпорядки, доходившіе даже до кровопролитія. Но Неронъ былъ въ особомъ положеніи. Прежде всего, какъ комедіанту и пѣвцу, ему нужно было расположеніе народа; во-вторыхъ, онъ хотѣлъ

имѣть его на своей сторонѣ противъ сенаторовъ и патриціевъ; въ-третьихъ, послѣ пожара Рима ему было необходимо во что бы то ни стало привлечь къ себѣ сердца римлянъ и обратить ихъ гнѣвъ на христіанъ. Онъ понялъ, что противиться дальше просто-на-просто опасно. Волненіе, начавшееся въ циркѣ, могло охватить весь городъ и повести за собой непредвидѣнныя послѣдствія.

Цезарь еще разъ посмотрѣлъ на Сурбія Флавія, на центуріона Сцевина, родственника сенатора, на солдатъ и, видя повсюду нахмуренныя брови, взволнованныя лица и обращенные на него глаза, далъ знакъ пощады.

Громъ рукоплесканій раздался сверху до низу. Народъ уже былъ увѣренъ, что осужденные останутся живы,—съ этой минуты они находились подъ его покровительствомъ,—и даже самъ цезарь не осмѣлился бы дальше преслѣдовать ихъ своею местью.

IV.

Четверо виѳинцевъ осторожно несли Лигію въ домъ Петронія, а Виницій и Урсъ шли рядомъ, торопясь какъ можно скорѣе отдать ее въ руки греческаго врача. Они шли молча,—послѣ событій сегодняшняго дня слово не шло съ ихъ языка. Виницій до сихъ поръ, казалось, еще не пришелъ въ сознаніе. Онъ повторялъ себѣ, что Лигія спасена, что ей уже не угрожаетъ ни темница, ни смерть въ циркѣ, что невзгоды ихъ покончились разъ навсегда и что онъ возьметъ ее къ себѣ въ домъ, чтобы не разлучаться на вѣки. И ему казалось, что это не дѣйствительность, а начало какой-то другой жизни. Отъ времени до времени онъ наклонялся къ открытымъ носилкамъ, чтобы посмотрѣть на дорогое лицо, которое при свѣтѣ мѣсяца казалось спящимъ, и повторялъ про себя: «Это она! Христосъ спасъ ее!» Онъ вспоминалъ также, что въ сполiарій, куда они съ Урсомъ отнесли Лигію, явился какой-то не знакомый ему врачъ и увѣрилъ его, что дѣвушка жива и будетъ жить. При мысли объ этомъ радость такъ заливала его грудь, что по временамъ онъ ослабѣвалъ и опирался на руку Урса, не имѣя силъ идти безъ посторонней помощи. Урсъ же смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами, и молился. Они шли торопливо по улицамъ, застроеннымъ новыми бѣлыми домами, которые ярко сверкали при лунномъ освѣщеніи. Городъ былъ пустъ, только кое-гдѣ кучки людей, увѣнчанныхъ плющомъ, пѣли и танцовали подъ звуки флейты, пользуясь чудною ночью и праздничною порой, которая длилась съ начала игрищъ. Только уже приближаясь къ дому, Урсъ пересталъ молиться и заговорилъ тихо, какъ будто боялся разбудить Лигію:

— Господинъ, это Избавитель спасъ ее отъ смерти. Когда я увидалъ ее на рогахъ тура, то услыхалъ въ своей душѣ голосъ: «Защищай ее!» —и то, несомнѣнно, былъ голосъ Агнца. Темница истощила мои силы, но Онъ снова возвратилъ ихъ мнѣ на эту минуту, Онъ смягчилъ этотъ суровый народъ такъ, что онъ вступился за нее. Да будетъ Его воля.

Виницій отвѣтилъ:

— И да будетъ прославлено имя Его!...

Больше онъ ничего не могъ сказать, потому что вдругъ почувствовалъ, что рыданіе готово разорвать его грудь. Ему страстно захотѣлось пасть на землю и благодарить Избавителя за чудо и милосердіе.

Тѣмъ временемъ они дошли до дома; слуги, извѣщенные нарочно посланнымъ невольникомъ, высыпали имъ на-встрѣчу. Павелъ Тарсянинъ еще въ Антіи обратилъ въ христіанство большую часть этихъ людей. Невзгоды Виниція имъ были хорошо извѣстны, тѣмъ больше была ихъ радость при видѣ жертвъ, вырванныхъ изъ рукъ Нерона. Эта радость еще увеличилась, когда врачъ Теоклъ, осмотрѣвъ Лигію, сообщилъ, что она не испытала ни малѣйшаго поруганія и по прошествіи слабости, оставшейся послѣ горячки, выздоровѣетъ.

Сознаніе возвратилось къ Лигіи въ ту же ночь. Очнувшись въ великолѣпномъ кубикулѣ, освѣщенномъ коринескими свѣтильниками, среди аромата вербены и нарда, она не понимала, гдѣ она и что съ ней дѣлается. Послѣднее, что она помнила, — это минуту, когда ее привязывали къ рогамъ быка, скованнаго цѣпями, а теперь, при видѣ лица Виниція, освѣщеннаго мягкимъ свѣтомъ свѣтильниковъ, думала, что они оба уже не на землѣ. Мысли еще путались въ ея ослабѣвшей головѣ; ей казалось естественнымъ, что они остановились гдѣ-то по дорогѣ къ небу, благодаря ея мученичеству и слабости. Не ощущая никакой боли, она улыбнулась Виницію и хотѣла его спросить, гдѣ они, но изъ устъ ея вылетѣлъ только слабый шепотъ. Виницій лишь съ трудомъ могъ уловить свое имя.

Онъ сталъ на колѣни у ея ложа, слегка положилъ ей руку на лобъ и сказалъ:

— Христосъ спасъ тебя и возвратилъ мнѣ!

Губы Лигіи опять пошевельнулись, но черезъ минуту глаза ея закрылись, и она заснула глубокимъ сномъ, котораго такъ ожидалъ врачъ Теоклъ и послѣ котораго, по его словамъ, должно было начаться выздоровленіе.

Виницій такъ и остался на колѣняхъ и погрузился въ молитву. Душа его расплылась въ такой безконечной любви, что онъ совершенно забылся. Теоклъ нѣсколько разъ входилъ въ кубикулъ, нѣсколько разъ изъ-за занавѣски показывалась золотистая голова Эвники, наконецъ, прирученные журавли своимъ крикомъ заявили, что день начинается, а Виницій все еще мысленно обнималъ стопы Христа, не видя и не слыша, что дѣлается вокругъ него.

V.

Послѣ освобожденія Лигіи, не желая раздражать цезаря, Петроній отправился вмѣстѣ съ нимъ и другими августіанами на Палатинъ. Онъ жаждалъ услышать, о чемъ будутъ говорить тамъ, а въ особенности убѣдиться, не придумаетъ ли Тигеллинъ чего-нибудь новаго для гибели дѣвушки. Правда, и она, и Урсъ поступали какъ бы подъ покровительство народа и безъ возбужденія безпорядковъ теперь никто не могъ поднять на нихъ руку, но Петроній зналъ, какою ненавистью пылаетъ къ нему всемогущій префектъ преторіи и допускалъ, что онъ, не имѣя возможности дѣйствовать прямо, будетъ стараться какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ отомстить его племяннику.

Неронъ былъ золъ и раздраженъ,—представленіе кончилось совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. На Петронія сначала онъ даже не хотѣлъ смотрѣть, но тотъ, не теряя хладнокровія, приблизился къ нему съ непринужденностью «arbitri elegantiarum» и сказалъ:

— Знаешь, божественный, что мнѣ пришло въ голову? Напиши пѣснь о дѣвушкѣ, которую приказъ владыки міра освобождаетъ отъ роговъ дикаго тура и отдаетъ возлюбленному. Сердца у грековъ мягкія, и я увѣренъ, что ихъ эта пѣснь очаруетъ.

Нерону, несмотря на все раздраженіе, эта мысль пришлась по вкусу,—и пришлась по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, какъ тема для пѣсни, во-вторыхъ, какъ возможность прославить въ ней самого себя. Онъ съ минуту посмотрѣлъ на Петронія, потомъ сказалъ:

— Да, ты, можетъ быть, правъ. Но приличествуетъ ли мнѣ воспѣвать свое великодушіе?

— Тебѣ нѣтъ надобности называть себя по имени. Въ Римѣ всякій и такъ догадается, о чемъ идетъ дѣло, а изъ Рима вѣсти расходятся по всему свѣту.

— И ты увѣренъ, что это понравится въ Ахайи?

— Клянусь Поллуксомъ!—воскликнулъ Петроній.

И онъ ушелъ довольный. Онъ теперь былъ увѣренъ, что Неронъ, вся жизнь котораго была занята приспособленіемъ дѣйствительности къ поэтическимъ вымысламъ, не захочетъ самъ испортить темы, и такимъ образомъ свяжетъ Тигеллину руки. Это, однако, не измѣнило его намѣренія выслать Виниція изъ Рима, какъ только здоровье Лигіи сколько-нибудь поправится. И вотъ, увидавъ его на слѣдующій день, Петроній сказалъ:

— Увези Лигію въ Сицилію. Дѣло сложилось такъ, что со стороны цезаря вамъ ничего не грозитъ, но Тигеллинъ готовъ прибѣгнуть даже къ яду, если не изъ ненависти къ вамъ, то ко мнѣ.

Виницій улыбнулся и отвѣтилъ:

— Она была на рогахъ дикаго тура, а Христосъ, все-таки, спасъ ее.

— Почти его за это гекатомбой, — съ оттѣнкомъ раздраженія сказалъ Петроній, — но не заставляй его спасать Лигію во второй разъ... Ты помнишь, какъ Эолъ принялъ Одиссея, когда онъ второй разъ явился просить о благопріятномъ направленіи вѣтра? Божества не любятъ повтореній.

— Когда Онъ возвратитъ ей здоровье, я отвезу ее къ Помпоніи Грецинѣ, — сказалъ Виницій.

— И это тѣмъ болѣе будетъ хорошо, что Помпонія больна. Мнѣ говорилъ объ этомъ родственникъ Авла, Антистій. А здѣсь пока будутъ происходить такія вещи, что о васъ забудутъ, а въ настоящія времена самые счастливые тѣ, о которыхъ забыли. Да будетъ Фортуна вашимъ солнцемъ зимой и вашею тѣнью лѣтомъ!

Онъ оставилъ Виниція одного съ его счастьемъ, а самъ пошелъ распрашивать Теокла о здоровьѣ Лигіи.

Ей уже не грозило никакой опасности. Въ подземельи, при слабости, оставшейся послѣ горячки, ее непремѣнно добили бы неудобства и испорченный воздухъ, но теперь ее окружали самыя заботливыя попеченія и роскошь. По распоряженію Теокла черезъ два дня ее начали выносить въ садъ, прилегающій къ виллѣ, и оставлять тамъ на долгіе часы. Виницій украшалъ ея носилки анемонами, а въ особенности ирисами, чтобъ они напоминали ей атрій дома Авла. Не разъ, укрывшись подъ тѣнь разросшихся деревьевъ, они разговаривали о прошлыхъ горестяхъ и прошлыхъ тревогахъ. Лигія объясняла, что Христосъ нарочно провелъ его чрезъ муку, чтобъ измѣнить его душу и возвысить до Себя. Виницій чувствовалъ, что это правда и что въ немъ не осталось ничего отъ прежняго патриція, который не признавалъ никакого другого закона, кромѣ своихъ страстей. Но въ этихъ разсужденіяхъ не бы-

ло ничего горькаго. Имъ обоимъ казалось, что цѣлые года пронеслись надъ ихъ головами и что страшное прошлое лежитъ уже далеко за ними. И ими овладѣвалъ покой, какого они еще не знали до сихъ поръ. Какая-то новая жизнь, несказанно благостная, шла къ нимъ на-встрѣчу и заключала въ себя. Въ Римѣ цезарь могъ безумствовать и наполнять тревогою весь міръ,—они, чувствующіе надъ собою во сто разъ болѣе могущественное покровительство, уже не боялись ни злобы цезаря, ни его безумствъ, какъ будто онъ пересталъ быть господиномъ ихъ жизни или смерти. Разъ, при заходѣ солнца, они услыхали рычаніе львовъ и другихъ дикихъ звѣрей, доносящееся къ нимъ изъ отдаленнаго вивіарія. Когда-то эти голоса охватывали Виниція тревогой, какъ злое предзнаменованіе, а теперь они съ Лигіей только обмѣнялись улыбкой. Лигія была еще слаба, но могла ходить одна и часто засыпала въ тишинѣ сада, а Виницій всматривался въ ея лицо и невольно думалъ, что это уже не та Лигія, которую онъ встрѣтилъ у Авла. Дѣйствительно, темница и болѣзнь унесли часть ея красоты. Когда онъ видѣлъ ее въ домѣ Авла, и позже, когда пришелъ похищать ее изъ дома Миріамъ, она была прекрасна, какъ статуя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ цвѣтокъ, а теперь лицо ея стало чуть не прозрачнымъ, губы поблѣднѣли, и даже глаза казались не такими голубыми, какъ прежде. Золотоволосая Эвника, которая приносила ей цвѣты и покрывала ея ноги драгоцѣнными тканями, въ сравненіи съ ней казалась кипрскимъ божествомъ. Эстетикъ Петроній напрасно усиливался отыскать въ ней прежнее обаяніе и, пожимая плечами, думалъ про себя, что эта тѣнь изъ елисейскихъ полей не стоила стольких усилій, столько горя и мученій, которыя чуть не высосали всю жизнь изъ Виниція. Но Виницій, который любилъ ея душу, еще больше привязывался къ ней и, когда оберегалъ ея сонъ, думалъ что оберегаетъ весь міръ.

VI.

Вѣсть о чудесномъ спасеніи Лигіи быстро разнеслась среди остатковъ христіанъ, которые уцѣлѣли отъ погрома. Они начали сходиться, чтобы посмотрѣть на ту, на которую явно излилась милость Христа. Прежде всѣхъ пришелъ Назарій съ Миріамъ, у которыхъ до сихъ поръ скрывался апостолъ Петръ. Всѣ, вмѣстѣ съ Виниціемъ и Лигіей и христіанскими невольниками, съ сосредоточіемъ слушали разсказъ Урса о голосѣ, который отозвался въ его душѣ и повелѣлъ ему вступить въ борьбу съ дикимъ животнымъ,

всѣ уходили ободренные, съ надеждой, что Христосъ не допуститъ уничтожить всѣхъ своихъ поклонниковъ, прежде чѣмъ не сойдетъ Самъ въ часъ страшнаго суда. И надежда эта поддерживала сердца христіанъ, потому что преслѣдованія не прекращались до сихъ поръ. Кого голосъ народа признавалъ христіаниномъ, того городскіе вигилы тотчасъ же хватали и уводили въ темницу. Правда, жертвъ было меньше, потому что большинство было уже схвачено и замучено, остальные же ушли изъ Рима, чтобы переждать грозу въ отдаленныхъ провинціяхъ, или скрывались болѣе тщательно, не осмѣливаясь собираться на общую молитву иначе, какъ въ аренаріяхъ, лежащихъ за предѣлами города. Но и за тѣми, все-таки, слѣдили, и, хотя игрища были окончены, христіанъ сохраняли на будущее время или судили скорымъ судомъ. Хотя римскій народъ и не вѣрилъ, что христіане подожгли городъ, ихъ объявили врагами человѣчества и государства и эдиктъ, направленный противъ нихъ, существовалъ во всей своей силѣ.

Апостолъ Петръ долго не смѣлъ показаться въ домъ Петронія, но однажды вечеромъ Назарій объявилъ о его прибытіи. Лигія, которая уже ходила одна, и Виниций выбѣжали встрѣтить его и припали къ его ногамъ, а онъ привѣтствовалъ ихъ съ большимъ волненіемъ,—немного уже осталось овецъ изъ того стада, пасти которое поручилъ ему Христосъ и участь котораго оплакивало его великое сердце. Когда Виницій сказалъ ему: «Господинъ! Это ради твоей молитвы Избавитель возвратилъ ее мнѣ!»—онъ отвѣтилъ: «Онъ возвратилъ ее по вѣрѣ твоей и для того, чтобъ не замолкли всѣ уста, прославляющія Его имя». Онъ видимо теперь думалъ о тысячахъ своихъ дѣтей, растерзанныхъ дикими звѣрями, о крестахъ, какими наполнены были арены, объ огненныхъ столбахъ въ садахъ «Звѣря», потому что проговорилъ свои слова съ великою скорбью. Виницій и Лигія замѣтили, что его волоса совсѣмъ посѣдѣли, станъ сгорбился, а лицо носило такой отпечатокъ страданія, какъ будто онъ самъ перешелъ черезъ всѣ муки, отъ которыхъ погибли жертвы бѣшенства и безумія Нерона. Они оба уже понимали, что если Христосъ отдалъ Себя на мученія и смерть, то никто не можетъ уклониться отъ нихъ, хотя сердце ихъ разрывалось при видѣ апостола, угнетеннаго бременемъ лѣтъ, трудовъ и горя.

И Виницій, который уже собирался отвезти Лигію въ Неаполь, гдѣ они должны встрѣтить Помпонію и отправиться въ Сицилію, началъ умолять апостола оставить Римъ вмѣстѣ съ ними.

Но апостолъ положилъ руку на его голову и отвѣтилъ:

— Я давно уже слышу въ душѣ слова Господа, который ска-

залъ мнѣ у Тиверіадскаго озера: «Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь». — Истинно, что мнѣ нужно идти за стадомъ моимъ.

Видя, что они не понимаютъ его словъ, онъ добавилъ:

— Трудъ мой подходитъ къ концу, но отраду и отдыхъ я найду лишь въ домѣ Господа.

Потомъ онъ обратился къ нимъ: «Памятуйте меня, ибо я возлюбилъ васъ, какъ отецъ любитъ дѣтей своихъ, а что будете дѣлать въ жизни, дѣлайте это во славу Господа».

Онъ простеръ надъ ними свои старыя, дрожащія руки и благословилъ ихъ. Виницій и Лигія прижались къ нему. Они чувствовали, что это можетъ быть послѣднее благословеніе, которое они получаютъ отъ него.

Но имъ суждено было видѣться еще разъ. Нѣсколько дней спустя Петроній принесъ грозныя вѣсти изъ Палатина. Открылось, что одинъ изъ отпущенниковъ цезаря былъ христіанинъ и у него нашли письма апостола Петра, Павла Тарсянина, Іакова, Іуды и Іоанна. О пребываніи Петра въ Римѣ Тигеллину было извѣстно еще раньше, но онъ предполагалъ, что апостолъ погибъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ христіанъ. Теперь оказалось, что два столпа новой вѣры до сихъ поръ живы и находятся въ столицѣ. Рѣшено было найти ихъ и схватить во что бы то ни стало,—разсчитывали, что лишь только съ ихъ смертью корни ненавистной секты будутъ вырваны. Петроній слышалъ отъ Виниція, что самъ цезарь издалъ приказаніе, чтобы въ теченіе трехъ дней Петръ и Павелъ были взяты и заключены въ Мамертинскую темницу, и что нѣсколько отрядовъ преторіанцевъ высланы для обыска всѣхъ домовъ Затибрской части.

Виницій, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ идти предостеречь апостола. Вечеромъ онъ съ Урсомъ надѣли галльскіе плащи, закрыли лица и пошли къ Миріамъ, домъ которой находился въ самомъ концѣ Затибрской части, у подножія Яникульскаго холма. По дорогѣ они видѣли, какъ солдаты, руководимые какими-то людьми, оцѣпляли дома. Кварталъ былъ взбудораженъ, мѣстами собирались кучки любопытныхъ. Тамъ и здѣсь центуріоны выпытывали схваченныхъ, разспрашивая ихъ о Симонѣ Петрѣ и Павлѣ Тарсянинѣ.

Урсъ и Виницій, опередивъ солдатъ, благополучно дошли до дома Миріамъ и застали Петра, окруженнаго кучкою вѣрныхъ. Тимоѳей, помощникъ Павла Тарсянина, и Линнъ также находились возлѣ апостола.

При вѣсти о близкой опасности, Назарій провелъ всѣхъ тайнымъ ходомъ къ садовой калиткѣ, а потомъ къ заброшеннымъ каменоломнямъ, которыя находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Яникульскихъ воротъ. Урсъ долженъ былъ нести Линна, кости котораго еще не срослись послѣ вынесенныхъ имъ мученій. Войдя въ подземелье, христіане почувствовали себя въ безопасности и при свѣтѣ ночника начали тихо совѣтоваться, какъ спасти дорогую для нихъ жизнь апостола.

— Господинъ,—сказалъ ему Виницій,—завтра на разсвѣтѣ пусть Назарій проводитъ тебя изъ города къ Альбанскимъ горамъ. Тамъ мы найдемъ тебя и возьмемъ въ Антій, гдѣ ждетъ корабль, который перевезетъ насъ въ Неаполь и въ Сицилію. Счастливъ будетъ день и часъ, когда ты вступишь въ мой домъ и благословишь мой очагъ.

Другіе съ радостью слушали его и уговаривали апостола.

— Скройся, не уберечься тебѣ въ Римѣ. Сохрани живую правду, дабы она не погибла вмѣстѣ съ нами и тобой. Услышь насъ, которые умоляютъ тебя, какъ отца.

Апостолъ отвѣчалъ:

— Дѣти мои, кто знаетъ, когда Господь назначитъ часъ моей смерти?

Но онъ не говорилъ, что не покинетъ Римъ, и самъ колебался, что ему дѣлать,—съ нѣкотораго времени въ его душу прокралась неувѣренность и даже тревога. Но стадо его было разсѣяно, дѣло разрушено, церковь, которая передъ пожаромъ города возросла, какъ роскошное дерево, стерта въ прахъ могуществомъ «Звѣря». Не осталось ничего, кромѣ слезъ, ничего, кромѣ воспоминаній муки и смерти. Посѣвъ далъ обильный урожай, но сатана втопталъ его въ землю. Сонмы ангеловъ не пришли на помощь гибнущимъ, и вотъ теперь Неронъ распростеръ во славѣ свою длань надъ міромъ, страшный, болѣе могущественный, чѣмъ когда-либо, господинъ всѣхъ морей и всѣхъ материковъ. Не разъ уже рыбарь Божій въ одиночествѣ простиралъ свои руки къ небу и спрашивалъ: «Господь! что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ устоять? Какъ я, безсильный старецъ, могу бороться съ тою необъятною силой зла, которому Ты дозволилъ властвовать и побѣждать?»

И онъ, взывая изъ глубины горя, повторялъ въ душѣ: «Нѣтъ уже тѣхъ овецъ, которыхъ Ты повелѣлъ мнѣ пасти,—запустѣніе въ Твоемъ градѣ,—что Ты повелишь мнѣ теперь? Остаться ли мнѣ здѣсь или вывести остатки стада, дабы мы гдѣ-нибудь за морями, скрытно отъ всѣхъ, славили имя Твое?»

И онъ колебался. Онъ вѣрилъ, что живая правда не сгибнетъ и перевѣситъ зло, но по временамъ думалъ, что для этой правды еще не пришло время, а придетъ оно тогда, когда Господь снизойдетъ на землю въ день судный, во славѣ и силѣ, во сто разъ большей, чѣмъ сила Нерона.

Часто ему казалось, что если онъ оставитъ Римъ, то вѣрные пойдутъ за нимъ, а онъ уведетъ ихъ туда, въ тѣнистые сады Галилеи, къ тихой глади Тиверіадскаго озера, къ пастухамъ, спокойнымъ, какъ овцы, которыхъ они сами пасутъ на лугахъ, поросшихъ тимьяномъ и нардомъ. И все большая и большая жажда тишины и отдыха, все большая тоска по озеру и Галилеѣ овладѣвала сердцемъ рыбака, слезы все чаще набѣгали на глаза старца.

Но когда на минуту онъ останавливался на этомъ выборѣ, его охватывали внезапный страхъ и тревога. Какъ же ему оставить этотъ городъ, въ почву котораго проникло столько мученической крови, гдѣ столько умирающихъ устъ давали свидѣтельство правды? Можетъ ли онъ уклониться отъ этого? И что онъ отвѣтитъ Господу, когда онъ услышитъ слова: «Они умерли за вѣру свою, а ты бѣжалъ»?

Дни и ночи его проходили въ тоскѣ и огорченіи. Тѣ, которыхъ растерзали львы, послѣ минутныхъ мученій почили въ Господѣ, а онъ не могъ спать и чувствовалъ муку, большую чѣмъ та, которую палачи изобрѣтали для своихъ жертвъ. Разсвѣтъ часто озарялъ крыши домовъ, когда Петръ еще взывалъ изъ глубины своего взволнованнаго сердца:

— Господи, не Ты ли повелѣлъ мнѣ прійти сюда и въ этомъ гнѣздѣ Звѣря основать престолъ Твой?

Тридцать четыре года со смерти Господа своего онъ не видалъ покоя. Съ посохомъ въ рукѣ онъ обходилъ міръ и проповѣдывалъ «благую вѣсть». Его силы исчерпались въ путешествіяхъ и трудахъ, наконецъ въ этомъ городѣ, въ этой столицѣ міра онъ утвердилъ дѣло Божіе, но огненное дыханіе злобы испепелило его, и Петръ видѣлъ, что борьбу нужно вести сначала. И какую борьбу! Съ одной стороны цезарь, сенатъ, народъ, легіоны, желѣзнымъ обручемъ охватывающіе весь міръ, неисчислимые города, неисчислимыя земли,—могущество, котораго не видало человѣческое око,—съ другой стороны — онъ, настолько согбенный лѣтами и работой, что его дрожащія руки едва могли влачить дорожный посохъ.

И по временамъ онъ говорилъ себѣ, что не ему мѣряться съ римскимъ цезаремъ, и что это дѣло можетъ совершить только самъ Христосъ.

Всѣ эти мысли теперь мелькали въ его озабоченной головѣ, когда онъ выслушивалъ просьбу послѣдней горсти своихъ вѣрныхъ, а тѣ, окружая его все тѣснѣй, повторяли умоляющими голосами:

— Скройся, учитель, и насъ выведи изъ-подъ власти Звѣря.

Наконецъ и Линнъ преклонилъ передъ нимъ свою измученную голову.

— Господинъ!—заговорилъ онъ,—Избавитель повелѣлъ тебѣ пасти овецъ Своихъ, но ихъ уже нѣтъ здѣсь или завтра не будетъ,—иди туда, гдѣ ты можешь найти ихъ. Слово Божіе живетъ еще и въ Іерусалимѣ, и въ Антіохіи, и въ Эфесѣ, и въ другихъ городахъ. Что ты совершишь, если останешься въ Римѣ? Если ты падешь, то умножишь только торжество Звѣря. Іоанну Господь не назначилъ предѣла жизни, Павелъ—римскій гражданинъ и безъ суда его покарать не могутъ, но если на тебя обрушится адская злоба, тѣ, у которыхъ уже и такъ ослабѣло сердце, будутъ спрашивать: Кто сильнѣй Нерона? Ты — камень, на которомъ созиждена церковь Божія. Дай намъ умереть, но не дозволь антихристу одолѣть намѣстника Божія и не возвращайся до тѣхъ поръ, пока Господь не сокрушитъ пролившаго невинную кровь.

— Воззри на слезы наши!—повторяли присутствующіе.

Слезы текли и по лицу Петра. Онъ всталъ, простеръ руки надъ колѣнопреклоненными христіанами и проговорилъ:

— Да будетъ благословенно имя Господа и да совершится воля Его!

VII.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня двѣ темныя фигуры подвигались по дорогѣ Аппія къ развалинамъ Кампаньи.

То были Назарій и апостолъ Петръ, который покидалъ Римъ и своихъ, обреченныхъ на мученія, единовѣрцевъ.

На востокѣ небо уже принимало слабый зеленоватый оттѣнокъ, который мало-по-малу обрамлялся внизу шафранною полоской. Деревья съ серебряными листьями, бѣлый мраморъ виллъ и арки водопроводовъ, бѣгущія по равнинѣ къ городу, выдѣлялись изъ темноты. Зеленая окраска неба становилась все ярче и пропитывалась золотомъ. Востокъ также началъ алѣть и освѣтилъ Альбанскія горы, которыя показались во всей своей красотѣ, точно сплетенныя изъ однихъ лучей свѣта.

Разсвѣтъ отражался въ капляхъ росы, что дрожали на листьяхъ деревьевъ. Туманъ рѣдѣлъ, открывая все болѣе широкій видъ

на равнину, на усѣивающіе ее дома, на кладбища, маленькіе городки и группы деревьевъ, между которыми бѣлѣли колонны храмовъ.

Дорога была пуста. Поселяне, которые привозили овощи въ городъ, видимо еще не успѣли приготовить свои телѣжки. Деревянныя сандаліи путниковъ гулко стучали по каменнымъ плитамъ, которыми была выложена дорога вплоть до самыхъ горъ.

Солнце вышло изъ-за цѣпи горъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ странное зрѣлище поразило апостола. Ему показалось, что золотистый дискъ, вмѣсто того, чтобъ подниматься выше, опустился съ горъ и движется по дорогѣ.

Тогда Петръ остановился и сказалъ:

— Ты видишь свѣтъ, который приближается къ намъ?

— Я не вижу ничего,— отвѣтилъ Назарій.

Петръ защитилъ глаза рукою и сказалъ черезъ минуту:

— Кто-то идетъ къ намъ въ блескѣ солнца.

Однако, до ушей его не долеталъ ни малѣйшій звукъ шаговъ. Вокругъ все было совершенно тихо. Назарій видѣлъ только, какъ вдали дрожатъ деревья, какъ будто ихъ кто-нибудь колеблетъ, а свѣтъ все шире разливается по долинѣ.

И онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на апостола.

— Учитель! что съ тобою?—испуганно воскликнулъ онъ.

Посохъ Петра выпалъ изъ его рукъ на дорогу, глаза неподвижно смотрѣли впередъ, губы раскрылись, на лицѣ рисовались изумленіе, радость, восторгъ.

Вдругъ онъ упалъ на колѣни, съ простертыми руками, а изъ его устъ вырвался крикъ:

— Христосъ! Христосъ!...

И онъ припалъ къ землѣ, какъ будто цѣловалъ чьи-то стопы.

Долго длилось молчаніе, потомъ въ тишинѣ послышались прерываемыя рыданіями слова старца:

— Quo vadis, Domine [1])?

И до ушей его дошелъ грустный и кроткій голосъ, который говорилъ:

— Если ты оставилъ Мой народъ, то Я иду въ Римъ, чтобъ паки Меня распяли.

Апостолъ лежалъ на землѣ безъ движенія и слова. Назарію казалось, что онъ умеръ или лишился чувствъ, но Петръ наконецъ

---

[1]) „Камо грядеши, Господи?"

всталъ, дрожащими руками поднялъ свой посохъ и, ничего не говоря, повернулъ къ семи холмамъ города.

Мальчикъ, видя это, повторилъ, какъ эхо:

— Quo vadis, Domine?

— Въ Римъ,—тихо отвѣтилъ апостолъ.

И онъ возвратился.

Павелъ, Іоаннъ, Липпъ и всѣ вѣрные встрѣтили его съ удивленіемъ и тревогой тѣмъ большей, что на разсвѣтѣ, тотчасъ же послѣ его ухода, преторіанцы окружили жилище Миріамъ и искали апостола. Но на всѣ вопросы Петръ отвѣчалъ съ радостью и спокойствіемъ:

— Я видѣлъ Господа!

И въ этотъ же вечеръ онъ отправился въ Остраній, чтобы поучать и крестить тѣхъ, которые хотѣли омыться въ водѣ жизни.

Съ тѣхъ поръ онъ приходилъ туда каждый день, а за нимъ стекалась все болѣе и болѣе многочисленная толпа. Казалось, изъ каждой слезы мучениковъ рождаются новые послѣдователи ученія Христа, каждый стонъ на аренѣ отражается эхомъ въ тысячѣ сердецъ.

Цезарь плавалъ въ крови, Римъ и весь языческій міръ неистовствовали, но тѣ, которые достаточно насмотрѣлись на кровь и безуміе, тѣ, которыхъ топтали, тѣ, чья жизнь была сплошною цѣпью горя и угнетенія, всѣ униженные, всѣ скорбные, всѣ несчастные приходили слушать странный разсказъ о Богѣ, который изъ любви къ людямъ, чтобъ искупить ихъ вины, отдалъ себя на пропятіе.

И, находя Бога, Котораго могли любить, они находили то, чего не могъ дать тогдашній міръ, — счастье, проистекающее изъ любви.

И Петръ понялъ, что ни цезарь, ни всѣ его легіоны не осилятъ живой правды, что ее не зальютъ ни слезы, ни кровь и что только теперь начинается ея торжество. Онъ понялъ, почему Господь возвратилъ его съ дороги: городъ преступленій, гордости, разврата и безпримѣрнаго могущества начиналъ быть Его городомъ, двойною столицей, которая должна управлять всѣмъ міромъ, какъ тѣлами, такъ и душами.

VIII.

Наконецъ, подошло время для обоихъ апостоловъ, но, какъ бы передъ концомъ, Божьему рыбарю было суждено уловить двѣ души

даже въ темницѣ: солдаты Процессъ и Мартиніанъ, которые стерегли его въ Мамертинской темницѣ, приняли крещеніе. Потомъ наступило время мученія. Нерона тогда не было въ Римѣ, приговоръ изрекли Гелій и Поликтетъ, два отпущенника, которымъ онъ поручилъ во время своего отсутствія править Римомъ. Престарѣлаго апостола прежде всего подвергли установленному закономъ бичеванію, а на слѣдующій день вывели за городскія стѣны, къ Ватиканскому холму, гдѣ онъ долженъ былъ подвергнуться предназначенной ему крестной казни. Солдаты дивились толпѣ, которая собралась возлѣ темницы, потому что въ ихъ понятіи смерть простого человѣка, вдобавокъ еще чужеземца, не должна была возбуждать такого любопытства. Они не понимали, что толпа слагалась не изъ любопытныхъ, а изъ христіанъ, жаждущихъ сопровождать на мѣсто казни великаго апостола. Наконецъ, послѣ полудня отворились ворота, и Петръ появился, окруженный отрядомъ преторіанцевъ. Солнце уже склонялось къ Остіи, день стоялъ тихій и погожій. Во вниманіе къ дряхлымъ лѣтамъ Петра, его не принудили нести крестъ,—предполагалось, что едва ли онъ осилитъ это,—а также не ущемили его шею между зубьями вилъ, чтобы не затруднять его шествія. Петръ шелъ свободно, и вѣрные хорошо могли видѣть его. Въ ту минуту, когда среди стальныхъ шлемовъ солдатъ показалась его бѣлая голова, въ толпѣ послышалось было рыданіе, но тотчасъ же смолкло, потому что лицо его было такъ ясно и свѣтилось такою радостью, что всѣ поняли, что то не жертва идетъ на казнь, но побѣдитель свершаетъ свое тріумфальное шествіе.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Рыбакъ, всегда такой покорный и согбенный, теперь шелъ, выпрямивъ станъ, превышая своимъ ростомъ солдатъ. Никогда еще въ его фигурѣ не видали столько величія. Могло показаться, что это шествуетъ монархъ, окруженный народомъ и воинствомъ. Со всѣхъ сторонъ послышались голоса: «То Петръ отходитъ къ Богу». Всѣ какъ будто забыли, что его ждутъ мученія и смерть, всѣ шли въ торжественномъ сосредоточеніи, но спокойно, сознавая, что со времени смерти на Голгоѳѣ до сихъ поръ не произошло ничего столь великаго, и что если та смерть искупила весь міръ, то эта искупаетъ Римъ.

По дорогѣ встрѣчные приходили въ изумленіе при видѣ старца, а христіане дотрогивались до нихъ и говорили: «Смотрите, какъ умираетъ праведникъ, который зналъ Христа и проповѣдывалъ любовь на землѣ». Язычники задумывались и уходили, думая: «Во истину, этотъ не могъ быть неправымъ!»

Городской шумъ и крики смолкали. Процессія подвигалась мимо вновь построенныхъ домовъ, мимо бѣлыхъ колоннъ храмовъ, надъ которыми простиралось небо, глубокое, умиротворенное, лазурное. Шла она въ тишинѣ, развѣ только отъ времени стукнетъ чье-нибудь оружіе или послышится шепотъ молитвы. Петръ прислушивался къ нему, и лицо его разгоралось все большею радостью, потому что его взоръ едва могъ охватить эти тысячи его единовѣрцевъ. Онъ чувствовалъ, что завершилъ свое дѣло, зналъ, что правда, которую проповѣдовалъ всю свою жизнь, зальетъ все, какъ волна, и ничто уже не въ состояніи задержать ея разливъ. И онъ поднималъ глаза свои кверху и говорилъ: «Господь, ты повелѣлъ мнѣ покорить городъ, который владычествуетъ надъ міромъ, и я покорилъ его. Ты повелѣлъ мнѣ основать въ немъ Твой престолъ, и я основалъ его. Теперь этотъ городъ—Твой, и я иду къ Тебѣ, ибо я утомился чрезмѣрно». Проходя мимо храмовъ, онъ говорилъ имъ: «Вы будете Христовыми храмами». Смотря на толпу людей, снующую передъ его глазами, онъ говорилъ имъ: «Дѣти ваши будутъ слугами Христа»,—и шелъ въ сознаніи своей побѣды, въ сознаніи своей заслуги, въ сознаніи своей мощи, умиротворенный, великій. Солдаты повели его черезъ Тріумфальный мостъ, какъ бы невольно признавая его тріумфъ, и шли дальше, по направленію къ Навмахіи и цирку. Вѣрные изъ-за Тибра присоединились къ шествію,—составилась такая толпа народу, что центуріонъ, предводительствующій преторіанцами, догадавшись, что сопровождаетъ какого-то великаго жреца, встревожился при видѣ малаго числа своихъ солдатъ. Но изъ толпы не слышалось ни одного крика негодованія или бѣшенства. Лица христіанъ были проникнуты величіемъ минуты, торжественны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преисполнены ожиданія,—нѣкоторые христіане, вспоминая, что при смерти Христа земля разверзалась отъ ужаса, а мертвые выходили изъ гробовъ, думали, что и теперь будутъ какіе-нибудь видимые знаки, послѣ которыхъ память о смерти апостола не изгладится во вѣкъ. Иные даже говорили себѣ: «Можетъ быть Господь изберетъ часъ смерти Петра, для того чтобы снизойти съ неба и судить міръ»,—и взывали къ милосердію Избавителя.

Но вокругъ все было спокойно. Горы, казалось, точно грѣются и нѣжатся на солнцѣ. Шествіе, наконецъ, остановилось между циркомъ и Ватиканскимъ холмомъ. Солдаты принялись рыть яму,—тѣ, которые несли крестъ, молотъ и гвозди, сложили все это наземь, толпа же, такая же тихая и сосредоточенная, опустилась на колѣни. Апостолъ, съ головою озаренной золотымъ блескомъ солн-

ца, въ послѣдній разъ повернулся къ городу. Вдали, внизу, струился сверкающій Тибръ; на противоположномъ берегу—Марсово поле, мавзолей Августа, ниже, огромныя термы, которыя Неронъ началъ только-что строить, еще ниже—театръ Помпея, а за нимъ постройки Септима Юлія, множество портиковъ, храмовъ, колоннъ, кровель и, наконецъ, тамъ, вдали, холмы, облѣпленные домами,—гигантскій людской муравейникъ, границы котораго исчезали въ голубой мглѣ, гнѣздо преступленій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силы, безумія и гармоніи, которое стало главою міра, его угнетеніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его закономъ,—всемогущее, непобѣдимое, вѣчное.

Петръ, окруженный солдатами, смотрѣлъ на городъ такъ, какъ владыка и царь смотритъ на свое наслѣдіе. И онъ говорилъ ему: «Ты искупленъ и ты мой». И никто, не только среди солдатъ, роющихъ яму, но даже и среди христіанъ, не сумѣлъ отгадать, что среди нихъ дѣйствительно стоитъ истинный владыка этого теченія, что не станетъ цезарей, протекутъ волны варваровъ, минуютъ вѣка, а этотъ старецъ будетъ безпрерывно царствовать здѣсь.

Солнце все больше склонялось къ Остіи огромнымъ, краснымъ шаромъ. Вся западная часть неба загорѣлась яркимъ пламенемъ. Солдаты приблизились къ Петру, чтобъ обнажить его.

Но онъ вдругъ выпрямился и высоко воздѣлъ правую руку. Палачи остановились, какъ будто испуганные, вѣрные затаили дыханіе въ груди, думая, что Петръ хочетъ сказать что-то. Наступила ничѣмъ не нарушимая тишина.

А Петръ, стоя на возвышенности, сдѣлалъ крестное знаменіе, давая благословеніе въ минуту смерти.

— Urbi et orbi [1])!

Въ тотъ же самый чудный вечеръ другой отрядъ солдатъ велъ Павла по Остійской дорогѣ къ мѣстности, называемой Aquae Salviae. И за нимъ также слѣдовала толпа вѣрныхъ, которыхъ онъ обратилъ въ христіанство. Павелъ узнавалъ близкихъ знакомыхъ, останавливался и разговаривалъ съ ними, — стража почтительно обходилась съ нимъ, какъ съ римскимъ гражданиномъ. За Тригеминскими воротами онъ встрѣтилъ Плаутиллу, дочь префекта Флавія Сабина, и, видя слезы на ея молодомъ лицѣ, сказалъ ей: «Плаутилла, дщерь вѣчнаго Избавленія, отыди съ миромъ. Дай мнѣ только свое покрывало, которымъ завяжутъ мнѣ глаза, когда я буду отходить къ Господу». И, взявъ покрывало, онъ пошелъ впе-

---

[1]) „Городу и міру“.

редъ съ такимъ радостнымъ лицомъ, съ какимъ вдоволь натрудившійся рабочій возвращается домой. У него, какъ и у Петра, мысли были спокойны и ясны, точно это вечернее небо. Глаза его задумчиво смотрѣли на равнину, которая разстилалась передъ нимъ, и на Альбанскія горы, залитыя солнечнымъ блескомъ. Онъ вспомнилъ о своихъ путешествіяхъ, о трудахъ и работѣ, о борьбѣ, изъ которой выходилъ побѣдителемъ, о церквахъ, которыя основалъ по всѣмъ землямъ и за всѣми морями,—и думалъ, что по справедли вости заслуживаетъ отдыха. И онъ также совершилъ свое дѣло. Онъ чувствовалъ, что его посѣва уже не развѣетъ вѣтеръ злобы. Изъ міра онъ удалялся съ увѣренностью, что въ борьбѣ, которую его правда объявила міру, она побѣдитъ, и неизмѣримое спокойствіе спускалось въ его душу.

Путь до мѣста казни былъ длиненъ, вечеръ начиналъ уже спускаться. Горы приняли пурпурный оттѣнокъ, а подножія ихъ погружались въ тѣнь. Стада возвращались домой. Кое-гдѣ шли кучки невольниковъ съ рабочими орудіями за плечами. У домовъ, на дорогѣ, играли дѣти, съ любопытствомъ оглядываясь на проходящій мимо нихъ отрядъ солдатъ. Въ этотъ вечеръ, въ этомъ прозрачномъ, золотистомъ воздухѣ царили не только покой и умиротвореніе, но и какая-то гармонія, которая отъ земли, казалось, возносится къ небу. Павелъ слышалъ ее, и сердце его переполнялось радостью при мысли, что къ этой гармоніи міра присоединится еще одинъ звукъ, котораго не было до сихъ поръ, и безъ котораго земля была бы «какъ мѣдь звенящая и какъ кимвалъ бряцающій».

И онъ вспоминалъ, какъ онъ училъ людей любви, какъ говорилъ имъ, что хотя бы они роздали имущество нищимъ, хотя бы познали всѣ языки, всѣ тайны и всѣ науки,—они будутъ ничто безъ любви, ласкающей, долготерпѣливой, которая не причиняетъ зла, не жаждетъ поклоненія, вѣритъ всему, на все надѣется, все переноситъ.

И вотъ, вся его жизнь ушла на проповѣдь такой правды. А теперь онъ говорилъ себѣ: какая сила преодолѣетъ ее и что ее побѣдитъ? Какъ подавить ее можетъ цезарь, хотя бы у него было вдвое больше легіоновъ, вдвое больше городовъ и морей, земель и народовъ?

И онъ шелъ на мѣсто казни, какъ побѣдитель.

Шествіе оставило большую дорогу и повернуло на востокъ къ Сальвійскимъ Водамъ У источника центуріонъ остановилъ солдатъ. Минута наступила.

Но Павелъ, перекинувъ черезъ плечо покрывало Плаутиллы,

еще разъ возвелъ глаза, полные спокойствія, къ горящему вечернимъ румянцемъ небу и молился. Да, минута наступила, но онъ видѣлъ передъ собой широкую дорогу, устланную лучами зари и ведущую къ небу, и въ душѣ повторялъ тѣ слова, которыя написалъ передъ этимъ, въ предчувствіи окончанія своей задачи и близкаго конца: «Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ, а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды».

IX.

А Римъ безумствовалъ по-прежнему. Казалось, что городъ, который покорилъ весь міръ, наконецъ, при отсутствіи предводителей, начинаетъ разлагаться самъ въ себѣ. Лишь только миновалъ день смерти апостоловъ, обнаружился заговоръ Пизона, а затѣмъ пошла такая неумолимая косьба самыхъ лучшихъ головъ Рима, что даже тѣмъ, которые считали Нерона божествомъ, онъ сталъ казаться божествомъ смерти. Трауръ спустился на городъ, страхъ поселился во всѣхъ домахъ и сердцахъ, но портики все еще увѣнчивались плющомъ и цвѣтами,—горевать по умершимъ не дозволялось. Люди, просыпаясь по утру, задавали себѣ вопросъ, чья очередь наступитъ сегодня? Свита призраковъ, тянущаяся за цезаремъ, увеличивалась съ каждымъ днемъ.

Пизонъ заплатилъ жизнью за заговоръ, а за нимъ послѣдовали Сенека и Луканъ, Феній Руфъ и Плавтій Латеранъ, Флавій Сцевинъ и Афраній Квинкціанъ, и развратный товарищъ безумій цезаря — Тулій Сенеціонъ, и Прокулъ, и Арарикъ, и Тугуринъ, и Гратъ, и Силанъ, и Проксимъ, и Субрій Флавъ, когда-то всею душой преданный Нерону, и Сульпицій Асперъ. Однихъ губила собственная ничтожность, другихъ—боязнь, третьихъ—богатство, четвертыхъ—мужество. Цезарь, устрашенный однимъ спискомъ заговорщиковъ, окружилъ солдатами городскія стѣны и держалъ Римъ точно въ осадѣ, посылая каждый день центуріоновъ со смертными приговорами въ подозрѣваемые дома. Приговоренные низко льстили въ письмахъ, полныхъ похвалъ, благодаря цезаря за приговоръ и завѣщая ему часть своего имущества, чтобъ остальное оставить дѣтямъ. Въ концѣ-концовъ казалось, что Неронъ умышленно переходитъ всѣ границы, чтобъ убѣдиться, до какой степени оподлѣли люди и долго ли они будутъ сносить его кровавое владычество. Послѣ заговорщиковъ умертвили ихъ родныхъ, друзей, даже простыхъ знакомыхъ. Обитатели великолѣпныхъ домовъ, воздвигнутыхъ послѣ пожара, выходя на улицу, были увѣрены, что встрѣ-

тятъ не одну погребальную процессію. Помпей, Корнелій Марціалъ, Флавій Непотъ и Стацій Домицій погибли, обвиненные въ недостаткѣ любви къ цезарю, Новій Прискъ, какъ другъ Сенеки; Руфрія Криспина лишили воды и огня [1]) потому, что когда-то онъ былъ мужемъ Поппеи. Великаго Тразею сгубила его добродѣтель; многіе заплатили жизнью за свое благородное происхожденіе, даже и Поппеа пала жертвой минутной вспышки цезаря.

А сенатъ разстилался передъ страшнымъ владыкой, воздвигалъ въ честь его храмы, вѣнчалъ его статуи и назначалъ ему жрецовъ, какъ божеству. Сенаторы со страхомъ въ душѣ шли на Палатинъ, чтобы восхвалять пѣніе Періодоника [2]) и безумѣть вмѣстѣ съ нимъ среди оргіи нагихъ тѣлъ, вина и цвѣтовъ.

А тѣмъ временемъ внизу, на нивѣ, пропитанной кровью и слезами, взросталъ тихо, но все болѣе и болѣе укрѣпляясь, посѣвъ Петра.

X.

Виницій Петронію:

«И мы, carissime, знаемъ, что творится въ Римѣ, а чего не знаемъ, то дополняютъ твои письма. Если бросишь камень въ воду, волна расходится все дальше и дальше вокругъ, вотъ такая-то волна безумія и злобы дошла изъ Палатина до насъ. Цезарь приказалъ Каринасу по дорогѣ въ Грецію заѣхать къ намъ, и онъ ограбилъ всѣ наши города и храмы, чтобъ пополнить пустую казну. Цѣною пота и слезъ человѣческихъ созидается въ Римѣ «domus aurea» [1]). Быть можетъ, міръ до сихъ поръ не видалъ такого дѣла, за то не видалъ и такихъ несправедливостей. Впрочемъ, ты знаешь Каринаса. На него былъ похожъ Хилонъ, прежде чѣмъ смертью не искупилъ свою жизнь. Но до городовъ, лежащихъ возлѣ моего помѣстья, люди Каринаса не добрались, можетъ быть потому, что въ нихъ нѣтъ храмовъ и сокровищъ. Ты спрашиваешь, въ безопасности ли находим-

---

[1]) Лишеніе воды и огня (aquae et ignis interdictio) состояло въ запрещеніи извѣстному лицу пользоваться этими предметами, необходимыми для жизни. Это наказаніе имѣло цѣлью заставить осужденнаго удалиться добровольно въ изгнаніе за предѣлы Римскаго государства, куда ему угодно. Въ императорскую эпоху это наказаніе почти вышло изъ употребленія и было замѣнено другимъ—deportatio, т.-е. ссылкой въ мѣсто, назначенное императоромъ. Такъ, и объ упомянутомъ въ текстѣ Руфріи Криспинѣ въ лѣтописи Тацита (XV, 71) сказано просто pellitur „былъ изгнанъ".

[2]) Periodonices назывался побѣдитель на четырехъ большихъ общественныхъ играхъ въ Греціи—олимпійскихъ, пиѳійскихъ, немейскихъ и исѳмійскихъ. Здѣсь этимъ именемъ названъ Неронъ.

[1]) „Золотой домъ". Такъ назывался громадный дворецъ Нерона, сперва называвшійся domus transitoria.

ся мы? Я скажу тебѣ только, что о насъ забыли,—пусть это и послужитъ тебѣ отвѣтомъ. Въ ту минуту, изъ портика, подъ которымъ я пишу это письмо, я вижу нашъ спокойный заливъ, а на немъ лодку и Урса, который погружаетъ сѣть въ свѣтлую глубину моря. Моя жена прядетъ пурпуровую шерсть, а въ садахъ, подъ тѣнью миндальныхъ деревьевъ, поютъ наши невольники. О, какое спокойствіе, carissime, и какое забвеніе прежнихъ тревогъ и горестей! Но то не Парки, какъ ты пишешь, прядутъ сладкую нить нашей жизни, то насъ благословилъ Христосъ, нашъ возлюбленный Богъ и Избавитель. Не скажу, чтобы горе и слезы не были невѣдомы намъ,—наша вѣра повелѣваетъ намъ оплакивать чужое горе, но даже и въ этихъ слезахъ кроется незнакомое вамъ утѣшеніе, что когда-нибудь, когда ударитъ часъ нашей смерти, мы найдемъ всѣхъ дорогихъ намъ, которые погибли и которые должны погибнуть за божественное ученіе. Для насъ Петръ и Павелъ не умерли, но возродились во славѣ. Души наши видятъ ихъ, и когда очи наши плачутъ, сердца радуются ихъ радостью. Да, дорогой мой, мы счастливы счастьемъ, которое никто не можетъ разрушить, ибо даже и смерть, которая для васъ является концомъ всего, для насъ будетъ только переходомъ еще къ большему покою, къ большей любви, къ большей радости.

И такъ протекаютъ здѣсь дни и мѣсяцы въ ненарушимой ясности нашихъ сердецъ. Слуги наши и невольники такъ же, какъ и мы, вѣруютъ во Христа, а такъ какъ Онъ заповѣдалъ любовь, то мы любимъ другъ друга. Когда солнце заходитъ или мѣсяцъ уже отражается въ водѣ, мы съ Лигіей разговариваемъ о прошедшемъ, которое теперь представляется намъ какимъ-то сномъ, а когда я подумаю, что эта дорогая головка, которую я теперь покою на своей груди, была такъ близка отъ муки и гибели, то всею душой прославляю своего Господа, ибо Онъ одинъ могъ вырвать ее съ арены и возвратить мнѣ навсегда... О, Петроній, ты, вѣдь, самъ видѣлъ, какую твердость и утѣшеніе даетъ это ученіе въ минуту несчастія, теперь присмотрись, какое счастье даетъ оно въ обыкновенной жизни. Видишь ли, люди до сихъ поръ не знали Бога, котораго можно было бы любить, потому не любили и другъ друга,—отсюда и проистекало ихъ несчастіе: какъ свѣтъ отъ солнца, такъ и счастье исходитъ отъ любви. Этой правды ихъ не поучали ни законники, ни философы, не было ея ни въ Греціи, ни въ Римѣ, а когда я говорю: ни въ Римѣ, то значитъ не было нигдѣ на землѣ. Сухое и холодное ученіе стоиковъ, къ которому льнутъ добродѣтельные люди, закаляетъ сердце, какъ мечъ, но скорѣе дѣлаетъ его

равнодушнымъ, чѣмъ лучшимъ. Но для чего я говорю это тебѣ, учившемуся больше меня и больше меня понимающему? Вѣдь, ты зналъ также Павла Тарсянина и не разъ велъ съ нимъ долгія бесѣды, значитъ понимаешь лучше меня,—что передъ лицомъ правды, которую онъ провозглашалъ, всѣ ученія вашихъ философовъ и риторовъ, не что иное, какъ мыльный пузырь, пустой звукъ слова, не имѣющаго значенія? Помнишь вопросъ, который онъ задалъ тебѣ: «еслибъ цезарь былъ христіаниномъ, неужели вы не чувствовали бы себя въ большей безопасности, болѣе увѣренными, избавленными отъ тревогъ?» Но ты говорилъ мнѣ, что наша правда враждебна жизни, а я теперь отвѣчаю тебѣ, что еслибъ я съ начала письма повторялъ только два слова: «Я счастливъ!»—то и тогда не сумѣлъ бы выразить всего моего счастья. Ты скажешь мнѣ, что мое счастье—это Лигія. Да, дорогой! Потому что я люблю ея безсмертную душу и потому что мы оба любимъ другъ друга во Христѣ, а въ такой любви нѣтъ ни разлуки, ни измѣны, ни перемѣнъ, ни старости, ни смерти. Когда красота и молодость пройдутъ, когда тѣло наше одряхлѣетъ и когда къ намъ приблизится смерть, любовь устоитъ, потому что душа останется жива. Прежде, чѣмъ мои глаза открылись для свѣта, я готовъ былъ поджечь для нея хотя бы собственный домъ, а теперь я говорю тебѣ: не любилъ я ее тогда, потому что любить меня научилъ только Христосъ. Въ Немъ источникъ счастья и спокойствія. Не я говорю это,—а сама очевидность. Сравни ваши отравленныя тревогой наслажденія, ваши упоенія, ваши оргіи, похожія на погребальныя торжества, съ жизнью христіанъ, и ты найдешь готовый отвѣтъ. Но, чтобы ты могъ сравнить лучше, пріѣзжай въ наши пахнущія тимьяномъ горы, въ наши тѣнистые оливковые лѣса. Здѣсь тебя ждетъ спокойствіе, какого ты давно не испытывалъ, и искренно любящія сердца. Душа у тебя благородная и добрая,—ты долженъ быть счастливъ. Твой тонкій умъ сумѣетъ распознать правду, а когда ты познаешь, то возлюбишь ее, ибо можно быть ея врагомъ, какъ цезарь и Тигеллинъ, но равнодушнымъ къ ней быть никто не сумѣетъ. О, Петроній, мы съ Лигіей оба утѣшаемъ себя надеждой, что вскорѣ увидимъ тебя. Будь здоровъ и счастливъ. Пріѣзжай».

Петроній получилъ это письмо въ Кумахъ, куда выѣхалъ съ другими августіанами, слѣдующими за цезаремъ. Его долголѣтняя борьба съ Тигеллиномъ подходила къ концу. Петроній уже зналъ, что долженъ пасть, и понималъ причину. По мѣрѣ того, какъ цезарь съ каждымъ днемъ спускался все ниже, до роли комедіанта, шута и возницы, по мѣрѣ того, какъ онъ все больше погрязалъ въ

болѣзненномъ, омерзительномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубомъ разъвратѣ, изящный «arbiter elegantiarum» становился для него только обузой. Даже когда Петроній молчалъ, Неронъ въ его молчаніи подмѣчалъ неодобреніе, когда хвалилъ, видѣлъ насмѣшку. Блестящій патрицій раздражалъ его самолюбіе и возбуждалъ зависть. Его богатство и великолѣпное собраніе произведеній искусства стали предметомъ вожделѣній и владыки, и всемогущаго министра. Петронія щадили до сихъ поръ на случай отъѣзда въ Ахайю, гдѣ его знакомство съ греческою жизнью могло пригодиться, но Тигеллинъ мало-по-малу началъ внушать цезарю, что Каринасъ своимъ вкусомъ и знаніями превышаетъ Петронія и сумѣетъ лучше его устроить игрища въ Ахайи и доставить цезарю большій тріумфъ. Съ этой минуты Петроній погибъ. Однако, ему не смѣли послать приговора въ Римѣ. И цезарь и Тигеллинъ помнили, что этотъ, на первый взглядъ изнѣженный эстетикъ, «обращающій ночь въ день», занятый только наслажденіями, искусствомъ и пирами, когда былъ проконсуломъ въ Виѳиніи, а потомъ консуломъ въ столицѣ, проявлялъ удивительную дѣятельность и энергію. Его считали способнымъ на все, а въ Римѣ онъ пользовался не только любовью народа, но и преторіанцевъ. Изъ довѣренныхъ цезаря никто не могъ предвидѣть, какъ онъ поступитъ въ данномъ случаѣ. Считалось очень ловкимъ маневромъ выманить его изъ города и застигнуть только въ провинціи. Поэтому Петроній и получилъ приглашеніе вмѣстѣ съ другими преторіанцами прибыть въ Кумы и, хотя подозрѣвалъ ловушку, выѣхалъ изъ Рима. Можетъ быть онъ не хотѣлъ выступать съ открытымъ сопротивленіемъ, а можетъ быть желалъ еще разъ показать цезарю и августіанамъ свое веселое, беззаботное лицо и одержать надъ Тигеллиномъ послѣднюю, предсмертную побѣду.

Тѣмъ временемъ Тигеллинъ тотчасъ же обвинилъ его въ дружбѣ съ сенаторомъ Сцевиномъ, который былъ душою заговора Пизона. Людей Петронія, оставшихся въ Римѣ, заключили въ тюрьму, домъ оцѣпили преторіанскою стражею. Петроній узналъ объ этомъ, но не выказалъ ни безпокойства, ни неудовольствія и съ улыбкой сказалъ августіанамъ, которыхъ принималъ въ Кумахъ въ своей великолѣпной виллѣ:

— Агенобарбъ не любитъ прямыхъ вопросовъ, и вы увидите, какъ онъ смутится, когда я спрошу у него, по его ли приказу арестовали мою «фамилію» въ Римѣ.

Потомъ онъ объявилъ, что даетъ пиръ «передъ долгимъ путешествіемъ», и занимался приготовленіями къ нему, когда получилъ письмо Виниція.

Петроній прочелъ письмо и задумался, но вскорѣ лицо его приняло обычное ясное выраженіе, и вечеромъ въ тотъ же день онъ написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Радуюсь вашему счастью и удивляюсь вашимъ сердцамъ, carissime, потому что не думалъ, чтобы двое влюбленныхъ могли помнить о комъ-нибудь третьемъ, далекомъ. А вы не только не забыли обо мнѣ, но хотите соблазнить меня пріѣхать въ Сицилію, чтобы подѣлиться со мной вашимъ хлѣбомъ и вашимъ Христомъ, который, какъ ты пишешь, такъ щедро одаряетъ васъ счастьемъ.

«Если такъ, чтите Его. Я думаю, дорогой мой, что Лигію до нѣкоторой степени возвратилъ тебѣ Урсъ, а отчасти и римскій народъ, но если ты все приписываешь Христу, я не буду съ тобою спорить. Да! Не жалѣйте ему жертвъ. Прометей также пожертвовалъ собою для людей, но—eheu [2])! —Прометей, кажется, только выдумка поэтовъ, а люди достойные говорили мнѣ, что видѣли Христа собственными глазами. Я вмѣстѣ съ вами думаю, что это самый лучшій изъ боговъ.

«Вопросъ Павла Тарсянина я помню и соглашаюсь, что еслибъ Агенобарбъ слѣдовалъ ученію Христа, то... у меня можетъ быть нашлось бы время поѣхать къ вамъ въ Сицилію. Сидя у ручья, подъ сѣнью деревьевъ, мы вели бы бесѣды о всѣхъ богахъ и о всѣхъ правдахъ, какъ нѣкогда греческіе философы. Теперь я долженъ дать тебѣ короткій отвѣтъ.

«Я хочу знать только двухъ философовъ: одинъ называется Пирронъ, другой—Анакреонъ [3]). Остальное я могу дешево продать тебѣ вмѣстѣ со всей школой нашихъ и греческихъ стоиковъ. Правда, Виницій, живетъ гдѣ-то такъ высоко, что даже сами боги не могутъ ее видѣть съ вершинъ Олимпа. Тебѣ, carissime, кажется, что вашъ Олимпъ еще выше, и, стоя на немъ, ты кричишь мнѣ: «взойди и ты увидишь такіе виды, какихъ не видалъ до сихъ поръ». Быть можетъ. Но я тебѣ отвѣчаю: «Другъ, у меня нѣтъ ногъ!» и когда ты дочитаешь это письмо до конца, то признаешь меня правымъ.

«Нѣтъ, счастливые супруги царицы-зари! Ваше ученіе не для меня. Долженъ ли я любить виѳинцевъ, которые носятъ мои носилки, египтянъ, которые отапливаютъ мои бани, любить Агенобарба и Тигеллина? Клянусь тебѣ бѣлыми колѣнами Грацій, еслибъ я и хотѣлъ сдѣлать это, то не сумѣю. Въ Римѣ, по крайней мѣрѣ, сто

---

[2]) „Увы!“

[3]) Пирронъ—греческій философъ, основатель школы скептиковъ. Анакреонъ—извѣстный греческій поэтъ, воспѣвавшій любовь и вино. Петроній, слѣд., хочетъ сказать, что онъ въ религіи скептикъ, а заботится только о наслажденіяхъ жизни.

тысячъ человѣкъ съ кривыми лопатками, или съ толстыми колѣнами, или съ высохшими лядвіями, или съ круглыми глазами, или съ уродливо-большими головами. И ихъ прикажешь любить также? Откуда же я возьму эту любовь, какъ скоро не ощущаю ея въ сердцѣ? А если вашъ богъ хочетъ, чтобъ я любилъ всѣхъ уродовъ, то почему при своемъ всемогуществѣ не далъ онъ имъ, напримѣръ, формъ Ніобидовъ, которыхъ ты видѣлъ на Палатинѣ? Кто любитъ прекрасное, тотъ не можетъ любить безобразное. Другое дѣло—не вѣрить въ нашихъ боговъ, но любить ихъ можно, какъ ихъ любили Фидій, Пракситель и Скопасъ, Миронъ и Лизій [1]).

«Еслибъ я и самъ хотѣлъ идти туда, куда ты зовешь меня, то не могу; а такъ какъ я еще и не хочу, то значитъ вдвойнѣ не могу. Ты, какъ Павелъ Тарсянинъ, вѣришь, что когда-нибудь, по той сторонѣ Стикса, въ Елисейскихъ поляхъ, ты увидишь своего Христа. Хорошо! Пусть онъ самъ скажетъ тебѣ тогда, принялъ ли бы онъ меня съ моими геммами, съ моей мирренской вазой, съ изданіями Созіевъ и моей Златоволосой. При этой мысли мнѣ хочется смѣяться, потому что и Павелъ Тарсянинъ говорилъ мнѣ, что для Христа нужно отречься отъ розовыхъ вѣнковъ, пировъ и наслажденій. Правда, онъ обѣщалъ мнѣ иное счастье, но я отвѣтилъ ему, что слишкомъ старъ для такого счастья, что мои глаза всегда будутъ наслаждаться розами, а благоуханіе фіалокъ всегда мнѣ будетъ пріятнѣй, чѣмъ зловоніе, исходящее отъ моего «ближняго» изъ Субуры.

«Вотъ соображенія, по которымъ ваше счастье не для меня. Но кромѣ этого есть еще одно, которое я припряталъ къ концу: меня призываетъ Танатосъ. Для васъ начинается заря жизни, а мое солнце уже зашло, и сумерки уже охватываютъ мою голову. Иными словами, я долженъ умереть, carissime.

«Долго говорить объ этомъ не стòитъ. Такъ должно было окончиться. Ты хорошо знаешь Агенобарба и легко поймешь, въ чемъ дѣло. Тигеллинъ побѣдилъ меня... впрочемъ, нѣтъ! Мои побѣды дошли до своего конца. Я жилъ, какъ хотѣлъ, и умру, какъ мнѣ захочется.

«Не принимайте этого къ сердцу. Никакой богъ не обѣщалъ мнѣ безсмертія, поэтому меня не встрѣчаетъ неожиданность. Притомъ, Виницій, ты ошибаешься, когда утверждаешь, что только вашъ богъ учитъ умирать спокойно. Нѣтъ. Нашъ міръ и до васъ зналъ, что когда послѣдняя чаша выпита, время идти отдохнуть,—

[1]) Знаменитые ваятели

и я сумѣю сдѣлать это спокойно. Платонъ говоритъ, что добродѣтель—музыка, а жизнь мудреца—гармонія. Если это вѣрно, то я умру, какъ жилъ, то-есть добродѣтельно.

«Я еще хотѣлъ бы проститься съ твоею божественною подругою словами, которыя когда-то сказалъ ей въ домѣ Авла: «многихъ народовъ я видѣлъ, а съ равной тебѣ не встрѣчался».

«И такъ, если душа что то большее, чѣмъ думалъ Пирронъ, то душа моя залетитъ къ вамъ по дорогѣ къ границѣ Океана и сядетъ близъ вашего дома въ образѣ мотылька или, какъ вѣруютъ египтяне,—въ видѣ ястреба.

«Иначе я прибыть не могу.

«А теперь да превратится для васъ Сицилія въ сады Гесперидъ, пусть полевыя, лѣсныя и водяныя богини усыпаютъ цвѣтами вашъ путь, а во всѣхъ акантахъ, въ колоннахъ вашего дома гнѣздятся бѣлые голуби».

XI.

Петроній не ошибался. Два дня спустя молодой Нерва, всегда расположенный и преданный ему, прислалъ въ Кумы своего отпущенника съ увѣдомленіемъ обо всемъ, что происходило при дворѣ цезаря.

Гибель Петронія была уже рѣшена. Завтра вечеромъ намѣревались послать къ нему центуріона съ приказаніемъ, чтобъ онъ остался въ Кумахъ и ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Слѣдующій посолъ, который будетъ высланъ черезъ нѣсколько дней, долженъ будетъ принести ему смертный приговоръ.

Петроній съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушалъ отпущенника и потомъ сказалъ ему:

— Ты отнесешь своему господину одну изъ моихъ вазъ, которую я вручу тебѣ передъ твоимъ уходомъ. Скажи, что я благодарю его ото всей души, потому что только теперь я могу предупредить грозящій мнѣ приговоръ.

И онъ засмѣялся, какъ человѣкъ, который попалъ на удачную мысль и заранѣе радуется ея выполненію.

Въ тотъ же самый вечеръ его невольники разсыпались повсюду приглашать всѣхъ живущихъ въ Кумахъ августіанъ и августіанокъ на пиръ въ великолѣпную виллу arbitri elegantiarum.

Самъ Петроній что-то писалъ въ библіотекѣ, потомъ взялъ ванну, приказалъ одѣть себя, и, блестящій, похожій на бога, вошелъ въ триклиній, чтобъ окинуть глазомъ знатока всѣ приготовленія,

а потомъ спустился въ садъ, гдѣ мальчики и молодыя гречанки плели пиршественные вѣнки изъ розъ. На лицѣ его не было ни слѣда заботы. Слуги узнали, что пиръ будетъ чѣмъ-то необычайнымъ, только изъ того, что онъ приказалъ выдать необычныя награды тѣмъ, кѣмъ онъ былъ доволенъ, и лишь слегка наказать провинившихся. Цитристамъ и пѣвцамъ онъ также обѣщалъ щедрое вознагражденіе, потомъ сѣлъ подъ букомъ, сквозь листья котораго просвѣчивали солнечные лучи, и приказалъ позвать Эвнику.

Она пришла, вся въ бѣломъ, съ вѣткою мирта, вплетенною въ волоса, прелестная, какъ Харита. Петроній посадилъ ее возлѣ себя и, слегка прикоснувшись къ ея щекѣ, смотрѣлъ на нее съ такою любовью, съ какимъ тонкій знатокъ смотритъ на божественную статую, вышедшую изъ подъ рѣзца великаго художника.

— Эвника, — сказалъ онъ ей, — ты знаешь, что я давно уже далъ тебѣ отпускную?

Она подняла на него свои спокойные, голубые, какъ небо, глаза и отрицательно покачала головой.

— Я всегда твоя рабыня,—отвѣтила она.

— Но ты можетъ быть не знаешь того,—продолжалъ Петроній,—что эта вилла и невольники, которые вонъ тамъ вьютъ вѣнки, и все, что принадлежитъ къ ней, и поля, и стада,—отнынѣ принадлежатъ тебѣ?

Эвника отодвинулась отъ него и голосомъ, въ которомъ звучало внезапное безпокойство, спросила:

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это, господинъ?

Потомъ она опять приблизилась къ нему и начала смотрѣть на него испуганными глазами. Лицо ея поблѣднѣло, какъ полотно, а Петроній улыбнулся и сказалъ только одно слово:

— Такъ!

Наступила минута молчанія, только легкое дуновеніе вѣтра заставляло шелеститься листья бука.

Петроній, дѣйствительно, могъ думать, что передъ нимъ, статуя, изваянная изъ бѣлаго мрамора.

— Эвника! — сказалъ онъ,—я хочу умереть спокойно.

Дѣвушка посмотрѣла на него и, съ раздирающей улыбкой, отвѣтила:

— Я слушаю тебя, господинъ.

Гости, которые уже не разъ бывали на пирахъ Петронія и знали, что въ сравненіи съ ними даже пиры цезаря кажутся скучными и варварскими, начали стекаться толпами, хотя никому и въ

голову не приходило, чтобъ то былъ послѣдній симпосій[1]). Правда, многіе знали, что надъ изящнымъ arbiter нависли тучи неудовольствія цезаря, но это случалось уже много разъ, и Петроній всегда умѣлъ разогнать эту тучу какимъ-нибудь ловкимъ поступкомъ, однимъ смѣлымъ словомъ. Никто не предполагалъ, чтобъ ему грозила серьезная опасность. Его веселое лицо и обычная небрежная улыбка еще больше убѣдили въ этомъ мнѣніи. Божественное лицо прелестной Эвники было совершенно спокойно, глаза горѣли такимъ огнемъ, который можно было бы принять за радость,—не даромъ онъ сказалъ ей, что желаетъ умереть мирно, а для нея каждое его слово было закономъ. Въ дверяхъ мальчики, съ волосами, прикрытыми золотыми сѣтками, возлагали на головы гостей вѣнки и, по обычаю, предупреждали, чтобъ они переступали порогъ правою ногой. Въ залѣ слышался легкій запахъ фіалокъ, огни горѣли въ разноцвѣтныхъ александрійскихъ сосудахъ. У каждаго ложа стояло по маленькой греческой дѣвочкѣ, которыя должны были умащать благовоніями ноги гостей. У стѣнъ цитристы и аѳинскіе пѣвцы ожидали знака начальника хора.

Убранство стола сверкало роскошью, но роскошь эта не подавляла,—казалось, что все такъ и должно было быть. Веселье и свобода вмѣстѣ съ ароматомъ фіалокъ разносилось по залѣ. Гости, входя сюда, чувствовали, что надъ ними не будетъ висѣть ни стѣсненія, ни угрозы, какъ то бывало у цезаря, когда можно было заплатить жизнью за недостаточно возвышенныя или недостаточно удачныя похвалы его пѣнію. При видѣ огней, сосудовъ, обвитыхъ плющомъ, винъ, замерзающихъ на своемъ снѣговомъ ложѣ, и изысканныхъ яствъ, всѣмъ сдѣлалось какъ-то необыкновенно весело. Разговоръ завязался сразу, такъ же, какъ сразу иногда зажужжатъ пчелы на покрытой цвѣтами яблонѣ. Шумную бесѣду прерывали только то взрывъ веселаго смѣха, то хоръ похвалы, то черезчуръ громкій поцѣлуй, запечатлѣнный на бѣломъ плечѣ.

Поднимая чашу, гости Петронія стряхивали нѣсколько капель въ честь безсмертныхъ боговъ, чтобы призвать ихъ благоволеніе на хозяина дома. Многіе совсѣмъ не вѣрили въ боговъ,—но таковъ уже былъ обычай. Петроній возлежалъ рядомъ съ Эвникой и разговаривалъ о римскихъ новостяхъ, о послѣднихъ разводахъ, о любовныхъ приключеніяхъ, о конскихъ состязаніяхъ, о Спикулѣ[2]), который въ послѣднее время прославился на аренѣ, и о новѣйшихъ книгахъ, которыя появились у Атракта и Созіевъ. Также стряхивая

[1]) Symposion—пиръ.

[2]) Spiculus—гладіаторъ, любимецъ Нерона (Sueton. Ner. 30).

капли вина, онъ говорилъ, что дѣлаетъ это только въ честь владычицы Кипра [3]), которая древнѣе и больше всѣхъ боговъ,—единственное безсмертное, вѣчное, всемогущее существо.

Рѣчь его напоминала лучъ солнца, который освѣтитъ то тотъ, то этотъ предметъ, или на легкое дуновеніе лѣтняго вѣтра, колеблющее цвѣты римскаго сада. Наконецъ, онъ махнулъ рукою начальнику хора, и по его знаку тихо зазвучали цитры, которымъ вторили молодые голоса. Танцовщицы съ острова Коса, соплеменницы Эвники, завели пляску, причемъ ихъ розовое тѣло просвѣчивало сквозь прозрачную одежду, а въ концѣ египетскіе колдуны начали предсказывать гостямъ будущее.

Когда всѣ насытились этими удовольствіями, Петроній немного приподнялся съ своего сирійскаго изголовья и небрежно сказалъ:

— Друзья, простите, что я на пиру обращаюсь къ вамъ съ просьбой: пусть каждый изъ васъ приметъ отъ меня въ даръ ту чашу, изъ которой онъ сдѣлалъ возліяніе во славу боговъ и за мое благополучіе.

Чаши Петронія сверкали золотомъ, драгоцѣнными камнями и художественною работой, и хотя раздача подарковъ въ Римѣ была вещью обыкновенною,—всѣ присутствующіе пришли въ восторгъ. Одни начали благодарить и громко прославлять Петронія, другіе говорили, что даже самъ Юпитеръ не одарялъ боговъ на Олимпѣ такими дарами; были и такіе, что стѣснялись воспользоваться предложеніемъ Петронія, такъ какъ дѣло переходило обычныя границы.

А Петроній поднялъ кверху мурринскій [4]) сосудъ, почти безцѣнный, сверкающій всѣми цвѣтами радуги, и сказалъ:

— А вотъ и та чаша, изъ которой я сдѣлалъ возліяніе въ честь владычицы Кипра. Да не прикоснутся къ ней отнынѣ ничьи уста, и ничья рука не сдѣлаетъ изъ нея возліянія во славу другой богини.

Онъ бросилъ чашу на полъ, посыпанный лиловыми лепестками шафрана, а когда она разбилась вдребезги, Петроній проговорилъ, какъ будто отвѣчая на устремленные на него взоры гостей:

— Друзья, вмѣсто того, чтобъ удивляться, веселитесь! Старость, безсиліе — грустные товарищи послѣднихъ лѣтъ жизни. Но

[3]) Владычица Кипра—Венера.

[4]) Murra—минералъ,—какой именно, въ точности неизвѣстно, но полагаютъ, что это плавиковый шпатъ,—который бываетъ безцвѣтный, розовый, фіолетовый, синій, зеленый и желтый. Изъ него (именно изъ крупныхъ кусковъ его, которые рѣдки) приготовлялись драгоцѣнные сосуды—murrina. По словамъ Плинія, одинъ изъ такихъ сосудовъ Петроній купилъ за 300 талантовъ (около 400,000 руб. на наши деньги); передъ смертью онъ разбилъ его, чтобъ онъ не доставался Нерону.

я дамъ вамъ хорошій примѣръ и хорошій совѣтъ: пожалуй, ихъ можно ждать, но при видѣ ихъ приближенія лучше уйти самому, какъ ухожу и я.

— Что ты хочешь сдѣлать?—послышались безпокойные голоса.

— Я хочу веселиться, пить вино, слушать музыку, смотрѣть на божественныя формы, которыя вы видите возлѣ меня, а потомъ уснуть съ вѣнкомъ на головѣ. Я уже простился съ цезаремъ... Хотите послушать, что я написалъ ему на прощанье?

Онъ, сказавъ это, досталъ изъ-подъ пурпуроваго изголовья письмо и началъ читать:

«О, цезарь, я знаю, что ты съ нетерпѣніемъ ожидаешь моего прибытія и что твое дружеское сердце днемъ и ночью тоскуетъ по мнѣ. Я знаю, что ты осыпалъ бы меня дарами, довѣрилъ бы мнѣ префектуру преторія, а Тигеллину повелѣлъ бы быть тѣмъ, для чего сотворили его боги, то-есть надсмотрщикомъ надъ мулами въ твоихъ имѣніяхъ, которыя ты унаслѣдовалъ послѣ отравленія тобою Домиціи [5]). Но прости мнѣ. Клянусь тебѣ Гадесомъ и тѣнями твоей матери, жены, брата и Сенеки,—прибыть къ тебѣ я не могу. Дорогой мой, жизнь — это великая сокровищница, а я сумѣлъ выбрать изъ нея лучшія вещи. Кромѣ того, въ жизни есть то, чего я больше уже не могъ бы вынести. О, прошу тебя, не думай, что меня ужасаетъ то, что ты убилъ мать, жену и брата, что ты сжегъ Римъ и отправилъ въ Эребъ самыхъ лучшихъ людей своего государства. Нѣтъ, правнукъ Кроноса! Смерть—это удѣлъ человѣчества, а отъ тебя, кромѣ твоихъ подвиговъ, не на что было разсчитывать. Но еще цѣлые годы терзать свои уши твоимъ пѣніемъ, видѣть твое домиціевское брюхо, на тонкихъ ногахъ, въ особенности, когда оно трепещетъ въ тирренскомъ танцѣ, слушать твою игру, твою декламацію и твои поэмы, — несчастный поэтъ изъ предмѣстья,— вотъ что превысило мои силы и возбудило желаніе смерти. Римъ затыкаетъ уши, когда слушаетъ тебя, міръ издѣвается надъ тобою, а я больше не могу и не хочу краснѣть за тебя. Милый мой, вой Цербера, хотя бы и похожій на твое пѣніе, менѣе будетъ огорчать меня, потому что я никогда не былъ его другомъ и не несу обязанности стыдиться за его голосъ. Будь здоровъ, но не пой больше, убивай, но не пиши стиховъ, отравляй, но не танцуй, поджигай, но не играй на цитрѣ,—вотъ тебѣ послѣдній дружескій совѣтъ отъ arbiter elegantiarum».

Гости Петронія испугались. Они знали, что еслибъ Неронъ

---

[5]) Domitia—тетка Нерона, отравленная по его приказанію въ 59 году.

утратилъ царство, то ударъ былъ бы менѣе тяжелъ, чѣмъ это письмо. Всѣ поняли, что человѣкъ, написавшій такое письмо, долженъ умереть,—да и вообще опасно слушать что-нибудь подобное.

Но Петроній засмѣялся такимъ искреннимъ и веселымъ смѣхомъ, какъ будто дѣло шло о самой невинной шуткѣ, потомъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и сказалъ:

— Веселитесь и отгоните свою тревогу. Никому нѣтъ надобности хвалиться, что онъ слышалъ это письмо, развѣ только я похвалюсь имъ передъ Харономъ во время переправы.

Потомъ онъ подозвалъ врача и протянулъ ему руку. Опытный грекъ мгновенно перевязалъ ее золотой тесьмой и открылъ жилы на сгибѣ. Кровь брызнула на изголовье и облила Эвнику, которая, поддерживая голову Петронія, склонилась надъ нимъ и сказала:

— Господинъ, неужели ты думалъ, что я оставлю тебя? Если боги дали бы мнѣ безсмертіе, а цезарь — власть надъ міромъ, то и тогда я пошла бы за тобою.

Петроній улыбнулся, приподнялся немного, прикоснулся губами къ ея губамъ и отвѣтилъ:

— Иди за мной.

Эвника также протянула врачу свою правую руку и черезъ минуту ея кровь начала сливаться съ кровью Петронія.

Но онъ далъ знакъ начальнику хора,—снова послышались голоса и звуки цитръ. Сначала спѣли «Гармодія» [6]), а потомъ разда-

---

[6]) Гармодій и Аристогитонъ—убійцы Гиппарха, сына Писистрата, тиранна аѳинскаго. Въ честь ихъ была сложена греками пѣсня, которую любили пѣть на пирахъ. До насъ дошло 4 четверостишія, въ которыхъ они прославляются. Эти четверостишія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, составляютъ одно цѣлое стихотвореніе,—по мнѣнію другихъ, принадлежатъ къ разнымъ. Они переведены на русскій языкъ въ видѣ цѣлаго стихотворенія Крестовскимъ такъ:

Я подъ вѣткой мирты скрою,
Какъ Гармодій, предъ толпою,
Свой свободный мечъ—
Какъ въ тѣ дни, когда народу
Отдалъ онъ его свободу
И былую рѣчь...
Но поправъ его невзгоды,
Ты не умеръ, мужъ свободы,
Покидая свѣтъ:
Ты предсталъ передъ Зевесомъ,
Какъ съ героемъ Ахиллесомъ,
Старецъ Діомедъ.
Я подъ вѣткой мирты скрою
Острый мечъ, какъ предъ толпою,
Мужъ Аристогонъ.

лась пѣсня Анакреона, въ которой поэтъ жалуется, что однажды нашелъ у своихъ дверей иззябшаго и плачущаго ребенка Афродиты. Онъ взялъ его къ себѣ, обогрѣлъ, обсушилъ его крылышки, а онъ, неблагодарный, пронзилъ его сердце своею стрѣлой, и съ тѣхъ поръ покой покинулъ его [7]).

Вспомнимъ: въ день Панаѳинеи
Палъ Гиппархъ и всѣ злодѣи,
А воскресъ законъ!...
Вашей славѣ жить въ потомкахъ
И гремя блистать въ обломкахъ
Міровыхъ руинъ:
Вы пронзили грудь тиранну
И свободу влили въ рану
Страждущихъ Аѳинъ!...

[7]) Эта пѣсня, вмѣстѣ со многими другими, извѣстными въ наукѣ подъ именемъ Anacreontea (т.-е. „стихотворенія въ духѣ Анакреона"), принадлежитъ не самому Анакреону, а какому-то позднѣйшему поэту. Вотъ эта пѣсня въ переводѣ Баженова:

Какъ-то разъ въ глухую полночь,
Какъ Медвѣдица вращалась
Въ небѣ объ руку съ Воотомъ
И все племя говорящихъ,
Утомясь въ трудахъ, почило,
Къ моему Эротъ жилищу
Подошелъ и сталъ стучаться.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится?
Для чего мой сонъ тревожишь?—
„Отвори!—Эротъ отвѣтилъ.—
Я малютка; не пугайся!
Весь промокъ и заблудился
Въ темнотѣ безлунной ночи".
Жалко стало, какъ услышалъ;
Поскорѣй зажегъ свѣтильникъ,
Отверъ двери и увидѣлъ
Предъ собою я малютку
Съ лукомъ, съ крыльями, съ колчаномъ.
Къ очагу его поставивъ,
Грѣлъ въ рукахъ ему я руки,
Выжималъ ручьями воду
Изъ кудрей его прекрасныхъ.—
Какъ отъ холода согрѣлся,
„Стой,—сказалъ мнѣ,—испытаемъ
Этотъ лукъ, а то быть можетъ
Тетива поотсырѣла".
Натянулъ—и прямо въ печень
Угодилъ стрѣлой, какъ жаломъ.
Самъ межъ тѣмъ смѣясь запрыгалъ
И сказалъ: „Ну, поздравляю!
Лукъ мой вовсе не испорченъ;
Ты же сердцемъ застрадаешь".

Петроній и Эвника, прекрасные, какъ два божества, слушали, улыбались и блѣднѣли. Послѣ окончанія пѣсни Петроній приказалъ вновь разносить вино, а своихъ сосѣдей просилъ разговаривать о вещахъ пустыхъ, но пріятныхъ, о чемъ обыкновенно говорится на пирахъ. Наконецъ, онъ приказалъ греку на время завязать его жилы,—онъ говорилъ что его клонитъ ко сну, и что онъ хочетъ сначала предаться Гипносу, прежде, чѣмъ Танатосъ[8]) усыпитъ его на вѣки.

И онъ уснулъ, а когда проснулся, голова Эвники, подобная бѣлому цвѣтку, лежала на его груди. Онъ привсталъ на минуту, чтобъ еще разъ посмотрѣть на нее, потомъ приказалъ вновь раз вязать свои жилы.

По его знаку пѣвцы запѣли новую пѣсню Анакреона, а цитры тихо вторили имъ, чтобъ не заглушать словъ. Петроній блѣднѣлъ все больше, но, когда смолкли послѣдніе звуки, еще разъ обратился къ пирующимъ и сказалъ:

— Друзья, признайте, что вмѣстѣ съ нами погибаетъ...

Докончить онъ не могъ; его рука послѣднимъ движеніемъ обняла Эвнику, голова упала на изголовье. Петроній умеръ.

Но гости его, смотря на эти два тѣла, похожія на чудныя статуи, хорошо понимали, что вмѣстѣ съ ними погибаетъ то, что единственно осталось ихъ міру,—то-есть поэзія и красота.

ЭПИЛОГЪ.

Бунтъ галльскихъ легіоновъ подъ предводительствомъ Виндекса сначала не казался грознымъ. Цезарю шелъ всего только тридцать первый годъ, и никто не смѣлъ надѣяться, чтобъ міръ скоро освободился отъ душившаго его кошмара. Вспоминали, что среди легіоновъ не одинъ разъ и раньше, при прежнихъ царствованіяхъ, бывали безпорядки, которые, однако, улаживались и не влекли за собою перемѣны главы государства. Такъ, напримѣръ, при Тиберіи Друзъ усмирилъ волненія въ паннонскихъ легіонахъ. «Кто же, наконецъ, послѣ Нерона можетъ принять царствованіе,— говорили люди,—если всѣ потомки божественнаго Августа погибли?» Другіе, смотря на колоссальныя статуи, изображающія цезаря въ видѣ Геркулеса, невольно думали, что никакая сила не сломитъ такого могущества. Были и такіе, которые послѣ его отъѣзда въ Ахайю тосковали по немъ, потому что Гелій и Поликетъ, кото-

---

[8]) Hypnos—богъ сна, Thanatos—богъ смерти.

рымъ цезарь поручилъ судьбы Рима и Италіи, проливали еще больше крови, чѣмъ онъ.

Никто не былъ спокоенъ ни за свою жизнь, ни за имущество. Законъ пересталъ быть защитой. Добродѣтель и человѣческое достоинство угасли, родственныя связи ослабѣли, а измельчавшія сердца не смѣли даже допустить призрака надежды. Изъ Греціи доносилось эхо о неслыханныхъ тріумфахъ цезаря, о тысячахъ вѣнковъ, которые онъ получилъ, о тысячахъ соперниковъ, которыхъ онъ побѣдилъ. Весь міръ казался сплошною оргіей, кровавою и шутовскою. Укоренялось мнѣніе, что пришелъ конецъ добродѣтели и серьезнымъ вещамъ, что наступило время танцевъ, музыки, разврата, крови и что жизнь и впредь должна идти по такому направленію. Самъ цезарь, которому бунтъ открывалъ дорогу къ новымъ грабительствамъ, не особенно заботился о мятежныхъ легіонахъ и о Виндексѣ и даже часто высказывалъ свою радость по этому поводу. Изъ Ахайи онъ не хотѣлъ уѣзжать, и только лишь тогда, когда Гелій донесъ ему, что дальнѣйшая отсрочка можетъ стоить ему государства, отплылъ въ Неаполь.

Въ Неаполѣ онъ также пѣлъ и игралъ, пропуская мимо ушей вѣсти о возрастающей опасности положенія. Напрасно Тигеллинъ объяснялъ ему, что легіоны, бунтовавшіе прежде, не имѣли предводителей, а теперь во главѣ ихъ стоитъ мужъ, происходящій изъ рода древнихъ аквитанскихъ царей, къ тому же славный и опытный воинъ. Неронъ отвѣчалъ ему: «Здѣсь меня слушаютъ греки, только они одни умѣютъ слушать, только они одни достойны моего пѣнія». Онъ говорилъ, что первыя его обязанности, это — искусство и слава, но когда до него дошла вѣсть, что Виндексъ ославилъ его бездарнымъ артистомъ, онъ сорвался съ мѣста и поѣхалъ въ Римъ. Раны, нанесенныя ему Петроніемъ и зажившія въ Греціи, снова раскрылись, и цезарь хотѣлъ искать у сената справедливости за столь неслыханную обиду.

На дорогѣ, обративъ вниманіе на группу, представляющую римскаго воина, попирающаго воина галла, Неронъ счелъ это за доброе предсказаніе и съ тѣхъ поръ если вспоминалъ взбунтовавшіеся легіоны и Виндекса, то только для того, чтобы насмѣхаться надъ ними. Его вступленіе въ городъ затмило все, что было до сихъ поръ. Онъ въѣхалъ на той самой колесницѣ, на которой въѣзжалъ когда-то Августъ во время своего тріумфа. Для того, чтобъ очистить проходъ процессіи, сломали одну арку цирка. Сенатъ, всадники и неисчислимая толпа стеклись ему на встрѣчу, стѣны дрожали отъ криковъ: «Привѣтствуемъ тебя, Аполлонъ, привѣтству-

емъ тебя, Геркулесъ! Божественный, единственный, Пиѳійскій, безсмертный!» За цезаремъ несли вѣнки, списки городовъ, въ которыхъ онъ прославился, и написанныя на таблицахъ имена артистовъ, которыхъ онъ побѣдилъ. Неронъ былъ упоенъ и съ волненіемъ спрашивалъ у окружающихъ его августіанъ, — что такое тріумфъ Юлія Цезаря въ сравненіи съ его тріумфомъ? Мысль, что кто-нибудь изъ смертныхъ осмѣлится поднять руку на такого художника-полубога, никакъ не умѣщалась въ его головѣ. Онъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя Олимпійцемъ, и, вслѣдствіе этого, неуязвимымъ. Энтузіазмъ и безуміе толпы еще болѣе усиливали его собственное безуміе. Въ день этого тріумфа могло показаться, что не только цезарь и городъ, но и весь міръ утратилъ здравый смыслъ.

Подъ цвѣтами и кучами вѣнковъ никто не могъ разсмотрѣть пропасти. Однако, еще въ ту же самую ночь колонны и стѣны храмовъ покрылись надписями, въ которыхъ на-ряду съ перечисленіемъ преступленій цезаря, выражались угрозы ему самому и насмѣшки надъ нимъ, какъ надъ артистомъ. Изъ устъ въ уста передавались слова: «онъ до тѣхъ поръ пѣлъ, пока не пробудилъ пѣтуховъ» (gallos) [1]). Въ городѣ начали появляться тревожныя вѣсти и достигали чудовищныхъ размѣровъ. Августіанами овладѣвало безпокойство. Народъ, не увѣренный въ томъ, что покажетъ будущее, не смѣлъ высказывать надежды, не смѣлъ мыслить и чувствовать.

А Неронъ и дальше жилъ только театромъ и музыкой. Его занимали вновь изобрѣтенные музыкальные инструменты, въ особенности водяной органъ, опыты съ которымъ производились на Палатинѣ. Въ своемъ ребяческомъ, неспособномъ ни къ какому дѣлу, умѣ онъ представлялъ, что его широкіе проекты представленій и зрѣлищъ предотвратятъ грозящую опасность. Его приближенные, видя, что вмѣсто заботъ о войскѣ и какихъ-нибудь мѣропріятіяхъ, онъ хлопочетъ только о мѣткихъ выраженіяхъ, болѣе живописно передающихъ всеобщую тревогу, начинали терять голову. Другіе, напротивъ, думали, что онъ своими цитатами только маскируетъ свое состояніе, тогда какъ въ душѣ его царитъ безпокойство. Дѣйствительно, всѣ поступки его стали какими-то горячечными. Въ теченіе дня тысячи намѣреній осѣняли его голову. По временамъ онъ вскакивалъ, чтобъ бѣжать на-встрѣчу опасности, приказывалъ укладывать на колесницы цитры и лютни, во-

---

1) Игра словъ: gallus значитъ и „пѣтухъ", и „галлъ". Такимъ образомъ, слова эти (у Светонія: iam gallos eum cantando excitasse) могутъ значить какъ „разбудилъ пѣтуховъ", такъ и „заставилъ подняться Галловъ.

оружать молодыхъ невольницъ, въ качествѣ амазонокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправлять войско на востокъ, а то опять думалъ, что не войной, а пѣніемъ усмиритъ бунтъ галльскихъ легіоновъ. И душа его приходила въ восторгъ отъ зрѣлища, которое должно было наступить послѣ умиротворенія солдатъ. Легіонеры со слезами на глазахъ окружатъ его, онъ споетъ имъ эпиникій [2]), и послѣ того для него и для Рима начнется золотая эпоха. Иногда онъ требовалъ крови, иногда говорилъ, что ограничится управленіемъ Египта, вспоминалъ гадателей, которые предсказывали ему царствовать въ Іерусалимѣ, или растрогивался при мысли, что онъ, какъ бродячій пѣвецъ, будетъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, а города и страны почтутъ въ его лицѣ ужъ не цезаря, владыку міра, а пѣвца, какого до сихъ поръ еще не пораждалъ свѣтъ.

И такимъ образомъ онъ метался изъ стороны въ сторону, игралъ, пѣлъ, мѣнялъ свои планы, обращалъ свою жизнь и жизнь всего міра въ какой-то нелѣпый, фантастическій и вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то страшный сонъ, въ шумное представленіе, состоящее изъ напыщенныхъ выраженій, плохихъ стиховъ, стоновъ, слезъ и крови, а тѣмъ временемъ туча на Западѣ росла и увеличивалась съ каждымъ днемъ. Мѣра была превзойдена,—шутовская комедія видимо приближалась къ концу.

Когда извѣстія о Гальбѣ и присоединеніи Испаніи къ бунту дошли до свѣдѣнія Нерона, то онъ впалъ въ бѣшенство, перебилъ всѣ чаши, опрокинулъ пиршественный столъ и отдалъ приказъ, котораго ни Гелій, ни Тигеллинъ не осмѣлились исполнить. Избить всѣхъ галловъ, живущихъ въ Римѣ, еще разъ поджечь городъ, выпустить звѣрей изъ аренаріевъ, а столицу перенести въ Александрію,—все это казалось Нерону дѣломъ великимъ, изумительнымъ и легкимъ. Но дни его могущества уже миновали и даже сообщники его прежнихъ преступленій начали смотрѣть на него какъ на безумца.

Смерть Виндекса и распри среди взбунтовавшихся легіоновъ, казалось, снова склонили чашку вѣсовъ въ сторону Нерона. Уже были объявлены новые пиры, новые тріумфы и новые приговоры, какъ однажды ночью изъ лагеря преторіанцевъ, на взмыленномъ конѣ, прискакалъ гонецъ и объявилъ, что въ самомъ городѣ солдаты подняли знамя бунта и провозгласили императоромъ Гальбу.

Въ минуту прибытія гонца цезарь спалъ и, проснувшись, напрасно призывалъ стражу, обыкновенно стоящую у дверей его

---

[2]) Epinicium—побѣдная пѣснь.

комнатъ. Во дворцѣ было уже пусто, только невольники таскали изъ отдаленныхъ уголковъ то, что не было утащено раньше. Но видъ Нерона устрашилъ ихъ, а онъ, одинокій, блуждалъ по дворцу, оглашая его криками тревоги и отчаянія.

Однако, три отпущенника, Фаонъ, Споръ и Эпафродитъ пришли къ нему на помощь. Они хотѣли, чтобъ онъ бѣжалъ, увѣряли, что времени тратить нельзя, но онъ еще не разставался со своими заблужденіями. А что если онъ, облеченный въ трауръ, заговоритъ съ сенáтомъ? Развѣ сенатъ устоитъ противъ его слезъ и краснорѣчія? Если онъ проявитъ всю силу ораторскаго искусства, пуститъ въ ходъ всѣ свои артистическія способности, въ силахъ ли кто-нибудь сопротивляться ему? Можетъ быть ему дадутъ хоть префектуру въ Египтѣ?

Отпущенники, привыкшіе къ раболѣпству, не смѣли явно не соглашаться, но только предупредили, что прежде чѣмъ онъ дойдетъ до Форума, народъ разорветъ его въ клочки, и прибавили, что, если онъ сейчасъ же не сядетъ на коня, и они также оставятъ его.

Фаонъ предложилъ ему убѣжище въ своей виллѣ, лежащей за Номентанскими воротами. Всѣ сѣли на коней, покрыли головы плащами и помчались къ окраинѣ города. Ночь блѣднѣла. На улицахъ царило движеніе, какъ это бываетъ при необычныхъ обстоятельствахъ. Солдаты то по одиночкѣ, то небольшими группами, разсыпались по всему городу. Невдалекѣ отъ лагеря конь цезаря внезапно метнулся въ сторону при видѣ трупа, лежащаго поперекъ дороги. Плащъ сдвинулся съ головы всадника, и солдатъ, который въ эту минуту проходилъ мимо него, узналъ своего владыку, но, смущенный неожиданной встрѣчей, невольно отдалъ ему воинскую честь. Проѣзжая мимо лагеря преторіанцевъ, цезарь услыхалъ громогласные крики въ честь Гальбы и понялъ, что минута его смерти приближается. Имъ овладѣлъ страхъ и угрызенія совѣсти. Онъ говорилъ, что видитъ передъ собою мракъ въ образѣ черной тучи, а изъ этой тучи на него смотрятъ лица, въ которыхъ онъ узнаетъ мать, жену и брата. Зубы его стучали отъ ужаса, но его комедіантская душа, все-таки, находила какое-то обаяніе въ грозномъ величіи этой минуты. Быть всемірнымъ владыкой и утратить все— казалось ему верхомъ трагедіи. И, вѣрный себѣ, онъ въ этой трагедіи игралъ первую роль до конца. Его охватило непреоборимое желаніе изрекать цитаты, дабы присутствующіе запомнили ихъ и сохранили для потомства. Онъ то говорилъ, что хочетъ умереть, и призывалъ Спикула, который убиваетъ людей лучше, чѣмъ всѣ гладіаторы, то декламировалъ: «мать и отецъ и супруга зовутъ

меня къ смерти». Тѣмъ не менѣе проблески надежды пробуждались въ немъ отъ времени до времени, — тщетные, ребяческіе проблески. Онъ зналъ, что смерть идетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрилъ въ нее.

Номентанскія ворота были открыты. Всадники миновали Остраній, гдѣ поучалъ и крестилъ Петръ, и на разсвѣтѣ были уже на виллѣ Фаона.

Отпущенники уже не скрывали передъ Нерономъ, что ему надо умереть. Онъ приказалъ рыть себѣ могилу и легъ на землю, чтобъ съ него сняли точную мѣрку. Но когда землю начали рыть, имъ снова овладѣлъ страхъ. Его толстое лицо поблѣднѣло, а на лбу выступили капли пота. Онъ началъ оттягивать время. Актерскимъ, хотя и дрожащимъ голосомъ онъ заявилъ, что минута его еще не пришла, потомъ снова началъ говорить цитатами. Въ концѣ-концовъ онъ просилъ, чтобъ его сожгли. «Какой артистъ погибаетъ!» говорилъ онъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

Тѣмъ временемъ прибылъ гонецъ Фаона и доложилъ, что сенатъ уже издалъ приговоръ, и что «parricida» [3]) долженъ быть казненъ по древнему обычаю.

— Какой это обычай? — поблѣднѣвшими устами спросилъ Неронъ.

— Твою шею стиснутъ зубьями вилъ и замотаютъ до смерти, а тѣло бросятъ въ Тибръ,—рѣзко сказалъ Эпафродитъ.

Неронъ распахнулъ плащъ.

— Значитъ пора!—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на небо.

И еще разъ онъ повторилъ:

— Какой артистъ погибаетъ!

Въ эту минуту послышался конскій топотъ. То центуріонъ спѣшилъ за головой Агенобарба.

— Торопись!—крикнули отпущенники.

Неронъ приставилъ ножъ къ шеѣ, но кололъ боязливою рукою, и было видно, что никогда онъ не осмѣлится глубже вонзить остріе. Тогда Эпафродитъ неожиданно подтолкнулъ его руку,—ножъ вошолъ по рукоятку...

— Я приношу тебѣ жизнь!—сказалъ центуріонъ.

— Поздно!--хриплымъ голосомъ сказалъ Неронъ и добавилъ:

— Вотъ что значитъ вѣрность!

Смерть уже начала овладѣвать имъ. Изъ его толстой шеи кровь

---

[3]) Отцеубійца.

черпымъ потокомъ струилась на садовые цвѣты. Ноги судорожно вздрогнули, и онъ умеръ.

Вѣрная Актея на слѣдующій день облекла его въ драгоцѣнныя ткани и сожгла на кострѣ, пропитанномъ благоуханіями.

И такъ, прошолъ Неронъ, какъ минуютъ вихрь, буря, пожаръ, война или моръ,—а базилика Петра до сихъ поръ владычествуетъ съ ватиканскихъ холмовъ надъ городомъ и надъ міромъ.

А у прежнихъ Капенскихъ воротъ до сихъ поръ стоитъ маленькая часовня, съ полустертою надписью: «Quo vadis, Domine?»

В. Л.

КОЛЫМСКІЕ МОТИВЫ.

Изъ поѣздки по тундрѣ.

Мы ѣхали долго. Средь тундры нагой
Неслись наши нарты одна за другой,
Полозья чуть слышно скрипѣли;
Какъ смутныя тѣни мелькали часы,
И въ бѣшеной скачкѣ упряжные псы
Быстрѣе, чѣмъ вѣтеръ, летѣли.

Кончался угрюмый, пахмуренный день,
Росла, надвигалась вечерняя тѣнь,
Катился туманъ по равнинѣ
И падалъ густой, надоѣдливый снѣгъ,
И вотъ на обычный бездомный ночлегъ
Мы выбрали мѣсто въ пустынѣ.

Какъ трупъ недвижима, какъ скатерть ровна,
Закутана въ саванъ лежала она
Подъ сѣрымъ покровомъ тумана,
И бѣлая площадь унылой земли
Неясною гранью сливалась вдали
Съ широкимъ лицомъ океана.

И взоры напрасно искали вокругъ
Хоть кустъ, обнаженный жестокостью вьюгъ,
Средь тундры нагой и безплодной,
И только на бѣломъ покровѣ зимы
Чернѣли наноснаго лѣса холмы,
Дары Колымы многоводной.

Вечерняя тѣнь надвигалась, росла,
Пронзительный вѣтеръ «съ гнилого угла»

Тянулъ непрерывной струею.
Она заползала подъ мѣхъ, какъ змѣя,
Язвило лицо дуновенье ея
И взоръ ослѣпляло слезою.

Поспѣшно въ защиту отъ вьюги ночной
Мы нарты поставили длинной стѣной;
Подъ ихъ ненадежной оградой,
Отъ искры добытой съ трудомъ изъ кремня
Веселое пламя живого огня
Зажглось, засіяло отрадой.

На тѣсно разостланныхъ шкурахъ звѣрей
Мы всѣ улеглись, завернувшись плотнѣй
Въ свои мѣховыя одежды,
Поближе къ привѣтному жару костра
И ждали спокойно другого утра,
Сомкнувъ утомленныя вѣжды.

Привычныя дѣти полярной земли
Безпечно заснули, какъ только легли,
Подъ шумъ разъяренной метели;
Но я не забылся въ живительномъ снѣ,
И мирныя грезы спуститься ко мнѣ
Сквозь грозную тьму не хотѣли.

Усталыя очи я тщетно смыкалъ,
Огонь и сквозь вѣки струился, сверкалъ,
Рядился въ волшебныя краски,
И сыпался искръ разноцвѣтный каскадъ,
И въ пламени прыгалъ сіящій взглядъ,
Лукавой исполненный ласки.

. . . .

Ночная заря разгорѣлась свѣтло,
Дрожащее пламя, какъ море, текло,
Какъ радужный стягъ, развернулось.
На сѣверномъ склонѣ высокихъ небесъ,
Въ странѣ недоступныхъ полярныхъ чудесъ
Волшебная сила проснулась.

Фонтаны живыхъ, искрометныхъ огней
Взвивались, скрывались, какъ тысячи змѣй,

Надъ пологомъ бездны туманной.
Снопы золотые тянулись на югъ,
На самомъ зенитѣ вѣнцовъ полукругъ
Горѣлъ полосою багряной.

Приливы сіяній рождались вдали,
Пурпурныя волны, вздымаясь, ползли
Къ вышинѣ небесъ свѣтоносной.
Межъ ними, какъ струйка волшебныхъ ключей,
Прозрачныя сѣти дрожащихъ лучей
Мелькали игрой перекрестной.

Порой въ вышинѣ величаво вставалъ,
Какъ солнечнымъ блескомъ проникнутый, валъ
Надъ гранью огнистаго лона,
И рѣзвые вспышки цвѣтного огня
Катились, какъ брызги, какъ пѣна гребня,
На дальній конецъ небосклона.

И робкія звѣзды, мерцавшія чуть,
Какъ будто боялись совсѣмъ утонуть
Въ пылавшей пучинѣ эѳирной.
И яркаго неба измѣнчивый сводъ,
Какъ зыбкія нѣдра взволнованныхъ водъ,
Ихъ взоръ отуманивалъ мирный.

. . . .

Безпомощный страхъ мой куда-то исчезъ.
Мой духъ погасавшій внезапно воскресъ,
Огнемъ загорѣлся привѣтнымъ.
Недавнія муки казались мнѣ сномъ:
Я весь утопалъ въ созерцаньи нѣмомъ,
Въ горячемъ бреду беззавѣтномъ.

Я видѣлъ: изъ бездны небесныхъ степей
Встаютъ, выплываютъ яснѣе, яснѣй,
Отряды безчисленныхъ тѣней.
Безбрежною ширью воздушныхъ равнинъ
Летятъ вереницы крылатыхъ дружинъ
Невѣдомыхъ, чудныхъ видѣній.

Ихъ яркія крылья безшумно парятъ,
Ихъ свѣтлыя лица, какъ солнце, горятъ,

Доспѣхи ихъ пламенемъ рдѣютъ,
Какъ стая мелькающихъ огненныхъ птицъ,
Какъ отблескъ далекихъ вечернихъ зарницъ,
Знамена ихъ яркія рѣютъ.

Порой я знакомыя видѣлъ черты,
Порой озаряла меня съ высоты
Улыбка родного привѣта.
Ихъ взоры, казалось, ласкали меня,—
То были могучіе духи огня,
Священные геніи свѣта.

Ихъ родина—полюсъ. Тамъ есть острова,
Залетныя птицы ихъ знаютъ едва,
Строптивыя волны тамъ плещутъ;
Надъ ними, красуясь, стоятъ города,
Чертоги и храмы изъ синяго льда,
Какъ скалы хрустальныя блещутъ.

Тамъ яркое лѣто полгода царитъ,
Полночное солнце сіяетъ, горитъ,
Всегда небеса тамъ смѣются,
Тамъ въ зимнія ночи родится заря,
И льются волшебнаго свѣта моря,
И рѣки огнистыя льются.

Отважные дѣти туманной земли
Не разъ приводили туда корабли
Для поисковъ долгихъ и трудныхъ.
Тамъ много свершилось ужасныхъ смертей,
И сложено много подъ снѣгомъ костей
Погибшихъ пловцовъ безразсудныхъ.

. . . .

Но свѣтлые духи тѣхъ дивныхъ границъ
Порой покидаютъ поспѣшнѣе птицъ
Чертоги свои ледяные,
И въ часъ полуночи воздушной тропой
Несутся крылатой и легкой толпой
Въ различныя страны земныя.

Летятъ они долго, и путь ихъ далекъ,
На западъ туманный, на югъ, на востокъ,

За горы, и долы, и море,
Повсюду, гдѣ гуще унылая тьма,
Гдѣ страхъ созидаетъ оковы ума
И сердца гнетущее горе.

. . . .

И громкій, протяжный, болѣзненный крикъ
Въ груди моей мертвой внезапно возникъ,
Рожденный тоской безысходной.
И дикую степь огласилъ я мольбой:
«Вы, духи, возьмите, возьмите съ собой
Меня изъ пустыни холодной!»

Но молча они продолжали полетъ.
Мой крикъ, не достигшій небесныхъ высотъ,
Въ степи прозвучалъ безъ отвѣта.
Лишь эхо кругомъ раскатилось, звеня,
Но взоръ ихъ ласкалъ на прощанье меня
Улыбкой родного привѣта...

В. Танъ.

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ.

I.

Въ маленькомъ лѣтнемъ театрѣ уѣзднаго города репетировали *Безприданницу*.

Роль Паратова игралъ гастролеръ Васильевъ-Раменскій. Заложивъ руки въ карманы тужурки синяго цвѣта, съ золотою цѣпочкой отъ борта къ боковому карману, онъ тихо произносилъ слова и возвышалъ голосъ только въ концѣ монологовъ, чтобы давать реплики. Онъ зналъ роль наизусть, и это внушало къ нему со стороны актеровъ особенное довѣріе. На тѣхъ, кто велъ съ нимъ діалогъ, онъ не взглядывалъ, какъ будто не репетировалъ, а только давалъ возможность репетировать другимъ. Или прохаживался по сценѣ и глядѣлъ себѣ подъ ноги, или, подойдя къ темной рампѣ и прищурившись, смотрѣлъ въ зрительный залъ, гдѣ стояли пустыя стулья съ наклеенными на спинкахъ бѣлыми билетами, или же поднималъ голову наверхъ, гдѣ болтались свернутыя въ трубку три-четыре затрепанныхъ декораціи. Иногда произносилъ фразу громко и жестомъ показывалъ суфлеру Аполлошѣ, что здѣсь слѣдуетъ пауза. Аполлоша дѣлалъ карандашомъ въ пьесѣ помѣтку.

Раменскій—невысокаго роста, не старше тридцати-пяти, плотный, съ женскими бедрами. Большими сѣрыми глазами и густыми темными бровями отъ постоянно кокетничалъ, то томно вскидывая ихъ, то стараясь выразить глубокую, затаенную страсть. Выходило это какъ-то совсѣмъ не по-мужски. При этомъ онъ такъ игралъ ноздрями и крупнымъ, сочнымъ ртомъ, какъ будто около его губъ всегда летали поцѣлуи.

Кнурова игралъ распорядитель товарищества и режиссеръ Переваловъ. Онъ все время отходилъ къ кулисѣ и горячо шептался съ комикомъ Ключиковымъ, игравшимъ Робинзона.

— А я про что же. Я отлично знаю провинціальную публику и такъ далѣе. Островскій нигдѣ не дѣлаетъ сборовъ. Надо было сегодня ставить *Отелло*, а не это!—онъ съ пренебреженіемъ тряхнулъ въ воздухѣ ролью.

У него крупная, широкоплечая, но со впалою грудью, фигура, недобрыя и унылыя морщины внизъ около угловъ рта и тревожный взглядъ въ длинныхъ, калмыцкихъ, черныхъ глазахъ. Ему далеко за сорокъ.

Онъ терпѣть не могъ роли Кнурова. Но еще больше злило его, что товарищество заставило играть его жену роль Очудаловой, такъ какъ актриса, служившая на роляхъ старухъ, была молодая дѣвушка, только что окончившая курсъ театральной школы, и не справилась бы съ трудною ролью матери Ларисы. Для Переваловой, лишь третьяго дня игравшей лэди Мильфорсъ, такой переходъ былъ оскорбителенъ, но пришлось подчиниться настояніямъ труппы.

— А ты не справлялся, много въ кассѣ? — спросилъ Ключиковъ, маленькій толстякъ съ жидкими рыжеватыми волосами, но съ проборчикомъ по срединѣ.

— Семь рублей сорокъ. Въ кассѣ семь рублей сорокъ,—громко повторилъ Переваловъ.

— Чортъ знаетъ что! — произнесъ съ горечью Ключиковъ и проглотилъ слюну, какъ будто эта цифра сразу напомнила, что не только сегодня, но и завтра ему не удастся пообѣдать.

— Да и что это за гастроль—Паратовъ! Этакъ мы всѣ могли бы гастролировать. Такія-то роли найдутся и у меня, и у тебя, я ужъ не говорю о женѣ. Вотъ какъ заколотитъ его Луцкой въ Карандышовѣ, въ другой разъ не полѣзетъ съ своею *Безприданницей*. Вѣрно, красивъ въ военной фуражкѣ, да въ ботфортахъ, вотъ и хочетъ показать себя.

— Тутъ не то! Какъ ты не понимаешь? Не видишь развѣ, какъ онъ вертится около жены. Для нея и выдумалъ *Безприданницу*. У нея Лариса, говорятъ, коронная роль. Онъ же съ ней и проходилъ ее, когда они еще жили вмѣстѣ.

Переваловъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на товарища.

— Что-жъ, онъ хочетъ опять сойтись съ ней?

— Чортъ его знаетъ! Можетъ быть, сойтись совсѣмъ, а, можетъ быть, такъ себѣ, тряхнуть стариной. Ну, а Марья Николаевна тоже не дура. Сойдется съ мужемъ, потеряетъ высокаго покровителя. Кто ей тогда будетъ букеты подносить! Или же...

Въ это время Раменскій крикнулъ, стараясь щегольнуть акцентомъ, слова своей роли:

— *Que faites vous là? Venez!*

Ключикову надо было выходить.

— *Comment?*—перебилъ онъ самого себя и пошелъ къ репетировавшимъ.

Переваловъ повертѣлся около пустого мѣста, гдѣ стоялъ товарищъ, и направился къ женѣ. Она сидѣла съ ролью у самаго выхода со сцены въ садъ, закинувъ ногу на ногу и показывая истоптанныя туфли. Безъ грима она кажется старше мужа, — высокая, худощавая, съ длиннымъ, когда-то красивымъ лицомъ, сохранившимъ только выраженіе упорной нужды и тщеславія. На ней не свѣжее ситцевое платье и круглая шляпа съ посѣрѣвшимъ муаровымъ бантомъ, фасонъ которой могъ бы идти только молодой дѣвушкѣ. Шведскія перчатки, много разъ старательно заштопанныя въ пальцахъ, потеряли свой первый цвѣтъ натуральной кожи, вѣеръ соломенный купленъ за пять копѣекъ, но Перевалова, по привычкѣ къ ролямъ знатныхъ и богатыхъ женщинъ, держится такъ, какъ будто бы на ней все съ иголочки и изъ лучшихъ столичныхъ магазиновъ.

— Сколько сбора?—спросила она, поднимая на мужа потускнѣвшіе каріе глаза.

— Семь рублей.

Перевалова съ негодованіемъ двинула стуломъ.

— Для чего-жъ я учу эту дрянь?—рѣзко сказала она, ударивъ вѣеромъ по тетради, лежавшей у нея на колѣняхъ.

— Ну, Лиза...

— Ну, да! Островскій и такъ далѣе? Знаю эту пѣсню, но мнѣ-то дѣлать нечего. Для чего-жъ меня заставили учить цѣлую ночь, если мы и играть не будемъ?

Она облокотилась о спинку стула и замахала вѣеромъ. Мужъ молча смотрѣлъ въ громадную дверь, въ родѣ воротъ, за которою шла лѣстница въ садъ. Оттуда тянуло зноемъ и духотой.

— Хорошъ распорядитель! Не можетъ самъ ролей роздать. Господамъ Раменскимъ нужно на старыхъ дрожжахъ играть въ любовь, а я для ихъ удовольствія должна изображать какую-то развратную старуху.

— Для дѣла, Лиза...

— Ахъ, отстань, пожалуйста! Никакой роли тутъ нѣтъ, и Лиманова могла бы сыграть ее съ такимъ же успѣхомъ, какъ и я.

Она опять взяла тетрадь, трепля и комкая ее.

— Кнуровъ! Переваловъ! Гриша!—раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

— Иду!

Онъ началъ отыскивать въ тетради свою реплику и, не найдя ее, повторилъ за суфлеромъ:

— *Отозваны мы.*

Потомъ разсмотрѣлъ, что до конца дѣйствія у него осталась всего одна фраза, и сказалъ:

— Ролька, нечего сказать!

Оттого, что онъ былъ занятъ другимъ и оттого еще, что все время отходилъ отъ репетировавшихъ, роль Кнурова казалась ему совершенно ничтожной.

Паратову сообщили, что Лариса выходитъ замужъ.

— *Лариса выходитъ замужъ,* — съ силой воскликнулъ Раменскій, давая одну изъ тѣхъ смѣлыхъ, искреннихъ и красивыхъ интонацій, которыя всегда приковываютъ вниманіе даже актеровъ и какъ бы служатъ признакомъ сценическаго темперамента. При этомъ Раменскій, не поворачивая головы, искоса взглянулъ на Аполлошу, едва замѣтнымъ жестомъ правой руки указалъ паузу, сдѣлалъ шагъ впередъ, къ суфлерской будкѣ, и, по ремаркѣ автора, задумался.

Переваловъ и актеры, игравшіе Вожеватова и Робинзона, начали слѣдить за Рименскимъ, а онъ, произнося монологъ, представлялъ себѣ передъ пустою, темноватою залой, какъ будетъ вечеромъ играть глазами, бровями и ртомъ передъ публикой.

Онъ считалъ роль Паратова одной изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ, «благодаря тщательной отдѣлкѣ», какъ выражались хвалившіе его рецензенты разныхъ губернскихъ вѣдомостей. На гастроляхъ онъ всегда требовалъ постановку *Безприданницы* для того, чтобы показать, что онъ актеръ не только «чувства», но и «искусства».

— Французская игра!—произнесъ тихо Аполлоша, съ усмѣшкой глядя на него и затягиваясь табакомъ.

Раменскій не обратилъ вниманія. Онъ говорилъ монологъ долго, дѣлая изъ него цѣлую сцену, стараясь вложить между строкъ неугасшее чувство къ Ларисѣ и, очевидно, разсчитывая вечеромъ произвести впечатлѣніе.

— *Любопытно, очень любопытно поглядѣть на нее*,—закончилъ онъ, поворачиваясь къ залѣ спиной, дѣлая заученный жестъ, какъ бы удара хлыстомъ по ботфортамъ и отходя въ глубину, словно отыскивая Ларису.

Изъ сада доносилось пѣніе въ полголоса подъ аккомпаниментъ

гитары. Тамъ Раменская налаживала дуэтъ «Не искушай» съ маленькимъ актеромъ, умѣвшимъ играть на гитарѣ и обладавшимъ небольшимъ голосомъ.

II.

Первое дѣйствіе окончили.

— Откуда у тебя папироса?—спросилъ Ключикова актеръ Бѣлесовъ, играющій Вожеватова.

— Гастролерская.

— Одну взялъ?

— Нѣтъ, и для тебя запасся,—насмѣшливо отвѣтилъ комикъ.

— Что-жъ, для пріятеля можно бы.

Ключиковъ промолчалъ. Бѣлесовъ поправилъ пенснэ, одну руку заложилъ въ карманъ брюкъ, другой началъ играть мѣдною цѣпочкой, къ концу которой, вмѣсто часовъ, былъ прикрѣпленъ ни къ чему ненужный ключъ, и тихо запѣлъ «Не искушай». Мотивъ дуэта все еще несся изъ сада.

Такъ какъ Бѣлесова всѣ считаютъ хорошенькимъ, то онъ играетъ роли любовниковъ и въ драмахъ, и въ водевиляхъ. Поэтому же носитъ пенснэ, которое портитъ ему зрѣніе, завиваетъ волосы и такъ повязываетъ свѣтлый галстукъ, что кажется малѣйшій вѣтерокъ унесетъ его. Онъ всегда былъ простоватъ, и товарищи твердили ему объ этомъ, но онъ имъ не вѣрилъ. Ему всего двадцать четыре года.

Сегодня онъ тоже недоволенъ спектаклемъ. Ему улыбалась роль Паратова, но такъ какъ Паратова игралъ самъ гастролеръ, то онъ готовъ былъ помириться на Карандышевѣ. Однако, ему, стяжавшему лавры въ «Каширской старинѣ», не удалось получить и Карандышева Переваловъ предпочелъ отдать роль совсѣмъ еще юному актеру, только что начавшему сценическую карьеру, Луцкому. Бѣлесовъ протестовалъ, но Переваловъ сказалъ ему:

— Ну, ты еще поговори!

— Отчего же мнѣ не говорить! Я членъ товарищества! — пѣтушился Бѣлесовъ.

На это Переваловъ отвѣтилъ ему бранью, и тѣмъ окончился протестъ Бѣлесова. Вчера же, на первой репетиціи, Луцкой, еще не твердо зная роль и путаясь въ словахъ и мѣстахъ, такъ горячо сыгралъ сцену третьяго дѣйствія, что Раменскій и дамы зааплодировали ему. Это окончательно привело Бѣлесова въ уныніе.

— Оставь мнѣ немного,—сказалъ онъ, видя, что папироса у пріятеля приближается къ концу, а тотъ все еще затягивается.

Ключиковъ молча передалъ окурокъ. Разъ затянувшись, Бѣлесовъ повеселѣлъ.

— Посмотри-ка на Луцкого, — сказалъ онъ, — какъ старается-то!

Ключиковъ поднялъ голову. Налѣво за кулисами, около мужской уборной, ходилъ молодой человѣкъ средняго роста, съ фигурой изъ такихъ, какія называютъ крѣпко сколоченными, — съ широкою спиной и рабочими руками, со сбившимися на лобъ темными вьющимися волосами и съ очень выразительнымъ, судорожно-нервнымъ лицомъ. Онъ сильно жестикулировалъ и повторялъ про себя роль, стараясь не заглядывать въ тетрадь.

Ключиковъ молча посмотрѣлъ на него.

Въ сторонкѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, ходилъ актеръ на маленькія роли Жаровъ, старикъ подъ шестьдесятъ. Онъ махалъ около лица, какъ вѣеромъ, широкою соломенною шляпой, которая служила ему уже лѣтъ двадцать и которую онъ въ веселыя минуты называлъ «панама̀». Его жидкіе, совершенно сѣдые, волосы развѣвались.

Прибѣжалъ Переваловъ, успѣвшій слетать къ бутафору. Жаровъ тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Григорій Александровичъ! — началъ онъ конфузливо и непріятно картавя на *р*: — нельзя ли мнѣ, пожалуйста... ну, хоть три цѣлковыхъ.

— Да откуда-жъ я возьму, Жаровъ?! — закричалъ Переваловъ, нервно прижимая къ груди ладони. — Господи! Вѣдь, я же не антрепренеръ.

— Нельзя ли въ кассѣ?

— Да, подите-ка, возьмите. Еслибъ можно было, я самъ давно бы все слопалъ. Мы, можетъ быть, сегодня и играть-то не будемъ.

Переваловъ отошелъ, а Жаровъ остался на мѣстѣ, задумчиво вертя свою панама̀.

— Хора не откуда взять для четвертаго дѣйствія, — сказалъ Переваловъ Ключикову и Бѣлесову. — Пусть уже Марья Николаевна не взыщетъ. Умретъ и безъ хора и такъ далѣе.

— Съ хоромъ эффектнѣе, — замѣтилъ Бѣлесовъ.

— Мало ли что эффектнѣе! А привязать тебя къ дереву и поджечь — еще эффектнѣе. Не хочешь ли... для фейерверка? Вотъ какой сборъ сдѣлаемъ! Моя жена играла «Нищіе духомъ», а тамъ хоръ нужнѣе, чѣмъ здѣсь, — обошлись же! Я еще не знаю, какъ быть съ револьверомъ. Бутафоръ говоритъ, что безъ полтинника особо не дастъ револьвера, и такъ далѣе.

— Пусть Луцкой заплатитъ. Его сцена,—сказалъ Бѣлесовъ.

Переваловъ посмотрѣлъ на него и щелкнулъ по лбу.

— Ты хоть и глупъ, а подчасъ мѣтко скажешь.

И режиссеръ торопливо двинулся къ Луцкому.

— Глупъ! — пробормоталъ обиженно Бѣлесовъ, потирая лобъ.— Выдумаютъ люди предразсудокъ и повторяютъ!

Луцкой—новичокъ въ труппѣ. Онъ мѣстный житель, сынъ лавочника, кончилъ курсъ реальнаго училища въ губернскомъ городѣ, гдѣ еще ученикомъ нѣсколько лѣтъ участвовалъ и въ любительскихъ спектакляхъ, и въ труппѣ актеровъ. Тамъ онъ познакомился и съ Раменскими. Луцкой былъ всего въ шестомъ классѣ. Окончивъ курсъ, онъ сразу нашелъ средство не возвращаться въ родительскій домъ. Написалъ письмо, что въ самые экзамены проболѣлъ и долженъ остаться еще на годъ, а чтобы не отягчать родителя деньгами, ищетъ уроковъ. Послѣднее обстоятельство должно было примирить отца съ неудачей,—это Луцкой хорошо зналъ.

Вмѣсто уроковъ, онъ пристроился къ пріѣхавшей на лѣто труппѣ, а потомъ игралъ и зимой, и хотя зарабатывалъ не болѣе 10—15 рублей въ мѣсяцъ, но ни разу не побезпокоилъ отца просьбой о деньгахъ. Однако, наступила новая весна и волей-неволей пришлось ѣхать домой. Онъ рѣшилъ смѣло признаться отцу въ желаніи идти на сцену, но стоило ему вступить въ строгую, старовѣрческую семью, изъ которой никто и никогда не былъ въ театрѣ, какъ вся его храбрость исчезла. Просился въ высшее учебное заведеніе, но отецъ отказалъ на-отрѣзъ. Тутъ ужъ и обѣщаніе не брать денегъ не помогло. Его пристроили къ торговому дѣлу. Ему было въ ту пору 20 лѣтъ. Такъ прошелъ годъ. Въ слѣдующее лѣто ему пришлось ѣхать въ Харьковъ на Успенскую ярмарку для закупки товаровъ. Тутъ онъ точно сорвался съ узды. Не долго думая, отправился въ театръ и заигралъ... Отецъ чуть не избилъ его.

Только зимой наступило перемиріе. Но юноша тайкомъ отъ родителя училъ роли.

Для того, чтобы выбить изъ его головы дурь, задумали женить. Партія представлялась блестящая — богатая одинокая дѣвушка, лѣтъ тридцати, бывшая нѣкоторое время «богородицей». Толки, переговоры и ссоры тянулись до самаго лѣта, а тутъ появилось «товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Г. А. Перевалова». Много мучительныхъ колебаній пережилъ Луцкой прежде, чѣмъ рѣшился отправиться какъ-то утромъ на репетицію. На афишахъ появлялась фамилія Раменской. Ни о комъ изъ видѣнныхъ актрисъ не вспоминалъ онъ въ тоскливые зимніе мѣсяцы такъ

часто и съ такимъ скрытымъ обожаніемъ. Ея появленіе въ этомъ городишкѣ не могло, по его мнѣнію, произойти безъ участія Провидѣнія. Она представлялась ему въ видѣ посланницы неба, явившейся за нимъ. Одна мысль о свадьбѣ на «богородицѣ» въ отставкѣ поднимала его съ мѣста и заливала лицо краской.

Ему показалось, что Раменская была первая, кого онъ увидѣлъ, войдя на сцену. Онъ прошелъ къ ней, она его не узнала. Онъ напомнилъ, она радостно улыбнулась, но тотчасъ же покраснѣла и смутилась.

— Съ тѣхъ поръ въ моей жизни произошло такъ много перемѣнъ,—сказала она съ грустью.

Но въ глазахъ Луцкого она была все та же. Та же стройность и грація, тѣ же большіе, синіе глаза, пугливые и ясные, тѣ же длинныя двѣ косы золотистыхъ волосъ.

Вся труппа обрадовалась Луцкому, какъ радуются заѣзжіе актеры всякому мѣстному жителю, «представителю публики», попавшему за кулисы. Перевалова уже не разъ ругала «паршивый городишко», говоря, что здѣсь нѣтъ не только любителей театра «перворядниковъ», но нѣтъ даже двухъ-трехъ «какихъ-нибудь завалящихъ гимназистовъ», которые бы за улыбку за кулисами начинали аплодисменты. А ужъ о листкѣ и рецензентѣ и думать нечего.

Переваловъ, Ключиковъ, Бѣлесовъ на-перерывъ обнаруживали передъ Луцкимъ свою «интеллигентность». Рѣдкій провинціальный актеръ не боится «представителя публики», считая его и умнѣе, и образованнѣе себя, а потому спѣшитъ показать свои знанія и душевную чуткость. Но больше всѣхъ занялся Луцкимъ распорядитель. Онъ думалъ воспользоваться имъ для распространенія рекламъ и привлеченія публики въ театръ.

Весь день Луцкой ходилъ, какъ шалый, а за ночь рѣшеніе созрѣло. Пусть отецъ хоть убьетъ, все равно,—или театръ, или смерть. Съ подъемомъ энергіи, какой врядъ ли когда-нибудь въ его жизни повторится, словно всѣ душевныя силы здоровой и нервной природы были собраны для одного рѣшительнаго шага, онъ разомъ началъ войну. Примутъ его въ труппу Перевалова или нѣтъ— этого онъ еще не рѣшалъ. Ему надо было сбросить цѣпи, получить полную свободу. Это прежде всего.

Объясненіе съ отцомъ онъ началъ съ перваго же утренняго свиданія и въ тотъ же день былъ имъ въ буквальномъ смыслѣ слова— избитъ.

Три дня онъ пролежалъ, мечтая только объ одномъ, чтобъ о

его позорѣ не узнали въ театрѣ. Его навѣщала невѣста. Ихъ оставляли однихъ. Она садилась у окна и тепло и любовно говорила о счастьи, которое онъ далъ бы ей, если бы женился, и о томъ, что она всю жизнь, всѣ мысли и заботы посвятила бы ему. Она его называла «голубь мой» и говорила ему «ты». А онъ не произносилъ ни звука и для того, чтобы не видѣть ее, лежалъ съ закрытыми глазами. Но онъ слышалъ ея мягкій монотонный голосъ и продолжалъ видѣть ея довольно полную фигуру въ темномъ платьѣ, круглое, сдобное, безбровое лицо, угреватое около шеи и никогда не знавшее румянца, и черный шерстяной платокъ на головѣ, котораго она никогда не снимала при немъ и который онъ почему-то особенно помнилъ. Къ концу каждаго свиданія она плакала, потомъ, наплакавшись, долго молчала и, наконецъ, тихо выходила изъ комнаты. Ему ни разу не приходило въ голову, что на сценѣ образъ невѣсты, очищенный лишь отъ излишней полноты и угреватости, «навѣрное возбудилъ бы въ немъ сочувствіе, особенно въ исполненіи Раменской». Онъ былъ безконечно равнодушенъ и уже начиналъ ненавидѣть ее. Все счастье, о которомъ она пѣла ему,— богатство, положеніе въ торговомъ мірѣ, кругъ почтенныхъ друзей, ненарушимый покой и преданная хозяйка, и когда же?—когда ему пошелъ всего двадцать третій годъ,—все это ничего не стоило въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, о которомъ недѣлю назадъ онъ уже и не мечталъ. Здѣсь—тоскливый будничный покой, тамъ—радостныя, надземныя волненія; здѣсь—ранняя старость, тамъ—безпрерывная юность. Ни на какія богатства не промѣняетъ онъ той скрытой тревоги, которую испытывалъ, выходя на подмостки сцены, а всѣхъ почтенныхъ друзей отца и невѣсты не возьметъ за одного Ключикова и Бѣлесова, которыхъ только разъ видѣлъ, но уже безпредѣльно любилъ.

Каждое утро онъ смотрѣлся въ зеркало. По счастью, побои не коснулись его лица. Черезъ три дня онъ всталъ, взялъ кухонный ножъ и пошелъ къ отцу. Тотъ спросилъ, одумался ли онъ. Луцкой подалъ ему ножъ.

— Если вы хотите убить меня, такъ вотъ вамъ и холодное оружіе,—сказалъ онъ.

Его выгнали изъ дому. Собравъ въ узелокъ все, что имѣлъ, съ 25 рублями въ карманѣ онъ ушелъ.

Въ глазахъ актеровъ онъ потерялъ сразу всю свою прелесть, когда предложилъ имъ себя въ товарищество. Но Раменская уже разсказала имъ, что у него несомнѣнныя способности. Переваловъ, однако, охотно принялъ его, разсчитывая сдѣлать хоть одинъ сборъ

участіемъ мѣстнаго жителя. Луцкому не хотѣлось, чтобы фамилія его отца появлялась на афишѣ, но Переваловъ только на этомъ условіи и принималъ его въ труппу.

— Что же, вы разыгрываете роль дворянчика? Презираете наше дѣло?

— Еслибъ я презиралъ, я бы не пошелъ на сцену.

— А въ такомъ случаѣ, батенька, извольте отдать ей всю жизнь. Сцена, батенька, не признаетъ компромиссовъ. Или все, или убирайтесь ко всѣмъ чертямъ. Да вы и не бойтесь, голубчикъ,—говорилъ Переваловъ, перемѣшивая ласкательныя имена съ бранью,—я васъ отлично обставлю, дамъ хорошую роль, успѣхъ вы будете имѣть навѣрное, не опозорите своей фамиліи.

Луцкой принесъ и эту жертву.

Черезъ недѣлю онъ выступилъ въ комедіи «Женитьба Бѣлугина». На афишѣ стояло: «роль Андрея Бѣлугина исполнитъ здѣшній житель Антонъ Марковичъ Луцкой». Антонъ не могъ видѣть этой афиши безъ чувства боли за отца и ждалъ скандала. Но, очевидно, въ родительскомъ домѣ прокляли и порѣшили забыть его. Да и знали ли тамъ о существованіи псевдонимовъ.

Переваловъ не ошибся въ разсчетѣ. Товарищество сдѣлало самый большой сборъ, около ста рублей. До сихъ поръ, даже въ воскресенье, не было болѣе тридцати—сорока.

Луцкой имѣлъ огромный успѣхъ. Публика сначала съ улыбкой любопытства глядѣла на сына извѣстнаго всему городу лавочника и въ антрактѣ передавала по саду сплетню о семейномъ скандалѣ. Но постепенно она была захвачена и послѣ четвертаго дѣйствія неистово апплодировала. Раменскую Луцкой любилъ въ этотъ вечеръ, какъ мечту о сценѣ, и ему было легко вложить въ страданія Бѣлугина всю, только что пережитую дома, драму.

Только въ этотъ вечеръ и актеры узнали о томъ, чего стоило Луцкому бросить домъ. Дамы ласкали его. Перевалова нѣсколько разъ поцѣловала въ лобъ, Раменская позволяла ему цѣловать руки, товарищи потребовали «вспрыска» за крестины и послѣ спектакля подшучивали, спрашивая, не больно ли ему сидѣть отъ отцовскихъ побоевъ. Луцкой не обижался. Онъ былъ слишкомъ опьяненъ успѣхомъ.

Спустя недѣлю онъ игралъ во второй разъ.

— Ну, батенька, цѣлуйте меня,—сказалъ Переваловъ,—любимую свою роль отдаю вамъ—Краснова въ драмѣ *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*.

Афиша опять гласила объ участіи «жителя здѣшняго города»,

но сборъ уже былъ поменьше. Въ это время пріѣхалъ на гастроли Раменскій и объявленный *Гамлетъ* окончательно отодвинулъ интересъ къ Луцкому.

Карандышевъ былъ третьей хорошею ролью, порученною новоиспеченному актеру. Перевалову очень хотѣлось, чтобы Луцкой «забилъ» гастролера.

Отъ капитала въ 25 рублей очень скоро не осталось ни копѣйки. Но Антонъ не унывалъ. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто жилъ между небомъ и землею.

III.

— Господа! Пожалуйте, второе дѣйствіе! — крикнулъ Переваловъ. По его лицу и Ключиковъ, и Бѣлесовъ сейчасъ же догадались, что Луцкой взялся заплатить за револьверъ.—Марья Николаевна! Начинаемъ.

Раменская медленно поднималась изъ сада на сцену. Мужъ ждалъ ее. Онъ подскочилъ и подалъ руку. Она приняла, не глядя поблагодарила и пошла впередъ, оставшись у кулисы и дожидаясь своего выхода.

Луцкой съ полнымъ правомъ предпочиталъ безнадежно вздыхать по Раменской, чѣмъ жениться на предложенной отцомъ невѣстѣ. Во всякой труппѣ Марью Николаевну называли Офеліей. И точно, трудно было найти болѣе подходящую наружность для чистаго образа Шекспировской фантазіи. Стройная, гибкая фигура, волосы матоваго золота, которые она со вкусомъ провинціалки держитъ заплетенными въ двѣ косы, нѣжный румянецъ на щекахъ и большіе, совершенно синіе, глаза. Вслѣдствіе близости мужа взглядъ у нея такой, точно она всегда на-сторожѣ.

Они разошлись три года назадъ, когда ей было всего двадцать лѣтъ. Не прожили вмѣстѣ и двухъ лѣтъ, за это время онъ измѣнилъ женѣ, два раза не попадаясь и въ третій попавшись. Здѣсь они встрѣтились послѣ разлуки впервые. Сегодняшняя гостроль его—четвертая. За недѣлю они уже сыграли вмѣстѣ *Гамлета*, *Блуждающіе огни*, *Коварство и любовь*. Все время ей нужно было изображать влюбленную въ него, и она не могла привыкнуть ни къ его присутствію, ни къ прикосновеніямъ и поцѣлуямъ. Съ послѣдняго вечера онъ явно ухаживаетъ за нею, и ей приходится дѣлать видъ, что она не замѣчаетъ его предупредительности.

Переваловъ съ женой вели сцену Кнурова съ Огудаловой. Онъ читалъ по тетради и, когда ему трудно было сказать фразу или

она была плохо переписана, онъ просто вычеркивалъ ее. Перевалова злилась, но роль уже почти знала. Голосъ ея, непріятный и беззвучный, напоминалъ ѣзду по пескамъ. Длинное лицо, сухощавое, съ продольными морщинами по щекамъ,—изъ тѣхъ, какія бываютъ у чувственныхъ женщинъ, въ излишествѣ предающихся страстямъ. Однако, несмотря на то, что, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ городахъ она получала слишкомъ дорогіе подарки, они съ мужемъ никогда не разставались. Въ молодости между ними происходили дикія сцены, доходившія до дракъ, но впослѣдствіи она свободно уѣзжала послѣ спектакля ужинать съ «представителями интеллигентной публики». И возвращалась на разсвѣтѣ, а мужъ весь уходилъ въ режисерство, составленіе репертуара, въ дружбу и вражду съ товарищами. За то «публика» и ему устраивала хорошіе бенефисы. И въ подневольную голодовку во время Великаго поста они вмѣстѣ проживали его портсигары и жбаны и ея бриліанты, броши и браслеты.

Все это было прежде. Теперь, уже лѣтъ восемь, они терпятъ только нужду.

— Маруся!—обратилась Перевалова къ Раменской,—если вы хотите, чтобъ золотыя вещи были хорошія, такъ принесите свои. Бутафорскія никуда не годятся.

— Хорошо,—откликнулась Раменская.

— А у нея много?—шепотомъ спросилъ Переваловъ жену.

— И очень. Даромъ, что ли, она живетъ съ Красавцевымъ.

— Надо у нея попросить. У меня есть мысль: декорировать садъ, приготовить фейерверкъ и объявить по воскресеньямъ маскарады съ шествіемъ. На это надо всего рублей сто. Я ужъ тутъ высмотрѣлъ кое-что.

— Хорошо. Послѣ поговоримъ.

— Ты мнѣ поможешь уломать ее.

Разговоръ велся шепотомъ. Аполлоша ждалъ, пока онъ кончится, кусалъ усы и, глядя на папиросу, о чемъ-то сосредоточенно размышлялъ:

Что тутъ цѣнить! Пустое дѣло!—громко началъ читать роль Переваловъ, быстро соображая, что вечеромъ, вмѣсто «пустое дѣло», онъ скажетъ сильнѣе «плевое дѣло».

— Марья Николаевна!—позвалъ Аполлоша.

Раменская вышла. Она поступила на сцену восьмнадцати лѣтъ. Раменскій игралъ уже первыя роли, когда женился на ней, и помогъ ей сразу занять положеніе. Тѣмъ не менѣе, она до сихъ поръ не научилась оставаться спокойной при выходѣ на сцену, даже во

время репетицій. Ей трудно побороть спазму въ горлѣ. И это повторялось въ каждомъ актѣ. На этотъ разъ волненіе охватывало ее особенно сильно. «Безприданница» была ея первая роль. Она проходила ее съ Раменскимъ, когда они еще не были мужемъ и женой. Вмѣстѣ съ каждой сценой припоминались подробности первой любви и паденіе, заставившее Раменскаго жениться. Вспоминалось, какъ онъ показывалъ ей движенія, интонаціи и какъ они плутовали, обманывая ея мать.

Раменскій въ сторонѣ слѣдилъ за нею. Она это видѣла и ей еще болѣе было неловко. Когда Луцкой назвалъ имя Паратова, она невольно взглянула въ сторону мужа. Тотъ точно ждалъ этого взгляда, подхватилъ его и отвѣтилъ глазами: «да, это я, я здѣсь и по прежнему люблю тебя». Раменская быстро перевела взглядъ на Луцкого.

— *Поѣдемте въ деревню, сейчасъ поѣдемте*!—сказала она.

Въ ея металлическомъ и нѣжномъ голосѣ всегда были переливы, которые больше всего дѣйствовали на публику. Иногда, кромѣ того, прорывались сильныя грудныя ноты, усиливающія впечатлѣніе. Она это знала и умѣла въ мѣру владѣть ими.

Луцкой, знавшій ихъ еще вмѣстѣ, теперь начиналъ искренно переживать ревность Карандышева. Ключиковъ, отъ нечего дѣлать слѣдившій за репетиціей, подошелъ къ Перевалову.

— Однако, я тебѣ скажу, тутъ, кажется, начинается разыгрываться настоящая «Безприданница», такъ сказать, своя собственная.

— А что?

— Ты погляди—любопытно. Антонъ, ей-Богу, будетъ имѣть огромный успѣхъ. Жаль только, что Лариса-то сойдется съ Паратовымъ.

Переваловъ подошелъ какъ разъ къ сценѣ Раменскихъ. Но Раменскій, замѣтивъ, что за ними слѣдятъ, не бросилъ ни одного лишняго взгляда.

— Фантазія твоя! — сказалъ Переваловъ Ключикову, отходя.

— Ладно! Онъ тоже не дуракъ. Увидишь, что онъ будетъ выдѣлывать вечеромъ.

Но стоило имъ отойти, какъ Раменскій началъ вести сцену иначе. Онъ старался сказать женѣ глазами, что она расцвѣла и похорошѣла, что въ немъ снова тѣ чувства, которыя когда-то свели ихъ, что теперь онъ одинокъ. Онъ цѣловалъ ея руку дольше и нѣжнѣе, чѣмъ слѣдовало. Когда Паратовъ спрашиваетъ Ларису, любитъ ли она его,—онъ подчеркиваетъ слова, давая понять, что тотъ же вопросъ задаетъ онъ самъ.

Марьѣ Николаевнѣ было неловко. Ей хотѣлось репетировать «во всю»,—она любила эту роль,—но тогда пришлось бы отвѣчать на его взгляды любовью, а онъ могъ принять это на свой счетъ. Вечеромъ, при освѣщеніи, подъ гримомъ и въ присутствіи публики она нисколько не стѣснялась, тутъ же становилось трудно. Она давно уже рѣшила вести себя съ мужемъ при встрѣчахъ какъ совершенно посторонняя, и сначала это удавалось ей. Но вотъ второй день онъ точно осторожно вытягиваетъ изъ-подъ ея ногъ доски, на которыхъ она чувствовала себя покойно. Нужно было много самообладанія, а она не привыкла къ работѣ надъ собой. Въ то время, когда онъ задержалъ ея руку, она невольно отдернула ее и сейчасъ же мысленно упрекнула себя: онъ могъ объяснить это движеніе ревностью къ прошлому. Наконецъ, она нашла средство избавиться отъ неловкаго чувства: взяла тетрадь, какъ будто плохо помнила роль.

Раменскій закусилъ губу и спустилъ тонъ репетиціи. Теперь одинъ Луцкой говорилъ во весь голосъ. Сцену съ Паратовымъ онъ велъ особенно запальчиво. Раменскій сдѣлалъ ему замѣчаніе.

— Вы меня извините, Луцкой. Вы видѣли вчера, что я первый апплодировалъ вамъ, какъ всегда первый радуюсь нарождающемуся таланту. Но теперь вы слишкомъ горячитесь. Знаете, несетесь, какъ невзнузданная лошадь. Правду я говорю, Аполлоша?

— Да, перцу бы посбавить не худо,—отозвался суфлеръ.

— Да, вѣдь, Карандышевъ дѣйствуетъ вызывающимъ образомъ,—конфузливо оправдывался Луцкой, думая въ это время, на сколько онъ ничтожнѣе Раменскаго въ глазахъ Марьи Николаевны.

— Конечно, но всему есть мѣра. «А мѣра-то и есть искусство»,—какъ говорится у Островскаго.—Вы еще очень неопытны. Впослѣдствіи будете благодарить насъ за совѣты.

— Да я и теперь благодаренъ,—пробормоталъ Луцкой.

— Ну! Давайте дальше, господа,— сказалъ Раменскій и тутъ же прибавилъ, схвативъ новый доводъ за свое замѣчаніе.— Понимаете, что если бы Карандышевъ, въ самомъ дѣлѣ, велъ себя такъ, какъ вы ведете, то Паратовъ и не разговаривалъ бы съ нимъ, а взялъ бы за шиворотъ и вышвырнулъ за окно. Такъ я говорю, Аполлоша?

— Да-съ, лети къ тятенькѣ подъ розгу! — зло подшутилъ суфлеръ.

Луцкой вскинулъ на него глаза и густо покраснѣлъ. Раменскій едва замѣтно улыбнулся и еще разъ крикнулъ:

— Ну, дальше, господа!

Но Марья Николаевна, взглянувъ на сконфуженнаго Луцкаго, разсердилась.

— Какъ это глупо, Аполлоша. И глупо, и пошло,—сказала она, тоже краснѣя.

— Ничего, Офелія. Пускай привыкаетъ.

— Ну, дальше, дальше, господа!—началъ убѣждать Раменскій.—Двѣнадцать часовъ. А ты, Аполлоша, въ самомъ дѣлѣ, иногда держалъ бы языкъ за зубами, — сказалъ онъ строго, забывая, что самъ только что былъ доволенъ шуткой пріятеля.

— Ну, ладно ужъ, продолжайте!—огрызнулся суфлеръ и отплюнулъ.

— Вы меня, пожалуйста, извините за непрошенный совѣтъ,—снова обратился Раменскій къ Луцкому, проходя на свое мѣсто.

Тотъ хотѣлъ поблагодарить, но отъ нѣсколькихъ ощущеній разомъ не могъ выговорить ни слова. Онъ былъ оскорбленъ шуткой Аполлоши, но рѣшилъ проглотить обиду. Кромѣ того, онъ готовъ былъ искренно поблагодарить Раменскаго за совѣтъ, но находилъ, что въ его подчеркнутыхъ извиненіяхъ и улыбочкахъ больше самохвальства, чѣмъ скромнаго желанія ему добра или пьесѣ успѣха. Наконецъ, онъ былъ сильно тронутъ вмѣшательствомъ Марьи Николаевны, а въ то же время успѣлъ сообразить, что было бы лучше, если бы она не знала, или хоть сдѣлала видъ, что не знаетъ о его исторіи съ отцомъ.

Какъ только кончили второе дѣйствіе, и всѣ, по привычкѣ, двинулись дальше отъ рампы, Раменскій пошелъ къ женѣ.

— Какъ часто у самыхъ хорошихъ людей нѣтъ деликатнаго чутья,—сказалъ онъ.—Аполлошка, въ сущности, прекрасный малый, а вотъ обидѣлъ бѣднаго Луцкого.

— Это возмутительно!—сказала Марья Николаевна, подбирая легкую свѣжую перчатку къ локтю.—Вмѣсто того, чтобы полюбить и пожалѣть мальчика, они всегда готовы затравить.

— А вы его любите?

— Да, онъ очень талантливый и потомъ такой честный.

— Вы помните, вѣдь, онъ еще гимназистомъ съ нами игралъ?

Марья Николаевна стала чуть тревожнѣе. Перчатки она уже поправила,—и одну, и другую,—дѣлать было больше нечего.

— Да, конечно, помню... Я и тогда находила его способнымъ,—проговорила она, оглядываясь, точно забыла что-то на столѣ или на скамейкѣ, изображавшей на репетиціяхъ диванъ.

Она не видѣла глазъ Раменскаго, но испытывала его взглядъ на губахъ, на вырѣзѣ легкаго сатиноваго платья. Она такъ хорошо

знала этотъ искусственно-чувственный взглядъ, которымъ онъ злоупотреблялъ одинаково и на сценѣ, и въ жизни.

— Вы ищете чего-нибудь?—спросилъ онъ.

— Да, я не знаю, куда дѣвала ноты.

Раменскій легкимъ прыжкомъ очутился около скамейки и стола.

— Здѣсь нѣтъ.

— Вѣроятно, я оставила у Холодкова.

Марья Николаевна хотѣла воспользоваться тѣмъ, что онъ не стоялъ передъ нею, и пройти. Едва она сдѣлала два шага, какъ услыхала надъ ухомъ:

— Если бы вы знали, какъ мнѣ пріятно было бы побесѣдовать съ вами съ глазу-на-глазъ, просто, дружески, безъ дурныхъ воспоминаній. Знаете, какъ два хорошихъ пріятеля, не видавшихся нѣсколько лѣтъ.

Она растерялась и съ испугомъ посмотрѣла на него:

— Я васъ ничѣмъ не оскорблю, повѣрьте моей порядочности,—игралъ Раменскій.—Или вы боитесь, что объ этомъ донесутъ кому-нибудь?—прибавилъ онъ, подчеркивая «кому-нибудь».

— Я не боюсь, но право не понимаю, зачѣмъ это. Притомъ же,—спохватилась она:—не стану скрывать, что мнѣ непріятно было бы сдѣлать больно человѣку, которому я многимъ обязана.

— Положимъ, вы обязаны всѣмъ только своему дарованію и красотѣ. Но все равно. Мы можемъ повидаться такъ, что никто не узнаетъ. Я вовсе не посягаю на права «человѣка, которому вы многимъ обязаны».—Поднимая ладонь правой руки, онъ сдѣлалъ театральный жестъ, выражающій почтительность и деликатность.

Онъ вспомнилъ, что получилъ отъ Красавцева вѣнокъ.

На счастье Марьи Николаевны, къ ней подходилъ Луцкой.

— Право, я теперь такъ взволнована исторіей съ этимъ мальчикомъ, что не могу сообразить.

Она рѣшила до конца репетиціи не отходить отъ Луцкого и уклониться отъ отвѣта мужу.

IV.

Извѣстный присяжный повѣренный, звѣзда губернскаго адвокатскаго міра, Красавцевъ, знатокъ театра и психологъ, не разъ говорилъ Раменской, что у нея нѣтъ сильнаго темперамента. Прежде она думала о себѣ иначе, но вѣрила всему, что онъ говорилъ. Ей такъ часто приходилось убѣждаться въ его правотѣ. Онъ же говорилъ ей, что она мыслитъ какъ ребенокъ, и въ театральной

средѣ, безъ опытнаго и любящаго руководителя, легко можетъ погибнуть. Она вѣрила и этому.

Въ теченіе третьяго дѣйствія, гдѣ ей приходилось мало быть на сценѣ, она старалась обдумать свое положеніе. Какъ вести себя умно, съ тактомъ, а главное — честно, вотъ именно прежде всего — честно, чтобы Красавцевъ одобрилъ ея поведеніе?

Мужъ играетъ здѣсь уже съ недѣлю, за это время ея другъ и руководитель могъ бы научить ее, какъ дѣйствовать. Но Красавцевъ молчитъ и, очевидно, ждетъ, что она сама сумѣетъ себя поставить. Онъ предоставляетъ ей полную свободу, оказываетъ довѣріе и разсчитываетъ уже не на тактъ или умъ, а на любовь къ нему. Значитъ, надо доказать, что она, дѣйствительно, любитъ его. И въ первые спектакли ее ничто не стѣсняло. Самъ Раменскій держалъ себя далеко отъ нея. Вопроса не было, и она свободно смотрѣла въ глаза Красавцеву.

Но вотъ уже со вчерашняго дня она чувствуетъ тревогу. Она ни въ чемъ не провинилась, а ей какъ будто стыдно передъ «человѣкомъ, которому она многимъ обязана». Оба что-то затаили другъ отъ друга. Это ужасно тяжело, и она совсѣмъ этого не хочетъ. Вѣдь, если бы она сама увлеклась мужемъ.... Увлекается она имъ или нѣтъ? Вонъ онъ ходитъ, заложивъ руки въ карманы тужурки и говоритъ себя подъ-нóсъ: «а Робинзóнъ—натура выдержанная на заграничныхъ винахъ ярославскаго пýроизводства: ему ни почемъ»...

О чемъ это онъ? Да! Они собираются напоить Карандышева. Бѣдный Луцкой! Какъ гадко его обидѣлъ этотъ противный Аполлоша... И въ пьесѣ его хотятъ обидѣть. И чего добраго публика, любящая гоготать, грубая и дерзкая, будетъ больше симпатизировать этому фатишкѣ, чѣмъ доброму Карандышеву...

Ахъ, какъ она хорошо знаетъ эти манеры, эти «сальные» глаза и губы, въ особенности губы! Какъ она могла быть влюбленной въ этого человѣка? Впрочемъ, что жъ мудренаго. Не она одна. Половина старшаго класса гимназіи бѣгала за нимъ. Она не понимала тогда, что онъ—актеръ во всѣ минуты дня, во всякомъ движеніи. Все въ немъ—игра. Притомъ же сейчасъ, вотъ среди этихъ Ключиковыхъ и Бѣлесовыхъ, развѣ онъ не эффектнѣе всѣхъ? Онъ и держится красиво, и одѣтъ хорошо, и говоритъ прекрасно. «У нихъ особенный жаргонъ», какъ говорилъ Красавцевъ объ актерахъ, а Раменскій и начитанъ, и потерся въ обществѣ.

Все таки, Луцкой гораздо симпатичнѣе. Мало того, она чувствуетъ, что онъ и гораздо талантливѣе. У того все—поза, кра-

сивая, главное—увѣренная, но поза. Публика это любитъ. А у этого... еще совсѣмъ нѣтъ опытности, онъ смѣшно теряется при выходѣ на сцену, за то въ немъ столько искренности и трогательной задушевности. Красавцевъ говорилъ, что изъ него выйдетъ «очень крупная артистическая величина». Это правда. Но неужели же тогда онъ тоже станетъ такимъ же безсердечнымъ, какъ вотъ этотъ въ синей тужуркѣ?...

Увлекается ли она мужемъ?

Марья Николаевна улыбнулась и мысленно показала кончикъ мизинца: «да вотъ ни на эстолько».

Ой, правда ли?—продолжала она допытывать себя...

«*Эй, дайте намъ бургонскаго!*» — кричитъ надъ самымъ ея ухомъ, стоя за кулисами, Луцкой.

Она вздрагиваетъ и съ улыбкой смотритъ на него. Онъ тоже улыбается.

— Карандышевъ, кажется, выпилъ?—спрашиваетъ она, чтобы что-нибудь сказать.

— Да, и это ужасно трудно,—начинаетъ говорить Луцкой быстро, точно захлебываясь:—все вмѣстѣ, и выпивши, и Паратовъ тутъ, и поважничать хочется, и любовь къ Ларисѣ—ужасно трудно. Я даже думаю, что въ немъ не столько вино говоритъ, сколько онъ очень взвинченъ нравственно... Виноватъ,—перебиваетъ онъ самого себя и идетъ къ репетирующимъ.

«Какой милый!—думаетъ Марья Николаевна, слѣдя за нимъ:—и какой простой, русскій, вотъ именно русскій... «національный типъ», какъ вѣрно выразился Красавцевъ».

Правда ли, что она не увлекается мужемъ? О, да, такая правда, что у нея на душѣ совершенно покойно. Если онъ мечтаетъ получить что-нибудь отъ нея, то жестоко ошибается. Руку пусть цѣлуетъ, какъ онъ сдѣлалъ при встрѣчѣ, но больше—можетъ быть благонадеженъ!

Въ такомъ случаѣ, что-жъ ее мучаетъ, если она относится къ мужу равнодушно. Она не оскорбитъ чувства къ ней Красавцева. Вѣдь, такъ?

Въ томъ-то и дѣло, что не такъ. Совсѣмъ не такъ. Мало того, тутъ-то и начинаются мучительные вопросы. Если бы она была женщина съ темпераментомъ, увлеклась бы мужемъ, сошлась съ нимъ, уѣхала бы отсюда—все это было бы гораздо проще. Бросила любовника и вернулась къ мужу, который самъ захотѣлъ этого,—что тутъ дурного и кто ее осудитъ? Напротивъ, всякій скажетъ—поступила честно. Можно пойти еще дальше. Будь на ея мѣстѣ

Перевалова, которая вотъ, уходя со сцены, злющая-презлющая, нарочно толкнула ее,—она была бы даже счастлива въ ея положеніи и устроилась бы очень просто: и съ мужемъ сошлась бы, и Красавцева удержала бы. Это очень дурно, но вполнѣ обыкновенно. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было бы тѣхъ странныхъ, новыхъ ощущеній, которыя она начала испытывать только недавно и которыми обязана исключительно доброму вліянію Красавцева.

И Марья Николаевна, перескакивая черезъ цѣлую цѣпь мыслей, вдругъ сдѣлала неожиданное для себя открытіе: спокойно чувствовать себя въ присутствіи мужа мѣшаетъ ей не кто иной, какъ самъ же Красавцевъ.

Она даже отошла отъ кулисы, къ которой вернулся Луцкой, чтобы никто не отвлекъ ее отъ этой мысли.

Какъ это странно, въ самомъ дѣлѣ, думала она: Красавцевъ всегда учитъ ее только хорошему, постоянно говоритъ о нравственности и о высшей морали, говоритъ такъ прекрасно и убѣдительно, что никто и ничего не можетъ возразить ему; она, въ свою очередь, хочетъ жить именно такъ, какъ онъ учитъ; искренно и серьезно вѣрна ему, теперь никакихъ чувствъ къ мужу у нея нѣтъ,—чѣмъ же объяснить ея тревожное состояніе? Присутствіемъ мужа? Нѣтъ, наоборотъ,—присутствіемъ Красавцева. Она это чувствуетъ, чувствуетъ!

Хотѣлось ли бы ей, чтобы, во все время гастролей мужа, Красавцевъ былъ тамъ у себя, въ губернскомъ городѣ, а не здѣсь?

Да, самое рѣшительное—да.

Она такъ же, какъ и теперь, была бы равнодушна къ Раменскому, но встрѣчалась бы съ нимъ безъ всякаго смущенія, сколько бы онъ ни приставалъ съ любезностями.

Чѣмъ же тутъ мѣшаетъ Красавцевъ? Не совѣстно ли ей передъ мужемъ, что не прошло со времени ихъ разрыва трехъ лѣтъ, какъ она уже «обзавелась любовникомъ», выражаясь закулиснымъ языкомъ? Нѣтъ, нисколько. Красавцевъ не только любовникъ,—онъ ея преданный другъ. А если бы только она захотѣла, такъ былъ бы и мужемъ. Но она знаетъ, что для этого должна разстаться со сценой и потому сама не хочетъ. Ей не только не совѣстно передъ Раменскимъ, а, напротивъ, она рада показать, что не долго плакала по немъ.

Нѣтъ, тутъ положительно есть что-то, чего она еще не понимаетъ. Ей пріятно быть, благодаря Красавцеву, хорошо одѣтой, пріятно получать цвѣты, ни въ чемъ не нуждаться съ матерью, еще пріятнѣе,—потому что денежныя одолженія забываются ско-

ро,—имѣть около себя влюбленнаго, который восхищается ея сценической наружностью, граціей, голосомъ. За все это она платитъ любовью и чистосердечно признается передъ собой, что нисколько не тяготится ею. Но теперь эта связь является помѣхой ея успѣху... вотъ новое открытіе! Именно, это тревожное настроеніе мѣшаетъ ей работать, отдаться сценѣ, а сцена для нея—впереди всего...

— Марья Николаевна!

— Иду.

Она идетъ репетировать. Жметъ руку Паратову. Раменскій уже нахально пожимаетъ такъ, какъ это дѣлаютъ съ дурными женщинами. Оборвать его? Подозвать во время перерыва и сказать рѣзко: перестаньте приставать ко мнѣ, изъ этого ничего не выйдетъ. Кажется, это будетъ лучше всего? да; а потомъ? Какъ потомъ разсказать Красавцеву? Тотъ будетъ не вѣрить ей и страдать и скрывать отъ нея и недовѣріе и страданіе. И будетъ терзаться ревностью, когда она на репетиціяхъ, при свиданіяхъ—бросать въ сторону косые взгляды и говорить не о томъ, что думаетъ и что чувствуетъ, а мать будетъ пилить, что она не цѣнитъ его вниманія и преданности! Нѣтъ, лучше по прежнему не обращать вниманія.

Раменскій совершенно искренно заговаривается. Надо сказать: «*Позвольте, Лариса Дмитріевна, попросить васъ осчастливить насъ. Спойте намъ какой-нибудь романсъ или пѣсенку! Я васъ цѣлый годъ не слыхалъ, да, вѣроятно, и не услышу больше*». Онъ думалъ о словахъ «вѣроятно, не услышу больше», чтобы подчеркнуть ихъ и какъ бы спросить жену, дастъ она ему свиданіе или нѣтъ, и вмѣсто «цѣлый годъ» невольно говоритъ «цѣлыхъ три года».

— Годъ, какихъ три?—поправляетъ его Аполлоша.

Раменскій не сразу замѣчаетъ оговорку, потомъ спохватывается и проводитъ рукой по лицу. Наступаетъ небольшое молчаніе. Не всѣ понимаютъ, отчего онъ такъ оговорился.

— Это ты Марью Николаевну не слыхалъ три года, а не Ларису,—рѣжетъ Аполлоша.

Всѣ хохочутъ и долго не могутъ успокоиться. Марья Николаевна краснѣетъ, но ей все это понравилось. Однако, Раменскій самъ портитъ впечатлѣніе.

— Простите, ради Создателя, — говоритъ онъ шепотомъ. Беретъ ея руку, цѣлуетъ и прибавляетъ:—Вы видите, какъ я взволнованъ.

Она опять пугается, теряется и теряетъ почву. Несносная тре-

вога снова овладѣваетъ ею. И въ тотъ же мигъ она чувствуетъ, что виноватъ въ этомъ вовсе не мужъ, а тотъ, который вотъ точно за спиной у нея стоитъ и слѣдитъ за каждымъ движеніемъ.

Молодой актеръ Холодковъ, бѣлобрысый русскій парень, симпатичный и застѣнчивый, спрашиваетъ ее, будутъ ли они пѣть дуэтъ сейчасъ на репетиціи.

— Нѣтъ,— отвѣчаетъ она нервно, злится и на то, что не будетъ пѣть, и на то, что не можетъ репетировать какъ слѣдуетъ, и на то, что Раменскій смотритъ на нее съ безпокойствомъ, а въ сущности очень доволенъ, что она раздражена, принимая это на свой счетъ.

Она проводитъ слѣдующую сцену съ Паратовымъ нà-скоро, безъ всякаго выраженія, не дождется, пока ей уходить со сцены, потомъ быстро проходитъ мимо ожидавшаго ее Раменскаго въ женскую уборную и захлопываетъ дверь.

Срывая перчатки и бросая ихъ на простой столъ, она чуть не со слезами думаетъ: «Господи! Вѣдь я же вовсе не собираюсь измѣнять ему! Я готова поклясться ему въ вѣрности. Мнѣ все равно, что Раменскій, что эта табуретка! Но я хочу спокойно работать, а тотъ мнѣ мѣшаетъ. Вотъ три дѣйствія не репетировала, навѣрное, то же случится и съ четвертымъ, не пѣла, а вечеромъ играть!...»

Въ дверь стукнули.

— Кто тамъ? Нельзя сюда,—раздражительно окрикнула она.

— Pardon,—сказалъ Раменскій и отошелъ.

V.

Всѣ мелкія дѣла по гражданскимъ искамъ Красавцевъ поручилъ своему помощнику, самъ же захватилъ съ собой только дѣла по одному громкому процессу, въ который ему предстояло вникнуть не столько для разработки юридическихъ тонкостей, сколько для построенія защиты на почвѣ чисто-психологической. Процессъ запутанный и сложный. Обвинялся молодой человѣкъ въ убійствѣ тетки съ корыстною цѣлью и поджогѣ съ цѣлью сокрытія преступленія. Впрочемъ, какъ всегда, процессъ долженъ былъ надѣлать много шума не по характеру преступленія, а потому, что замѣшанныя въ немъ лица были извѣстны всему городу и всей губерніи. Красавцевъ вызывалъ невѣроятное число свидѣтелей съ особенною цѣлью. Въ основаніе защиты онъ хотѣлъ положить прежде всего характеристику людей, окружавшихъ преступника. Онъ мечталъ яркими сатирическими красками нарисовать «среду», въ которой

росъ и окрѣпъ бурный темпераментъ его кліента. Затѣмъ онъ, конечно, оговорится, что de mortuis aut bene aut nihil и что убитая понесла кару, можетъ быть, слишкомъ тяжелую за свою вину, но то и другое не избавляютъ его отъ «печальной необходимости» оцѣнить злую и порочную природу тетки убійцы. Онъ скажетъ судьямъ, что для безпристрастнаго взгляда на событія, предшествовавшія убійству, надо прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ чувствъ, которыя всякій невольно испытываетъ теперь, послѣ убійства. Онъ обратится къ историческимъ примѣрамъ. Укажетъ на исторію Маріи Стюартъ и Елизаветы, упрекнетъ Шиллера за идеализацію событій, скажетъ, что еслибъ Марія Стюартъ была на мѣстѣ своей соперницы и владѣла ея властью, то Шиллеру пришлось бы писать драму какъ разъ противоположную. Марія, конечно, точно также подписала бы смертный приговоръ англійской королевы, какъ Елизавета подписала приговоръ шотландской.

Работа шла успѣшно. Днемъ онъ занимался, вечеръ проводилъ или въ театрѣ, или съ Марьей Николаевной. Но съ самаго пріѣзда Раменскаго въ его занятіяхъ наступила «заминка». Онъ уже не могъ отдаваться дѣлу свободно, безпрестанно мысли его перебѣгали за кулисы.

Въ томъ, что Красавцеву не работалось какъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Раменскій, онъ не хотѣлъ признаться даже самому себѣ, а сваливалъ причину на отчаянную жару. Окна номера выходили на солнечную сторону и надо было держать ихъ запертыми, со спущенными сторами, чтобъ избавиться отъ духоты, пыли и мухъ. Но душно, все-таки, было, и мухи, Богъ вѣсть откуда, набирались въ огромномъ количествѣ.

Весь день Красавцевъ оставался безъ сюртука и жилета и въ туфляхъ. Въ послѣдніе дни онъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть за письменнымъ столомъ, валялся на диванѣ съ книгой или газетой.

Хорошаго роста, немного полный для сорока двухъ лѣтъ, онъ носитъ большую бороду, расчесанную на двое, и красивую волну волосъ, безъ всякой лысины. Онъ не безъ основанія считаетъ себя красивымъ и любитъ смотрѣться въ зеркало.

Въ этотъ день Красавцевъ нѣсколько разъ бросалъ книгу и заставлялъ себя углубиться въ процессъ, но изъ этого ничего не выходило. Вмѣсто среды губернскаго города, онъ думалъ о средѣ театральной, образъ убійцы, котораго ему предстояло защищать, являлся передъ нимъ то въ черномъ плащѣ Гамлета съ полными ногами въ черномъ трико и съ подкатанными къ небу глазами, то въ красномъ сюртукѣ Фердинанда, съ синими отворотами спереди и

сзади. Трудно было призрѣть душу несчастнаго преступника, когда онъ одѣвался въ эти костюмы. Въ эти минуты онъ казался своему адвокату нахаломъ, не только не нуждающимся въ защитѣ, а какъ бы напрашивающимся на пощечину.

Василій Сергѣичъ бросалъ работать, хмуро оглядывая комнату, словно отыскивая, гдѣ бы открыть притокъ свѣжему воздуху, и опять бралъ газету и ложился на диванъ. А черезъ полчаса снова вскакивалъ, вдвигалъ ноги въ туфли, оправлялъ на плечахъ помочи и плотно усаживался къ столу.

Въ одно изъ такихъ рѣшительныхъ насилій надъ собой онъ вдругъ подумалъ:

«Нѣтъ! — это «нѣтъ» сопровождалось отодвиганіемъ въ сторону всѣхъ листовъ бумаги, касавшихся процесса, — нѣтъ! Я напишу статью о нравахъ въ театральномъ мірѣ и пошлю ее въ одинъ изъ толстыхъ журналовъ... Нравы въ театральномъ мірѣ! Тема очень богатая»...

Онъ придвинулъ къ себѣ свѣжую бумагу и началъ записывать мелкимъ, аккуратнымъ почеркомъ все, что ему приходило въ голову по этому поводу. Не написавъ и трехъ строкъ, онъ вычеркнулъ въ заголовкѣ «нравы» и поставилъ: «нравственность». Это была, въ сущности, маленькая хитрость, такъ какъ онъ заранѣе зналъ, что его статья будетъ доказывать два положенія: первое — прочные устои нравственности въ немъ, въ Красавцевѣ, и второе — рѣшительное отсутствіе ея въ театральномъ мірѣ.

Василій Сергѣевичъ обладаетъ очень цѣннымъ для своей практики качествомъ: у него всегда имѣется на-готовѣ цѣлый фонтанъ «глубокихъ убѣжденій». Надо только открыть извѣстный клапанъ. Какой бы вопросъ ни пришлось ему трактовать, онъ можетъ въ теченіе получаса, часа, двухъ часовъ, сколько угодно, — выбрасывать рядъ красивыхъ формулъ высшей морали. При этомъ, такъ какъ по одному изъ его же глубокихъ убѣжденій, всякая мораль есть палка о двухъ концахъ, то онъ совершенно безсознательно, вполнѣ наивно, мошенничаетъ, то-есть показываетъ только одинъ конецъ палки. И не то, чтобы другой онъ приберегалъ на случай, когда ему поставятъ вопросъ діаметрально противоположный первому, а ужъ такое у него зрѣніе, что въ данномъ вопросѣ онъ видитъ одинъ конецъ палки, а въ противоположномъ — другой. Оба вмѣстѣ ему еще никогда не удавалось видѣть. И такъ какъ онъ обладаетъ горячимъ темпераментомъ и ловилъ его только прокуроръ, да и то не всегда ловко, то онъ и никогда не понималъ своей ошибки, потому что всѣ возраженія прокуроровъ завѣдомо считалъ придирками и

юридическими софизмами. Общество же, для котораго Василій Сергѣевичъ любитъ открывать клапанъ, вездѣ одно и то же. Оно боится всякой морали, какъ огня, и спѣшитъ согласиться, чтобы только не обнаружить собственные грѣшки.

Теперь Василій Сергѣевичъ писалъ такъ же быстро, какъ и говорилъ. Его мысль точно сѣла на удобный велосипедъ и неудержимо неслась впередъ. Бѣдной Марьѣ Николаевнѣ сильно доставалось отъ его пера, а ужъ о мужѣ ея и говорить нечего. Красавцевъ пересталъ писать, только когда почувствовалъ голодъ. Но и приказавъ давать обѣдать, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ не высокой, но большой комнаты и думалъ все о томъ же.

Его соображенія относительно царящей въ театральномъ мірѣ безнравственности какъ-то сплетались съ тѣмъ чувствомъ ревности, которое онъ переживалъ по отношенію къ Раменской. Онъ писалъ о томъ, что нигдѣ, какъ въ театральномъ мірѣ, не цвѣтетъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ одинъ изъ величайшихъ людскихъ пороковъ—неблагодарность. И при этомъ цитировалъ на память отрывокъ изъ какой-то трагедіи. И въ самомъ дѣлѣ, онъ ли не заслужилъ благодарность Марьи Николаевны? Они близки не болѣе года, а она уже стоила ему, по крайней мѣрѣ, тысячъ пять. Зимой подарки и цвѣты, Великимъ постомъ нѣсколько займовъ, которыхъ онъ, конечно, не ждалъ назадъ, весной поѣздка въ Крымъ. Съ конца зимы она все время оставалась безъ мѣста, такъ какъ онъ не совѣтовалъ ей уѣзжать отъ него далеко. Она не играла бы и лѣтомъ, еслибъ сама не скучала безъ сцены, а съ другой стороны, еслибъ и онъ не испытывалъ тщеславнаго удовольствія видѣть ее на сценѣ. Да это что! Важнѣе всего, что онъ готовъ былъ бы жениться на ней, устроивъ разводъ, еслибъ она могла какимъ-нибудь невѣроятнымъ способомъ и бросить сцену, и оставаться на сценѣ. Бросить сцену ей необходимо потому, что нельзя, чтобы г-жа Красавцева была провинціальною актрисой, а оставаться на сценѣ надо было потому, что безъ рампы, аплодисментовъ и театральнаго блеска она въ его глазахъ теряла очень многое.

Но вотъ что самое обидное: на сорокъ третьемъ году холостецкой жизни онъ уже совсѣмъ серьезно началъ подумывать о женитьбѣ на Марьѣ Николаевнѣ. Она была такъ мила, ровна, покорна, съ такимъ вниманіемъ слушала его, въ то же время такъ, по его мнѣнію, развилась въ одинъ годъ въ умственномъ и въ нравственномъ смыслахъ, что онъ уже готовъ былъ пожертвовать удовольствіемъ видѣть ее на сценѣ. Его рѣшительно потянуло къ женатой семейной жизни, и если какое-то чувство подсказывало ему, что лучше

бы для этого случая поискать богатую барышню изъ губернскаго monde'а, то другое, наоборотъ, совѣтовало довольствоваться Марьей Николаевной.

И что же? Какъ разъ въ пору такого особеннаго расположенія къ ней является ея мужъ и въ ней не пробуждается «чувство нравственной брезгливости» къ его поцѣлуямъ на сценѣ, прижиманіямъ, къ встрѣчамъ по два раза на день, къ тому, что ихъ интересы сталкиваются на подмосткахъ. Возможно ли что-нибудь подобное въ жизни обыкновенныхъ людей, внѣ театральнаго міра? Разумѣется, нѣтъ. Нужно именно то отсутствіе тонкихъ чувствъ, какое встрѣчается тамъ на каждомъ шагу, чтобы терпѣлась подобная «аномалія».

«Если бы въ ней не была атрофирована театральнымъ ядомъ благодарность,—думалъ Василій Сергѣевичъ, проглатывая кусокъ цыпленка,—она бы, во-первыхъ, протестовала противъ приглашенія на гастроли Раменскаго; во-вторыхъ, если бы протестъ ея не былъ принятъ во вниманіе, она отказалась бы играть съ нимъ. Словомъ, она могла найти тысячу средствъ заявить въ труппѣ громко о томъ, что она принадлежитъ мнѣ и дорожитъ этой связью, налагающей извѣстныя обязанности. Она тѣмъ болѣе могла дѣйствовать смѣло, что я не допустилъ бы ее нуждаться въ средствахъ. Ничего этого она не сдѣлала. Она не пощадила моего покоя».

Это были все тѣ же мысли, съ которыми Красавцевъ носился уже болѣе недѣли, ни разу не высказывая ихъ Марьѣ Николаевнѣ опредѣленно и при каждой встрѣчѣ стараясь внушить ей ихъ намеками. И она давно поняла ихъ, только по-своему.

Послѣ *Гамлета* онъ еще не такъ волновался, какъ въ слѣдующій спектакль, когда играли *Блуждающіе огни*. Въ этотъ вечеръ онъ испыталъ много непріятностей. Во-первыхъ, чтобы доказать, что онъ отдѣляетъ артиста отъ своихъ отношеній къ нему, какъ къ человѣку, онъ подалъ Раменскому вѣнокъ. Это усилило успѣхъ гастролера, чѣмъ онъ вовсе не былъ доволенъ. Во-вторыхъ, Марья Николаевна играла въ этотъ вечеръ съ особеннымъ оживленіемъ и не проявляла ни малѣйшихъ слѣдовъ смущенія отъ поцѣлуевъ Макса. Тогда Василій Сергѣевичъ рѣшилъ покончить, наконецъ, эту комедію полнымъ разрывомъ съ ней. Но за ужиномъ послѣ спектакля, разговаривая только объ игрѣ актеровъ, онъ перемѣнилъ рѣшеніе на временную отлучку изъ города, яко бы по дѣламъ. Когда же онъ сказалъ объ этомъ, а Марья Николаевна отвѣтила только «да?» и не уговаривала остаться,—онъ и это рѣшеніе отмѣнилъ.

Послѣ обѣда Василій Сергѣевичъ уже не принимался за статью.

И читать ему надоѣло. А передъ вечеромъ онъ уже испытывалъ знакомое ощущеніе: въ теченіе дня, когда онъ, все-таки, занятъ чѣмъ-нибудь, онъ еще можетъ негодовать на Марью Николаевну, думать о разрывѣ съ ней, но какъ только наступалъ вечеръ, ему хотѣлось только одного — поскорѣе быть около нея, видѣть ея немного меланхолическую улыбку и спокойный взглядъ синихъ глазъ. Тогда къ нему подкрадывалось желаніе покойнаго счастья. Онъ, дѣйствительно, не разъ говорилъ ей, что у нея нѣтъ настоящаго темперамента, но, пожалуй, это-то и нравилось ему въ ней. Тихая, никогда не противорѣчитъ, не возвышаетъ голоса, особенно мила, когда чему-нибудь искренно смѣется, — а ее легко разсмѣшить пустымъ, дѣтскимъ анекдотомъ,— голосъ у нея тогда высокій-высокій... Василій Сергѣевичъ чувствовалъ, что можетъ быть съ нею простъ и искрененъ и тогда имъ обоимъ весело. И никогда ни съ кѣмъ ему не было такъ хорошо. И ласки ея были тихія, точно лѣнивыя и привлекательныя именно покойною и меланхолическою нѣгой...

VI.

Около восьми, Красавцевъ спустился съ лѣстницы, покрытой какимъ-то тряпьемъ и, отдавая ключъ отъ комнаты одноглазому и грязному швейцару, остановился, какъ всегда, передъ черною доской съ красными графами и цифрами, гдѣ неграмотнымъ почеркомъ было выведено мѣломъ нѣсколько фамилій. Онъ не столько искалъ знакомыхъ именъ, сколько любилъ лишній разъ взглянуть на свою собственную карточку. На широкомъ бристолѣ его имя, отчество и фамилія были напечатаны узорчатыми славянскими буквами.

— Если на мое имя будутъ письма или телеграммы, то снесете ихъ въ номеръ на столъ,—сказалъ онъ.

Швейцаръ неловко распахнулъ передъ нимъ дверь. «Второй нумеръ» всегда смущалъ его тѣмъ, что при такомъ важномъ и франтоватомъ видѣ говоритъ ему «вы».

Спугнувъ съ крыльца лакея и горничную гостиницы, сидѣвшихъ на ступеняхъ и грызшихъ сѣмечки, Красавцевъ перешелъ немощеную и пыльную улицу и пошелъ по тротуару вдоль магазиновъ. Это — центръ города. Торговля уже прекратилась, но магазины были еще открыты. На одномъ изъ самыхъ большихъ была вывѣска «Луцкой». Здѣсь можно все достать, отъ гвоздей и сушеной рыбы до сукна включительно. Вотъ и самъ старикъ сидитъ на

табуретѣ у входа, небольшой, плотный, сѣдой, хмуро оглядывающій прохожихъ. По всему тротуару расхаживаютъ приказчики, хозяева, хозяйки и жильцы домовъ, безъ шляпъ и безъ платковъ. Зной спалъ, и весь городъ спѣшитъ на улицу. Толстыя женщины сидятъ на ступеняхъ лѣстницъ, широко разставивъ ноги и махая дешевыми вѣерами. Тутъ же шныряютъ дѣти, попадаясь подъ ноги прохожимъ.

Красавцевъ изподлобья оглядывалъ встрѣчныхъ и думалъ: «Ну, кому изъ нихъ нуженъ театръ? Черезъ часа два спать, а завтра опять садиться за прилавокъ»...

Лѣтній театръ почти въ концѣ города. Къ маленькому саду съ одной стороны примыкаетъ часть города, называемая слободой, а съ другой — кладбище. Изъ сада видна кладбищенская церковь. Театръ—тутъ же при входѣ.

Онъ принадлежитъ купцу второй гильдіи Самсону Мякину. Прежде въ этомъ сѣромъ сараѣ былъ его мучной лабазъ. Богъ знаетъ, по чьему совѣту онъ передѣлалъ его въ театръ и завелъ коекакія декораціи. Красавцевъ видѣлъ этого Мякина. Стоило поговорить съ нимъ четверть часа, чтобъ увѣриться, что никакихъ художественныхъ тенденцій онъ не искалъ. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, кто тамъ игралъ и что играли. Присутствовалъ на спектакляхъ рѣдко, да и то съ половины пьесы уходилъ. Гораздо больше вниманія удѣлялъ онъ буфету, стараясь обставить его возможно привлекательнѣе. Самъ тоже никогда здѣсь не ѣлъ и не пилъ, требовалъ отъ двухъ лакеевъ, чтобы шкалики, развѣшенные по карнизу буфета, всегда горѣли, чтобы столы и посуда были чисты.

Вѣрнѣе всего, что онъ, прекративъ мучную торговлю, долго не зналъ, какое употребленіе сдѣлать изъ помѣщенія, оказавшагося ненужнымъ, пока не набрелъ на мысль о буфетѣ съ театромъ.

— Что васъ побудило открыть театръ?—спросилъ его Красавцевъ, разсчитывая встрѣтить въ немъ самородка-любителя.

— Послѣдній годъ держу-съ,—отвѣчалъ онъ уклончиво.—Не только что, такъ сказать, барыша никакого, а одни ссоры, да безпокойство.

— Съ кѣмъ ссоры?

— Съ артистами. Въ прошедшемъ году прямо чуть до драки не дошло. Еле избавился. Нынче составъ, надо правду сказать, много лучше. Я, конечно, въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаю. А, все-таки, скажу, что такой, какъ госпожа Раменская, да еще Ручкина госпожа, я такъ полагаю, и въ столицахъ не найти.

Ручкина-Жарова, дочь старика Жарова, играла вторыя роли и

водевили. Мякинъ видѣлъ ее въ костюмѣ пейзанки и пришелъ въ полный восторгъ.

— Опять же Перевалова госпожа — съ значительными качествами. А вѣдь вотъ не идетъ же публика, хоть ты что! Въ другихъ городахъ, говорятъ, много на этомъ дѣлѣ денегъ загребаютъ. А ужъ у насъ, видно, мѣсто не такое.

Мякину еще далеко до сорока. Онъ высокъ, плечистъ, очень энергиченъ, носитъ пиджакъ сверхъ русской косоворотки, высокіе сапоги и серебряную цѣпочку. Занимается разными коммиссіонными порученіями, — теперь привозитъ земледѣльческія орудія съ юга,—всегда въ движеніи и не каждый спектакль успѣваетъ забѣжать въ свой театръ на часъ, на два. Иногда на недѣлю - другую вовсе уѣзжаетъ изъ города. Въ кассѣ сидитъ одинъ изъ его приказчиковъ. Театръ онъ сдаетъ за 10 рублей отъ спектакля вмѣстѣ съ однимъ плотникомъ, который и декораціи ставитъ, и занавѣсъ подымаетъ, и рампу зажигаетъ, и днемъ убираетъ театръ. За освѣщеніе беретъ особо. Всего, съ другими мелкими расходами, труппѣ вечеръ обходится около тридцати рублей.

— Какія же ссоры были съ артистами въ прошлому году?— спросилъ Красавцевъ.

— Мало ли! Всѣхъ не перечтешь. Теперь вотъ у меня съ господиномъ Переваловымъ такой уговоръ: покудова всѣ расходы не уплачены, копѣйки изъ кассы не брать. Значитъ, первый фактъ— мнѣ, второй фактъ — освѣщеніе, парикмахеръ, господину агенту, бутафору и прочее другое. Въ прошедшемъ году и парикмахеръ и все прочее выдавалось самими артистами. Ну, вотъ и поѣхали раздоры. Деньги - то изъ кассы возьмутъ, а тѣмъ не заплятятъ. Пришлось мнѣ отдавать. А можетъ, я и во второй разъ отдалъ кому. Какъ это вычисленіемъ провѣрить, ежели безъ всякаго документа.

— Ну, въ этомъ-то году вы, кажется, не можете жаловаться. Меньше сорока рублей сбора не было.

— Помилуйте, что-жъ это за прибыль! Развѣ мой разсчетъ на театръ? Да этакъ мнѣ выгоднѣе подложить съ двухъ угловъ соломы, подлить для эффекта керосина и подпалить. Я какъ разсчитывалъ: никакихъ такихъ удовольствій въ городѣ нѣтъ, богатыхъ людей у насъ не мало, вотъ, думалъ, и захотятъ вечеркомъ позабавиться — сначала въ театрѣ, потомъ, главное, и въ буфетѣ. Сколько винъ завелъ. Дюжина шампанскаго вонъ третій годъ лежитъ не тронутая. Повара держу. Онъ у меня одинъ съ поваренкомъ двадцать пять въ мѣсяцъ лопаетъ, прорва. И ни къ чему.

— Да, конечно, это убыточно.

— А какъ-же-съ! А еще то возьмите,—развѣ я не понимаю?—трудятся они, трудятся,— господа артисты, то-есть,— а все чуть не съ голода помираютъ. Возьмите хоть бы Ручкину госпожу. Ужъ талантъ такъ онъ и виденъ сразу и на что ей? Съ ребенкомъ, да со старикомъ-отцомъ... Я слышалъ. И рада бы сама на базаръ пойти, кукурузы купить или головку капусты—такъ и то не на что! Нѣтъ-съ, финалъ! Довольно.

— Мальчишку жалко,—сказалъ онъ тогда, помолчавъ и отирая цвѣтнымъ платкомъ потъ со лба,—изволили видѣть?

— Какого мальчишку?

— Сынокъ у Ручкиной госпожи. Эхъ, шустрый мальчишка. Семи лѣтъ не имѣетъ, а всѣ комедіи такъ и барабанитъ на-память. Отецъ, кто его знаетъ, куда сбѣжалъ. Вѣрите ли, какъ увижу мальчишку, такъ къ сердцу и подступитъ...

Товарищество Перевалова сняло у Мякина театръ только съ половины лѣта. Сначала оно играло въ другомъ городѣ,—Красавцевъ тамъ не былъ,—но дѣла были плохи, и Переваловъ уговорилъ ѣхать сюда. У него своя библіотека и костюмы на нѣсколько пьесъ, однако, уже заложенные. Вся труппа состоитъ изъ двѣнадцати человѣкъ. Помощника режисера спеціальнаго нѣтъ. Его обязанности исполняютъ или Жаровъ, или Холодковъ. А если эти оба одновременно заняты на сценѣ, то сценируетъ пьесу Лиманова или Ручкина. Въ *Гамлетѣ* Переваловъ одѣвалъ и плотника, и обоихъ лакеевъ изъ буфета. Въ городѣ есть оркестръ изъ 8 человѣкъ, онъ беретъ съ Перевалова всего пять рублей въ будни и восемь въ праздники, но если его приглашаютъ куда-нибудь на свадьбу, то театръ остается безъ окрестра. Для водевилей же Мякинъ пріобрѣлъ старое фортепіано, аккомпанируетъ или Лиманова, или Холодковъ и только два раза упросили аккомпанировать Раменскую.

За цѣлый мѣсяцъ до пріѣзда Раменскаго товарищество получило по семи рублей на брата, Перевалова и Раменская по десяти съ полтиной, а Переваловъ—четырнадцать.

Гамлетъ далъ небывалый сборъ — 230 рублей. Изъ нихъ, за вычетомъ 50 рублей расходовъ, девяносто досталось товариществу, а девяносто получилъ гастролеръ. За то въ слѣдующіе два спектакля на долю гастролера пришлось всего около сорока рублей.

— Какъ у васъ сегодня? — спросилъ Красавцевъ мякинскаго приказчика, сидѣвшаго за окошечкомъ кассы, вручая ему два рубля за мѣсто въ креслахъ перваго ряда.

— Да ничего-съ,— отвѣтилъ тотъ, поглядѣвъ на кучу бумажекъ и серебра,— рублей тридцать пять набралось.

— Только?

— Думали и того не будетъ. Переваловъ господинъ только сейчасъ порѣшили играть. Вотъ еще подходятъ. До полсотни настучимъ.

Красавцевъ пошелъ къ буфету, спросилъ стаканъ чаю и, въ ожиданіи начала, разсматривалъ публику. Маленькіе чиновники съ женами, нѣсколько приказчиковъ, группа мальчиковъ не старше шестнадцати лѣтъ. Все это прохаживалось по единственной аллѣе садика. А вотъ и постоянные посѣтители театра,—высокая, полная старуха съ сыномъ. Василій Сергѣевичъ давно съ любопытствомъ слѣдитъ за ними. Они бываютъ почти каждый спектакль, занимаютъ всегда одни и тѣ же мѣста въ 75 коп. Старуха держится осанисто, одною рукой опирается на палку, а другой о руку молодого человѣка, называющаго ее «maman». У него видъ утомленный, больной. Онъ очень почтительно водитъ мать и почти не отходитъ отъ нея. Въ антрактахъ они сидятъ на скамейкѣ, разговариваютъ мало и не громко.

«Кто это могутъ быть?—спрашивалъ себя Красавцевъ.—Какъ они попали въ этотъ городишко? Вдова какого-нибудь важнаго лица, когда-то, можетъ быть, жила въ столицѣ, имѣла состояніе, любитъ театръ, ни съ кѣмъ не знакома»...

Красавцевъ замѣтилъ, что, увидавъ его, старуха что-то сказала молодому человѣку; тотъ тоже посмотрѣлъ на него.

«Вѣроятно, шепнула: а вотъ и этотъ господинъ, который также, какъ и мы, постоянно въ театрѣ»,—подумалъ Красавцевъ.

VII.

— Кто это, Маруся, клеветалъ на васъ, что Лариса — ваша коронная роль? — спросила Перевалова въ антрактѣ послѣ второго дѣйствія.

Раменская, сдерживая слезы, переспросила:

— А что?

— Я вамъ говорю — клевета. Изъ этой роли ничего нельзя сдѣлать, и у васъ она идетъ хуже всѣхъ ролей.

— А кто это, сударыня, клеветалъ, что вы — умная женщина? — вмѣшалась мать Раменской.— Не вѣрьте, пожалуйста.

Перевалова расхохоталась.

— Мамаша обидѣлась за дочку!

— Перестаньте, мама,— замѣтила Марья Николаевна.

— Я перестану. А ужъ когда онѣ будутъ играть главную роль, я тоже приду и скажу, что это хуже всего.

— Да будетъ вамъ, Надежда Алексѣевна! Я высказала свое мнѣніе, другіе могутъ не соглашаться. Но дѣйствіе безъ хлопка — это не называется коронною ролью.

Она еще разъ засмѣялась и вышла изъ уборной. Она торжествовала. Раменская играла плохо и съ этимъ соглашались всѣ актеры. Самъ Раменскій сказалъ, что не узнаетъ ея, что прежде она играла эту роль несравненно лучше. Наконецъ, Красавцевъ вотъ ужъ второй антрактъ не приходитъ за кулисы,—значитъ, не доволенъ ею.

Въ театрѣ только двѣ уборныхъ — одна мужская и одна женская. Всѣ дамы одѣвались вмѣстѣ. Кромѣ Переваловой и Раменской въ уборной только Лиманова. Мать Марьи Николаевны всегда была около дочери, помогала ей одѣваться, передъ выходомъ крестила, по окончаніи спектакля убирала платья, краски и—особенно старательно—золотыя вещи. Это—небольшая, полная старуха, съ широкимъ лицомъ и такимъ же вздернутымъ носомъ, всегда въ темномъ платьѣ и въ кружевной косынкѣ на головѣ.

— Не слушайте ее, — сказала тихо Лиманова, — она злится, что ей приходится подыгрывать вамъ. Я смотрѣла на васъ въ щелочку, Маруся. Вы душка, какъ всегда.

Лиманова—некрасивая дѣвушка 25 лѣтъ, но съ симпатичными, добрыми и дѣтски-наивными глазами.

— Очень нужно слушать эту змѣю и разстраиваться,—прибавила Надежда Алексѣевна, сердито убирая платье второго дѣйствія. — Два дѣйствія безъ хлопка! Скажите пожалуйста! Вонъ и гастрольнаго не вызываютъ. А ее какъ послѣ двухъ дѣйствій въ *Нищихъ духомъ* не вызывали, это она забыла! Кому пріятна ея старая рожа да скрипучій голосъ!

Раменская молчала. Слезы заволакивали ей глаза и мѣшали видѣть всю фигуру въ зеркалѣ. Она боялась заговорить, чтобы не разрыдаться. Не то ее мучило, что публика не апплодируетъ. Она знаетъ, что пока не за что было бы вызывать ее. Притомъ же пьеса пуста отвратительно. Переваловъ, Бѣлесовъ и Ключиковъ не знаютъ ни слова, «паузятъ», Аполлоша надрывается-кричитъ. Но она сама чувствовала, что играетъ дурно, даже до сихъ поръ не можетъ найти своего тона, точно стоитъ на лодкѣ, которую качаетъ во всѣ стороны.

— Застегните, мама, — едва выговориваетъ она.

Надежда Алексѣевна спѣшитъ застегнуть лифъ. Сколько ни

огрызается мать,—она чувствуетъ, что роль идетъ, въ самомъ дѣлѣ, не ладно. Но по привычкѣ отыскивать виновныхъ вездѣ, кромѣ своей дочери, она готова придираться ко всѣмъ.

— Ты ужъ на «Не искушай» приналягъ!—шепчетъ она.

— Пошлите ко мнѣ Холодкова. Надо попробовать.

Надежда Алексѣевна кидается на сцену.

— Гдѣ Холодковъ? Холодковъ! Пошлите намъ Холодкова.

Холодковъ въ одинъ мигъ очутился около нея.

— Гдѣ вы тамъ пропадаете? Какъ разъ когда нужно, васъ и нѣтъ. Зовешь, зовешь...

— Развѣ вы давно зовете?—съ испугомъ спрашиваетъ Холодковъ, поднимая наклеенныя черныя брови.

— Ну, да ужъ идите. Гитара-то съ вами?

— Со мной.

Раменская, продолжая одѣваться, поетъ съ Холодковымъ вполголоса. Надежда Алексѣевна осторожно пролѣзаетъ въ узкомъ проходѣ уборной. Лиманова конфузливо запахиваетъ бѣлую съ прошивками кофту и, низко наклонившись къ зеркалу, наводитъ на лицо старушечьи тѣни, стараясь припомнить школьную практику.

У Марьи Николаевны голосъ дрожитъ. Холодковъ говоритъ, что это ничего, что это подходитъ къ положенію Ларисы.

Красавцевъ не пошелъ за кулисы, желая показать, что онъ вообще недоволенъ. *Безприданницу* онъ забылъ, и два акта пьесы произвели на нее самое скверное впечатлѣніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лариса не переставала любить Паратова, что on revient toujours à ses premiers amours и что Марья Николаевна находится подъ обаяніемъ гастролера. Теперь онъ уже окончательно рѣшилъ, что завтра уѣдетъ отсюда. Не безпокойтесь, онъ не станетъ изъ себя разыгрывать такого болвана, какъ Карандышевъ. Онъ будетъ кормить и одѣвать ихъ,—т.-е. Марью Николаевну съ матерью,—а онѣ,—очевидно, тоже Марья Николаевна и мать,—отдаваться предмету первой любви! Держите карманъ пошире!

Нѣтъ, кончено. Сейчасъ же по окончаніи пьесы онъ уйдетъ (онѣ будутъ ждать его съ ужиномъ и мучиться вопросами, не разсердился ли онъ, не заболѣлъ ли), а завтра отошлетъ письмо, въ которомъ выскажетъ, что не желаетъ мѣшать ея счастью, и уѣдетъ, не простившись.

«И потомъ она такъ смущена, что даже плохо играетъ»,—думаетъ онъ, видя одинъ конецъ палки и совершенно забывая, что во время *Блуждающихъ огней* сердился на нее какъ разъ за противоположное.

Исполненіе романса вызвало первый апплодисментъ за весь вечеръ. Публика потребовала повторенія. Надежда Алексѣевна изъ ложи обвела ее торжествующимъ взглядомъ. Раменская и Холодковъ начали пѣть вторично.

«Это ужъ глупо,—подумалъ Красавцевъ.—Какъ она не понимаетъ, что биссировать въ драмѣ значитъ вносить опереточный характеръ. Это непремѣнно надо сказать ей, надо растолковать разницу между серьезнымъ искусствомъ, реальнымъ изображеніемъ жизни и шутовствомъ».

Въ эту минуту онъ, конечно, забылъ, что только-что рѣшилъ уѣхать, не видавшись съ Марьей Николаевной.

Послѣ пѣнія Паратовъ подходитъ къ Ларисѣ и цѣлуетъ ея руку, говоря: *мнѣ кажется, я съ ума сойду*.

Раменскій произнесъ эти слова и тихо прибавилъ:

— Будь на вашемъ мѣстѣ другая, я бы не простилъ ей этого bis'а.

Марья Николаевна съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Вы не понимаете? Вы же меня рѣжете. Мнѣ пришлось повторять всю мимическую игру.

Она сконфузилась.

— Правда, какъ я этого не сообразила. Извините ради Бога! Но, вѣдь, и прежде я всегда биссировала,—вдругъ вспомнила она,—и вы мнѣ тогда ничего не говорили.

Она произнесла это наивно, но тотчасъ же раскаялась.

— Прежде? Если бы вы знали, какъ я счастливъ, что вы сами вспомнили о прежнемъ.

Марья Николаевна бросила быстрый взглядъ въ мѣста перваго ряда.

— Но прежде роль не была у меня еще такъ обработана,—продолжаетъ шепотомъ Раменскій, прислушиваясь къ тому, что говорятъ Луцкой и Лиманова, играющіе Карандышева и тетку.—Ради Бога, не отказывайте мнѣ въ свиданіи,—быстро прибавляетъ онъ и ловко ловитъ реплику и входитъ въ роль:

— *Илья! Поѣзжай! Чтобъ катера были готовы. Мы сейчасъ пріѣдемъ.*

Марья Николаевна только-что было овладѣла собой, а теперь, какъ разъ передъ важной сценой, снова потеряла тонъ. Взглянула на Красавцева и увидѣла, что онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Лицо у него такое мрачное, какого она еще никогда не видѣла. Очевидно, онъ замѣтилъ, что Раменскій шеп-

чется съ нею и что она сконфузилась и посмотрѣла въ первый рядъ. Ей стало и досадно на него, и жалко его.

«Господи! Чего только ему не приходитъ теперь въ голову!»— подумала она.

Пока ей приходилось молчать на сценѣ, она продолжала въ упоръ смотрѣть на него. Черезъ рампу и пролетъ оркестра онъ тоже не спускалъ съ нея глазъ. Ей хотѣлось взглядомъ сказать ему, чтобъ онъ не думалъ ничего дурного, что она страдаетъ только потому, что страдаетъ онъ, а еслибъ этого не было, она свободно отдалась бы роли и не проваливала бы ее. Но его взглядъ говорилъ, что она возмутительно-неблагодарное созданіе, достойное смерти... Марья Николаевна чувствуетъ страшную неловкость, а, между тѣмъ, наступила важная сцена между Ларисой и Паратовымъ...

И эта сцена провалилась.

Раменскій уже смотритъ на Марью Николаевну особенно, словно спрашиваетъ ее: да что-жъ это съ вами? такъ ли мы вели этотъ быстрый, захватывающій діалогъ? Бывало, публика замираетъ, интересуясь, поѣдетъ Лариса съ Паратовымъ или нѣтъ. А теперь вы чувствуете, какъ безразлично относится она къ ихъ судьбѣ?

Господи, какое ужасное состояніе!

Перевалова входитъ на сцену съ такимъ лицомъ, какъ будто она героиня спектакля.

«Она торжествуетъ потому, что я проваливаюсь».

Марья Николаевна готова рыдать. У нея въ третьемъ дѣйствіи больше ничего нѣтъ, какія-то двѣ фразы, она даже не помнитъ ихъ. Что такое ей надо говорить? Что надо выражать лицомъ? О чемъ Луцкой проповѣдуетъ съ такимъ задоромъ?... Но, вѣдь, пока она думаетъ все это, ея лицо безучастно? Она совсѣмъ выбилась изъ колеи, не помнитъ ни роли, ни своего положенія... Луцкой уходитъ. Не теперь ли ей надо говорить? Какая-то пауза, Аполлоша что-то кричитъ. Должно быть ей, но она забыла роль и ничего не слышитъ.

Марья Николаевна взглядываетъ на суфлера. Въ ту же минуту Переваловъ, которому Аполлоша изо всѣхъ силъ подавалъ слова, произноситъ ихъ, наконецъ. Марьѣ Николаевнѣ досадно, что она посмотрѣла на суфлера. Подумаютъ, не знаетъ роли и держитъ себя на сценѣ какъ новичокъ.

— *Собирайтесь,*— говоритъ ей Паратовъ.

Она по инерціи уходитъ со сцены.

Когда же ей выходить опять?

«Выходите», — кто-то сильнымъ шепо́томъ произнесъ надъ ея ухомъ и толкнулъ подъ локоть.

Она вышла на сцену и вдругъ все вспомнила. Сейчасъ у нея будетъ коротенькая сценка прощанія съ матерью. Она уѣзжаетъ съ Паратовымъ за Волгу.

Но она не взяла шляпы!

Ощущеніе страшнаго холода пробѣжало по ея спинѣ и коснулось волосъ.

«Шляпу, шляпу», — тѣмъ же сильнымъ шепотомъ произноситъ кто-то за кулисой.

Поздно! Не возвращаться ей! Паратовъ сказалъ «*ѣдемъ*»—и ушелъ. Марья Николаевна держи́тъ небольшую паузу, чтобы не перепутать, по крайней мѣрѣ, словъ. Стоитъ растерянная, отчаянно-блѣдная и чувствуетъ, какъ у нея дрожатъ и руки, и ноги. «Какой, должно быть, жалкій у меня видъ! Брошу сцену совсѣмъ!—какъ молнія, проносится у нея мысль.—Да, какая я актриса! Брошу сцену. А брошу сцену, такъ и жить мнѣ не зачѣмъ!»

— *Прощай, мама!*—говоритъ она, дрожа уже всѣмъ тѣломъ. Голосъ у нея прерывается, спазма начинаетъ душить горло.

— *Что ты! Куда ты?*—спрашиваетъ Перевалова.

Въ глазахъ этой злюки настоящій испугъ. Какая она хорошая актриса! А можетъ быть это она, Раменская, сказала свои слова такъ отвратительно, что даже Перевалова пугается за нее. Господи! Убѣжать бы со сцены,—но привычка удерживаетъ до тѣхъ поръ, пока не произнесены всѣ слова роли.

— *Или тебѣ радоваться, мама, или ищи меня въ Волгѣ!*

Она сейчасъ разрыдается, слезы уже клокочатъ въ горлѣ и вотъ-вотъ брызнутъ изъ глазъ. Она не узнаетъ звуковъ собственнаго голоса. «Въ Волгѣ» произнесла она едва слышно. Но опытное актерское чутье въ тотъ же мигъ подсказываетъ, что слово, все-таки, долетѣло до публики. Тамъ наступило какое-то странное, словно гробовое молчаніе. Всѣ эти соображенія проносятся неуловимымъ вихремъ. Перевалова на репетиціяхъ не подходила къ ней, теперь же приближается. Что-жъ это значитъ?

— *Богъ съ тобой! Что ты?*—произнесла Перевалова.

Марья Николаевна оборачивается къ ней, смотритъ на нее дикими, полусумасшедшими и въ то же время жалко-наивными глазами, точно спрашивая: «Правда, да? Очень я скверно играю? Но развѣ я въ этомъ виновата? Я знаю, что на репетиціяхъ совсѣмъ не такъ вела эту сцену, но я потеряла голову. Не издѣвайтесь надо мной! Ради Создателя!»

— *Видно, отъ своей судьбы не уйдешь!*—произноситъ она убитымъ голосомъ и медленно, медленно уходитъ.

Сейчасъ въ залѣ кто-нибудь свиснетъ.

Но что это? Кому? Неужели ей? Въ залѣ точно взорвали пороховой складъ. Не можетъ быть, чтобъ ей! Но стоящіе тутъ же за сценой Раменскій, Ключиковъ и Бѣлесовъ то же хлопаютъ и протягиваютъ свои сдвинутыя ладони прямо къ ней, и лица у нихъ такія восхищенныя. И Раменскій громко,—не боясь, что въ этомъ шумѣ его услышатъ,—говоритъ такія слова, отъ которыхъ душа ея, точно подхваченная, несется на небо. «Геніально, геніально!»—слышитъ она.

— Идите же!—говоритъ онъ же, приближая къ ней ласковое и влюбленное лицо.

Идти кланяться? Да за что же? Она ничего хорошаго не сдѣлала. Но она уже поняла, что произошла счастливая критическая минута и почувствовала, какъ грудь ея наполняется счастьемъ, а щеки заливаетъ яркій румянецъ.

А въ залѣ уже стучатъ стульями.

— Выходите же,— раздается шипѣніе Переваловой, которой неловко оставаться на сценѣ подъ апплодисментами другой актрисѣ.

Марья Николаевна вошла такъ же медленно, какъ и ушла.

«Такъ еще не апплодировали мнѣ никогда въ жизни»,—думаетъ она, выходя во второй и въ третій разъ.

Она не помнитъ, какъ очутилась на стулѣ гдѣ-то въ углу около стѣны, отдѣляющей сцену отъ залы, а передъ нею, тоже на стулѣ, Раменскій. Онъ держитъ ея руки, все время цѣлуетъ ихъ и говоритъ, какъ «безумно» любитъ ее, не переставалъ любить, самъ себя обманывалъ, думая, что охладѣлъ къ ней. Говоритъ о томъ, что ей стыдно оставаться въ такомъ жалкомъ городишкѣ и играть съ такой жалкой труппой, что теперь въ провинціи можно играть только гастролируя. Онъ приводитъ въ примѣръ самого себя. Два года ѣздитъ онъ на гастроли и посморите, какимъ актеромъ сталъ. Ей надо бросить этого адвоката. Съ нимъ она завянетъ. Нельзя служить всѣ зимніе сезоны въ одномъ и томъ же городѣ. Она надоѣстъ тамошней публикѣ. А съ Раменскимъ, съ своимъ мужемъ,—«поймите, съ вашимъ законнымъ мужемъ, а не съ сожителемъ»,—она ѣздила бы на гастроли по всѣмъ лучшимъ театрамъ. Она приготовитъ десятокъ прекрасныхъ ролей и не будетъ имѣть въ нихъ соперницъ. Вотъ у нихъ сейчасъ уже есть пять-шесть пьесъ. Онъ пройдетъ съ ней

Джульетту. У него дивный костюмъ Ромео. Всѣ костюмы онъ заказывалъ себѣ въ Москвѣ, а оружіе и обувь по рисункамъ извѣстнаго художника Чертопханова.

— Не раздумывайте долго. Бросьте вы это свѣтило. Я прощу вамъ его, какъ вы простите мнѣ мои грѣхи. Надо быть такимъ олухомъ, какимъ былъ я, чтобъ измѣнить вамъ. Вѣдь насъ самъ Богъ создалъ другъ для друга. Шекспиръ въ гробу просіяетъ, когда мы сойдемся для *Гамлета*, *Отелло* и *Ромео*. Не сдерживайте вашего чувства, вашего законнаго влеченія. Когда вы въ первый разъ позволите мнѣ сказать вамъ по-прежнему «ты», я буду самый счастливый изъ смертныхъ!

Что она ему отвѣчала? «Я не понимаю», когда прекрасно все понимала. «Къ чему это?»—да, онъ все время объясняетъ, къ чему! «Согласитесь сами»—и не договаривала, съ чѣмъ ему слѣдовало согласиться. Словомъ, какими-то полуфразами, ни въ чемъ не отказывающими, но и ничего не обѣщающими. Но онъ милый, добрый и красивый. Она напрасно была съ нимъ такъ суха всѣ эти дни. И, какъ самъ прекрасный актеръ, онъ лучше всѣхъ цѣнитъ ея талантъ. Только онъ одинъ и видитъ въ ней, дѣйствительно, выдающуюся актрису. И, конечно, онъ влюбленъ въ нее, какъ прежде.

Она была счастлива, всѣмъ все прощала, всѣхъ любила, но по этому-то ей вовсе не хотѣлось сидѣть въ какомъ-то укромномъ углу съ однимъ Раменскимъ. Напримѣръ, ее интересовало сейчасъ, какъ ведетъ свою сцену Луцкой.

— Постойте,—перебиваетъ она мужа, прислушиваясь къ голосу Луцкаго, запальчиво раздававшемуся на сценѣ.—Ахъ, Боже мой! Онъ ужъ кончаетъ!

— Ну, что тамъ еще, Господь съ нимъ!

— Нѣтъ, я хочу посмотрѣть.

Она отыскиваетъ въ холстѣ декораціи дырочку и, нагнувшись, смотритъ въ нее. Въ глаза бьетъ свѣтъ отъ керосиновыхъ лампъ на рампѣ. Луцкой у дверей декораціи съ искаженнымъ лицомъ. Изъ темноватой залы смотрятъ только двѣ фигуры—Красавцева и мамы.

— Да, прекрасно играетъ! Великолѣпно!—шепчетъ Раменскій.—Вотъ еще къ кому, пожалуй, мнѣ придется ревновать.

Не поднимаясь, Марья Николаевна, поворачиваетъ ему кокетливо-улыбающееся лицо и говоритъ:

— А что-жъ, онъ премилый!

— Ну, еслибъ я зналъ, что вы находите его премилымъ, я бы не далъ ему Карандышева.

Марьѣ Николаевнѣ хочется, чтобъ Луцкой имѣлъ большой успѣхъ. Вотъ онъ быстро подходитъ сюда, къ столу. Видѣнъ только его черный сюртукъ и локоть. Онъ схватилъ револьверъ, надѣлъ фуражку и убѣгаетъ. Занавѣсъ быстро развертывается, падаетъ и, какъ всегда, вздрагиваетъ.

Сбора всего пятьдесять рублей съ чѣмъ-то, людей въ залѣ такъ мало,—откуда же берутся такіе шумные вызовы? На сценѣ стало темно. Потомъ свѣтъ рампы снова падаетъ на нее. Луцкой раскланивается. Занавѣсъ опять вздрогнулъ. Марья Николаевна слышитъ свою фамилію въ залѣ.

— Марья Николаевна! — кричитъ Холодковъ: — Георгій Васильевичъ!

— Я не пойду,—отвѣчаетъ Раменскій.

— Марья Николаевна, пожалуйте,—говоритъ ей Холодковъ и приказываетъ плотнику:—Давай!

Марья Николаевна съ Луцкимъ нѣсколько разъ откланиваются. При этомъ Луцкой крѣпко сжимаетъ ей руку своей влажной, широкой и дрожащей ладонью. Она отвѣчаетъ ему счастливымъ пожатіемъ.

Занавѣсъ въ послѣдній разъ стукнулъ объ полъ. Они одни въ полутемной мишурной комнатѣ. Луцкой цѣлуетъ ея руку и пресмѣшно произноситъ:

— Ахъ, Марья Николаевна!

Холодковъ вбѣгаетъ съ крикомъ «убирай!» Онъ тоже пресмѣшной: черный парикъ цыгана снялъ и остался съ своими бѣлыми, какъ ленъ, короткими волосами, но съ густыми черными бровями.

VIII.

— Вотъ это, батюшка, талантъ! Этому не научишь!—сказала Надежда Алексѣевна Раменскому.—Изъ двухъ словъ сдѣлала драму.

Съ самаго пріѣзда зятя, она на его почтительный поклонъ отвѣчала только сухимъ кивкомъ головы. Теперь же не утерпѣла, чтобъ не похвастать, да еще такимъ тономъ, какъ будто успѣхъ дочери былъ местью Раменскому за его измѣну женѣ.

— Геніально, я ужъ ей это говорилъ.

— Напрасно вы съ нею говорите. Если мы сумѣли устроиться и безъ васъ, такъ не зачѣмъ вбивать ей въ голову разный вздоръ.

Раменскій улыбнулся. Онъ всегда не ладилъ съ тещей.

— Я сказалъ только, что она геніально играла—развѣ это вздоръ?

— Знаю я васъ франтовъ! Я васъ, батюшка, изучила.

Она уже хотѣла идти въ уборную дочери, онъ остановилъ ее

— Подождите, мамаша

— Ну, что вамъ?

— Дайте мнѣ вашу руку.

— Ну?

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ по глубинѣ сцены.

— Во-первыхъ, я не понимаю, за что вы-то на меня сердитесь?

— А за что мнѣ тебя любить? — вдругъ перешла она на «ты».—Искалѣчилъ всю жизнь моей дочери, а я—висни тебѣ на шею?

— Да она же сама не захотѣла жить со мной!

— Еще бы она стала жить! Ты ей будешь измѣнять со всякой юбкой, а она терпи!

— Ну, хорошо, позвольте. Не будемъ трусить старый соръ. Разрѣшите мнѣ побывать у васъ.

— У насъ ни для кого двери не заперты. Мы живемъ честно и ни отъ кого не прячемся,—но вдругъ вспомнивъ, что визитъ Раменскаго могъ быть непріятенъ Красавцеву, она разсердилась на самоё себя и возвысила голосъ:—Да къ чему вамъ это, скажите на милость? Оставьте насъ въ покоѣ. Хорошій человѣкъ, съ положеніемъ, со средствами, знаменитость, полюбилъ Маню, относится къ ней какъ добрый отецъ. Стало-быть всѣ эти глупые романы ей надо выбросить изъ головы. И не зачѣмъ вамъ шляться къ намъ. И оставьте вы ее. Она и то ужъ два дня сама не своя. Я-то понимаю, откуда вѣтеръ дуетъ.

— Да, вѣдь, онъ загубитъ ея дарованіе...

— Ничего не загубитъ!

— Нельзя въ одномъ городѣ служить нѣсколько лѣтъ.

— А бродяжничать-то по вашему лучше? Нѣтъ, ужъ извините. Надо и меня спросить. Я—старуха, мнѣ это шлянье надоѣло.

— Погодите, выслушайте меня...

Въ это время Надежда Алексѣевна увидала Красавцева. Онъ стоялъ съ Переваловымъ и строго смотрѣлъ на нее.

— Нечего, батюшка, мнѣ слушать. И вообще не о чемъ намъ говорить,—сказала она умышленно громко и ушла въ уборную, стараясь не смотрѣть на Красавцева.

— А я, все-таки, приду,—сказалъ ей вслѣдъ Раменскій.

— Ужъ повѣрьте мнѣ,—говорилъ Василій Сергѣевичъ Перевалову:—это чисто русская, непочатая натура. Онъ, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ-сидѣлъ, чтобы сразу развернуть богатырскія

силы. Это брилліантъ, еще не отдѣланный, но небывалыхъ размѣровъ. Ваша заслуга передъ театромъ будетъ неоцѣненна, если вы дадите ему возможность заиграть всѣми цвѣтами радуги.

Переваловъ былъ нѣсколько сконфуженъ.

— Да, вѣдь, вотъ я же и настоялъ, чтобы онъ игралъ Карандышева. По всѣмъ правамъ роль принадлежитъ Бѣлесову.

— Ну, что Бѣлесовъ! Смѣшно даже сравнивать. Этого мало. Точно вы не знаете публику. Она признаетъ только тѣхъ, чьи фамиліи вы печатаете крупными буквами.

— Вы думаете, его слѣдуетъ ставить въ красную строку?

— Это во-первыхъ. Но главное—надо для него создать рядъ спектаклей. Вѣдь, гастроли вамъ не приносятъ никакого барыша.

— У насъ самый большой сборъ былъ на *Гамлета*,—осторожно вставилъ Переваловъ, окончательно понявъ, «куда гнетъ» покровитель Раменской.

— И только. А потомъ?

— Какъ хотите, а безъ гастролера мы бы не дѣлали и этихъ сборовъ. Все-таки мы получаемъ хоть 25—30 р. на долю товарищества, а до Раменскаго и того не было. По условію ему полагается половина сбора за вычетомъ 50 руб. Сегодня, напримѣръ, онъ не получитъ и двухъ рублей, а нашъ расходъ сегодня около 25, значитъ—на нашу долю двадцать шесть-двадцать семь. Это все-таки хлѣбъ.

— Такіе сборы вы всегда сдѣлаете. Надо только умѣть дѣйствовать.

Василій Сергѣевичъ замолчалъ. Ему трудно было разговаривать. Злоба, ревность, оскорбленное самолюбіе, желаніе мстить—все это вмѣстѣ кипѣло въ его груди, придавало особенный блескъ глазамъ, перекашивало ротъ и все лицо покрывало судорожною блѣдностью. Въ рукахъ у него была трость съ ручкой изъ слоновой кости, изображавшею голую женщину, съ вытянутыми ногами. Онъ нервно сжималъ ее рукой, стянутою лайковою перчаткой, стараясь этимъ движеніемъ утишить волненіе.

Переваловъ задумчиво отошелъ. Ясно было какъ день, что присутствіе Раменскаго вызываетъ въ Красавцевѣ ревнивое чувство, и онъ хотѣлъ бы, чтобъ эти гастроли поскорѣе окончились. А ихъ, по уговору, должно быть десять, одиннадцатая—бенефисъ Раменскаго. Въ головѣ распорядителя складывался проектъ разстаться съ Раменскимъ раньше срока, но сорвать за это съ Красавцева «тонкимъ ходомъ» приличный кушъ въ пользу товарищества. Надо, однако, дѣйствовать осторожно. На всякій случай, онъ сейчасъ

же, при Раменскомъ, будетъ жаловаться на плохіе сборы... Но не надуетъ ли Красавцевъ? Что это значитъ «надо только умѣть дѣйствовать?»...

Увидавъ Марью Николаевну, выходившую изъ уборной, Красавцевъ тотчасъ же ушелъ со сцены. Онъ только этого и ждалъ, чтобъ она вышла, замѣтила его, а онъ даже не поклонившись ушелъ. На короткій мигъ онъ былъ удовлетворенъ. Столкнувшись у выхода съ Переваловымъ, онъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Если вамъ что нужно, я всегда къ вашимъ услугамъ.

Тотъ показалъ взглядомъ, что хорошо понимаетъ его и прибавилъ:

— Все между нами.

— Понятно.

Походка у Красавцева красивая, но для театральныхъ лѣстницъ немножко быстрая. Онъ такъ часто спотыкался здѣсь. Споткнулся и на этотъ разъ и конфузливо осмотрѣлся. Непріятно, когда видятъ, какъ человѣкъ спотыкается. По счастью, однако, видѣла только старуха, мать плотника, зарабатывавшая иногда у Мякина поденную плату за мытье половъ.

Какъ только Василій Сергѣевичъ очутился въ темнотѣ между стѣной театра и деревьями, такъ удовлетвореніе исчезло. Еще поняла ли она его презрительный взглядъ? А если и поняла, то этого слишкомъ мало. Сумѣетъ ли она оцѣнить, что онъ щадитъ ее, какъ артистку, и не хочетъ разстраивать передъ послѣднимъ дѣйствіемъ, а то бы!...

Раменскаго онъ во всякомъ случаѣ выживетъ отсюда, чего бы это ни стоило.

Но и этого все еще мало.

Интересно, чѣмъ кончитъ Карандышевъ,—самъ застрѣлится или убьетъ ее? Въ первомъ случаѣ онъ будетъ дуракъ, а во второмъ—молодецъ.

Убить любимую женщину—легко сказать! А какъ примириться съ тѣмъ, что ея тихія, лѣниво-шаловливыя глазки исчезли для него навсегда? Вѣдь, онъ же любитъ эту спокойную природу, лишенную темперамента, съ дѣтскимъ кругозоромъ! Это-то и ужасно, что вся сила Марьи Николаевны надъ нимъ—въ ея спокойствіи и умственной узости.

Онъ ее броситъ, разсчитываетъ отомстить этимъ за свои муки? Но она также равнодушно отнесется къ этому разрыву, какъ три года назадъ—къ разрыву съ мужемъ? Гдѣ же тутъ «ядъ мести?»

Василій Сергѣевичъ употребилъ мысленно именно это выраженіе. Есть ли на свѣтѣ проказа ужаснѣе холоднаго женскаго сердца?

Оно заманиваетъ надеждой согрѣть его и оно не забьется ни однимъ ударомъ въ секунду чаще передъ страданіями мужчины. Какая зараза губительнѣе этой?

Василій Сергѣевичъ стоялъ въ темнотѣ, прислонившись къ дереву, и не зналъ, что дѣлать. Больше всего склоненъ онъ былъ— расплакаться. Такъ досадно разбивалось его счастье! Какъ нарочно, въ голову лѣзли все милыя картины покойныхъ вечеровъ, прогулокъ. Любимая ихъ поѣздка была—за шесть верстъ отъ города въ нѣмецкую колонію, утонувшую въ зелени, гдѣ они пили молоко. Какъ мирно было на душѣ, когда, гуляя по городу, они покупали закуски и фрукты, онъ острилъ и подсмѣивался надъ приказчиками, она заразительно - весело смѣялась на высокихъ ноткахъ. Потомъ они возвращались домой, Надежда Алексѣевна хлопотала съ самоваромъ. За чаемъ онъ заставлялъ Марью Николаевну читать ему что-нибудь.

И все, что наполняло его душу радостнымъ покоемъ, должно исчезнуть? И кто же сталъ на дорогѣ? Какой-то актеришка!

Изъ-за угла театра слышатся торопливые, мелкіе шажки. Василій Сергѣевичъ отходитъ, дѣлая видъ, что прогуливается. Снимаетъ даже круглую мягкую шляпу и машетъ ею около лица.

— Василій Сергѣевичъ!—раздается за нимъ голосъ Надежды Алексѣевны.

Онъ останавливается. Если только что подъ впечатлѣніемъ воспоминаній онъ былъ размягченъ, то теперь, при видѣ старухи, онъ чувствуетъ страшный приливъ гнѣва.

Надежда Алексѣевна догоняетъ его, онъ надѣваетъ шляпу.

— Что это вы сегодня мрачнѣе тучи? Ужъ Маруся говоритъ мнѣ: поди, спроси его, здоровъ ли. Пусть, говоритъ, или придетъ ко мнѣ, или мигнетъ изъ креселъ, что не сердится. Я, говоритъ, какъ выйду, сейчасъ посмотрю. Я говорю, да чего-жъ ему на тебя сердиться ни съ того ни съ сего? Не сумасшедшій, умный человѣкъ. Подите къ ней, пожалуйста. Она очень волнуется, а ей играть трудное мѣсто. Идите скорѣе, сейчасъ начинаютъ.

Голосъ Надежды Алексѣевны звучитъ фальшиво. Ей надо загладить то, что Красавцевъ видѣлъ ее съ Раменскимъ.

— Слушайте меня хорошенько,—отвѣчаетъ Василій Сергѣевичъ, дрожа отъ злости и желая сдержаться:—если вамъ дорого мое вниманіе, такъ не смѣйте имѣть никакихъ отношеній съ этимъ фанфарономъ. Если вамъ нужно что-нибудь, говорите мнѣ прямо,

безъ хитростей. Но ежели вамъ хочется умереть съ голода, какъ собакѣ подъ заборомъ,—возвышаетъ онъ голосъ, совершенно переставая владѣть собой,—тогда цѣлуйтесь съ вашимъ зятькомъ и сводите его съ дочерью. Да только поскорѣе, чтобъ она не успѣла отцвѣсть, пока понадобится снова продать ее кому-нибудь!

Онъ рѣзко поворачивается и идетъ въ театральный садъ. Онъ уже не блѣдный, а зеленый. Сквозь кипящій и бушующій потокъ скверныхъ чувствъ бьется только одна освѣжающая струя въ его груди—сознаніе, что онъ отмщенъ. Ему хочется, чтобъ эта струя разлилась шире, чтобъ она залила всѣ ужасныя мысли, которыя вдругъ поползли со всѣхъ концовъ. Онъ заставляетъ себя одобрять свою дикую вспышку. «Такъ-то лучше», «такъ и слѣдовало»,—повторяетъ онъ. Но чувствуетъ, что нужны усилія для того, чтобы повѣрить, что такъ и слѣдовало. «Чѣмъ виновата мать?»—ползетъ одна мысль. «И это месть за измѣну любимой женщины? Накричать на старую мать?»—язвитъ другая. «Такъ вотъ ты какой интеллигентный! Это-то называется проявленіемъ цивилизованности, культурности, джентльменства?» «Ну, и что-жъ теперь, ты полагаешь, твои волненія кончились? Или думаешь, за такое поведеніе она будетъ любить тебя теперь уже вѣчно?—Да чѣмъ же ты лучше самаго дикаго торгаша, считающаго свои капиталы превыше всего въ мірѣ?»—Эти мысли выползаютъ какъ змѣи, вьются, жалятъ, нападаютъ то порознь, то дружно всѣ вмѣстѣ. А та освѣжающая струя, за которую онъ такъ ухватился сразу, быстро сякнетъ. Точно онъ взбаломутилъ въ своей душѣ какую-то массу, разсчитывая, что оттуда поднимутся чудесные ароматы, а масса оказалась кишащею гадами и распространяла зловоніе.

Ему стало омерзительно на самого себя. Онъ схватился за голову и ушелъ въ темный уголъ сада, гдѣ его не могли видѣть.

А несчастная Надежда Алексѣевна стояла, как пораженная громомъ. Ноги дрожали и подкашивались. Она едва доплелась до скамейки, опустилась на нее и оглянулась вокругъ, словно ища помощи. Никто и никогда въ жизни не говорилъ ей такихъ подлыхъ словъ и такимъ ужаснымъ тономъ. Покойный мужъ былъ человѣкъ жосткій и, когда сильно проигрывался въ карты, велъ себя съ нею очень запальчиво. Но даже отъ него она не получала ничего подобнаго. Она продаетъ дочь! Она «сводитъ» ее съ любовниками!!

Бѣдная Надежда Алексѣевна не могла даже заплакать. Глаза у нея были сухи и горѣли. Ей хотѣлось бы теперь убить Красавцева. Будь у нея въ рукахъ кипятокъ, сѣрная кислота—она бы съ наслажденіемъ плеснула ему въ лицо. Сердце билось такъ сильно,

что приходилось сдерживать рвавшіеся изъ груди стоны. «Хоть бы глотокъ воды!» —подумала она.

Слышно, какъ Холодковъ звонитъ въ колокольчикъ, проходя по сценѣ вдоль рампы за занавѣсью.

Надежда Алексѣевна дѣлаетъ усиліе, чтобы казаться спокойной. Ей надо же пойти къ дочери и сказать что-нибудь, выдумать. Иначе дочь провалитъ послѣднее дѣйствіе.

«И изъ-за этого человѣка столько мученій! Господи! Да за что же такое наказаніе?»

Она еле плетется на сцену. Подойдя къ лѣстницѣ, останавливается передъ матерью плотника и поправляетъ на головѣ черное кружево.

— Василиса, голубушка, принеси-ка мнѣ кружку воды.

— Матушка, Надежда Алексѣевна, да что-жъ это съ вами?— всполошилась она.

— Ничего, ничего. Принеси воды, да ты потише, чтобъ Маруся чего не узнала.

Василиса опрометью бѣжитъ наверхъ и возвращается съ водой. Надежда Алексѣевна съ жадностью глотаетъ.

— Маруся тебя не видѣла?

— Нѣтъ. Онѣ еще изъ уборной не выходили.

— Начали уже?— спрашиваетъ Надежда Алексѣевна между глотками.

— Начали. Ахъ, Боже мой! Да что-жъ это съ вами случилось? Ушиблись, что ли?

— Нѣтъ, такъ... Испугалась.

Василиса, искренно соболѣзнуя, качаетъ головой.

— Темень этакая, какъ разъ испугаешься. Ужъ я скажу Семену Никитичу, чтобъ фонарикъ поставилъ тутъ сбоку. Полегчало, матушка?

— Да, теперь легче. Спасибо.

Надежда Алексѣевна пошла въ уборную. Перевалова учитъ роль, Лиманова уже раздѣлась и укладываетъ свои вещи въ узелокъ. Марья Николаевна передъ зеркаломъ дѣлаетъ лицо блѣднымъ. Она оглядывается. Мать старается улыбнуться.

— Зачѣмъ ты меня посылала, не безпокойся.

Марья Николаевна слышитъ въ голосѣ матери что-то новое, но она слишкомъ озабочена ролью и не обращаетъ на это вниманія. Она выходитъ съ матерью изъ уборной.

— Что онъ сказалъ?—спрашиваетъ она шепотомъ.

— Какую-то очень непріятную телеграмму получилъ—вотъ и все.

— Такъ пришелъ бы, да сказалъ.

— Ну, ужъ кто его знаетъ! «И она о немъ еще безпокоится. Погоди, кончи только играть, я тебѣ разскажу про него!» — думаетъ Надежда Алексѣевна. Она начинаетъ сердиться на дочь за то, что та питаетъ къ Красавцеву добрыя чувства.

— Нѣтъ, мама, здѣсь что-нибудь не такъ. Онъ отъ васъ скрываетъ. Онъ просто ревнуетъ меня къ Георгію,—говоритъ Марья Николаевна еще тише.

— И пускай его хоть лопнетъ отъ ревности. Съ твоимъ талантомъ съ голоду не умрешь.

Марьѣ Николаевнѣ опять слышится что-то странное, но ей скоро начинать. Вонъ и Раменскій идетъ къ ней. Имъ выходить вмѣстѣ подъ руку.

— Ты сказала ему, чтобъ онъ мнѣ улыбнулся изъ креселъ?— быстро спрашиваетъ она.

— Ахъ, перестань, Маруся. Ну, какъ тебѣ не стыдно! Будь самостоятельной.

По-привычкѣ, она оправляетъ на дочери платье, тальму.

Раменскій подходитъ.

— Пожалуйста, всѣ ваши разговоры оставьте до завтра. А теперь не мѣшайте ей играть,— сердито замѣчаетъ Надежда Алексѣевна.

Но и Раменскому не до разговоровъ. Антрактъ прошелъ въ похвалахъ Луцкому со всѣхъ концовъ, а съ гастролеромъ актеры слишкомъ веселы и фамильярны—вѣрный признакъ его полнаго фіаско. А тутъ еще Переваловъ явно даетъ понять, что гастролеръ далеко не оправдалъ возложенныхъ на него ожиданій.

— Стоитъ особенно волноваться передъ этой толпой дикарей,—отвѣчаетъ онъ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

— Ну, ужъ какая бы тамъ ни была толпа, а играть надо.

Какъ только Раменскій повелъ Марью Николаевну на сцену, Надежда Алексѣевна, обезсиленная, опустилась на стулъ, стоявшій у кулисы, и глубоко вздохнула.

Черезъ нѣсколько минутъ она замѣтила, что буфетный лакей въ грязномъ фракѣ осмотрительно пробирается къ ней.

— Тебѣ кого?—спросила она.

Лакей еще разъ оглянулся, не слѣдятъ ли за нимъ, потомъ досталъ изъ кармана жилета сложенный клочекъ бумаги и подалъ ей:

— Вамъ записочка.

— Мнѣ?

Надежда Алексѣевна развернула и прочла.

«Ради всего святого,—писалъ Красавцевъ карандашемъ,—ни одного слова Марьѣ Николаевнѣ. Я у васъ въ долгу не останусь. К.»

— Отвѣтъ какой прикажете?

— Никакого отвѣта не будетъ.

Лакей ушелъ, Надежда Алексѣевна изорвала записку.

«Испугался? Нѣтъ, шалишь, голубчикъ. Я тебя проучу,—думала Надежда Алексѣевна,—мы тебѣ покажемъ поворотъ отъ воротъ»...

Вл. Немировичъ-Данченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ *).

Космополитическіе нравы.

Романъ Поля Бурже.

VII.

Оливье Дю-Пратъ.

Была получена вторая телеграмма, и въ понедѣльникъ, около двухъ часовъ дня, Пьеръ Хотфейль пришелъ на желѣзно-дорожную станцію Каннъ ждать прибытія скораго поѣзда. Въ ноябрѣ прошедшаго года съ этимъ самымъ поѣздомъ онъ пріѣхалъ изъ Парижа, еще очень слабымъ, не оправившимся послѣ воспаленія, которое чуть не свело его въ могилу. Кто видѣлъ тогда, какимъ худымъ и блѣднымъ онъ вышелъ изъ вагона, закутанный въ шубу, не призналъ бы болѣзненнаго, измученнаго лихорадкой пассажира въ красивомъ молодомъ человѣкѣ, шедшемъ къ той же платформѣ бодрою и легкою походкою, румяномъ и улыбающемся, съ глазами полными блеска, освѣщавшаго все его лицо. Между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами, въ періодъ энергіи, вполнѣ зрѣлой и еще не подорванной, у наиболѣе скромныхъ и робкихъ выдаются часы, когда гордость жизнью такъ и сказывается въ ихъ малѣйшихъ движеніяхъ. Это несомнѣнный признакъ, что они любятъ, что они любимы, что все вокругъ нихъ способствуетъ ихъ взаимной любви, и сознаніе, что никакія препятствія не мѣшаютъ имъ любить, наполняютъ ихъ истиннымъ восхищеніемъ. И такое восхищеніе отражается на всемъ ихъ физическомъ существѣ, точно преобразуетъ его. У нихъ—другая походка, другая осанка, другой взглядъ. Точно магнетическіе лучи исходятъ отъ такихъ довольныхъ влюбленныхъ и придаютъ имъ особенную временную

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

красоту, въ значеніи которой почти никогда не ошибаются женщины. Онѣ очень быстро умѣютъ распознать «любимаго», по его внѣшности, чтобы возненавидѣть его или отдаться сочувствующей нѣжности, смотря по тому, каковы онѣ сами, завистливы или доброжелательны, прозаичны или романтичны. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали двѣ дамы, которыхъ Хотфейль увидалъ на узкомъ середнемъ тротуарѣ, между путями, служащемъ въ Каннахъ платформой для ожидающихъ поѣзда. Одна изъ этихъ дамъ была Ивонна де-Шези, явившаяся съ мужемъ и Орасомъ Бріономъ, другая—маркиза Бонакорси,—какъ она продолжала называться оффиціально,—въ сопровожденіи своего брата Наварего. Чтобы подойти къ нимъ и поздороваться, молодой человѣкъ долженъ былъ протѣсниться сквозь нарядную толпу, собравшуюся тутъ, какъ и каждый день въ этотъ часъ, чтобы направиться въ Монте-Карло. Въ теченіе двухъ минутъ, пока Пьеръ, такимъ образомъ, пробирался, обѣ дамы и ихъ кавалеры обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями на его счетъ, причемъ доказали еще одинъ лишній разъ, что мелочность завистливаго ехидства знакома не одному только прекрасному полу.

— А вотъ и Хотфейль!—сказала мадамъ де-Шези.—Какъ довольна была бы его сестра, еслибъ видѣла, насколько онъ измѣнился!... Онъ, вѣдь, въ правду, хорошъ собой?...

— Очень хорошъ, — отвѣтила венеціанка, — и притомъ, кажется, самъ этого не подозрѣваетъ... Необыкновенно мило это въ немъ!

— Не надолго вы оставите въ немъ это качество,—возразилъ Бріонъ.—Слишкомъ вы носитесь съ этимъ Хотфейлемъ... У васъ,—онъ обратился къ Ивоннѣ,—у маркизы, у баронессы де-Карлсбергъ только и слышешь о немъ... Малый онъ—такъ себѣ, довольно безобидный и ничтожный, какихъ на свѣтѣ много, вы сдѣлаете изъ него несноснѣйшаго фата...

— Не говоря уже о томъ, что онъ скоро скомпрометируетъ одну изъ васъ, если такъ будетъ продолжаться,—проговорилъ Наварего, смотря на сестру.

Со времени возвращенія изъ Генуи, хитрый итальянецъ сталъ замѣчать, что съ Андріаной творится что-то неладное, и доискивался тому причины, только, очевидно, не тамъ, гдѣ слѣдовало.

— А, вотъ онъ каковъ по-вашему?... — продолжала Ивонна, смѣясь.—Такъ я же накажу за это васъ обоихъ: начну съ того, что попрошу его сѣсть въ одно отдѣленіе съ нами, потомъ приглашу съ нами обѣдать въ Монте-Карло и поручу ему присматривать за

Гонтраномъ... Это даже необходимо... Слушайте, Пьеръ,— обратилась она къ только что подошедшему къ нимъ молодому человѣку,—съ этой минуты вы состоите на службѣ при мнѣ и на весь вечеръ. Ваша обязанность доложить мнѣ тотчасъ же, какъ только мой супругъ и повелитель проиграетъ больше ста полуимперіаловъ. Третьяго дня онъ проигралъ тысячу въ trente - et - quarante. По два такихъ проигрыша въ недѣлю составятъ недурную статью зимняго бюджета... Такъ, пожалуй, скоро придется мнѣ добывать деньги на хозяйство...

Шези ничего не возразилъ. Онъ продолжалъ нервно теребить усъ, пожимая плечами. Но по его лицу пробѣжала насильственная судорожная улыбка, не похожая на усмѣшки, съ которыми онъ всегда относился къ рискованнымъ шуткамъ жены. Катастрофа, предсказанная Дики Маршемъ, оказывалась уже неминуемою, и несчастный аристократъ, совсѣмъ по - ребячьи, пытался поправить дѣла, рискуя на зеленыхъ столахъ Монте-Карло тѣмъ немногимъ, что оставалось отъ его состоянія. Ничего этого Ивонна не знала. И сказанная ею фраза получала ужасное значеніе для него и для нея самой, особенно же въ присутствіи Бріона, профессіональнаго банкира свѣтскихъ женщинъ, попавшихъ въ крайнія денежныя затрудненія. Хотфейль, знавшій все это изъ разговоровъ съ Корансецомъ и баронессой де-Карлсбергъ, понялъ страшную иронію такихъ словъ при данныхъ обстоятельствахъ.

— Я не ѣду въ Монте-Карло,—сказалъ онъ,—и сюда пришелъ встрѣтить одного изъ моихъ друзей, котораго вы знаете: Оливье Дю-Прата.

— Того влюбленнаго въ меня, что ухаживалъ за мною у вашей сестры?... Я, кажется, и сама была влюблена въ него, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли... Такъ вы и его зовите обѣдать, пріѣзжайте вмѣстѣ съ пятичасовымъ поѣздомъ.

— Да онъ женатъ.

— Пригласите и его жену,—продолжала она весело.—Андріана, уговорите его,—ваше вліяніе сильнѣе, чѣмъ мое...

И продолжая играть роль избалованной шалуньи, она взяла подъ руку Наварего. Ничто такъ не забавляло ее, какъ свирѣпыя мины итальянца, когда онъ зналъ, что его сестра остается вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь, возбуждающимъ его ревность. Ивонна не подозрѣвала, какую большую услугу оказала пріятельницѣ, которая тѣмъ временемъ успѣла прошептать Пьеру:

— *Онъ* ѣдетъ съ этимъ же поѣздомъ. Я пришла лишь за тѣмъ, чтобъ *его* увидать. Будьте добры, скажите ему, что завтра въ один-

надцать утра я буду у Флорансы на *Женни*. И еще, прошу васъ, не обращайте вниманія на то, что Альвизъ не особенно любезенъ: онъ забралъ въ голову, будто вы за мною ухаживаете... А вотъ и поѣздъ...

Локомотивъ быстро выбѣжалъ изъ глубокой выемки, въ которой проложенъ путь у въѣзда въ Канны, и почти въ ту же минуту Пьеръ увидалъ беззаботный профиль «виконта» де-Корансеца. Провансалецъ соскочилъ на землю прежде, чѣмъ остановился поѣздъ, и, обнимая Хотфейля, проговорилъ очень громко, чтобъ его могла слышать жена:

— Вотъ мило, что встрѣтили меня!—и тихо онъ добавилъ:— Постарайся какъ-нибудь избавить меня отъ шурина.

— Не могу,—отвѣтилъ Хотфейль,—жду Оливье Дю-Прата. Ты не видалъ его въ поѣздѣ?... А, вотъ онъ...

И онъ покинулъ южанина, не обращая уже никакого вниманія на эту новую сценку *matrimonio segreto,* разыгрывавшуюся на станціонной платформѣ, и быстро направился къ молодому человѣку, стоявшему на подножкѣ вагона, радостно и нѣжно улыбавшемуся Пьеру. Хотя Оливье былъ однихъ лѣтъ съ Хотфейлемъ, но казался нѣсколькими годами старше его, настолько его лицо, очень смуглое, очень худое, очень осунувшееся, было уже прорѣзано рѣзкими бороздами. Черты этого лица были неправильны, но такъ своеобразны, что его нельзя было забыть. Его черные глаза, бархатистаго тона, блестящіе бѣлые и ровные зубы, его густые и красиво лежащіе волосы придавали всей физіономіи какую-то животную прелесть, если можно такъ выразиться, сглаживавшую то, что было горькаго въ выраженіи его рта и, въ особенности, въ складкахъ щекъ. Онъ не былъ высокъ ростомъ, но плечи и руки обличали въ немъ изрядную силу. Едва ступивши на землю, онъ тоже обнялъ Хотфейля такъ искренно, что у Пьера почти слезы блеснули на рѣсницахъ, и оба они въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не могли глазъ оторвать другъ отъ друга, забывши подать руки молодой женщинѣ, ставшей въ свою очередь на слишкомъ высокую для нея вагонную подножку и ждавшей съ невозмутимымъ спокойствіемъ, чтобъ одинъ изъ двоихъ молодыхъ людей вспомнилъ о необходимости помочь ей сойти. Мадамъ Оливье Дю-Пратъ была молоденькая двадцатилѣтняя женщина, очень хорошенькая, очень тоненькая, до того нѣжная, что она казалась миніатюрною и какъ будто хрупкой, съ волосами золотистаго цвѣта и холоднаго, слишкомъ свѣтлаго тона, съ голубыми глазами, въ которыхъ теперь свѣтилось что-то непроницаемое и затаенное, какъ это бываетъ у

многихъ женщинъ, недавно вышедшихъ замужъ, при встрѣчѣ съ товарищами молодости ихъ мужей. И тутъ нельзя было угадать, что чувствуетъ она къ лучшему другу Оливье, бывшему шаферомъ на ихъ свадьбѣ,—симпатію или антипатію, довѣріе или недовѣріе. Не дала она понять этого и тогда, когда Хотфейль сталъ извиняться въ томъ, что не подошелъ тотчасъ же поздороваться съ нею и помочь ей сойти. Она едва коснулась концами пальцевъ протянутой руки Пьера. Но то могло быть проявленіемъ вполнѣ естественной сдержанности, такъ же точно, какъ фраза, сказанная ею въ отвѣтъ на его вопросъ о ихъ путешествіи, могла быть лишь выраженіемъ очень понятнаго желанія отдохнуть.

— Мы сдѣлали прекрасное путешествіе,— сказала она,— но послѣ такого долгаго отсутствія такъ хотѣлось бы, наконецъ, быть дома...

Да, эта маленькая фраза была, какъ нельзя болѣе, естественна. Но въ то же время, произнесенная тонкими и холодными губами худенькой женщины, она имѣла такое значеніе: «Мой мужъ желалъ пріѣхать повидаться съ вами, я не могла этому помѣшать. Но не извольте ошибиться: я этимъ очень недовольна»... Такъ, по крайней мѣрѣ, перевелъ Хотфейль про себя эти нѣсколько словъ и остался благодаренъ Корансецу, подошедшему къ нимъ и тѣмъ избавившему его отъ необходимости отвѣчать. Поѣздъ двинулся дальше, оставляя путь свободнымъ для пѣшеходовъ. Южанинъ подходилъ съ протянутою рукой, съ улыбкой на лицѣ.

— Оливье, здравствуй!... Не узналъ меня?... Корансецъ, твой сосѣдъ по классу риторики. Если бы Пьеръ предупредилъ меня, что ты ѣдешь съ этимъ поѣздомъ, мы бы прокатились вмѣстѣ, поболтали бы!... Видъ у тебя превосходный, точно въ двадцать лѣтъ... Не соблаговолишь ли представить меня супругѣ?...

— Я, правда, не узналъ его,—говорилъ Оливье, пять минутъ спустя, въ экипажѣ, увозившемъ ихъ втроемъ: его, его жену и Хотфейля, въ Отель Пальмъ. — Не узналъ, хотя онъ нисколько не измѣнился. Это все тотъ же южный человѣкъ съ своею вѣчною фамильярностью, невыносимою, когда она искрення, омерзительною, когда это комедія. Въ числѣ всякихъ гадостей нашей родины,—а ихъ-таки достаточно,—нѣтъ, кажется, ничего гаже стараго лицейскаго товарища. На томъ основаніи, что были вы вмѣстѣ на каторгѣ, на одной изъ сухопутныхъ галеръ, именуемыхъ французскими коллегіями, разные вотъ такіе господа называютъ васъ просто по имени, говорятъ вамъ «ты»... Часто ты его видаешь здѣсь, этого Корансеца?

— Онъ, повидимому, очень любитъ васъ, мосьё Хотфейль,— сказала молодая женщина,—на шею вамъ бросился, только что вышелъ изъ вагона...

— Онъ немного демонстративенъ,—отвѣтилъ Пьеръ,—но добрый товарищъ, и мнѣ съ нимъ хорошо было.

— Удивленъ тобою и имъ,—проговорилъ Оливье.—Но отчего же ты ничего не говорилъ мнѣ о немъ въ письмахъ? Я обошелся бы съ нимъ привѣтливѣе...

Ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ и этотъ отрывокъ разговора. Но его было достаточно для того, чтобы между этими тремя лицами повѣяло нѣкоторою натянутостью, портящею иногда самыя желанныя встрѣчи. Хотфейлю почудился легкій упрекъ въ словахъ друга о его письмахъ, а въ замѣчаніи молодой женщины онъ почувствовалъ проявленіе непріязненной холодности. Пьеръ ничего не отвѣтилъ. Экипажъ поднимался въ гору по извилистой дорогѣ, по которой проходили Хотфейль и Корансецъ въ то утро, когда отправлялись съ визитомъ на яхту американца, съ лѣвой стороны виднѣлся бѣлый силуэтъ виллы Гельмгольцъ за серебристою зеленью оливковыхъ деревьевъ. Въ воображеніи молодого человѣка съ необыкновенною ясностью пронесся образъ любимой женщины, и само собою, невольно, установилось сравненіе между его милою, обожаемою Эли и женою его друга. Худенькая француженка, немного натянутая и сухая своею изящною чопорностью, показалась ему вдругъ такою плохонькою, ничтожною, абсолютно не интересною передъ стройнымъ и обворожительнымъ образомъ знатной чужеземки! Берта Дю-Пратъ всею особой своей представляла образецъ свѣтскости, выдержанной и немного безцвѣтной, составляющей отличительный признакъ хорошо воспитанной парижанки: такая разновидность еще не перевелась.—Дорожный костюмъ молодой женщины былъ сдѣланъ первѣйшимъ мастеромъ, но она такъ усердно позаботилась избѣжать малѣйшаго намека на эксцентричность, что весь онъ сталъ какимъ-то безличнымъ. Она была хорошенькая,—такая хорошенькая, какъ хрупкія и нѣжныя фигурки саксонскаго фарфора,—но за своею физіономіей она такъ тщательно наблюдала, выраженіе рта было такъ натянуто, а глаза такъ «тихи», что, глядя на это прелестное личико, никто не испытывалъ желанія узнать, какая душа за нимъ скрыта. Слишкомъ ясно и несомнѣнно для всѣхъ было, что въ этой душѣ ничему нѣтъ мѣста, кромѣ идей общепринятыхъ, чувствъ вполнѣ приличныхъ, желаній, безусловно дозволенныхъ. Такого сорта женъ выискиваютъ себѣ обыкновенно мужчины, много пожившіе и въ конецъ раз-

вратившіе свое воображеніе слишкомъ многочисленными и разнообразными любовными приключеніями. Очень естественно, что Оливье и долженъ былъ жениться на такой молоденькой особѣ, красота которой тѣшила самолюбіе мужа и которая въ то же время своею безукоризненною выдержанностью избавляла его отъ чувства ревности. Не менѣе естественно было, что Пьеръ, воспитанный въ средѣ условной порядочности и испытавшій гнетъ предразсудковъ въ своей семьѣ, замѣтилъ тотчасъ же въ молодой женщинѣ видимую нищету ея натуры и то, что было въ ней ничтожнаго и низменнаго,—въ особенности, по сопоставленію. Такого рода впечатлѣнія производятъ очень быстро отчужденіе, стремленіе нашей души уклониться подальше, что объясняютъ громкимъ словомъ, очень удобнымъ своею таинственностью,—антипатіей. Никакой, впрочемъ, антипатіи Пьеръ не испытывалъ при первыхъ встрѣчахъ, когда мадамъ Дю-Пратъ была еще дѣвицею Бертой Ліоне. А въ то время она должна была казаться еще менѣе привлекательною, такъ какъ онъ видѣлъ дѣвушку въ ея подлинной средѣ, между ея отцомъ, пересохшимъ въ своей аккуратности стряпчимъ, и мамашей, чопорнѣйшею дамой высшей парижской буржуазіи. Но дѣло въ томъ, что тогда дремали еще романическія стороны души молодого человѣка. Теперь же упоеніе любовью разбудило ихъ, и онъ сдѣлался чуткимъ къ оттѣнкамъ женственности, ускользавшимъ отъ него до сихъ поръ. Но, по непривычкѣ разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ въ такой мѣрѣ, чтобы сообразить, какъ измѣнились за эти послѣднія недѣли его собственные взгляды на жизнь, онъ объяснилъ себѣ непріятное чувство, испытанное имъ въ присутствіи Берты Дю-Пратъ очень простыми причинами, помогающими намъ оправдывать наше непониманіе характеровъ другихъ людей:

— Что за перемѣна произошла въ ней?... Какою милою она была, когда выходила замужъ! Теперь это совсѣмъ другая женщина... Оливье тоже измѣнился. Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ влюбленъ и веселъ! Теперь кажется равнодушнымъ и почти печальнымъ. Что это можетъ значить? Неужели онъ несчастливъ?...

Экипажъ остановился у подъѣзда отеля, когда эти мысли сложились у Пьера съ безпощадною опредѣленностью. И онъ повторилъ про себя тотъ же вопросъ, слѣдя глазами за Оливье и его женой, входившими въ гостиницу. Они шли, разговаривая о посылкѣ за багажомъ и о прісканіи горничной, и шаги ихъ были такъ разны, такъ не слажены, что одно это обличало уже правдоподобность обоюднаго скрытаго отчужденія супруговъ. Въ подобныхъ мелочахъ, въ инстинктивномъ соотвѣтствіи движеній, въ согласованіи

жестовъ одного съ жестами другого, невольно и всего лучше сказывается интимная гармонія, соединяющая супруговъ. Оливье и его жена шли «враждебною походкой». Приходится иногда создавать выраженія для опредѣленія оттѣнковъ движеній, которыя не поддаются ни объясненію, ни анализу, а лишь даютъ себя чувствовать съ неотразимою ясностью. А такъ же точно, что могло быть яснѣе фразы, сказанной Дю-Пратомъ секретарю отеля, показывавшему помѣщеніе, приготовленное для молодыхъ супруговъ? Состояло оно изъ салона, двухъ уборныхъ, одной маленькой, другой очень большой, и изъ спальни съ широчайшею кроватью.

— А гдѣ же вы устроите постель для меня? Эта уборная слишкомъ мала.

— У меня есть другое помѣщеніе, съ салономъ и двумя спальными,—сказалъ секретарь,—только оно въ четвертомъ этажѣ.

— Мнѣ это все равно,—отвѣтилъ Дю-Пратъ.

Онъ и его жена вошли въ подъемную, не взглянувши даже на превосходные цвѣты, поставленные въ вазы самолично Пьеромъ. Онъ хлопоталъ изукрасить комнату молодыхъ супруговъ, какъ желалъ бы, чтобы изукрашенъ былъ пріютъ любви для него и Эли. Оставшись одинъ, онъ вдохнулъ сладострастный ароматъ мимозъ, сливавшійся съ благоуханіемъ розъ и нарцисовъ, посмотрѣлъ въ окно на яркій пейзажъ, освѣщенный послѣполуденнымъ солнцемъ, на Эстерель, на море и острова. Настоящимъ гнѣздышкомъ для поцѣлуевъ, мирнымъ и очаровательнымъ, была эта комната, вся залитая свѣтомъ и ароматомъ, въ виду дивнаго ландшафта... и первою мыслью Оливье оказалось желаніе найти другое помѣщеніе съ двумя отдѣльными комнатами! И это—черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы! Этотъ маленькій фактикъ, присоединившійся ко всему, прежде замѣченному, и, въ особенности, къ ряду неуловимыхъ впечатлѣній, навелъ на Хотфейля глубокую задумчивость. И снова въ его мысляхъ складывалось сопоставленіе страстныхъ наслажденій собственнаго романа и странной холодности молодой четы. Ему припоминалась дивная ночь любви на яхтѣ и томительная минута разставанія съ милою. Вспоминалось ему волшебно-сладостное пребываніе наединѣ съ Эли въ Генуѣ и ихъ свиданіе два дня назадъ, когда на его мольбы Эли согласилась принять его ночью въ своей комнатѣ на виллѣ Гельмгольцъ,—какъ онъ прокрался въ садъ черезъ кручу, не огороженную заборомъ, и добрался до теплицы,—какъ дверь оказалась отворенною, и возлюбленная ждала его у этой двери. Эли провела его въ свою комнату по винтовой лѣстницѣ, устроенной изъ маленькой гостиной и служившей одной

только хозяйкѣ дома. О, какими трепетными поцѣлуями обмѣнялись они тогда въ двойной и всесильной тревогѣ любви и опасности! И затѣмъ, когда настало время покинуть эту комнату, онъ ушелъ съ отчаяніемъ и терзаніемъ и долго бродилъ одинъ по пустыннымъ дорогамъ, при мерцаніи звѣздъ, мечтая о бѣгствѣ съ любимою женщиной въ очень далекія страны, гдѣ они могли бы жить вмѣстѣ, какъ мужъ и жена. Это право всегда быть вмѣстѣ—драгоцѣннѣйшее изъ правъ никогда не разставаться, не покидать другъ друга ночью, когда женщина, сбросивши съ себя дневной туалетъ, перестаетъ быть существомъ общественнымъ, становится простою и правдивою, вся отдается своей любви и довѣрчивой нѣжности, дѣлается такою, какою никто другой ее не видитъ, — выше этого Пьеръ ничего себѣ не могъ представить... А Оливье, стало быть, не испытываетъ такого чувства къ своей молоденькой женѣ? И если онъ такъ мало любитъ ее, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ супружества, то любилъ ли когда-нибудь? Если же не любилъ, то изъ-за чего же онъ женился?...—До такихъ думъ дошелъ Пьеръ, когда внезапное прикосновеніе чьей-то руки къ его плечу заставило опомниться молодого человѣка. Передъ нимъ опять стоялъ Оливье, но уже одинъ на этотъ разъ.

— Нашелъ я помѣщеніе,—заговорилъ онъ,—высоко немного, но видъ оттуда еще лучше. Ты ничѣмъ теперь не занятъ? Не пойдемъ ли прогуляться?

— А мадамъ Дю-Пратъ?—спросилъ Хотвейль.

— Надо дать ей время устроиться, — отвѣтилъ Оливье,—и признаюсь, я не прочь побыть немного съ тобою. Хорошо говорится только вдвоемъ, я разумѣю—намъ съ тобою вдвоемъ... Если бы ты зналъ, какъ я счастливъ, что опять вижу тебя!

— Милый мой Оливье!—сказалъ Пьеръ, растроганный восклицаніемъ и простымъ, задушевнымъ тономъ своего друга.

Они взяли другъ друга за руки и смотрѣли другъ на друга, какъ на желѣзно-дорожной платформѣ, не говоря ни слова. Въ *Fioretti* *) святого Франциска есть разсказъ о томъ, какъ святой Людовикъ въ одеждѣ пилигрима постучалъ у воротъ монастыря Пресвятой Дѣвы Маріи-Ангеловъ. Другой святой, инокъ, по имени Эгидіо, отворилъ ему и узналъ его. Король и монахъ опустились другъ передъ другомъ на колѣни и потомъ разстались, не проговоривши ни одного слова. «Я читалъ въ его сердцѣ, — сказалъ Эгидіо, — онъ читалъ въ моемъ». Эта прекрасная легенда есть символъ всѣхъ

*) *Fioretti*—цвѣтники, житія святыхъ,—то же, что наши *Прологи*.

встрѣчъ такихъ друзей, какими были Пьеръ и Оливье. Когда два человѣка знаютъ и любятъ другъ друга съ дѣтства, какъ они другъ друга любили, и встрѣчаются послѣ разлуки, они не нуждаются ни въ какихъ изліяніяхъ, ни въ новыхъ увѣреніяхъ въ неизмѣнности ихъ обоюдныхъ чувствъ. Взаимное уваженіе, довѣріе, преданность— это столь возвышенные признаки мужской дружбы, что ихъ не выразить словами. Они блещутъ и грѣютъ, разъ они существуютъ, какъ свѣтитъ и грѣетъ огонь. И друзья вновь сознали, какъ беззавѣтно могутъ они положиться другъ на друга, какъ непоколебимо и глубоко ихъ братство.

— И ты позаботился о томъ, чтобы всюду были цвѣты!—сказалъ Оливье, взявши подъ руку Хотфейля.—Я прикажу сейчасъ же отнести ихъ туда, наверхъ... А теперь идемъ... только не на Круазету, прошу тебя. Если она все еще такова, какою я видѣлъ ее въ теченіе недѣли, проведенной мною здѣсь когда-то, то она прямо невозможна. Канны въ это время года—сущій *Снобополисъ*, съ неизмѣннымъ батальономъ принцевъ и принцомановъ!... Я припоминаю, что есть тутъ между Калифорніей и Валори чудесныя мѣста для прогулокъ, совсѣмъ дикія, лѣсистыя, съ соснами и пробковыми деревьями... а не съ этими пальмами, безобразными метелками, ненавистными мнѣ!

Они вышли изъ сада отеля, и Дю-Пратъ, говоря это, указывалъ на аллею, отъ которой получилъ свое названіе фешенебельный каравансарай. Пьеръ отвѣтилъ, смѣясь:

— Ты ужъ не очень густо напускай *сепіи* на сады бѣдныхъ Каннъ. Это, вѣдь, теплицы, и очень пріятныя теплицы для больныхъ! На себѣ испыталъ...

Фраза про сепіи была одною изъ старыхъ шутокъ ихъ ранней юности, когда Пьеръ сравнивалъ желчныя выходки Оливье съ струями темной жидкости, которою мутитъ воду каракатица. Оливье разсмѣялся тоже при этомъ напоминаніи, но продолжалъ:

— Я не узнаю тебя: ты начинаешь пѣть въ унисонъ съ Корансецомъ,—ты-то, всегда неподатливый! Тебѣ нравятся разукрашенные сады съ искусственными газонами, съ цинковыми деревьями, съ намалеванною зеленью, — тебѣ, деревенскому владѣльцу Шамеана! Нѣтъ, я предпочитаю вотъ это...

И онъ показалъ своему другу на гору, сплошь покрытую темными соснами и свѣтлыми лиственницами. У подножія горы тянулась линія дачъ отъ Каннъ до залива Жуана, потомъ она прерывалась, и дальше, до самаго верха, шелъ уже сплошной лѣсъ. Справа море разстилалось безконечною гладью безъ единаго паруса, такъ

что, переводя взоры съ зеленѣющей горы на лазурь водъ, на минуту можно было поддаться иллюзіи тихаго пейзажа, не имѣющаго ничего общаго съ климатическою станціей и моднымъ курортомъ. Молодые люди прошли еще сотню метровъ и очутились въ лѣсу. Красные стволы сосенъ были такъ часты, что изъ-за нихъ едва мелькала синева моря. Темная хвоя наверху съ удивительною отчетливостью вырѣзывалась на лазури неба. Къ запаху смолы, рѣзкому и живительному, примѣшивался мѣстами ароматъ мимозы въ цвѣту. Оливье смотрѣлъ на этотъ уголокъ лѣса, уже сѣвернаго, какъ туристъ, возвращающійся съ Востока, утомленный видами огромныхъ песчаныхъ пространствъ, однообразною природой и ея безпощаднымъ блескомъ, и съ истиннымъ наслажденіемъ любовался разнообразіемъ растительности, пестротой красокъ европейскаго пейзажа. Хотфейль не спускалъ глазъ съ Оливье. Занятый почти тревожнымъ раздумьемъ о загадочности женитьбы друга, противъ которой онъ ничего не возражалъ ранѣе, Пьеръ слѣдилъ по выразительному лицу спутника за смѣною настроеній, печальныхъ и веселыхъ. Безъ жены Оливье чувствовалъ себя, видимо, лучше, но въ глазахъ его не исчезала тѣнь тоски и въ складкѣ губъ оставалась замѣтною горечь, хорошо знакомая товарищу его юности. То и другое всегда предвѣщало одинъ изъ припадковъ жестокаго озлобленія, о которыхъ баронесса де-Карлсбергъ разсказывала госпожѣ Бріонъ. Пьеръ, неизмѣнно, страдалъ отъ такихъ припадковъ, ему тяжело было слушать друга, когда тотъ говорилъ о себѣ самомъ и о жизни раздраженнымъ тономъ разочарованнаго циника. На этотъ разъ ему предстояло страдать вдвойнѣ, такъ какъ у него-то на сердцѣ было нѣжное ликованіе его собственной любви. Но что бы было, еслибъ онъ понялъ весь смыслъ фразъ, въ которыхъ изливалась тоска его товарища?

— Странно это,—началъ Оливье,—до какой степени у человѣка въ ранней юности можетъ явиться предчувствіе всей его жизни. Вотъ сейчасъ я вспоминаю, какъ будто вчера это было, про одну прогулку, которую мы вмѣстѣ сдѣлали въ бытность нашу въ Овернѣ... Ты, конечно, не помнишь этого. Мы возвращались изъ Варенна въ Шамеанъ. Это было во время каникулъ послѣ третьяго класса. Я прогостилъ двѣ недѣли у твоей матушки и на слѣдующій день долженъ былъ отправляться обратно къ отвратительному негодяю, къ моему опекуну. Былъ чудесный сентябрьскій день, теплый, какъ нынѣшній, и такой же яркій, прозрачный. Мы сѣли отдохнуть подъ лиственницей. Я видѣлъ тебя, видѣлъ красивое дерево, чудесный лѣсъ, восхитительное небо... И вдругъ

я почувствовалъ какую-то необъяснимую тоску, болѣзненное желаніе умереть. Внезапно мнѣ запала въ голову мысль, что ничего хорошаго мнѣ жизнь не дастъ и ждать мнѣ отъ нея нечего... Съ чего могла явиться такая мысль у шестнадцатилѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда? Это необъяснимо для меня и теперь. Но никогда я не забуду щемящей тоски, сдавившей меня тамъ, подъ большимъ деревомъ, въ ясный и теплый день, когда я сидѣлъ рядомъ съ тобой. Точно я тогда напередъ чувствовалъ всѣ горести, всѣ непріятности, всѣ неудачи, которыя готовила мнѣ судьба...

— Ты не имѣешь права говорить такъ, — прервалъ его Хотфейль.—Какія у тебя горести, какія непріятности и неудачи? Тебѣ тридцать два года. Ты молодъ, ты здоровъ, все идетъ какъ нельзя лучше: состояніе, карьера... женитьба. У тебя восемьдесятъ тысячъ франковъ дохода, тебя назначаютъ первымъ секретаремъ, у тебя прелестная жена... и другъ изъ Мономотапы *),—договорилъ онъ, смѣясь.

Глубокій вздохъ Оливье тяжело отозвался на Хотфейлѣ, почувствовавшемъ несомнѣнную искренность горя въ такомъ изліяніи, которое могло другимъ показаться полнымъ странныхъ преувеличеній! И, какъ нерѣдко въ прежніе годы, Пьеръ пытался отвѣтить шуткой, довольно плохой. Почти всегда бывало такъ, что Дю-Пратъ, очень тонкій критикъ, изящно - остроумный, очень чуткій къ малѣйшимъ погрѣшностямъ противъ вкуса, тотчасъ же измѣнялъ тонъ, какъ только другъ останавливалъ его подобною рѣзкостью. На этотъ разъ, должно быть, слишкомъ большая тяжесть лежала у него на сердцѣ, такъ какъ онъ продолжалъ еще болѣе скорбнымъ голосомъ:

— Во всемъ мнѣ удача!—и онъ пожалъ плечами.—Совершенно вѣрно, такъ оно и представляется, когда подобный балансъ подводится словами... А въ дѣйствительности, къ тридцати двумъ годамъ конецъ молодости, настоящей молодости, единственной... Здоровье, состояніе, это избавляетъ отъ нѣкоторыхъ лишнихъ непріятностей, только надолго ли? Во всякомъ случаѣ это не даетъ лишняго счастья. Моя карьера? О такомъ вздорѣ лучше намъ не говорить... Женитьба?...

Онъ пріостановился на секунду, какъ бы желая уклониться отъ полной откровенности, потомъ заговорилъ такимъ ѣдкимъ то-

---

*) *Мономотапа* — обширное государство южной Африки, распавшееся въ прошломъ столѣтіи на нѣсколько мелкихъ кафрскихъ государствъ. Въ данномъ случаѣ это шуточное выраженіе для обозначенія „рѣдкостнаго“ друга, — экзотическаго раритета.

номъ, что Пьеръ вздрогнулъ, понявши, что выльется все мерзкое, накипѣвшее на душѣ Оливье.

— Моя женитьба? И на этомъ оборвался, какъ на всемъ остальномъ, ужасно, отвратительно я оборвался... Да, впрочемъ, не все ли равпо, на этомъ или на другомъ!...

Онъ покачалъ головой и продолжалъ, уже не прерываемый Пьеромъ:

— Задавалъ ли ты себѣ когда-нибудь вопросъ, почему я рѣшился жениться? Ты думалъ, какъ всѣ, что наскучило мнѣ жить одинокимъ, что я хотѣлъ упорядочить мою жизнь, что нашелъ всѣ условія для разумнаго брака? Всѣ они и были на-лицо: большое приданое, очень почтенное имя, хорошенькая, прекрасно воспитанная дѣвушка, — и ты находилъ все это вполнѣ подходящимъ. Въ этомъ я тебя не упрекаю. Таковъ ужъ общій предразсудокъ, и всѣ люди—рабы нравовъ, даже не подозрѣвая этого. И люди удивляются, почему такой-то не женился, какъ всѣ женятся. Но никому и никогда не приходитъ въ голову вопросъ: почему такой-то женился, какъ женятся всѣ люди, когда самъ-то онъ не такой, какъ всѣ?... А затѣмъ, ты не зналъ и не могъ знать, послѣ какихъ испытаній я дошелъ до рѣшенія жениться. При нашихъ откровенностяхъ, мы относились другъ къ другу съ неизмѣннымъ уваженіемъ, дорогой мой Пьеръ, и потому-то наша дружба остается неизмѣнно-прекрасною, особливою, нисколько не похожею на гаденькое пріятельство, которое большинство людей величаетъ дружбой. Никогда я не говорилъ съ тобою ни объ одной изъ моихъ любовницъ. Никогда я не пытался выспрашивать о твоихъ. Вся эта грязь осталась, слава Богу, совершенно въ сторонѣ отъ нашихъ искреннихъ отношеній...

— Постой,— заговорилъ Хотфейль живо,— не позорь такъ своихъ воспоминаній: я ихъ не знаю, но должны же быть между ними такія, которыя тебѣ дороги и святы. Если я не спрашивалъ тебя о твоихъ сердечныхъ тайнахъ, то,— знай это, Оливье,—единственно изъ уваженія къ нимъ, а никакъ не къ нашей дружбѣ... Нѣтъ, дружба не пострадала бы отъ общенія съ прекрасною и глубокою любовью. Не клевещи самъ на себя, не говори, что такой любви у тебя не было, и не позорь ее...

— Прекрасная любовь!—прдолжалъ Оливье съ тяжелою ироніей. — Что обозначаетъ сопоставленіе этихъ двухъ словъ, я не знаю. У меня были любовницы, нѣсколько любовницъ, и когда я вспоминаю о нихъ, то передо мной проходятъ представленія объ огромныхъ желаніяхъ и слѣдующихъ за ними еще большихъ отвра-

щеніяхъ, о страстныхъ порывахъ, отравленныхъ ужаснымъ омерзеніемъ, о восторгахъ, загрязненныхъ ревностью, о множествѣ лжи выслушанной и множествѣ лжи высказанной, и не нахожу я ни одного,—понимаешь ты это?—ни одного такого волненія, которое я хотѣлъ бы пережить еще разъ, никогда не видалъ я ни настоящаго счастья, ни истиннаго благородства, ничего полнаго! Чья вина? Тѣхъ ли женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ, или моя? Что причина—ихъ ли кокетство, или негодность моего сердца?

— О негодности сердца не можетъ быть рѣчи,—живо перебилъ его Хотфейль,—разъ ты былъ такимъ другомъ для меня...

— Былъ и остаюсь такимъ другомъ потому, что ты-то вотъ таковъ, каковъ ты есть, мой Пьеръ,—отвѣтилъ Оливье съ полною искренностью.—Да, кромѣ того, чувственность не имѣетъ мѣста въ дружбѣ и занимаетъ огромное мѣсто въ любви, а моя чувственность—какая-то жестокая. Всѣ мои желанія были всегда злыя, моя страстность была всегда озлобленною, и я самъ не знаю, какіе звѣрскіе инстинкты просыпались во мнѣ всякій разъ, когда глубоко затронута бывала чувственность... Я не берусь ни оправдывать, ни объяснять это, но такъ было, и всѣ мои связи, съ первой до послѣдней, были отравлены этимъ страннымъ ферментомъ ненавистничества. Всѣ до послѣдней,—повторилъ онъ.—И послѣдняя-то въ особенности!... Было это въ Римѣ, два года назадъ. Если мнѣ казалось когда-нибудь, что я люблю по-настоящему, такъ, именно, въ этотъ разъ. Въ этомъ городѣ, единственномъ въ своемъ родѣ, я встрѣтилъ женщину, тоже единственную, ни чуть не похожую ни на одну другую женщину,—съ необычайно смѣлымъ умомъ, съ поразительно-дивнымъ сердцемъ, чуждую какой бы то ни было мелочности, чего бы то ни было низменнаго,—и красавицу, такую красавицу!... Моя гордость не ужилась съ ея гордостью. У этой женщины до меня были любовники... одинъ, по крайней мѣрѣ, былъ—русскій, убитый потомъ подъ Плевной. Про это я зналъ. И вотъ безумная ревность, безсмысленная, необъяснимая ревность къ мертвому, начала терзать меня, ожесточила меня противъ этой несчастной раньше перваго свиданія, съ перваго поцѣлуя... Я позволилъ себѣ грубости. Она была горда и кокетлива, отомстила мнѣ: взяла себѣ другого любовника, не покинувши меня,—возможно, впрочемъ, что это мнѣ показалось только, что̀, въ сущности, все равно... Дѣло въ томъ, что я по ея милости жестоко страдалъ, такъ страдалъ, что самъ покинулъ ее, бросилъ, не простился даже и поклялся никогда уже не искать ни волненій, ни радостей на подобномъ пути... Прожита была только половина жи-

зни. Все, что переиспыталъ я въ любви, до того истрепало меня, до того искалѣчило внутренно, такъ утомило, что я рѣшилъ покончить съ такою жизнью, перемѣнить ее на какую бы то ни было другую, въ твердомъ убѣжденіи, что хуже ничего уже быть не можетъ... Есть браки по разсудку, по любви, изъ приличій, изъ разсчета. А я женился изъ усталости, и думаю, что случается это совсѣмъ не рѣдко. Много рѣже сознаются въ этомъ, я же сознаюсь... Во мнѣ оригинально только одно: никогда я не кривлю душой передъ самимъ собой. Надѣюсь съ этимъ и въ гробъ лечь... Вотъ тебѣ вся моя исторія.

— Казалось, однако, будто ты любишь свою невѣсту?—спросилъ Пьеръ.—Если же ты ее не любилъ, или не воображалъ, что любишь, то не могъ ты, такой честный человѣкъ, какимъ я тебя знаю, связать ея жизнь съ своею...

— Я ее не любилъ,—отвѣтилъ Оливье.—Я не думалъ, что люблю ее. Я надѣялся полюбить. Я разсуждалъ такъ, что отъ близости съ этимъ существомъ, отличнымъ отъ другихъ, для меня новымъ, при жизни, нисколько не похожей на мою прежнюю жизнь, я узнаю чувства, которыхъ никогда не испыталъ. Да, еще разъ *я желалъ и пытался чувствовать*...—онъ подчеркнулъ эти слова съ особенною силой.—Таковъ недугъ конца вѣка и мой недугъ: это упорная, ожесточенная погоня за волненіями... Я говорилъ себѣ, чтобъ успокоить свою совѣсть: «Если я не женюсь на этой дѣвушкѣ, то на ней женится другой, одинъ изъ безчисленныхъ шалопаевъ, толкущихся на парижской мостовой, добирающихся только до приданаго. Не буду же я для нея худшимъ мужемъ»... А затѣмъ я надѣялся имѣть дѣтей, имѣть сына. Теперь и это, кажется, не расшевелило бы моего сердца. Опытъ законченъ. Для этого достаточно было шести мѣсяцевъ. Моя жена не любитъ меня, и я ее не люблю, никогда не полюблю. Вотъ и весь итогъ... Но ты правъ: остается еще во мнѣ честный человѣкъ, и онъ сдержитъ свое слово, насколько это въ его силахъ...

Онъ провелъ рукой по глазамъ и по лбу, какъ бы отгоняя страшныя думы, которыя только-что вызвалъ съ такою рѣзкою откровенностью, и заговорилъ спокойнѣе:

— Не знаю, для чего я пустился нагонять на тебя тоску моимъ нервозомъ съ первыхъ же минутъ нашего свиданія... А впрочемъ, пожалуй, и знаю. Все надѣлали этотъ лѣсъ, это голубое небо, воспоминанія о далекомъ быломъ нашей юности. Теперь конецъ. Не отвѣчай мнѣ, не утѣшай меня. Пусть вся желчь выливается внутрь...

И съ улыбкой, сдѣлавшейся опять открытою и нѣжною, онъ продолжалъ:

— Давай лучше поговоримъ о тебѣ... Что ты подѣлываешь? Какъ здоровье? Югъ тебя совсѣмъ исцѣлилъ, я вижу это по лицу. Но на этихъ берегахъ, если солнце вліяетъ благотворно, то скука изводитъ такъ основательно, что одно другого стòитъ.

— А я могу тебя завѣрить, что ничуть не скучаю!—отвѣтилъ Пьеръ.

Онъ понималъ, что Оливье не можетъ и не долженъ пускаться съ нимъ въ дальнѣйшія подробности относительно своей семейной жизни, и что самъ онъ, въ роли друга и утѣшителя, до крайности опечаленный всѣмъ выслушаннымъ, обязанъ не касаться сердечныхъ ранъ товарища до тѣхъ поръ, пока онѣ не сдѣлаются менѣе болѣзненными и мучительными. Что же оставалось дѣлать Хотфейлю, какъ не удовлетворить любопытство своего друга? Да и необходимо было подготовить Дю-Прата на случай, еслибъ онъ задержался здѣсь на нѣсколько дней, къ его, Пьера, частымъ отлучкамъ изъ дому, къ его визитамъ, а потому онъ продолжалъ:

— Что я подѣлываю? Да и самъ не знаю хорошенько, живу, какъ всѣ, въ обществѣ бываю немного больше, чѣмъ всегда. Ты недостаточно знаешь Канны, чтобы судить, какой это милый городокъ,—ты пробылъ здѣсь слишкомъ недолго. Всѣ живутъ тутъ маленькими кружками. Надо принадлежать къ одному или двумъ изъ нихъ, чтобы мѣстечко это показалось пріятнымъ. Я попалъ очень удачно въ лучшій изъ всѣхъ... *Теннисъ* и *гольфъ,* чаи въ пять часовъ, обѣды то у одного, то у другого,— глядишь, уже весна наступила прежде, чѣмъ успѣешь замѣтить, что прошла зима... А кромѣ того, есть и *yachting,*— такъ, напримѣръ, я получилъ твою телеграмму изъ Каира въ Генуѣ, во время прогулки на яхтѣ одного американца, нѣкоего господина Марша. Я познакомлю тебя съ нимъ, это большой оригиналъ, и тебя онъ займетъ.

— Весьма сомнѣваюсь въ этомъ,—сказалъ Оливье.—Американцы и я совсѣмъ не подходимъ другъ къ другу. Безполезная энергія этихъ людей утомляетъ меня, когда я лишь вспоминаю о ней... И сколько ихъ, и откуда они только берутся! Довольно я насмотрѣлся на нихъ въ Каирѣ и на Нилѣ, на мужчинъ и на женщинъ: всѣ богаты, всѣ здоровы, всѣ неутомимы, всѣ образованы, всѣ осматриваютъ все, все понимаютъ, все знаютъ, все глотаютъ и переваривають... И всѣ совершали, совершаютъ или повторяютъ путешествіе вокругъ свѣта. На меня они производятъ, нравственно, такое же впечатлѣніе, какъ ярмарочные фокусники, которые

проглатываютъ у васъ на глазахъ сырого цыпленка, сапожную подошву, дюжину ружейныхъ пуль и запиваютъ все это стаканомъ воды... Въ какую утробищу наваливаютъ они невообразимую окрошку разнообразнѣйшихъ впечатлѣній,— это непостижимо. Во всякомъ случаѣ, твой янки, должно быть, иного сорта, такъ какъ понравился тебѣ... Какую же особу, царствующую или выставленную съ трона, каталъ онъ на своей яхтѣ?

— Никакой!—отвѣтилъ Хотфейль, очень довольный тѣмъ, что мизантропія друга начинаетъ проясниваться юморомъ.— Была съ нами его племянница, миссъ Флоранса, обладающая отчасти такимъ же страусовымъ желудкомъ, надъ которымъ ты потѣшаешься: она живописецъ, она археологъ, она химикъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она отличнѣйшая дѣвушка. Была еще венеціанка, маркиза Бонакорси, олицетворенный Веронезъ...

— Такихъ предпочитаю въ рамкахъ,—отозвался Оливье.— Эти сходства итальянокъ съ картинами великихъ мастеровъ доводили меня до отчаянья въ Римѣ. Входишь въ салонъ, на диванѣ образчикъ Луини бесѣдуетъ съ образцомъ Корреджіо. Подходишь ближе, оказывается, что Луини передаетъ Корреджіо содержаніе послѣдняго французскаго романа, по большей части до крайности грязнаго и невообразимо глупаго, а Корреджіо слушаетъ Луини съ такимъ наслажденіемъ, что навсегда могутъ опротивѣть всѣ красавицы обоихъ художниковъ!... Но, все-таки, на вашемъ кораблѣ былъ недурной подборъ космополитическаго кружка: двое американцевъ, одна итальянка, одинъ французъ... Были еще представители другихъ народовъ?

— Представители опять-таки Франціи или, вѣрнѣе, Парижа и Австріи. Иныхъ народовъ не было. Отъ Парижа — супруги Шези. Жену ты знаешь: Ивонна... Для тебя это звукъ пустой?... Урожденная мадемуазель Бресюиръ...

— Та, на которой твоя сестра хотѣла меня женить, которая декольтировалась до поясницы и въ шестнадцать лѣтъ размалевывала мордочку? Кто ея любовникъ?

— Да она самая честная женщина въ мірѣ! — возразилъ Хотфейль.

— Стало-быть, очень плохая представительница Парижа,— сказалъ Оливье.— Перейдемъ къ Австріи...

— Австрія...—началъ Пьеръ.

Онъ съ секунду колебался. Хотфейль зналъ, что рано или поздно ему придется выговорить дорогое имя при Дю-Пратѣ, и о поѣздкѣ на яхтѣ онъ заговорилъ для того, чтобы выговорить имя ба-

ронессы при первой же бесѣдѣ. И вдругъ ему стало страшно. Какіе комментаріи вызоветъ имя обожаемой женщины со стороны его, надо всѣмъ насмѣхающагося друга. Вотъ отчего голосъ Пьера слегка вздрогнулъ, когда онъ повторилъ:

— Австрія?...—и продолжалъ:—Ея представительницей была баронесса де-Карлсбергъ, которую ты встрѣчалъ въ Римѣ. Мы съ нею не разъ говорили о тебѣ.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Оливье, — я видалъ ее въ Римѣ.

Въ свою очередь онъ тоже слегка растерялся. Услыхавши эти фразы, произнесенныя устами друга въ тиши лѣса, подъ нѣжный шепотъ сосенъ, похожій на призывъ какого-то далекаго голоса, Дю-Пратъ такъ сильно взволновался, что измѣнился въ лицѣ. Его растерянность, перемѣна въ лицѣ, самый отвѣтъ Оливье должны бы были навести Хотфейля на мысль о какой-то тайнѣ. Но онъ не смѣлъ взглянуть на друга, который быстро справился съ своими нервами и продолжалъ:

— Да, какъ же, вѣдь, у эрцгерцога есть вилла въ Каннахъ... Развѣ жена теперь съ нимъ живетъ?

— А она расходилась съ нимъ?—спросилъ Пьеръ.

— Легально—нѣтъ, фактически—да,—отвѣтилъ Оливье.

Онъ былъ слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ для того, чтобы позволить себѣ малѣйшее злословіе относительно женщины, любовникомъ которой онъ былъ когда-то. Горькая и глубокая непріязнь къ ней, оставшаяся у него на сердцѣ, выразилась въ странномъ изворотѣ: не имѣя возможности, не желая дурно говорить о ней, Оливье принялся восхвалять самаго ненавистнаго ей человѣка, ея мужа.

— Изъ-за чего они не ладили,—говорилъ Дю-Пратъ,—я никогда не могъ узнать, такъ какъ она очень умна, а онъ—прямо выдающійся человѣкъ. Только три или четыре человѣка, онъ, бразильскій императоръ, князь Монако и баварскій принцъ заняли видныя мѣста въ наукѣ. Повидимому, онъ ученый и настояцій ученый.

— Онъ можетъ быть самымъ настоящимъ ученымъ,—возразилъ Хотфейль,—этого я не отрицаю, но онъ отвратительнѣйшій человѣкъ. Еслибъ ты видѣлъ его, какъ я видѣлъ, въ салонѣ жены продѣлывающимъ сцену, какую онъ ей сдѣлалъ въ присутствіи шести постороннихъ лицъ, ты подивился бы тому, какъ эта женщина выноситъ жизнь съ такимъ чудовищемъ, и ты пожалѣлъ бы ее.

На этотъ разъ онъ говорилъ съ пламеннымъ убѣжденіемъ. При какихъ бы ни было условіяхъ, слишкомъ явно выказавшееся участіе Пьера, всегда очень сдержаннаго, должно было удивить Оливье.

И тѣмъ сильнѣе изумилъ и поразилъ его задушевный тонъ друга, что самъ онъ былъ далеко не спокоенъ. Онъ взглянулъ на Хотфейля и подмѣтилъ совершенно новое, незнакомое выраженіе на его лицѣ, всѣ измѣненія котораго онъ зналъ изъ года въ годъ съ дѣтства. Точно въ мелькнувшемъ внезапно яркомъ свѣтѣ, онъ увидалъ не всю правду, но достаточно правды для того, чтобы сильно встревожиться. «Ужъ не любитъ ли онъ ее?...» Этотъ вопросъ сложился въ его умѣ самъ собою, какъ будто чей-то чужой голосъ прошепталъ его, независимо отъ воли Дю-Прата. Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданнъ и такъ страшенъ, что за нимъ моментально послѣдовала реакція: «Съ ума я схожу,—говорилъ себѣ Оливье,—невозможно это...» И въ то же время онъ чувствовалъ, что у него силъ не хватаетъ распрашивать Пьера о томъ, какъ онъ познакомился съ баронессой де-Карлсбергъ, что это была за экскурсія въ Генуую, какую жизнь вела баронесса въ Каннахъ. Иногда находитъ полная неспособность разузнавать, когда дѣло идетъ о предположеніяхъ, затрогивающихъ слишкомъ нѣжныя и наиболѣе уязвимыя стороны сердца. Оливье отвѣтилъ просто:

— Вѣроятно, ты правъ. Я говорилъ лишь по слухамъ.

И разговоръ продолжался, причемъ имя баронессы Эли не было уже произнесено ни разу. Друзья говорили о путешествіяхъ по Италіи и по Египту. Но разъ наблюдательность насторожилась, она уже не успокоивается подъ вліяніемъ нашей воли. Точно какая-то инстинктивная и не поддающаяся контролю сила совершаетъ свою работу въ насъ, вокругъ насъ, независимо отъ насъ, до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ она своей жажды узнать правду. Во все продолженіе далекой прогулки, по возвращеніи назадъ, во время обѣда и послѣ обѣда, непроизвольно, непрерывно, болѣзненно, до крайности напряженное вниманіе Оливье не отрывалось отъ Пьера. Это было какое-то полное внутреннее раздвоеніе; Дю-Пратъ шутилъ, отвѣчалъ женѣ, отдавалъ приказанія, а всѣ чувства его были насторожѣ, и передъ нимъ десятками раскрывались различные признаки, которыхъ онъ не замѣчалъ вначалѣ, отдавшись радости свиданія съ другомъ, потомъ своимъ воспоминаніямъ и разсказу о собственной жизни.

Начать съ того, что во всей внѣшности Пьера, въ его взглядахъ, въ чертахъ лица, въ движеніяхъ, въ манерѣ держать себя, проскальзывалъ неопредѣленный, но несомнѣнный оттѣнокъ болѣе возмужалой, болѣе окрѣпшей индивидуальности. Прежняя, всего дичащаяся, робость уступила мѣсто гордой сдержанности, которую даетъ молодымъ людямъ, деликатнымъ и романтическимъ,

увѣренность въ томъ, что они любимы. Затѣмъ былъ еще важнѣйшій и неотразимѣйшій признакъ тайнаго счастья: искрящійся въ самой глубинѣ глазъ нѣжный восторгъ и безпрерывно набѣгающая потерянность взгляда. Никогда прежде, разговаривая съ другомъ, Оливье не видалъ его такимъ разсѣяннымъ, «гдѣ-то витающимъ», забывающимся. Влюбленные всѣ таковы. Они говорятъ съ вами, вы съ ними говорите, а они ни себя не слышатъ, ни васъ. Ихъ дума уносится куда-то вдаль. И думы Пьера уносили его на палубу корабля, залитую луннымъ свѣтомъ, на широкую лѣстницу стараго итальянскаго палаццо, подъ тѣнь камелій виллы Гельмгольцъ,— далеко-далеко отъ маленькаго стола въ столовой отеля, отъ мадамъ Дю-Пратъ, которой онъ забывалъ налить стаканъ, отъ Оливье, котораго онъ переставалъ даже видѣть!... Вдобавокъ ко всему, оказывались на-лицо нѣкоторыя мелочи мужскихъ украшеній, ничтожные пустяки, по которымъ распознается милое баловство женщины, желающей, чтобы въ каждомъ движеніи своемъ ея любовникъ находилъ ласку воспоминанія о ней. У Пьера на мизинцѣ было кольцо, котораго его-другъ никогда не видалъ у него,—двѣ золотыхъ перевившихся змѣйки съ изумрудными головками. На часовой цѣпочкѣ Пьера была медалька святого Георгія, которой прежде у него не было. Когда онъ вынималъ платокъ, отъ него пахло такими духами, какихъ онъ не употреблялъ прежде... Оливье достаточно пережилъ лично на своемъ вѣку любовныхъ приключеній для того, чтобы по такимъ признакамъ не распознать тотчасъ же вліянія женщины. Эти признаки дополняли собою остальное: необъяснимую близость Пьера къ Корансецу, его увлеченіе космополитическимъ кружкомъ, внезапную его склонность къ легкомыслію, его видимую симпатію ко всему, что наиболѣе должно было шокировать его въ Каннахъ... Возможно ли было не сопоставить всѣ эти факты и не вывести изъ нихъ заключенія, что Пьеръ влюбленъ? Но въ кого? Горячность его нападенія на эрцгерцога доказывала ли, что онъ влюбленъ въ баронессу Эли? Не такъ же ли горячо защищалъ онъ мадамъ де-Шези, прославлялъ красоту мадамъ Бонакорси и привлекательность миссъ Маршъ?... Въ то время, какъ Оливье съ крайнимъ и почти инстинктивнымъ напряженіемъ нервовъ, воображенія и логическаго мышленія, изучалъ Хотфейля, эти три имени приходили ему на умъ одно за другимъ. О, какъ онъ желалъ, чтобы какое-нибудь еще указаніе, хотя бы единственное, но неопровержимое, дало бы ему возможность отклонить, уничтожить первое предположеніе, мимолетно пронесшееся, но томившее его неотступно, какъ самый тяжелый, самый ужасный кошмаръ!

Около одиннадцати часовъ Пьеръ ушелъ подъ тѣмъ предлогомъ, что надо дать покой путешественникамъ. Тогда-то, простившись съ женой, Оливье почувствовалъ, что физически не въ состояніи выносить такой неизвѣстности. Не рѣдко въ прежніе годы, когда Пьеръ и онъ бывали вмѣстѣ въ деревнѣ, и одинъ изъ нихъ страдалъ безсонницей, то шелъ будить другого, и оба отправлялись бродить ночью, коротать время въ нескончаемыхъ разговорахъ. Оливье подумалъ, что такимъ, именно, способомъ онъ всего вѣрнѣе отдѣлается отъ подозрѣнія, которое вновь начинало наступать на него и которое,—по непостижимой для него самого причинѣ,—возмущало его, безсмысленно, жестоко, почти до бѣшенства. Да, ему легче станетъ, если онъ поговоритъ съ Хотфейлемъ,—рѣшилъ Оливье, самъ не зная, какъ онъ это сдѣлаетъ и что скажетъ Пьеру. Элементарнѣйшая деликатность не допускала съ его стороны ни одного слова, которое могло бы возбудить тревогу Пьера, каковы бы ни были его отношенія къ Эли де-Карлсбергъ. Но мало ли какія случайности возможны при интимныхъ бесѣдахъ! Одна какая-нибудь интонація, одинъ взглядъ, одинъ жестъ можетъ оказаться страстно желаемымъ доказательствомъ, послѣ котораго исчезнетъ безъ слѣда всякая мысль о возможности увлеченія Пьера его бывшею любовницей. Дю-Пратъ былъ уже въ постели, когда все это пришло ему въ голову. Автоматически и не раздумывая больше, онъ всталъ, прошелъ по огромной лѣстницѣ отеля, полутемной и пустынной въ этотъ часъ, и постучалъ въ дверь комнаты Хотфейля. Отвѣта не было. Онъ постучалъ еще разъ,—то же молчаніе. Ключъ оставался въ замкѣ, Оливье вошелъ. При блескѣ луны, заливавшей черезъ открытое окно яркимъ свѣтомъ всю комнату, онъ увидалъ, что постель не смята. Пьера не было дома.

Почему Оливье почувствовалъ вдругъ, какъ замерло его сердце и охватила его такая невообразимая тоска? Онъ облокотился на окно, окинулъ взглядомъ громадный горизонтъ, ясную прелесть южной ночи, трепетныя звѣзды на нѣжномъ бархатѣ голубого неба, золотистое отраженіе луны въ дрожащей зыби моря, городскіе огни, сверкающіе сквозь темную массу садовъ. Теплый вѣтерокъ приносилъ ароматы лимонныхъ деревьевъ въ цвѣту, нѣжащіе, опьяняющіе до головокруженія. Что за дивная ночь для любовника, спѣшащаго на свиданіе! Что за чудная ночь для влюбленнаго, бродящаго безцѣльно, отдавшись мечтамъ о любимой женщинѣ!... Былъ ли онъ только влюбленнымъ и мечталъ въ эту минуту въ ароматной тиши пустынныхъ тропинокъ?... Не разгадать этого! Оливье припоминалъ видѣнныхъ имъ итальянокъ и американокъ, пытаясь

представить себѣ въ идеальныхъ образахъ маркизу Бонакорси и миссъ Флорансу Маршъ. Все было напрасно! Воображеніе его неудержимо и безраздѣльно уносилось къ Эли де-Карлсбергъ,—къ женщинѣ, красота которой такъ хорошо была ему извѣстна, къ недавней любовницѣ, все еще заставлявшей трепетать его сердце... И съ подавленнымъ вздохомъ въ чистомъ покоѣ ночи пронесся его горькій шепотъ.

— А! если онъ ее любитъ, какое несчастье! Боже мой, какое несчастье!...

И этотъ вздохъ, и этотъ шепотъ затерялись въ мягкомъ, сладострастномъ вѣяніи ночи, и не донеслись они до того, кто былъ безсознательнымъ ихъ виновникомъ, кто въ эту минуту, пробравшись сквозь чащу парка виллы Гельмгольцъ, какъ разъ уже дѣлалъ это, подходилъ къ двери теплицы. Тамъ ждала его женщина, трепещущая отъ любви и страха... Что наводило на нее ужасъ? Отнюдь не боязнь быть застигнутой на этомъ свиданіи, смѣлость Эли не знала такихъ слабостей. Но Эли извѣстно было, что Оливье пріѣхалъ, что онъ все время былъ съ Пьеромъ, говорилъ съ нимъ; она не сомнѣвалась въ томъ, что ея имя было произнесено въ ихъ разговорѣ. Она была убѣждена, что Пьеръ не выдалъ ихъ тайны. Но онъ такъ молодъ, такъ наивенъ, такъ чистъ душою, а тотъ—слишкомъ проницателенъ и догадливъ!—И вотъ ей предстоитъ узнать, угадалъ или нѣтъ Оливье его любовь, пытался или нѣтъ этотъ человѣкъ предостеречь Пьера, вооружить противъ нея и тѣмъ отомстить ей... Когда она услыхала осторожные и тихіе шаги Пьера, ея сердце забилось такъ сильно, что ей казалось, будто его удары громко раздаются по теплицѣ!... Пьеръ тутъ, Эли сжимаетъ его руку, чувствуетъ, что онъ отвѣчаетъ такимъ же довѣрчивымъ пожатіемъ. Эли ищетъ его губы, и ихъ уста сливаются въ поцѣлуѣ, въ которомъ она распознаетъ, что онъ ей принадлежитъ, что онъ весь ея, до глубины души своей. *Тотъ ничего не сказалъ!* И слезы покатились по щекамъ влюбленной женщины, горячія слезы, которыя любимый человѣкъ отиралъ поцѣлуями, говоря нѣжно:

— Ты плачешь?... Что съ тобой?

— Я люблю тебя,—отвѣтила она,—это слезы радости...

VIII.

Другъ и любовница.

Оливье Дю-Пратъ думалъ, что очень хорошо знаетъ себя. Такова была одна изъ его претензій, и она часто оправдывалась. По

своимъ вкусамъ, по маніи вѣчно копаться въ собственной жизни, по жаждѣ волненій и безсилію сдержаться на чемъ-либо одномъ, по безплодной ясности самооцѣнки и чрезмѣрной снисходительности къ дурнымъ, безпокойнымъ и ненасытнымъ наклонностямъ собственной натуры, онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—какъ заявилъ о томъ Хотфейлю,—настоящимъ сыномъ конца вѣка. Переживаемое нами время, глубоко и трагически тревожное, наложило на него свою роковую печать, несомнѣнный признакъ декаденства цѣлой расы: *онъ не умѣлъ выздоравливать*. Сила жизни, какъ для тѣла, такъ для духа, какъ для страны, такъ и для одного человѣка, не въ томъ, чтобы ранъ не было,—она доказывается способностью выздоравливать отъ нанесенныхъ ранъ. Этой способности Оливье былъ абсолютно лишенъ, до такой степени лишенъ, что отдаленнѣйшія непріятности дѣтства, когда онъ вспоминалъ о нихъ черезъ много лѣтъ, представлялись ему такъ живо, что причиняли ему страданія. Напоминая Пьеру, наканунѣ, о ихъ прогулкѣ въ деревнѣ, онъ просто думалъ вслухъ, какъ думалъ онъ про себя постоянно, перебирая и разбирая съ болѣзненною напряженностью воображенія часы и минуты, давнымъ-давно прошедшіе, возстановляя ихъ, оживляя и вновь переживая, истощая въ себѣ самомъ безпрерывными повтореніями былыхъ впечатлѣній всякую впечатлительность къ настоящему. Онъ никогда не давалъ зажить тѣмъ мѣстамъ, которыя въ немъ когда-либо были уязвлены, и самыя старыя его раны постоянно готовы были открыться и болѣть жестоко.

Эта несчастная особенность его характера вызвала бы въ немъ очень сильное волненіе при встрѣчѣ съ баронессой де-Карлсбергъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ лучшій другъ его юности нисколько не былъ замѣшанъ въ дѣло, и точно также взволновался бы Оливье, еслибъ узналъ, что этотъ другъ влюбленъ въ какую-нибудь другую женщину. Онъ зналъ крайне нѣжное сердце Пьера, его безпомощную и опасную неопытность! И въ этомъ Дю-Пратъ былъ опять-таки жертвою аномаліи своей ретроспективной чувствительности: дружба, доходящая до такой экзальтаціи, въ какой она проявлялась у Оливье къ Хотфейлю, вполнѣ естественна въ восемнадцать лѣтъ, а уже никакъ не въ тридцать. Только въ ранней юности, когда душа такъ невинна, свѣжа и чиста, возникаютъ, чтобъ исчезнуть очень скоро, товарищескія обожанія, энтузіазмы душевнаго братства, страстныя дружбы, беззавѣтныя, абсолютныя. Впослѣдствіи различіе интересовъ и жизненный опытъ слишкомъ обособляютъ личность для того, чтобы не стала она одинокою. Полное единеніе двухъ душъ возможно только подъ вліяніемъ волшебной силы

любви, и сердце перестаетъ довольствоваться дружбой. И отодвигается она, дружба молодости, на второй планъ, въ рядъ съ семейными привязанностями, которыя въ свое время тоже наполняли собою все сердце ребенка и подростка. Бываютъ, однако, люди,—и къ ихъ числу принадлежалъ Оливье,—у которыхъ впечатлѣніе, произведенное дружбой въ восемнадцать лѣтъ, оказывается слишкомъ сильнымъ, слишкомъ глубокимъ и, въ особенности, настолько нѣжнымъ, что превращается въ нѣчто незабываемое и, въ буквальномъ смыслѣ слова—ни съ чѣмъ несравнимое. Этого сорта люди могутъ испытать потомъ самыя жгучія страсти, пережить всевозможные пароксизмы любовной горячки, пройти черезъ самыя отчаянныя приключенія, и все-таки не въ этомъ будетъ заключаться истинный романъ ихъ чувствъ. Онъ разыгрывался въ часы ихъ вступленія въ жизнь, когда они мысленно неслись къ будущему съ товарищемъ по Идеалу, съ братомъ, ими избраннымъ, съ кѣмъ они успѣли осуществить чудную басню Ла-Фонтена,—полное единеніе умовъ, стремленій, надеждъ:

L'un ne possédait rien qui n'appartînt à l'autre *)...

И это товарищество по Идеалу было скрѣплено священными узами: Оливье и Пьеръ были не только братьями по мечтамъ, они были братьями по оружію. Обоимъ минуло девятнадцать лѣтъ въ 1870 году. При первой вѣсти о страшномъ національномъ крушеніи, оба поступили въ военную службу и вмѣстѣ бились съ врагами. По первому снѣгу, въ зиму этого ужаснаго года, они сражались на Луарѣ, и то было какъ бы героическимъ крещеніемъ двухъ товарищей-школьниковъ, ставшихъ солдатами въ одномъ батальонѣ. Тутъ они научились уважать другъ друга столько же, сколько другъ друга любили, рискуя жизнью бокъ-о-бокъ, просто, смѣло, безвѣстно. У обоихъ воспоминанія юности сохранились нетронутыми и живыми, но у Оливье—въ большей мѣрѣ. То были единственныя его воспоминанія, къ которымъ не примѣшивалось никакой горечи, ничего грязнаго. До нихъ, оставшись круглымъ сиротой на произволъ дяди-опекуна, страшнаго эгоиста, Оливье видѣлъ въ семьѣ только дурное. Послѣ нихъ, чувственный и ревнивый, подозрительный и деспотичный, онъ извѣдалъ въ любви только озлобленія и непріятности. Нужно ли добавлять еще что-нибудь для объясненія того, до какой степени этотъ непослѣдовательный и

*) Все, что одинъ имѣлъ, принадлежало и другому.

страстный, безпокойный и разочарованный человѣкъ долженъ былъ волноваться отъ одной мысли, что какая-нибудь женщина станетъ вдругъ между нимъ и его другомъ, и каково же будетъ ему, если такою женщиной окажется баронесса де-Карлсбергъ, ненавистная ему, презираемая имъ, безповоротно имъ осужденная когда-то?

Въ теченіе ночи, слѣдовавшей за вечеромъ этого перваго подозрѣнія и сполна проведенной въ обсужденіи возможности сердечныхъ отношеній между Эли и Хотфейлемъ, воображенію Оливье представлялись двѣ точно опредѣленныя данныя, за которыя можно было ухватиться: это—характеръ друга и характеръ бывшей любовницы. Характеръ друга давалъ основаніе всего бояться за него; характеръ баронессы давалъ поводъ всего опасаться отъ нея. По этому пункту чувства его были крайне сложны. Онъ убѣжденъ былъ, что у Эли де-Карлсбергъ былъ любовникъ до него, и Оливье сильно страдалъ отъ этого. Онъ былъ увѣренъ, что она имѣла любовника одновременно съ нимъ, и потому бросилъ ее. И въ томъ, и въ другомъ онъ ошибался, но ошибался искренно, на основаніи проявленій ея кокетства, вполнѣ достаточныхъ для убѣжденія ревнивца. Изъ-за этой двойной увѣренности онъ сохранялъ къ ней презрительную злобу, то неизгладимое чувство горечи, которое побуждаетъ насъ позорить мысленно образъ той, къ кому,— съ отчаяніемъ въ душѣ, мы сознаемъ это, — мы не можемъ сдѣлаться совершенно равнодушными. Оливье счелъ бы за большое несчастье для какого бы то ни было мужчины связь съ подобною женщиной, и вотъ ему представляется возможнымъ, что она влюбила въ себя его друга или, по крайней мѣрѣ, что можетъ его влюбить. Относясь къ такого рода женщинамъ съ предвзятымъ недоброжелательствомъ, съ крайнимъ неуваженіемъ, Оливье долженъ былъ также предчувствовать то, что на самомъ дѣлѣ было, но лишь на самое короткое время! Эли злилась на него за то, что онъ ее бросилъ. У нея осталось къ нему такое же враждебное чувство, какое оставалось у него къ ней. Случай свелъ ее съ его лучшимъ другомъ, съ Пьеромъ Хотфейлемъ, про котораго онъ часто говорилъ ей съ восторгомъ. Она должна была желать отомстить, отплатить такою местью, которая была бы такою точно, какова она сама,—преступною, утонченною и жестоко, безпощадно умною!... Такъ разсуждалъ Дю-Пратъ, и хотя, кромѣ гипотезъ, ничего у него не выходило, возня съ этими мыслями причиняла ему страданія и въ то же время имѣла для него неотразимую привлекательность, которая ужаснула бы его самого, еслибъ онъ былъ въ состояніи дать себѣ въ этомъ подлинный отчетъ. Предполагать, что баронесса де-Карлсбергъ мстила ему, да еще такимъ хитро разсчитаннымъ

способомъ, значило предполагать, что она не забыла его. Извороты человѣческаго сердца поразительно странны: такъ, Оливье во все время ихъ связи не переставалъ оскорблять свою любовницу, самъ бросилъ ее, не простившись, женился на основаніи зрѣлыхъ размышленій, съ твердымъ рѣшеніемъ быть вѣрнымъ мужемъ, и все-таки мысль, что прежняя любовница до такой степени занята имъ, щекотала его самолюбіе. Въ такихъ людяхъ, какъ онъ, безъ твердо опредѣленныхъ принциповъ и постоянно выбиваемыхъ изъ колеи толчками повторныхъ впечатлѣній отъ очень далекаго прошлаго, всякій нравственный кризисъ усложняется множествомъ разнородныхъ и противоположныхъ элементовъ. И въ данномъ случаѣ надлежитъ добавить, что Оливье переживалъ одинъ изъ худшихъ моментовъ, выдающихся въ супружеской жизни. Въ бракахъ изъ-за утомленія, подобныхъ тому, въ какомъ сознавался Оливье, тотчасъ же наступаетъ расплата за обусловившій ихъ отвратительный эгоизмъ,—расплата въ видѣ кары, болѣе тяжелой, чѣмъ самая тяжелая катастрофа: въ видѣ глубокой, неизлѣчимой скуки. Человѣкъ, который въ тридцать лѣтъ вообразитъ, будто навсегда опостылѣли ему страсти, который приметъ такое отвращеніе за умудренность жизнью и вздумаетъ, какъ говорятъ, остепениться, очень скоро узнаетъ, что страсти, опротивѣвшія ему, такъ же необходимы ему, какъ морфинъ морфинисту, у котораго отняли шприцъ Праваца, какъ водка алкоголику, котораго засадили на ключевую воду. Онъ впадаетъ въ тоску о тѣхъ самыхъ нездоровыхъ впечатлѣніяхъ, весь губительный вредъ которыхъ онъ самъ призналъ и осудилъ. Если заимствовать грубое, но очень подходящее сравненіе у новѣйшей патологіи, такой субъектъ становится благопріятнѣйшею почвой для культуры всѣхъ болѣзнетворныхъ зародышей, носящихся въ окружающей его атмосферѣ,—и у такихъ людей, какъ разъ въ то время, когда все предвѣщаетъ, повидимому, полное умиротвореніе, наступаютъ пертурбаціи, подобныя тѣмъ, что совершались въ Оливье, настолько быстрыя и поражающія, что свидѣтели и жертвы такихъ внезапныхъ взрывовъ болѣзни скорѣе теряются, чѣмъ приходятъ въ отчаяніе.

Итакъ, всю ночь онъ провелъ, обсуждая самъ съ собою все, значительное и ничтожное, подмѣченное имъ въ теченіе дня и вечера съ того момента, какъ увидалъ онъ нежданную короткость Пьера съ Корансецомъ, и до той минуты, когда, войдя въ комнату Хотфейля въ надеждѣ получить объясненія, онъ нашелъ эту комнату пустою. Къ пяти часамъ онъ заснулъ короткимъ и тяжелымъ сномъ, какимъ спится утромъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Оливье

видѣлъ сонъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій думамъ, томившимъ его безсонницей, что было довольно естественно, но, тѣмъ не менѣе, еще болѣе усилило его тревогу нѣкоторымъ подобіемъ предчувствія. Ему снилось, будто онъ съ Эли де-Карлсбергъ въ Римѣ, въ маленькомъ салонѣ дворца, гдѣ она принимала его въ былое время. Вдругъ входитъ въ комнату его жена и ведетъ за руку Хотфейля. Пьеръ останавливается въ ужасѣ, хочетъ закричать и не можетъ: съ нимъ параличъ,—отнялась нога, лѣвый глазъ вышелъ изъ орбиты, ротъ перекосился, безъ звука, безъ слова... Впечатлѣніе, произведенное этимъ кошмаромъ, было такъ сильно, что Оливье не въ состояніи былъ отъ него избавиться, даже проснувшись. Ему настолько нехорошо было, что онъ захотѣлъ выйти изъ дому, не повидавшись съ женой. Онъ написалъ ей записку, въ которой говорилъ, что у него легкій мигрень, что онъ боится потревожить ея утренній покой, вернется около девяти часовъ къ первому завтраку, а если запоздаетъ, то проситъ его не дожидаться. Дю-Пратъ надѣялся прогулкою пѣшкомъ укрѣпить свои нервы на этотъ день, который,— онъ чувствовалъ это,— долженъ былъ разрѣшить всѣ недоумѣнія. Усиленное движеніе было для него лучшимъ лѣкарствомъ въ подобныхъ случаяхъ и на этотъ разъ оказалось бы, вѣроятно, хорошимъ средствомъ, если бы послѣ долгой ходьбы онъ не очутился къ десяти часамъ на углу улицы Антибъ, самомъ бойкомъ и фешенебельномъ мѣстѣ Каннъ. Длинная улица была въ этотъ часъ полна прохлады и тѣни, ее освѣжалъ и какъ бы оживлялъ легкій вѣтерокъ съ моря, приносящій съ собою что-то бодрящее въ жаркій воздухъ провансальскаго утра. Колеса экипажей, казалось, быстрѣе катятся, подковы лошадей ударяютъ торопливѣе по свѣтлой мостовой. Проходили молодые люди, по большей части англичане, дѣлающіе свой моціонъ послѣ *breakfast*'а и передъ *lunch*'емъ *). Они сходились съ молодыми женщинами и дѣвушками, съ которыми у нихъ, навѣрное, были условлены наканунѣ эти утреннія встрѣчи. Другіе спѣшно направлялись къ желѣзно-дорожной станціи, чтобы не пропустить поѣзда въ Ниццу и въ Монте-Карло. И всѣ—мужчины и женщины—своимъ видомъ, одеждами и манерами производили такое впечатлѣніе, что жизнь ихъ уходитъ на пустяки, но живется имъ весело, что̀ Оливье долженъ былъ чувствовать особенно сильно, такъ какъ самъ онъ жилъ еще недавно такою же точно жизнью. Такія утра рисовались въ его воспоминаніяхъ,—то было въ Римѣ, ровно два года назадъ. Да, небо

---

*) *Breakfast*—ранній завтракъ, *lunch*—второй завтракъ.

было такое же синее, какъ это небо. Въ узкихъ улицахъ коридорами проносилось такое же свѣжее дыханіе вѣтерка подъ знойнымъ солнцемъ. Экипажи и пѣшеходы двигались такъ же бодро, и самъ онъ былъ въ числѣ идущихъ пѣшкомъ. Направлялся онъ на свиданіе съ Эли и на площади Испаніи покупалъ цвѣты, чтобъ ими убрать помѣщеніе, гдѣ они сойдутся... Машинально, увлеченный воспоминаніями, онъ вошелъ въ цвѣточную лавку улицы Антибъ, показавшуюся ему на одну секунду римскимъ Корсо. Розы, гвоздики, нарцисы, анемоны, мимозы, фіалки ворохами букетовъ лежали на прилавкѣ, какъ чудные дары этого края, представляющаго собою сплошной громадный садъ по берегу моря отъ Гіера до Сенъ-Ремо. Магазинъ былъ полонъ дивнымъ ароматомъ, также напоминавшимъ тотъ, что Оливье вдыхалъ тогда въ минуты поцѣлуевъ. Молодой человѣкъ взялъ первый подвернувшійся подъ руку букетъ пунцовыхъ гвоздикъ и вышелъ изъ лавки. На улицѣ, съ цвѣтами въ рукахъ, онъ подумалъ: «Некому мнѣ принести ихъ теперь»... Въ то же время, какъ бы въ видѣ контраста, ему живо представились Пьеръ Хотфейль и баронесса де-Карлсбергъ, и ко всѣмъ волненіямъ, пережитымъ Дю-Пратомъ за послѣдніе шестнадцать часовъ, присоединилось новое и совершенно неожиданное: чисто-инстинктивная, безсмысленная ревность. Онъ пожалъ плечами и готовъ былъ швырнуть цвѣты на мостовую, но, поддаваясь ироніи въ-одиночку, которою онъ иногда облегчалъ чрезмѣрно давившую его тоску, онъ проговорилъ про себя:

— Самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ! Понесу цвѣты моей супругѣ. Они послужатъ оправданіемъ въ томъ, что я ушелъ, не поздоровавшись съ нею...

Когда онъ вошелъ въ маленькій салонъ ихъ номера въ отелѣ, чтобы заявить столь буржуазнымъ способомъ супружескую любезность, Берта сидѣла за письменнымъ столомъ. Она писала письмо длиннымъ, растянутымъ и безхарактернымъ почеркомъ на раскрытомъ дорожномъ бюварѣ. Вокругъ бювара въ порядкѣ были размѣщены разные мелкіе предметы: столовые часики, портреты въ кожаныхъ рамкахъ, адресная книга, блокъ-ноты, точно мадамъ Дю-Пратъ провела здѣсь не нѣсколько часовъ, а много недѣль. На ней былъ костюмъ для гулянья. Надѣла она его въ ожиданіи, что мужъ скоро вернется за нею и поведетъ показывать ей городъ. Затѣмъ, напрасно его прождавши, она принялась за свою корреспонденцію съ самымъ спокойнымъ видомъ, обманувшимъ Оливье. При его появленіи она ни малѣйшимъ движеніемъ не выразила своего неудовольствія или упрека. Ея вытянутое лицо осталось неизмѣнно хо-

лоднымъ и неподвижнымъ. Съ первыхъ же недѣль супружества мужъ и жена стали жить на положеніи нравственнаго отчужденія другъ отъ друга. Изъ всѣхъ видовъ супружескаго сожитія это самый неестественный и необычный для перваго времени. Надо быть очень крѣпко убѣжденнымъ въ неудачности брака для того, чтобы признать обоюдную вѣжливость единственнымъ средствомъ противъ несходства характеровъ. Она устраняетъ, по крайней мѣрѣ, непріятности ежедневной близости, столь же невыносимой при отсутствіи любви, сколько пріятна и необходима она въ счастливомъ супружествѣ. Но очень нерѣдко бываетъ, что, при самыхъ неудачныхъ бракахъ, такая вѣжливость прикрываетъ собою у одного изъ супруговъ всю силу пламенной страсти, затаенной лишь потому, что она не находитъ отклика! Такъ ли это было по отношенію къ Бертѣ Дю-Пратъ, двадцати-двухлѣтней женщинѣ, такъ хорошо владѣвшей собою, что она казалась вполнѣ равнодушною къ мужу? Страдала ли она отъ холодности мужа, ничѣмъ не выказывая этого? Будущее покажетъ, въ настоящемъ же это была свѣтская путешествующая женщина, безукоризненно корректная, спокойно подставившая лобъ для поцѣлуя своему господину и повелителю, безъ малѣйшей жалобы, безъ тѣни удивленія, когда онъ проговорилъ:

— Я пропустилъ часъ завтрака, надѣюсь вы меня не ждали. Чтобы заслужить прощеніе, я принесъ вамъ эти прекрасные цвѣты.

— Прелестные, на самомъ дѣлѣ,—отвѣтила Берта, поднося ихъ къ лицу и вдыхая ихъ ароматъ.

Пунцовый цвѣтъ крупныхъ гвоздикъ своими горячими, яркими тонами дѣлалъ особенно замѣтнымъ холодный цвѣтъ лица блондинки. Въ ея голубыхъ глазахъ свѣтился металлическій отблескъ, какъ будто никогда не омрачавшійся слезой, и, тѣмъ не менѣе, по тому, какъ она вдыхала тонкими вздрагивающими ноздрями пряный ароматъ цвѣтовъ, принесенныхъ ей мужемъ, легко было распознать нервность ея настроенія. Но никакого слѣда ея не было въ интонаціи голоса, которымъ она спросила Оливье:

— Вы ушли, ничего не поѣвши?... Нездорово это... Прошелъ вашъ мигрень? Вы плохо ночь провели, я слышала, какъ вы ходили.

— Мнѣ не спалось,—отвѣтилъ Оливье,—но это ничего. Чистый воздухъ этого прекраснаго утра подкрѣпилъ меня... Видѣли вы сегодня Хотфейля?—добавилъ онъ.

— Нѣтъ,—сухо отвѣтила Берта.—Какъ же я могла его видѣть? Я не выходила изъ комнаты...

— Онъ меня не спрашивалъ?

— Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ.

— Быть можетъ и онъ не хорошо себя чувствуетъ,—продолжалъ Оливье.—Если позволите, я пройду узнать о его здоровьѣ...

Онъ давно вышелъ изъ комнаты, а молодая женщина все еще сидѣла, склонивши голову на руку, въ той позѣ, въ которой она отвѣтила мужу: «До свиданія...»—Ея щеки пылали теперь, и если она не плакала, хотя на сердцѣ очень тяжело было, за то дыханіе ея сдѣлалось частымъ и прерывистымъ. Въ отсутствіе Оливье она становилась другою женщиной и уже сполна отдавалась странному чувству, которое она питала къ мужу. Это было чувство любви, оскорбленной, нераздѣляемой, которая не смѣла вылиться ни въ нѣжностяхъ, ни въ упрекахъ, томилась молчаливымъ и постояннымъ раздраженіемъ. При такомъ душевномъ настроеніи, явно пристрастная дружба Оливье къ Пьеру должна была представляться ей очень мало симпатичною, въ особенности же послѣ заѣзда въ Канны, замедлившаго ихъ возвращеніе, когда ей такъ хотѣлось скорѣе увидаться съ своею семьей. Но была и другая причина, побуждавшая молодую женщину враждебно относиться къ этой дружбѣ. Какъ всѣ женщины, вступающія при замужествѣ въ общество, совершенно иное, чѣмъ то, къ которому онѣ принадлежатъ сами, Берта страстно волновалась изъ-за прошлаго своего мужа. По милости одной полуоткровенности изъ тѣхъ, что вырываются у самыхъ сдержанныхъ мужчинъ въ первые дни послѣ свадьбы, мадамъ Дю-Пратъ узнала, что за послѣднее время холостой жизни Оливье испыталъ особенно жестокое разочарованіе въ любви. На основаніи другой полуоткровенности она поняла, что произошло это въ Римѣ и героиней была очень знатная иностранка. Оливье давно забылъ про свои неосторожныя фразы, но не забыла ихъ Берта. Она не удовольствовалась тѣмъ, что запомнила признанія мужа, что соединила ихъ одно съ другимъ, а дополнила ихъ мозаичною работой, мастерски удающеюся женщинамъ, вставляющимъ одну подробность тутъ, другую тамъ, подбирая ихъ крохотными кусочками въ самыхъ ничтожныхъ разговорахъ, чтобы подложить къ исторіи, часть которой имъ уже извѣстна. Этимъ способомъ онѣ добираются до такихъ выводовъ, какихъ не получить ни самому ловкому сыщику, ни самому опытному ученому. Оливье не подозрѣвалъ этой темной работы, совершавшейся въ умѣ Берты, и тѣмъ менѣе могло прійти ему въ голову, что его жена узнала имя неизвѣстной ей любовницы, слишкомъ замѣтное своею необыкновенностью. Вотъ какъ это случилось: передъ свадьбой Оливье уничтожилъ много писемъ, много сжегъ сухихъ цвѣтовъ и портретовъ. Потомъ,—такова всегда участь подобныхъ всесожженій,—рука у него не под-

нялась на нѣкоторыя изъ реликвій,—реликвій молодости, бурной и несчастной, но, все-таки, его молодости. Такимъ образомъ уцѣлѣла у него фотографическая карточка баронессы де-Карлсбергъ, снятой въ профиль. И этотъ профиль былъ такъ хорошъ, такъ чистъ, такъ похожъ на профиль античной медали, что у Дю-Прата не хватило духа сжечь портретъ, и онъ вложилъ его въ конвертъ. Чье-то нежданное посѣщеніе въ эту минуту вынудило его сунуть конвертъ съ фотографіей въ большой портфель, въ который онъ клалъ текущія дѣловыя бумаги. Потомъ онъ забылъ про это и вспомнилъ о портретѣ, когда уже былъ въ Египтѣ съ женой. Хотѣлъ онъ уничтожить его опять и на этотъ разъ не смогъ. Въ космополитическомъ мірѣ, гдѣ, по дипломатической службѣ, ему приходилось постоянно вращаться, вошло въ обыкновеніе, что женщины даютъ свои фотографіи съ собственными надписями добрымъ знакомымъ, иногда—даже просто случайнымъ знакомымъ, а слѣдовательно имя Эли, написанное подъ портретомъ, не могло ровно ничего доказывать. Берта никогда этого портрета не найдетъ, а еслибъ онъ и попался ей въ руки, то все дѣло кончится тѣмъ, что онъ скажетъ женѣ фамилію госпожи де-Карлсбергъ. Успокоившись на этомъ, онъ положилъ фотографію на прежнее мѣсто, а немного времени спустя случилось то, что̀ онъ считалъ мало вѣроятнымъ, и произошло это очень просто. Оливье ушелъ куда-то изъ отеля. Это было во время ихъ остановки въ Луксорѣ. Берта, не перестававшая и въ путешествіи вести свои счета съ врожденною и укрѣпленною воспитаніемъ мелочною аккуратностью, разыскивала какой-то счетъ, оплаченный мужемъ, и безъ малѣйшаго дурнаго умысла принялась рыться въ портфелѣ. Она нашла фотографію. Только вторая-то часть предположенія Оливье не сбылась,—жена ни о чемъ его не спросила. Присутствіе этого портрета въ бумагахъ Оливье, поразительная и странная красота изображеннаго на немъ женскаго лица, новость написаннаго на немъ чужеземнаго имени, изящество туалета, самое мѣсто, наконецъ, гдѣ сдѣланъ портретъ,—Римъ,—все подсказало Бертѣ, что это-то и есть таинственная соперница, занимавшая такое выдающееся мѣсто въ прошломъ ея мужа. Молодая жена слишкомъ часто вспоминала объ этомъ! Но какъ заговорить о портретѣ съ Оливье, не вызывая подозрѣнія въ томъ, что она умышленно, съ цѣлью шпіонства, рылась въ его бумагахъ? Да и о чемъ ей было спрашивать мужа, когда одну половину она уже знала, а другую угадала? Молодая женщина промолчала, затаивши на сердцѣ боязливое и смертельное любопытство.—И

этого достаточно было для того, чтобы, видя накапунѣ, какъ мужъ уходитъ съ лучшимъ другомъ своей молодости, она сказала себѣ: «Они будутъ говорить о *той*». Съ кѣмъ же и могъ всѣмъ откровенно дѣлиться Оливье, какъ не съ Пьеромъ Хотфейлемъ? Нужно ли было доискиваться еще иного повода для объясненія жестокой антипатіи Берты? Она видѣла, какимъ взволнованнымъ вернулся Оливье съ прогулки въ обществѣ своего друга. Молодая женщина рѣшила про себя: «Они говори о *той*». Ночью она слышала, какъ мужъ вставалъ и ходилъ по комнатѣ, и сказала себѣ: «Онъ думаетъ о *той*». И вотъ почему, оставшись въ комнатѣ одна, по уходѣ мужа, она продолжала сидѣть неподвижно, склонивши голову на руку, чувствуя, какъ страшно бьется въ ея груди сердце, готовое разорваться, нанавидя глубочайшею ненавистью Хотфейля, знавшаго то, что ей было неизвѣстно, и угадывая силою сосредоточенной мысли часть подлинной правды. Насколько было бы лучше для нея и для Оливье, и для всѣхъ, еслибъ тогда же она узнала всю правду!

Сердце Оливье билось тоже очень сильно, когда онъ постучалъ въ дверь Пьера и услыхалъ въ отвѣтъ: «Войдите»,— сказанное знакомымъ голосомъ, не откликнувшимся ему наканунѣ вечеромъ въ то время, какъ онъ жадно этого ждалъ на томъ же мѣстѣ. Въ одиннадцать часовъ Пьеръ былъ еще въ постели. Онъ сталъ весело оправдываться въ этомъ:

— Видишь, къ чему югъ насъ пріучаетъ... Я скоро дойду до того, что дѣлаетъ нѣкій Веретьевъ, проживающій здѣсь. На-дняхъ Корансецъ засталъ его въ постели въ пять часовъ дня. «Знаете,— говоритъ ему Веретьевъ,—въ Россіи встаютъ не очень раннимъ утромъ...»

— Это хорошо, что ты заботишься о своемъ здоровьѣ, — сказалъ Оливье,—послѣ болѣзни тебѣ надо поправляться.

Онъ проговорилъ эту фразу, чтобы скрыть смущеніе, и не зная, что сказать, и какъ онъ желалъ, чтобы Пьеръ отвѣтилъ ему разсказомъ о своемъ исчезновеніи изъ отеля прошедшею ночью! — Нѣтъ, ничего онъ не сказалъ, щеки Хотфейля слегка вспыхнули и только. Этого достаточно было для того, чтобы у Оливье не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно истинной причины отлучки друга. Изъ двухъ предположеній, промелькнувшихъ въ умѣ Дю-Прата, когда комната оказалась пустою, его мысль окончательно остановилась на одномъ. Ему ясно было до очевидности, что у Пьера есть любовница и что ночью онъ ходилъ на свиданіе съ этою

любовницей. Онъ видѣлъ передъ собою лицо друга, оставшееся очень моложавымъ, на которомъ замѣтны были слѣды нѣги и страстнаго утомленія, на его губахъ играла улыбка счастья. Оливье началъ говорить о чемъ попало и въ то же время внимательно вглядывался въ лицо своего друга. Страшную боль, почти физическую, причиняла ему мысль, что ласки, до сихъ поръ еще опьянявшія Пьера, могла расточать ему Эли,—и точно острый ножъ терзалъ ему грудь до того ужасно, что Оливье готовъ былъ застонать. Съ пламеннымъ инстинктомъ встревоженной дружбы, разбуженной ревности, незабытой любви, лихорадочнаго любопытства, онъ продолжалъ дѣлать свои безпощадныя и молчаливыя заключенія:—да, у Пьера есть любовница, и она свѣтская женщина, и женщина она не свободная. Доказательства тому—часъ ихъ свиданій, принимаемыя предосторожности и, въ особенности, какой-то неуловимый блескъ гордости своею дорогою тайной, мелькающій въ самой глубинѣ глазъ Пьера. Чтобы пройти къ этой женщинѣ, необходимо перебраться черезъ изгородь сада: вернувшись, Пьеръ бросилъ на комодъ мягкую фетровую шляпу, въ которой уходилъ ночью, и на ея поляхъ остались мелкіе обломки вѣтокъ, а на отворотѣ крошечная полоска зелени свидѣтельствовала о томъ, что онъ пробирался сквозь кусты, наклонивши голову. Около шляпы лежали вещи Пьера: его часы, ключи, кошелекъ, колечко, привлекавшее еще наканунѣ вниманіе Оливье,—двѣ перевитыя змѣйки съ изумрудными головками. Оливье всталъ, какъ бы желая пройтись по комнатѣ, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы разсмотрѣть колечко. Оно, неодолимо, болѣзненно, притягивало его къ себѣ. Проходя мимо комода и не переставая разговаривать, онъ взялъ его и съ секунду вертѣлъ въ рукахъ съ равнодушнымъ видомъ. Внутри колечка онъ прочелъ сдѣланную крошечными буквами надпись: *Ora e sempre*,—теперь и всегда.—Слова эти были повторены княземъ Фрегозо въ разговорѣ о безсмертіи греческаго искусства, и на память о поѣздкѣ въ Геную Эли приказала вырѣзать ихъ на вещицѣ, которую подарила своему возлюбленному. Оливье не имѣлъ никакого понятія о значеніи этого нѣжнаго напоминанія о часахъ счастья. Онъ, молча, положилъ кольцо на прежнее мѣсто. Но еслибъ въ его умѣ оставалось какое-либо недоумѣніе относительно того, что происходитъ въ немъ, всякое сомнѣніе исчезло бы передъ сознаніемъ моментально наступившаго облегченія. Внутри кольца не оказалось ничего такого, что могло бы имѣть отношеніе къ баронессѣ де-Карлсбергъ, какъ того ждалъ Оливье, и итальянскія слова навели его на новое предположеніе, что любовницей Пьера могла быть не ба-

ронесса Эли, а маркиза Бонакорси. Онъ подумалъ: «Опять я, кажется, сыгралъ роль собаки, гоняющейся за своею тѣнью...» И обращаясь къ другу, щеки котораго вторично вспыхнули румянцемъ, при осмотрѣ кольца, онъ спросилъ:

— Много здѣсь живетъ итальянцевъ?

— Я знакомъ только съ маркизой Бонакорси и съ ея братомъ Наварего... Да и тотъ — скорѣе англичанинъ какой-то, болѣе англійскій, чѣмъ всѣ здѣшніе англичане!...

Произнося имя венеціанки, Хотфейль опять покраснѣлъ. Онъ догадывался, въ силу какой ассоціаціи мыслей Оливье предложилъ ему свой вопросъ тотчасъ же послѣ того, какъ держалъ въ рукѣ кольцо, и прочелъ, конечно, надпись: — его другъ думалъ, что это подарокъ итальянки и никакой другой, разумѣется, какъ маркизы Андріаны. Другой на мѣстѣ Пьера обрадовался бы подобной ошибкѣ, сразу сбившей съ толку быстро возникшую подозрительность дю-Прата, Хотфейль же былъ слишкомъ правдивъ для того, чтобы не стѣсниться нравственно недоразумѣніемъ такого рода, компрометировавшимъ безукоризненную женщину, при свадьбѣ которой самъ же онъ былъ свидѣтелемъ... Его сконфуженность, внезапная краснота, чуть дрогнувшая въ голосѣ нерѣшительность были для Оливье достаточными признаками того, что онъ напалъ на настоящій слѣдъ и онъ уже раскаивался въ томъ, что поддался инстинктивному порыву. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ непріятное другу, и съ наслажденіемъ готовъ былъ извиниться. Но подчеркивать свою неделикатность извиненіемъ бываетъ иногда равносильно сугубой неделикатности. Все, что онъ могъ сдѣлать и что онъ сдѣлалъ, — это сгладить нѣсколько впечатлѣніе, которое должны были произвести на Хотфейля его вчерашніе сарказмы, если тотъ на самомъ дѣлѣ влюбленъ въ венеціанку. Англоманія Наварего послужила для Оливье поводомъ осмѣять въ нѣскольких словахъ одного такого же снобса, котораго онъ встрѣчалъ въ Римѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Вчера я былъ въ дурномъ настроеніи и долженъ былъ показаться тебѣ нѣсколько устарѣвшимъ брюзгой моими приливами *сепіи*... Самъ я въ прежнее время довольно-таки увлекался такимъ пестрымъ обществомъ курортовъ и приходилъ въ восторгъ отъ иностранокъ!... Моложе былъ! Помню, что нравилось мнѣ даже Монте-Карло... Не прочь былъ бы заглянуть туда опять. Знаешь, не поѣхать ли намъ туда пообѣдать, хоть сегодня? Это займетъ Берту и думаю, что мнѣ не покажется скучнымъ...

Онъ говорилъ правду. При такихъ страданіяхъ, причиняемыхъ

исключительно воображеніемъ, минуты облегченія сопровождаются обыкновенно удивительнымъ чувствомъ довольства, которое выражается порывами веселости, совсѣмъ дѣтской, каковы, по большей части, самые мотивы, вызвавшіе этого рода страданія. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ часовъ, до той минуты, какъ тронулся въ путь поѣздъ, увозившій ихъ въ Ниццу, Оливье не переставалъ удивлять жену и друга необъяснимою для нихъ перемѣной настроенія и разговора. *Ora e sempre* перстня и сантиментализмъ такого девиза, все, извѣстное Дю-Прату о простотѣ и естественности любви итальянокъ, характеръ пышной красоты, опредѣленной сравненіемъ Пьера маркизы Бонакорси съ картиной Веронеза,—все приводило его къ убѣжденію, что его другъ былъ любовникомъ женщины, не требовательной и податливой, страстно-нѣжной и кроткой. Онъ былъ необыкновенно доволенъ такою, воображаемою имъ, счастливою любовью,—настолько же доволенъ, насколько онъ терзался мыслью о другой любви, и онъ вполнѣ искренно былъ убѣжденъ въ томъ, что всѣ его тревоги вчерашняго дня и этого утра обусловливались единственно его заботливыми опасеніями за Хотфейля, а теперешнее довольство есть только результатъ радостнаго успокоенія за участь друга.

Самый простой случай разбилъ вдребезги все это созданіе иллюзій, вольныхъ и невольныхъ. На станціи залива Жуанъ, когда Хотфейль немного наклонился и выглянулъ въ окно, его окликнулъ чей-то голосъ. Оливье узналъ ничѣмъ неизгладимый акцентъ Корансеца. Дверь вагона отворилась, и въ нее вошла женщина,—не кто иная, какъ ех-маркиза Бонакорси, въ сопровожденіи провансальца. Увидавши, что Пьеръ не одинъ, Андріана вспыхнула, покраснѣла до корня своихъ великолѣпныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Корансецъ, всегда и неизмѣнно ровный, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, сіяющій и торжествующій, знакомилъ свою даму съ Дю-Пратами. Супругъ-обольститель позаботился обо всемъ заранѣе и еще до поѣздки въ Геную устроилъ пріютъ для свиданій, долженствовавшій укрывать тайное счастье ихъ оригинальнаго медового мѣсяца. Андріана нашла средство ускользать изъ-подъ надзора брата и съ перваго же дня являться на свиданія съ мужемъ. Сладость этихъ супружескихъ свиданій начинала уже давать ей ту смѣлость, на которой хитрый малый основывалъ свои разсчеты на окончательный успѣхъ. Но ему не удалось еще пріучить милую женщину хорошо лгать. Едва усѣвшись въ вагонѣ, она сказала Оливье и его женѣ, ни о чемъ не спрашивавшимъ:

— Я опоздала къ тому поѣзду, мосье де-Корансецъ тоже опоз-

далъ. Мы и порѣшили, вмѣсто того, чтобы сидѣть на станціи въ Каннахъ, пройти пѣшкомъ сюда къ слѣдующему поѣзду.

Въ то время, какъ она это говорила, Оливье окинулъ взглядомъ ея маленькіе лаковые башмаки и подолъ ея платья, явно обличавшіе невѣрность разсказа. Ни пылинки не было ни на платьѣ, ни на башмакахъ, и ноги мнимаго спутника ея прогулки, судя по надѣтымъ на нихъ гетрамъ, не сдѣлали и пятидесяти шаговъ. Супруги-сообщники подмѣтили оба взглядъ Оливье, что окончательно сконфузило впечатлительную итальянку и чуть не вызвало безумнаго хохота Корансеца, заговорившаго весело:

— А вы въ Монте-Карло?... Я постараюсь васъ разыскать тамъ!... Вы гдѣ обѣдаете?

— Рѣшительно не знаю,—отвѣтилъ Оливье сухо, почти невѣжливо.

И затѣмъ онъ не проговорилъ уже ни одного слова во все время, пока поѣздъ шелъ вдоль берега моря, изъ тоннеля въ тоннель, и пока Корансецъ, ни мало не смущаясь видимымъ дурнымъ расположеніемъ своего бывшаго товарища, велъ съ госпожею Дю-Пратъ разговоръ, которому умудрялся придать оттѣнокъ нѣкоторой короткости.

— Вы въ первый разъ будете въ игорномъ домѣ? Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ, если я васъ разыщу тамъ, играть одинаковою съ вами игрой... Э! еще тоннель... Знаете, какъ американцы называютъ этотъ участокъ дороги?... Нѣтъ, не знаете? А это восхитительно, они называютъ его «флейтой», потому что вотъ такія отверстія такъ и мелькаютъ... Египетъ вамъ понравился? Говорятъ, будто Александрія похожа на Марсель... «Но у нихъ нѣтъ мистраля!» — сказалъ бы марселецъ. Хотфейль! ты знаешь моего кучера, «Эне?» Мѣсяца два назадъ, въ Каннахъ всѣ виллы дрожали отъ бури, а онъ мнѣ говоритъ:—«Нравится вамъ нашъ Югъ, мосьё Марій?»—Да,—отвѣчаю я,—только когда нѣтъ вѣтра...—«Э! *pécheire*, вѣтеръ... Отъ Марселя до Ниццы никогда не бываетъ вѣтра!»...—А это что же такое?—говорю я, показывая на одну изъ пальмъ Круазеты, чуть не окунавшуюся въ море,—такъ ее гнуло.—«Да развѣ же это вѣтеръ, мосьё Марій? Это не вѣтеръ, это—мистраль, дающій бодрость провансальцу...»

«Вотъ онъ, настоящій-то любовникъ итальянки»,—рѣшилъ Оливье. Ему достаточно было только взглянуть на Хотфейля въ присутствіи Андріаны, чтобы убѣдиться въ томъ, что это не та невѣдомая возлюбленная, съ которою молодой человѣкъ провелъ часть прошедшей ночи. Одновременное съ нею появленіе Корансеца, ихъ

видимая короткость, неудачная ложь венеціанки, ея восхищеніе пустомельствомъ южанина, многіе иные признаки не допускали сомнѣнія.—«Да,—повторялъ про себя Дю-Пратъ,—любовникъ этотъ... Они другъ друга стоютъ, эта—красивая толстуха, которой было бы къ лицу торговать апельсинами на Славонской набережной, и этотъ молодцеватый болтунъ! Какъ правъ былъ тотъ, кто сказалъ про нихъ: «Te tairas-tu, Bouches-du-Rhône?» *). И Хотфейль слушаетъ его чуть не съ удовольствіемъ! Хотфейль, повидимому, нисколько не удивляется тому, что эта парочка въ трубы трубитъ о своей незаконной связи по всѣмъ поѣздамъ рядышкомъ съ молодыми новобрачными!... До чего онъ измѣнился!...»

Ясно, что Оливье, со всѣмъ своимъ скептицизмомъ, не могъ отдѣлаться отъ ходячихъ предразсудковъ и непослѣдовательностей. Во все продолженіе своей молодости онъ считалъ вполнѣ естественнымъ укрывать свои интриги за протекціей честныхъ женщинъ, пріятельницъ или родственницъ его любовницъ. Теперь онъ находилъ очень страннымъ, что Пьеръ не скандализируется появленіемъ мадамъ Бонакорси и Корансеца въ томъ отдѣленіи вагона, въ которомъ сидятъ господинъ и госпожа Дю-Пратъ! Въ то же время онъ снова принялся за свою томительную работу наблюденій и выводовъ, прерванную на нѣсколько часовъ, и опять разсуждалъ самъ съ собой: «Нѣтъ, эта толстая итальянка и провансальскій шутъ не могутъ ему нравиться... Если онъ выноситъ ихъ и хорошъ съ ними, то лишь потому, что находитъ ихъ для себя удобными въ качествѣ сообщниковъ или, просто, знакомыхъ его любовницы. А у него она есть! Еслибъ я не зналъ даже, что онъ не ночевалъ дома, если бы не видалъ его въ постели сегодня утромъ, если бы не держалъ въ рукахъ кольца съ нѣжною надписью, мнѣ стоило бы только посмотрѣть на него теперь... Онъ сталъ другимъ человѣкомъ»...

Разсуждая такъ про себя, Оливье снова всматривался въ своего друга съ страстною жадностью, подмѣчающею малѣйшіе жесты, движенія вѣкъ, дыханіе человѣка, подобно тому, какъ дикарь замѣчаетъ, анализируетъ, опредѣляетъ наклонъ травы, отпечатокъ на землѣ, изломъ вѣтки, измятость листьевъ на тропинкѣ, по которой прошелъ бѣглецъ. Этими же наблюденіями удостовѣрялось ослабленіе въ Пьерѣ всего исключительно характернаго и узко-французскаго, хорошо знакомаго товарищу его юности. Молодой

---

*) „Замолчишь ли ты, Устье-Роны!"—Непереводимая игра словъ: *Bouches-du-Rhône*—департаментъ Устьевъ-Роны, *bouches du Rhône*—рты обитателей береговъ Роны, болтливыхъ провансальцевъ.

человѣкъ любилъ Эли не болѣе трехъ мѣсяцевъ, не болѣе трехъ недѣль прошло съ того дня, когда онъ узналъ, что его любитъ Эли, но подъ вліяніемъ постояной думы о ней весь порядокъ его мыслей и представленій измѣнился очень существенно, хотя и незамѣтно. Его разговоръ получилъ нѣкоторый оттѣнокъ экзотичности. Въ немъ проскальзывали сами собой нѣкоторые намеки, напоминающіе объ Италіи и Австріи. Въ былое время Пьеръ удивлялъ Оливье полнымъ отсутствіемъ любопытства; теперь онъ, какъ новичокъ, живо интересовался, повидимому, анекдотами космополитическаго общества, къ которому привязывали его тайныя, но крѣпкія узы. Туда влекли его всѣ думы, привычки, симпатіи, чувства, а въ его письмахъ къ другу ничто не давало возможности догадываться о такой перемѣнѣ. Дю-Пратъ продолжалъ напряженно доискиваться женщины по разговору въ вагонѣ, по выраженію лица Пьера, по ничтожнѣйшимъ фразамъ, которыми обмѣнивались спутники. Берта, едва отвѣтивши на фамильярности Корансеца, казалось, вся отдалась созерцанію чуднаго морского пейзажа. Время близилось уже къ вечеру, тихія воды, голубыя и фіолетовыя, точно дремали въ изгибахъ заливовъ, пѣна взбивалась каймой вокругъ большихъ лѣсистыхъ мысовъ, а дальше, по ту сторону, какъ бы замыкая горизонтъ, надъ скалистыми горами вырѣзывались бѣлыя очертанія снѣговыхъ вершинъ. Но разсѣянность молодой женщины была только притворная, и еслибъ Оливье самъ не взволновался при внезапно произнесенномъ имени, то онъ увидалъ бы, что это имя заставило такъ же точно вздрогнуть его жену.

— Вы обѣдаете завтра на виллѣ Гельмгольцъ? — спросила Хотфейля мадамъ Бонакорси.

— Я буду тамъ вечеромъ,—отвѣтилъ Пьеръ.

— А не знаешь, будетъ сегодня баронесса Эли въ Монте-Карло?—спросилъ Корансецъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Хотфейль,—она обѣдаетъ у великой герцогини Каролины-Луизы.

При этой фразѣ, очень простой въ сущности, его голосъ чуть-чуть дрогнулъ. Было бы безцѣльно и недостойно играть въ прятки передъ Оливье, и совершенно естественнымъ оказывалось, что Корансецъ, зная его короткость съ баронессой де-Карлсбергъ, обратился къ Пьеру съ такимъ незначительнымъ вопросомъ. Но чрезмѣрная чуткость, какою, повидимому, одарены влюбленные, подсказывала Хотфейлю, что его другъ смотритъ на него какимъ-то особеннымъ взглядомъ, и,— что еще страннѣе,— жена его друга тоже. Сознаніе нѣжной тайны, которую онъ хранилъ въ

самой глубинѣ сердца, какъ въ святилищѣ обожанія, сдѣлало для него ихъ взгляды настолько непріятными, что онъ слегка измѣнился въ лицѣ,—какъ разъ достаточно для того, чтобы каждый изъ двоихъ, наблюдавшихъ за нимъ, нашелъ въ его мгновенномъ смущеніи основаніе для отвѣта на свою собственную мысль.

«Баронесса Эли? Да, вѣдь, это имя, написанное на портретѣ!...»—соображала Берта и тотчасъ же добавила:—«Неужели эта женщина въ Каннахъ? Какъ они смущены оба, Оливье и онъ!»

«Онъ знаетъ въ точности все, что она дѣлаетъ,—разсуждалъ самъ съ собою Оливье.—И съ какою фамильярностью этотъ Корансецъ спрашиваетъ его про нее!... Такимъ тономъ могутъ говорить подобные люди только о женщинѣ, съ которою ихъ собесѣдникъ въ открытой связи... Въ связи! Неужели это правда?»

Правда ли это? Голосъ, на время замолкшій, успокоенный словами, вырѣзанными на кольцѣ, заговорилъ опять. Онъ настаивалъ на томъ, что связь Эли съ Пьеромъ не телько возможна, но и правдоподобна, даже несомнѣнна... Крайне ничтожны были, однако, данныя, подкрѣплявшія ея несомнѣнность! Но къ нимъ должны были присоединиться другіе доводы. Прежде всего явилось сообщеніе самого же Пьера, по порученію Корансеца, замѣтившаго холодность ихъ стараго товарища.

— Ты былъ недоволенъ тѣмъ, что Корансецъ вошелъ въ нашъ вагонъ. Сознайся въ этомъ,—сказалъ Хотфейль.

— Таковы уже нравы здѣшняго побережья, — отвѣтилъ Оливье.—Я нахожу, что ему слѣдовало быть менѣе развязнымъ съ моею женой, вотъ и все. Что мадамъ Бонакорси его любовница, тѣмъ лучше для него... А что онъ намъ ее вздумалъ представлять, я нахожу это довольно безцеремоннымъ и только.

— Она не любовница,—возразилъ Хотфейль,—а его жена. Онъ сію минуту просилъ меня сказать тебѣ объ этомъ. Подробности я объясню тебѣ потомъ...

И Пьеръ передалъ Дю-Прату въ короткихъ словахъ, какъ устроился этотъ необыкновенный тайный бракъ, разсказалъ про тиранію Наварего надъ сестрою, про ея окончательное рѣшеніе, про ихъ отъѣздъ, всѣхъ вмѣстѣ, на яхтѣ, про вѣнчаніе въ старомъ генуэзскомъ палаццо. Для своего повѣствованія Хотфейль выбралъ тотъ моментъ, когда, при входѣ въ ресторанъ, Берта снимала свой плащъ и вуаль, а они отдавали слугѣ свои пальто. То была первая минута, въ которую молодая женщина оставила ихъ на-единѣ послѣ выхода изъ вагона.

— И за всею этою возней ты такъ и не видалъ Генуя?—спросилъ Оливье, видя, что его жена подходитъ къ нимъ.

— Нѣтъ, видѣлъ! Море было очень непокойно, и мы вернулись лишь на другой день.

«Они провели тамъ ночь!»—сказалъ себѣ Оливье. Впрочемъ, еслибъ эту ночь они провели на яхтѣ, его заключеніе осталось бы все такимъ же. И,—точно судьба хотѣла во что бы то ни стало разсѣять послѣднія сомнѣнія,— въ то время, какъ они шли по ресторану, разыскивая свободный столъ, Хотфейль остановился. Онъ здоровался съ компаніей изъ четырехъ лицъ, сидѣвшихъ за столомъ, сервированнымъ болѣе изящно, чѣмъ другіе, и изукрашеннымъ рѣдкими цвѣтами.

— Ты не узналъ даму, съ которой бывало усердно танцовалъ котильоны?—обратился Пьеръ къ Оливье, возвращаясь къ Дю-Пратамъ.

— Ивонна де-Шези? Она совсѣмъ не измѣнилась... Какъ она молода!—отозвался Оливье.

Передъ нимъ было широкое зеркало, въ которомъ отражалась вся живописная суэта моднаго ресторана, ряды столовъ, занятыхъ свѣтскими женщинами и женщинами полусвѣта, въ щегольскихъ нарядахъ и шляпахъ, и сопровождающими ихъ мужчинами, знакомыми съ тѣми и другими представительницами различныхъ слоевъ общества. Въ томъ положеніи, какое занялъ Дю-Пратъ, ему видѣнъ былъ беззаботный профиль Ивонны. Противъ нея сидѣлъ ея мужъ,— но уже не тотъ легкомысленный и самодовольный Шези, который красовался на яхтѣ американца, а нервный, безпокойный, разсѣянный господинъ, настоящій типъ обчищеннаго игрока, задумывающагося въ блестяще-роскошной обстановкѣ о томъ, чтобъ уйти изъ комнаты и пустить себѣ пулю въ лобъ. Между этимъ собесѣдникомъ, видимо чувствующимъ себя очень плохо, и молодою женщиной, по-прежнему очень веселой и ничего не подозрѣвающей, сидѣлъ человѣкъ подлѣйшаго вида, съ выдающеюся челюстью, проницательными глазами, жесткими и грубыми, съ плотояднымъ выраженіемъ лица, съ орденскою ленточкой въ петлицѣ. Онъ не стѣсняясь ухаживалъ за своею сосѣдкой. Между Ивонной и Шези сидѣла еще одна дама. Сначала Оливье видѣлъ въ зеркало только ея затылокъ. Потомъ Дю-Пратъ замѣтилъ, что она обернулась разъ, два раза, три, четыре раза, чтобы посмотрѣть въ ихъ сторону... Въ манерахъ этой незнакомки было что-то очень странное: неспокойное вниманіе, которое она обращала на группу, состоящую изъ супруговъ Дю-Пратъ и Хотфейля, нисколько не соотвѣтствовало

всей ея внѣшности и скромному выраженію лица, такъ что въ умѣ Оливье блеснулъ новый лучъ надежды. Что если эта женщина, хорошенькая и изящная, очень милая и интересная, была та неизвѣстная возлюбленная Пьера, которую жадно разыскивалъ его другъ? Дю-Пратъ, какъ бы мимоходомъ, спросилъ:

— Съ кѣмъ обѣдаютъ Шези? Что это за господинъ съ орденомъ?

— Это Бріонъ, финансистъ,—сказалъ Хотфейль,—а сидящая противъ него милая женщина его жена.

Оливье посмотрѣлъ опять въ зеркало и на этотъ разъ увидалъ, что глаза мадамъ Бріонъ устремлены именно на него. Его память, безусловно точная относительно всего, пережитаго имъ въ Римѣ, очень явственно подсказала ему, что имя это было произнесено передъ нимъ навсегда незабвеннымъ голосомъ. Онъ снова видѣлъ себя въ аллеѣ виллы Целимонтанской, разсказывалъ Эли о своей дружбѣ съ Пьеромъ, пустился въ горячій споръ, какъ это часто бывало. Оливье настаивалъ на томъ, что дружба,—это чистое и гордое чувство, соединеніе истиннаго уваженія съ нѣжною любовью, полнаго довѣрія, основаннаго на симпатіи,—возможна только между мужчинами. Эли увѣряла, что у нея тоже есть другъ, такой же вѣрный и надежный, какимъ могъ быть Хотфейль, и она назвала Луизу Бріонъ. Эта любимая подруга Эли обѣдала теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ стола, и если эта женщина смотрѣла на него съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, стало-быть она знаетъ... Но что она знаетъ?... Что онъ былъ любовникомъ баронессы де-Карлсбергъ?—Это несомнѣнно. Что теперь она любовница Пьера?...

На этотъ разъ неотвязная мысль сдѣлалась настолько угнетающею, невыносимою, что Оливье понялъ всю невозможность выдерживать долѣе. А тутъ же, подъ руками, у него было и средство тотчасъ же узнать всю правду. Корансецъ говорилъ, что конецъ вечера проведетъ въ игорномъ домѣ. Всю зиму онъ видался съ Хотфейлемъ и съ баронессой де-Карлсбергъ и, конечно, знаетъ всю подноготную. Оливье рѣшилъ: «Спрошу его прямо и категорично. Скажетъ онъ или нѣтъ, все равно, по его глазамъ узнаю!... Болтунъ легкомысленный!» Но въ ту же минуту Дю-Пратъ устыдился своей затѣи, какъ ужаснѣйшей неделикатности по отношенію къ другу. «Вотъ до чего можетъ довести женщина, когда замѣшается между двумя честными людьми! Сейчасъ же они падаютъ нравственно!... Нѣтъ, ни о чемъ я не стану распрашивать Корансеца... Хотя впрочемъ!...» Корансецъ—легкомысленный болтунъ? Нельзя было

болѣе полно ошибиться въ опредѣленіи характера пронырливаго южанина, но, къ несчастью, ему случалось иногда и перехитрить, и въ настоящемъ дѣлѣ его чрезмѣрное лукавство повело къ непоправимому промаху, окончательно открывшему все Дю-Прату, такъ какъ вся его порядочность не устояла передъ искушеніемъ. Послѣ того, что онъ сказалъ себѣ, и несмотря на то, что онъ такъ ясно сознавалъ, онъ, все-таки, поддался роковому желанію узнать все доподлинно, какъ только онъ встрѣтилъ Корансеца около десяти часовъ вечера въ одной изъ залъ Казино. Оливье спросилъ его въ упоръ:

— Баронесса Эли, про которую вы говорили въ вагонѣ, та самая мадамъ де-Карсбергъ, которую я зналъ въ Римѣ?... Жена австрійскаго эрцгерцога?

— Она самая!—отвѣтилъ Корансецъ и подумалъ:—«Ишь! Хотфейль не проболтался... Дю-Пратъ зналъ ее въ Римѣ? Какъ бы этотъ не вздумалъ болтать и не наплелъ бы чего Пьеру!...»—и вслухъ онъ добавилъ:—Зачѣмъ это ты спросилъ?

— Да такъ, ни за чѣмъ,—сказалъ Оливье и, помолчавши немного, продолжалъ:—А что, мой милѣйшій Хотфейль не влюбленъ въ нее?

«Вотъ оно что!—раздумывалъ южанинъ.—Рано или поздно онъ узнаетъ это, такъ пусть же лучше теперь, чтобы не вышло какой чепухи...»—и онъ отвѣтилъ:

— Влюбленъ ли? Вся исторія на моихъ глазахъ происходила... Онъ, просто, обожаетъ ее!

— А она?—спросилъ Оливье.

— Она? Влюблена до безумія!—заявилъ Корансецъ.

И, очень довольный своею проницательностью и ловкостью, онъ говорилъ себѣ: «Теперь я, по крайней мѣрѣ, спокоенъ: Дю-Пратъ не попадетъ въ просакъ!...»

Весельчакъ-провансалецъ ни чуть не подозрѣвалъ всей необычайной забавности своихъ разсужденій и оказывался не менѣе наивнымъ, чѣмъ его секретная супруга, образцово-простенькая Андріана, сошедшаяся съ Бертою Дю-Пратъ передъ однимъ изъ столовъ рулетки и отвѣчавшая на распросы молодой женщины, не замѣчая ея волненія.

— Въ вагонѣ вы говорили о какой-то баронессѣ Эли... Что за странное имя!

— Это уменьшительное—Елизаветы, довольно обычное въ Австріи.

— А она австріячка?

— Какъ! Вы не знаете ее? Это мадамъ де-Карлсбергъ, морганатическая супруга эрцгерцога Генриха-Франциска... Вы, навѣрное, встрѣтитесь съ нею въ Каннахъ и увидите, какая она красавица, какъ добра и симпатична!

— Не жила ли она въ Римѣ когда-нибудь?—продолжала спрашивать Берта.

И какъ билось ея сердце, когда она осмѣлилась выговорить эту фразу! Венеціанка отвѣтила совершенно спокойнымъ тономъ:

— Жила двѣ зимы. У нея были тогда нелады съ мужемъ, и они жили врозь. Теперь это сгладилось нѣсколько, хотя...

И добрѣйшая женщина замолчала изъ скромности!

М. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

На насъ набросилъ геній ночи
Свой чародѣйственный покровъ,
И вдругъ открылись наши очи
Для тайнъ двухъ сказочныхъ міровъ.

На крыльяхъ радужныхъ видѣній
Надъ нами тихо рѣютъ сны,
И ожилъ смутный трепетъ тѣней
Съ волшебной свитою луны.

И каждый міръ насъ властно манитъ
Своею призрачной рукой;
Лепечутъ эльфы: «сонъ обманетъ»,
А грезы шепчутъ: «мы—покой».

В. Полтавцевъ.

Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній *).

III.

Какъ было указано въ первой статьѣ, опытъ ограниченія тѣлесныхъ наказаній (по приговору волостныхъ судовъ) требованіемъ разрѣшенія земскихъ начальниковъ на ихъ примѣненіе слѣдуетъ признать не только не удавшимся, но можно даже опасаться, что подъ давленіемъ послѣдняго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, приговоры къ тѣлеснымъ наказаніямъ могутъ сдѣлаться болѣе частыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ опытъ доказываетъ, что во избѣжаніе всѣхъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій для народа въ экономическомъ, въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, къ какимъ приводятъ тѣлесныя наказанія, ихъ необходимо окончательно уничтожить. Чтобы доказать эту мысль, мы подробно разберемъ всѣ соображенія за и противъ тѣлесныхъ наказаній и, прежде всего, укажемъ на то, что тѣлесныя наказанія, употребляемыя, хотя и вопреки закону, для выбиванія недоимокъ, содѣйствуютъ не только ухудшенію экономическаго положенія крестьянъ, но даже и вообще пониженію уровня сельскаго хозяйства въ Россіи.

Дѣйствительно, не трудно понять, что тѣлесныя наказанія, содѣйствуя огрубенію народа, принижая его въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, крайне вредно отражаются на развитіи нашего сельскаго хозяйства и, притомъ, не только крестьянскаго, но и на земляхъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ. Успѣхи послѣдняго находятся въ сильной зависимости отъ нравственнаго подъема крестьянской массы. Честное исполненіе договоровъ между землевладѣльцами и нанимаемыми ими работниками, какими бы уголовными карами оно ни гарантировалось, также находится въ сильной зависимости, кромѣ причинъ экономическихъ и характера самыхъ договоровъ, отъ нравственнаго развитія крестьянскаго населенія и укрѣпленія въ немъ чувства долга **). Усовершенствованіе техники на

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) На это указывали нѣкоторые ораторы и на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1895 г. *Новое Время* 18 декабря 1895 г., № 7115.

крестьянскихъ земляхъ обусловливается подъемомъ умственнаго уровня народа, а это возможно лишь для людей, не забитыхъ розгою; введеніе различныхъ машинъ и въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ требуетъ также болѣе развитыхъ рабочихъ *). Распространять грамотность и, въ то же время, сохранять тѣлесныя наказанія значило бы повторять жестокій опытъ тѣхъ помѣщиковъ временъ крѣпостного права, которые давали образованіе, даже за границею, нѣкоторымъ своимъ дворовымъ. Извѣстно, чѣмъ обыкновенно кончались такіе опыты: эти несчастные, не избавленные отъ тѣлесныхъ наказаній по капризу барина и управляющаго, обыкновенно спивались и погибали нравственно или кончали жизнь самоубійствомъ. Эти соображенія не теряютъ своей силы и въ томъ случаѣ, если бы были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній только окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ, такъ какъ для грамотнаго и тронутаго просвѣщеніемъ человѣка видѣть подъ розгами своего старика-отца, быть-можетъ, еще болѣе ужасно, чѣмъ самому подвергаться этому позорному наказанію.

Въ подтвержденіе мысли о томъ, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній необходима не только для крестьянъ, но и для частно-владѣльческихъ хозяйствъ, можно найти не мало аргументовъ въ *Докладѣ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи* (1873 г.) и въ приложеніяхъ къ трудамъ этой коммиссіи, предсѣдателемъ которой былъ министръ государственныхъ имуществъ Валуевъ, высказывавшійся противъ тѣлесныхъ наказаній еще въ 1862 г. въ комитетѣ, обсуждавшемъ записку кн. Орлова **). Въ докладѣ Валуевской коммиссіи среди «обстоятельствъ, стѣсняющихъ и ограничивающихъ свободное и вполнѣ производительное приложеніе труда къ сельскому хозяйству», на первомъ мѣстѣ указанъ:

---

*) Вотъ что писалъ въ 1892 году одинъ землевладѣлецъ Воронежской губ., г. Шраммъ, вольному экономическому обществу, быть-можетъ и слишкомъ мрачными красками рисуя отношенія хозяевъ и работниковъ: „На хозяйства помѣщиковъ и крестьянъ вліяли одни и тѣ же факторы: нравственное паденіе и обѣднѣніе народа отозвалось разрушающимъ образомъ на нашихъ хозяйствахъ... Самый главный вопросъ хозяйства, это—вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ...; отъ ихъ труда и добросовѣстнаго исполненія зависитъ все будущее нашихъ хозяйствъ; та распущенность, которая существуетъ теперь, приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ... Рабочій съ какимъ-то остервенѣніемъ относится къ инвентарю, ломаетъ его, коверкаетъ, теряетъ и расхищаетъ. Живой инвентарь, т.-е. рабочій скотъ, мучаетъ, бьетъ, выбиваетъ глаза, затягиваетъ до смерти и доводитъ до полной неспособности къ работѣ и въ заключеніе самъ же бросаетъ все и уходитъ, не дослуживъ срока" (*Сборникъ отвѣтовъ на предложенные Имп. вольн. экономическ. обществомъ вопросы по изученію неурожая 1891 г.* Редактированъ Я. Калинскимъ. Спб., 1893 г., стр. 80). Если это справедливо даже и въ меньшей степени, чѣмъ это утверждаетъ г. Шраммъ, то неужели не очевидно, что *такой* рабочій могъ явиться только въ той атмосферѣ, гдѣ еще царитъ розга, хотя, конечно, для озлобленнаго отношенія рабочихъ къ землевладѣльцамъ могутъ быть и другія, весьма серьезныя, причины.

**) *Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ*, стр. 40—41.

«низкій умственный и нравственный уровень сельскаго населенія» (стр. 39). По поводу жалобъ на пьянство рабочихъ коммиссія высказываетъ убѣжденіе, что главнымъ средствомъ борьбы противъ пьянства является не внѣшняя регламентація питейнаго промысла, а нравственное и матеріальное улучшеніе быта народа (стр. 25, 50). Въ докладѣ указывалось и на важное значеніе не только для крестьянскаго, но и для частно-владѣльческаго хозяйства того, въ какомъ состояніи находится общественное устройство и самоуправленіе крестьянъ.

«Хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ,—читаемъ мы въ докладѣ коммиссіи,— не зависятъ непосредственно отъ распоряженій схода, сельскаго старосты или волостного старшины, но они, тѣмъ не менѣе, имѣютъ къ нимъ близкія отношенія вслѣдствіе сосѣдства съ крестьянскими селеніями или непосредственнаго соприкосновенія съ крестьянскими угодьями. Столкновенія съ рабочими, порубки въ лѣсахъ, взаимныя потравы, содержаніе въ порядкѣ изгородей, воротъ» (стр. 36)—все это ставитъ частныхъ землевладѣльцевъ въ близкое соприкосновеніе съ крестьянскимъ міромъ и даже «въ зависимость отъ распоряженія сельскихъ властей», почему коммиссія и выразила пожеланіе о принятіи мѣръ въ законодательномъ порядкѣ къ устраненію неудобствъ и недостатковъ крестьянскаго самоуправленія (стр. 51). Подробнѣе эти соображенія развиты въ приложеніяхъ къ докладу.

Здѣсь указывалось на то, что «крайне низкій» уровень нравственнаго и умственнаго состоянія крестьянъ проявляется «въ частыхъ случаяхъ нарушенія правъ собственности, прямо ли кражею или потравами, порубками и т. п., въ своеволіи и недобросовѣстности рабочихъ» и проч. Въ числѣ причинъ низкаго уровня нравственности народа, между прочимъ, указывались: «*положеніе крестьянъ до освобожденія*», недостатокъ школъ, пьянство, которое «препятствуетъ развитію сельскаго хозяйства, а рабочихъ доводитъ до безумія, ссоры, драки... порчи матеріаловъ, машинъ, орудій, рабочаго скота, сбруи..., воровства хозяйскаго добра» и проч., и проч. Безъ распространенія образованія среди народа немыслимо усовершенствованіе хозяйства, такъ какъ «гдѣ уровень нравственнаго образованія очень низокъ, тамъ производство извѣстныхъ работъ, употребленіе извѣстныхъ орудій и машинъ, введеніе разныхъ усовершенствованій въ хозяйствѣ совершенно невозможны. Новыя орудія и машины, даже если они и облегчаютъ работу, портятся нерѣдко съ умысломъ потому только, что требуютъ отъ рабочаго нѣкотораго приспособленія» *).

Дѣйствит. статск. сов. фонъ-Бушенъ въ своемъ мнѣніи выяснилъ, что низкій нравственный и интеллектуальный уровень массы сельскаго населенія есть прямое слѣдствіе крѣпостного права, которое воспитало «поколѣніе, привыкшее не имѣть собственной инициативы и работать изъ-подъ палки»; «всѣ проявленія безнравственности крестьянъ,—говоритъ фонъ-

---

*) *Докладъ выс. утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства.* Приложеніе II. Спб., 1873 г., стр. 14—16.

Бушенъ,—не суть проявленія новыя, а просто продуктъ той неразвитости, той грубости нравовъ и того невѣжества, въ которыхъ воспитало ихъ крѣпостное право». Естественно, что, по его мнѣнію, «задача законодательства—продолжать начатое и довершить великое дѣло эмансипаціи крестьянской личности». Предсѣдатель коммиссіи, министръ государственныхъ имуществъ Валуевъ также указывалъ на необходимость «элементарнаго образованія и водворенія въ народной массѣ элементарныхъ гражданскихъ правовъ» *). Дѣйствит. статск. сов. Тютчевъ, представитель въ этой коммиссіи удѣльнаго вѣдомства, развилъ яснѣе намеки фонъ-Бушена и Валуева. По его мнѣнію, самое гибельное вліяніе на сельское хозяйство и производительность Россіи имѣетъ пьянство крестьянъ, а главными его причинами онъ считаетъ: бѣдность, полное отсутствіе образованія и тѣлесныя наказанія. Онъ указалъ на крайне вредное вліяніе на крестьянское хозяйство такъ называемаго «выбиванія» недоимокъ, которое нерѣдко должно понимать въ прямомъ, а не въ переносномъ значеніи слова, и которое заставляетъ ихъ продавать «послѣднюю свою корову, т. е. молоко своихъ дѣтей, единственную ихъ здоровую пищу». Въ безъисходномъ положеніи «крестьянинъ отправляется въ кабакъ, чтобы забыть свое горе». Съ недостаткомъ образованія въ крестьянскомъ сословіи Тютчевъ совѣтуетъ бороться увеличеніемъ числа школъ «съ обязательнымъ обученіемъ всѣхъ дѣтей въ большихъ селеніяхъ», устройствомъ семинарій для подготовки учителей и учительницъ, «поощреніемъ изданія дешевыхъ книгъ и брошюръ» и удешевленіемъ пересылки книгъ по почтѣ. Энергично вооружается онъ противъ тѣлесныхъ наказаній. По его словамъ, «тѣлесныя наказанія, будучи уничтожены закономъ по суду, остаются еще въ нравахъ народа и примѣняются административнымъ порядкомъ, иногда даже по произволу старшинъ, нерѣдко находящихся подъ вліяніемъ писарей, а иногда и по требованію чиновъ земской полиціи, въ особенности при взысканіи недоимокъ». По мнѣнію Тютчева, «на сѣченіе взрослыхъ людей слѣдуетъ смотрѣть какъ на въ высшей степени варварскую и безнравственную мѣру, уничтожающую даже зародыши человѣческаго достоинства, исключающую въ наказуемомъ всякую возможность къ самоуваженію..., а слѣдовательно и убивающую всякое стремленіе къ развитію... Взрослый человѣкъ, отецъ семейства, членъ сельскаго общества, не взнесшій по случаю неурожая или другого какого-либо бѣдствія податей и высѣченный, по приговору волостного суда, за «нерачительное хозяйство»,—это человѣкъ, котораго и физическая боль, и стыдъ предъ односельчанами, женой, собственными дѣтьми заставляетъ зайти въ кабакъ». Въ виду этихъ соображеній, Тютчевъ рѣшительно требуетъ *«безусловной отмѣны тѣлесныхъ наказаній»* **).

Фонъ-Бушенъ справедливо указывалъ на то, что поколѣніе, выросшее при крѣпостномъ правѣ, привыкло не имѣть собственной иниціативы и ра-

---

*) Ibid. Приложеніе V, стр. 6, 37—39.

**) Ibid. Приложеніе V, стр. 47—49.

ботать изъ-подъ палки. Естественно, что это поколѣніе, помимо причинъ экономическихъ, не могло проявить особенныхъ стремленій къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, а также и мало показало умѣнья обращаться съ усовершенствованными орудіями на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Аналогичное явленіе обнаружило и въ Америкѣ одно изслѣдованіе, произведенное въ началѣ 70-хъ годовъ по порученію министра народнаго просвѣщенія (Commissioner of Education) относительно вліянія разныхъ степеней образованія на производительность труда. При этомъ было констатировано, что въ Америкѣ, во времена рабовладѣнія, замѣчалась всегда большая разница между землепашцами юга и сѣвера. Одинъ торговецъ косами и серпами сообщалъ, что «тѣ длинныя, тонкія остроконечныя косы, которыя употреблялись болѣе интеллигентными фермерами сѣвера, не могли имѣть сбыта на югѣ, гдѣ онѣ быстро ломались бы въ рукахъ невѣжественныхъ и небрежныхъ негровъ. Для послѣднихъ, по его словамъ, нужны были короткія, толстыя, затупленныя косы, которыми они могли бы безнаказанно натыкаться на камни, корни, кусты, не рискуя ихъ сломать, согнуть или затупить. И дѣйствительно, такія косы и употреблялись всегда рабовладѣльческими хозяевами къ очевидному ущербу производительности косарей. Одинаково грубыя орудія можно было видѣть въ тѣ времена и въ рукахъ чистильщиковъ улицъ какого-нибудь южнаго американскаго города сравнительно съ болѣе тонкими лопатами и кирками, употребляемыми въ болѣе культурныхъ городахъ сѣвера» и вдвое облегчавшими трудъ уборки улицъ вслѣдствіе гораздо меньшаго своего вѣса. Изслѣдованіе это привело также къ слѣдующему выводу: «несомнѣненъ фактъ безспорнаго вліянія *общей* культурности человѣка на самые разнообразные виды ручного труда, и чѣмъ выше эта культурность, тѣмъ болѣе выигрываетъ и трудъ» *).

Эти данныя окончательно убѣждаютъ въ томъ, что тѣлесныя наказанія, составлявшія неотъемлемую принадлежность всякаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ и рабскомъ трудѣ, являются тормазомъ всякихъ агрономическихъ улучшеній. Да оно и понятно. Если болѣе высокій уровень развитія увеличиваетъ успѣшность труда фабричнаго рабочаго, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно земледѣльческаго труда. Дѣятельность сельскаго хозяина рѣзко отличается отъ механической, однообразной фабричной работы. Крестьянинъ для успѣшности своего труда долженъ считаться со множествомъ условій—почвенныхъ, климатическихъ, онъ долженъ умѣть сберегать свой рабочій скотъ, а слѣдовательно и гуманно обходиться съ нимъ, онъ долженъ понять выгоду тѣхъ или другихъ агрономическихъ улучшеній. При всемъ томъ, онъ членъ сельскаго общества и, какъ таковой, долженъ обладать извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, стоять на высотѣ извѣстнаго уровня соціальныхъ чувствъ. Подавляя общую культурность человѣка, его способность къ личной иниціативѣ,

---

*) *Е. Янжулъ:* „Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ". *Вѣстникъ Европы* 1894 г., № 11, стр. 456—457, 454. Перепечатано съ дополненіями въ книгѣ *Часы досуга* 1896 г.

къ самодѣятельности, розга содѣйствуетъ ухудшенію экономическаго, хозяйственнаго положенія крестьянина. Розга—прямое наслѣдіе крѣпостного права, а это право тамъ, гдѣ помѣщикъ регламентировалъ каждый шагъ своего крѣпостного, приводило иной разъ къ полному отупѣнію: такіе поразительные факты отупѣнія цѣлой вотчины, населеніе которой было обращено въ батраковъ, замѣчались нѣкоторыми наблюдателями въ эпоху освобожденія крестьянъ *).

IV.

Пересмотримъ рядъ другихъ доводовъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Замѣтимъ прежде всего, что противъ тѣлесныхъ наказаній возстаютъ всѣ криминалисты, за самыми рѣдкими исключеніями. Еще 14 лѣтъ тому назадъ профессоръ Кистяковскій указалъ на то, что «нынѣ едва ли можно встрѣтить хоть одного теоретика-криминалиста, который рѣшился бы серьезно защищать состоятельность и цѣлесообразность тѣлесныхъ наказаній» **). Къ сожалѣнію, въ Германіи нашелся одинъ такой рѣдкій криминалистъ—Миттельштедтъ (см. ниже).

Существованіе тѣлесныхъ наказаній у насъ противорѣчитъ принципу равенства наказаній. Послѣ того, какъ другія сословія постепенно были освобождены отъ розги, необходимо избавить отъ нея и крестьянъ. Послѣ уничтоженія подушной подати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и различія между душами податными и неподатными, слѣдуетъ уничтожить различіе между подлежащими тѣлесному наказанію и изъятыми отъ него. Сословный характеръ этого наказанія тѣмъ болѣе непонятенъ, что законъ допускаетъ свободный переходъ изъ одного сословія въ другое. «Оставленіе тѣлесныхъ наказаній для низшихъ классовъ,— говоритъ Кистяковскій,— равнялось бы удержанію ихъ въ рабскомъ состояніи, что небезопасно, и во всякомъ случаѣ невозможно, при признаніи политическаго прогресса за единственное условіе общественной жизни» (стр. 804) ***). Еще кн. Орловъ въ своей запискѣ 1861 г. писалъ: «Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ—легкимъ арестомъ, а другой—розгами» ****). «Что это за наказаніе,—говоритъ К. Аксаковъ,—столь оскорбляющее честь и достоинство однихъ (сословій или лицъ) и не оскорбляющее чести и достоинства другихъ? Здѣсь скрыта та мысль, что по закону не предполагается ни чести, ни достоинства въ сословіяхъ,

---

*) См. *Н. Рѣшетовъ:* „Эпизоды при введеніи Положенія 19 февраля 1861 г.". *Русскій Архивъ* 1885 г., № 10, стр. 278—282.

**) *Элементарный учебникъ уголовнаго права.* Кіевъ, 1882 г., стр. 801.

***) Срав. *Mittermaier:* „Die körperliche Züchtigung als Strafart", „Neues Archiv des Criminalrechts", 1830 г. Bd. XII, 661—662, и „Лекціи уголовнаго права" сенатора *Таганцева*, т. II, 1437.

****) *Русская Старина*, т. XXXI, стр. 97.

подвергнутыхъ тѣлесному наказанію... *Тѣлесное наказаніе или можетъ быть допущено для всѣхъ, или вовсе не можетъ быть допущено*... Тѣлесное наказаніе есть *возведеніе побоевъ въ законъ*, есть узаконеніе грубой силы... Побои, возведенные *въ законъ*, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ, утверждаетъ, здѣсь уже слышится, чувствуется принципъ» *). Нужно замѣтить еще, что неравенство по отношенію къ тѣлесному наказанію существуетъ не только для лицъ, стоящихъ на совершенно-различныхъ ступеняхъ развитія и общественнаго положенія. Такъ законъ 12 іюля 1889 г. подчиняетъ волостному суду ремесленниковъ и мѣщанъ, постоянно живущихъ въ селеніяхъ, но они остаются изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія, какъ это видно изъ оговорки, сохраняющей за ними «всѣ права лично и по состоянію имъ присвоенныя». Неужели какой-нибудь нищій бобыль-мѣщанинъ болѣе заслуживаетъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія за то или другое неважное преступленіе, чѣмъ крестьянъ, отецъ семейства, запустившій вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ уплату податей. «Кабатчика-мѣщанина, снявшаго сапоги съ кліента,—замѣчаетъ земскій начальникъ Черновъ,—сѣчь нельзя, а мужика, пропившаго сапоги, можно» **). Допущеніе тѣлесныхъ наказаній по приговору волостныхъ судовъ приводитъ и къ той несправедливости, что воръ, укравшій на сумму до 50 руб., можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, а похитившій болѣе 50 руб. идетъ безъ розогъ въ тюрьму, такъ какъ этотъ послѣдній случай превышаетъ компетенцію волостнаго суда.

И среди крестьянъ (на основаніи приложенія къ ст. 30 Уложенія о наказаніяхъ и ст. 102 и 124 Общаго Положенія) есть не мало лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, а именно: 1) Воспитанники и ученики различныхъ заведеній, учителя народныхъ школъ и прослужившіе въ низшихъ должностяхъ, всего 37 группъ или категорій; 2) имѣющіе знаки отличія и т. п.; 3) солдаты, запасные и вообще всѣ, носившіе, хотя бы не долго, военный мундиръ; 4) всѣ служащіе и служившіе въ выборныхъ общественныхъ должностяхъ; 5) всѣ старше 60 лѣтъ и моложе 10 лѣтъ; 6) всѣ лица женскаго пола; 7) страдающіе падучею болѣзнью, грыжей, аневризмомъ, грудной жабой, затрудненнымъ дыханіемъ, кровохарканіемъ, водянкой, искривленіемъ позвоночнаго хребта, приступами апоплексіи и наклонностью къ нимъ; 8) еще нѣкоторыя другія лица, въ томъ числѣ, напримѣръ, крестьяне, состоящіе лѣсными сторожами.

Могутъ подлежать тѣлесному наказанію слѣдующія лица изъ крестьянъ:

---

*) *День*, 1862 г., № 45, стр. 4. Еще въ коммиссіи 1862 г. указывали, что если уже допускать неравенство наказаній, то слѣдуетъ человѣка образованнаго наказывать строже, какъ это и предписывалось закономъ (Уложеніе о наказаніяхъ, Св. Зак., изд. 1857 г., т. XV, ст. 141, п. 2). Этого мнѣнія держался и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ. *Сводъ мнѣній и замѣч. по вопросу объ отмѣнѣ наказан. тѣлеснаго*, стр. 57—58; ст. *Бинштока* въ *Юридич. Вѣстникъ* 1892 г., № 7—8, стр. 429—433.

**) *Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи*. 1895 г., стр. 87.

а) тѣ совершеннолѣтніе, не достигшіе 60 лѣтъ, которые не попали въ солдаты по причинѣ хилости здоровья, узкости груди, неизлѣчимой болѣзни или природныхъ увѣчій, а также и тѣ, которые вытянули счастливый жребій или имѣютъ льготу, а также пожилые люди, избѣжавшіе всеобщей воинской повинности; однако, сѣченію они подлежатъ лишь въ томъ случаѣ, если, оставаясь въ деревнѣ, не отправляли ни разу ни одной изъ выборныхъ должностей; b) тѣ несовершеннолѣтніе крестьянскіе мальчики, которые имѣютъ болѣе 10 лѣтъ, причемъ всѣ до 14 лѣтъ могутъ быть отсылаемы безъ судебнаго наказанія къ родителямъ на исправленіе, а до 17 лѣтъ наказываются въ половинномъ размѣрѣ. Нужно замѣтить еще, что совершившіе одинъ изъ 37 родовъ караемыхъ проступковъ (изъ общаго числа 52 родовъ, опредѣленныхъ въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями и входящихъ въ компетенцію волостного суда), наказанію розгами подлежать не могутъ, а подвергаются розгѣ только такіе, которые совершили 16 родовъ другихъ дѣяній, исчисленныхъ въ 36-й статьѣ, а равно рецидивисты по 37-й ст. Временныхъ Правилъ *).

Если принять во вниманіе установленныя закономъ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, то получаются также весьма странныя противорѣчія справедливости и здравому смыслу. Такъ напримѣръ, оказывается, что «вора, бывшаго *выборнымъ* хлѣбнымъ магазинщикомъ, кравшаго помимо магазина обѣими руками, безчестить нельзя (въ силу закона объ изъятіяхъ), а брата его сухорукаго, *негоднаго въ солдаты*, воровавшаго одной рукой, а не двумя, безчестить розгой можно» (по Временнымъ правиламъ). Или другой примѣръ: «нѣкто проситъ милостыню «*по лѣни и привычкѣ къ праздности*», за что мировые судьи могли по 49 ст. Устава о наказаніяхъ приговаривать къ тюрьмѣ отъ двухъ недѣль до *одного* мѣсяца; по Временнымъ Правиламъ онъ можетъ быть приговоренъ къ розгамъ. Другой его товарищъ,—«*просящій милостыню съ дерзостью и грубостью или съ употребленіемъ обмановъ*», за что мировые судьи могли приговаривать по 50-й ст. Устава о наказаніяхъ къ тюрьмѣ отъ одного *до трехъ* мѣсяцевъ,—по Временнымъ правиламъ не можетъ быть приговариваемъ къ розгамъ»(ст. 17 и 36 Временныхъ Правилъ).

Въ виду этихъ странныхъ противорѣчій, г. Черновъ, земскій начальникъ Гжатскаго уѣзда, Смоленской губ., въ своей прекрасной книгѣ говоритъ: «Какъ же найти правомѣрный мотивъ для допущенія позорящаго сѣченія? При всѣхъ усиліяхъ воображенія и памяти я, въ качествѣ юриста, его не нахожу, а, наоборотъ, впадаю въ неразрѣшимое, тяжелое недоумѣніе. Если строгій арестъ и штрафъ, не осложняемые позоромъ, признаны законодателемъ за равно великія («соотвѣтственныя») съ розгой наказанія и дозволено назначать ихъ для всѣхъ (т.-е. изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія), провинившихся въ данномъ проступкѣ, то ради чего надо примѣнять еще сѣченіе, т.-е. такое *особое* воздѣйствіе, которое при

---

*) *Черновъ*, стр. 13—15.

двухъ *равныхъ* винахъ обязательно минуетъ преступника, случайно попавшаго въ «изъятые» (вчера поступилъ въ лѣсные сторожа) и можетъ обрушиться только на человѣка, случайно избѣжавшаго «изъятія» (вытянувшій счастливый жребій при наборѣ)? Чего ради держать въ судебно-карательномъ инвентарѣ такое орудіе, которое поражаетъ не за вину, а за случай, за такой или иной отъ воли не зависящій внѣшній признакъ (размѣръ тѣла въ длину и ширину для воинской повинности) и которое имѣетъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбой: узкогрудыхъ, хромоногихъ, единственныхъ тружениковъ на семью—сыновей-одиночекъ и т. п.» (стр. 59, 80, 71—72) *).

При существованіи тѣлесныхъ наказаній принципъ равенства нарушается еще и тѣмъ, что въ участкахъ однихъ земскихъ начальниковъ оно примѣняется весьма часто, а у другихъ не допускается никогда **).

Тѣлесное наказаніе несправедливо и потому, что оно неравномѣрно по индивидуальности наказываемаго и по произволу исполняющаго наказаніе. Для человѣка съ развитымъ сознаніемъ о личномъ достоинствѣ оно неизмѣримо болѣе невыносимо, чѣмъ для стоящаго на низкомъ нравственномъ уровнѣ. Сила наказанія зависитъ также отъ усмотрѣнія наказывающаго, смотря потому, задобренъ ли онъ или нѣтъ ***). Предложеніе замѣнить руку палача машиною не можетъ быть принято, какъ противорѣчащее самымъ элементарнымъ чувствамъ приличія и гуманности: лучше позаботиться о снабженіи волостныхъ правленій какими-либо усовершенствованными сельско-хозяйственными машинами, которыми могли бы пользоваться крестьяне и, такимъ образомъ, увеличивъ свое благосостояніе, избавиться отъ недоимокъ, чѣмъ тратить мужицкія деньги на машины для сѣченія. Къ тому же такая машина, устраняя ту неравномѣрность, которая можетъ вызываться усмотрѣніемъ сѣкутора, нисколько не уничтожаетъ неравномѣрности, создаваемой различіемъ нравственнаго уровня наказуемыхъ ****).

Если тѣлесныя наказанія противорѣчатъ справедливости даже въ слу-

---

*) Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли въ первой статьѣ, очень многіе земскіе начальники держатся другихъ взглядовъ. По словамъ *Новаго Времени*, розга стала примѣняться во многихъ случаяхъ прямо по настоянію самихъ земскихъ начальниковъ и *даже по ихъ распоряженію, не основанному на соотвѣтствующемъ приговорѣ волостного суда*" (1896 г. № 7127).

**) Въ какой степени неодинаково часто допускались тѣлесныя наказанія земскими начальниками въ 1892 г. въ Тверской губ. и въ Новгородскомъ уѣздѣ, видно изъ цифръ, приведенныхъ въ *Вѣстн. Европы* 1893 г., № 11, стр. 371, и въ *Журн. Юрид. Общ.* 1895 г. № 9, стр. 74.

***) Максимовъ (*Сибирь и каторга*, т. II, стр. 14—15) разсказываетъ о палачѣ, который на спинѣ собственнаго сына показывалъ фокусы кнутомъ, разрѣзывая со всего размаха ударомъ кнута листъ бумаги и не касаясь при этомъ тѣла.

****) Срав. *Кистяковскій*, 805; *Фойницкій*: „Ученіе о наказаніи", стр. 155—156. *Сергіевскій*: „Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ". Спб., 1887 г., стр. 168—169; *Mittermaier*: l. c. 657—658; *Jagemann*: „Die Strafe der körperlichen Züchtigung vor der Forum der Wissenschaft und der Erfahrung". „Archiv des Criminalrechts", 1841, 258—259.

чаяхъ назначенія по суду, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать относительно примѣненія ихъ по административному усмотрѣнію *). Миттермайеръ еще въ 1832 г. указывалъ, какъ неудобно то, что назначеніе такого тяжелаго наказанія зависитъ въ этомъ случаѣ отъ одного лица, которое послѣ весьма бѣглаго и поверхностнаго разбора дѣла опредѣляетъ наказаніе и приказываетъ немедленно привести его въ исполненіе. При этихъ условіяхъ весьма легко совершить несправедливость, иной разъ подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго неумѣніемъ обвиняемаго употребить то или другое выраженіе или его боязливостью. Если назначается арестъ, то чиновникъ, одумавшись, можетъ его отмѣнить, въ случаѣ же примѣненія тѣлеснаго наказанія это невозможно. Противъ тѣлесныхъ наказаній по произволу администраціи много было говорено и въ коммиссіи 1862 г., обсуждавшей записку кн. Н. А. Орлова, причемъ особенно возставалъ противъ нихъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Мы видѣли выше, какъ мало обоснованы въ законѣ тѣлесныя наказанія по усмотрѣнію администраціи, а, между тѣмъ, они принимаютъ иной разъ уже характеръ истязанія.

Сохраненіе тѣлесныхъ наказаній не только противорѣчитъ справедливости, но не желательно и вслѣдствіе ихъ нецѣлесообразности.

Нецѣлесообразны они, во-первыхъ, потому, что, по мнѣнію криминалистовъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они дозволены относительно лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія, они не устрашаютъ, по крайней мѣрѣ, людей, не одаренныхъ особенною нравственною чуткостью. Въ коммиссіи 1862 г. управляющій III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи кн. Долгоруковъ указалъ на то, что «содержаніе подъ арестомъ даже кратковременнымъ дѣйствуетъ на простой народъ сильнѣе розогъ». Другой членъ этой коммиссіи замѣтилъ, что тѣлесныя наказанія за маловажные преступленія и проступки, «доведенныя по духу нашего времени до незначительнаго числа ударовъ розгами для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства и обтерпѣвшихся въ суровой жизни, не составляютъ страданія равносильнаго причиненному преступными ихъ дѣяніями злу, почему не могутъ служить ни достаточнымъ возмездіемъ за преступное дѣяніе, ни достаточною угрозой для предупрежденія подобныхъ дѣяній на будущее время» **). Земскій начальникъ Чер-

---

*) О жестокихъ истязаніяхъ при полицейскомъ дознаніи въ Вятской губ., см. *Биржевыя Вѣдомости* 1895 г., 28 декабря, и въ Витебской губ.—въ ст. *Иванюкова* (*Русск. Мысль* 1896 г., кн. 1). Случай истязанія недоимщиковъ, см. *Новое Время* 1895 г., 22 ноября.

**) „Сводъ мнѣній объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ“, стр. 75, 77—78. И въ старыхъ кадетскихъ корпусахъ, по свидѣтельству генерала Щербачева, бывшаго директоромъ нѣсколькихъ военно-учебныхъ заведеній, тѣлесное наказаніе „не могло улучшить нравственность воспитанниковъ, но, убивая въ нихъ самолюбіе и очерствляя ихъ сердца, не возбуждало даже особеннаго страха, такъ какъ самые отчаянные кадеты скоро съ нимъ свыкались“. *Русскій Архивъ* 1890 г., № 1, стр. 87, 90; 1891 г., № 2, стр. 249—250.

новъ также свидѣтельствуетъ, что физическая боль, причиняемая розгами въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ наказаніе можетъ производиться по приговору волостныхъ судовъ, вовсе не страшна крестьянамъ: «страшною остается розга для тѣхъ только, кто боится позора и кого однажды высѣчь—значитъ на вѣки погубить». Что болевому ощущенію не придавали значенія и при узаконеніи розогъ для крестьянскаго суда, видно изъ ст. 114 Общаго Положенія о крестьянахъ, по которой лицо, получившее хотя бы одинъ ударъ розги, навсегда лишается права занимать должности по выборамъ *). Не слѣдуетъ ли отсюда, что нужно усилить тѣлесныя наказанія, чтобы сдѣлать ихъ цѣлесообразными? Но возставать противъ этой мысли значило бы повторять все, что было сказано противъ тѣлесныхъ наказаній въ коммиссіи 1862 г. и признать ошибкою все, что сдѣлано въ Россіи и въ Западной Европѣ для смягченія и уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. По словамъ проф. Кистяковскаго, вообще «тѣлесныя наказанія, изобрѣтенныя для устрашенія, въ дѣйствительности не только не устрашаютъ, но еще больше возбуждаютъ и закаляютъ во злѣ преступную волю» (стр. 802).

Тѣлесныя наказанія нецѣлесообразны и потому, что они не исправляютъ. Еще въ 1832 г. Миттермайеръ указалъ на то, что однихъ они совершенно подавляютъ, нанося позоръ и безчестье, другихъ же крайне раздражаютъ и озлобляютъ. Ни то, ни другое настроеніе не можетъ содѣйствовать раскаянію и нравственному усовершенствованію **). Такія же мнѣнія высказывались и въ коммиссіи 1862 г., обсуждавшей записку кн. Н. А. Орлова.

Мучительныя тѣлесныя наказанія (плети) *вызываютъ* не отвращеніе къ преступнику, а *состраданіе* къ нему. Они до такой степени возмущаютъ чувство даже тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ, что послѣдніе, какъ извѣстно, очень часто скорѣе соглашались сами претерпѣть тяжелое наказаніе и ссылку въ Сибирь, чѣмъ сдѣлаться палачами ***). Да и вообще тѣлесныя наказанія противорѣчатъ всякому гуманному чувству. Понятно, что уже встрѣчаются случаи, когда не находится охотниковъ приводить въ исполненіе наказаніе розгами, какъ прежде даже преступники не соглашались драть плетьми. Въ одной волости тѣлесное наказаніе вывелось потому, что никто не хотѣлъ приводить его въ исполненіе. Состоялся было одинъ приговоръ на первыхъ порахъ послѣ введенія Положенія о земскихъ начальникахъ, но сторожъ волостного правленія отказался производить порку, говоря, что онъ не на то нанимался, что онъ-де не палачъ; другихъ охотниковъ не нашлось ****),

---

*) *Черновъ*, стр. 33, 45.

**) „Neues Archiv des Criminalrechts", Bd. XII, S. 656—657, 665.

***) *Кистяковскій*, стр. 803; *Джаншіевъ*: „Изъ эпохи великихъ реформъ". Изд. 5-е, стр. 183.

****) *О. Лихтенштедтъ*: „Къ ученію о раздѣленіи и соединеніи властей" (*Русское Богатство* 1892 г., № 8, стр. 71).

Тѣлесныя наказанія, по мнѣнію криминалистовъ, менѣе цѣлесообразны, чѣмъ тюремное заключеніе и арестъ, потому что они *не лишаютъ преступника свободы* и, слѣдовательно, не охраняютъ общество отъ проявленія его «злой воли», которая становится еще опаснѣе послѣ наказанія, вызывающаго раздраженіе въ наказанномъ *).

Тѣлесныя наказанія признаны нецѣлесообразными и въ войскахъ, хотя и до сихъ поръ въ извѣстной мѣрѣ они еще примѣняются къ нижнимъ чинамъ, не избавленнымъ отъ тѣлесныхъ наказаній и переведеннымъ въ разрядъ штрафованныхъ. Въ былое время, когда при крѣпостномъ правѣ помѣщики сдавали въ солдаты въ видѣ наказанія своихъ порочныхъ крѣпостныхъ людей, были и среди военныхъ защитники розогъ и шпицрутеновъ **). Но немедленно послѣ уничтоженія крѣпостного права раздались голоса за отмѣну тѣлесныхъ наказаній и въ войскахъ. Кн. Н. А. Орловъ въ своей запискѣ (1861 г.) говоритъ: «Нынѣ, когда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носитъ мундиръ не какъ наказаніе..., можно бы отмѣнить всякія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія» ***). Великій князь Константинъ Николаевичъ въ комитетѣ 1862 г. указалъ на то, что «ни жестокость тѣлесныхъ наказаній, ни частое употребленіе оныхъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а, напротивъ, жестокость тѣлесныхъ наказаній можетъ *ослаблять силу военной дисциплины*, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами и поселяя въ нихъ чувства взаимнаго неуваженія и нерасположенія». По мнѣнію великаго князя, въ военномъ вѣдомствѣ нельзя было довольствоваться однимъ ослабленіемъ жестокости тѣлесныхъ наказаній, а слѣдовало перейти къ такой карательной системѣ, которая, будучи основана на различныхъ лишеніяхъ, не унижающихъ въ виновномъ чувства человѣческаго достоинства, «способна къ исправленію его и къ возбужденію въ нижнихъ чинахъ чувства долга». Поэтому великій князь Константинъ Николаевичъ находилъ «совершенно необходимымъ нынѣ же принять за правило, что всѣ вновь поступающіе въ военную службу нижніе чины пользуются освобожденіемъ отъ всякаго вообще тѣлеснаго наказанія, пока за порочное поведеніе ихъ, уже на службѣ, не будутъ по суду лишены этого права и

---

*) Срав. *Бинштокъ*, l. c., стр. 434; *Черновъ*, стр. 47.

**) См. указаніе на это въ ст. *Клугена*: „Нѣсколько словъ о тѣлесномъ въ русскихъ войскахъ наказаніи“ (*Военный Сборникъ* 1859 г., т. IX, стр. 200—201). Впрочемъ, еще въ 1815 г. гр. М. С. Воронцовъ говоритъ въ своемъ приказѣ, ограничивающемъ въ командуемой имъ дивизіи примѣненіе тѣлесныхъ наказаній: „солдатъ, который еще никогда тѣлесно наказанъ не былъ, гораздо способнѣе къ чувствамъ амбиціи, достойнымъ настоящаго воина и истиннаго сына отечества, и скорѣе можно ожидать отъ него хорошей службы и примѣра другимъ“. Ibid., стр. 206. На то, что офицеры семеновскаго полка, и въ томъ числѣ декабристъ С. И. Муравьевъ, въ 1820-хъ годахъ упразднили въ своемъ полку тѣлесное наказаніе недавно указалъ *гр. Л. Н. Толстой* въ своей статьѣ *Стыдно. Биржевыя Вѣдомости* 1895 г., № 355.

***) *Русская Старина* 1881 г., т. XXXI, стр. 101.

переведены въ особый разрядъ нижнихъ чиновъ, подвергающихся тѣлесному наказанію *). Этотъ принципъ и былъ принятъ высочайшимъ повелѣніемъ 17 апрѣля 1863 г., изложеннымъ въ приказахъ по военному и морскому вѣдомству, гдѣ указъ 17 апрѣля былъ объясненъ желаніемъ правительства «возвысить нравственный духъ нижнихъ чиновъ».

Высочайше учрежденное въ 1865 г. совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича **) для разсмотрѣнія общей части проекта воинскаго устава о наказаніяхъ, имѣя въ виду указъ 17 апрѣля 1863 г., въ которомъ «положительно выражено, что тѣлесное наказаніе по судебнымъ приговорамъ до 200 ударовъ розгами оставляется *въ видѣ временной мѣры*, впредь до устройства въ военномъ вѣдомствѣ особыхъ мѣстъ заключенія и исправительныхъ учрежденій... и что самое устройство сихъ мѣстъ заключенія возложено на особое попеченіе военнаго и морского вѣдомствъ», нашло неудобнымъ «включить въ новый военно-уголовный уставъ наказаніе розгами». Но, съ другой стороны, принявъ въ соображеніе, что «хотя военное министерство и прилагаетъ все зависящее отъ него попеченіе о скорѣйшемъ устройствѣ военныхъ мѣстъ заключенія въ достаточномъ числѣ, но такъ какъ, при обширности нашихъ пространствъ, нельзя ожидать повсемѣстно ихъ устройства въ непродолжительномъ времени», совѣщаніе положило: «въ виду недостатка *на первое время* военныхъ тюремъ, предоставить военному и морскому министерствамъ составить и издать въ свое время, по испрошеніи высочайшаго утвержденія, особыя *временныя* правила о замѣнѣ одиночнаго заключенія иными способами наказанія, причемъ можетъ быть допускаемъ для нижнихъ чиновъ, не изъятыхъ по правамъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, и наказаніе розгами не свыше 200 ударовъ» ***).

По воинскому уставу въ изданіи 1869 г., впредь до устройства военныхъ тюремъ, одиночное заключеніе должно было быть замѣняемо для нижнихъ чиновъ, «состоящихъ на срочной службѣ, не пользующихся особыми правами состоянія и не имѣющихъ нашивки, наказаніемъ розгами отъ 50 до 200 ударовъ, соразмѣряя число оныхъ со степенью одиночнаго заключенія, которой подлежалъ бы осужденный», по изданіи же воинскаго устава 1875 г. (послѣ введенія общей воинской повинности) такая замѣна допускается лишь для состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ ****).

---

*) Управляющій III отдѣленіемъ кн. Долгоруковъ также высказался за уничтоженіе въ войскахъ тѣлесныхъ наказаній. *Сводъ мнѣній объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ*, стр. 11, 46—48.

**) Изъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ гр. Панина, предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта бар. Корфа, военнаго министра Милютина и управляющаго морскимъ министерствомъ Краббе.

***) *Кузьминъ-Караваевъ:* „Характеристика общей части Уложенія и Воинскаго устава о наказаніяхъ". Спб., 1890 г., стр. 6—8, 80—81.

****) 2-е *П. С. З.*, № 54536, прил. къ ст. 59 съ примѣч. *Сводъ военныхъ постановленій*, изд. 1869 г., кн. XXII, прилож. къ ст. 69, изд. 1879 г., кн. XXII, прилож. къ ст. 59.

Значительное ограниченіе въ 1875 г. примѣненія розги въ видѣ замѣны одиночнаго заключенія немедленно отразилось на уменьшеніи примѣненія въ войскахъ тѣлеснаго наказанія. Изъ всеподданѣйшихъ отчетовъ по военному министерству видно, что всего подвергнутыхъ *по суду* тѣлесному наказанію военно-служащихъ было: въ 1871 г.—6,149, 1872 г.—6,799, 1873 г.—6,763, 1874 г.—6,452. Ограниченіе замѣны одиночнаго заключенія розгами произошло 27 марта 1875 г., и въ этомъ же году, вслѣдствіе этого, втрое уменьшилось сравнительно съ предыдущимъ годомъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, а именно подвергнутыхъ имъ было въ 1875 г. — 2,133, и за тѣмъ количество наказанныхъ тѣлесно въ войскахъ по суду стало быстро падать: въ 1876 г.—1,371, 1877 г.—1,024, 1878 г.—1,233, 1879 г.—918, 1880 г.—681, 1881 г.—573, 1882 г.—475, 1883 г.—298, 1884 г.—422, 1885 г.—447, 1886 г.—451, 1887 г.—442, 1888 г.—459, 1889 г.—409, 1890 г.—407, 1892 г.—340, 1893 г. — 348 *). О числѣ наказанныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Что дисциплина не пострадала отъ ограниченія тѣлеснаго наказанія, это видно, между прочимъ, изъ отзывовъ иностранцевъ о нашей арміи во время войны съ Турціей 1877 г. **). Число заключенныхъ въ военно-исправительныхъ ротахъ и дисциплинарныхъ частяхъ съ 1871 по 1879 г. также постоянно уменьшалось, и въ 1880 г. заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ было въ 3½ раза менѣе, чѣмъ въ 1871 г. По свидѣтельству изслѣдователя-спеціалиста, это «объясняется, прежде всего, постепеннымъ уменьшеніемъ числа приговариваемыхъ къ заключенію *вслѣдствіе улучшенія нравственности нижнихъ чиновъ*». Число рецидивистовъ изъ заключенныхъ въ дисциплинарные батальоны за десятилѣтній періодъ съ 1869 по 1879 г. уменьшилось болѣе чѣмъ въ 27 разъ ***). Цифры о тѣлесныхъ

---

*) Если изъ всѣхъ наказанныхъ тѣлесно выдѣлить подвергнутыхъ этому наказанію за преступленія спеціально воинскія (нарушенія дисциплины и чинопочитанія), то окажется, что и это число (также послѣ рѣзкаго уменьшенія въ 1875 г. вслѣдствіе измѣненія закона) продолжаетъ постепенно уменьшаться. Наказанныхъ за такія спеціально воинскія преступленія было: въ 1870 г.—561, 1871 г.—510, 1872 г.—632, 1873 г.—578, 1874 г.—569, 1875 г.—139, 1876 г.—75, 1877 г.—39, 1878 г.—66, 1879 г.—36, 1880 г.—33, 1881 г.—26, 1882 г.—19, 1883 г.—12, 1884 г.—14, 1885 г.—16, 1886 г.—21, 1887 г.—14, 1888 г.—19, 1889 г.—15, 1890 г.—15, 1891 г.—30, 1892 г.—9, 1893 г.—16.

**) См. *Ровинскій*: „Русскія народныя картинки“. *Сборн. отд. русск. яз. и слов. Ак. наукъ*, т. XXVII, стр. 325.

***) *В. Аванасьевъ*: „Дисциплинарные батальоны и роты“. *Воен. Сборн.*, 1890 г. т. 194, стр. 127 — 129. Дисциплинарные батальоны находятся въ Бобруйскѣ, Херсонѣ, Екатеринодарѣ и Воронежѣ. Самымъ худшимъ по строгости начальства считается Воронежскій. Отъ 100 ударовъ розгами болѣе слабые на первыхъ порахъ лишаются чувствъ и потомъ болѣютъ печенью или легкими; послѣ 300 ударовъ остаются въ живыхъ только самые крѣпкіе, большинство же умираетъ черезъ нѣсколько дней или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1890 г., при производствѣ экзекуціи 300 ударами въ воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ, истязуемый нѣсколько разъ лишался чувствъ; тогда фельдшеръ, по приказанію доктора, давалъ возбуждающее средство, и

наказаніяхъ въ войскахъ, приведенныя выше, доказываютъ, что настало время совершенно уничтожить здѣсь это наказаніе, тѣмъ болѣе, что экзекуціи въ 200 — 300 ударовъ являются пыткою, оканчивающеюся сплошь и рядомъ смертью *).

Опытъ, произведенный въ войскахъ, поучителенъ и вообще по отношенію къ лицамъ, не избавленнымъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ нѣкоторые военные полагали, что еще рано отмѣнять и даже ослаблять тѣлесныя наказанія въ войскахъ **) и, однако, послѣдствія указа 17 апрѣля 1863 г. блистательно опровергли это мнѣніе, что и даетъ возможность высказать пожеланіе, чтобы тѣлесное наказаніе было уничтожено въ войскахъ и для разряда штрафованныхъ. А такъ какъ большинство нашихъ нижнихъ чиновъ набирается изъ крестьянскаго сословія, то, очевидно, что и для этого послѣдняго наступило время окончательно избавиться отъ шельмованія розгою.

Опытъ совершенной отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ школѣ можно признать также блистательно удавшимся, и въ этомъ отношеніи мы съ гордостью можемъ смотрѣть на Западную Европу, гдѣ въ Германіи еще сильны въ школѣ побои, а въ Англіи и тѣлесныя наказанія. Розга изгнана у насъ, какъ извѣстно, и изъ народныхъ школъ, и нигдѣ не слышно сожалѣнія о невозможности ея примѣненія. Неужели взрослыми людьми труднѣе управлять безъ розги, чѣмъ дѣтьми?

Миттермайеръ еще въ 30-хъ годахъ указалъ на то, что тѣлесныя наказанія не должны примѣняться въ тюрьмахъ (l. c. 665—667). Во многихъ государствахъ Западной Европы тѣлесныя наказанія уже совершенно уничтожены; къ сожалѣнію, въ нашемъ законодательствѣ указанное мнѣніе знаменитаго юриста еще не нашло осуществленія, но освобожденіе въ 1893 г. отъ всякаго тѣлеснаго наказанія даже ссыльныхъ женщинъ позволяетъ надѣяться, что плети и розги скоро исчезнутъ изъ нашего устава о ссыльныхъ, какъ онѣ уже исчезли изъ нашего уложенія о наказаніяхъ, если не считать нѣсколькихъ статей, по которымъ незначительному тѣлесному наказанію могутъ быть подвергнуты по суду бродяги, водоходцы и малолѣтніе ремесленники,—статей, къ тому же уже исключенныхъ въ новомъ проектѣ уголовнаго уложенія.

Итакъ, тѣлесныя наказанія несправедливы и нецѣлесообразны; но ихъ слѣдуетъ уничтожить и въ виду тѣхъ многочисленныхъ *вредныхъ послѣдствій,* къ которымъ они приводятъ. Еще въ 30-хъ годахъ Миттермайеръ указывалъ на отзывы извѣстныхъ врачей о вредѣ тѣлесныхъ наказаній

какъ только наказываемый приходилъ въ себя и взвизгивалъ, его начинали опять стегать. Недѣли черезъ двѣ наказанный былъ отправленъ по этапу въ Москву, гдѣ и умеръ. Другой солдатъ, наказанный въ воронежскомъ батальонѣ 200 ударами, умеръ черезъ три дня.

*) Отзывъ генерала Драгомирова противъ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, см. въ *Развѣдчикъ* 1895 г.

**) *Военный Сборникъ*, 1859 г., т. XI, стр. 200—201.

для здоровья наказываемыхъ (I. стр. 658—659, 663—664). На вредъ тѣлесныхъ наказаній для здоровья, а иногда даже и на опасность для жизни было указано недавно и въ обществахъ врачей казанскомъ и саратовскомъ. Въ рѣчи «о наказаніи розгами съ медицинской точки зрѣнія», произнесенной въ засѣданіи общества врачей при Казанскомъ университетѣ 20 января 1895 года, проф. Гвоздевъ, указавъ на то, что тѣлесныя наказанія причиняютъ ссадины кожи, даже разрывъ кровеносныхъ сосудовъ, говоритъ: «Но какъ бы ни были ничтожны поврежденія нашего тѣла, они все-таки содѣйствуютъ вхожденію въ потокъ крови губительныхъ микробовъ». Къ тому же «подавленное состояніе духа», вызываемое тѣлеснымъ наказаніемъ, «подавляетъ и ослабляетъ крѣпость тѣла, что въ свою очередь способствуетъ нерѣдко развитію и, во всякомъ случаѣ, ухудшенію всякаго болѣзненнаго процесса». Проф. Капустинъ также указалъ на то, что наказаніе розгами можетъ имѣть въ извѣстныхъ случаяхъ крайне опасныя, даже роковыя послѣдствія, такъ, напримѣръ, «при страданіяхъ сердца, при атероматозномъ перерожденіи сосудовъ» *). Такимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что тѣлесныя наказанія и при тѣхъ небольшихъ размѣрахъ, въ какихъ они могутъ производиться по приговору волостного суда, не вредятъ здоровью лицъ, имъ подвергаемыхъ, а къ тому же нужно помнить, что, при существованіи этихъ наказаній, возможны злоупотребленія ими, и извѣстны случаи наказанія женщинъ вовсе избавленныхъ отъ розги, и даже бо́льшимъ количествомъ ударовъ, чѣмъ это вообще дозволено волостнымъ судомъ **). Наконецъ, при сѣченіяхъ по административному усмотрѣнію далеко переходятъ за тотъ предѣлъ, какой указанъ для волостныхъ судовъ. Наказанія же штрафованныхъ солдатъ и содержащихся подъ стражею могутъ быть несомнѣнно вредны для здоровья, а для лишенныхъ правъ состоянія весьма нерѣдко и для ихъ жизни ***). Впрочемъ, тѣлесныя наказанія, въ виду ихъ позорящаго характера, могутъ вести къ крайне опаснымъ послѣдствіямъ для наказаннаго даже въ тѣхъ небольшихъ размѣрахъ, какіе назначаются волостнымъ судомъ, такъ какъ людей наиболѣе нервныхъ и чувствительныхъ въ дѣлѣ чести они могутъ доводить до открытаго сопротивленія ****) или даже самоубійства.

---

*) *Дневникъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ* 1895 г., вып. I, стр. 24—25, и протоколы, ibid., стр. 23.

**) Кромѣ того у Гл. И. Успенскаго („Власть земли", гл. IX) есть указанія на одновременное приведеніе въ исполненіе четырехъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію одного и того же лица. Тутъ, слѣдовательно, наказаніе могло уже равняться 80 ударамъ. О подобныхъ же случаяхъ и мы слышали отъ лицъ, хорошо знающихъ народную жизнь.

***) Арестанты говорили Достоевскому, что розги въ большомъ количествѣ мучительнѣе палокъ (шпицрутеновъ). Одинъ интеллигентный арестантъ, подвергнутый въ 70-хъ годахъ тѣлесному наказанію въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія по распоряженію мѣстнаго градоначальника, содержался затѣмъ въ качествѣ душевно-больного въ казанской больницѣ.

****) На золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1891 г. мы слышали, что

Такъ во Владимірскомъ у. одинъ крестьянинъ, лѣтъ 50-ти, по интригамъ старшины, былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію *). Онъ жаловался уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, но безуспѣшно. Нѣсколько лѣтъ приговоръ оставался неисполненнымъ, пока о немъ не напомнилъ въ 1892 г. владимірскій уѣздный съѣздъ, потребовавшій его исполненія. Крестьянинъ ссылался на свои лѣта, на то, что «онъ не мальчишка, что теперь и мальчишекъ въ школахъ не велятъ сѣчь» и, наконецъ, сталъ обороняться ножомъ. Крестьянинъ все-таки былъ наказанъ, но возникло дѣло о вооруженномъ сопротивленіи властямъ, и онъ былъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ цѣлый годъ, заболѣлъ здѣсь, и его отвезли въ больницу, какъ душевно-больного. Тамъ у него нашли сыпной тифъ, отъ котораго онъ выздоровѣлъ. На вопросъ о состояніи умственныхъ способностей этого крестьянина въ моментъ совершенія преступленія одинъ земскій врачъ далъ заключеніе, что, принимая во вниманіе легкую возбудимость нервной системы этого крестьянина (на что указывали рѣзко выступающія мозговыя явленія при лихорадочныхъ процессахъ), можно заключить, что обвиняемый находился въ состояніи аффекта и не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ дѣяніи; аффектъ могъ наступить тѣмъ легче, что дѣло шло о наказаніи, затрогивавшемъ честь обвиняемаго, но другіе врачи не признали его ненормальнымъ ни въ моментъ сопротивленія наказанію, ни позднѣе, и онъ былъ приговоренъ къ лишенію особыхъ правъ и къ арестантскимъ ротамъ на годъ **).

Одинъ случай самоубійства крестьянина, приговореннаго къ тѣлесному наказанію, былъ недавно оглашенъ въ газетахъ. Въ 1893 г. въ одномъ селѣ Петровскаго у., Саратовской губ., повѣсился крестьянинъ 40 лѣтъ. Вообще зажиточный домохозяинъ, онъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ тѣлесному наказанію за замѣченное въ послѣднее время пьянство и мотовство. Поданная имъ жалоба въ съѣздъ не была принята по формальному упущенію, и страхъ предъ позорящимъ наказаніемъ заставилъ его наложить на себя руки ***).

Мы видимъ такимъ образомъ, что кн. Н. А. Орловъ обнаружилъ большую проницательность, когда еще въ 1861 г. сдѣлалъ въ своей запискѣ слѣдующее предсказаніе: «Мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣ-

---

партіонныя расправы, состоявшія изъ рабочихъ, боялись приговаривать товарищей къ розгамъ, хотя среди нихъ было много и не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній ссыльно-поселенцевъ.

*) Что тѣлесное наказаніе примѣняется иногда подъ вліяніемъ сельскихъ воротилъ для того, чтобы навсегда лишить непріятнаго имъ человѣка права занимать выборныя должности, можно видѣть изъ ст. *И. И. Иванюкова* въ *Русской Мысли* 1895 г., кн. 9, стр. 129.

**) *Сборникъ провозвѣдѣнія и обществен. знаній*, т. V, стр. 181—184.

***) Перепечатано изъ *Церковнаго Вѣстника г. Джаншіевымъ* въ его книгѣ „Изъ эпохи великихъ реформъ“, изд. 5-е, стр. 215. Другіе случаи самоубійства и сумасшествія послѣ тѣлеснаго наказанія, см. *Русское Богатство* 1894 г., № 11, „Хрон. внутр. жизни“, стр. 169.

лесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству *). И дѣйствительно, изученіе трудовъ коммиссіи, изслѣдовавшей волостные суды, показало намъ, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ въ деревняхъ было не мало противниковъ розги; нельзя сомнѣваться, что оно сильно увеличилось въ томъ поколѣніи, которое выросло уже послѣ паденія крѣпостного права и въ значительной степени воспользовалось благими вліяніями земскихъ и другихъ школъ.

Нѣмецкій криминалистъ Ягеманъ, изучавшій вліяніе тѣлесныхъ наказаній въ то время, когда они еще были распространенны въ Германіи, замѣтилъ, что это вліяніе бываетъ троякое. Часть наказанныхъ обнаруживаетъ сильную подавленность, другіе—болѣе грубые, менѣе нервные или слишкомъ гордые для того, чтобы доставить наказывающему удовольствіе выраженіемъ своего страданія, встаютъ со скамьи, на которой производилось наказаніе, совершенно спокойно и даже смѣются. Но оба первые разряда составляютъ лишь исключенія. Обыкновенно наказанные розгами обнаруживаютъ сильное негодованіе, упорство и презрѣніе къ власти, которая показываетъ силу закона грубою палочною расправой; они далеки отъ намѣренія обнаруживать впредь слѣпое подчиненіе, напротивъ, они будутъ стараться похитрѣе и половчѣе учинить новую досаду власти, которая такъ тяжело оскорбила ихъ. Понятно, что Ягеманъ находилъ тѣлесныя наказанія совершенно нецѣлесообразными, такъ какъ они нравственно унижаютъ наказываемаго и уничтожаютъ въ немъ чувство собственнаго достоинства **). Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ (1860 г.) Я. Соловьевъ, на основаніи наблюденій надъ государственными крестьянами, утверждалъ, что тѣлесныя наказанія развращаютъ и унижаютъ, что наказанные такимъ образомъ теряютъ самолюбіе ***). Кн. Н. А. Орловъ также находилъ, что тѣлесныя наказанія вообще «поддерживаютъ грубость нравовъ и сильно мѣшаютъ правильному развитію человѣческой личности», розги «унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести» ****). По замѣчанію одного изъ юристовъ въ комитетѣ 1862 г., существованіе ихъ поддерживаетъ неуваженіе и къ своей, и къ чужой личности, которое такъ сильно внѣдрилось въ наши нравы при господствѣ крѣпостного права; изъ того же источника «проистекаютъ грубое обращеніе и самодурство въ семейномъ быту, употребленіе горячихъ напитковъ до скотскаго состоянія и цинизмъ во всѣхъ порочныхъ наклонностяхъ». По мнѣнію великаго князя Константина Николаевича, тѣлесныя наказанія «дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность», да и весь комитетъ

---

*) *Русская Старина* 1881 г., т. XXXI, стр. 98.

**) *Archiv des Criminalrechts* 1841, стр. 234, 248—249, 258—259.

***) *Семеновъ*: „Освобожденіе крестьянъ“, т. III, ч. II, стр. 130.

****) *Русская Старина*, т. XXXI, стр. 98, 100. Московскій дворянскій комитетъ (въ эпоху крестьянской реформы) также отвергъ тѣлесное наказаніе „въ видахъ смягченія грубости нравовъ и развитія между поселянами уваженія къ собственной личности“. *Скребицкій*, т. I, стр. 538.

1862 г. нашелъ, что тѣлесныя наказанія «ожесточаютъ нравы, поражаютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и если не устраняютъ вовсе, то по крайней мѣрѣ затрудняютъ возможность нравственнаго его исправленія» *). Еще рѣшительнѣе высказываются относительно развращающаго вліянія розги наши современные юристы **). Такъ, напримѣръ, сенаторъ Таганцевъ говоритъ: «Высѣченный теряетъ способность сознавать позоръ, теряетъ сознаніе своего личнаго достоинства, а поднятіе этого сознанія составляетъ одну изъ задачъ предохранительной дѣятельности государства» ***). Что зрѣлище тѣлесныхъ наказаній развращающимъ образомъ вліяетъ на молодое поколѣніе, это признало и министерство внутреннихъ дѣлъ въ вышеупомянутомъ циркулярѣ 1891 г., которымъ было предписано, чтобъ исполнителями приговоровъ о сѣченіи розгами не были молодые люди и чтобы это наказаніе «не являлось потѣхой или зрѣлищемъ для праздной толпы, а особенно малолѣтнихъ» ****).

Грубость нравовъ, развиваемая и поддерживаемая тѣлесными наказаніями, опасна не только для низшихъ классовъ народа, но также для членовъ другихъ сословій и для представителей власти. Нужно помнить, во-первыхъ, что крестьяне являются присяжными засѣдателями въ общихъ судахъ и потому могутъ постановлять болѣе жестокіе приговоры. Затѣмъ грубость нравовъ, какъ показали холерные безпорядки, крайне опасна во время народныхъ волненій. Но даже и при менѣе экстраординарныхъ обстоятельствахъ неудовольствіе народа на дѣйствія того или другого начальника можетъ проявляться въ весьма грубой и непріятной для него формѣ.

Что тѣлесныя наказанія сильно озлобляютъ противъ представителей власти, на это, какъ мы видѣли, указывалъ Ягеманъ еще въ 1841 г. Великій князь Константинъ Николаевичъ въ 1862 г. также утверждалъ, что «тѣлесныя наказанія возбуждаютъ массу населенія противъ установленныхъ властей»; того же мнѣнія держался и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ *****).

*) „Сводъ мнѣній", стр. 11, 14, 78—79; *Бинштокъ*, l. c., стр. 434, 438.

**) *Кистяковскій*, стр. 803—804, 805; *Фойницкій*, стр. 155; *Сергіевскій*, стр. 168; срав. „Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ", стр. 222; *Черновъ*, стр. 34—35, 83—93. По словамъ г. Обнинскаго, „Современная уголовная статистика" показываетъ, что „большинство несовершеннолѣтнихъ преступниковъ выходитъ изъ мастерскихъ и т. под. ремесленныхъ заведеній, а ужъ тамъ ли не бьютъ! Въ нихъ плетка, вѣшаемая всегда на видномъ мѣстѣ, составляетъ единственный стимулъ обученія и назиданія, а въ случаяхъ особой важности пускаются въ ходъ и болѣе тяжеловѣсныя орудія „домашняго исправленія" (*Юридическій Вѣстникъ* 1891 г., № 5—6, стр. 51). Объ ожесточающемъ и развращающемъ вліяніи розогъ см. еще „Власть земли" *Г. Успенскаго*, гл. IX.

***) *Лекціи по русскому уголовному праву*, вып. 4, стр. 1458.

****) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 9, стр. 378.

*****) *Сводъ мнѣній*, стр. 11, 40; *Бинштокъ*, 429. По свидѣтельству генерала Щербачева, въ старыхъ кадетскихъ корпусахъ тѣлесное наказаніе „настолько озлобляло

Наконецъ, тѣлесныя наказанія производятъ самое развращающее вліяніе на тѣхъ, кто можетъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію. Огромное количество краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ примѣровъ представляетъ исторія нашего крѣпостного права *), нашей старой школы **) и нашихъ тюремъ, арестантскихъ ротъ и каторги ***). Предоставленіе земскимъ начальникамъ права отмѣнять или разрѣшать тѣлесныя наказанія по приговору волостного суда вызвало на свѣтъ Божій, повидимому, уже сданныхъ въ архивъ исторіи любителей тѣлесныхъ наказаній ****). Нужно поспѣшить съ отмѣной розги уже изъ опасенія ея развращающаго вліянія на тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которымъ дано право разрѣшать ея примѣненіе.

V.

Если, пересмотрѣвъ весь арсеналъ доводовъ *противъ* тѣлеснаго наказанія, мы обратимся къ доводамъ *за* него, то мы немедленно убѣдимся, какъ немногочисленны и неубѣдительны эти аргументы.

Въ защиту тѣлесныхъ наказаній приводили доводъ, что «народъ любитъ розгу». Но еслибъ это было такъ, то народъ примѣнялъ бы ее чаще другихъ каръ, между тѣмъ изученіе *Трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ* показало намъ, что еще четверть столѣтія тому назадъ тѣлесное наказаніе не было преобладающимъ въ приговорахъ волостныхъ судовъ большинства посѣщенныхъ коммиссіею губерній, и если въ 1871 г. В. П. Безобразовъ, рекомендуя въ засѣданіи московскаго земскаго собранія (19 іюня) крайнюю осторожность въ вопросѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, указывалъ по этому поводу на необходимость «уваженія къ

кадетъ противъ начальства, что нѣтъ такой непріятности, которую они не желали бы сдѣлать своему начальству, не заслужившему ихъ любви и стороннику этой мѣры" (*Русскій Архивъ* 1890 г., № 1, стр. 90).

*) См. мою книгу *Крестьяне при Екатеринѣ II*, т. I, стр. 179—182, 184, 189, 199, 204.

**) См., напримѣръ, у *Джаншіева* „Изъ эпохи великихъ реформъ", изд. 5-е, стр. 174—177.

***) См., наприм., *Мертвый домъ* Достоевскаго и *Островъ Сахалинъ* Ант. Чехова. М., 1895 г., стр. 467—468. Недавніе случаи истязаній въ тюрьмахъ ст. *Новое Время* 1895 г., 26 окт.

****) „Реставрація розги,—говоритъ извѣстный юристъ, г. Обнинскій,—тема, влекущая къ себѣ невольное вниманіе криминалиста". Многіе изъ поклонниковъ розги,—такъ сказать, „поклонники искусства ради искусства"; за соболѣзнованіемъ о ней у нихъ физіономія получаетъ то блаженное выраженіе, какое подмѣтилъ нѣкогда И. С. Тургеневъ у сосѣда помѣщика, распивая съ нимъ чай на балконѣ въ то время, когда на конюшнѣ драли провинившагося крѣпостного. Это или фанатики идеи, или любители-спортсмены; они бесѣдуютъ о розгѣ, смакуя каждое слово, сопровождая его выразительною мимикой и аргументируя тему съ чувствомъ. Спорить съ ними и невозможно, и безполезно" (*Розга, какъ карательная мѣра,—Юридическ. Вѣстникъ* 1891 г., № 5—6, стр. 48—49).

обычаямъ народной жизни» *), то это можетъ объясняться отчасти тѣмъ, что тогда наше общество не располагало еще достовѣрными данными въ вопросѣ о томъ, какъ народъ относится къ розгѣ (волостные суды были изучены назначенною правительствомъ коммиссіей позднѣе, въ 1872 г.). Но даже и въ то время указаніе на необходимость уваженія къ народнымъ обычаямъ было плохимъ аргументомъ: вѣдь, народные обычаи бываютъ весьма различнаго рода. Одни изъ нихъ служатъ выраженіемъ лучшихъ соціальныхъ чувствъ народа (наприм. стремленіе къ равенству и справедливости при пользованіи общинною землей), другіе обычаи (жестокая расправа съ подозрѣваемыми въ колдовствѣ, кулачная семейная расправа) составляютъ результатъ народнаго невѣжества, грубости, бѣдности. Не всякіе народные обычаи желательно сохранять! Съ точки зрѣнія уваженія къ народнымъ взглядамъ можно, пожалуй, сказать, что не слѣдуетъ устраивать школъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя сами не выражаютъ относительно этого желанія: вѣдь, это можно назвать насиліемъ надъ народными взглядами, обычаями **). Въ новѣйшее время не было произведено такого изслѣдованія народныхъ взглядовъ на тѣлесное наказаніе, какъ въ 1872 г., но нельзя же отрицать, что за истекшую съ этого времени четверть столѣтія народное просвѣщеніе сдѣлало большіе успѣхи, а, слѣдовательно, поднялась общая культурность народа, не могло не увеличиться и отвращеніе къ розгѣ. Приведенныя выше цифры за значительный періодъ времени относительно одного изъ уѣздовъ Кіевской губ. несомнѣнно это доказываютъ; то же подтверждаютъ и приведенные выше отдѣльные факты изъ новѣйшаго времени ***). По свидѣтельству одного волостного писаря, за тѣлесное наказаніе стоятъ главнымъ образомъ старики, люди старыхъ понятій, перенесшіе гнетъ крѣпостного права. «Но,—продолжаетъ онъ,—теперь уже выступаетъ на сцену новое поколѣніе, которое *въ громадномъ большинствѣ* совсѣмъ иначе смотритъ на дѣло. Особенно это рѣзко сказывается въ молодыхъ людяхъ, побывавшихъ въ народной школѣ, но всего печальнѣе то, что именно эти люди, въ силу исключительныхъ условій захолустной жизни, нерѣдко подвергаются опасности очутиться подъ розгами». Въ Черкасскомъ округѣ Земли Войска Донского волостной судъ, приговоривъ

*) *Засѣданія московскаго земскаго собранія* 1871 г., 15—19 іюня, стр. 35, 36.

**) „Между крестьянами,— говоритъ г. Обнинскій,— много, конечно, вѣрующихъ въ тѣлесное возмездіе, ему сочувствующихъ и въ той или иной формѣ его примѣняющихъ. Но позволительно ли, подчиняясь „власти тьмы“, руководствоваться такимъ „народнымъ воззрѣніемъ“ представителю власти правительственной, представителю въ темной средѣ своего участка образовательнаго и во всякомъ случаѣ сравнительно высшаго ценза,—представителю, обязанному законодателемъ „имѣть попеченіе о нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ“ (ст. 39 Пол. о зем. нач.). *Юридич. Вѣстникъ* 1891 г., № 5—6, стр. 61.

***) Къ сказанному прибавимъ, что предложеніе (въ нынѣшнемъ году) тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства мѣстному уѣздному земскому собранію ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ земскихъ школъ возбудило особое сочувствіе среди гласныхъ отъ крестьянъ (*Новости* 1895 г., № 282).

одного пожилого и семейнаго крестьянина къ наказанію розгами, замѣнилъ приговоръ арестомъ, «имѣя въ виду, что въ послѣднее время многими земствами и печатью возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ позорящаго человѣчество, и принимая во вниманіе лѣта обвиняемаго и его семейное положеніе» *).

Есть мнѣніе, что тѣлесное наказаніе удобно для бѣдныхъ. Говорятъ, что для бѣднаго выгоднѣе подвергнуться хотя и тяжкому, но быстро исполняемому наказанію, чѣмъ быть оторваннымъ отъ своихъ занятій и заключеннымъ въ тюрьму на болѣе или менѣе продолжительное время; что въ послѣднемъ случаѣ экономическое положеніе бѣднаго разрушается, при примѣненіи же тѣлесныхъ наказаній онъ скоро забываетъ причиненное ему страданіе, между тѣмъ наказаніе остается чувствительнымъ: такова въ новѣйшее время защита ихъ Миттельштедтомъ **). Приводя это мнѣніе, проф. Фойницкій справедливо говоритъ: «При этомъ, однако, упускаютъ изъ виду, что нравственная личность подвергающагося тѣлеснымъ наказаніямъ унижается какъ въ его собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ окружающаго общества, что экономическія невыгоды, которыя влекутъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ и другого рода лишенія свободы, могутъ быть устранены другими путями и что въ извѣстныхъ случаяхъ достаточными карательными мѣрами вмѣсто краткосрочнаго заключенія могутъ служить замѣчанія, внушенія, выговоры или взятіе поручительства» (стр. 156). Во всякомъ случаѣ доводы Миттельштедта не примѣнимы къ тѣлесному наказанію въ томъ видѣ, какъ оно поставлено въ нашемъ законодательствѣ. Если признать, что тюремное заключеніе разоряетъ подвергающагося этому наказанію, то почему же розги примѣняются только къ крестьянамъ, и притомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они живутъ внѣ городской черты? Развѣ мѣщане, говоря вообще, находятся въ лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ крестьяне? Затѣмъ мы видѣли, что тѣлесныя наказанія, понижая общую культурность народа, дѣлаютъ крестьянъ менѣе способными къ введенію различныхъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ, а слѣдовательно крайне вредны для него въ экономическомъ отношеніи ***).

Въ числѣ доводовъ за тѣлесныя наказанія указываютъ еще на его индивидуальность, на то, что оно падаетъ только на самого виновнаго, не затрогивая интересовъ его семьи. Этотъ доводъ приводилъ Самаринъ въ 1860 г. въ редакціонныхъ коммиссіяхъ и въ 1871 г. въ московскомъ земскомъ собраніи ****), его имѣлъ въ виду и комитетъ 1862 г.; то соображеніе,

*) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 181.

**) Впрочемъ, и онъ предлагаетъ возстановленіе розогъ лишь за нѣкоторые особенно грубые и злостные проступки взамѣнъ краткосрочнаго лишенія свободы. *Таганцевъ*: „Лекціи“, вып. IV, стр. 1454.

***) Возраженіе съ точки зрѣнія требованій „карательной политики“ противъ довода Миттельштедта въ защиту тѣлесныхъ наказаній см. въ „Лекціяхъ по русскому уголовному праву“ *Таганцева*, стр. 1458.

****) *Семеновъ*: „Освобожденіе крестьянъ“, т. III, ч. II, стр. 130 и „Засѣданія московскаго земскаго собранія“ (1871 г.), стр. 35—36.

что въ случаѣ тюремнаго заключенія «отвлеченіе работника» отъ семейства «послужитъ къ отягощенію сего послѣдняго» было однимъ изъ аргументовъ за *временное* сохраненіе тѣлеснаго наказанія *). Но г. Черновъ противопоставляетъ этому доводу весьма убѣдительныя соображенія: «Неужели,—говоритъ онъ,—семья болѣе виновата, если ея членъ укралъ менѣе, а не болѣе 50 руб.? А вѣдь въ послѣднемъ случаѣ,—превышающемъ компетенцію волостного суда, — воръ идетъ безъ розогъ въ тюрьму и только за кражу менѣе чѣмъ на 50 руб. можетъ быть высѣченъ. Казалось бы, что семьи всѣхъ сословій (наприм., служащихъ) нисколько не менѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ семья мужика; однако же магазинщиковъ (сторожей общественныхъ магазиновъ) и чиновниковъ не порятъ, а сажаютъ; черезъ это семья хотя несетъ громадное лишеніе въ смыслѣ уменьшенія заработка, кормящаго семью... но не ходатайствуетъ о томъ, чтобы высѣкли ея «кормильца». Въ дѣйствительности «мужицкая» семья *боится именно сѣченія и рада почти всегда аресту,* ибо высѣченный воръ, пьяница, буянъ и дерзкій (т.-е. такой субъектъ, которому розга предназначена) не преминетъ, вернувшись домой изъ-подъ розогъ, вылить свою злобу на домашнихъ и поколотить всѣхъ... Надо думать, что воръ и пьяница, приговоренные судомъ, не постоянные домосѣды и не труженики... Спрашивается, какая же польза отъ нихъ для двора и чѣмъ пагубно семьѣ удаленіе такого субъекта въ арестантскую? Развѣ тѣмъ, что семья отдохнетъ и поотвыкнетъ отъ синяковъ, свары, таскація въ кабакъ жениныхъ вещей, обысковъ и т. под.?» Очень убѣдительно опровергаетъ г. Черновъ и то возраженіе, что арестъ можетъ отвлечь крестьянина отъ самыхъ необходимыхъ земледѣльческихъ работъ. «Создавать,—говоритъ онъ,—связь между моментомъ совершенія преступленія и суда—съ временами года, мѣняющими родъ наказанія, значило бы разбить самыя преступленія «по сезонамъ»; получилось бы, что за осеннее оскорбленіе сажаютъ подъ арестъ, а за весеннее—сѣкутъ. Очевидно, что основы разсужденія не вѣрны. Да и самъ законодатель не желалъ ни календарнаго различія наказаній, ни разстройства хозяйства чрезъ отбытіе наказанія, почему и установилъ отсрочку (чрезъ судъ) исполненія приговора не далѣе 6 мѣсяцевъ; благодаря этому, весеннее присужденіе къ аресту можетъ отбываться въ самое глухое время—подъ зиму» (ст. 29 *Временныхъ правилъ* **). Противъ довода за розги, какъ индивидуальнаго наказанія, приводились и другія соображенія. «Допустимъ на минуту, — говоритъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ публицистовъ,—что тѣлесное наказаніе единственное изъ всѣхъ уголовныхъ каръ, затрогивающее только самого виновника, а не его семейство. Логическимъ выводомъ отсюда было бы упраздненіе, по крайней мѣрѣ для отцовъ небогатыхъ семействъ, всѣхъ другихъ наказаній, кромѣ тѣлеснаго, а такого абсурда никто, конечно, защищать не станетъ. Точка зрѣнія защи-

*) *Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній,* стр. 27—28.

**) *Черновъ,* стр. 63—67.

щающихъ тѣлесное наказаніе на основаніи его индивидуальности «чужда современному законодательству, иначе оно не установило бы *одновременнаго* присужденія къ розгамъ и аресту (*Временныя правила о волостномъ судѣ,* ст. 38)... Роняя въ глазахъ семьи авторитетъ отца, тѣлесное наказаніе сплошь и рядомъ озлобляетъ, ожесточаетъ самого наказаннаго, затрудняетъ для него возвращеніе къ нормальному образу жизни, порождаетъ или усиливаетъ въ немъ наклонность къ пьянству, и, въ концѣ-концовъ, наноситъ семьѣ гораздо большій матеріальный ущербъ, чѣмъ причинилъ бы ей кратковременный арестъ ея кормильца» *).

Указываютъ, наконецъ, на *дешевизну* тѣлесныхъ наказаній. «Слова нѣтъ,—говоритъ по этому поводу Н. С. Таганцевъ,—выполненіе тѣлесныхъ наказаній просто: пришелъ, отсѣкся, ушелъ; для нихъ не нужно ни дорого стоящихъ тюремныхъ построекъ, ни сложной и хорошо подготовленной администраціи. Но едва ли можно серьезно говорить о «дешевизнѣ» этого наказанія; плохъ тотъ хозяинъ, который необходимый, но не произведенный расходъ зачислитъ на дѣйствительный приходъ» **). По словамъ Чернова, съ точки зрѣнія дешевизны «березовая лоза можетъ считаться hors concours и въ видахъ достиженія экономіи, какъ дешевѣйшее изъ всѣхъ наказаніе, могло бы переименоваться въ «пальму первенства». Но такъ какъ, съ другой стороны, розга не есть единственный родъ наказанія и при ней, все-таки, для большинства преступниковъ въ силу закона должны существовать арестныя помѣщенія, то вопросъ о расходахъ сводится къ маленькой тѣснотѣ арестуемыхъ... И тогда для избавленія отъ сѣченія у мѣста будетъ поговорка: «хоть въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ» (стр. 48).

Силу всѣхъ доводовъ *противъ* тѣлесныхъ наказаній и несостоятельность аргументовъ ихъ немногихъ защитниковъ хорошо сознали въ Западной Европѣ. Во Франціи совершенно отмѣнено тѣлесное наказаніе, такъ что въ регламентѣ 18 іюня 1880 г. оно не упоминается въ числѣ дисциплинарныхъ наказаній даже и для каторжныхъ. Общій германскій кодексъ вовсе не знаетъ тѣлесныхъ наказаній, и они сохранены еще лишь какъ мѣра тюремно-дисциплинарная. Въ Австріи тѣлесное наказаніе совершенно отмѣнено въ 1867 г. и какъ карательная, и какъ тюремно-дисциплинарная мѣра. Въ Швейцаріи тѣлесныя наказанія отмѣнены союзною конституціей 1874 г. Въ новыхъ кодексахъ венгерскомъ, голландскомъ и итальянскомъ не упоминается болѣе это наказаніе. По датскому кодексу 1866 г. тѣлесныя наказанія сохранены еще для несовершеннолѣтнихъ. Наконецъ, въ Англіи юридически тѣлесное наказаніе можетъ быть налагаемо въ видѣ дополнительнаго взысканія при всякомъ лишеніи свободы, но въ дѣйствительности оно вовсе не примѣняется къ женщинамъ, а къ взрослымъ мужчинамъ примѣняется только въ случаяхъ особо указанныхъ закономъ 1863 г. Напротивъ того, малолѣтніе преступники мужского пола въ Англіи весьма часто и нынѣ

*) *Вѣстникъ Европы* 1891 г., № 11, стр. 362, 364.
**) *Лекціи по русскому уголовному праву,* стр. 1459.

приговариваются къ тѣлесному наказанію. По биллю о гарротерахъ для этихъ послѣднихъ было назначено наказаніе девятихвостою кошкой *).

Таковы немногіе остатки тѣлесныхъ наказаній въ Западной Европѣ (которымъ, нужно замѣтить, подлежатъ всѣ преступники въ данной странѣ, а не одно сословіе), но и эти остатки не замедлятъ скоро исчезнуть подъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Это видно, напримѣръ, изъ преній о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ тюрьмахъ, какъ карательно-дисциплинарной мѣрѣ, на засѣданіи стокгольмскаго международнаго конгресса 23 августа 1878 г., въ которомъ предсѣдательствовалъ делегатъ отъ Россіи т. с. Гротъ. Наказанія этого рода примѣнялись тогда въ мѣстахъ заключенія лишь трехъ государствъ Западной Европы—Англіи, Пруссіи и Даніи. Когда одинъ директоръ тюрьмы, Мазанти, высказался за примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, зала огласилась почти единодушнымъ взрывомъ протеста. По свидѣтельству всѣхъ дальнѣйшихъ ораторовъ, тѣлесныя наказанія унижаютъ и развращаютъ заключенныхъ и *еще болѣе чиновниковъ, которые примѣняютъ ихъ.* Въ австрійскихъ тюрьмахъ опытъ показалъ, что тѣлесныя наказанія не нужны и безполезны; уже 11 лѣтъ, какъ они отмѣнены, а дисциплина стала лучше, чѣмъ когда-либо. «Въ Швейцаріи, гдѣ федеральное правительство отмѣнило тѣлесныя наказанія, въ тюрьмахъ еще остаются арестанты, подвергнутые ему въ прежнее время; съ ними, по отзыву тюремной администраціи, гораздо труднѣе управляться, нежели съ остальными заключенными, и въ ихъ поведеніи то и дѣло проявляются чувства ненависти и озлобленія. Въ Англіи, въ бирмингамской тюрьмѣ, несмотря на инструкціи, еще ни разу не примѣнялось тѣлесное наказаніе, а въ дисциплинарномъ отношеніи тюрьма эта является образцовой. Равнымъ образомъ въ Пруссіи большинство директоровъ никогда не пользуются регламентомъ, допускающимъ тѣлесное наказаніе. Такой же порядокъ существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ тюремное начальство пришло къ убѣжденію, что нельзя подобною мѣрой унижать человѣка, уже униженнаго своимъ преступленіемъ. «Бить человѣка,—сказалъ французскій делегатъ, Мишонъ, — значитъ развращать его, не исправляя. Физическая боль, причиняемая однимъ человѣкомъ другому, заключаетъ въ себѣ нѣчто отвратительное для чувства француза... Авторитетъ надзирателя, прибѣгающаго къ этой дисциплинарной мѣрѣ, падаетъ во мнѣніи заключенныхъ; она вредитъ его нравственному вліянію и поселяетъ въ душѣ бичуемаго озлобленіе, которое въ свою очередь вредитъ его возрожденію. Я даже сомнѣваюсь, могли ли бы мы найти въ рядахъ нашей доблестной арміи, проникнутой чувствомъ чести и сильной имъ, достаточное количество людей, готовыхъ хладнокровно бить человѣка, лишеннаго возможности защищаться». Докладчикъ, г. Тауфферъ, резюмируя пренія, заключилъ свою рѣчь

---

*) *Н. Таганцевъ*: „Лекціи по русскому уголовному праву“, вып. IV, стр. 1453. Гарротерами называются отбывшіе свое наказаніе преступники, которые совершаютъ дневной или ночной грабежъ посредствомъ душенія жертвы. *Кистяковскій*, стр. 809.

слѣдующими словами: «Трудно вообразить себѣ наказаніе унизительнѣе и развратнѣе розги; она должна быть вычеркнута изъ всякой тюремной инструкціи. Могу, по собственному опыту, удостовѣрить, что отмѣна этого наказанія въ Венгріи съ 1866 г. значительно сократила количество случаевъ нарушенія дисциплины; ихъ средняя цифра съ 65% въ 1865 году пала въ 1866 г. до 30%, а въ 1876 г. до 18%. Я прибавлю къ этому, и опять по собственному опыту, что *примѣненіе тѣлесныхъ наказаній ослабляетъ власть надъ самимъ собою даже и у лицъ, его назначающихъ*»... Секція, выслушавъ названныхъ докладчиковъ, высказалась за безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, а затѣмъ единодушно присоединилось къ этому мнѣнію и общее собраніе конгресса *).

Постановленіе этого конгресса, какъ видно, не осталось безъ вліянія на французскій регламентъ 1880 г., въ которомъ не упоминается уже болѣе существовавшее до того времени дисциплинарное наказаніе для каторжныхъ **).

VI.

Сознаніе необходимости совершенной отмѣны тѣлесныхъ наказаній все болѣе и болѣе распространяется и въ нашемъ обществѣ. Отзывы нѣкоторыхъ лицъ въ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ (1872 г.) были уже приведены нами выше. Въ 1880 г. таврическое губернское земское собраніе ходатайствовало о воспрещеніи наказанія розгами по приговору волостныхъ судовъ ***). Въ 1881 г. Кохановская коммиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія передала на обсужденіе земствъ предположеніе объ измѣненіяхъ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. По вопросу о волостномъ судѣ многія земскія собранія энергично потребовали отмѣны тѣлеснаго наказанія. «Само собою разумѣется,— говоритъ вологодская коммиссія,— что если нельзя сѣчь купца, мѣщанина, то почему же должно продолжать сѣченіе крестьянина». Таврическая губернская управа считала отмѣну тѣлеснаго наказанія безусловно необходимою. «Трудно,— говоритъ она,— защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже и цѣли устрашенія, если только оно не обращено въ истязаніе» ****). Горячо высказался противъ розги гласный острогожскаго собранія, свящ. Соколовъ.

---

*) *Обнинскій:* „Розга какъ карательная мѣра". *Юридическій Вѣстникъ* 1891 г., №5—6, стр. 57—59 (на основаніи сочиненія *Desportes et Lefébure:* „La science pénitentiaire au Congrès de Stockholm", p. 140—149). Въ этой же статьѣ Обнинскій указываетъ на то, что „на послѣднемъ конгрессѣ компетентными теоретиками и практиками" розга отвергнута *даже для дѣтскихъ исправительныхъ заведеній* (стр. 377).

**) Сравни *Кистяковскій:* „Учебникъ уголовнаго права", стр. 806.

***) *Земскій Ежегодникъ за 1880 г.* Изд. вольн. эконом. общества. Спб., 1884 г., стр. 315.

****) Орловская коммиссія предлагала предоставить присужденному къ розгамъ требовать замѣны этого наказанія другимъ.

«Всѣ сословія,—говоритъ онъ,—избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, одни крестьяне не освобождены. Почему же за ними оставлена эта мѣра? Нѣкоторые крестьяне грубы..., но не лозы могутъ поднять нравственность, а только просвѣщеніе». Въ доказательство о. Соколовъ ссылается на школу, въ которой теперь тѣлесное наказаніе не примѣняется, а, между тѣмъ, люди, вышедшіе изъ школы, «не только не безнравственнѣе своихъ односельцевъ, а гораздо выше ихъ стоятъ въ нравственномъ отношеніи». Защитникамъ розги онъ возражаетъ: «Чего не желаешь себѣ, того не желай и другимъ» *).

Въ 1882 г. за отмѣну тѣлесныхъ наказаній высказались московское губернское собраніе (большинствомъ 21 голоса противъ 10), которое еще въ 1871 г. отклонило большинствомъ голосовъ, по соображеніямъ мнимо-экономическимъ, такое же ходатайство, и петербургское губернское земское собраніе (большинствомъ 29 голосовъ противъ 3). Въ этомъ послѣднемъ собраніи большинство гласныхъ нашло, что если бы даже крестьяне всѣ поголовно стояли за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній, то и тогда слѣдовало бы ходатайствовать объ ихъ отмѣнѣ, въ виду необходимости поднять нравственный, а черезъ то и экономическій уровень крестьянства. На самомъ дѣлѣ, впрочемъ, весьма многіе изъ крестьянъ живо чувствуютъ позоръ тѣлеснаго наказанія, постоянно тяготятся мыслью о возможности ему подвергнуться и стараются, именно изъ-за этого, перейти въ другое сословіе. Если арестъ разоряетъ семью, то тѣлесное наказаніе отца роняетъ его нравственное достоинство и авторитетъ въ глазахъ семейства **).

Въ 1891 г. въ 1-мъ № *Недѣли* находимъ слѣдующее извѣстіе: «Предстоящее распространеніе реформы мѣстнаго управленія на Тверскую губ. побудило наше земство еще въ прошломъ году обсудить вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, примѣненія котораго, вводимаго земскими начальниками, многіе опасались. На прошлогоднемъ губернскомъ земскомъ собраніи однимъ изъ гласныхъ «было предложено ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ начальную школу. Большинство собранія поставило вопросъ шире и рѣшило ходатайствовать о безусловной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ несовмѣстимаго съ понятіемъ о человѣческомъ достоинствѣ и о правахъ личности. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣдѣнія земства. Нынѣшнее губернское собраніе не согласилось съ протестомъ губернатора и огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшило оставить въ силѣ свое прошлогоднее постановленіе».

---

*) *В. Скалонъ:* „Земскіе отзывы о крестьянскомъ судѣ". *Русскія Вѣдомости* 1885 г., № 23.

**) *Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія 12 января—10 февраля 1882 г.,* стр. 100—101; *Вѣстникъ Европы* 1882 г., № 3, стр. 372; *Засѣданія московск. губернск. собр.* (1871 г.), стр. 37. Въ 1882 г. тульское земское собраніе незначительнымъ большинствомъ (28 голосовъ противъ 20) отклонило предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. *Русскія Вѣдомости* 1885 г., № 23.

Въ 1894 г. объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ вообще постановило ходатайствовать чистопольское земское собраніе (Казанской губ.) и для окончившихъ курсъ народной школы тамбовское земское собраніе *).

Въ томъ же году, въ засѣданіи 29 декабря, саратовское общество санитарныхъ врачей, по предложенію Е. А. Ганейзера, единогласно рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ Саратовской губ. Въ текстѣ ходатайства, выработанномъ особою коммиссіей и единогласно принятомъ въ засѣданіи 6 января 1895 г., указано было на вредное вліяніе угнетеннаго душевнаго состоянія, вызываемаго тѣлесными наказаніями, на здоровье населенія, а также на то, что эти наказанія ожесточаютъ нравы и, между прочимъ, «создаютъ громадное препятствіе для санитарныхъ мѣропріятій» **).

Въ 1895 г. въ засѣданіи петербургскаго губернскаго собранія 26 января, по выслушаніи доклада членовъ училищнаго совѣта отъ губернскаго земскаго собранія, члены этого совѣта, баронъ П. Л. Корфъ и М. М. Стасюлевичъ, указавъ на ненормальное положеніе, при которомъ ребенокъ, при прохожденіи школы, не испытываетъ сѣченія, а достигнувъ совершеннолѣтія, внѣ школы, подвергается такому позорному наказанію тѣмъ же обществомъ, которое, быть-можетъ, и развило пороки, послужившіе основаніемъ къ наказанію, выразили надежду, что губернское земское собраніе найдетъ возможнымъ обсудить вопросъ о томъ, не наступило ли время ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ освобожденіи отъ такой кары окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ Петербургской губ. Гласный К. К. Арсеньевъ нашелъ постановку вопроса, предложенную членами училищнаго совѣта, не вполнѣ достаточной «на томъ основаніи, что, во-первыхъ, значительный процентъ учениковъ покидаетъ училище по независящимъ обстоятельствамъ до экзамена, почему было бы несправедливо освобождать отъ тѣлеснаго наказанія лишь оканчивающихъ курсъ, и во-вторыхъ, на ребенка можетъ и должно имѣть вредное вліяніе отбытіе на его же глазахъ лицами, достигшими совершеннолѣтія, тѣлеснаго наказанія», почему и предложилъ поставить вопросъ объ освобожденіи отъ этого наказанія всѣхъ подлежащихъ ему лицъ, проживающихъ въ предѣлахъ Петербургской губ. Это предложеніе, къ которому присоединился и гласный П. П. Дурново, было принято собраніемъ, причемъ для установленія редакціи ходатайства избрана была коммиссія

*) Такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ это послѣднее ходатайство незаконнымъ, то въ 1895 г. тамбовское губернское земское собраніе, по предложенію Б. Н. Чичерина, основываясь на сенатскомъ рѣшеніи 1882 г. по такому же поводу, постановило принести сенату жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ. *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 339.

**) *Саратовскій Листокъ* 1894 г., № 278, и 1895 г., № 5. Казанское общество врачей, послѣ рѣчей проф. судебной медицины Гвоздева и проф. Капустина, рѣшило занести въ протоколъ постановленіе о желательности полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній. *Дневникъ общества врачей при Казанскомъ университетѣ* 1895 г., вып. 1-й, протоколы, стр. 23.

изъ гласныхъ: барона П. Л. Корфа, М. М. Стасюлевича и К. К. Арсеньева. Въ этомъ ходатайствѣ послѣ упоминанія о тѣхъ мотивахъ, по которымъ петербургское губернское земское собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія еще въ 1882 г., сказано было, между прочимъ, слѣдующее: «Тринадцать лѣтъ непрерывнаго распространенія грамотности, значительно ускореннаго не только открытіемъ новыхъ земскихъ школъ, но и учрежденіемъ школъ церковно-приходскихъ и школъ грамоты, не могли не способствовать поднятію умственнаго и нравственнаго уровня жителей С.-петербургской губ., неразрывно связаннаго, въ свою очередь, съ усиленіемъ воспріимчивости къ позорящей сторонѣ тѣлеснаго наказанія. Рядомъ съ тѣми учениками начальной школы, которымъ удалось окончить въ ней курсъ и получить установленныя свидѣтельства, — облагораживающее ея вліяніе испытали на себѣ, почти въ равной мѣрѣ, всѣ тѣ многочисленные крестьянскіе мальчики, которыхъ родители, вслѣдствіе бѣдности или нужды въ дѣтскомъ трудѣ, взяли изъ школы до истеченія трехлѣтняго срока, иногда почти наканунѣ выпускнаго экзамена. Всѣ учившіеся въ школѣ, независимо отъ окончанія или неокончанія курса, вносятъ въ свою среду болѣе свѣтлые взгляды и теплыя чувства, не остающіеся безъ дѣйствія на ихъ родителей и старшихъ родственниковъ. Они читаютъ у себя дома вслухъ Евангеліе и Библію, пользуются школьными библіотеками, часто употребляютъ свои скудныя сбереженія на покупку книгъ, слѣдятъ иногда за *Сельскимъ Вѣстникомъ* и, поддерживая такимъ образомъ въ самихъ себѣ пріобрѣтенные въ школѣ навыки, пріобщаютъ къ нимъ, въ бо́льшей или меньшей степени, и всѣхъ окружающихъ, дѣлая ихъ участниками благодѣяній школы. Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія окончившаго курсъ въ начальной школѣ, вполнѣ справедливое и цѣлесообразное само по себѣ, было бы, поэтому, несправедливо по отношенію къ остальной массѣ сельскаго населенія С.-петербургской губерніи. Сыновья не могли бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дарованную имъ льготу, еслибъ она не была въ то же время распространена на ихъ отцовъ». Въ заключеніе с.-петербургское губернское земское собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ во «Временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ» 1889 г. пункта 4-го, статьи 33-й и о соотвѣтствующемъ измѣненіи состоящихъ съ нею въ связи статей для населенія С.-петербургской губ. *).

Въ 1895 году ходатайствовало также объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ смоленское губернское земское собраніе; 11 ноября 1896 г. это собраніе постановило представить свое ходатайство на заключеніе комитета министровъ **).

Черниговское губернское земское собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для лицъ, окончившихъ народную школу ***).

*) *Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія 23 янв.— 8 февраля*, стр. 25, 28—31, 186—191.

**) *Недѣля* 1895 г., № 29, стр. 911. *Кіевское Слово* 1896 г., № 2885, 23 янв.

***) *Недѣля* 1895 г., № 33, стр. 1041; срав. *Кіевское Слово* 1896 г., № 2890.

Очередное тамбовское уѣздное земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ начальной школы *).

Въ московскомъ губернскомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ объ исходатайствованіи отмѣны тѣлеснаго наказанія для крестьянъ Московской губерніи **).

Въ александровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи Екатеринославской губ. одинъ гласный сдѣлалъ обзоръ различныхъ мѣръ послѣдняго времени, имѣющихъ цѣлью поднятіе народнаго хозяйства, и развилъ мысль, что успѣхъ ихъ находится въ полной зависимости отъ подъема народнаго самосознанія и, какъ первой ступени къ нему, распространенія среди народа грамотности. Съ этою цѣлью, помимо облегченія доступа къ образованію, принимаются обществомъ и правительствомъ поощрительныя мѣры, каковы интернаты при школахъ, льготы по отбыванію воинской повинности и проч. Не достаетъ только мѣры, которая, помимо привлеченія въ школу, непосредственно повышаетъ чувство собственнаго достоинства. Такою мѣрою является отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Но здѣсь предсѣдатель остановилъ оратора, хотя его поддержали нѣсколько гласныхъ ***).

Казанское очередное уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 5 октября 1895 г., по предложенію одного изъ гласныхъ, состоящаго членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, единогласно постановило присоединиться къ возбужденному передъ правительствомъ другими земствами ходатайству о томъ, чтобы лица, окончившія курсъ въ земскихъ начальныхъ школахъ, были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Основаніемъ для такого постановленія послужило земскому собранію предположеніе, что дарованіе закономъ упомянутой льготы для оканчивающихъ курсъ въ школахъ усилитъ въ крестьянскомъ населеніи любовь къ грамотѣ и будетъ способствовать болѣе широкому распространенію въ народѣ образованія ****).

Въ засѣданіи саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія одинъ гласный внесъ предложеніе—возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ, но предсѣдатель не допустилъ обсужденія этого предложенія *****).

---

*) *Новое Время* 1895 г., 9 октября. Съ протестомъ противъ розги выступилъ также тамбовскій предводитель дворянства г. Петрово-Соловово и одно изъ южныхъ губернскихъ дворянскихъ собраній. *Новое Время* 1895 г., 17 октября; *Рус. Мысль* 1895 г., кн. 12, стр. 187. Вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ возбужденъ и въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи (*Новое Время* 1896 г., 26 янв.). Наконецъ, единогласно постановило ходатайствовать объ его отмѣнѣ бессарабское дворянство (*Кіев. Слово* 1896 г., 2 февр.).

**) *Новое Время* 1895 г., 1 декабря, № 7098.

***) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 277. Вопросъ о предѣлахъ права ходатайства въ связи съ предѣлами власти предсѣдателей земскихъ собраній подробно разсмотрѣнъ во внутреннемъ обозрѣніи *Вѣстника Европы* 1895 г., № 12. Срав. *Новое Время* 1895 г., № 7111.

****) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 282.

*****) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 287. Въ полтавскомъ уѣздномъ земскомъ со-

Въ старооскольскомъ (Курской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи (6 октября 1895 г.) также былъ затронутъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ этомъ уѣздѣ приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ *ни разу не утверждались земскими начальниками*, но, въ виду возможности ихъ утвержденія по дѣйствующему закону, одинъ изъ земскихъ начальниковъ, состоящій гласнымъ, отъ лица своихъ товарищей, поднялъ вопросъ о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній хотя бы для лицъ, окончившихъ курсъ начальной школы. Это предложеніе было особенно горячо поддержано гласными отъ крестьянъ, и собраніе постановило: возбудить чрезъ губернское земское собраніе ходатайство объ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ курсъ начальной школы въ Старооскольскомъ уѣздѣ *).

Воронежское уѣздное земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать предъ правительствомъ чрезъ губернское земское собраніе о томъ, чтобы крестьяне, окончившіе курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ всѣхъ вѣдомствъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія **).

Въ елизаветградское (Херсонской губ.) уѣздное земское собраніе гласный Б. Зеленый внесъ весьма обстоятельно мотивированное предложеніе объ исключеніи тѣлесныхъ наказаній изъ числа каръ, налагаемыхъ приговорами волостныхъ судовъ ***).

Постановили ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній: губернскія земскія собранія Костромской и Рязанской губерній ****), опочецкое уѣздное земское собраніе (Псковской губ.), тамбовское и новгородское губернскія земскія собранія. Уфимское губ. земское собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ розогъ лишь дли окончившихъ курсъ начальныхъ школъ *****).

Въ ноябрѣ 1895 г. съѣздъ врачей пермскаго губернскаго земства ходатайствовалъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній ******).

браніи возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній пытался предупредить предсѣдатель, предводитель дворянства (*Вѣстникъ Европы* 1895 г., № 11, стр. 374). Тѣмъ не менѣе, въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ числѣ докладовъ было назначено къ обсужденію ходатайство четырехъ уѣздныхъ земскихъ собраній (полтавскаго, золотоношскаго, лохвицкаго и хорольскаго) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ начальную школу. Но ходатайство это было отмѣнено губернскимъ земскимъ собраніемъ, закрытою баллотировкою большинствомъ 36 голосовъ противъ 26. *Новое Время* 1895 г., № 7099; *Бирж. Вѣдомости* 1895 г., № 358. *Кіев. Слово* 1895 г., № 2841. Мы видѣли, что еще въ 70-хъ гг. волостные суды въ Полтавской губ. мало примѣняли тѣлесное наказаніе. Оказывается, что теперешніе полтавскіе земцы ниже крестьянъ по своему умственному и нравственному уровню.

*) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 289.

**) *Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 299.

***) *Вѣстникъ Европы* 1895 г., № 10, стр. 876.

****) *Новое Время* 1896 г., 17 янв., № 7143; *Русск. Вѣдомости* 1896 г., № 21.

*****) *Новое Время* 1895 г., 14 дек., № 7111; *Русскія Вѣдомости* 1895 г. № 340 и 350.

******) *Новое Время* 1895 г., 9 ноября.

Такимъ образомъ, ходатайства земствъ нынѣшняго года объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній распадаются на два разряда: одни земскія собранія ходатайствуютъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній окончившихъ курсъ въ земскихъ или вообще начальныхъ школахъ, другія—объ освобожденіи отъ этихъ наказаній всѣхъ крестьянъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ ходатайства саратовскаго общества санитарныхъ врачей и съѣзда пермскихъ врачей, а также и ходатайство Императорскаго вольнаго экономическаго общества, поводомъ къ которому послужило поступившее въ комитетъ грамотности заявленіе отъ 24 учителей съ просьбою ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, прошедшихъ курсъ сельскихъ школъ. Находя съ своей стороны, что наказанія эти вредны для крестьянъ вообще, комитетъ грамотности нашелъ, однако, что болѣе широкая постановка вопроса выходитъ изъ его компетенціи, а потому рѣшилъ передать его на обсужденіе вольнаго экономическаго общества. При обсужденіи этого вопроса въ общемъ засѣданіи общества 28 сентября 1895 г. защитниковъ розги не оказалось, что же касается освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія только окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, то противъ этого былъ выставленъ тотъ же аргументъ, который имѣло въ виду и петербургское губернское земское собраніе, т.-е. что на дѣтей должно имѣть крайне вредное вліяніе сѣченіе на ихъ глазахъ ихъ родителей и родственниковъ. Одинъ изъ членовъ общества, Н. Ѳ. Анненскій, въ своей рѣчи указалъ на то, что тѣлесное наказаніе, дѣлящее русскій народъ на «сѣкомыхъ» и «не сѣкомыхъ», есть остатокъ крѣпостного права. Онъ высказалъ также убѣжденіе, что отмѣна тѣлеснаго наказанія безусловно необходима въ интересахъ нашего сельскаго хозяйства и экономическаго развитія страны. Собраніе *единогласно* постановило ходатайствовать объ освобожденіи вообще всего крестьянскаго сословія отъ тѣлесныхъ наказаній и подробно мотивировать это ходатайство. Трудъ этотъ былъ порученъ совѣту общества при участіи Н. Ѳ. Анненскаго, К. К. Арсеньева и пишущаго эти строки *).

Нельзя не указать на то, что ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній встрѣчаютъ горячее сочувствіе всей печати, а, слѣдовательно, и общества, выраженіемъ желаній котораго она служитъ. Если не ошибаюсь, противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній высказались только *Гражданинъ* и *Московскія Вѣдомости* **), но и то *Гражданинъ* въ лицѣ своего сотруд-

*) *Недѣля* 1895 г., № 11, стр. 338; *Новое Время* 1895 г., 1 октября. Принятый совѣтомъ текстъ ходатайства былъ прочитанъ въ засѣданіи 29 декабря.

**) Срав. *Новое Время* 1895 г., № 7120. Общество не должно приходить въ уныніе и опускать руки вслѣдствіе того, что земскія ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній пока не удовлетворяются. Напомнимъ слѣдующій примѣръ изъ недавняго прошлаго. Въ 1872 г. г. Колюпановъ писалъ: „Въ послѣднее время министерство внутреннихъ дѣлъ съ самаго начала признало неумѣстнымъ ходатайство объ освобожденіи гласныхъ изъ крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, и только совокупное настояніе многихъ собраній вызвало законодательную мѣру въ этомъ смыслѣ“ („Вопросъ о крестьянскомъ самосудѣ“, *Бесѣда* 1872 г., № 6, стр. 13); ср. *Сенат. указъ* 12 іюня 1869 г., № 47223.

ника г. Бодиско идетъ на уступки, высказывая предположеніе, что можно было бы и отмѣнить розгу, если бъ арестъ на хлѣбѣ и водѣ примѣнялся неукоснительно.

Наконецъ въ сентябрѣ 1895 года степной генералъ-губернаторъ, бар. Таубе въ виду того, что киргизы, на основаніи степного положенія 1891 г., и казаки избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, ходатайствовалъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и для крестьянъ этого края. Такое же ходатайство представилъ и главный начальникъ Туркестанскаго края бар. Вревскій *).

Итакъ, принимая во вниманіе прежде всего, что тѣлесныя наказанія, понижая культурный уровень народа, вредны въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, затѣмъ, что они несправедливы, такъ какъ противорѣчатъ принципу равенства наказаній для всѣхъ сословій и неравномѣрны по индивидуальности наказываемаго и по произволу производящаго наказанія, что они нецѣлесообразны, такъ какъ не исправляютъ виновныхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ, принимая далѣе во вниманіе вредныя послѣдствія тѣлесныхъ наказаній, а именно, что они вредятъ здоровью наказываемыхъ, развращаютъ ихъ и вызываютъ грубость нравовъ, опасную и для всего общества, и для представителей власти, что они развращаютъ тѣхъ, кто можетъ ихъ примѣнять, принимая во вниманіе, что народъ вовсе не предпочитаетъ розогъ другимъ карамъ, что тѣлесныя наказанія невыгодны для народа въ экономическомъ отношеніи, что крестьянскія семьи предпочитаютъ арестъ ихъ членовъ тѣлесному наказанію, что исполненіе приговора объ арестѣ можетъ быть отсрочено до болѣе глухого въ рабочемъ отношеніи времени, имѣя въ виду, что дешевизна тѣлеснаго наказанія не имѣетъ значенія, такъ какъ не избавляетъ отъ необходимости имѣть арестныя помѣщенія, принимая, наконецъ, во вниманіе, что въ большинствѣ европейскихъ государствъ вовсе уничтожены тѣлесныя наказанія и что сознаніе необходимости ихъ отмѣны для крестьянъ созрѣло и въ нашемъ обществѣ, мы утверждаемъ, что необходимо немедленно совершенно отмѣнить тѣлесное наказаніе для крестьянъ какъ по суду, такъ и по усмотрѣнію администраціи.

Нѣкоторые отдѣльные опыты въ этомъ направленіи привели къ наилучшимъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, ревизія, произведенная смоленскимъ губернаторомъ, обнаружила, что земскіе начальники 3 участка Гжатскаго у. 1-го уч.—Краснинскаго у. никогда не допускаютъ исполненія тѣлеснаго наказанія и что это не сопровождалось никакими неблагопріятными послѣдствіями, какъ видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго заключенія ревизіи: «отсутствіе жалобъ на распущенность населенія, полный порядокъ въ участкѣ, видимое уваженіе къ суду и власти и строгая дисциплина въ отношеніи населенія къ должностнымъ лицамъ, наконецъ, ничуть не большее, чѣмъ въ другихъ участкахъ, число случаевъ повторенія проступковъ,— все это показываетъ, что совершенное непримѣненіе въ 3 участкѣ Гжат-

*) *Кіевское Слово* 1896 г., №№ 2869, 2876.

скаго уѣзда тѣлеснаго наказанія ни въ какомъ отношеніи не повредило дѣлу упорядоченія жизни крестьянскаго населенія, задача котораго, напротивъ, въ этомъ участкѣ является вообще наиболѣе достигнутою» *). Такъ какъ населеніе Смоленской губерніи ни въ отношеніи зажиточности, ни относительно распространенія грамотности, не занимаетъ выдающагося мѣста среди другихъ губерній Россіи, то этотъ фактъ еще разъ доказываетъ, до какой степени назрѣла необходимость немедленной отмѣны тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ**). Необходимо уничтожить примѣненіе его, и къ солдатамъ, состоящимъ въ разрядѣ штрафованныхъ, и къ содержащимся подъ стражею, и къ ссыльнымъ. Какъ сильно распространено тѣлесное наказаніе въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ живутъ ссыльно-поселенцы, видно изъ того, что въ Красноярскомъ округѣ въ 1883—90 гг. было приговорено къ розгамъ волостными судами 35,6% отвѣтчиковъ, вообще же за эти годы было высѣчено 12,5% всего взрослаго мужского населенія округа причемъ ссыльные приговаривались къ розгамъ гораздо чаще, чѣмъ крестьяне. Впрочемъ въ 1887—90 гг. сравнительно съ предшествующимъ четырехлѣтіемъ стали относительно нѣсколько рѣже примѣнять тѣлесное наказаніе и гораздо чаще приговаривать къ аресту и штрафу (хотя абсолютное число приговоровъ къ розгамъ и увеличилось). *М. Дубенскій.* «Очеркъ дѣятельности волостного суда въ Восточной Сибири. Очеркъ красноярскій». «Сибирскій Сборникъ. Прилож. къ *Восточному Обозрѣнію*» 1892 г., вып. II, стр. 90—93. Полную возможность этого доказываетъ примѣръ многихъ государствъ Западной Европы, а у насъ близкой отмѣны тѣлесныхъ наказаній и для ссыльныхъ заставляетъ ожидать указъ 1893 г., освободившій отъ тѣлесныхъ наказаній ссыльныхъ женщинъ ***).

В. Семевскій.

---

*) *Вѣстникъ Европы* 1894 г. № 9, стр. 358.

**) Есть мѣстности въ Россіи, гдѣ тѣлесныя наказанія совершенно вывелись: такъ въ Царствѣ Польскомъ они не существуютъ уже 20 лѣтъ, со времени судебной реформы въ этомъ краѣ въ 1876 г. Съ уничтоженіемъ въ этомъ году судовъ исправительной полиціи „всѣ классы населенія привислянской окраины освободились отъ розги. Въ числѣ наказаній здѣшними гминными судами, замѣняющими волостные суды, сѣченіе розгами отсутствуетъ. Здѣшніе уѣздные начальники и коммиссары по крестьянскимъ дѣламъ, также не пользуются правомъ сѣчь, и никто изъ нихъ, а равно никто изъ здѣшнихъ высшихъ представителей русской власти, никогда не возбуждалъ вопроса о надобности розги“. *Новое Время* 1896 г., № 7138.

***) Возможность отмѣны тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ признавало въ бесѣдѣ съ нами лицо вполнѣ компетентное въ этомъ вопросѣ—бывшій губернаторъ острова Сахалина. О наказаніи розгами и плетьми каторжныхъ и поселенцевъ см. возбуждающія ужасъ подробности въ книгѣ *Ант. Чехова:* „Островъ Сахалинъ“. М., 1895 г., стр, 459—469.

О вліяніи общаго начальнаго образованія на производительность труда *).

„Умъ работника — важнѣйшій элементъ въ производительности труда. Въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованнѣйшихъ странъ развитіе ума работниковъ такъ низко, что снабженіе головою людей, имѣющихъ теперь только руки, едва ли не должно считаться источникомъ самого изобильнѣйшаго возрастанія производства".

Д. С. Милль: „Основанія политической экономіи", II изд. Спб., 1874 г. Т. I, стр. 234.

Зависимость промышленнаго прогресса отъ роста чистыхъ и прикладныхъ знаній можетъ считаться въ настоящее время детально изслѣдованнымъ и прочно установленнымъ научнымъ положеніемъ. Совсѣмъ не то приходится сказать о томъ вопросѣ, разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ котораго предстоитъ намъ заняться въ настоящее засѣданіе. Правда, многими учеными указывалось на то, что сколько-нибудь значительное развитіе промышленности встрѣчается лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ образованіе распространяется не только вглубь, но и вширь среди народныхъ массъ Но какъ общее образованіе, получаемое въ народной школѣ, вліяетъ на производительность физическаго труда даннаго индивида, съ этой стороны къ вопросу подходили немногіе. Изъ этихъ немногихъ писателей слѣдуетъ упомянуть, нынѣ уже умершаго, нѣмецкаго экономиста Фридриха Германа, который довольно удачно выяснилъ, въ чемъ именно должно заключаться вліяніе, оказываемое общимъ начальнымъ образованіемъ на производительность труда. «Народная школа, — говоритъ онъ, — сообщаетъ прежде всего необходимыя знанія и упражняетъ въ извѣстныхъ навыкахъ, развивая при этомъ умственныя способности учащагося; кромѣ того, руководя постоянно и послѣдовательно въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ упражненіями учениковъ съ простымъ учебнымъ матеріаломъ, школа вырабатываетъ въ послѣднихъ терпѣніе, вниманіе и прилежаніе. И то, и другое необходи-

*) Сообщеніе, читанное 30 декабря 1895 г. въ засѣданіи IX секціи II съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

мо повышаетъ работоспособность. Но главною заслугой школы является то, что она сосредоточиваетъ и упражняетъ при обученіи всѣ способности ученика, и тотъ, работая, научается лучше всего работать, а усвоивая себѣ извѣстныя привычки, становится порядочнѣе и добронравнѣе» *).

Затронулъ эту тему и англійскій экономистъ Альфредъ Маршалль, выдвинувшій значеніе общаго образованія въ настоящее время, когда даже въ земледѣльческой промышленности начинаютъ употребляться сложныя машины. «Человѣкъ работаетъ надъ тѣмъ, что не требуетъ искусства,—говоритъ онъ,—всего лучше въ томъ случаѣ, если знаетъ болѣе того, что для этой работы требуется. Образованіе дѣлаетъ его болѣе способнымъ понять, за какое дѣло слѣдуетъ ему приняться; если его механизмы испортятся или порядокъ его работы нарушится въ какомъ-либо другомъ отношеніи, онъ тотчасъ же можетъ наладить дѣло и предупредить, такимъ образомъ, большую потерю. Тѣмъ или другимъ путемъ всякое повышеніе умственнаго развитія рабочаго сокращаетъ расходы на надзоръ со стороны предпринимателя или надсмотрщика. И по мѣрѣ того, какъ цивилизація идетъ впередъ, дальнѣйшій прогрессъ дѣлается все болѣе и болѣе зависимымъ отъ распространенія образованія среди рабочаго класса» **).

Вотъ что говорятъ о вліяніи общаго образованія на производительность труда тѣ немногіе экономисты, которые считали только нужнымъ затронуть этотъ важный вопросъ. Такой существенный пробѣлъ въ экономической литературѣ былъ до нѣкоторой степени пополненъ небольшимъ, но крайне содержательнымъ изслѣдованіемъ д-ра Эдуарда Джарвиса: «О значеніи общаго образованія въ сферѣ ручного труда». Въ основу этой работы американскаго писателя легли многочисленныя данныя, собранныя въ 1870 г. американскимъ бюро по народному образованію отъ предпринимателей, рабочихъ, ремесленниковъ и другихъ свѣдующихъ лицъ, занятыхъ въ промышленности.

Примѣру названнаго бюро послѣдовала и наша секція; ею были выработаны соотвѣтствующіе вопросы и разосланы по фабрикамъ, заводамъ, сельскимъ хозяевамъ и земледѣльческимъ школамъ. Въ результатѣ мы имѣемъ 26 отвѣтовъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ и 36 отвѣтовъ отъ сельскихъ хозяевъ, монастырей и завѣдующихъ сельско-хозяйственными школами, количество крайне скудное, въ особенности, если принять во вниманіе, что слишкомъ 3,000 вопросныхъ бланковъ было разослано сельскимъ хозяевамъ и около 2,000 бланковъ по фабрикамъ и заводамъ ***). Но если въ количественномъ отношеніи матеріалъ и оставляетъ желать очень многаго,

---

*) *Staatswirtschaftliche Untersuchungen von Dr. Fr. Hermann.* München, 1870., стр. 170.

**) *The economics of industry by Alfred Marschall.* London, 1879. стр. 10—11.

***) Отвѣты касаются болѣе 24,000 фабричныхъ и около 1,300 сельскихъ рабочихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые корреспонденты дали лишь приблизительныя данныя о числѣ рабочихъ; двое же изъ сельскихъ хозяевъ не дало никакихъ данныхъ по этому вопросу.

то въ качественномъ отношеніи тѣ отвѣты, которые касаются интересующаго насъ вопроса, заслуживаютъ полнаго вниманія, хотя бы уже по одному тому, что вопросъ этотъ до сихъ поръ мало изслѣдованъ.

Какъ ни мало число полученныхъ отвѣтовъ, все же я счелъ нужнымъ оставить безъ разсмотрѣнія 6 слѣдующихъ отвѣтовъ: отвѣтъ одного священника, который отвѣчаетъ на вопросы не на основаніи своихъ наблюденій и личнаго опыта, котораго, по его собственнымъ же словамъ, и не было, а на основаніи своихъ теоретическихъ взглядовъ и убѣжденій; отвѣты двухъ монастырей въ виду того, что хозяйство ихъ ничтожно (въ одномъ монастырѣ всего 4 десятины земли), и работы исполняются почти исключительно монастырскою братіей, и, наконецъ, отвѣты 3-хъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ виду того, что работы по хозяйству исполняются учениками, да и при веденіи его обращается вниманіе, конечно, не на одну хозяйственную сторону дѣла, а также на учебно-воспитательную. Такимъ путемъ количество отвѣтовъ по сельскому хозяйству сократится до 30, но за то намъ придется имѣть дѣло лишь съ такими хозяевами, которые преслѣдуютъ при веденіи хозяйства одну только цѣль—его доходность и судятъ о вещахъ на основаніи многолѣтняго опыта и наблюденій.

Вопросовъ, постановкой которыхъ секція старалась выяснить значеніе общаго начальнаго образованія для фабричнаго и земледѣльческаго труда, всего четыре. Отвѣты на каждый изъ этихъ вопросовъ мы будемъ разсматривать въ такой послѣдовательности: сначала отвѣты, въ которыхъ благопріятное вліяніе общаго образованія на успѣхъ работы осталось невыясненнымъ или незамѣченнымъ, а затѣмъ отвѣты, которыми оно констатируется. Отвѣтовъ, въ которыхъ категорически и опредѣленно указывалось бы на то, что общее образованіе при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ оказываетъ вредное вліяніе на работоспособность, не имѣется. Изъ каждой группы отвѣтовъ я буду приводить лишь наиболѣе характерные и подробные.

Первый вопросъ, подлежащій нашему вниманію, былъ формулированъ такъ: «На основаніи вашего опыта, кого вы считаете болѣе пригодными для занятія должностей мастеровъ, надсмотрщиковъ и т. п.: необучавшихся или же обучавшихся въ школѣ, при другихъ равныхъ условіяхъ (ловкости, силѣ, добросовѣстности и пр.) и почему?»

Лишь четверо фабрикантовъ и одинъ зимлевладѣлецъ затруднились высказаться опредѣленно въ пользу обучавшихся въ школѣ. Одинъ фабрикантъ отвѣтилъ, впрочемъ, такъ: «Никакой разницы нѣтъ», какъ бы давая этимъ понять, что пребываніе въ школѣ и не должно оказывать какого-либо вліянія на пригодность къ дѣлу. Почему же затруднились отвѣтить опредѣленно другіе, видно хотя бы изъ слѣдующаго отвѣта: «Не могу высказать опредѣленно,—всѣ мастера обучались въ школѣ».

Остальная часть опрошенныхъ лицъ, т.-е. 51 человѣкъ, категорически и безусловно высказались въ пользу обучавшихся въ школѣ. Такъ фабриканты отвѣчаютъ: «Обучавшіеся несомнѣнно пригоднѣе по смѣтливости, со-

образительности и просто по грамотности». «Считаю болѣе выгодными грамотныхъ, ибо съ ними менѣе возни и скорѣе объяснишь имъ нововведенія, и, кромѣ того, грамотные добросовѣстнѣе относятся къ дѣлу». «Предпочитаю грамотныхъ: по крайней мѣрѣ знаніе цифръ обязательно требуется при заправкахъ различныхъ тканей. Желательно, чтобы подмастерья имѣли нѣкоторый графическій навыкъ для разбора рисунковъ и перевода ихъ на рабочіе картоны для разбора узорчатыхъ проборокъ и т. д.» .«Обучавшіеся въ школѣ рабочіе имѣютъ на фабрикѣ безусловное преимущество предъ необучавшимися при занятіи должностей надсмотрщиковъ, мастеровъ, старшихъ рабочихъ и т. п.; причина этому: бо̀льшая понятливость и смѣтливость, бо̀льшая наблюдательность и ловкость, и вообще способность скорѣе приспособляться къ разнымъ случайностямъ работы». Наконецъ, одинъ фабрикантъ высказывается въ пользу обучавшихся мастеровъ и надсмотрщиковъ «въ виду требованія по этимъ должностямъ счетоводства и отчетности».

Аналогичные отвѣты на предложенный вопросъ даютъ и сельскіе хозяева. «По моему опыту,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—изъ числа имѣющихся служащихъ, имѣетъ грамотный преимущества при всѣхъ равныхъ условіяхъ потому только, какъ надсмотрщикъ, что онъ можетъ записать дни робитчихъ, копицъ сѣна при дѣлежѣ сѣна съ крестьянами, копъ и копицъ урожая сѣна и вести счетъ скотоводства».

«Разумѣется, желательно бы было имѣть обученныхъ въ школѣ,— пишетъ другой помѣщикъ,— но гдѣ ихъ взять? Неграмотный хотя тоже ведетъ счетъ и мѣтитъ на биркѣ для памяти, но я ничего не поручаю таковымъ, даже счета сноповъ на десятинахъ,—все перепутаютъ и на грѣхъ наведутъ, будешь ошибки принимать за хотѣнье воровать». А вотъ что говорятъ другіе хозяева: «Добросовѣстность, честность, исполнительность, быстрое усвоеніе работы, аккуратность на сторонѣ кончившихъ курсъ, въ особенности сельско-хозяйственной школы; опытность—на сторонѣ «практиковъ». Черезъ два, три года опытность въ предѣлахъ имѣнія усвоивается прекрасно и первыми». «Завѣдующій надсмотрщикъ неграмотный безусловно хуже грамотнаго. Грамотному можно поручить работу, гдѣ нужна бо̀льшая сообразительность, а за неграмотнымъ нужно еще надсматривать и все ему разжевывать».

Другой вопросъ, предложенный фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ, былъ формулированъ такимъ образомъ: «Не указываетъ ли вашъ опытъ на то, что при исполненіи болѣе сложныхъ работъ, а также при обращеніи съ болѣе сложными машинами и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуются вниманіе и сообразительность, обучавшійся въ школѣ рабочій является болѣе пригоднымъ къ дѣлу?» И на этотъ, какъ и на предшествующій вопросъ лишь незначительное меньшинство — 10 человѣкъ не дало отвѣтовъ или затруднилось дать опредѣленный отвѣтъ. «Количество обучавшихся въ начальныхъ школахъ такъ ничтожно,—читаемъ мы въ отвѣтѣ одного фабриканта,— и они сравнительно находятся на фабрикѣ такъ недавно, что

никакихъ выводовъ сдѣлать нельзя». По этой же роковой причинѣ затруднились дать отвѣтъ нѣкоторые сельскіе хозяева. Такъ, одинъ изъ нихъ пишетъ: «Такого опыта нѣтъ, потому что мало грамотныхъ, а второе—способные грамотные они въ рабочіе не идутъ, а поступаютъ на болѣе легкія работы или въ смотрителя, гдѣ и большій окладъ жалованья».

Но большинство опрошенныхъ лицъ — 46 человѣкъ высказалось въ пользу рабочихъ, обучавшихся въ школѣ. «Во всякомъ случаѣ, люди обучавшіеся въ школѣ,— пишетъ одинъ фабрикантъ,— удобнѣе не только для мастера и проч., но и для рабочаго; они гораздо развитѣе и скорѣе пріучаются къ дѣлу; кромѣ того, отношенія между администраціей и рабочими проще, ибо грамотный рабочій самъ себя усчитываетъ». Въ другомъ отвѣтѣ читаемъ: «Опытъ настолько подтверждаетъ преимущества грамотнаго, что при замѣщеніи болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей едва ли можетъ зайти рѣчь о конкурренціи съ неграмотными»... даже «мастера, близко стоящіе къ дѣлу, всегда предпочитаютъ грамотныхъ рабочихъ неграмотнымъ, считая первыхъ лучшими во всѣхъ отношеніяхъ». Одинъ петербургскій заводчикъ, высказавшійся безусловно въ пользу обучавшихся въ школѣ, добавляетъ: «болѣе отвѣтственныя должности, какъ машинистовъ и кочегаровъ, у насъ занимаютъ финляндцы, которые всѣ грамотные, съ замѣтнымъ школьнымъ образованіемъ; тѣ изъ русскихъ, которые занимаютъ эти должности, также отличаются замѣтно большею грамотностью». Болѣе подробно высказывается по предложенному вопросу управляющій однимъ стекляннымъ заводомъ: «... школа незамѣтнымъ образомъ пріучаетъ человѣка къ опрятности и аккуратности и развиваетъ въ немъ болѣе внимательное отношеніе къ мельчайшимъ деталямъ на ряду со способностью болѣе быстро охватывать сущность работы. Благодаря этому, работа получившаго школьное образованіе рабочаго, при равныхъ условіяхъ ловкости, силы и добросовѣстности, будетъ чище, аккуратнѣе и продуктивнѣе такой же работы не обучавшагося въ школѣ рабочаго. Вотъ почему для исполненія такихъ работъ наиболѣе пригодными должно считать рабочихъ, получившихъ полное школьное образованіе». Далѣе тотъ же управляющій пишетъ: «Кромѣ того, что получившій школьное образованіе рабочій быстрѣе освоивается съ типомъ и механизмомъ машины и управляетъ ею лучше не обучавшагося въ школѣ рабочаго, онъ сумѣетъ уберечь себя отъ вреда, который ему можетъ причинить машина, а потому на тѣхъ машинахъ, гдѣ больше рабочихъ, получившихъ школьное образованіе, гораздо меньше несчастныхъ случаевъ отъ неосторожнаго обращенія съ машиной. Уберегая себя отъ несчастія, такой рабочій болѣе находчивъ въ моментъ неожиданнаго случая и — что особенно важно для фабрики и завода—можетъ своею распорядительностью оградить въ это время механизмъ машины отъ окончательнаго разрушенія». Такой же обстоятельный отвѣтъ былъ присланъ еще изъ одной фабрики; въ немъ читаемъ слѣдующее: «Опытъ подтверждаетъ, почти безъ исключенія, что чѣмъ грамотнѣе рабочій, тѣмъ болѣе онъ пригоденъ на тѣ посты, гдѣ, помимо простой фи-

зической силы, требуются еще наблюдательность, сообразительность и вниманіе. Крестьянинъ изъ деревни, совсѣмъ безграмотный, даже и не добивается отвѣтственнаго поста надсмотрщика или старшаго рабочаго, оставаясь всегда на низшихъ ступеняхъ работы, гдѣ требуется одна лишь физическая сила. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ грамотный, какъ показалъ опытъ, несравненно лучше и толковѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ, повидимому, нужна лишь физическая сила: замѣчается большій порядокъ въ работѣ, почти вовсе не случается ошибокъ, происходящихъ отъ какого-то безразличнаго отношенія къ работѣ, и замѣтно желаніе облегчить свой физическій трудъ, чего онъ довольно быстро и достигаетъ, пользуясь нѣкоторыми простыми приспособленіями, требующими, однако, нѣкоторой сообразительности. Этого почти никогда не замѣчается у безграмотнаго».

Такъ же подробно и обстоятельно мотивируютъ свои отвѣты и сельскіе хозяева: «При исполненіи болѣе сложныхъ работъ и въ особенности при работахъ съ земледѣльческими орудіями и машинами,— пишетъ одинъ помѣщикъ,—грамотный рабочій значительно способнѣе и сообразительнѣе неграмотнаго». «Неграмотный рѣдко смекнетъ, гдѣ нужно поправить машину и какъ именно,— пишетъ другой.— Грамотный понимаетъ чертежъ, планъ; не относится съ недовѣріемъ къ земледѣльческимъ орудіямъ и охотнѣе принимается за новинку; неграмотный считаетъ все пустою затѣей, кромѣ сохи и бороны. Грамотный старается наладить инструментъ, неграмотный — изгадить, чтобъ его не отрывали отъ заученаго». Приведемъ еще нѣсколько показаній: «Всѣ важныя и сложныя работы поручаются исключительно лишь грамотнымъ рабочимъ. При своей добросовѣстности послѣдніе весьма бережно обращаются также со скотомъ, въ особенности въ лѣтнее время; надсмотръ надъ ними почти не нуженъ и сработаютъ они столько, сколько можно безъ ущерба скота или машинъ, но не менѣе требуемаго урочнаго положенія въ хозяйствѣ. При работѣ паровыми машинами даже кочегары грамотные сберегаютъ топливо». «Насколько это возможно, работы, требующія вниманія и добросовѣстности, какъ посѣвъ рядовыми сѣялками хлѣбовъ и свекловицы, пропахиваніе послѣдней, косьба травъ косилками, жнитво хлѣба сноповязками, поручаются грамотнымъ». «У меня особенно говоритъ въ пользу учившихся въ какой бы то ни было школѣ работа на рядовыхъ сѣялкахъ. У нигдѣ не учившихся поломка и всякія неисправности въ работѣ на каждомъ шагу, такъ что даже мой приказчикъ (научившійся грамотѣ у бродячаго учителя-солдата) старается набирать къ сѣялкамъ рабочихъ, побывавшихъ въ школѣ или учившихся, будучи солдатами». Наконецъ, одинъ землевладѣлецъ на всѣ предложенные вопросы отвѣчаетъ такъ: «На эти вопросы можетъ быть единственный отвѣтъ: такъ какъ грамотныхъ въ числѣ рабочихъ почти нѣтъ, то поэтому всякое нововведеніе въ хозяйствѣ не только затруднительно, но почти невозможно, потому что техническое усовершенствованіе въ хозяйствахъ можетъ быть только вводимо, если исполнители будутъ хоть сколько-нибудь подготовлены грамотою».

Чтобы всесторонне выяснить вліяніе общаго начальнаго образованія на пригодность къ занятію фабричнымъ трудомъ, фабрикантамъ былъ предложенъ еще слѣдующій вопросъ: «Способствуетъ ли прохожденіе школьнаго курса сокращенію срока выучки въ марстерскихъ?» Изъ 25 *) фабрикантовъ, которымъ былъ предложенъ этотъ вопросъ, двое отвѣтили на него отрицательно, пятеро ничего не отвѣтили; четверо затруднились дать опредѣленный отвѣтъ въ силу нѣкоторыхъ условій производства на ихъ фабрикахъ. «Работы простыя, несложныя и особой выучки не требуютъ»,—пишетъ, напримѣръ, управляющій лѣсопильнымъ заводомъ. «Не имѣя учениковъ подмастерьевъ, мы не можемъ дать отвѣта на поставленный вопросъ»,—отвѣтилъ управляющій другого завода.

Остальные 14 фабрикантовъ констатировали, что общее образованіе болѣе или менѣе способствуетъ сокращенію срока обученія въ мастерскихъ. Такъ одинъ изъ нихъ пишетъ: «У насъ практикуется четырехлѣтній срокъ обученія, что для ученика со школьнымъ образованіемъ вполнѣ достаточно, но для необучавшихся требуется большею частью лишній годъ ученья». Въ другомъ отвѣтѣ читаемъ: «Прохожденіе школьнаго курса несомнѣнно способствуетъ сокращенію срока выучки въ мастерскихъ. Рабочій, нигдѣ не обучавшійся, съ трудомъ и очень медленно пріобрѣтаетъ необходимыя спеціальныя свѣдѣнія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ не понимаетъ, почему извѣстная работа производится такъ, а не иначе, и принужденъ подражать внѣшнимъ пріемамъ. Рабочихъ, дошедшихъ до знанія извѣстной спеціальности помимо школы, путемъ подражанія и совмѣстной работы съ другими болѣе опытными рабочими, можно характеризовать, сказавъ, что они знаютъ, какъ надо дѣлать, но не знаютъ почему... Особенно большое значеніе имѣетъ общее образованіе рабочихъ въ сравнительно малыхъ мастерскихъ и заводахъ, гдѣ раздѣленіе труда не можетъ быть такъ далеко проведено, какъ на большихъ, и гдѣ, слѣдовательно, рабочему часто приходится исполнять довольно разнообразныя работы, и тутъ-то болѣе легкая приспособляемость рабочаго, получившаго нѣкоторое общее образованіе, пріобрѣтаетъ особое значеніе». Изъ одной писчебумажной фабрики отвѣтили такъ: «Въ ремонтныхъ мастерскихъ фабрики обученіе грамотныхъ идетъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ безграмотныхъ; для нѣкоторыхъ спеціальностей, какъ-то: модельщика и слесяря, гдѣ требуется обучать измѣреніямъ и построеніямъ различныхъ геометрическихъ фигуръ, безграмотный контингентъ совершенно непригоденъ. Окончившіе фабричную школу (черченіе и рисованіе—у насъ обязательный предметъ), поступая въ ремонтную мастерскую, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ становятся младшими слесарями, а черезъ одинъ, много 1½ года настоящими слесарями, паяльщиками, токарями и проч. и зарабатываютъ отъ 1 р. до 1 р. 40 к. въ день, а при сдѣльныхъ работахъ и болѣе. Есть у насъ такъ называемые под-

---

*) Въ одинъ свеклосахарный заводъ попалъ вопросный бланкъ, предназначенный для сельскихъ хозяевъ, въ которомъ приведенный въ текстѣ вопросъ отсутствовалъ.

ручные изъ безграмотныхъ, получающіе отъ 50 до 75 коп. въ день, которые состоятъ оными почти 8 лѣтъ и нѣтъ никакой надежды на повышеніе ихъ по службѣ, и открывающіяся вакансіи замѣщаются либо грамотными подручными, либо готовыми спеціалистами изъ другихъ механическихъ мастерскихъ... По установившемуся обычаю,—читаемъ мы далѣе,—на фабрикѣ имѣется всегда контингентъ подростковъ, окончившихъ фабричную школу, возрастомъ отъ 15 до 18 лѣтъ, при самочерпкахъ; эти подростки въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ освоиваются со всѣми подробностями работы при самочерпкѣ, такъ что спустя 3—4 мѣсяца изъ нихъ вырабатываются толковые рабочіе при прессахъ, при мокрой и сырой части машины, при саморѣзкѣ и другихъ частяхъ самочерпки. Рядомъ съ этимъ наблюдается фактъ, что такой же подростокъ изъ деревни, безграмотный, часто даже въ 3—4 года нисколько не усвоиваетъ себѣ тѣхъ же правилъ и вообще обнаруживаетъ полное отсутствіе вниманія и интереса къ работѣ. Даже подростокъ изъ деревенской одноклассной школы, какъ показалъ опытъ, значительно уступаетъ подростку, окончившему фабричную школу, хотя и превосходитъ совсѣмъ безграмотнаго; причина этому заключается въ томъ, что окончившіе фабричную школу—дѣти фабричныхъ же рабочихъ—имѣютъ возможность съ раннихъ лѣтъ ознакомиться со всѣми названіями машинъ и даже частей оныхъ, съ названіями работъ и проч.»; поэтому «фабричныя школы должны бы быть обязательно при каждой фабрикѣ, которая отъ этого можетъ только выиграть».

Переходимъ къ разсмотрѣнію отвѣтовъ на послѣдній, наиболѣе для насъ важный вопросъ. Формулированъ онъ былъ такимъ образомъ: «Можете ли вы, на основаніи вашего опыта, отмѣтить какое-либо различіе въ количествѣ и качествѣ работы, производимой обучавшимися въ школѣ и необучавшимися въ школѣ рабочими, занятыми одинаковыми работами (при всѣхъ остальныхъ равныхъ условіяхъ: ловкость, сила, добросовѣстность и проч.)? Если это различіе есть, просятъ его выразить въ цифрахъ производительности рабочаго».

Какъ и слѣдовало ожидать, положительныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ было дано очень мало, всего 19 изъ 56. Изъ остальныхъ же отвѣчавшихъ лицъ шестеро не дали никакого отвѣта, 17 отвѣтили, что искомое различіе или не наблюдалось, или не замѣчалось, а остальные 13 человѣкъ указали на трудность и для нѣкоторыхъ даже невозможность дать на поставленный вопросъ сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ. Такъ одинъ изъ фабрикантовъ пишетъ: «Количество обучавшихся въ начальныхъ школахъ такъ ничтожно и они сравнительно находятся на фабрикѣ такъ недавно, что никакихъ выводовъ сдѣлать нельзя». Въ другомъ отвѣтѣ читаемъ: «Не имѣя рабочихъ, кромѣ пудлинговщиковъ, на задѣльномъ заработкѣ, не имѣемъ возможности дать отвѣтъ на поставленный вопросъ». Наконецъ, третій представитель промышленности пишетъ: «Этотъ вопросъ (вліяніе обученія на производительность труда) можетъ быть рѣшенъ только на основаніи статистическихъ свѣдѣній: если бы можно было отдѣлить выработку гра-

мотныхъ ткачей отъ неграмотныхъ и разсчитать, какая цифра получится въ среднемъ для одного человѣка изъ каждой категоріи. Но для этого пришлось бы измѣнить систему фабричной отчетности, или же производить выборки по спискамъ, что, разумѣется, неудобно».

Не мало и сельскихъ хозяевъ затруднились дать опредѣленный отвѣтъ на предложенный вопросъ. «Такъ какъ работа на нашемъ имѣніи черная, т.-е. больше хлѣбопашество, — пишетъ управляющій одного имѣнія, — то производительность тѣхъ и другихъ рабочихъ не различается замѣтно другъ отъ друга. Могу даже прибавить, что обучавшіеся производятъ меньше, что объясняю тѣмъ, что имъ работа не по вкусу». Во второй части приведеннаго отвѣта констатируется какъ будто неблагопріятное вліяніе общаго образованія на производительность труда. Но вотъ что отвѣтилъ тотъ же самый управляющій на предшествовавшій вопросъ: «Дѣйствительно, случалось наблюдать, что обучавшійся при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ исполнялъ обязанности точнѣе, аккуратнѣе и воспроизводительность его гораздо обильнѣе». Такое противорѣчіе двухъ отвѣтовъ одного и того же лица побудило насъ отнести ихъ въ группу отвѣтовъ, въ которыхъ вліяніе общаго образованія на производительность труда осталось незамѣченнымъ или невыясненнымъ. «На этотъ вопросъ не могу отвѣтить положительно,—пишетъ одинъ помѣщикъ,—ибо наблюденій не производилъ, но полагаю, что тутъ грамотность не при чемъ». Въ другомъ отвѣтѣ читаемъ: «На подобный вопросъ не имѣю отвѣта потому, что незначительно число грамотныхъ между неграмотными и различіе не замѣчается настолько, чтобы на этотъ вопросъ можно было бы сказать сколько - нибудь приблизительно». Другой хозяинъ пишетъ: «Исполненіе работъ введено въ хозяйствѣ урочное, такъ что я не имѣлъ возможности вывести подобное наблюденіе». «Изложить это различіе въ краткихъ словахъ, да и вообще чрезвычайно трудно, такъ какъ таковое слагается изъ многихъ мелкихъ, едва уловимыхъ чертъ; только сумма ихъ представляетъ нѣкоторый ощутительный результатъ».

Перейдемъ къ разсмотрѣнію положительныхъ отвѣтовъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ управляющій однимъ стекляннымъ заводомъ: «Различіе въ качествѣ и количествѣ работы, производимой обучавшимися въ школѣ и не обучавшимися въ школѣ рабочими основывается на томъ, что первые скорѣе обнимаютъ выдѣлку высшихъ сортовъ посуды. На основаніи многолѣтняго опыта могу сказать, что изъ ста рабочихъ со школьнымъ образованіемъ рабочихъ пригодныхъ для выдѣлки высшихъ сортовъ выходитъ 25%, тогда какъ изъ сотни же рабочихъ безъ школьнаго образованія такихъ не выходитъ и 5%. Въ виду этого заводъ много теряетъ оттого, что, благодаря незначительному количеству сельскихъ школъ, онъ не можетъ располагать достаточнымъ количествомъ рабочихъ со школьнымъ образованіемъ». Владѣлецъ другого завода пишетъ: «Обучавшійся въ школѣ рабочій примѣняется скорѣе къ своей работѣ и выполняетъ ее непремѣнно аккуратно и добросовѣстно, причемъ заработокъ его бываетъ большею

частью выше на 20% заработка необучавшагося въ школѣ». Въ другомъ отвѣтѣ указывается, что «грамотные зарабатываютъ въ мѣсяцъ отъ 20 до 25 рублей, неграмотные — отъ 15 до 18 рублей, хотя есть исключенія». Наибольшею обстоятельностью отличается отвѣтъ одной писчебумажной фабрики, въ которомъ мы читаемъ слѣдующее: «Если бы требовалось цифрами выразить количество работы, производимой въ равное время обучавшимися въ фабричной школѣ и необучавшимися въ ней, то смѣло можно выразить это числомъ отъ 20 до 50%, при гораздо лучшемъ качествѣ работы. Примѣръ: когда на фабрикѣ введенъ 8-часовой трудъ, т.-е. 3 смѣны вмѣсто прежнихъ двухъ, то въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ рабочіе почти всѣ грамотные, оказалось возможнымъ сократить число людей въ смѣнѣ отъ 20 до 50%, между тѣмъ въ отдѣленіяхъ съ безграмотными почти совсѣмъ не оказалось возможности сдѣлать сокращенія людей, а сдѣланное тамъ сокращеніе пошло лишь въ ущербъ количества и качества работы. Вслѣдствіе этого администрація задалась цѣлью замѣнить почти вездѣ грамотными прежнихъ безграмотныхъ (къ сожалѣнію, полное замѣщеніе нельзя сдѣлать, такъ какъ достать грамотныхъ очень трудно), и гдѣ это удалось сдѣлать, тамъ получился вышеприведенный результатъ. Въ настоящее время принято за правило — грамотному рабочему, при поступленіи на фабрику, платить на 20 — 30% дороже, чѣмъ безграмотному, и мы надѣемся, что черезъ 2—3 года весь контингентъ рабочихъ на фабрикѣ будетъ грамотный, къ чему принимаются серьезныя мѣры, кромѣ повышенной платы. Мѣры эти: 1) открытіе въ скоромъ времени второй школы при фабрикѣ, такъ какъ въ первой не можетъ обучаться болѣе 90 мальчиковъ и дѣвочекъ, между тѣмъ есть желающихъ до 140 душъ, къ которымъ присоединится еще нѣсколько десятковъ изъ ближайшихъ деревень; 2) ходатайство предъ учебнымъ вѣдомствомъ объ открытіи школъ въ ближайшихъ къ фабрикѣ деревняхъ: Дитяткахъ, Терхахъ и Верестѣ, съ пособіемъ каждой отъ фабрики ежегодно по 150 рублей, и 3) пріемъ на фабрику новыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей исключительно только грамотныхъ».

Посмотримъ, что говорятъ по данному вопросу сельскіе хозяева: «Различіе въ качествѣ работы всегда на сторонѣ обучавшихся»,— пишетъ одинъ землевладѣлецъ. «Цифровыхъ данныхъ не имѣю, такъ какъ параллельныхъ наблюденій и разсчетовъ дѣлать не приходилось,— говоритъ другой,—но могу положительно утверждать, что грамотные работаютъ несравненно производительнѣе и тщательнѣе неграмотныхъ». Болѣе подробно высказывается третій помѣщикъ: «Точнаго сравненія не дѣлалъ, но это фактъ, бросающійся въ глаза, что гдѣ нужно побольше пониманія дѣла и аккуратности, тамъ лучше работникъ болѣе или менѣе обучавшійся... Грамотный крестьянинъ легко находитъ себѣ дѣло, лучше оплачивающееся, чѣмъ положеніе работника, а потому грамотный работникъ—большая рѣдкость; въ тѣхъ же случаяхъ, когда я нарочно подбираю такихъ работниковъ, какъ на время сѣва рядовыми сѣялками, я имъ плачу настолько дороже, чѣмъ рядовымъ рабочимъ, что ко мнѣ охотно идутъ въ работу

люди, которые остальное время года работаютъ въ своихъ отцовскихъ хозяйствахъ; и, все-таки, я не всегда нахожу необходимыхъ мнѣ 4 человѣкъ». Одинъ изъ отвѣчавшихъ, кандидатъ сельскаго хозяйства, доставилъ намъ и нѣкоторыя цифровыя данныя. «Въ общемъ,—говоритъ онъ,—при всѣхъ работахъ грамотные рабочiе повышаютъ работу (производительность работы) на 10—25%». Для примѣра онъ приводитъ слѣдующую выборку изъ рабочаго журнала текущаго года: «Двое грамотныхъ рабочихъ, работая парными двухлемешными плугами въ продолженiе 6 дней, вспахали 18 десятинъ, тогда какъ двое неграмотныхъ рабочихъ, работая двѣ недѣли спустя тѣми же самыми плугами, то же количество времени и при томъ же самомъ надзорѣ, вспахали всего 13 десятинъ», т.-е. на пять десятинъ меньше.

Таковъ матерiалъ, полученный секцiей отъ представителей нашей промышленности и земледѣлiя по интересующему насъ вопросу. Какiе же выводы и заключенiя можно сдѣлать, основываясь на этихъ, повидимому, далеко не единодушныхъ показанiяхъ свѣдующихъ лицъ? Сходятся ли эти показанiя, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что общее начальное образованiе повышаетъ производительность труда? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ возможно отвѣтить лишь утвердительно. Правда, большинство отвѣчавшихъ затруднилось найти опредѣленное различiе въ количествѣ и качествѣ работы, производимой обучавшимися въ школѣ рабочими и не обучавшимися въ ней; еще большее количество отвѣчавшихъ затруднилось выразить это различiе въ цифрахъ. Но за то почти всѣ отвѣчавшiе констатировали, что при всѣхъ другихъ равныхъ условiяхъ рабочiе, обучавшiеся въ школѣ, болѣе сообразительны, внимательны, аккуратны и вообще болѣе пригодны къ дѣлу, чѣмъ рабочiе, никакого образованiя не получившiе. Но разъ работоспособность этихъ двухъ категорiй различна, то, вѣдь, и результаты ихъ работы должны получиться неодинаковые: непремѣнно окажется различiе въ количествѣ или качествѣ работы, и различiе, конечно, въ пользу «болѣе пригодныхъ къ дѣлу». Правда, обнаружить это различiе, а тѣмъ болѣе выразить его въ цифрахъ, не всегда и далеко не всѣмъ возможно. Для этого требуется и бо́льшая доля наблюдательности со стороны наблюдающихъ, и достаточное количество грамотныхъ рабочихъ, и извѣстная система фабричной отчетности, и веденiе рабочаго журнала или другого рода соотвѣтствующихъ записей по хозяйству, и многiя другiя условiя, которыя, какъ мы видѣли, не всегда имѣются на-лицо. Вполнѣ естественно, поэтому, что большинство отвѣчавшихъ отмѣтило лишь то, что легче поддается наблюденiю, а именно тѣ интеллектуальныя способности, которыя повышаютъ производительность труда и которыя чаще и въ большей степени встрѣчаются у лицъ, получившихъ школьное образованiе, чѣмъ у лицъ совершенно необразованныхъ. Вполнѣ естественно также и то, что лишь двое выразили въ цифрахъ повышенiе производительности труда у образованныхъ рабочихъ сравнительно съ неграмотными; остальные же указали лишь на болѣе высокiй заработокъ первыхъ сравнительно со вто-

рыми, и лишь отсюда, въ виду прямой и безспорной зависимости высоты заработка отъ производительности труда заключаемъ мы о большей производительности труда первыхъ сравнительно со вторыми. Такимъ образомъ, какъ тѣ, которые отмѣтили различіе въ количествѣ и качествѣ работы обучавшихся и необучавшихся въ школѣ рабочихъ, такъ и тѣ, которые указали на разную пригодность къ дѣлу названныхъ категорій рабочихъ, одинаково констатировали благотворное вліяніе общаго начальнаго образованія на производительность труда. Одни только подошли къ вопросу съ одной, болѣе доступной для наблюденій стороны, другіе съ иной, менѣе извѣстной, но за то и болѣе важной стороны. Въ конечномъ результатѣ мы имѣемъ довольно разностороннее освѣщеніе вопроса со стороны 46 свѣдующихъ лицъ *).

Но тутъ предъ нами возникаетъ неизбѣжный и грозный вопросъ: какое научное значеніе могутъ имѣть выводы и заключенія изъ такого случайнаго матеріала, какой представляютъ разсмотрѣнные нами 56 отвѣтовъ? Могутъ ли эти выводы претендовать на сколько-нибудь общее значеніе, разъ двѣ, три сотни лишнихъ отвѣтовъ могли бы дать матеріалъ для совершенно противоположныхъ заключеній? Да и могутъ ли имѣть научное значеніе такіе опросы и наблюденія, въ которыхъ все зависитъ отъ разнаго рода индивидуальныхъ особенностей опрашиваемаго субъекта? Нельзя не признаться, что эти возраженія могли бы оказаться для нашего вывода роковыми, если бы по затронутому нами вопросу не существовало никакихъ литературныхъ данныхъ. Хотя и тогда нѣкоторые изъ приведенныхъ отвѣтовъ заставили бы насъ призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ вестись фабрика, которая платитъ рабочимъ, получившимъ нѣкоторое образованіе, при поступленіи на фабрику на 20—на 30% дороже, чѣмъ рабочимъ безграмотнымъ, если только это высшее вознагражденіе не окупается большею производительностью труда образованныхъ рабочихъ? Вѣдь, фабрика не благотворительное учрежденіе и волей-неволей должна считаться съ конкурренціей однородныхъ предпріятій, иначе она немедленно будетъ вытѣснена съ промышленнаго рынка. А эта фабрика такъ увѣрена въ выгодности для нея труда образованныхъ рабочихъ, что устраиваетъ у себя вторую школу и ходатайствуетъ объ открытіи цѣлаго ряда школъ въ сосѣдней мѣстности, гарантируя имъ отъ себя ежегодныя субсидіи. Мнѣ пред-

*) Слѣдующая таблица показываетъ, во сколькихъ случаяхъ вліяніе общаго начальнаго образованія на пригодность къ исполненію обязанностей мастеровыхъ и т. п. оказалось благопріятнымъ, во сколькихъ не выясненнымъ.

Вліяніе общаго начальнаго образованія	На пригодность къ исполненію обязанностей мастеровыхъ и т. п.	На пригодность рабочихъ къ исполненію болѣе сложн. работъ.	На сокращеніе срока выучки въ мастерскихъ.	На возвышеніе количества или улучшеніе качества работы.
Оказалось благопріятнымъ въ . .	51 случ.	46 случ.	14 случ.	19 случ.
Оказалось невыясненнымъ въ . . .	5 „	10 „	11 „	37 „

ставляется, что если бы разсчеты, которыми руководствуется эта фабрика уже не первый годъ, были невѣрны, то она давно прекратила бы свое существованіе. Кромѣ того, ни среди полученныхъ отвѣтовъ, ни въ литературѣ нѣтъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что общее образованіе имѣетъ тенденцію понижать производительность труда. Вотъ почему и въ предположенномъ нами случаѣ мы были бы склонны думать, что и при бо́льшемъ количествѣ отвѣтовъ нашъ выводъ не только не былъ бы опровергнутъ, но еще болѣе подтвержденъ.

За это говорятъ и данныя, собранныя американскимъ бюро по народному образованію, о которыхъ мы упоминали выше и которыя вполнѣ совпадаютъ съ показаніями нашихъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ. Достаточно упомянуть, что всѣ опрошенныя названнымъ бюро лица констатировали, что «элементарное образованіе повышаетъ производительность рабочихъ среднимъ числомъ на 20%, хотя, по мнѣнію экспертовъ изъ рабочихъ, не всегда весь этотъ излишекъ получается въ формѣ увеличенной заработной платы самимъ производителемъ, а идетъ скорѣе на пользу предпринимателя» *).

Этотъ фактъ, т.-е. бо́льшая производительность труда, а, слѣдовательно, и большій заработокъ рабочихъ, получившихъ нѣкоторое общее образованіе, сравнительно съ рабочими, не получившими его, подтверждается и другого рода данными. На ситце-набивной мануфактурѣ товарищества «Эмиль Циндель» въ Москвѣ было произведено въ 1895 г. статистическое изслѣдованіе, которое было демонстрировано на послѣдней сельско-хозяйственной выставкѣ. Путемъ вычисленій приблизительно надъ 2,000 рабочими авторъ этого изслѣдованія, г. П. М. Шестаковъ, нашелъ, что заработокъ грамотныхъ рабочихъ превышаетъ въ среднемъ на 9,3% заработокъ неграмотныхъ **). Такимъ образомъ выводъ, вытекающій изъ разсмотрѣннаго нами матеріала, подтверждается изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ Америкѣ, и обосновывается безпристрастными цифровыми вычисленіями надъ массой случаевъ, въ которой все временное и случайное стушевывается, по мѣрѣ того, какъ постоянныя и типическія свойства явленій выдвигаются на первый планъ...

За послѣднее время часто раздаются голоса объ угнетенномъ положеніи нашей промышленности и земледѣлія. Какъ фабриканты, такъ и землевладѣльцы указываютъ на невозможность конкуррировать намъ съ Западною Европой и Америкой и хлопочатъ—одни о покровительственныхъ пошлинахъ, другіе о льготныхъ ссудахъ и цѣломъ рядѣ иныхъ мѣръ, которыхъ

---

*) См. замѣтку г-жи Ек. Янжулъ, озаглавленную: *Вліяніе грамотности на производительность труда въ Америкѣ. Вѣстникъ Европы* 1894 г., № 11, стр. 453.

**) Въ результатѣ аналогичнаго изслѣдованія г. Л. Л. Гаврилова, также выступившаго на съѣздѣ въ роли докладчика по разсматриваемому вопросу, оказалось, что дневной заработокъ не только выше у грамотнаго рабочаго, чѣмъ у неграмотнаго, но и обнаруживаетъ извѣстную тенденцію возрастать въ зависимости отъ степени грамотности.

будто бы требуютъ интересы всего государства. Но въ списокъ этихъ спасительныхъ мѣръ лишь немногіе включаютъ одну мѣру, дѣйствительно необходимую и неотложную. Не вызывая борьбы среди представителей двухъ главныхъ отраслей нашей промышленности и не ложась всею своею тяжестью на массу потребителей, какъ многія другія мѣры, не претендуя, наконецъ, на исключительное и быстрое дѣйствіе,—«общественный недугъ не поддается лѣченію быстро дѣйствующихъ пилюль»,—мѣтко замѣтилъ одинъ американскій экономистъ *),—не отличаясь этими свойствами, предлагаемое нами средство хотя и постепенно и незамѣтно, но за то вѣрно ведетъ къ желаемой цѣли. Повышая производительность труда, а вмѣстѣ съ ней, и достатокъ тѣхъ многочисленныхъ милліоновъ нашего народа, которые въ потѣ лица своего добываютъ хлѣбъ свой, средство это приноситъ, въ то же время, не меньшую пользу и представителямъ нашей промышленности: оно даетъ имъ возможность пользоваться болѣе производительнымъ трудомъ наемныхъ рабочихъ, вводить съ помощью послѣднихъ техническія усовершенствованія въ производство и тѣмъ самымъ съ большимъ успѣхомъ конкуррировать съ иностранною промышленностью. Этимъ мирнымъ и благодѣтельнымъ для всѣхъ средствомъ, вызывающимъ развитіе промышленности и земледѣлія и подъемъ экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ населенія, и является общее начальное образованіе.

А. Горбуновъ.

---

*) *I. Schoenhof*: „Wades and trade“. „Экономическое міровоззрѣніе демократовъ Соединенныхъ Штатовъ“, стр. 33. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Л. Бухъ. Спб., 1892 г.

Іудея и Римъ *).

(Картины античнаго міра, по Э. Ренану).

VIII.

Волненія въ Іудеѣ.—Начало войны.

Въ Іудеѣ тѣмъ временемъ подготовлялись событія величайшей важности. Причины кризиса накоплялись очень издавна, и самый кризисъ становился все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ. Толкователи еврейскаго закона, отчаянные утописты, не имѣвшіе никакого представленія о политикѣ, дѣлали совершенно невозможнымъ совмѣстное существованіе гражданскаго общества и религіи іудеевъ. Владычество Ахеменидовъ дало нѣкоторый покой народу Израильскому. Эта громадная феодальная имперія, относившаяся съ большою терпимостью къ областнымъ и національнымъ особенностямъ, предоставляла евреямъ наибольшую свободу. Такъ же довольны они были, повидимому, господствомъ Птоломеевъ въ III вѣкѣ до Р. Х. Совсѣмъ иныя времена наступили для нихъ при Селевкидахъ. Антіохія сдѣлалась важнымъ и дѣятельнымъ центромъ эллинской пропаганды, Антіохъ Эпифанъ считалъ нужнымъ всюду воздвигать статуи Юпитера Олимпійскаго, какъ символъ своего могущества. И тогда вспыхнуло въ Іудеѣ первое большое возмущеніе противъ языческой цивилизаціи. Израиль терпѣливо сносилъ уничтоженіе своей политической независимости при Навуходоносорѣ и возсталъ съ поразительною энергіей, какъ только увидалъ опасность, угрожающую его религіознымъ установленіямъ. Племя, вообще далеко не воинственное, проявило героизмъ необычайный: безъ регулярной арміи, безъ военачальниковъ, безъ тактики, евреи отбились отъ Селевкидовъ, сохранили неприкосновеннымъ свой законъ и создали себѣ вновь положеніе независимаго государства. Положеніе это продлилось, однако, не болѣе ста лѣтъ.

Установившемуся въ то время порядку вещей въ Іудеѣ часто даютъ названіе теократіи, и это совершенно вѣрно, если разумѣть, что въ основѣ такой идеи лежитъ представленіе о царствѣ Божіемъ и о Богѣ, какъ един-

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

ственномъ Господинѣ міра и Повелителѣ народовъ. Но въ понятіяхъ семитическихъ народовъ «теократія» никогда не отождествляется съ правительствомъ, во главѣ котораго стоятъ священники или жреческая каста: власть принадлежитъ представителю Бога, тому, кто получилъ отъ Бога вдохновеніе, человѣку «избранному», который избранничество свое доказалъ чудесами или успѣхомъ. Пророковъ не стало, и за неимѣніемъ пророковъ такую власть стали присвоивать себѣ сочинители апокрифическихъ книгъ, приписываемыхъ древнимъ пророкамъ, или ученые толкователи закона, первенствующія лица синагоги, хранители преданій. При такой соціальной организаціи очень немногое остается на долю гражданской власти, на долю государства.

Римское владычество надъ Іудеей, утвержденное въ 66 г. до Р. Х. побѣдами Помпея, вначалѣ удовлетворяло, повидимому, нѣкоторыя изъ желаній еврейскаго народа. Римъ въ тѣ времена не находилъ уже нужнымъ всецѣло подчинять своей власти тѣ страны, которыя онъ послѣдовательно присоединялъ къ своимъ владѣніямъ. Римъ лишалъ ихъ только права вести войну и заключать миръ и за собой оставлялъ рѣшеніе важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. При выродившихся потомкахъ династіи Асмонеевъ и при Иродахъ іудеи сохраняли такую полунезависимость, которая могла вполнѣ удовлетворить ихъ, такъ какъ ихъ религія и обычаи оставались вполнѣ неприкосновенными. Но слишкомъ силенъ былъ внутренній кризисъ, переживаемый націей, а при извѣстной степени напряженности религіознаго фанатизма исчезаетъ всякая возможность управлять народомъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и Римъ, съ своей стороны, уже стремился къ болѣе полному утвержденію своей власти надъ Востокомъ. Мелкія вассальныя царства, существовавшія до извѣстнаго времени, исчезали одно за другимъ и превращались въ простыя провинціи имперіи. Съ 6 года по Р. Х. Іудеей правили римскіе прокураторы, подчиненные императорскимъ легатамъ Сиріи, при существованіи параллельной съ ними власти царей дома Иродова. Невозможность такого порядка вещей обнаруживалась все съ большею и большею ясностью. Наслѣдники Ирода пользовались весьма малымъ уваженіемъ на Востокѣ и еще меньшимъ сочувствіемъ настоящихъ патріотовъ, истинно-религіозныхъ людей. Административные распорядки римлянъ, даже самые разумные, представлялись ненавистными іудеямъ. Вообще римляне относились съ величайшею осмотрительностью и полною терпимостью ко всѣмъ народнымъ обычаямъ. Но это оказывалось уже недостаточнымъ, дѣло дошло до того, что нельзя было ничего сдѣлать, не затронувши какого-либо вопроса, которому придавалось каноническое значеніе. Чрезмѣрно возбужденные ревнители религіи не допускаютъ никакихъ уступокъ, идутъ до послѣднихъ крайностей: если не на ихъ сторонѣ господство, они считаютъ себя угнетенными и гонимыми; если они чувствуютъ за собой поддержку, они становятся требовательными безмѣрно и стремятся сдѣлать невозможнымъ существованіе какого-либо иного культа, кромѣ ихняго.

Едва ли допустимо сомнѣніе въ томъ, что въ обоюдныхъ недоразумѣ-

ніяхъ между римлянами и іудеями, приведшихъ къ страшной катастрофѣ, въ свою мѣру были виновны обѣ стороны. Нѣкоторые изъ прокураторовъ были дурные, безчестные люди, другіе—оказывались рѣзкими и жестокими, слишкомъ нетерпѣливыми и раздражительными. Но надо было совершенствомъ быть, чтобы не раздражаться узкостью ума и высокомѣріемъ ненавистниковъ греческой и римской цивилизаціи, враждебно относящихся ко всему человѣчеству, какими казались всѣ евреи поверхностнымъ наблюдателямъ, не углублявшимся до истиннаго пониманія одушевлявшаго ихъ религіознаго духа. Справедливость обязываетъ насъ, однако, замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ евреи сами вызывали недоброжелательство правителей своею наглостью, вызывающимъ поведеніемъ, своими безконечными кляузами, постоянными жалобами императорамъ и непрерывными интригами. Но и момимо всего этого евреи не могли ужиться съ римлянами уже потому, что идея общаго государственнаго права, носителями которой были римляне, вызывала самую ожесточенную антипатію строгихъ ревнителей закона, казалась имъ рѣшительно несовмѣстимою съ ихъ теократическимъ представленіемъ объ исключительномъ положеніи и чаемыхъ ими судьбахъ царства Израилева.

А затѣмъ и еще одно обстоятельство способствовало поддержанію постоянной враждебности іудеевъ противъ римлянъ: дѣло въ томъ, что евреи были освобождены отъ военной службы. Во всѣхъ другихъ странахъ легіоны набирались изъ мѣстныхъ жителей, и это давало римлянамъ возможность съ небольшими численно вооруженными силами держать въ подчиненіи обширныя области. Римскіе солдаты и обыватели края были соотечественниками. Не то было въ Іудеѣ. Легіоны, занимавшіе страну, набирались по большей части въ Кесаріи и Севастіи, враждебныхъ іудейству, что дѣлало невозможными сколько-нибудь сносныя отношенія между войсками и населеніемъ. Вооруженныя силы римлянъ были заключены въ своихъ укрѣпленіяхъ, какъ бы находясь въ непрерывной осадѣ.

Далеко, впрочемъ, не одинаковыми были чувства различныхъ фракцій еврейскаго народа. За исключеніемъ людей свѣтскихъ, совершенно равнодушныхъ къ древней религіи, подобно Тиверію Александру, и почитаемыхъ единовѣрцами за отступниковъ, всѣ относились недоброжелательно къ иноземцамъ-язычникамъ, но отнюдь не всѣ были склонны къ открытому возстанію. Въ этомъ смыслѣ въ Іерусалимѣ можно было насчитать четыре или пять различныхъ партій:

1. Партія саддукеевъ и иродіанъ состояла изъ родственниковъ Ирода, ихъ кліентовъ и вліятельныхъ первосвященническихъ семействъ Анны или Ханана и Боэты—знатныхъ эпикурейцевъ и невѣрующихъ сластолюбцевъ, ненавидимыхъ народомъ за ихъ гордость, богатство и нечестіе. Эта партія, абсолютно консервативная, ничуть не любя римлянъ, видѣла въ ихъ владычествѣ крѣпкую гарантію своихъ привилегій и всячески противилась какимъ бы то ни было революціоннымъ попыткамъ.

2. Партія фарисействующей буржуазіи, людей состоятельныхъ, спокой

ныхъ и разсудительныхъ, строгихъ исполнителей обрядовъ, по-своему благочестивыхъ и по-своему образованныхъ, достаточно знакомыхъ съ языческимъ міромъ и ясно сознающихъ, что всякое возстаніе приведетъ неминуемо къ разгрому націи и къ разрушенію храма. Іосифъ Флавій можетъ быть названъ типическимъ представителемъ этого класса людей,—людей умѣренныхъ при народныхъ волненіяхъ и потому обреченныхъ на безсиліе, на вѣчныя колебанія, на постоянный страхъ прослыть измѣнниками во мнѣніи большинства.

3. Толпы людей изступленныхъ всякаго рода, — зелотовъ, кинжальщиковъ и убійцъ, фанатической и голодной черни, доведенной до послѣдней крайности злоупотребленіями и насиліями саддукеевъ, возбуждаемой неистовствующими вожаками и обманщиками, сулящими ей немедленное осуществленіе самыхъ фантастическихъ мечтаній на основаніи ложно толкуемыхъ пророчествъ и обѣтованій.

4. Шайки разбойниковъ и грабителей, продуктъ полной соціальной дезорганизаціи страны, по большей части идумеянъ и набатеянъ, весьма мало интересующихся религіозными вопросами, стремящихся только къ безпорядкамъ и естественнымъ образомъ примыкающихъ къ бунтующей черни.

5. Тихіе мечтатели, ессеи и эбіониты, покорно ожидающіе наступленія царства Божія, смиренно-религіозные, усердные къ храму, молящіеся и плачущіе въ чаяніи лучшихъ временъ.

Къ этимъ послѣднимъ примыкали отчасти и были съ ними смѣшиваемы ученики Христа и ихъ послѣдователи. Въ Іудеѣ значеніе ихъ было еще такъ мало замѣтно, что Іосифъ Флавій совсѣмъ о нихъ не упоминаетъ въ повѣствованіи о борьбѣ съ римлянами. Къ тому же извѣстно, что въ моментъ наступленія кризиса почти всѣ христіане удалились изъ Іерусалима.

Сомнѣнія не могло быть въ томъ, что господами положенія станутъ наиболѣе возбужденные и экзальтированные. Они убѣждены были, слѣдомъ за Іудой Голонитяниномъ, въ томъ, что всякая свѣтская власть есть ухищреніе духа зла, созданіе сатаны, и скорѣе готовы были дать изрубить себя, чѣмъ назвать кого-либо, кромѣ Бога, своимъ господиномъ. Подобно Матвѣю Маккавею, убившему іудея, приносившаго жертву идоламъ, они кинжалами мстили за отступничество отъ вѣры отцовъ. Достаточно было необрѣзанному заговорить о Богѣ или законѣ Моисеевомъ для того, чтобы зелоты подкараулили его въ удобномъ для нихъ мѣстѣ и предложили бы ему на выборъ—обрѣзаніе или смерть. Такіе исполнители таинственныхъ приговоровъ, почитающіе себя призванными осуществлять страшную кару отлученія, «изверженія изъ народа», составляли цѣлую армію террористовъ съ самаго начала революціонныхъ волненій. Общая тревога поддерживалась и усиливалась предсказаніями лже-пророковъ, повсюду распространяемыми ужасающими разсказами, доводившими умы до состоянія непрерывныхъ галлюцинацій. Одни видѣли на небѣ огненные мечи, другіе—арміи, сражающіяся въ облакахъ, третьи—жертвенныхъ животныхъ, производящихъ на свѣтъ чудовищъ. Иные увѣряли, что громад-

ныя бронзовыя двери храма сами собою растворились и затѣмъ ихъ уже нельзя было затворить никакими усиліями; видѣли ночью яркій свѣтъ внутри храма, когда огни были потушены; слышали голоса въ свѣтилищѣ, когда тамъ никого не было...

Гессій Флоръ принялъ должность прокуратора Іудеи послѣ Альбина, въ концѣ 64 или въ началѣ 65 года. Повидимому это былъ негодный человѣкъ, получившій мѣсто прокуратора, благодаря вліянію своей жены Клеопатры, пріятельницы Поппеи. Въ самомъ скоромъ времени взаимная ненависть между нимъ и іудеями дошла до крайности. Евреи донимали его своими несносными претензіями, жалобами на него изъ-за всякихъ пустяковъ, своею непочтительностью къ военнымъ и гражданскимъ властямъ. А онъ, съ своей стороны, точно нарочно, дразнилъ ихъ и похвалялся этимъ. 16 и 17 мая произошла стычка между его войсками и іерусалимлянами изъ-за ничтожнаго повода. Флоръ удалился въ Кесарію, оставивши всего одну когорту въ башнѣ Антонія. Такой поступокъ, конечно, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ и до нѣкоторой степени дѣлаетъ правдоподобнымъ увѣренія Іосифа Флавія, будто Флоръ умышленно давалъ разрастись возстанію, чтобъ окончательно погубить ненавистный ему народъ еврейскій. Еслибы Флоръ остался въ городѣ, нестройныя толпы бунтующей черни не въ состояніи были бы одолѣть вооруженной силы, находившейся въ распоряженіи прокуратора, и предотвращены были бы всѣ послѣдовавшія затѣмъ несчастія.

Но и самымъ удаленіемъ Флора не обусловливался еще полный разрывъ между городомъ и римскими властями. Агриппа II и его сестра Вероника были въ то время въ Іерусалимѣ. Агриппа старался всѣми способами прекратить волненія, всѣ умѣренные люди присоединились къ нему. Была даже сдѣлана попытка воспользоваться популярностью Вероники, пріобрѣтшей любовь и уваженіе народа. Агриппа созвалъ многихъ обывателей города къ своему дворцу и, въ присутствіи Вероники, убѣждалъ ихъ покориться римлянамъ, доказывалъ все безуміе борьбы противъ ихъ могущества. Но ни блестящая рѣчь царя, ни слезы царицы, ни убѣжденія знатнѣйшихъ гражданъ не могли остановить разраставшагося бунта. Агриппа вынужденъ былъ удалиться въ свои владѣнія въ Батанею. Отрядъ вооруженной молодежи, подъ предводительствомъ Менахема, сына Іуды Голонитянина, вышелъ изъ Іерусалима, захвативъ врасплохъ крѣпость Массаду на Мертвомъ морѣ, вырѣзалъ находившійся въ ней римскій гарнизонъ, овладѣлъ обширнымъ арсеналомъ, устроеннымъ въ ней Иродомъ, и засѣлъ въ этой почти неприступной твердынѣ. Нежданный успѣхъ еще болѣе воспламенилъ недовольныхъ,—захватъ арсенала далъ возможность вооружить множество народа.

Такимъ образомъ началась уже открытая война противъ Рима. Въ Іерусалимѣ все еще продолжалась борьба между сторонниками міра и волнующеюся чернью. Первые опирались на римскій гарнизонъ, занимавшій башню

Антопія. Первосвященникомъ былъ Матвѣй, сынъ Ѳеофила, человѣкъ ничтожный и невліятельный. Настоящимъ же главаремъ партіи храмовниковъ оставался бывшій первосвященникъ Ананія, сынъ Неведея, богатый, энергичный, ненавидимый народомъ за его жестокость и, въ особенности, за наглость и алчность его слугъ. Предводителемъ революціонной партіи былъ его сынъ, Елеазаръ, занимавшій важную должность начальника храмовой стражи. Его религіозная ревность была, повидимому, искреннею. Доходя до крайности въ толкованіи и примѣненіи стариннаго и давно несоблюдаемаго правила, установлявшаго, что жертвы могли быть приносимы только евреями и за евреевъ, онъ не допустилъ въ храмѣ жертвоприношеній за императора и благоденствіе Рима. Высшія лица жреческаго сословія, фарисеи, всѣ разсудительные люди видѣли крайнюю опасность такого новаго оскорбленія, наносимаго римлянамъ, и обратились къ совѣту лучшихъ знатоковъ закона. Но напрасными оказались убѣжденія ученыхъ раввиновъ, ихъ ссылки на каноническія толкованія и на историческіе примѣры,—жертвы допущены не были, низшій жреческій классъ шелъ на сторону революціонеровъ и Елеазара.

Храмовая аристократія и знатные граждане, видя безуспѣшность своихъ стараній повліять на народныя массы, рѣшились черезъ посланцевъ умолять Флора и Агриппу вернуться въ городъ и силою подавить возстаніе, пока еще это возможно. Флоръ ничего не отвѣтилъ и не двинулъ ни одной когорты, Агриппа прислалъ отрядъ въ три тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ, которые заняли верхній городъ (нынѣшніе кварталы армянскій и еврейскій). Ожесточенная война закипѣла въ самомъ городѣ. 14 августа революціонеры, подъ предводительствомъ Елеазара и Менахема, двинулись на приступъ верхняго города, вытѣснили изъ него войско Агриппы и сожгли домъ Ананіи и дворцы Агриппы и Вероники. Войско, Ананія, его братъ Езекія, высшіе чины духовенства и многіе знатные граждане укрылись въ верхней, укрѣпленной части дворца Ирода.

На слѣдующій день инсургенты напали на римлянъ, остававшихся въ башнѣ Антонія, овладѣли ею послѣ двухдневнаго боя и сожгли ее. Затѣмъ они осадили дворецъ и подкопомъ разрушили одну изъ его башенъ. Кавалерія Агриппы была безпрепятственно отпущена во-свояси, римляне заперлись въ трехъ оставшихся башняхъ дворца. Ананія и его братъ, скрывавшіеся нѣкоторое время въ подземельи, были найдены и убиты. Тогда начались раздоры между вождями революціонной партіи. Менахемъ, возгордившись одержанными побѣдами, возстановилъ противъ себя большинство своимъ высокомѣріемъ и заносчивостью, задумалъ всѣмъ распоряжаться самовластно и явился въ храмъ съ блестящею свитой, одѣтый по-царски. Сторонники Елеазара напали на него, разсѣяли его приверженцевъ и убили его послѣ жестокихъ истязаній. Остатки партіи Менахема, подъ предводительствомъ его родственника, удалились въ Массаду, сдѣлавшуюся съ тѣхъ поръ главнымъ центромъ и оплотомъ наиболѣе крайней фракціи инсургентовъ.

Римляне долго защищались въ занятыхъ ими трехъ башняхъ дворца

и, лишь доведенные до крайности голодомъ, согласились положить оружіе съ тѣмъ, чтобъ имъ предоставлено было безпрепятственно уйти въ Кесарію, что и было имъ клятвенно обѣщано делегатами Елеазара. Но едва они сдали оружіе, какъ толпа напала на нихъ и перерѣзала всѣхъ, за исключеніемъ одного, Метилія, начальника когорты, согласившагося подвергнуться обрѣзанію. Къ концу сентября 66 года Іерусалимъ былъ всецѣло въ рукахъ мятежниковъ. Вслѣдъ затѣмъ они овладѣли нѣсколькими другими важными крѣпостями близъ Мертваго моря и въ долинѣ Іордана, что открыло имъ свободные пути сообщенія съ арабами, съ набатеянами, болѣе или менѣе враждебными римлянамъ. Вся Іудея, Идумея, Перея и Галилея присоединились къ возстанію. Тѣмъ временемъ въ Римѣ, при безумствующемъ императорѣ, вся власть перешла въ руки людей самыхъ негодныхъ и неспособныхъ. Еслибъ іудеи сумѣли сгруппировать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ Востока, очень быстро насталъ бы конецъ римскому владычеству надъ этими странами. На бѣду евреевъ результаты оказались совершенно иные: возмущеніе ихъ только укрѣпило вѣрность народовъ Сиріи Римской имперіи. Ненависть, которую евреи успѣли возбудить къ себѣ во всѣхъ сосѣднихъ народахъ, вооружила противъ нихъ, на все время упадка энергіи римлянъ, множество враговъ не менѣе страшныхъ, чѣмъ легіоны.

IX.

Избіеніе евреевъ въ Сиріи и въ Египтѣ.

Точно по заранѣе условленному сигналу, началось избіеніе евреевъ во многихъ городахъ Сиріи и въ Египтѣ. Полный разладъ между племенемъ израильскимъ и міромъ эллино-греческимъ обнаруживался съ быстро и неудержимо возрастающею силой. Чтобъ уяснить себѣ причины взаимной ожесточенной ненависти, необходимо принять въ соображеніе, до какой степени успѣло іудейство проникнуть во всѣ восточныя части Римской имперіи. «Ими переполнены всѣ города, — пишетъ Страбонъ, — и трудно назвать такую мѣстность въ мірѣ, куда не сумѣли бы пробраться люди этого племени. Въ Египтѣ, въ Киренаикѣ и въ другихъ странахъ многіе приняли ихъ обычаи, строго соблюдаютъ ихъ уставы и извлекаютъ большія выгоды изъ того, что держатся ихъ національнаго закона. Въ Египтѣ имъ предоставлено право свободнаго жительства, и ими занята значительная часть города Александріи. Тамъ они имѣютъ собственнаго этнарха, вѣдающаго ихъ дѣла, творящаго судъ и расправу, наблюдающаго за исполненіемъ договоровъ и завѣщаній, точно онъ глава независимаго государства». Подобное сосѣдство двухъ элементовъ, настолько же несовмѣстимыхъ, какъ огонь и вода, естественнымъ образомъ должно было повести къ страшнымъ взрывамъ.

Римлянъ нельзя заподозрѣть въ томъ, чтобъ они сколько-нибудь были повинны въ злой участи, постигшей евреевъ, ибо такія же избіенія ихъ

происходили въ областяхъ пареянскихъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ Западомъ. Великою заслугой Рима было установленіе мира во всей имперіи и совершенное прекращеніе мѣстныхъ войнъ. Въ своей политикѣ римляне никогда не прибѣгали къ отвратительному средству, состоящему въ возбужденіи другъ противъ друга разныхъ народовъ въ провинціяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Еще болѣе чужды были духу римлянъ избіенія изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Чуждые какой бы то ни было теологіи, римляне не понимали сектантскихъ споровъ и не допускали возможности распри изъ-за такого ничтожнаго, по ихъ мнѣнію, повода, какъ различіе убѣжденій по вопросамъ отвлеченнаго характера. Къ тому же антипатія къ евреямъ въ античномъ мірѣ была настолько общею, что возбуждать ее искусственно не представлялось ни малѣйшей надобности: не даромъ же народъ израильскій во все время своего существованія не переставалъ быть народомъ избиваемымъ. Еврей всюду пробирался и всюду требовалъ себѣ общихъ гражданскихъ правъ, крѣпко держась за свои особливые статуты, добиваясь общихъ всѣмъ гарантій и, сверхъ того, сохраняя свою исключительность, свои собственные законы. Евреи хотѣли пользоваться преимуществами націи, не входя въ составъ націи, не принимая на себя никакой національной тяготы. Ни одинъ народъ не могъ мириться съ подобными претензіями израильтянъ. Все это вызывало нерасположеніе другихъ народовъ къ евреямъ, переходившее въ крайнее раздраженіе и нерѣдко кончавшееся отвратительною и ужасною расправой.

Первые признаки надвигающейся грозы обнаружились въ Кесаріи почти одновременно съ тѣмъ, когда революціонеры окончательно овладѣли Іерусалимомъ. Въ сирійскихъ городахъ съ разноплеменнымъ населеніемъ евреи были наиболѣе зажиточными обывателями потому, главнымъ образомъ, что они не несли воинской повинности. Греки и сирійцы, изъ которыхъ набирались легіоны, относились съ большимъ недовольствомъ къ такому привилегированному положенію евреевъ. Это вело къ безпрерывнымъ столкновеніямъ и кляузамъ, которыя приходилось разбирать римскимъ чиновникамъ. Съ 60-хъ годовъ обоюдное раздраженіе превратилось въ открытую и непрерывную вражду. Неронъ рѣшилъ дѣло противъ евреевъ, но отъ этого обоюдное озлобленіе только усилилось. Совершенно ничтожные, шуточные, иногда просто неосмотрительные поступки сирійцевъ принимались евреями за тяжкія обиды, за умышленныя оскорбленія ихъ религіи. Молодежь кидалась въ драку, люди зрѣлаго возраста шли съ жалобами къ римскимъ властямъ, которыя обыкновенно приказывали отлупить палками обидчиковъ и обиженныхъ. Флоръ поступалъ милостивѣе,—бралъ деньги съ обѣихъ тяжущихся сторонъ и надъ обѣими потѣшался. Споръ изъ-за переулка, ведущаго къ синагогѣ, претензія на то, что у дверей синагоги оказались кѣмъ-то брошенные горшокъ и зарѣзанная курица,—таковы были важныя дѣла въ Кесаріи, когда Флоръ прибылъ туда, обозленный нанесенными ему оскорбленіями въ Іерусалимѣ.

Когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, было получено извѣстіе о томъ,

что римляне окончательно выгнаны изъ Іерусалима, что началась настоящая война между римлянами и евреями, сирійцы Кесаріи порѣшили, что теперь можно безнаказанно расправиться съ ненавистнымъ племенемъ, и въ одинъ часъ вырѣзали ихъ всѣхъ до единаго, — двадцать тысячъ, по словамъ Іосифа Флавія. Флоръ приказалъ переловить и отправить на галеры тѣхъ, которые успѣли спастись бѣгствомъ. Евреи отвѣтили жестокими репрессаліями,— составили вооруженныя банды и принялись избивать сирійцевъ въ Филадельфѣ, въ Эзебонѣ, въ Герасѣ, въ Пеллѣ, грабить и жечь города и села. Вся южная Сирія превратилась въ арену рѣзни и ужасающихъ неистовствъ. Въ Скиѳополисѣ евреи соединились съ язычниками и помогли имъ отразить нападеніе своихъ злодѣйствующихъ единовѣрцевъ. Сирійцы, избавившись отъ опасности, перерѣзали только что бившихся съ ними за-одно согражданъ Моисеева закона. Такая же рѣзня евреевъ происходила въ Аскалонѣ, въ Акрѣ, въ Тирѣ, въ Гадарѣ. Остававшихся въ живыхъ сажали въ тюрьмы...

Эпидемія избіеній распространилась до Египта. Тамъ вражда между евреями и греками дошла до крайней степени. Александрія была наполовину еврейскимъ городомъ. Въ данное время римскимъ префектомъ въ Египтѣ былъ еврей Тиверій Александръ, но то былъ еврей-ренегатъ, далеко не расположенный мирволить религіозному фанатизму своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Непріязненное столкновеніе произошло по какому-то незначительному поводу во время народной сходки грековъ въ амфитеатрѣ, откуда тѣ выгнали нѣсколькихъ пробравшихся въ ихъ среду евреевъ *). Сбѣжавшіяся на шумъ толпы евреевъ принесли факелы и угрожали сжечь амфитеатръ со всѣми находившимися въ немъ греками **). Тиверій Александръ тщетно старался успокоить евреевъ увѣщаніями какъ лично, такъ и черезъ ихъ старѣйшинъ. Волненіе грозило перейти въ возмущеніе. Префектъ выслалъ противъ нихъ войско. Евреи оказали энергичное сопротивленіе и вооруженной силѣ. На ихъ бѣду, въ Александріи было два римскихъ легіона и пять тысячъ ливійцевъ. Къ нимъ присоединились толпы разъяренной языческой черни. Еврейская часть города, носившая названіе *Дельты*, была разграблена и сожжена. Правитель города безъ труда остановилъ хорошо дисциплинированныхъ солдатъ, но никакъ не могъ справиться съ неистовствующимъ народомъ, продолжавшимъ избіеніе, не щадя ни пола, ни возраста. Во время этой смуты погибло до пятидесяти тысячъ евреевъ.

Въ Сиріи такіе ужасы продолжались около мѣсяца, не переходя далѣе Тира на сѣверъ, такъ какъ въ лежащихъ за Тиромъ городахъ число евреевъ было не особенно велико. Христіане, конечно, пострадали во время

---

*) *Іос. Флавій*: „Война въ Іудеѣ“, кн. II, гл. 26.

**) Въ тѣ времена всѣ амфитеатры строились еще изъ дерева. Первые каменные амфитеатры построены при Флавіяхъ.

этихъ смутъ, но, по всей вѣроятности, весьма немного, какъ потому, что сами они были люди тихіе, кроткіе и безобидные, такъ и потому еще, что христіане сирійскихъ городовъ принадлежали къ такъ называемымъ «іудействующимъ», т.-е. обращеннымъ въ іудейство, а потомъ въ христіанство. Они не были настоящими, чистокровными евреями; къ нимъ относились недовѣрчиво, но ихъ не трогали. Тѣмъ временемъ римскія власти готовились силою войти въ столицу Іудеи, столь опрометчиво покинутую ими. Легатъ Сиріи Цестій Галлъ двинулся изъ Антіохіи съ значительными силами. Къ нему присоединился Агриппа; города высылали ему вспомогательные отряды. Цестій безъ труда подчинилъ себѣ Галилею и все побережье. 24 октября онъ сталъ лагеремъ у Гаваона, верстахъ въ десяти отъ Іерусалима.

Инсургенты вышли изъ города съ поразительною смѣлостью, напали на римлянъ и нанесли имъ чувствительный уронъ. Такой исходъ перваго серьезнаго сраженія могъ бы показаться неправдоподобнымъ и необъяснимымъ, еслибъ армія іерусалимлянъ состояла только изъ сброда фанатизированной черни, оборванцевъ-нищихъ и разбойниковъ. Въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ было, въ ней были элементы болѣе надежные и къ военному дѣлу пригодные, а именно: два принца изъ царской семьи Адіабены, Монобазъ и Кенедій, Сила Вавилонянинъ, одинъ изъ военачальниковъ Агриппы, перешедшій на сторону революціонеровъ, Нигеръ изъ Переи, опытный въ ратномъ дѣлѣ, Симонъ, сынъ Гіоры, прославившійся впослѣдствіи своею жестокостью и геройскими подвигами... Агриппа счелъ моментъ удобнымъ для начала переговоровъ о мирѣ и послалъ двоихъ довѣренныхъ людей предложить іерусалимлянамъ полное прощеніе, если они согласятся покориться. Большинство іудеевъ готово было принять это предложеніе, но фанатики убили посланцевъ, что вызвало серьезные раздоры въ городѣ. Цестій воспользовался этимъ, придвинулся къ Іерусалиму, оттѣснилъ инсургентовъ и занялъ предмѣстья, Везеѳу, лѣсной базаръ и подступилъ къ укрѣпленіямъ Ирода.

По увѣреніямъ Іосифа Флавія, Цестій могъ легко овладѣть крѣпостью и храмомъ: нѣкоторые изъ членовъ аристократической партіи предлагали ему, будто бы, отворить ворота и впустить его въ городъ. Но вождь римлянъ побоялся хитрости и измѣны, не воспользовался этимъ, пропустилъ нѣсколько разъ удобные моменты и, по совершенно необъяснимымъ причинамъ, отступилъ отъ города въ то время, когда самые рьяные революціонеры начинали уже приходить въ отчаяніе и готовы были бѣжать изъ Іерусалима. Евреи ободрились, пустились преслѣдовать римлянъ, нанесли имъ нѣсколько серьезныхъ пораженій, едва не уничтожили всю ихъ армію въ тѣснинахъ Веѳорона (8 ноября), захватили весь обозъ римлянъ и всѣ ихъ осадныя машины. Цестій едва успѣлъ уйти въ Антипатриду.

X.

Неронъ въ Греціи.—Дни террора въ Іерусалимѣ.

Въ то время, какъ гордости Рима наносились столь тяжкія оскорбленія на Востокѣ, Неронъ, переходя отъ одного безумства къ другому, весь отдался своимъ артистическимъ химерамъ. Все, что вокругъ него сохраняло еще хотя какіе-нибудь признаки вкуса, такта, изящества, исчезло со смертью Петронія, не даромъ прозваннаго «elegantiarum arbiter». Безграничное тщеславіе томило Нерона неутомимою жаждой всяческихъ успѣховъ и отличій. Никакой мѣры не знала его зависть ко всѣмъ, кто чѣмъ-либо обращалъ на себя вниманіе общества и народа; оказаться въ чемъ бы то ни было выдающимся человѣкомъ становилось государственнымъ преступленіемъ. Тацитъ говоритъ, что Неронъ запретилъ издавать произведенія поэта Лукана, въ которомъ видѣлъ своего соперника по стихотворству, что всегда хотѣлъ «блеснуть всѣмъ невѣроятнымъ», постоянно затѣвалъ грандіозныя предпріятія: прорытіе Коринѳскаго перешейка, соединеніе каналомъ Байи съ Остіей, открытіе истоковъ Нила. Поѣздка въ Грецію была давнишнею мечтой Нерона,—не изъ желанія видѣть дивныя произведенія искусства, а изъ-за нелѣпой фантазіи принять участіе въ состязаніяхъ, установленныхъ въ разныхъ городахъ, и получить награды. Такого рода состязаніямъ, буквально, счета не было: богатые люди основывали такія игры, жертвовали на нихъ деньги ради увѣковѣченія своего имени, какъ въ наши дни жертвуютъ капиталы на учрежденіе академическихъ премій. Вотъ эти-то преміи и не давали спать покойно тщеславному императору, бредившему тѣмъ, какъ онъ вернется въ Римъ тріумфаторомъ съ крайне рѣдкимъ титуломъ *періодоника*, т.-е. побѣдителя на всѣхъ торжественныхъ играхъ извѣстнаго цикла.

Его манія пѣнія доходила до настоящаго сумасшествія. Однимъ изъ обвиненій, повлекшихъ за собою смерть Тразеи, было, что онъ не приносилъ жертвъ «за сохраненіе небеснаго голоса» цезаря. Передъ царемъ парѳянъ, своимъ гостемъ, Неронъ щеголялъ, главнымъ образомъ, своимъ умѣньемъ править колесницей. Для него ставились на сцену лирическія драмы, въ которыхъ онъ исполнялъ главныя роли. Одною изъ послѣднихъ его фантазій было предположеніе появиться на сценѣ голымъ въ образѣ Геркулеса и убить палицею льва; даже левъ былъ для этого приготовленъ и выдрессированъ, когда Неронъ умеръ. Покинуть свое мѣсто и удалиться во время его пѣнья было величайшимъ преступленіемъ. Другіе пѣвцы пѣли умышленно плохо, дабы избѣжать опасности быть съ нимъ сравниваемыми. На состязаніяхъ онъ подчинялся, однако, всѣмъ правиламъ, какъ школьникъ, трепеталъ передъ агоноѳетами и мастигофорами *), откупался деньгами отъ тѣлесныхъ наказаній въ тѣхъ случаяхъ, когда чѣмъ-либо проштрафливался. Сдѣлавши промахъ, за который онъ могъ подвергнуться

*) Агоноѳеты—судьи на состязаніяхъ, мастигофоры—родъ приставниковъ, въ обязанности которыхъ, между прочимъ, входило наказывать нарушившихъ правила игръ.

устраненію отъ состязанія, Неронъ блѣднѣлъ и успокоивался лишь тогда, когда его тихонько увѣряли, что это прошло незамѣченнымъ среди восторговъ и аплодисментовъ. Убирали прочь статуи прежнихъ лавреатовъ, чтобы не раздражать его безсмысленной зависти. На скачкахъ ему нарочно давали прійти первому, даже когда онъ падалъ съ колесницы. Иногда, впрочемъ, онъ и самъ давалъ себя побѣдить, дабы показать, что игра ведется имъ честно. Онъ считалъ для себя унизительнымъ, что своимъ успѣхомъ въ Италіи обязанъ толпѣ клакеровъ, хорошо организованной и дорого оплачиваемой, слѣдовавшей за нимъ повсюду. Римляне ему прискучили, онъ относился къ нимъ презрительно, называлъ невѣждами и говорилъ, что знающій себѣ цѣну артистъ можетъ достойно показать свои таланты только въ Греціи.

Столь желанная поѣздка состоялась въ ноябрѣ 66 года. Неронъ былъ уже нѣсколько дней въ Ахайи, когда пришло извѣстіе о пораженіи Цестія. Императоръ понялъ, что для такой войны необходимъ опытный и храбрый полководецъ, но при этомъ—непремѣнно такой, который не былъ бы страшенъ самому Нерону. Такимъ условіямъ удовлетворялъ, повидимому, Титъ Флавій Веспасіанъ, серьезный человѣкъ шестидесяти лѣтъ, хорошій полководецъ, счастливый въ бояхъ и настолько незнатнаго происхожденія, что ему въ голову не могли прійти слишкомъ заносчивые, опасные для императора, замыслы. Веспасіанъ былъ въ немилости у Нерона за то, что съ недостаточнымъ увлеченіемъ восторгался его чуднымъ голосомъ. Когда посланный императора явился сообщить ему о его назначеніи командующимъ войсками въ Палестинѣ, онъ подумалъ было, что дѣло идетъ о возвѣщеніи ему смертнаго приговора. Вскорѣ по его прибытіи на мѣсто къ нему пріѣхалъ его сынъ Титъ. Около того же времени Муціанъ замѣнилъ Цестія въ должности императорскаго легата Сиріи.

Полная побѣда, одержанная инсургентами надъ арміей римлянъ, подняла ихъ смѣлость до крайней степени. Наиболѣе разсудительные и наиболѣе свѣдущіе люди Іерусалима смотрѣли на дѣло очень мрачно: для нихъ до несомнѣнности ясно было, что въ концѣ-концовъ одолѣютъ, все-таки, римляне,—одолѣютъ и храмъ разрушатъ, и что гибель націи неизбѣжна. Началась эмиграція. Всѣ приверженцы Иродовой династіи, всѣ люди, бывшіе на службѣ при Агриппѣ, ушли къ римлянамъ. Съ другой стороны, очень многіе фарисеи, озабоченные исключительно соблюденіемъ закона и мирнымъ существованіемъ Израиля, настаивали на необходимости подчиниться римлянамъ, какъ въ свое время подчинялись персамъ и Птоломеямъ. О возстановленіи національной независимости они уже не думали. Большинство ученыхъ раввиновъ удалилось около этого времени въ Ямнію и основало тамъ школы талмудистовъ, вскорѣ вошедшія въ большую славу.

Въ то же время снова начались избіенія евреевъ и распространились на такія мѣстности Сиріи, которымъ до тѣхъ поръ были чужды подобныя

неистовства. Въ Дамаскѣ были умерщвлены всѣ евреи. А такъ какъ большинство женщинъ этого города было обращено въ іудейство, то подготовлено это было безъ ихъ вѣдома, въ тайнѣ отъ нихъ, и приведено въ исполненіе неожиданно.

Партія сопротивленія проявляла необыкновенную дѣятельность. Увлечены были даже не особенно пылкіе. Въ храмѣ собрался совѣтъ для учрежденія національнаго правительства, составленнаго изъ лучшихъ людей. Группа умѣренныхъ далеко еще не отказалась отъ своихъ надеждъ, все еще разсчитывала овладѣть и управлять движеніемъ, а потому старалась повсюду провести своихъ кандидатовъ. Очень видные и чтимые люди, нѣсколько членовъ саддукейскихъ родовъ, знатнѣйшіе изъ фарисеевъ, съ умнымъ и честнымъ Симеономъ, сыномъ Гамаліила *), во главѣ, высказались за революцію. Все дѣло шло вполнѣ конституціонно, верховная власть признана за синедріономъ. Городъ и храмъ остались въ рукахъ избранныхъ людей: Ханана или Анны, старѣйшаго изъ первосвященниковъ **), Іисуса бенъ Гамала, Симеона бенъ Гамаліила, Іосифа бенъ Горіона. Іосифъ и Хананъ были назначены правителями Іерусалима. Елеазаръ, сынъ Симеона, демагогъ и честолюбецъ, опасный награбленнымъ имъ богатствомъ, былъ совершенно устраненъ. Тутъ же избраны правители областей, всѣ умѣренные люди, за исключеніемъ Елеазара сына Ананіи, отправленнаго въ Идумею. Править Галилеей былъ посланъ Іосифъ, пріобрѣтшій потомъ столь громкую славу историка подъ именемъ Іосифа Флавія. Почти всѣ избранные были люди разумные и положительные и приняли избранія въ надеждѣ возстановить порядокъ, осилить анархическіе элементы, грозившіе все погубить.

Весь Іерусалимъ былъ охваченъ воодушевленною дѣятельностью. Городъ имѣлъ видъ военнаго лагеря, повсюду раздавались крики молодежи, упражнявшейся въ ратномъ дѣлѣ, стукъ молотковъ, изготовлявшихъ оружіе. Евреи далекихъ странъ Востока, въ особенности изъ царства Пароянскаго, прибывали огромными толпами въ увѣренности, что настаъ конецъ Римской имперіи. Всѣ чувствовали и сознавали, что близокъ конецъ Нерона, и были убѣждены, что съ нимъ вмѣстѣ рушится имперія. То презрѣніе и отвращеніе, которыя вызывалъ къ себѣ опозорѣнный наслѣдникъ цезарей, казалось, подтверждали такую увѣренность. И, если стать на эту точку зрѣнія, то возстаніе Іудеи должно представляться далеко не такимъ безуміемъ, какимъ мы его считаемъ теперь, зная, что имперія Августа сохраняла въ себѣ громадныя силы для многократныхъ возрожденій. Весь Востокъ ждалъ, что пароянe воспользуются благопріятнымъ моментомъ и всѣми силами обрушатся на римскія владѣнія, что и случилось бы несомнѣнно, еслибъ политика Арзакидовъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, не утратила къ этому времени всей своей энергіи.

*) Симеонъ бенъ Гамаліилъ—сынъ того Гамаліила, о которомъ упоминается въ *Дѣяніяхъ апостольскихъ*.

**) Сынъ Анны, осудившаго на смерть Христа.

Ханань становился настоящимъ и достаточно сильнымъ вождемъ умѣренныхъ. Онъ не терялъ надежды утишить народное волненіе и умиротворить страну, а ради этого втихомолку старался замедлять изготовленіе оружія, парализовать сопротивленіе, дѣлая видъ, будто заботится о его лучшей организаціи. Хананъ затѣялъ крайне опасную игру, и революціонеры имѣли полное основаніе назвать его измѣнникомъ. Въ областяхъ смута была страшная. Изъ чисто-арабскихъ странъ на востокѣ и на югѣ Мертваго моря набѣжало въ Іудею множество разбойниковъ, жившихъ грабежомъ и убійствами. При такомъ положеніи порядокъ былъ немыслимъ, ибо для водворенія порядка необходимо было удалить два элемента, которыми только и держалось возстаніе: это—фанатизмъ и разбойничество. Въ Акрабатенѣ (на границѣ Іудеи и Самаріи) молодой и смѣлый партизанъ Симонъ, сынъ Гіоры, грабилъ и мучилъ богатыхъ обывателей. Въ Галилеѣ Іосифъ тщетно пытался возстановить спокойствіе и кончилъ тѣмъ, что, по искони-ному обычаю Востока, вынужденнымъ оказался взять разбойниковъ къ себѣ на службу и подъ видомъ опредѣленнаго жалованья откупаться отъ ихъ неистовствъ. Ужасно положеніе страны, когда выбирать приходится между призваніемъ чужеземцевъ и анархіей.

Веспасіанъ готовился къ трудной кампаніи, которую ему предстояло начать. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на инсургентовъ съ сѣвера, подавить возстаніе въ Галилеѣ, потомъ въ Іудеѣ, оттѣснить его къ Іерусалиму и, когда оно окажется сполна загнаннымъ къ этому центральному пункту, выжидать послѣдствій скопленія огромнаго числа народа, среди котораго голодъ и раздоры не замедлятъ вызвать ужасающія сцены. Нанести рѣшительный ударъ онъ предполагалъ только въ случаѣ крайней необходимости. Римскій полководецъ отправился, прежде всего, въ Антіохію. Тамъ къ нему присоединился Агриппа II со всѣми своими силами. До этого времени избіенія евреевъ не было въ Антіохіи потому, вѣроятно, что въ городѣ жило множество грековъ, принявшихъ іудейскій законъ, въ особенности же—христіанство, чѣмъ въ значительной мѣрѣ ослаблялась взаимная вражда. Въ эту минуту разразилась гроза и въ Антіохіи. Нелѣпое обвиненіе въ томъ, что евреи хотѣли сжечь городъ, повело за собою множество убійствъ, а затѣмъ довольно серьезныя гоненія, во время которыхъ пострадало, конечно, и не мало христіанъ, почти совершенно отдалившихся отъ іудейства.

Веспасіанъ началъ кампанію въ мартѣ 67 года, двинулъ войска обычнымъ путемъ по берегу моря и расположилъ свою главную квартиру въ Птоломаидѣ (въ Акрѣ). Такимъ образомъ первые удары выпали на долю Галилеи. Галилеяне бились отчаянно. Маленькій городъ Іотапатъ оказалъ геройское сопротивленіе и былъ взятъ и разрушенъ римлянами, послѣ полуторамѣсячной осады, 1 іюля *). Римляне никому не давали пощады и

*) Осада Іотапата очень подробно описана Іосифомъ Флавіемъ; онъ командовалъ осажденными и послѣ взятія города отдался въ руки римлянъ.

лишь на слѣдующій день оставили въ живыхъ 1,200 женщинъ и дѣтей, успѣвшихъ спрятаться въ подземельяхъ. По сказанію Іосифа Флавія, во время осады и штурма погибло 40,000 евреевъ. Та же участь постигла Тиверіаду, Тарихею, Гамалу... Толпы евреевъ, бѣжавшихъ къ Тиверіадскому озеру, пытались спастись на лодкахъ. Веспасіанъ приказалъ перебить и потопить ихъ. Захваченные римлянами люди, способные къ работѣ, проданы въ рабство, старики и неспособные убиты, шесть тысячъ плѣнниковъ отправлены къ Нерону въ Ахайю для самыхъ тяжкихъ работъ по прорытію Коринѳскаго перешейка. Вся Галилея покрылась трупами, была залита кровью... Послѣдняя крѣпость Гискала сдалась Титу въ ноябрѣ. Веспасіанъ расположился на зимнія квартиры въ Кесаріи.

Бѣглецы изъ Галилеи своимъ появленіемъ въ Іерусалимѣ, своими разсказами и пламенною жаждой мести еще болѣе подняли воодушевленіе сторонниковъ борьбы во что бы то ни стало. Іосифъ Флавій, вѣрить которому слѣдуетъ съ большою осторожностью *), вполнѣ правдивъ, повидимому, когда говоритъ, что на продолженіи борьбы настаивали немногіе отчаянные люди, принуждая дѣйствовать за одно съ ними спокойныхъ гражданъ, готовыхъ охотно покориться римлянамъ. Воодушевить большія массы можно лишь на короткое время и только побѣдами можно поддерживать ихъ энергію, которая быстро падаетъ при первомъ пораженіи, даже при неудачахъ, надолго оттягивающихъ развязку дѣла. Массы всегда робки, и небольшому числу восторженныхъ не остается другихъ способовъ продолжать борьбу, какъ уничтоженіе всякой возможности соглашенія съ врагами и воздѣйствія терроромъ на мирныхъ и спокойныхъ согражданъ. Въ подобныхъ положеніяхъ власть попадаетъ непремѣнно въ руки самыхъ пылкихъ,—разсудительные политики роковымъ образомъ оказываются безсильными.

Положеніе умѣренныхъ становилось невыносимымъ въ Іерусалимѣ. Толпы грабителей, опустошавшихъ страну, стекались въ городъ; мирные обыватели, спасавшіеся отъ римскихъ войскъ, тѣснились въ городѣ, истощали его запасы и давали уже чувствовать наступленіе голода. Установленныя власти ничего не могли подѣлать и теряли всякій авторитетъ. Зелоты неистовствовали, грозили смертью и убивали всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ «недостаткѣ патріотизма». До этого времени война и всякія буйства не переступали еще ограды храма. Толпы зелотовъ смѣшались съ шайками разбойниковъ и проникли въ храмъ, водворились въ немъ и, въ нарушеніе всѣхъ уставовъ іудейства, оскверняли домъ Божій, входя въ него «нечистыми». Въ глазахъ жрецовъ не могло быть преступленія болѣе ужаснаго, чѣмъ это. Не менѣе важный проступокъ и уже совсѣмъ нелѣпое дѣло совершили зелоты, нарушивши порядокъ избранія первосвященника. Пренебрегая обычай избирать на этотъ важный постъ кого-либо изъ членовъ знатнѣйшихъ родовъ, они выставляли кандидатовъ изъ какихъ-то захуда-

*) Въ повѣствованіи о войнѣ онъ, видимо, старается оправдывать евреевъ, гдѣ только возможно. Нельзя забывать также, что его *Исторія войны съ іудеями* прошла черезъ цензуру Тита и, отчасти, Агриппы II.

лыхъ жреческихъ семей, а самый выборъ предоставили жеребью. Результатъ вышелъ совершенно безсмысленный: избраннымъ оказался невѣжественный и грубый земледѣлецъ Панія, сынъ Самуила изъ села Хаптаси, не имѣвшій никакого понятія объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него случайно доставшимся саномъ. Водвореніе его въ новой должности превратилось въ позорную комедію. Всѣ положительные и серьезные люди, фарисеи и саддукеи, были глубоко возмущены такою профанаціей всего наиболѣе чтимаго ими.

Происходившія въ храмѣ безобразія побудили, наконецъ, саддукейскую аристократію къ энергическому вмѣшательству въ дѣла. Съ большимъ искусствомъ и смѣлостью Хананъ успѣлъ соединить всѣхъ лучшихъ гражданъ, обратился съ воззваніемъ къ народу, поднялъ его противъ зелотовъ, вооруженной рукой выбилъ ихъ изъ внѣшней ограды внутрь храма и осадилъ въ самомъ храмѣ. Зелоты, доведенные до крайности, призвали на помощь идумеянъ, т.-е. скопища разбойниковъ, бродившихъ вокругъ Іерусалима. Появленіе ихъ въ городѣ ознаменовалось звѣрскими убійствами, причемъ погибли всѣ члены жреческой касты, не успѣвшіе скрыться. Хананъ и Іисусъ, сыновья Гамалы, подверглись жестокимъ истязаніямъ, ихъ тѣла были лишены погребенія, выброшены за городскую стѣну на растерзаніе собакамъ и шакаламъ, — позоръ, необычайный въ Іудеѣ. Со смертью Ханана распалась и погибла вся старая партія храмовой аристократіи, группировавшейся вокругъ саддукеевъ, непримиримѣйшихъ враговъ нарождавшагося христіанства. Вслѣдъ за вождями храмовой партіи погибли лучшіе патріоты, знатнѣйшіе люди Іерусалима, весь классъ богатыхъ людей. Въ особенности поразила всѣхъ смерть Захаріи, сына Барухова, честнѣйшаго человѣка, любимаго и чтимаго всѣми добрыми гражданами. Онъ былъ привлеченъ къ суду революціоннаго трибунала и единогласно оправданъ. Тогда зелоты убили его среди храма.

Умирали не выдающіеся люди только, съ ними погибалъ весь античный міръ іудейства. Демократическое первосвященничество, созданное революціонерами, просуществовало очень недолго. Священники такъ же, какъ и храмъ, отъ котораго они зависѣли, утрачивали свое первенствующее значеніе. Первое мѣсто заняли энтузіасты, пророки, зелоты, ревнители вѣры. Въ свое время пророки уничтожили царей, пламенные ревнители вѣры уничтожили священство. Разъ не стало царей и священства, ихъ замѣнили собою фанатики, продолжавшіе безнадежную борьбу еще въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. Когда, въ свою очередь, раздавлены были фанатики, остались ученые, книжники и раввины, толкователи закона. Династія Асмонеевъ, — одновременно царей и священниковъ, — внушала только отвращеніе благочестивымъ людямъ. Саддукейство, становившееся все болѣе и болѣе непопулярнымъ и все болѣе заносчивымъ, держалось лишь по милости различія, которое дѣлалъ народъ между религіей и ея служителями. Ни царей, ни священниковъ—такова была основная сущность идеала истиннаго фарисея. И іудейство обречено было сдѣлаться религіей безъ храма

и безъ священства. Существованіе храма обусловливало собою необходимость существованія священниковъ; разрушеніе храма было своего рода освобожденіемъ отъ этой необходимости. Зелоты, убившіе первосвященниковъ и осквернившіе храмъ, въ 68 году, отстаивали только свою вѣру и ни въ чемъ, слѣдовательно, не отступали отъ истинныхъ традицій Израиля.

Для людей разумныхъ ясно было, что близокъ конецъ существованія евреевъ, какъ націи. Послѣ избіенія саддукеевъ терроръ властвовалъ надъ Іерусалимомъ уже безъ всякой сдержки и безъ противовѣса. Его гнетъ былъ такъ великъ, что никто не осмѣливался ни оплакивать, ни хоронить мертвыхъ. Горе объ убитыхъ почиталось преступленіемъ. Число зажиточныхъ и видныхъ гражданъ, павшихъ отъ рукъ фанатиковъ, доходило, по разсказамъ, до двѣнадцати тысячъ. Но и въ данномъ случаѣ нельзя вполнѣ полагаться на повѣствованіе Іосифа Флавія. Мало правдоподобнымъ представляется то, что передаетъ этотъ историкъ о господствѣ зелотовъ надъ столицей Іудеи: нечестивцы и негодяи не стали бы жертвовать своею жизнью, какъ они это дѣлали.

Въ Іерусалимѣ христіанская община не успѣла еще вполнѣ обособиться отъ іудеевъ и продолжала группироваться вокругъ храма. Но уже достаточно сильна была организація недавно народившейся Церкви и установившейся въ ней іерархіи. Епископы и пресвитеры сдерживали порывы вѣрующихъ и давали опредѣленное направленіе толпѣ, всегда склонной увлекаться. Въ данномъ же случаѣ тѣмъ легче и возможнѣе представлялись увлеченія, что у зелотовъ и у христіанъ были одни и тѣ же недруги — саддукеи, родственники и потомки Анны и Каіафы. Вожди Церкви напоминали вѣрующимъ сказанное Іисусомъ Христомъ: «Итакъ, когда увидите мерзость запустѣнія, реченную черезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ (читающій да разумѣетъ), тогда находящіеся въ Іудеѣ да бѣгутъ въ горы; и кто на кровлѣ, тотъ да не сходитъ взять что-нибудь изъ дома своего; и кто на полѣ, тотъ да не обращается назадъ взять одежды свои. Горе же беременнымъ и питающимъ сосцами въ тѣ дни. Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою или въ субботу» *). Христіане, повидимому, всѣ до единаго, подчинились рѣшенію своихъ пастырей и удалились изъ Іерусалима въ началѣ 68 года. Главнымъ мѣстомъ пребыванія бѣглецовъ избранъ былъ городъ Пелея, одинъ изъ вольныхъ городовъ Декаполиса, расположенный на лѣвомъ берегу Іордана и не принимавшій участія въ возстаніи. Христіане, успѣвшіе спастись изъ Галилеи, ушли тоже за Іорданъ въ Батанею и Голонитиду, въ земли, принадлежавшія Агриппѣ II. Заіорданскія страны избѣжали разгрома, постигшаго Іудею, и Церковь Христова пережила въ мирѣ страшное время смуты.

М. Ремезовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) *Евангеліе* отъ Матѳея, XXIV, 15 и слѣд.; отъ Марка, XIII, 14 и слѣд.

По поводу реформы Крестьянскаго банка.

I.

27 ноября 1895 года утвержденъ новый уставъ Крестьянскаго поземельнаго банка, замѣнившій собою Положеніе 18 мая 1882 года. Самымъ важнымъ пунктомъ этой реформы является предоставленіе банку временно производить покупку земель за свой счетъ и продажу этихъ земель крестьянамъ. Эта мѣра, какъ извѣстно, вызвала въ печати оживленную полемику и, по слухамъ, осуществилась не безъ нѣкоторыхъ довольно значительныхъ препятствій. Мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ разсмотрѣть возраженія, которыя представлялись противъ такого расширенія операцій крестьянскаго банка; взгляды, высказывавшіеся по этому предмету, весьма ясно оттѣняютъ принципіальное значеніе принятой мѣры и указываютъ характеръ тѣхъ препятствій, съ которыми должны встрѣтиться всякія мѣропріятія, направленныя къ дѣйствительно серьезному улучшенію земельныхъ отношеній нашего крестьянскаго населенія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому вопросу, не лишнимъ будетъ охарактеризовать въ общихъ чертахъ дѣятельность крестьянскаго банка за періодъ, предшествовавшій реформѣ прошлаго года. Этотъ обзоръ покажетъ, въ какой мѣрѣ существенное преобразованіе этого кредитнаго учрежденія дѣйствительно было необходимо, и какую роль въ такомъ преобразованіи можетъ сыграть покупка банкомъ земель за свой счетъ и перепродажа ихъ крестьянамъ. Задача крестьянскаго банка, открывшаго свои дѣйствія въ апрѣлѣ 1883 года, заключалась въ выдачѣ ссудъ крестьянамъ для облегченія имъ, какъ гласитъ 1-я ст. Положенія, «способовъ къ покупкѣ земель въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсть оныя». Какъ же задача эта была исполнена? На основаніи данныхъ за 12-тилѣтній періодъ приходится отвѣчать на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: дѣятельность банка оказалась весьма ограниченой по сферѣ своего примѣненія и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она осуществлялась, ея результаты въ значительномъ числѣ случаевъ были неудовлетворительны.

Со времени открытія дѣйствій по 1 января 1895 года крестьянскій

банкъ выдалъ 13,064 ссуды на сумму 76 милл. руб. Этими ссудами воспользовалось всего 13,118 сельскихъ обществъ, товариществъ и отдѣльныхъ крестьянъ, представляющихъ 319,011 домохозяевъ, или 1.024,124 душъ. Общее количество земли, купленной этимъ населеніемъ при помощи крестьянскаго банка, достигло по 1 января 1895 года 2.228,712 дес. Эти цифры сами по себѣ говорятъ очень мало; для того, чтобы опредѣлить ихъ значеніе, необходимо знать, въ какой мѣрѣ банкъ своими операціями содѣйствовалъ удовлетворенію потребности крестьянскаго населенія въ землѣ и какіе разряды крестьянъ преимущественно воспользовались его услугами. Для опредѣленія потребности крестьянъ въ землѣ могутъ служить косвеннымъ, хотя и отнюдь не совершеннымъ, указаніемъ размѣры внѣнадѣльной аренды. Свѣдѣнія, касающіяся послѣдней, имѣются у насъ за 1893 г.; поэтому при сопоставленіи съ ними свѣдѣній о дѣятельности крестьянскаго банка мы будемъ пользоваться данными объ операціяхъ этого учрежденія по 1 января 1893 г., т.-е. за первое десятилѣтіе его существованія. Разница со свѣдѣніями на 1 января 1895 г., какъ мы увидимъ, получится незначительная. Въ 42 губерніяхъ черноземныхъ и нечерноземной полосы, въ которыхъ крестьянскій банкъ примѣнялъ свою дѣятельность, крестьяне владѣютъ удобною надѣльною землей въ количествѣ 109,7 милл. дес. Къ этой площади они, со времени реформы 1861 года, прикупили безъ содѣйствія банка 5,2 милл. дес. и тѣмъ не менѣе имъ приходится еще пріарендовывать болѣе $10^1/_2$ милл. дес.

Если принять во вниманіе, что крестьяне далеко не всегда находятъ для аренды землю, въ которой они нуждаются, и когда находятъ ее, то не всегда въ достаточномъ количествѣ, то придется признать, что $10^1/_2$ милл. дес. представляютъ лишь въ минимальныхъ размѣрахъ самую настоятельную потребность крестьянскаго населенія въ расширеніи земельнаго владѣнія. Въ какомъ же отношеніи къ этой потребности находятся покупки, произведенныя крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго банка? За періодъ 1883—1893 гг. этимъ путемъ крестьянами пріобрѣтено всего 1,8 милл. дес., что составляетъ около 17% арендной площади и всего 1,69%—надѣльной. Если имѣть въ виду, что земля, арендуемая крестьянами, составляетъ 9,62% надѣльной, а купленная ими безъ содѣйствія банка (за 32 года) 4,76%, то нужно придти къ заключенію, что потребность крестьянскаго населенія въ землѣ удовлетворялась до сихъ поръ преимущественно посредствомъ аренды. Покупки безъ содѣйствія банка играли приблизительно такую же роль, какъ и покупки при помощи этого учрежденія *).

Эти данныя ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ признать за дѣятельностью крестьянскаго банка въ теченіе перваго его десятилѣтія выдающееся значеніе въ дѣлѣ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Если взять цифры за 12-тилѣтній періодъ, т.-е. по 1 января 1895

*) Главнѣйшія изъ приведенныхъ цифръ сгруппированы, между прочимъ, въ статьѣ *Новый уставъ крестьян. позем. банка*, напеч. въ № 52 *Вѣстника Финансовъ* за 1895 г.

года, то результатъ почти не измѣнится: площадь земли, купленной крестьянами при содѣйствіи банка, составитъ всего около 2% надѣльной. Таковъ выводъ на основаніи итоговъ, относящихся ко всей территоріи, на которую простирались операціи крестьянскаго банка. Крайне ограниченное значеніе этихъ операцій выступитъ съ еще большею силой при обозрѣніи данныхъ по отдѣльнымъ районамъ и губерніямъ. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ районѣ черноземной полосы, т.-е. въ губерніяхъ: Курской, Тамбовской, Пензенской, Орловской, Черниговской, Тульской и Рязанской, гдѣ арендуемая площадь по губерніямъ превышаетъ 10% и достигаетъ 15 и 17% по отношенію къ надѣльной землѣ, земля, купленная при содѣйствіи крестьянскаго банка, составляетъ не болѣе 1,28%, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не достигаетъ и 1% по отношенію къ надѣльной. То же самое можно сказать о всѣхъ южныхъ степныхъ губерніяхъ, въ которыхъ крестьяне пріарендовываютъ площадь земли, составляющую отъ 10 до 28% ихъ надѣловъ; изъ этихъ губерній только Екатеринославская выдается сравнительно бо̀льшимъ развитіемъ покупокъ при посредствѣ банка: земля, пріобрѣтенная крестьянами этимъ путемъ, составляетъ тамъ около 6½% надѣльной, въ то время какъ арендуемая площадь достигаетъ почти 20%; но въ губерніяхъ Бессарабской и Таврической при арендѣ въ 14,55% и 10,77% земля, купленная при помощи банка, достигаетъ по отношенію къ надѣльной всего 0,16% и 0,66%. Въ Херсонской губ., гдѣ аренда особенно развита (28,04% надѣльной земли), при помощи банка куплена площадь въ 1,86%. Мы не будемъ разсматривать другихъ районовъ, потому что вездѣ, за исключеніемъ Могилевской и отчасти Новгородской губ., повторяется одно и то же явленіе, обнаружившееся въ общихъ итогахъ по всѣмъ 42 губерніямъ: потребность въ землѣ со стороны крестьянскаго населенія удовлетворяется главнѣйшимъ образомъ при помощи аренды; по сравненію съ послѣдней роль крестьянскаго банка имѣла совершенно второстепенное значеніе.

При объясненіи этого факта могутъ быть высказаны различные взгляды. Прежде всего можетъ возникнуть предположеніе, что аренда земли вообще представляется крестьянамъ предпочтительнѣе покупки. Въ литературѣ, какъ извѣстно, приводится рядъ доводовъ въ пользу преимуществъ аренды передъ владѣніемъ на правѣ собственности; и въ числѣ этихъ доводовъ первое мѣсто занимаетъ то соображеніе, что наемъ земли для временнаго пользованія не требуетъ затраты капитала. Это соображеніе должно было бы имѣть особенную силу въ нашей странѣ при крайнемъ недостаткѣ покупныхъ средствъ у громаднаго большинства нашихъ поселянъ, еслибъ права арендатора пользовались достаточною защитой со стороны дѣйствующаго у насъ законодательства. Но именно этого важнаго условія въ нашемъ отечествѣ не существуетъ: интересы лицъ, арендующихъ землю, такъ недостаточно ограждены нашимъ закономъ, что поселяне при малѣйшей возможности стремятся пріобрѣтать необходимую землю въ полную собственность. Свѣдѣнія о дѣятельности крестьянскаго банка за

время его существованія показываютъ, что онъ лишь въ очень слабой степени удовлетворялъ этому стремленію.

Значительнѣйшая часть земли, купленной при посредствѣ банка, поступила въ руки сравнительно малоземельной части крестьянскаго населенія: именно, изъ 1,8 милл. десятинъ, пріобрѣтенныхъ черезъ банкъ, въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ его существованія, 1,1 милл. десятинъ приходятся на долю тѣхъ домохозяевъ, которые пользуются надѣломъ *менѣе* 3 десятинъ *). Однако, нужно замѣтить прежде всего, что наибольшее развитіе получили покупки товариществами, что̀ объясняется особымъ покровительствомъ этому виду покупокъ со стороны управленія банка: со времени открытія операцій банка по 1 января 1895 года 7,339 товариществъ получили ссуду въ 42,8 милл. р. и пріобрѣли 1,2 милл. десятинъ земли; между тѣмъ сельскихъ обществъ, купившихъ черезъ банкъ землю, за тотъ же періодъ времени было всего 3,085, получившихъ ссуду въ 32,2 милл. руб. и купившихъ только 913,225 десятинъ. Товарищества и отдѣльные крестьяне пріобрѣли вмѣстѣ 1,3 милліон. десятинъ земли изъ 2,2 милліон., купленныхъ вообще черезъ банкъ за 12 лѣтъ. Этотъ фактъ составляетъ одну изъ слабѣйшихъ сторонъ въ дѣятельности банка. Онъ показываетъ, что услугами этого кредитнаго учрежденія воспользовались преимущественно лучше обезпеченные разряды крестьянъ: отдѣльные домохозяева, выдѣлившіеся изъ общей массы или товарищества, въ которые не вошли наименѣе обезпеченные элементы сельскаго люда. Однако, этимъ не исчерпывается важное значеніе указаннаго факта. Преимущественное развитіе личнаго и товарищескаго землевладѣнія при банковскихъ покупкахъ открываетъ просторъ для такихъ измѣненій въ распредѣленіи купленной земли, которыя должны быть признаны безусловно вредными и для которыхъ нѣтъ мѣста при общинномъ землевладѣніи. При покупкахъ сельскими обществами земля, пріобрѣтенная черезъ содѣйствіе банка, всегда будетъ служить фондомъ для обезпеченія купившихъ пропорціонально ихъ силамъ и нуждамъ. Между тѣмъ, при личныхъ и товарищескихъ покупкахъ, пріобрѣтенная земля очень скоро можетъ перейти въ руки немногихъ, наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, которые сумѣютъ за-дешево скупить у своихъ товарищей ихъ участки. Эти соображенія существенно ограничиваютъ значеніе того обстоятельства, что почти $^3/_4$ покупокъ, произведенныхъ при помощи крестьянскаго банка, приходится на долю крестьянъ, скудно надѣленныхъ землей.

Но необходимо внести еще одно весьма важное ограниченіе въ оцѣнку и безъ того очень скромной дѣятельности крестьянскаго банка. Свѣдѣнія за первое десятилѣтіе его существованія показываютъ, что большая доля сдѣлокъ, заключенныхъ при его содѣйствіи, въ концѣ-концовъ, разстраи-

*) Въ послѣдній отчетный годъ (1894) безземельные и имѣющіе до 3 дес. на душу купили 72% всей земли, пріобрѣтенной за этотъ годъ при содѣйствіи банка; причемъ около 33% купленной земли приходится на безземельныхъ и владѣющихъ надѣломъ до $1^1/_2$ дес. на душу. См. Отчетъ кр. поз. банка за 1894 г.

валась: многіе заемщики не вносили платежей по ссудамъ, за ними накоплялись недоимки и земля, пріобрѣтенная при помощи государственнаго кредита, возвращалась къ банку. За десятилѣтній періодъ 1883—1893 г. такимъ образомъ разстроилось сдѣлокъ на сумму 10,3 милл. руб., составляющую 15% общей суммы ссудъ, выданныхъ до 1 января 1894 года. Причина, вслѣдствіе которой покупки, заключенныя при содѣйствіи банка, затѣмъ разстраивались, заключалась въ томъ, что заемщики не въ состояніи оказывались вносить причитавшіеся съ нихъ банку платежи. Вслѣдствіе этого по 1 января 1894 г. было назначено къ продажѣ 438 участковъ (въ 1894 г. еще 57), изъ которыхъ удалось продать только 18 (въ 1894 г. только 1). Прочіе же участки остались за банкомъ, обременяя его бюджетъ дефицитами по эксплуатаціи *).

Причины, приводившія заемщиковъ банка въ разрядъ недоимщиковъ и затѣмъ лишавшія ихъ купленныхъ ими участковъ, были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, произведеннаго министерствомъ финансовъ въ 1892—1893 гг. Разслѣдованіе это произведено было двумя способами. Во-первыхъ, избраны были извѣстные внѣшніе признаки, которые, по всѣмъ соображеніямъ, должны были повліять на прочность сдѣлокъ, и затѣмъ сдѣлки были сгруппированы по этимъ признакамъ. Во-вторыхъ, были отобраны отзывы и мнѣнія отъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу и знакомыхъ съ его подробностями на практикѣ. Въ результатѣ получились: статистическія таблицы, касающіяся главнѣйшимъ образомъ земельныхъ участковъ, поступившихъ въ продажу съ торговъ въ крестьянскомъ банкѣ по 1 января 1891 года, затѣмъ—сборникъ отзывовъ на рядъ вопросовъ, касающихся разнообразныхъ сторонъ предмета. При этомъ нужно замѣтить, что статистическія таблицы, о которыхъ упоминается выше, составлены на основаніи сравнительно небольшаго количества данныхъ. Главнымъ матеріаломъ для этихъ таблицъ послужили 617 ссудъ, по которымъ заложенные участки были доведены до торговъ; по отдѣльнымъ губерніямъ количество данныхъ крайне скудно: по 15 губерніямъ изъ 28, между которыми распредѣляются недоимочныя 617 ссудъ, приходится послѣднихъ отъ 1 (въ 4 губерніяхъ) до 8 на каждую. Такая скудость данныхъ заставляетъ относиться съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ выводамъ изслѣдованія, наприм., о томъ, что въ губерніяхъ средней полосы Россіи и въ Поволжьѣ не существуетъ непосредственной связи между урожаями и недоимками. Приходится останавливаться лишь на тѣхъ выводахъ, которые основываются на обоихъ упомянутыхъ источникахъ, статистическихъ данныхъ и отзывахъ, и которыя могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія общихъ экономическихъ условій.

Первый и важнѣйшій выводъ, обладающій полною достовѣрностью, заключается въ томъ, что весьма распространенными и несомнѣнно серьезными причинами неудачи многихъ, заключенныхъ при посредствѣ крестьянскаго банка, сдѣлокъ слѣдуетъ считать высокую цѣну покупки земель че-

*) За послѣдній отчетный годъ (1894) недополучено 90,286 р. 4 к.

резъ посредство банка и обременительный размѣръ банковыхъ платежей по ссудамъ. Вліяніе этихъ двухъ условій оказалось особенно пагубнымъ вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ, начавшагося со второй половины 80-хъ годовъ. Но встрѣчаются случаи, когда уже при самой покупкѣ земли банковые платежи за нее значительно, иногда въ 1½ раза, превышали мѣстныя арендныя цѣны и, между прочимъ, ту самую аренду, которую тѣ же крестьяне платили за пріобрѣтенную ими землю до ея покупки. Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести слѣдующія любопытныя данныя, относящіяся къ Рязанской губерніи:

Сельскія общества.	Мѣстн. арендн. плата за дес.	Плата за купл. при содѣйствіи крест. банка землю, вмѣстѣ съ разсроч. приплатой и позем. сборами.
Червяковское	3 р. — к. *)	4 р. 37 к.
Наумовское	4 » 60 » *)	6 » 30 »
Машково-Енинское . . .	3 » 25 »	4 » 90 »
Горюшкинское	3 » 70 »	6 » 60 »
Трескино-Мордосовское. .	6 » — »	8 » 10 »
Кобельщинско-Алмазовск.	7—8 р.	9 » 46 »

Въ Тамбовской губерніи также въ большинствѣ случаевъ платежи за купленную землю значительно превышали арендную плату, не считая (въ ссудахъ подъ №№ 1, 3 и 15) доплатъ, покрываемыхъ обыкновенно «путемъ займа и, конечно, на условіяхъ тяжелыхъ, крайне обременительныхъ для крестьянъ». Вотъ примѣры:

Ссуда.	Аренда.	Платежи.
№ 1	6—8 р. — к.	11 р. 65 к. съ дес.
№ 3	6 » — »	7 » 87 » » »
№ 8	6 » — »	10 » 80 » » »
№ 10	4 » 33 »	6 » 49 » » »
№ 11	6 » — »	10 » 68 » » »
№ 12	7—8 » — »	11 » 47 » » »
№ 15	7 » — »	8 » 56 » » »
№ 18	8 » — »	12 » 78 » » »

Въ Смоленской губерніи бывали примѣры покупки по 22,4 и 25 руб. за десятину въ мѣстности, гдѣ цѣна стоитъ 10—20 р. и «выше 20 р. за десятину сдѣлокъ не было».

Въ Воронежской губерніи, гдѣ «отрытіе дѣйствій отдѣленія крестьянскаго банка (въ 1885 г.) совпало со временемъ, когда вслѣдствіе установившихся послѣ восточной войны высокихъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, цѣны на сдачу земель въ аренду возросли, вслѣдствіе чего и продажныя цѣны на земли поднялись очень высоко», крестьяне покупали

*) Звѣздочкой отмѣчены тѣ случаи, когда сами покупщики платили показанную аренду за ту же самую землю, до пріобрѣтенія ея въ собственность при содѣйствіи банка.

земли, съ нормальною оцѣнкой въ 120 р. за десятину, по 150 и 200 р. При такой цѣнѣ приходилось платить банку столько же, сколько составляла раньше арендная плата за тѣ же земли. Но въ послѣдующіе годы вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства понизилась и арендная цѣна, между тѣмъ, банковскіе платежи остались тѣ же. Въ результатѣ покупная цѣна оказалась выше нормальной на 46%, 33%, 27%, 34% и т. д. Послѣдствіемъ этого обстоятельства явилось накопленіе недоимокъ по ссудамъ: изъ 20 случаевъ такого накопленія 14 были связаны главнѣйшимъ образомъ съ слишкомъ высокой оцѣнкой земли. Такое же явленіе имѣло мѣсто, наприм., въ Полтавской губерніи.

Эти факты указываютъ на совокупное дѣйствіе чрезмѣрно высокихъ цѣнъ, по которымъ покупалась земля, слишкомъ большихъ платежей, взимавшихся банкомъ по ссудамъ, и пониженія доходности хозяйствъ, вызваннаго паденіемъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Особенное вниманіе обратилъ на себя вопросъ о процентахъ по ссудамъ, какъ извѣстно, обсуждавшійся въ теченіе ряда лѣтъ въ періодической печати: для всѣхъ, желавшихъ болѣе широкаго развитія операцій крестьянскаго банка, ясно было, что одна изъ причинъ, препятствовавшихъ этому развитію и приводившихъ къ накопленію недоимокъ, заключалась въ томъ, что банкъ взималъ по своимъ ссудамъ $7^1/_2$ и $8^1/_2$%, т.-е. больше, чѣмъ платили заемщики не только дворянскаго, но и акціонерныхъ банковъ *).

Говоря о причинахъ, содѣйствовавшихъ накопленію недоимокъ за заемщиками крестьянскаго банка, мы должны остановиться на вопросѣ о связи между недоимочностью и размѣрами доплатъ, которыя производились заемщиками сверхъ банковыхъ ссудъ. Статистическое изслѣдованіе, о которомъ упоминалось выше, привело къ тому выводу, что недоимочность тѣмъ выше, чѣмъ меньше доплаты, произведенныя покупщиками. Данныя, относящіяся къ этому предмету, могутъ быть сгруппированы слѣдующимъ образомъ:

	Ссуда.	Доплата заемщик.
По 43 губ. (районъ дѣйствій банка).		
На 100 р. приходится	82	18
По 15 губ. свободнымъ отъ недоимоч.		
На 100 р. приходится	77	23
За 1 дес. изъ общей платы 51 р.	39	12

*) Въ 1891 году приходилось, наприм., платежей съ десятины земли, заложенной въ Дворянскомъ банкѣ, 1 р. 85 к., а въ Крестьянскомъ—2 р. 83 к., причемъ платежи эти составляли, въ среднемъ выводѣ, въ первомъ—3,1% съ оцѣнки десятины (60 р.), а во второмъ—6,4% съ оцѣнки (44 р.). И теперь даже, несмотря на пониженіе платежей, произведенное въ 1894 г., ссуда въ Крестьянскомъ банкѣ будетъ обходиться, все-таки, дороже, чѣмъ даже въ акціонерныхъ банкахъ: годовые платежи кліентовъ будутъ составлять 6%, тогда какъ въ акціонерныхъ банкахъ при выдачѣ ссудъ на тотъ же 51-лѣтній срокъ заемщикамъ приходится уплачивать не болѣе $5^1/_2$%, а въ Дворянскомъ банкѣ всего лишь только $4^3/_4$%.

По 28 недоимочнымъ губ.

На 100 р. приходится	83	17
За 1 дес. изъ общей платы 44 р.	37	7

По ссудамъ недоимочнымъ.

На 100 р. приходится	89	11
За 1 дес. изъ общей платы 57 р.	51	6

Однако, основывать на этихъ цифрахъ общій выводъ, что для сокращенія недоимочности слѣдуетъ выдавать меньшія ссуды и требовать большихъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ, было бы совершенно неправильно. Отзывы мѣстныхъ дѣятелей крестьянскаго банка, собранные при изслѣдованіи 1892—93 гг., далеко не единодушны по этому вопросу. Въ то время, какъ одни подтверждаютъ заключеніе, вытекающее изъ числовыхъ сопоставленій, другіе держатся противоположнаго взгляда. Такъ, напримѣръ, изъ Смоленской губ. сообщаютъ, что «громадное большинство покупокъ совершено при весьма незначительной доплатѣ, а во многихъ случаяхъ и вовсе безъ доплатъ, однако платежи по такимъ сдѣлкамъ поступаютъ исправно, откуда само собою вытекаетъ выводъ, что размѣръ доплатъ *не оказываетъ* видимаго вліянія на исправность платежей»; въ доказательство этого мнѣнія приводится слѣдующій фактъ: по 37 сдѣлкамъ, заключеннымъ безъ всякихъ доплатъ, покупщики были самыми аккуратными, между тѣмъ какъ одно изъ товариществъ, имѣніе котораго постоянно назначается въ продажу, доплатило изъ собственныхъ средствъ 51% покупной цѣны.

Изъ разсмотрѣнія отзывовъ оказывается, что рѣшающее значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, изъ какого источника произведена доплата: изъ наличныхъ, собственныхъ средствъ заемщика или путемъ займа. Въ послѣднемъ случаѣ доплата, сопряженная съ платежомъ большихъ процентовъ, нерѣдко оказывала пагубное вліяніе на хозяйство и приводила покупщика къ разоренію. Часто доплаты разсрочивались, и эти срочные взносы одновременно съ платежами банку оказывались большею частью обременительными для покупщиковъ. Такъ, наприм., изъ Тамбовской губ. сообщалось, что «производимыя крестьянами доплаты, въ среднемъ, разсрочивались не болѣе какъ на пять лѣтъ, и поэтому, ложась на нихъ весьма тяжелымъ бременемъ, на первыхъ же порахъ сразу подрывали и безъ того незавидную платежную способность крестьянъ». То же самое замѣчалось въ Пензенской губ., гдѣ тремъ обществамъ за произведенныя ими доплаты «пришлось поступиться въ первые годы покупки не только частью купленной земли, но и личнымъ трудомъ», а одно общество «положительно было разорено неотступнымъ взысканіемъ доплаты судомъ». Въ Херсонской губ. всѣ недоимщики «весьма сильно задолжены прежнимъ владѣльцамъ»; въ одномъ случаѣ (доплата 20% покупной цѣны) платежи банку и владѣльцу по разсроченной доплатѣ составляли 8 р. 20 коп. съ посѣвной десятины, между тѣмъ мѣстная арендная цѣна 3 р. 50 к.—4 р., въ другомъ случаѣ платежи превышали 13 р. съ десятины; въ третьемъ—доплата «погубила

товарищество». Въ Саратовской, Полтавской губ. и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ особенно пагубными оказывались доплаты, сдѣланныя путемъ займовъ и разнаго рода обязательствъ и, притомъ, скрытыхъ отъ банка.

Таковы были главнѣйшія причины, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась недоимочность заемщиковъ крестьянскаго банка и разстраивались сдѣлки, заключенныя при его посредствѣ. Тѣ же причины объясняютъ въ значительной мѣрѣ не только неудачный исходъ большей части операцій, совершенныхъ банкомъ, но и слишкомъ скромные размѣры его дѣятельности. Если заемщикамъ банка приходилось платить за пользованіе купленною землей дороже, чѣмъ еслибъ они арендовали ее, и если еще вдобавокъ за привилегію такого усиленнаго платежа имъ нужно было входить въ долгъ частнымъ лицамъ для производства доплаты, то удивительно ли, что «магическое чувство собственности» соблазняло немногихъ и большинство предпочитало аренду?

При такихъ условіяхъ вопросъ о реформѣ крестьянскаго банка былъ вопросомъ настоятельнымъ. И дѣйствительно, въ теченіе ряда лѣтъ многія земства и мѣстныя начальства выдвигали необходимость разнообразныхъ мѣропріятій въ этой области. Ходатайства, представлявшіяся по этому предмету, затрогивали почти всѣ стороны дѣятельности и организаціи банка.

Важнѣйшія изъ нихъ касались прежде всего назначенія банка. Смоленское и новгородское земства ходатайствовали о предоставленіи крестьянскому банку права покупать имѣнія съ торговъ для перепродажи ихъ крестьянамъ *). Кромѣ того, второе изъ названныхъ земствъ признавало желательнымъ, чтобы пріобрѣтаемыя чрезъ крестьянскій банкъ земли были неотчуждаемы. Затѣмъ нѣсколько земствъ (херсонское, псковское, курское) ходатайствовали о расширеніи операцій крестьянскаго банка на надѣльное землевладѣніе крестьянъ.

О пониженіи размѣра платежей по ссудамъ изъ крестьянскаго банка ходатайствовали земства: московское, рязанское (дважды), тамбовское (дважды), смоленское (дважды), с.-петербургское, самарское, курское, воронежское, новгородское, вятское, ярославское, псковское, екатеринославское и одно уѣздное—миргородское.

Изъ другихъ ходатайствъ особеннаго вниманія заслуживаютъ касающіяся доплатъ къ ссудамъ, выдаваемымъ крестьянскимъ банкомъ. Эти ходатайства идутъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые, основываясь только на числовыхъ данныхъ, заключали о полезности доплатъ. Тамбовское и самарское земства ходатайствовали «объ отмѣнѣ обязательнаго требованія доплатъ изъ собственныхъ средствъ крестьянъ-покупщиковъ, какъ о существенномъ условіи успѣшной и полезной дѣятельности банка, ибо требованія эти, при отсутствіи наличныхъ средствъ у крестьянъ, дѣлаютъ невозможнымъ пріобрѣтеніе часто крайне необходимой для

*) Этотъ вопросъ возбуждался также генералъ-губернаторами виленскимъ и варшавскимъ и главнымъ начальникомъ Юго-западнаго края.

нихъ земли, или же, при безусловной для нихъ необходимости купить землю, заставляютъ ихъ распродавать скотъ, запродавать будущіе урожаи, дѣлать разорительные займы и, вслѣдствіе этого, приступать къ пользованію пріобрѣтаемою землей уже обезсиленными въ хозяйственномъ отношеніи». Смоленское земство ходатайствовало о пониженіи доплатъ покупщиковъ хотя бы до 9 и не болѣе 10% продажной цѣны земли; для случаевъ же покупки земель отрѣзныхъ и смежныхъ съ надѣломъ покупщиковъ земство ходатайствовало о выдачѣ ссудъ въ размѣрѣ покупной цѣны.

Другія ходатайства касались вопросовъ о томъ, кому могутъ выдаваться ссуды изъ крестьянскаго банка, о порядкѣ производства дѣлъ въ банкѣ, о предѣльной нормѣ ссудъ, о срокахъ, на которые выдаются ссуды, объ отсрочкѣ и разсрочкѣ платежей по ссудамъ, не внесеннымъ своевременно, о правилахъ взысканія платежей по ссудамъ, о торгахъ и, наконецъ, о нормальныхъ оцѣнкахъ. Аналогичныя ходатайства исходили и отъ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній.

II.

Общій пересмотръ Положенія 1882 года о крестьянскомъ банкѣ сдѣлался безусловно необходимъ. Эта работа и была предпринята министерствомъ финансовъ, и результатомъ ея явилась реформа, осуществившаяся въ концѣ прошлаго года. Мы не имѣемъ въ виду разсматривать во всѣхъ частяхъ этотъ законодательный актъ, находящійся въ тѣсной связи съ манифестомъ отъ 14 ноября 1894 г., понизившимъ размѣры процентовъ по ссудамъ изъ крестьянскаго банка. Указавъ насколько вообще неудовлетворительна была постановка дѣла по старому уставу и въ какой степени коренная реформа послѣдняго была настоятельна, мы остановимся лишь на одномъ пунктѣ новаго законоположенія. Это—разрѣшеніе крестьянскому банку временно, въ теченіе пяти лѣтъ, по 1 января 1901 года, производить покупку земель за свой счетъ и продажу этихъ земель (ст. VII высоч. утвержд. 27 ноября 1895 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ изданіи новаго устава крестьянскаго поземельнаго банка). Упомянутымъ выше манифестомъ 14 ноября крестьянскому банку предоставлены были особыя средства, независимо отъ тѣхъ, которыя онъ получаетъ путемъ выпуска своихъ процентныхъ свидѣтельствъ. Средства эти заключаются въ ежегодныхъ отчисленіяхъ изъ поступленій выкупныхъ платежей съ крестьянъ,—отчисленіяхъ, которыя, начиная съ 1895 г., будутъ производиться до того времени, пока собственный капиталъ банка не достигнетъ суммы 50 милл. рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что эта мѣра имѣетъ цѣлью «предоставленіе крестьянскому поземельному банку возможности, на основаніи правилъ, которыя имѣютъ быть на сей предметъ изданы, оказывать большему числу лицъ изъ крестьянскаго сословія содѣйствіе къ пріобрѣтенію земли». Разрѣшеніе банку покупать землю за свой счетъ для перепродажи ея крестьянамъ явилось одной изъ мѣръ, направленныхъ къ

достиженію этой цѣли. Насколько эта мѣра окажется дѣйствительно полезною на практикѣ, будетъ зависѣть и отъ развитія, которое получитъ новый видъ дѣятельности крестьянскаго банка, и отъ того, при какихъ условіяхъ эта дѣятельность будетъ осуществляться. Но, обсуждая указанную мѣру въ принципѣ, нельзя не видѣть, что она является шагомъ направленнымъ къ тому, чтобы расширить операціи крестьянскаго банка и сдѣлать его болѣе соотвѣтствующимъ задачѣ, которая была поставлена ему съ самаго начала. Между тѣмъ предоставленіе банку новой функціи, безъ сомнѣнія заслуживающей въ принципѣ полнаго сочувствія, вызвала, какъ извѣстно, рѣзкую оппозицію и послужила поводомъ для оживленной полемики въ періодической печати. Противники указанной мѣры выступили противъ нея съ необыкновенной горячностью; кампанія, которую они вели, отличалась такой энергіей, какая свойственна людямъ, когда они защищаютъ близкіе имъ интересы.

Чѣмъ объясняется такая оппозиція законодательному опыту, казалось бы, совершенно согласному съ основною задачей того учрежденія, къ которому онъ пріуроченъ? На этомъ предметѣ стоитъ нѣсколько остановиться и постараться отвѣтить на вопросы: почему мѣра, повидимому, направленная къ безспорно-полезной цѣли, встрѣтила такое противодѣйствіе? Какіе мотивы руководили этой оппозиціей? Представительницей какихъ интересовъ она выступила? Отвѣтъ на эти вопросы, быть можетъ, окажется небезполезнымъ для характеристики нашихъ соціально-экономическихъ отношеній.

Возраженія, высказывавшіяся противъ расширенія дѣятельности крестьянскаго банка новой операціей покупки имѣній за свой счетъ, какъ извѣстно, мотивировались прежде всего интересами дворянства, какъ сословія. Правительство наше, говорили противники указанной мѣры, въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ послѣ освобожденія крестьянъ, неуклонно держалось того взгляда, что съ осуществленіемъ великой реформы 19 февраля 1861 года, призвавшей сельское населеніе къ пользованію гражданскими правами и обезпечившей экономическую его независимость отводомъ надѣловъ,—поземельное устройство крестьянъ должно считаться завершеннымъ. Теперь, говорятъ представители тѣхъ же мнѣній, вступаютъ на новый путь. Необходимость расширенія надѣловъ признаютъ неоспоримой истиной, не требующей доказательствъ, и рѣшаются приступить къ нему, возложивъ эту новую операцію на крестьянскій банкъ. Послѣдній не будетъ уже являться простымъ посредникомъ между двумя сторонами, добровольно заключившими сдѣлку о продажѣ и покупкѣ земли; онъ принимаетъ на себя активную роль покупщика недвижимой собственности и распредѣлителя ея между крестьянами и превращается въ учрежденіе, стремящееся къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Но на чей же счетъ оно можетъ быть расширено, какъ не на счетъ дворянской собственности? Продавцами имѣній явятся преимущественно дворяне; слѣдовательно покупки за свой счетъ будутъ производиться крестьянскимъ банкомъ преимущественно у дворянъ и такимъ образомъ должны неминуемо

привести къ ущербу дворянскаго землевладѣнія. Такова аргументація противниковъ этой мѣры.

Читая эти доводы, можно предположить, что безъ вмѣшательства крестьянскаго банка дворяне не стали бы продавать своихъ земель, и еслибъ приступили къ ихъ продажѣ, то проданныя земли перешли бы въ руки представителей того же сословія. Можно подумать, что именно благодаря крестьянскому банку начнется усиленная ликвидація дворянскаго землевладѣнія. Но такъ ли это? Данныя о движеніи земельной собственности, находившейся 30 лѣтъ тому назадъ во владѣніи дворянъ, покажутъ, каково истинное положеніе дѣлъ.

Въ 44-хъ губерніяхъ Европейской Россіи (безъ прибалтійскихъ губерній, Бессарабской, Архангельской губ. и Донской области) дворянамъ принадлежало въ 1861 году около 120 милліоновъ десятинъ. Изъ этого количества отошло въ надѣлъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ около 34 милл. десятинъ, что составляетъ около 28% всей площади и осталось въ распоряженіи дворянства около 86 милл. десятинъ. Черезъ 30 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, въ 1892 году, площадь эта составляла по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ предводителей дворянства, 58,7 милл. десятинъ; слѣдовательно за 30 лѣтъ произошло уменьшеніе на 27,3 милл. десятинъ или на 32% той площади, какая оставалась у дворянъ по введеніи уставныхъ грамотъ.

Въ чьи же руки перешли земли, проданныя дворянами? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ слѣдующія данныя.

По поземельному обслѣдованію 1877—78 годовъ, разработанному центральнымъ статистическимъ комитетомъ, общая площадь частнаго не дворянскаго владѣнія въ 46 губерніяхъ (безъ Прибалтійскихъ и Донской области) представлялась въ такомъ видѣ:

а) земли частныхъ обществъ и компаній . . .	1.773,680	дес.	8,5%
б) купчей земли сельскихъ обществъ. . . .	762,771	»	3,7%
в) земли личнаго владѣнія	18.232,266	»	87,8%

Изъ этихъ данныхъ видно, что главная часть, свыше $^7/_8$ всей площади частнаго не дворянскаго землевладѣнія находилась въ личномъ владѣніи, къ которому центральнымъ статистическимъ комитетомъ относится и товарищеское землевладѣніе; на долю же сельскихъ обществъ приходилось менѣе 4% вышеупомянутой площади.

Большая часть этого личнаго владѣнія произошла изъ дворянскаго путемъ покупки въ періодъ времени послѣ освобожденія крестьянъ, и преобладающее мѣсто въ немъ принадлежитъ купцамъ. При этомъ образовались крупныя купеческія имѣнья, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 46 губерніяхъ 12,527 лицамъ купеческаго сословія принадлежало въ 1877—78 гг. 9.699,265 десятинъ, т.-е. въ среднемъ по 764 дес. на одного владѣльца. Свыше 80% общаго числа купеческихъ владѣній занимали площадь болѣе 100 дес. на одного владѣльца.

Крестьянское личное землевладѣніе равнялось $^1/_2$ площади купеческаго, т.-е. около 5 милл. десят. Но эта земля не распредѣлялась между массой крестьянства, наиболѣе нуждавшейся въ ней, а сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ сравнительно немногихъ рукахъ: 52,1% всей площади этого землевладѣнія, именно 2.603,000 дес. изъ 4.991,000 распредѣлялось между лицами, владѣвшими свыше 50 дес., причемъ значительнѣйшая часть, 1.971,000 дес., составляла владѣнія, превышавшія 100 десятинъ. На долю владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 50 дес., приходилось 2.388,000 дес., или 47,9% всей площади личнаго крестьянскаго землевладѣнія.

Мѣщанское землевладѣніе по размѣрамъ занимаетъ среднее мѣсто между купеческимъ и крестьянскимъ: 56% всей его площади, или 1.074,000 дес. изъ 1.844,000, приходилось на владѣнія свыше 100 десятинъ.

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, что въ теченіе слишкомъ 3-хъ десятилѣтій земля уходила изъ рукъ дворянства и переходила во владѣніе другихъ сословій, служа преимущественно для образованія болѣе или менѣе крупныхъ имѣній. Изъ земельнаго фонда, котораго лишились дворяне со времени освобожденія, образовались крупныя владѣнія купцовъ, мѣщанъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ. Доказательствомъ того, что операціи крестьянскаго банка не играли никакой роли въ этомъ процессѣ, служитъ слѣдующее сопоставленіе.

По отчетнымъ даннымъ старшихъ нотаріусовъ въ 42-хъ губерніяхъ *) утверждено купчихъ и данныхъ на проданныя недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній на сумму:

въ 1884 году	114,8	мил. р.
» 1885 »	106,2	» »
» 1886 »	87,4	» »
» 1887 »	100,5	» »
» 1888 »	106,2	» »
» 1889 »	116,8	» »
» 1890 »	113,7	» »
» 1891 »	117,1	» »
» 1892 »	130,4	» »
» 1893 »	144,0	» »

Эти данныя показываютъ, что съ 1884 г. притокъ капиталовъ, употреблявшихся на покупку земель, сначала понижался, а затѣмъ сильно возросъ. Къ 1893 г., по сравненію съ 1886 г., это возростаніе составило 56,6 мил. р. или 64,6%.

За то же время въ операціяхъ крестьянскаго банка происходили слѣдующія измѣненія **):

---

*) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній министерства юстиціи.* Вып. I и слѣд.

**) См. *Отчеты* крестьянскаго банка.

	Выдано ссудъ.	Пріобрѣтено съ содѣйствіемъ банка земель на сумму.
въ 1883 г.	0,9 мил. р.	1,0 мил. р.
» 1884 »	9,5 » »	10,0 » »
» 1885 »	13,8 » »	16,5 » »
» 1886 »	11,1 » »	13,4 » »
» 1887 »	7,5 » »	9,1 » »
» 1888 »	5,1 » »	6,5 » »
» 1889 »	3,7 » »	4,9 » »
» 1890 »	4,5 » »	6,2 » »
» 1891 »	4,5 » »	6,4 » »
» 1892 »	4,6 » »	6,6 » »
» 1893 »	5,1 » »	7,9 » »

Изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ оказывается слѣдующее: въ періодъ отъ 1886 по 1893 г. сумма сдѣлокъ по продажѣ земли изъ года въ годъ почти непрерывно возрастала; между тѣмъ, ежегодные размѣры ссудъ, выдававшихся крестьянскимъ банкомъ за это время, понизились; цѣна пріобрѣтенной при содѣйствіи банка земли составляла въ 1886 г. 13,4 мил. р., а въ 1893 г. только 7,9 мил. р. Напротивъ, въ періодъ наибольшаго развитія операцій банка (1885—1886 гг.) замѣчалось значительное ослабленіе притока капиталовъ на покупку земель. Слѣдовательно, нельзя никоимъ образомъ утверждать, что операціи крестьянскаго банка оказали вліяніе благопріятное продажѣ дворянскихъ имѣній. Сокращеніе площади дворянскаго землевладѣнія происходило по другимъ, совершенно самостоятельнымъ, причинамъ. Цѣлый рядъ условій благопріятствовалъ и продолжаетъ благопріятствовать этому явленію, и мы имѣемъ право отнестись къ нему, какъ къ факту, вполнѣ независимому отъ дѣятельности крестьянскаго банка. Въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ количество земли, находящееся въ собственности дворянскаго сословія, становится съ каждымъ годомъ меньше; болѣе или менѣе значительная часть земли, принадлежащей дворянамъ, каждый годъ выбрасывается на рынокъ и покупается лицами другихъ сословій, преимущественно для образованія и расширенія крупной собственности. Между тѣмъ, на ряду съ этимъ, громадное большинство крестьянскаго населенія, численность котораго съ ревизіи 1858 года по 1893 годъ возросла приблизительно на 50%, испытываетъ настоятельнѣйшую нужду въ землѣ и вынуждено, для доставленія себѣ средствъ къ жизни, арендовать частновладѣльческую землю, нерѣдко за очень дорогую цѣну и на весьма тягостныхъ условіяхъ.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ, вліяющихъ неблагопріятно на дворянское землевладѣніе, — причинъ, которыя, впрочемъ, обнаруживаютъ дѣйствіе не въ одной только Россіи. Для насъ достаточно констатировать фактъ ухода земли изъ рукъ дворянства, какъ явленіе, совершающееся вполнѣ независимо отъ того, будетъ ли крестьян-

скій банкъ скупать эти земли или нѣтъ. При такой постановкѣ вопроса, единственно соотвѣтствующей фактическому положенію дѣлъ, оппозиція новой операціи, предоставленной банку, съ перваго взгляда представляется совершенно непонятной. Мы встрѣчаемся съ исключительнымъ явленіемъ, — съ опасеніями продавца относительно возможнаго подъема цѣнъ на тотъ продуктъ, который онъ выноситъ на рынокъ. Казалось бы, такая перспектива должна была бы радовать дворянъ, желающихъ развязаться со своими имѣніями, и не могла бы опечалить тѣхъ, которые разсчитываютъ сохранить въ своихъ рукахъ земельную собственность: для первыхъ возвышеніе цѣнъ на землю означало бы болѣе выгодную реализацію имущества, для вторыхъ—повышеніе капитальной цѣны имѣній *). Опасенія, что часть дворянъ, соблазнившись высокими цѣнами, продастъ имѣнія, которыя остались бы въ ихъ рукахъ при болѣе низкихъ цѣнахъ, нельзя не признать чрезвычайно слабыми. Очевидно, что вопросъ о ликвидаціи имуществъ, находящихся въ такихъ рукахъ, составляетъ лишь вопросъ времени, и переходъ подобныхъ имѣній къ новымъ владѣльцамъ неизбѣженъ.

Но почему же, въ такомъ случаѣ, предоставленіе крестьянскому банку права покупать имѣнія за свой счетъ вызвало такую тревогу въ той самой средѣ, которой, повидимому, эта мѣра сулила однѣ выгоды?

Конечно, эта тревога охватила не все дворянство, а только ту часть его, которой не приходится переживать въ настоящее время экономическихъ затрудненій и которая вовсе не имѣетъ въ виду продавать своихъ имѣній; но, напротивъ, скорѣе склонна пользоваться обезцѣненіемъ земли и прикупать себѣ новыя владѣнія. Для этого состоятельнаго меньшинства, разумѣется, развитіе новой операціи банка представляется нежелательнымъ. Оно не сочувствуетъ ему по слѣдующимъ соображеніямъ.

Еслибы цѣны земли дѣйствительно повысились, подъ вліяніемъ банковскихъ покупокъ, это могло бы оказаться выгоднымъ для дворянъ, продающихъ свои имѣнія, но было бы убыточно для тѣхъ, которые намѣрены прикупать землю. Съ этой точки зрѣнія противъ временной мѣры, принятой 27 ноября прошлаго года, могутъ возражать вообще крупные землевладѣльцы не только дворяне, но и купцы. Здѣсь говорятъ интересы покупателей, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Тѣ радѣтели о будущемъ дворянскаго сословія, которые вели борьбу противъ реформы крестьянскаго банка, въ сущности заботились только о своихъ выгодахъ. Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, богатое меньшинство, выдавая себя представителемъ всего сословія, не обращало никакого вниманія на судьбу менѣе состоятельнаго большинства: дворяне, смотрѣвшіе на реформу крестьянскаго банка исключительно съ точки зрѣнія интересовъ крупнаго земле-

*) Въ Германіи покупка государствомъ въ большихъ размѣрахъ имѣній, продающихся съ торговъ, рекомендуется какъ одна изъ мѣръ для содѣйствія землевладѣльческому классу въ виду затрудненій, переживаемыхъ въ настоящее время сельскимъ хозяйствомъ. См. статью Конрада *Agrarkrisis in Deutschland*, напеч. въ 1-мъ дополн. томѣ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 1895.

владѣнія, выступали въ дѣйствительности только какъ крупные помѣщики и весьма мало пеклись о той части дворянства, для которой земля при нынѣшнихъ условіяхъ служитъ нерѣдко скорѣе бременемъ, чѣмъ источникомъ выгодъ.

Противъ покупокъ крестьянскаго банка возражали также и съ другой, болѣе широкой, точки зрѣнія. Противники этой мѣры не могутъ не видѣть, что искусственно удержать землю въ рукахъ той части нашего дворянства, отъ которой она роковымъ образомъ уходитъ, невозможно. Они отнюдь «не задавались тою ошибочною мыслью, что желательно, во что бы то ни стало, сохранять дворянское землевладѣніе въ нынѣшнемъ составѣ и удерживать имѣнія дворянъ въ рукахъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ. Переходъ земель, находящихся въ экономически нетвердыхъ рукахъ, долженъ совершиться силою вещей». Противники покупокъ земли крестьянскимъ банкомъ не имѣютъ ничего и противъ того, чтобы земли, которыя будутъ уходить отъ дворянъ, не встрѣчая въ ихъ средѣ покупателей, переходили къ лицамъ другихъ сословій и даже при содѣйствіи правительства кредитомъ. Но они не желали бы, чтобъ эти земли поступали «въ руки массы населенія, т.-е. *сельскихъ обществъ*».

Если земли, уходящія отъ дворянъ, будутъ поступать въ руки крестьянъ, то, согласно приведенному выше мнѣнію, желательно, чтобы покупателями были «крестьяне, которые достигли извѣстной степени благосостоянія, дозволяющаго имъ прикупить земли для расширенія хозяйства», т.-е. такіе, которые, по характеру своей хозяйственной дѣятельности, въ сущности перестали быть крестьянами. Представители этого взгляда ничего не имѣютъ и противъ «обновленія землевладѣльческаго класса приливомъ новыхъ элементовъ. Останавливаться передъ могущими проистекать отъ этого частными и во всякомъ случаѣ временными неудобствами, по ихъ мнѣнію, нѣтъ основаній, ибо можно устранять ихъ строгимъ примѣненіемъ законовъ (?) и ослаблять развитіемъ образованія. При нынѣшнемъ преобладающемъ еще значеніи дворянства новые землевладѣльцы изъ людей мало просвѣщенныхъ естественно будутъ подчиняться вліянію тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя имъ вносятся, и невольно ихъ усвоивать. Такимъ путемъ на прежней исторической почвѣ постепенно образуется тотъ новый просвѣщенный классъ поземельныхъ собственниковъ, который съ пользою для государства замѣнитъ старое сословное дворянство. Почему считать появленіе такихъ людей въ ряду земельныхъ собственниковъ неудобнымъ и препятствовать ему соперничествомъ банка? *Развѣ будетъ лучше, когда земля начнетъ сосредоточиваться въ рукахъ сельскихъ обществъ?*» *).

---

*) *Московскія Вѣдомости*, которыя въ номерѣ отъ 7 декабря 1895 года горячо выступали въ защиту дворянскаго сословія, въ номерѣ отъ 8 декабря не находили ничего предосудительнаго для дворянства въ томъ, что земля уходитъ изъ его рукъ къ спекулянтамъ изъ торгово-промышленнаго класса. „Совершенно справедливо указывалось многократно въ печати,—замѣчала эта газета,—что пріемы хозяйства, а, главное, отношеніе къ окружающему крестьянскому населенію со стороны землевла-

Сущность разногласія между сторонниками и противниками реформы крестьянскаго банка, очевидно, коренится въ основной точкѣ зрѣнія на значеніе у насъ крестьянскаго землевладѣнія и задачи государства по этому вопросу. Представители изложенныхъ выше мнѣній считаютъ поземельное устройство нашего сельскаго населенія совершенно законченнымъ и возражаютъ противъ мѣры, принятой 27 ноября 1894 г., потому что она не согласуется съ этой точкой зрѣнія. Противники этой мѣры считаютъ существенно важнымъ, чтобы масса нашего крестьянства не получила въ свое пользованіе бо́льшаго количества земли, чѣмъ какимъ она владѣетъ въ настоящее время. Задача заключается не въ томъ, чтобъ удержать во что бы то ни стало землю въ рукахъ ея нынѣшнихъ владѣльцевъ-дворянъ, но въ томъ, чтобы земля, уходящая отъ дворянства, не послужила для надѣленія массы крестьянъ. Не трудно видѣть, что мы встрѣчаемся съ тѣми взглядами, которые всегда и вездѣ проводились помѣщиками, когда рѣчь шла объ обезпеченіи землей сельскаго населенія. Достаточно припомнить борьбу, которую вели крупные помѣщики въ Германіи въ періодъ освобожденія поселянъ отъ крѣпостной зависимости. То, что происходило у насъ въ соотвѣтствующую эпоху, достаточно извѣстно. Намъ доказываютъ, что «богатство не всегда зависитъ отъ количества земли», что несмотря на земельный надѣлъ, наши «крестьяне едва ли живутъ лучше простыхъ батраковъ на Западѣ», что «налоги у насъ меньше, чѣмъ на Западѣ, но не каждый можетъ ихъ платить» и т. д. Всѣ эти аргументы весьма стары, и исторія давно обнаружила мотивы, на которыхъ они покоятся. Эти мотивы связаны съ хозяйственными нуждами крупнаго землевладѣнія.

Для помѣщиковъ, которые не имѣютъ въ виду бросать хозяйства, конечно, было бы весьма прискорбно имѣть вокругъ себя земледѣльческое населеніе, не нуждающееся въ арендѣ и не соглашающееся за прогоны и выпасы обрабатывать помѣщичьи земли. Извѣстно, какую громадную роль въ нашемъ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ играетъ эта экономическая зависимость крестьянъ. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, когда поселяне были лучше обезпечены землей, чѣмъ въ настоящее время, недостатокъ угодій былъ признанъ такимъ больнымъ мѣстомъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что въ этомъ обстоятельствѣ предусматривали причину «своего рода закрѣпощенія крестьянъ въ будущемъ» *). Надѣленіе крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли лишило бы нашихъ землевладѣльцевъ одного изъ

дѣльцевъ недворянъ, обыкновенно бываютъ иные, чѣмъ со стороны представителей исконнаго высшаго землевладѣльческаго сословія. Но все же сельско-хозяйственная культура въ такихъ имѣніяхъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ хозяйствахъ крестьянскихъ, все же въ нихъ сохраняется *типъ частно-владѣльческаго хозяйства*". А это, главное, для органа, объявившаго, что онъ защищаетъ „природныя права *всѣхъ* сословій", и здѣсь же высказывающаго полное равнодушіе къ тому, что „природныя права" крестьянъ весьма страдаютъ отъ нашествія Разуваевыхъ.

*) Докладъ высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности Россіи 1873 г.

важнѣйшихъ подспорій ихъ хозяйственной дѣятельности—дарового труда. Окруженные сравнительно достаточнымъ населеніемъ, они вынуждены были бы или отказаться отъ хозяйства, или поставить его въ совсѣмъ иныя условія.

Вотъ тѣ мотивы, которыми объясняется оппозиція, вызванная временною мѣрой 27 ноября. Представители крупповладѣльческихъ интересовъ не остановились въ этой борьбѣ и передъ обычнымъ средствомъ запугиванія призракомъ соціальныхъ смутъ, къ которымъ, будто бы, должна привести реформа крестьянскаго банка. Въ настоящее время, утверждали противники этой реформы, имѣя въ виду Положеніе 1882 года, сознаніе крестьянъ, что банкъ есть кредитное учрежденіе, помогающее имъ совершать дѣйствительныя покупки земли, поддерживается тѣмъ, что крестьяне обращаются къ банку только въ тѣхъ случаяхъ, когда они уже вступили въ соглашеніе съ продавцомъ земли. Когда же банкъ самъ начнетъ скупать имѣнія, подготовлять ихъ для распредѣленія между крестьянами и затѣмъ раздавать ихъ послѣднимъ, не требуя отъ нихъ никакой единовременной приплаты, для всѣхъ станетъ очевидно, что изъ посредника между продавцомъ и покупателемъ онъ превращенъ въ учрежденіе, которое при помощи обширной кредитной операціи призывается къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частнаго на началахъ совершенно сходныхъ съ выкупомъ надѣловъ. Противники реформы крестьянскаго банка заявляли, что такая постановка дѣла возбудитъ въ сельскомъ населеніи «ожиданія и надежды» и вызоветъ броженіе умовъ подъ вліяніемъ мысли о новомъ надѣлѣ. Они старались увѣрить, что броженіе, проявлявшееся въ началѣ 80-хъ годовъ, утихло, но не умерло, и предвѣщали, что мысль о прирѣзкѣ земли проявится съ новою силой, когда народъ увидитъ, что правительство отступило отъ прежней политики и повелѣло «скупать дворянскую землю для раздачи крестьянамъ».

Изображая всѣ эти мнимые ужасы, неизмѣнно выдвигающіеся, когда дѣло идетъ о сколько-нибудь серьезныхъ экономическихъ реформахъ, противники закона 27 ноября представляли первоначальныя задачи крестьянскаго банка въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Мысль о мѣрахъ, клонящихся къ предоставленію крестьянамъ кредита на покупку земли, сдѣлалась предметомъ обсужденія правительственныхъ учрежденій въ самомъ началѣ прошлаго царствованія, именно въ 1881 году. Защитники тѣхъ взглядовъ, которые высказывались въ послѣднее время противъ самостоятельныхъ покупокъ земли крестьянскимъ банкомъ, возражали тогда принципіально противъ организаціи государственнаго кредита для крестьянъ и предлагали предоставить это дѣло частнымъ земельнымъ банкамъ. Въ то время, какъ и теперь, они высказывали опасеніе, чтобы прямое руководительство этимъ дѣломъ органами государственной власти не было ложно истолковано населеніемъ и не было понято имъ какъ шагъ къ дополнительному надѣленію крестьянъ землею. Однако, это мнѣніе не восторжествовало. Многіе, напротивъ, полагая, что законодательство должно восполнить пробѣлы,

допущенные крестьянскою реформой, ставили задачей крестьянскаго банка довести землевладѣніе всѣхъ крестьянъ, состоящихъ въ четвертномъ надѣлѣ и вообще малоземельныхъ, до размѣра половины высшаго надѣла, назначеннаго для данной мѣстности по Положенію 19 февраля 1861 года. Защитники этого взгляда отождествляли понятіе «малоземелья» съ владѣніемъ менѣе половины полнаго надѣла и считали необходимымъ продолжить выкупную операцію, чтобы восполнить недостатокъ въ землѣ, ощущаемый громаднымъ большинствомъ нашихъ поселянъ. Предполагалось организовать это дѣло такъ, чтобы платежи за землю, купленную при помощи банка, не превышали исчисленныхъ на общемъ основаніи крестьянскаго Положенія выкупныхъ платежей, а такъ какъ они въ этомъ размѣрѣ не соотвѣтствовали бы дѣйствительной цѣнѣ земли, то не покрытая этими платежами часть покупной цѣны должна была составлять прямое и непосредственное пожертвованіе изъ казны.

Первоначально учрежденіе банка разсматривалось исключительно какъ способъ для устраненія малоземелья у крестьянъ, причемъ имѣлось въ виду оказывать главнѣйшимъ образомъ содѣйствіе крестьянскимъ обществамъ для того, чтобы дополнить ихъ надѣлъ до размѣровъ, соотвѣтствующихъ полному или указному надѣлу на каждую наличную душу. Хотя мысль о содѣйствіи однимъ только малоземельнымъ и была затѣмъ оставлена, тѣмъ не менѣе составители проекта имѣли въ виду организовать дѣло на возможно болѣе широкихъ основаніяхъ, устранивъ какую бы то ни было спеціализацію поземельнаго кредита для одной какой-либо группы крестьянъ и связь его съ тѣмъ или другимъ размѣромъ крестьянскаго надѣла. Въ 1883 году, при обсужденіи проекта крестьянскаго банка, было высказано, что «успѣшное осуществленіе поставленной задачи и полезное вліяніе на улучшеніе крестьянскаго хозяйства со стороны учреждаемаго поземельнаго банка возможны только въ томъ случаѣ, если оказываемый кредитъ будетъ устроенъ на широкихъ основаніяхъ, т.-е. доступенъ всѣмъ желающимъ крестьянамъ, такъ какъ всякое въ этомъ отношеніи ограниченіе несомнѣнно принесетъ существенный вредъ дѣлу».

Все это показываетъ, что крестьянскій банкъ отнюдь не былъ учрежденъ только для наиболѣе зажиточной части крестьянства, какъ это старались доказать противники недавней реформы. Нужно замѣтить, что въ 1881 году, при разсмотрѣніи вопросовъ о пониженіи выкупныхъ платежей и объ обязательномъ выкупѣ крестьянъ, эти два мѣропріятія обсуждались въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ предположеній, клонившихся къ одной общей цѣли «устройства и улучшенія экономической жизни *значительной части* сельскаго населенія», и въ числѣ имѣвшихся въ виду мѣръ были, между прочимъ: предоставленіе малоземельнымъ крестьянамъ находящихся по близости казенныхъ свободныхъ земель и обезпеченіе имъ способовъ къ водворенію на подобныхъ земляхъ въ отдаленныхъ многоземельныхъ губерніяхъ, а также «облегченіе для крестьянъ возможности пользоваться кредитомъ для покупки земель у частныхъ лицъ». Изъ этого

ясно, что развитіе операцій крестьянскаго банка не только не противорѣчитъ первоначальной цѣли законодателя, но вполнѣ ей соотвѣтствуетъ. Разумѣется расширеніе дѣятельности этого учрежденія не можетъ вызывать сочувствія тѣхъ, кому вообще не выгодны всякія мѣры, направленныя къ удовлетворенію потребности сельскаго населенія въ землѣ. Такія мѣры противорѣчатъ интересамъ крупнаго землевладѣнія,—все равно, будетъ ли оно дворянскимъ или купеческимъ.

Различныя воззрѣнія на законъ 27 ноября зависятъ не отъ сословныхъ и семейныхъ связей, но единственно отъ того, выступаетъ ли помѣщикъ продавцомъ, или хозяиномъ и покупателемъ. Можетъ случиться, что изъ двухъ братьевъ въ одной и той же родовитой дворянской семьѣ одинъ будетъ противникомъ реформы, а другой воспользуется ею, чтобъ отдѣлаться отъ своего запутаннаго хозяйства. Результаты временной мѣры, принятой вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава крестьянскаго банка, зависятъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ условій, на которыхъ земли, пріобрѣтенныя банкомъ, будутъ продаваться крестьянамъ. Поэтому, чтобы судить о практическомъ значеніи новой мѣры, расширившей дѣятельность крестьянскаго банка, нужно видѣть, какъ она будетъ примѣняться. Тѣмъ не менѣе мысль, на которой построена эта мѣра,—мысль, вызвавшая энергическую оппозицію крупныхъ собственниковъ, совершенно справедлива. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія посредствомъ покупки и дробленія продающихся помѣщичьихъ имѣній заслуживаетъ въ принципѣ полнаго сочувствія, и нужно сожалѣть, что рядъ случаевъ, представлявшихся въ прежнее время для улучшенія экономическихъ условій нашего сельскаго населенія этимъ путемъ, былъ упущенъ.

А.

Спектакли Эрнесто Росси *).

IV.

Король Лиръ—единственная по грандіозности драма во всей европейской литературѣ. Какого угодно, даже шекспировскаго трагическаго героя можно свести къ будничнымъ условіямъ, подчинить крайнему сценическому реализму,—но Лира вложить въ рамки заурядной личности—значитъ порвать всѣ нити трагедіи. Король здѣсь не титулъ, не положеніе, а цѣлый нравственный міръ,—героически-величавый и божественно-таинственный. Недаромъ мы съ самого начала слышимъ о вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ судьбы людей, и эти судьбы по своему размаху и мощи—настоящія стихіи.

Стать артисту въ уровень съ такой сценой и такими событіями—труднѣйшая задача, какую когда-либо представляло искусство, таланту и личности. Именно *личности*: самый талантъ долженъ быть не только великъ по размѣрамъ, но и высоко благороденъ по существу. Иначе роль окажется приниженной и мелкой. И, очевидно, таковъ талантъ г. Росси.

Съ перваго же появленія короля на сцену возникаетъ вопросъ: зачѣмъ Лиру понадобилось устроить странный экзаменъ дочерямъ? Выжилъ старикъ изъ ума и не вѣдаетъ что творитъ? Такъ и понимаютъ нѣкоторые исполнители,—напримѣръ, тотъ же Маджи: его Лиръ почти выбѣгаетъ на сцену, быстрымъ, безпокойнымъ взглядомъ окидываетъ окружающихъ. Очевидно, душевный міръ короля утратилъ равновѣсіе еще раньше, чѣмъ надъ нимъ разразились «небесныя звѣзды».

Но тогда какой же интересъ для насъ въ трагической участи подобнаго субъекта? Это исторія сумасшествія и его послѣдствій, и дочери правы, бросая отцу упреки въ безуміи и дѣтскихъ капризахъ: его дѣйствительно нужно прибрать къ рукамъ.

Поэтъ, разумѣется, не могъ допустить такого вопіющаго нарушенія художественнаго чувства и основныхъ законовъ трагедіи. Г. Росси это понялъ. Его Лиръ—старикъ, конечно, съ извѣстными причудами, прихотями,

*) *Русская Мысль*, кн. II.

но онѣ—результатъ не столько старости, сколько долголѣтней патріархальной власти. Онъ всю жизнь питался лестью и «забавную» правду слышалъ лишь отъ шута, котораго при случаѣ можно было и высѣчь. Для него дочери интересны исключительно по отношенію къ его собственной особѣ, и онъ извлекаетъ изъ нихъ что можетъ для себя пріятнаго. А что же онѣ могутъ для него сдѣлать, какъ не лишній разъ польстить его родительскому сердцу,—родительскому не въ смыслѣ нѣжной любви, а неограниченной власти? Лиръ любитъ одну лишь кроткую Корделію и опять какъ любитъ? Только до тѣхъ поръ, пока она доставляетъ ему удовольствіе, пока ея кротость не что иное, какъ безотвѣтная покорность. Попробуй Корделія обнаружить хотя малѣйшіе намеки на личную самостоятельность и личное человѣческое достоинство,—Лиръ немедленно сочтетъ это посягательствомъ на свою власть и *свое* достоинство.

Вотъ простая и въ то же время оригинальная психологія. Она, какъ и всегда у Шекспира, сама по себѣ, независимо отъ случая, чревата всевозможнымъ трагизмомъ.

Лиръ не знаетъ ни дѣйствительныхъ людей, ни дѣйствительной человѣческой души и жизни: поэту только нужно поставить закоренѣлаго экзотическаго деспота лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью,—и драма готова.

Сцена съ дочерьми, слѣдовательно, вполнѣ сознательная утѣха, притомъ публичная, устроенная Лиромъ своему эгоизму. Онъ заранѣе знаетъ въ общихъ чертахъ, что̀ скажутъ дочери, но, все-таки, лестно въ присутствіи двора и иностранцевъ еще разъ выслушать славословіе и по-царски наградить за него. Естественно, незначительнѣйшее разочарованіе въ ожиданіяхъ должно страшно возмутить самолюбіе и въ особенности тщеславіе короля: еще наединѣ онъ, пожалуй, простилъ бы Корделію, но предъ *другими* онъ *король,* долженъ немедленно карать подобно Юпитеру-громовержцу. Онъ сначала хочетъ образумить неразумную, не ради нея, а ради себя и дважды приглашаетъ ее исправить свою рѣчь и, наконецъ, гремитъ: *Si giovane e si poco affetuosa!*—и туманъ ярости застилаетъ его взоры: Корделія отвергнута, Кентъ изгнанъ...

Въ этой сценѣ предъ нами прошелъ весь Лиръ со всѣмъ своимъ многолѣтнимъ существованіемъ. Но мы не получили бы полнаго впечатлѣнія, еслибы весь вопросъ ограничился деспотизмомъ, самоволіемъ, ослѣпленіемъ властью. Вы не замѣтили шута, сидѣвшаго у ступеней трона, во время торжественной аудіенціи? Сколько разъ мы ни видали трагедію на сценѣ съ другими исполнителями, мы не могли отдѣлаться отъ мысли, что болтовня шута что-то лишнее, даже надоѣдливое. Сколько угодно можно было приводить теоретическихъ соображеній,—остроты и философія шута будто клиньями входили въ стройныя трагическія сцены... Г. Росси впервые открылъ намъ тайну, и мы *практически* оцѣнили все значеніе этой роли.

Лиръ, король-патріархъ, не могъ жить безъ забавниковъ и въ счастливые дни, а теперь, когда зловѣщія тучи заволакиваютъ весь горизонтъ, шутъ необходимъ и дорогъ не только своимъ присутствіемъ духа, неиз-

мѣнной ясностью настроенія, но еще и какъ живое воспоминаніе о лучшемъ прошломъ. Посмотрите, съ какой болѣзненной стремительностью взоры короля ищутъ бѣднаго шута всякій разъ, когда новое жало вонзается въ его родительское сердце! Посмотрите, съ какою жадностью, почти дѣтскимъ интересомъ Лиръ прислушивается къ хитросплетеніямъ дурака: это инстинктивная потребность хотя бы на мгновеніе забыться, отдохнуть, вообразить себя прежнимъ Лиромъ... Да, шутъ—остроумнѣйшая выдумка геніальнаго психолога. Онъ сначала своей профессіональною веселостью съ потрясающимъ трагизмомъ оттѣняетъ душевный мракъ и неизмѣримую бездну несчастій царственнаго страдальца: такъ ясный солнечный день, взошедшій надъ полемъ предстоящей кровавой битвы,—именно своимъ безмятежнымъ блескомъ будетъ усиливать ужасъ человѣческой бойни... А потомъ тотъ же шутъ явится первымъ предметомъ проснувшагося гуманнаго чувства въ просвѣтленной природѣ короля.

И прислушайтесь къ этому, повидимому, простому, но глубоко-болѣзненному воплю Лира, испытавшаго первую обиду: *Ma dove è il mio buffone?* И это почти отеческое привѣтствіе появившемуся, наконецъ, шуту: *Ebbene, mio bello stordito, come stai tu?...* Какъ!—Лиръ спрашиваетъ о здоровьѣ шута. И у него при этомъ на лицѣ и въ глазахъ свѣтится одновременно и ласка, и еще что-то другое, заставляющее невольно сжиматься наше сердце мукой неизъяснимой жалости и страха предъ наступающей бѣдой.

Да, жалости. Не будь шута, мы не могли бы такъ ясно и быстро различать въ этой могучей повелительной фигурѣ, рядомъ съ королемъ, «съ головы до пятъ» слабаго, бѣднаго старика, какъ всѣ старики, не могли бы уловить первые проблески того свѣта, который въ концѣ драмы освѣтитъ предъ Лиромъ слабость и бѣдноту человѣчества... Надо было видѣть лицо артиста въ моментъ первыхъ испытаній Лира: какой-то чудной силой г. Росси въ мгновеніе ока создавалъ для насъ совершенно новое впечатлѣніе: вдругъ Лира окутывала атмосфера безпомощности и одиночества, въ глазахъ появлялись лучи невольной тоски и жалобы, даже мольбы, не высказанной,—напротивъ, глубоко-затаенной въ гордомъ сердцѣ, но намъ очевидной, неотразимо взывающей къ нашему сердцу... Не знаемъ, удается ли намъ передать читателямъ наши ощущенія и всѣ ли зрители отдавали отчетъ въ несравненныхъ психологическихъ краскахъ, какими рисовалъ артистъ на сценѣ великій нравственный міръ своего героя. Но мы увѣрены въ одномъ: ни одна черта не пропадала хотя бы даже для безсознательной воспріимчивости публики, и съ теченіемъ спектакля независимо отъ анализа и вдумчивости накоплялась у зрителя бездна волненій, мельчайшихъ и ослѣпительныхъ вспышекъ, и въ результатѣ гдѣ-то, на днѣ души, создавался и возставалъ во всей полнотѣ и цѣльности незабвенный трагическій образъ, и въ воображеніи зрителя уже никогда не изгладятся эти лучистые, будто растерянные взоры, эта грустная, почти наивная радость при входѣ шута, эта непривычно-мягкая угроза наказать его за слишкомъ рѣзкую истину. Какой урокъ въ столь быстрой перемѣнѣ! Едва лишь подулъ на Лира су-

ровый вѣтеръ настоящей житейской правды, и онъ уже чувствуетъ ознобъ и готовъ согрѣться хотя бы шутками дурака. Что будетъ дальше?

Но у Лира есть другая дочь. Онъ еще далекъ отъ отчаянія. Онъ поступитъ съ Гонерильей, какъ съ Корделіей, хотя воспоминаніе объ изгнанной дочери уже начинаетъ терзать его. Онъ какъ-то неувѣренно приступаетъ къ проклятіямъ. Нѣтъ грозной непреодолимой силы перваго акта, и артистъ сообщаетъ своему голосу оттѣнокъ жалобной мольбы рядомъ съ гнѣвомъ, не возвышаетъ рѣчь до раскатовъ грома, какъ это было въ сценѣ съ Корделіей и Кентомъ. Лиръ, по несознаваемому еще предчувствію, утратилъ былую увѣренность, и нельзя было безъ волненія видѣть, какъ онъ быстро подходилъ къ дочери, наклонялся къ ея лицу и ударяя себя въ грудь, восклицалъ: «Осталась мнѣ еще другая дочь». Въ голосѣ звучало что-то странное, трудно поддающееся передачѣ: Лиръ будто хотѣлъ похвастаться предъ дочерью своимъ все еще достойнымъ положеніемъ и не могъ этого сдѣлать твердо и мужественно: непрошенное горе и нервный трепетъ звучали въ этой краткой фразѣ... Мы три раза видѣли Лира-Росси, и это впечатлѣніе оставалось неизмѣннымъ. Но проклятія какъ бы приподнимаютъ Лира, — и совершенно естественно: человѣкъ въ минуты жестокаго горя инстинктивно усиливается отвести душу громкими жалобами или нервнымъ неудержимымъ негодованіемъ; самый крикъ успокоиваетъ физическую и нравственную боль. Лиръ приходитъ въ себя и съ полнымъ самообладаніемъ ищетъ, кому изъ своей свиты поручить отнести письмо къ Реганѣ, и останавливается на Кентѣ: тотъ уже успѣлъ доказать свое усердіе и смѣлость!...

Артистъ чрезвычайно тщательно разыгрываетъ эту эпизодическую краткую сцену, ему приходится даже вставить слово—*тебѣ*, когда онъ послѣ внимательнаго осмотра свиты рѣшаетъ дать порученіе Кенту. Это, несомнѣнно, *licentia artistica*, если такъ можно выразиться, но въ данномъ случаѣ она болѣе чѣмъ умѣстна,—она необходима для освѣщенія одного изъ глубочайшихъ психологическихъ моментовъ.

Лиръ уходитъ отъ Гонерильи, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Патріархальнымъ трагизмомъ вѣетъ отъ этихъ старческихъ и въ то же время истинно-королевскихъ жестовъ презрѣнія.

И вдругъ первая же встрѣча у Реганы—посланецъ въ колодкахъ! Въ глубинѣ души, въ тайныхъ предчувствіяхъ сердца, на которыхъ страшно было даже остановить мысль,—Лиръ ждалъ чего-то недобраго и у другой дочери. Передъ свитой онъ *не вѣритъ* поступку Реганы и ея мужа, но зачѣмъ же тогда онъ *одинъ* отправляется въ покои герцога? Зачѣмъ онъ, едва поднимаясь по лѣстницѣ, какимъ-то нетвердымъ, болѣзненнымъ голосомъ приказываетъ спутникамъ не слѣдовать за нимъ? Его не принимаютъ, ссылаясь на болѣзнь. Какой поводъ самовластному повелителю вспыхнуть грозой! И Лиръ взываетъ: *Alterigia, e quale alterigia!*—но негодующій крикъ обрывается, переходя не то въ тоскующую, не то въ горькую иронію: *Oh! alterigia del duca!*... И лицо старика хмурится въ невыно-

сямо-рѣжущей судорогѣ, это почти физическое ощущеніе боли, и Лиръ невольно сжимаетъ грудь дрожащею рукой. Входитъ Регана,—и въ свою очередь вамъ становится больно, когда вы видите эти заискивающе-вопросительные взоры короля, когда Лиръ, такъ еще недавно смотрѣвшій поверхъ всего человѣчества, парившій въ недосягаемыхъ высотахъ олимпійскаго самодовольства,—теперь жадно ловитъ выраженіе лица своей дочери и, послѣ всѣхъ обидъ, называетъ ее *Amata Regana* и ей *жалуется* на ея сестру... Артистъ облегчаетъ нѣсколько свою задачу: онъ опускаетъ энергическую выходку Лира по адресу покойной матери своихъ дочерей и угрозу его—за Кента. Г. Росси прямо обращается къ Реганѣ съ словами любви и жалобы.

И дальше во всей сценѣ будутъ опущены особенно сильныя выраженія Лира, въ которыхъ продолжаютъ еще гремѣть взрывы властнаго духа. Артистъ ведетъ насъ кратчайшимъ путемъ къ нравственному перерожденію героя, несомнѣнно упрощаетъ свою игру и драматическую психологію Лира,—но путь остается совершенно вѣрнымъ, хотя и менѣе извилистымъ. Г. Росси, напримѣръ, совершенно забываетъ о Кентѣ: это мало вѣроятно со стороны Лира,—и въ самой драмѣ король неоднократно поднимаетъ вопросъ объ оскорбленіи своего слуги. У артиста онъ смиряется слишкомъ скоро и слишкомъ безнадежно проникается затаенною боязнью—и у другой дочери не найти пристанища. Мы должны обратить вниманіе на это обстоятельство и при всемъ удивленіи предъ искусствомъ артиста помнить, что *сценическая* сила пріобрѣтается г. Росси даже въ лучшей роли цѣной *психологическихъ* подробностей. Но, снова повторяемъ, цѣль артиста отъ начала до конца остается цѣлью самого автора трагедіи и все, что удерживается отъ пьесы на сценѣ, неизмѣнно дышетъ истиннымъ шекспировскимъ геніемъ.

Лиру нечего ждать и отъ Реганы. Она бросаетъ ему въ лицо: *voi siete vecchio!* а прибывшая къ ней въ гости Гонерилья произноситъ невѣроятное слово—*la follia* и это въ отвѣтъ на рѣчь отца—о своихъ сѣдыхъ волосахъ! Такая рѣчь явный призывъ къ состраданію—*по человѣчеству*, и Лиръ трепещущею рукой указываетъ на свою бороду, не знаетъ, на комъ изъ окружающихъ остановить глаза, чувство безпомощнаго одиночества сказывается въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ короля. Лиръ именно долженъ явиться предъ нами совершенно одинокимъ, разъ его отвергли дочери: не такова его натура и жизнь, чтобъ онъ могъ искать утѣшенія у кого бы то ни было изъ своихъ спутниковъ и бывшихъ слугъ. Эта тончайшая черта душевной драмы короля воплощается артистомъ съ неподражаемою реальностью—и безъ всякихъ внѣшнихъ подчеркиваній и мелодраматическихъ красокъ. Внутреннею силой таланта артистъ *внушаетъ* зрителямъ извѣстное впечатлѣніе и умѣетъ развить его съ неослабѣвающею стремительностью.

Сцена съ дочерьми—послѣдняя въ трагедіи—заключается поразительнымъ эффектомъ. Шекспиръ создалъ потрясающій аккордъ безысходной

тоски, отнынѣ спутницы Лира до самой смерти. У короля накипаютъ слезы, грудь щемитъ жгучею болью, но развѣ онъ можетъ заплакать,—онъ и въ безуміи *король!* А между тѣмъ онъ говоритъ о слезахъ и говоритъ потому, что онѣ уже появились на его глаза, ихъ видятъ обидчицы и царедворцы. И эта мысль будто молнія пронзаетъ мозгъ Лира, онъ подбѣгаетъ къ одной изъ дочерей и, указывая на глаза, кричитъ ей: «А! вы думаете я плачу,— *No, non piango!*...

Надо было слышать послѣднее восклицаніе у г. Росси... Что значатъ злодѣйства жесточайшихъ мелодрамъ, — передъ единымъ, идущихъ изъ глубины сердца, воплемъ истиннаго правдиваго горя! Всего нѣсколько словъ—и мы знаемъ, неотразимо знаемъ, даже еслибъ и не читали раньше пьесы,—что короля мы увидимъ совсѣмъ другимъ, какимъ— не важно—но онъ *не можетъ* остаться прежнимъ.

Онъ является при громѣ бури, онъ на порогѣ безумія, потому что распался до основанія весь міръ его души. И онъ это сознаетъ съ ослѣпительной ясностью, онъ чувствуетъ, какъ мракъ начинаетъ окутывать его мысль, и онъ усиливается отогнать страшную тьму, будто призракъ. Какъ здѣсь умѣстна буря! Великій художникъ умѣетъ *природой* пользоваться для болѣе яркаго изображенія *человѣка*: на ея фонѣ, то грозномъ и зловѣщемъ, то идиллически свѣтломъ, или томительно-страстномъ, психологія героевъ получаетъ послѣдній животворящій ударъ кисти. Буря у замка Макбета, пронзительный вѣтеръ на террасѣ Эльзинора, іюльское солнце надъ веронскими любовниками и гроза въ степи, гдѣ бродитъ Лиръ... Отнимите явленія стихій, — вы порвете одинъ изъ самыхъ жизненныхъ нервовъ въ настроеніяхъ героевъ.

Лиръ будто хочетъ покрыть голосомъ вой вѣтра и грохотъ грома: это тотъ самый крикъ, который невольно вырывается у всякаго живого существа въ минуту рѣжущей боли. И онъ падаетъ такъ же быстро, какъ и поднимается: Лиръ переходитъ отъ ярости къ жалобѣ,—и еще больше,— къ трогательной сердечной нѣжности.

Переворотъ совершился не въ безуміи, а въ самый разгаръ нравственныхъ страданій. Король сталъ просто человѣкомъ, угнетеннымъ судьбой старикомъ, равнымъ со всѣми несчастными. Шутъ дрожитъ отъ холода,— и Лиръ не можетъ выносить этого вида: *Veni, figliuolo, o figliuolo, come stai? Tu muori di freddo,*—и король раскрываетъ свою мантію, чтобы защитить отъ холода шута,—*figlio mio*, повторяетъ онъ, продолжая укутывать бѣдняка.

У Шекспира текстъ другой, болѣе отвлеченный: Лиръ успѣваетъ изложить цѣлую философію несчастныхъ, артистъ все это опускаетъ,—ему нуженъ простой драматическій образъ смирившагося владыки, нужно показать *сердце* тамъ, гдѣ былъ раньше только *эгоизмъ*.

Опять, слѣдовательно, облегченіе сценической задачи, но мы и здѣсь не сѣтуемъ на артиста: извлекаемое имъ зерно изъ поэтическаго созданія подлинная идея самого поэта. Но дальше вопросъ мѣняется. Артистъ до

неузнаваемости передѣлываетъ вторую половину третьяго акта. Послѣ встрѣчи съ Эдгаромъ у г. Росси происходитъ сцена суда надъ дочерьми, потомъ является Глостеръ, чтобъ увести короля съ собой, и актъ кончается. Судъ въ пьесѣ происходитъ не въ степи, а въ замкѣ Глостера. Но дѣло, конечно, не въ мѣстѣ дѣйствія, а въ психологическомъ развитіи извѣстнаго мотива.

У Шекспира безуміе Лира производитъ болѣе сильное впечатлѣніе: король не можетъ придти въ себя даже успокоиваемый заботами и уходомъ друзей, его мозгъ преслѣдуютъ образы дочерей; хотя надъ нимъ и не гремитъ буря, онъ продолжаетъ растравлять свою рану, снова окруженный глубокимъ уваженіемъ и преданностью.

У г. Росси сцены быстро слѣдуютъ одна за другой и кажутся преднамѣреннымъ нанизываньемъ трагическихъ явленій, разсчитанныхъ на впечатлительность зрителей. Сцены исполняются съ такимъ же искусствомъ, какъ и вся пьеса. Неподражаемы обращенія Лира къ Эдгару: всѣ эти *nobile filosofo, il mio filosofo, questo dottore Tebano* являли цѣлую гамму оттѣнковъ въ тонѣ, въ душевномъ настроеніи, въ сценической игрѣ. Мы видѣли, — Лиру дѣйствительно трудно, мучительно трудно подыскать соотвѣтствующее званіе или эпитетъ юродивому бѣдняку. А между тѣмъ, король не можетъ оторваться отъ него, во имя его злосчастной судьбы, столь теперь инстинктивно-близкой преображенному нравственному міру короля.

Все это, повторяемъ, приковывало наше вниманіе; но мы почувствовали какой-то пробѣлъ, что-то будто не досказанное, недорисованное, когда Лира унесли на рукахъ со сцены. Размахъ трагедіи въ центральномъ актѣ слишкомъ широкъ, чтобы окончить ее двумя сценами, непосредственно слѣдующими другъ за другомъ. Безуміе Лира получаетъ характеръ припадка, мгновеннаго нервнаго потрясенія, которое можетъ и пройти само собой, тѣмъ болѣе, что король, обезсиленный крайнимъ возбужденіемъ, начинаетъ засыпать и его полусоннаго уносятъ со сцены.

На самомъ дѣлѣ сумасшествіе Лира—не мимолетный нервозъ, а длящійся недугъ: и въ четвертомъ актѣ мы встрѣчаемъ короля безумнымъ, безъ малѣйшихъ проблесковъ. При перестановкѣ сценъ у г. Росси это появленіе кажется лишнимъ,—будто поэтъ хочетъ показывать намъ Лира только въ припадкахъ умопомѣшательства.

Это—единственное существенное отступленіе артиста отъ *идеи* пьесы. За него зрители были вполнѣ вознаграждены сценой съ Корделіей.

Поэтъ, кажется, сосредоточилъ всю грацію, всю чарующую прелесть своего вдохновенія на младшей дочери Лира, далъ ей голосъ, о которомъ отецъ не можетъ забыть даже въ предсмертныя минуты, вложилъ въ нее сердце, исполненное неисчерпаемой гуманности и самоотверженія,—окружилъ всѣмъ блескомъ поэзіи ея встрѣчу съ отцомъ, столь безпощадно ее оскорбившимъ.

Лиръ спитъ. Подъ звуки музыки надъ нимъ склонилась его дочь и жадно

ждетъ его пробужденія. Тихіе баюкающіе звуки должны повѣять миромъ и ясностью на смятенную душу страдальца. Поэтъ лично такъ любилъ музыку, такъ высоко цѣнилъ ея возвышающее дѣйствіе на душу человѣка,—и теперь онъ заставляетъ свое любимое искусство участвовать въ чудѣ: любовь дочери должна вернуть отцу разсудокъ и показать ему хотя не надолго свѣтъ счастья.

Лиръ открываетъ глаза, осматривается, ощупываетъ мантію; видъ ея пробуждаетъ въ немъ какое-то воспоминаніе, смутное и отрывочное, но не болѣзненное. Лиръ не успѣваетъ разобраться въ немъ,—его взоръ падаетъ на Корделію. Она такъ свѣтла и прекрасна,—кѣмъ она можетъ быть, какъ не духомъ? Король, изстрадавшійся и перерожденный страданіями, просыпаясь, чувствуетъ себя въ новомъ невѣдомомъ мірѣ,—и на вопросъ дочери, узнаетъ ли онъ ее,—отвѣчаетъ съ невыразимой лаской и дѣтскимъ недоумѣніемъ: *Voi siete uno spirito...* И врядъ ли другой самый нѣжный эпитетъ могъ бы звучать такой сердечностью и пугливой нерѣшительной любовью къ незнакомому, но таинственно-влекущему существу, какъ это—*uno spirito.*

Мы хотимъ возможно точнѣе передать наше впечатлѣніе, и каждое наше выраженіе разсчитано на то, чтобы схватить тотъ или другой оттѣнокъ въ игрѣ артиста. Но даже самая живописная и полная рѣчь осталась бы лишь общей безжизненной схемой сравнительно съ картиной, какую воспроизводилъ г. Росси на сценѣ. Моментъ, когда Лиръ узнаетъ, наконецъ, Корделію, и его первое движеніе—встать предъ ней на колѣни съ мольбой о прощеніи—одинъ изъ тѣхъ, когда, кажется, напрягаются всѣ нервы зрителя, и онъ воочію видитъ, что значитъ быть артистомъ-художникомъ *рядомъ* съ поэтомъ-психологомъ?

Сцена не продолжительна, но какая богатая и поучительная страница изъ великой драмы человѣческаго сердца заключена въ ней!

Отецъ тихо бесѣдуетъ съ дочерью, по временамъ между ними вспыхиваетъ нѣчто похожее на споръ: *Jo sono un povero vecchio... Sareste voi la mia figlia, Cordelia... Voi avete ragione di odiarmi...* Такъ говоритъ Лиръ, «новый человѣкъ», познавшій въ степи, при видѣ полунагого изгнанника, всю бѣдность человѣческой природы. Общее впечатлѣніе сцены въ высшей степени поэтическое и глубокое: вы чувствуете,—промчалась гроза, небо просвѣтлѣло и зажглось звѣздами, только изрѣдка налетаютъ откуда-то струи легкаго вѣтерка, будто забытыя улетѣвшей бурей. Намъ чудятся отголоски музыки, звучавшей въ началѣ сцены,—и заключительныя слова Лира: *Jo sono vecchio... la mia ragione ê smarrita*, «я старъ и поглупѣлъ», его послѣдняя просьба о прощеніи,—аккордъ повторяющій первоначальную и главную тему симфоніи.

Въ послѣднемъ актѣ роль Лира снова сокращена, т.-е. выпущено много стиховъ изъ его монологовъ, но это не мѣшаетъ сценѣ надъ трупомъ Корделіи достойно увѣнчивать всю трагедію. Правда, смерть является слишкомъ скоро, Лиръ едва успѣваетъ проговорить нѣсколько нѣжныхъ словъ

надъ дочерью, но артистъ влагаетъ въ нихъ столько нервнаго трепета, столько силы въ послѣдній разъ вспыхнувшаго и сейчасъ готоваго погаснуть чувства, столько, наконецъ, безысходнаго отчаянія, что каждое восклицаніе злополучнаго старца, кажется, взываетъ о смерти.

Мы подробно остановились на совершеннѣйшей роли г. Росси. Мы стремились передать, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе моменты исполненія, какъ они остались въ нашей памяти. Но даже если мы и достигли возможной точности и полноты въ этой передачѣ,—мы не могли перенести на эти страницы самого генія творчества и драматической силы, одушевлявшаго роль артиста съ перваго слова до послѣдняго.

Именно воспроизвести трагическую личность со всѣми ея тончайшими психологическими оттѣнками и въ то же время спасти божественное дыханіе поэзіи, не разрушить воздушной дымки поэтическаго вдохновенія, неизмѣнно окружающей у Шекспира всѣ созданія,—эта тайна всецѣло принадлежитъ г. Росси, а она—едва ли не самая драгоцѣнная и не самая рѣдкая тайна сценическаго искусства.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ роляхъ, исполненныхъ г. Росси въ Москвѣ. Этихъ ролей четыре, и двѣ въ особенности для насъ любопытны, потому что принадлежатъ русской литературѣ: Скупой рыцарь и Иванъ Грозный, другія двѣ Шейлокъ и Людовикъ XI. На первый же взглядъ изъ всѣхъ этихъ ролей составляются двѣ пары, каждая изъ паръ содержитъ анализъ приблизительно сходныхъ между собой характеровъ и страстей.

Такъ мы и расположимъ наши замѣчанія.

V.

Съ незапамятныхъ временъ скупость считается отвратительнѣйшимъ порокомъ. Въ жизни и въ искусствѣ она, въ чистомъ видѣ, не представляетъ ничего поучительнаго въ драматическомъ смыслѣ: просто уродство души, подлежащее вѣдѣнію психіатріи.

Подобный типъ скупца создалъ Мольеръ, въ психологическомъ отношеніи произведеніе крайне элементарное и даже наивное, весьма не далеко ушедшее отъ простого олицетворенія какого-либо отвлеченнаго понятія.

Пушкинъ, отлично понимавшій недостатки французскаго классицизма и мольеровской комедіи,—не могъ повторить совершенно нехудожественный пріемъ французскаго автора,—и Шекспиръ, конечно, еще менѣе могъ впасть въ ту же ошибку. Рыцарь Пушкина и Шейлокъ—личности сложныя и, такъ сказать, многостороннія, какъ сама жизнь. Въ этомъ ихъ интересъ для драмы и сцены.

Герой русскаго поэта — неизлѣчимый скряга, но онъ въ то же время рыцарь и большой философъ и психологъ въ самомъ серьезномъ значеніи слова. Онъ прекрасно знаетъ людей, житейскую суету, человѣческія страсти, чуть ли не для каждаго червонца у него своя исторія, для каждаго

лица — мѣткое опредѣленіе. Передъ нами большой умъ и вдумчивость настоящаго мудреца.

И эта мудрость, пріобрѣтенная годами, отнюдь не укротила благороднаго темперамента рыцаря, онъ такъ же готовъ при случаѣ прибѣгнуть къ помощи своего меча, какъ и глубокаго познанія жизни.

Наконецъ, рыцарь, какъ и надлежитъ воину «добраго стараго времени» — въ своемъ родѣ поэтъ, у него живое, даже цвѣтистое воображеніе, онъ безпрестанно и невольно рисуетъ картины, говоритъ фигурами. Вообще это недужное существо страннымъ образомъ сохранило въ себѣ много человѣческаго и даже привлекательнаго.

Г. Росси все это сумѣлъ понять, оцѣнить и найти въ фигурѣ рыцаря не мало поэзіи: это собственное признаніе артиста, вполнѣ вѣрное и превосходно оправданное на дѣлѣ.

Скупость можетъ превратить свою жертву въ жалкое, трусливое существо, отнять у человѣка нравственныя и умственныя силы. Ничего подобнаго не произошло съ рыцаремъ. Онъ входитъ на сцену, въ погребъ, со свѣчой въ рукѣ. Мы не видимъ ни рабской боязливости, ни даже старческой немощности. Рыцарь дѣйствительно пришелъ «на свиданіе» съ своимъ золотомъ и немедленно пустится въ лирическія мечтанія. Издали доносится бой часовъ: этого эффекта нѣтъ въ самой пьесѣ, но онъ помогаетъ артисту посвятить насъ въ самую сущность души своего героя.

Посмотрите, какъ рыцарь слушаетъ и считаетъ удары колокола! Приглядитесь къ этому лицу, исполненному предвкушеніемъ необычайнаго счастья, отвыкшему отъ всякихъ движеній сочувствія къ внѣшнему міру. Все, чѣмъ живетъ этотъ человѣкъ, сосредоточено здѣсь въ подвалѣ, и онъ внимаетъ внѣшнему шуму совершенно какъ поэтъ, погруженный въ неоконченную игру своей фантазіи, или отшельникъ, ежеминутно готовый впасть въ экстазъ молитвеннаго созерцанія.

Рыцарь даетъ замолкнуть звону, тихо и увѣренно доходитъ до середины подвала и окидываетъ его какимъ-то лукавымъ взоромъ, говорящимъ намъ о едва сдерживаемомъ затаенномъ счастьѣ.

Это дѣйствительно поэтическое явленіе, и мы даже готовы забыть, что всѣ эти ощущенія, вся эта тонкость игры вызваны ужаснымъ нравственнымъ недугомъ. Рыцарь начинаетъ говорить—и лицо его все больше свѣтлѣетъ и становится величественнымъ, когда предъ нимъ рисуется необъятная власть золота надъ родомъ человѣческимъ. Гордый тонъ переходитъ въ отеческую ласку, когда скупецъ опускаетъ въ сундукъ вновь пріобрѣтенныя монеты. Это лучшій моментъ въ исполненіи г. Росси. Рыцарь долго пересыпаетъ золото, онъ будто загипнотизированъ его блескомъ, его голосъ въ первый разъ начинаетъ дрожать и обнаруживать старческія полудѣтскія ноты, настоящее глубокое чувство нѣжности разслабляетъ этого сильнаго и окаменѣвшаго человѣка...

И онъ какъ бы внезапно вспоминаетъ, что есть средство доставить себѣ еще больше наслажденія, — и принимается зажигать свѣчи и от-

крываетъ всѣ сундуки. Его счастью нѣтъ предѣла,— но, какъ это часто бываетъ, въ минуту высшей радости на горизонтъ надвигается туча, изъ глубины души поднимается непрошенный вопросъ — и человѣкъ невольно мѣняется въ лицѣ и дрожитъ отъ страшной идеи.

«Но кто во слѣдъ за мной?...» — съ ужасомъ спрашиваетъ рыцарь у судьбы объ участи своего богатства. И съ какимъ искусствомъ артистъ умѣетъ перейти отъ чувства счастья къ совершенно противоположному настроенію,— голосъ, было ослабѣвшій и надорванный отъ полноты радостныхъ ощущеній, превратить въ жесткій и грозный. Вотъ онъ, во всей наготѣ, жестокій недугъ! Лицо рыцаря становится страшнымъ въ порывѣ гнѣва на наслѣдника-мота и желаніе даже изъ-за могилы сторожить сокровища вырывается изъ груди какимъ-то боевымъ стономъ.

Заключительная сцена — совершенство въ смыслѣ сценическаго искусства. Сколько соображеній и драматической силы потрачено всего на нѣсколько моментовъ, чтобъ изобразить кончину старика отъ нервнаго удара! Чтò у другихъ проходитъ незамѣтно, у г. Росси—цѣлый рядъ живыхъ образовъ и ни одно слово текста не пропадаетъ безъ яркаго отраженія въ художественной игрѣ.

Другой скупецъ—Шейлокъ—также личность сложная, только составъ ея не исключительно-личный и нравственный, а общественный и расовый. Любовь къ золоту живетъ у Шейлока рядомъ съ страстнымъ обожаніемъ своего народа, его преданій и съ безпощадной ненавистью къ христіанамъ. Это—герой узко-національной окраски и артистъ, раньше чѣмъ воспроизвести предъ нами извѣстную драму, долженъ воплотить въ себѣ строго опредѣленный типъ еврея: въ сущности, вѣдь, въ этомъ и заключается начало и ходъ всей драмы.

Г. Росси достигаетъ этой цѣли, — не гримомъ и, конечно, не акцентомъ, а всѣмъ существомъ своей натуры. Съ перваго же появленія Шейлока на сцену мы видимъ, какая пропасть лежитъ между имъ и остальными людьми, христіанами. Даже когда онъ говоритъ съ ними, въ размѣренномъ голосѣ, въ рѣдкихъ открытыхъ взглядахъ, въ пугливой манерѣ держать себя, мы чувствуемъ *l'homme dépaysé* на почвѣ Венеціи. Шейлокъ необычайно сдержанъ, патріархально солиденъ, даже величавъ, когда принимается вспоминать библейскія преданія, но бываютъ моменты—его обыкновенно полузакрытыя глаза вспыхиваютъ, скульптурно-сложенныя руки принимаются жестикулировать, слабыя ноги двигаться быстро, хотя и по-старчески «вразбродъ»: это—минуты открытой злобы, презрѣнія или торжества по адресу христіанъ.

И удивительнѣе всего въ данномъ случаѣ—выдержанность типа и роли. Даже споръ Шейлока со слугой, его ласковыя слова дочери, его крики отчаянія послѣ ея бѣгства, всюду Шейлокъ — еврей, загнанный судьбой въ лагерь враговъ, наученный опытомъ ежеминутно держать на-готовѣ всѣ средства защиты, а при случаѣ и нападенія, отталкивающій насъ въ сво-

емъ торжествѣ надъ побѣжденнымъ, безконечно жалкій и, въ то же время, страннымъ образомъ комическій въ порывахъ отчаяннаго горя.

Въ послѣднемъ актѣ эти впечатлѣнія идутъ рядомъ. Шейлокъ на судѣ ждетъ удовлетворенія своей мести. Онъ и здѣсь держитъ себя, будто рѣшительно ничего общаго у него нѣтъ съ окружающими, онъ даже почти не смотритъ на судей, для него достаточно статьи закона, а люди и ихъ мнѣнія для него совершенно безразличны. Онъ больше занятъ своимъ ножомъ и по временамъ вынимаетъ его изъ ноженъ и пробуетъ остріе. Наконецъ, онъ начинаетъ сгорать нетерпѣніемъ и едва отвѣчаетъ на убѣжденія свидѣтелей этой звѣрской сцены. Онъ, очевидно, видитъ предъ глазами только то мѣсто въ груди Антоніо,—именно мѣсто, а не самаго Антоніо,—въ которое онъ съ несказаннымъ блаженствомъ вонзитъ ножъ.

И вдругъ полное разочарованіе: онъ—Шейлокъ—оказывается кругомъ виноватъ! Это — первая минута столбняка, потомъ безумная, первая стремительность самому прочесть законъ, и окончательный упадокъ не по лѣтамъ напряженныхъ силъ. Окружающіе хотятъ поддержать Шейлока, но они—христіане, и въ немъ еще хватитъ силъ отстраниться отъ нихъ, какъ отъ заразы, и энергичными, хотя и невѣрными шагами пойти къ выходу безъ чужой помощи, съ жестами еще бо̀льшаго отчужденія отъ ненавистной среды, чѣмъ когда-либо.

Въ общемъ, Шейлокъ—одна изъ самыхъ яркихъ и драматическихъ ролей г. Росси.

Двѣ послѣднихъ роли — Ивана Грознаго и Людовика XI — еще тѣснѣе связаны другъ съ другомъ, чѣмъ Скупой рыцарь и Шейлокъ. Даже исторія неоднократно сопоставляла этихъ государей, а на сценѣ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ они должны сливаться. Оба—деспоты, безповоротно убѣжденные въ святости и законности своей власти, оба одарены страстными темпераментами и невозмутимымъ равнодушіемъ къ судьбѣ отдѣльныхъ личностей, своихъ враговъ и жертвъ.

У Ивана Грознаго оригинальная черта—личная ненависть противъ бояръ, оскорблявшихъ его въ дѣтствѣ, и эта черта неизбѣжно принижаетъ его положеніе властителя, защитника извѣстнаго принципа. Въ царѣ сказывается нѣчто мелкое, нервно-злобное, онъ подверженъ вспышкамъ жестокости по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ его фигурѣ и душѣ мало царственности, и это впечатлѣніе усиливается еще безпрестанными припадками малодушія и покаянія.

Г. Росси понялъ эти основныя черты Ивана Грознаго въ хроникѣ гр. Толстого и старался освѣтить ихъ особенно ярко въ своемъ исполненіи. Мы видѣли совершенно пугливый трепетъ царя предъ грозящею небесною карой за его преступленія, видѣли злорадостные взгляды и слышали торжествующій ненавистническій, именно *мелкій* смѣхъ надъ униженнымъ противникомъ. Прекрасна была сцена, когда Грозный въ упоеніи показываетъ Ѳедору на поверженныхъ въ прахъ бояръ: это—счастье не государя, а именно человѣка, за личный счетъ ведущаго борьбу.

Но итальянскому артисту не удалось рядомъ съ этими, такъ сказать, *вульгарными* чертами драматической личности воплотить ея *натуру*. А она была у Ивана Грознаго въ дѣйствительности и осталась въ пьесѣ. Царю, твердо убѣжденному въ существованіи кругомъ него безчисленныхъ враговъ, требовалось не мало энергіи и даже рѣшимости такъ безпощадно мстить и наказывать за небывалыя обиды и преступленія. Мотивы энергіи весьма часто узко-эгоистичны и мелочны, но это не мѣшаетъ личности царя производить впечатлѣніе цѣльное и подчасъ сильное. Въ особенности это впечатлѣніе становится яркимъ и даже величавымъ, когда вопросъ идетъ объ иноземныхъ врагахъ. Въ эти минуты у Ивана поднимается весь инстинктъ неограниченнаго властителя и русскаго царя, и его рѣчи, по крайней мѣрѣ въ драмѣ, исполнены неподдѣльной мощи. У артиста онѣ казались блѣдными и слишкомъ оффиціальными. А между тѣмъ гр. Толстой именно съ особенною рѣзкостью подчеркнулъ національную царскую гордость Ивана.

Можетъ быть, артисту-итальянцу трудно было уловить эту существенную особенность русскаго драматическаго характера.

Прошла для него безслѣдно и другая, не менѣе типичная.

Иванъ, при всѣхъ своихъ нравственныхъ недугахъ и, несомнѣнно, въ сильнѣйшей степени ненормальномъ жестокомъ самовластіи,—русскій своего вѣка по складу мысли, по привычкамъ и внѣшнимъ манерамъ. И едва ли не высшее достоинство хроники гр. Толстого — языкъ рѣчей Ивана, часто грубый, но всегда естественный, нерѣдко ὸбразный и глубоко-національный. Въ этомъ отношеніи любопытна сцена царя съ царицей: отъ нея вѣетъ чисто-домостроевскимъ духомъ... И вотъ эти *московскія* черты Ивана также пропали въ исполненіи г. Росси.

Въ общемъ остался международный типъ, — правда, съ прекраснымъ историческимъ гримомъ, — типъ мелкаго, даже трусливаго деспота, надменнаго въ счастьѣ и малодушнаго при малѣйшей неудачѣ. Артистъ, очевидно, потратилъ не мало труда на изученіе роли, и это дѣлаетъ ему честь и даетъ право на признательность русской публики, но все-таки предъ нами былъ, если такъ можно выразиться, *свободный итальянскій переводъ* русскаго произведенія, а не подлинный его текстъ, было то, что̀ вообще происходитъ съ характерно-національными русскими произведеніями на иностранныхъ языкахъ, при всемъ усердіи переводчиковъ. Это до сихъ поръ своего рода фатумъ, и артистъ здѣсь скорѣе жертва, чѣмъ виновникъ.

Съ ролью Людовика XI не могло произойти ничего подобнаго. Г. Росси, по его словамъ, изучалъ этотъ характеръ по сочиненіямъ Канту и Вальтеръ-Скотта и, конечно, извлекъ изъ драмы малѣйшій штрихъ для обрисовки сценическаго образа. Прежде всего изумителенъ реализмъ, съ какимъ артистъ воспроизводитъ болѣзнь короля—«прогрессивный параличъ»; вѣроятно, и спеціалисты не пожелали бы лучшей классической иллюстраціи. Потомъ жажда короля пользоваться жизнью во что бы то ни стало доль-

ше,—жажда, превратившаяся въ мучительную idée fixe, его горькое негодованіе на свои немощи при видѣ сильной и веселой молодости другихъ, мимолетная вспышка угасшаго съ лѣтами, но когда-то, очевидно, непреодолимаго сладострастія,—все это отдѣлано съ любовью и тщательностью истиннаго артиста.

И, что особенно замѣчательно, исполнитель сумѣлъ выдвинуть на первый планъ дѣйствительно интереснѣйшую черту въ характерѣ Людовика XI, по крайней мѣрѣ въ пьесѣ Делавиня: патріархальность самой личности и власти короля. Людовикъ ежеминутно помнитъ о своей божественной роли, даже къ Богу обращаетъ такую молитву:

Que votre volonté soit faite
Et la mienne aussi,—

И въ то же время, онъ такъ просто и *непосредственно* осуществляетъ эту власть, такъ *по-отечески* отдаетъ жесточайшія распоряженія, такъ *буржуазно* ссорится съ окружающими и любезничаетъ съ дѣвушками изъ народа, и такъ *не по-царски,* отчасти даже забавно, спѣшитъ сѣсть на свой престолъ во время переговоровъ съ посломъ врага. Очевидно, это деспотъ вполнѣ «натуральный», безъ всякихъ ухищреній закона и права, деспотъ скорѣе въ семьѣ, хотя она — цѣлый народъ, чѣмъ въ государствѣ.

Отсюда наивная и, въ то же время, принципіальная набожность, заставляющая короля прерывать и шептать молитву при звукахъ *Angelus*, отсюда блестящая, въ отношеніи внѣшняго искусства исполнителя, сцена съ Немуромъ: такъ испугаться неожиданнаго врага, такъ броситься ницъ передъ его оружіемъ и такъ застонать, могъ только разбитый физически и нравственно простой старикъ и преступникъ, но отнюдь не король въ истинномъ смыслѣ слова.

Мы желали во всѣхъ роляхъ г. Росси, сыгранныхъ въ Москвѣ, отмѣтить наиболѣе яркія сцены и въ особенности передать руководящія идеи каждой роли, какъ онѣ представляются артисту. Мы это дѣлали въ твердой увѣренности, что трудъ и художественное толкованіе драматическихъ произведеній у такого артиста имѣютъ право стоять рядомъ съ критическою и психологическою работой лучшихъ литературныхъ критиковъ. Къ сожалѣнію, сценическое толкованіе далеко не такъ легко воспроизвести словомъ,—всегда останется много недосказаннаго, а, можетъ быть, даже и не замѣченнаго. Мы готовы признать и тотъ и другой пробѣлъ, и имѣемъ право въ еще большей степени, чѣмъ г. Росси, примѣнить къ себѣ его слова по поводу исполненія и критическаго разбора роли Гамлета. Отказываясь дать точный отчетъ въ томъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ воспроизводить на сценѣ эту роль, артистъ пишетъ *):

*) *Studii drammatici*, 313.

«Актеръ гораздо лучше можетъ сдѣлать, чѣмъ разсказать то, что онъ дѣлаетъ. Развѣ онъ можетъ нарисовать, вообще воспроизвести свой жестъ, свой взглядъ, всѣ движенія своего тѣла, одушевленныя однимъ планомъ и одною идеей? А эта волна, которая захватываетъ исполнителя вмѣстѣ съ зрителями,—можетъ ли онъ понять ее? И еслибы могъ понять, сумѣетъ ли онъ объяснить ее? Я, по крайней мѣрѣ, чувствую себя неспособнымъ на это»...

Ив. Ивановъ.

Очерки провинціальной жизни.

Неисчислимое количество вздорныхъ мыслей выбалтывается нашей реакціонною печатью. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ утвержденіе,—утвержденіе, вызывающее у однихъ брезгливое изумленіе, у другихъ смѣхъ,—будто одно изъ золъ Россіи заключается въ слишкомъ большомъ количествѣ въ ней образованныхъ людей. Разумѣется, реакціонная печать не останавливается на одномъ такомъ утвержденіи; вслѣдъ за нимъ она предлагаетъ и мѣры для уменьшенія такого зла, причемъ излюбленною мѣрой является увеличеніе платы за слушаніе лекцій, т.-е. за право ученія. Провинціальная пресса, отлично знающая огромную нужду провинціи въ образованныхъ людяхъ, также нерѣдко останавливается на темѣ о «перепроизводствѣ интеллигенціи», и останавливается на ней для того, чтобы дать этому предмету вѣрное освѣщеніе. Вопросъ о перепроизводствѣ интеллигенціи,—говоритъ въ послѣдней почтѣ *Сибирскій Вѣстникъ*,—можетъ быть рѣшенъ двумя путями. Можно сосчитать всѣхъ окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и занимающихся въ столицахъ и другихъ людныхъ центрахъ перепиской, корректурою, грошовыми уроками и т. д., тогда получится одно рѣшеніе; можно употребить и другой способъ—сосчитать всѣ мѣста и должности, на которыхъ желательно было бы видѣть лицъ съ высшимъ образованіемъ и на которыхъ мы не видимъ людей даже съ среднимъ образованіемъ,—тогда получится другое, діаметрально-противоположное и, несомнѣнно, болѣе вѣрное рѣшеніе. Положеніе это хорошо иллюстрируется слѣдующимъ фактомъ. При учрежденіи въ Европейской Россіи щедро оплачиваемыхъ должностей участковыхъ земскихъ начальниковъ первоначально предполагалось установить для нихъ извѣстный образовательный цензъ, но отъ этой мысли пришлось отказаться, такъ какъ даже среди дворянства, этого первенствующаго сословія въ государствѣ, на образованіе котораго въ теченіе цѣлыхъ столѣтій исключительно направлялись всѣ усилія правительства,—не нашлось необходимаго количества людей, удовлетворяющихъ условіямъ невысокаго образовательнаго ценза.

Такую же скудость образованныхъ людей представляютъ всѣ поприща

административной дѣятельности. Мы имѣли уже случай цитировать «Памятную книжку» для Могилевской губерніи, гдѣ приведены данныя объ образовательномъ цензѣ служащихъ въ различныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ. Оказалось, что изъ служащихъ въ администраціи 93% не получили даже средняго образованія. Даже такія отвѣтственныя должности, какъ исправникъ, не возвышаются надъ общимъ уровнемъ. Изъ всѣхъ исправниковъ Могилевской губерніи только 5% получили среднее образованіе и 27% окончили уѣздное училище. Недавно вятскій корреспондентъ *Новаго Времени* сообщилъ въ газету объ «интеллектуальномъ уровнѣ» мѣстныхъ служащихъ по административному вѣдомству. Оказывается, что въ канцеляріи губернатора нѣтъ ни одного лица съ высшимъ образованіемъ, въ губернскомъ правленіи—одно; всѣ остальныя или недоучились въ мѣстной семинаріи, или просто «домашняго воспитанія». Изъ числа одиннадцати предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ (должность V класса)—двое университетскихъ, двое бывшихъ лѣсничихъ, пять человѣкъ съ образованіемъ семинарскимъ или гимназическимъ (не всѣ даже кончили курсъ) и двое съ низшимъ образованіемъ—оба бывшіе полицейскіе чиновники. 70% земскихъ начальниковъ не получили высшаго образованія, а 25% не имѣютъ и средняго; есть земскіе начальники безъ всякаго учебнаго диплома. Непремѣнный членъ губернскаго присутствія окончилъ курсъ уѣзднаго училища, бывшій вице-губернаторъ Д.—тоже. О полицейскихъ чиновникахъ нечего и говорить: среди нихъ на всю губернію насчитывается трое съ образованіемъ среднимъ (гимназія или семинарія), остальные не получили никакого образованія, а есть много лицъ просто выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ—урядниковъ, почтальоновъ и т. п. Вотъ и извольте,—говоритъ газета,—управлять губерніей съ такимъ административнымъ составомъ!

Было бы слишкомъ долго дожидаться того времени, когда значительная часть состава мѣстной администраціи представила бы собой людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. На-лицо имѣется другое и весьма дѣйствительное средство для улучшенія хода дѣлъ мѣстнаго управленія. Заключается оно въ введеніи безсословнаго сельскаго управленія, поставленнаго, при этомъ, въ тѣсную связь съ земскими учрежденіями. На важность такой реформы давно указываютъ и земскія собранія, и печать. Этотъ же вопросъ былъ поставленъ и обсуждался на недавнемъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ. Докладчикомъ выступилъ предсѣдатель черниговской губернской земской управы г. Хижняковъ. Указавъ на недостатки и нужды мѣстнаго управленія, докладчикъ привелъ, затѣмъ, общія основанія, по которымъ должны быть преобразованы сельское и волостное управленія. Какъ сельское, такъ и волостное управленіе проектированы г. Хижняковымъ на всесословномъ началѣ, но при этомъ указано, что сельскіе сходы должны оставаться въ прежнемъ видѣ и рѣшать самостоятельно по вопросамъ о передѣлѣ земель, распредѣленіи участковъ, устройствѣ выгоновъ, пастьбѣ скота. Въ составъ сельскаго всесословнаго схода могутъ входить и жен-

щины—или какъ домохозяйки, или какъ замѣняющія домохозяевъ. Къ предметамъ вѣдѣнія всесословнаго сельскаго схода должны относиться исчисленіе и расходованіе мірскихъ сборовъ, выборы и удаленіе старостъ, заботы объ общественномъ призрѣніи, школахъ и т. п. Исполнителемъ рѣшеній схода и распоряженій земства является староста. Волостной всесословный сходъ избираетъ земскихъ гласныхъ и имѣетъ общее наблюденіе за всѣми учрежденіями волости, библіотеками, больницами, сельско-хозяйственными складами и проч. Исполнительнымъ органомъ его является волостная управа, которая находится въ такихъ же отношеніяхъ къ волостному сходу, какъ земская управа къ земскому собранію. Всѣ должностныя лица сельскаго и волостного управленія и всѣ члены сельскихъ и волостныхъ сходовъ должны быть изъяты отъ всякихъ административныхъ взысканій. Указавъ затѣмъ на необходимость радикальнаго преобразованія волостного суда, докладчикъ высказалъ, что какъ въ сельскомъ, такъ и волостномъ управленіи всѣ сословія должны быть включены въ число плательщиковъ на общественныя нужды, что и сельское общество, и волость должны находиться въ непосредственной тѣсной связи съ земствомъ, что эти преобразованныя мелкія земскія безсословныя учрежденія могутъ совершенно измѣнить сельскую жизнь и дать ей самое благотворное направленіе. Въ заключеніе г. Хижняковъ предложилъ ходатайствовать черезъ съѣздъ передъ высшимъ правительствомъ о преобразованіи волостного и сельскаго управленія на указанныхъ началахъ. Предложеніе г. Хижнякова встрѣтило на съѣздѣ большое сочувствіе, вызвало оживленныя пренія и въ главныхъ основаніяхъ было принято большинствомъ голосовъ.

И дѣйствительно, нынѣшнее сельское управленіе представляетъ полную неурядицу и карикатуру на дарованное народу Положеніемъ 19 февраля самоуправленіе. Выборныя сельскія должностныя лица, вмѣсто того, чтобы быть защитниками интересовъ сельскихъ обществъ, являются покорными исполнителями всякихъ распоряженій уѣздной полиціи и земскихъ начальниковъ. Зависимость ихъ отъ мѣстной администраціи такъ велика, что они почти не въ состояніи воспротивиться даже явно незаконнымъ ея порученіямъ.

Не явное ли беззаконіе, напримѣръ, приказывать сельскимъ сходамъ составлять такіе приговоры, какіе желательны земскимъ начальникамъ? Не представляютъ ли такія приказанія открытое издѣвательство надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ? А между тѣмъ составленіе и подписаніе приговора по приказу земскаго начальника стало почти обычнымъ явленіемъ. Пользуясь своей дискреціонною властью надъ сельскимъ населеніемъ, земскіе начальники начинаютъ уже приговаривать къ ссылкѣ. Такъ, недавно, при разборѣ одного дѣла въ рязанскомъ окружномъ судѣ, обнаружилось, что крестьянка И. приговорена къ ссылкѣ своимъ сельскимъ обществомъ. На вопросъ, обращенный къ сельскому старостѣ, *за что* собственно послѣдовалъ такой приговоръ, староста весьма просто объяснилъ, что за И. «особеннаго ничего не слыхать», а приговоръ составилъ земскій началь-

никъ и приказалъ сходу подписать. «Это точно, что я собиралъ, потому, какъ значитъ, я сельскій староста. Ну, собралъ, значитъ, народъ, а господинъ земскій начальникъ намъ прочиталъ приговоръ и велѣлъ подписать. Только всего и было. А насчетъ того, чтобъ обсуждать самимъ, значитъ, рѣшать, этого ни-ни. Мы только рукоприкладствовали». Характерная, не правда ли, картинка крестьянскаго самоуправленія! Законъ надѣлилъ сельскія общины извѣстными правами, а гг. земскіе начальники превращаютъ эти права въ ничто или пользуются формальною стороной этихъ правъ для того, чтобы присвоить себѣ право ссылки непріятныхъ имъ лицъ. Они составляютъ приговоры, а населеніе только рукоприкладствуетъ. Какова должна быть порабощенность народа, чувство своей беззащитности, чтобы дойти до такой покорности произволу мѣстнаго начальства.

Какъ понимаетъ иногда мѣстная администрація, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, свои служебныя обязанности, краснорѣчивые этому факты нашли мы въ *Самарской Газетѣ*. Здѣсь приведены выдержки изъ доклада нижегородской земской коммиссіи, ревизовавшей отчетъ по продовольственнымъ операціямъ за неурожайный годъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: земскій начальникъ 3 участка Арзамасскаго уѣзда израсходовалъ около 32,500 руб. на покупку и перевозку хлѣба; въ качествѣ оправдательныхъ документовъ имъ представлены лишь двѣ тетради, записи въ которыхъ ведены частью чернилами, частью карандашомъ, цифры и текстъ записей «переправлены». Съ такими документами пришлось имѣть дѣло коммиссіи, и это на десятки тысячъ рублей. Въ отчетѣ по 4 участку того же уѣзда на приходѣ записано 15,000 руб., полученныхъ за «провозъ хлѣба»; но почемъ взималось за провозъ, какъ получилась такая круглая цифра, провозъ какого количества хлѣба былъ оплаченъ,—всего этого въ отчетѣ нѣтъ. Для характеристики отношенія земскихъ начальниковъ къ вопросу объ отчетности ревизіонная коммиссія приводитъ въ своемъ докладѣ весьма характерный отвѣтъ одного земскаго начальника. Нижегородская губернская управа нѣсколько разъ обращалась къ земскому начальнику 4 участка Арзамасскаго уѣзда съ просьбой прислать оправдательные документы на нѣсколько тысячъ рублей, истраченныхъ на продовольственное дѣло. Земскій начальникъ документовъ не присылалъ, въ виду чего управа обратилась къ нему съ просьбой выслать документы хоть къ земскому собранію 1895 г. На эту бумагу 15 января 1895 г., за № 16, былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «На отношеніе управы имѣю честь сообщить, что дѣйствительно мною производились закупки хлѣба у гг. помѣщиковъ и на базарахъ въ 1891—92 годахъ, но такъ какъ закупки эти производились явно и вся работа того времени была основана на взаимномъ довѣріи, то никакихъ расписокъ, могущихъ имѣть оффиціальный характеръ, я не имѣю». Далѣе земскій начальникъ пишетъ, что «хотя и могъ бы достать расписки отъ нѣкоторыхъ продавцовъ хлѣба, помѣщиковъ, но обращаться къ нимъ и краснѣть за то недовѣріе, съ какимъ относятся ко мнѣ, я отказываюсь». Итакъ, представленіе оправдательныхъ документовъ

принципіально признается унизительнымъ! Интересно также «дѣло объ истребованіи отъ земскаго начальника А. А. Пушкина 8,500 руб., выданныхъ ему авансомъ на продовольственныя нужды. Деньги эти, 8,500 руб., сказано въ докладѣ, съ устраненіемъ Пушкина отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ іюнѣ 1892 г. должны были быть сданы въ управу. Между тѣмъ денегъ не поступало, а потому управа обратилась къ г. Пушкину съ просьбой дать отчетъ и возвратить деньги. Въ отвѣтъ на это требованіе г. Пушкинъ внесъ въ лукояновскую земскую управу 5,500 руб.; но такъ какъ за г. Пушкинымъ еще оставалось 3,000 руб., то предсѣдатель нижегородской губернской управы опять оффиціально просилъ дать отчетъ въ этихъ деньгахъ. Въ отвѣтъ на это письмо г. Пушкинъ лишь спустя полгода послѣ оставленія имъ должности прислалъ въ губернскую управу 3,000 р. Далѣе въ отчетѣ по продовольственному дѣлу Арзамасскаго уѣзда записано: «сносится въ расходъ *недочетъ*, оказавшійся по смерти земскаго начальника Алексѣева 640 р. 37 к.» Губернская управа постановила вопросъ: кѣмъ должна быть пополнена эта растрата въ 640 р. 37 к. На этотъ вопросъ арзамасская уѣздная управа отвѣтила, что «*недочетъ* въ 640 р. 37 к., оказавшійся послѣ смерти земскаго начальника Алексѣева, покрытъ губернаторомъ изъ благотворительныхъ (!) суммъ.

А вотъ еще весьма характерный фактъ изъ эпопеи сельской административной неурядицы, сообщенный изъ села Бурлукъ, Камышинскаго уѣзда. Передъ Рождествомъ въ Бурлукѣ,—пишетъ корреспондентъ *Новаго Времени*,—происходила упорная борьба крестьянскаго общества съ мѣстными властями по поводу дѣлежа и рубки общественнаго лѣса. Пахатной земли у бурлукскихъ крестьянъ мало и единственнымъ подспорьемъ для нихъ является лѣсъ: почти все село занимается выдѣлкой саней на продажу; кромѣ того, продаютъ дрова, жгутъ угли. Поэтому своевременная ежегодная вырубка лѣсного участка является для нихъ дѣломъ большой важности. Между тѣмъ въ нынѣшнемъ году лѣсъ начали рубить только передъ Рождествомъ, да и то не кончили. Слѣдовательно, крестьяне половину зимы сидѣли безъ работы и многіе изъ нихъ мерзли безъ дровъ. Произошло это потому, что мѣстный земскій начальникъ г. Жеденовъ не позволялъ крестьянамъ рубить лѣсъ. Общество еще въ сентябрѣ составило приговоръ о вырубкѣ одного лѣсного участка. Послали приговоръ земскому начальнику, который въ своемъ позволеніи крестьянамъ срубить участокъ ихъ собственнаго лѣса отказалъ; послали во второй разъ—отказалъ снова. Тогда крестьяне послали уполномоченнаго отъ общества въ Саратовъ, въ лѣсоохранительный комитетъ, который и разрѣшилъ обществу приступить сейчасъ же къ дѣлежкѣ и рубкѣ одного лѣсного участка и выдалъ справку о томъ, что сельскому бурлукскому обществу было дано разрѣшеніе лѣсоохранительнаго комитета вырубать ежегодно по одному участку въ 31—45 десятинъ общественнаго лѣса въ теченіе десяти лѣтъ. При этомъ комитетъ отобралъ отъ уполномоченнаго подписку въ томъ, что дѣйствительно земскій начальникъ не позволяетъ обществу села Бурлука

раздѣлить и вырубить участокъ общественнаго лѣса. Сильно радовались крестьяне, получивъ извѣстіе о разрѣшеніи комитета рубить лѣсъ, думая, что теперь уже никакихъ препятствій къ вырубкѣ участка не будетъ. Однако они горько ошиблись. Черезъ день или два по возвращеніи изъ Саратова уполномоченнаго собрался сельскій сходъ, на которомъ общество стало требовать отъ старосты согласія на вырубку лѣсного участка, причемъ была прочитана справка лѣсоохранительнаго комитета. Тогда писарь заявилъ, что это разрѣшеніе комитета лежитъ уже два года въ сельскомъ правленіи, но что его недостаточно, а надо еще получить разрѣшеніе земскаго начальника на вырубку лѣсного участка. Староста предложилъ сходу подписать приговоръ такого содержанія: «Мы всѣ единогласно постановили на сельскомъ сходѣ вырубить участокъ № 3-й нашего общественнаго лѣса, о разрѣшеніи чего и ходатайствуемъ передъ г-мъ земскимъ начальникомъ». Крестьяне при послѣднихъ словахъ закричали, что они подписывать и посылать это ходатайство земскому начальнику не станутъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они уже два раза посылали точно такой же приговоръ земскому начальнику на утвержденіе, въ которомъ онъ имъ оба раза отказалъ, и просить теперь его еще въ третій разъ не зачѣмъ. Пришелъ старшина и также долго уговаривалъ сходъ подписать приговоръ, но безъ успѣха. На другой день общество начало дѣлить между собою лѣсной участокъ. Въ тотъ же день вечеромъ старшина арестовалъ уполномоченнаго, ходившаго въ Саратовъ, и человѣкъ 15 «стариковъ». Пріѣхалъ урядникъ, началъ допрашивать крестьянъ и поставилъ на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ въ лѣсъ, караульныхъ съ приказаніемъ никого не пропускать. Тогда крестьяне, видя, что ихъ дѣло плохо и лѣса имъ не даютъ, послали отъ всего общества сообщеніе о случившемся въ лѣсоохранительный комитетъ и телеграмму губернатору слѣдующаго содержанія: «Ваше превосходительство! Дважды посылали къ Жеденову прошеніе рубить участокъ общественнаго лѣса, дважды отказалъ; послали уполномоченныхъ въ лѣсоохранительный комитетъ, который, разрѣшилъ рубить безъ позволенія Жеденова. Старшина запрещаетъ, вопреки разрѣшенію комитета, арестовалъ безвинно стариковъ, призвалъ полицію. Замерзаемъ безъ топлива. Просимъ вашего заступничества, разбора дѣла, освобожденія стариковъ. Жеденовъ довелъ насъ до крайности. Жеденова уже около мѣсяца нѣтъ дома». Черезъ день получился отвѣтъ: «Согласно распоряженію лѣсоохранительнаго комитета имѣете право рубить 31 десятину. Губернаторъ князь Мещерскій». Чего бы, кажется, еще надо, если самъ губернаторъ позволяетъ рубить лѣсъ? Однако старшина этимъ не удовлетворился и заявилъ, что «этого недостаточно, потому что кто же можетъ разрѣшить рубить лѣсъ помимо земскаго начальника?!» Конечно, старшину уже никто не слушалъ и лѣсъ стали рубить безъ стѣсненія. На другой день послѣ полученія отвѣта губернатора пріѣхалъ приставъ. Казалось бы, ему ужъ нечего было дѣлать, но онъ все-таки счелъ нужнымъ допросить стариковъ, по какому праву

они рубятъ лѣсъ. Тѣ, конечно, ссылались на разрѣшеніе комитета и отвѣтъ губернатора на телеграмму. Записавъ показанія, приставъ уѣхалъ.

Вдумываясь въ неурядицу, происходящую въ сельскомъ управленіи, приходишь къ убѣжденію, что только введеніе всесословнаго начала въ сельское управленіе можетъ сдѣлать законъ о крестьянскомъ самоуправленіи дѣйствительнымъ закономъ, а не одною лишь фикціей. Угнетенное состояніе сельскаго и волостного управленія есть результатъ устраненія отъ него образованнаго слоя мѣстнаго населенія:—помѣщиковъ, священниковъ, врачей, учителей и многихъ другихъ лицъ. При участіи этихъ элементовъ въ сельскомъ управленіи мѣстная администрація поневолѣ станетъ осмотрительнѣе въ своихъ поступкахъ, а произвольныя ея дѣйствія встрѣтятъ не только отпоръ, но легко могутъ повести и къ отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе всѣхъ группъ населенія, всѣхъ сословій даетъ вполнѣ годную для самоуправленія единицу, которой будетъ болѣе по силамъ веденіе мѣстныхъ дѣлъ и во главѣ которой будутъ стоять болѣе достойные люди, чѣмъ при настоящемъ состояніи крестьянскаго самоуправленія. И теперь живущая въ провинціи интеллигенція нерѣдко желаетъ быть полезной крестьянскому міру и совѣтомъ и заступничествомъ, но въ этихъ своихъ стремленіяхъ она постоянно наталкивается на административныя и бытовыя затрудненія. Совершенно другая будетъ ея роль, когда она сдѣлается составною частью мѣстнаго управленія, и ея дѣятельность получитъ юридическое основаніе. Побольше довѣрія къ общественнымъ силамъ, побольше простора общественной самодѣятельности—и народная жизнь станетъ проявляться въ болѣе разнообразныхъ формахъ и съ болѣе возвышеннымъ содержаніемъ.

Какъ мало у насъ еще простора общественной самодѣятельности, какъ живучи у насъ еще законы канувшаго на Западѣ въ Лету забвенія Polizei Staat, парализовавшаго общественныя силы, характернымъ образчикомъ можетъ служить недавно разбиравшееся въ петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло супруговъ Штальбергъ. Они были привлечены къ уголовному преслѣдованію за то, что открыли въ собственномъ домѣ, безъ надлежащаго разрѣшенія, пріютъ для бѣдныхъ, брошенныхъ на улицѣ дѣтей. Этихъ брошенныхъ дѣтей гг. Штальбергъ не только пріютили, но и обучали грамотѣ, ариѳметикѣ и пѣнію. И вотъ оказывается, что сострадать дѣтямъ, дать имъ пріютъ и учить ихъ грамотѣ «безъ надлежащаго разрѣшенія» составляетъ преступленіе. *Биржевыя Вѣдомости*, сообщая этотъ фактъ, ставятъ, между прочимъ, вопросъ: откуда же явились такіе законы? Создало эти законы,—отвѣчаютъ они,—недовѣріе къ людямъ, къ ихъ добрымъ намѣреніямъ и поступкамъ. Въ составѣ этихъ мѣръ лежитъ предположеніе, что ничего добраго, полезнаго, согласнаго съ интересами государства и общества нельзя совершить иначе, какъ при посредствѣ канцелярій и чиновниковъ. Отсюда общее правило, что всякіе поступки и дѣйствія, выходящіе изъ тѣснаго круга семьи и частнаго хозяйства, запрещены, и на каждый шагъ (хотя бы самый полезнѣйшій) требуется особое предвари-

тельное разрѣшеніе начальства. Между тѣмъ это «надлежащее разрѣшеніе» обставлено такими формальностями, такою медленностью, требуетъ столько переписки, разныхъ «свѣдѣній и заключеній», что многіе предпочитають лучше ничего не дѣлать, нежели пускаться въ безконечныя хлопоты по ихъ испрошенію. Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ получается чрезвычайная коллизія между законностью и нравственностью.

Правда, Polizei Staat силою вещей начинаетъ умаляться и у насъ. Земскія учрежденія, городское самоуправленіе, судъ присяжныхъ, обсужденіе печатью государственныхъ дѣлъ суть отрицанія «Полицейскаго государства». И какъ недурно начинаетъ то тамъ, то сямъ устраиваться общество при новыхъ порядкахъ. Вотъ, напримѣръ, интересное письмо изъ Мологи въ *Недѣлю*, озаглавленное «Культурный городокъ». Хотя и медленно проникаетъ въ нашу глушь европейская культура,—говоритъ авторъ письма,—но все-таки проникаетъ, и процессъ этотъ идетъ неудержимо и безповоротно. Насколько ушли впередъ нѣкоторые уѣздные города, можете судить по нашей Мологѣ,—кажется, достаточно захолустномъ городишкѣ. Съ внѣшней стороны городокъ ничѣмъ не отличается отъ маленькихъ уѣздныхъ городовъ: въ немъ нѣсколько каменныхъ домовъ въ центрѣ, коегдѣ садики, на базарной площади довольно красивый соборъ. Но при этой скромной наружности у насъ уже народился цѣлый рядъ учрежденій, какія не всегда найдете и въ столицахъ. Напримѣръ, назову подосеновскую гимнастическую школу. Раньше Петербурга и Москвы у насъ обезпечено физическое воспитаніе мѣстнаго юношества по примѣру западныхъ странъ. Гимнастическая школа представляетъ большой залъ въ русскомъ стилѣ. Вдоль стѣны разныя гимнастическія приспособленія. Каждый ученикъ городскаго училища обязательно участвуетъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Лѣтомъ устраиваются иногда прогулки и катанье на лодкахъ, принадлежащихъ школѣ. Имѣется, кромѣ того, классъ столярнаго ремесла. Вокругъ школы разбитъ скверъ. Устроилъ школу покойный городской голова, купецъ Подосеновъ, по совѣту еще здравствующаго доктора Рудина. Стоила школа около 25 тысячъ, да въ духовной своей жертвователь отказалъ городу винокуренный заводъ съ условіемъ, чтобы доходы съ него шли на поддержку гимнастической школы. Нѣкоторый доходъ получается также за отдачу помѣщенія для спектаклей, маскарадовъ, танцовальныхъ вечеровъ и т. д. Зимой часть сквера превращается въ катокъ; ученики не только катаются, но и коньки получаютъ безплатно, взрослые же платятъ. Училищъ въ Мологѣ четыре (населеніе города около 3,500 человѣкъ); нуждающимся ученикамъ безплатно выдаются учебныя пособія, и отказа въ пріемѣ, какъ это бываетъ въ столицахъ, у насъ не случается. Существуетъ публичная библіотека, выписывающая почти всѣ толстые журналы и съ десятокъ газетъ и иллюстрацій. Городъ на свой счетъ содержитъ: амбулаторную лѣчебницу, врача, фельдшерицу-акушерку, двухъ сидѣлокъ для ухода за больными на дому. Бѣднымъ лѣкарства отпускаются безплатно. При лѣчебницѣ имѣется складъ книгъ по популярной гигіенѣ, которыми

можетъ пользоваться безплатно каждый желающій. Устроена дезинфекціонная камера для обеззараженія вещей, а квартиры, гдѣ были заразные больные, уже обязательно дезинфецируются. На врачебную часть городъ тратитъ отъ шести до восьми процентовъ своего бюджета, да, кромѣ того, онъ участвуетъ еще, какъ крупный земскій плательщикъ, въ содержаніи земской больницы, находящейся въ городѣ. Существуетъ въ Мологѣ еще оригинальная частная глазная лѣчебница вышеназваннаго доктора Рудина. Пріобрѣлъ онъ небольшой домикъ и сумѣлъ заинтересовать нѣкоторыхъ знакомыхъ, получилъ отъ нихъ средства и устроилъ интернатъ для глазныхъ больныхъ на десять кроватей. Совѣтовъ онъ даетъ около 6,500 въ годъ; платы беретъ за помѣщеніе, лѣкарства и прислугу по 25 копѣекъ въ недѣлю,—кажется, недорого для частной лѣчебницы. Продовольствіе у больныхъ при этомъ, конечное, свое. Недурно поставленъ у насъ и нищенскій вопросъ. Нищаго у насъ рѣдко встрѣтишь. Городъ разбитъ на участки, въ каждомъ изъ нихъ имѣется по попечителю, которые знакомятся съ нуждами бѣдныхъ и оказываютъ изъ попечительскихъ суммъ посильную помощь. Имѣется у насъ еще столовая для бѣдныхъ, дѣйствующая круглый годъ, и милостыню у насъ предпочитаютъ давать не деньгами, а марками, дающими право на сытный и здоровый обѣдъ въ столовой. Для убогой старости существуютъ двѣ богадѣльни, для сиротъ—пріютъ.

И другіе факты свидѣтельствуютъ, что въ общественной жизни чувствуется болѣе бодрости. Это болѣе бодрое настроеніе общества сказалось и на земскихъ собраніяхъ послѣдней сессіи. Корреспондентъ *Волжскаго Вѣстника*, разсказывая о засѣданіяхъ нижегородскаго губернскаго земскаго собранія, сообщаетъ, между прочимъ, что всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей поразилъ тотъ фактъ, что гласные-реакціонеры какъ-то стушевались, присмирѣли и рѣшаются проводить свои дореформенныя идеи не иначе, какъ прикрываясь либеральными фразами о любви къ законности, къ просвѣщенію и справедливости. Что заставило ретроградовъ присмирѣть? — спрашиваетъ корреспондентъ и отвѣчаетъ, что «должно быть жизнь беретъ свое». Особенно характерно вели себя нижегородскіе консерваторы, когда обсуждался вопросъ о розгахъ. Лукояновское и Балахнинское уѣздныя земства обратились въ нижегородское губернское земское собраніе съ просьбой возбудить ходатайство объ избавленіи отъ тѣлесныхъ наказаній всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ школахъ. Предсѣдатель губернскаго собранія, нижегородскій предводитель дворянства А. В. Баженовъ, огласилъ опредѣленія сената отъ 20 января 1882 г., и отъ 15 ноября 1883 г., которыми признано за земскими собраніями право ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и предложилъ обсуждать вопросъ. Большинствомъ 30 голосовъ противъ 11 собраніе приняло слѣдующій текстъ ходатайства, редактированный управой: «выражая сочувствіе отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще, собраніе проситъ объ отмѣнѣ его для кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ». Одиннадцать гласныхъ не рѣшились сказать ни одного слова въ защиту розги

они даже дѣлали видъ, что никакихъ симпатій къ дранью они не имѣютъ, а воздерживаются отъ ходатайства исключительно изъ опасенія выйти изъ предѣловъ правъ, указанныхъ земскимъ положеніемъ. Далѣе, авторъ корреспонденціи даетъ характеристики нѣкоторыхъ изъ гласныхъ - реакціонеровъ. Д. В. Хотянцевъ—это тотъ самый арзамасскій земскій начальникъ, который уже получилъ отъ губернскаго присутствія строгій выговоръ за превышеніе власти и о самоуправныхъ поступкахъ котораго началось новое дознаніе. Г. фонъ-Бринъ—это тотъ самый землевладѣлецъ, о которомъ въ газетахъ было сообщено, какъ онъ преслѣдовалъ мурашкинскую учительницу и какъ онъ въ итогѣ просилъ извиненія у директора народныхъ училищъ Д. А. Глазова. Принадлежность г. Жадовскаго къ розголюбамъ можетъ быть объяснена тѣмъ, что у него вообще понятія о воспитаніи и образованіи очень странныя: такъ, напримѣръ, въ поданномъ имъ въ дворянское собраніе проектѣ преобразованія нижегородскаго александровскаго института г. Жадовскій предлагаетъ замѣнить римское право—«эту безплодную и мертвую юридическую метафизику, завѣщанную намъ средневѣковыми схоластиками (выходитъ, что римское право составлено средневѣковыми схоластиками!)—замѣнить его «столярнымъ ремесломъ».

Почти тѣми же голосами, какими прошло рѣшеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ розогъ, состоялось и постановленіе собранія объ обжалованіи въ первый департаментъ сената дѣйствій нижегородскаго губернатора. Это интересное дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Нижегородское губернское земство лѣтомъ текущаго года хотѣло приступить къ оцѣнкѣ ярморочныхъ имуществъ, подлежащихъ обложенію. Ярмарочное купечество съ С. Т. Морозовымъ во главѣ пожелало отдѣлаться отъ уплаты земскихъ повинностей, а поэтому объявило, что земскихъ цѣновщиковъ не допуститъ. По этому поводу земство обратилось съ просьбой къ министру финансовъ, который отвѣтилъ, что ярмарочное имущество должно быть оцѣнено. Но ярмарочное купечество нашло поддержку въ нижегородскомъ губернаторѣ, который объявилъ земству, что разъясненіе министра финансовъ для него не обязательно. Конечно,—говоритъ корреспондентъ,—губернской земской управѣ слѣдовало, все-таки, откомандировать цѣновщиковъ, предоставляя желающимъ отвѣчать передъ закономъ, насильственно выгонять этихъ цѣновщиковъ. Но управа не рѣшилась на такой шагъ, а доложила обо всемъ дѣлѣ земскому собранію. Собраніе рѣшило подать жалобу въ сенатъ на дѣйствія губернатора. Нижегородское общество съ нетерпѣніемъ ждетъ сенатскаго рѣшенія.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ нижегородскаго губернскаго собранія было постановленіе объ учрежденіи фонда въ 50,000 р. для выдачи безпроцентныхъ ссудъ сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ помѣщеній съ разсрочкой платежа на десять лѣтъ. Постройка школьныхъ зданій на наличныя средства крестьянъ часто является не по силамъ населенію и нужная школа не открывается. Теперь, благодаря прекрасному постановленію земскаго собранія, такія затрудненія къ открытію школъ почти совершенно упразднены.

Какъ извѣстно, большинство земскихъ собраній рѣшило ввести всеобщее обученіе. Но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволяетъ имъ сдѣлать это немедленно и, волей-неволей, приходится стать на путь постепенности. Но постепенность можетъ быть и такая, и иная. Постановленія послѣдняго вятскаго губернскаго земскаго собранія представляютъ собою весьма рѣшительный шагъ къ введенію всеобщаго обученія. Благодаря имѣющемуся у земства обильному запасному страховому капиталу, достигшему милліона рублей, земство, безъ отягощенія населенія, рѣшило открыть *шестьсотъ* новыхъ школъ нормальнаго типа, помимо уже открытыхъ въ прошломъ году 152 училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи земству учреждать въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ передвижныя школы съ курсомъ начальныхъ училищъ. Статьей, полной воодушевленія, привѣтствуетъ эти рѣшенія земства мѣстная газета *Вятскій Край*. День 11 декабря,—говоритъ газета,—будетъ для насъ историческимъ днемъ; постановленія вятскаго губернскаго земскаго собранія надолго останутся въ памяти у всѣхъ, кому дорого просвѣщеніе края; въ этотъ день вятское земство практически приступило къ введенію въ своей губерніи всеобщаго образованія. Нынѣшній составъ губернскаго земскаго собранія создастъ себѣ прочную и завидную память среди цѣлыхъ десятковъ тысячъ дѣтей, которыя до сихъ поръ были лишены возможности удовлетворить жажду даже элементарнаго знанія.

Олонецкое губернское земское собраніе сдѣлало также постановленіе объ изысканіи средствъ для возможно скорѣйшаго введенія общаго начальнаго обученія. Съ этою цѣлью дѣло это передано на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній и училищныхъ совѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило губернской управѣ, при содѣйствіи г. директора народныхъ училищъ, собрать возможно подробныя данныя о настоящемъ положеніи школьнаго дѣла въ губерніи. Работы эти должны быть закончены къ началу будущей сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній, въ рукахъ которыхъ окажется, такимъ образомъ, весьма богатый матеріалъ, изъ котораго будетъ наглядно видно, что̀ нужно предпринять по каждому уѣзду, чтобы первоначальное образованіе сдѣлалось доступнымъ всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста. Въ Олонецкой губерніи, какъ и въ другихъ малонаселенныхъ районахъ, введеніе всеобщаго образованія въ значительной степени затрудняется необходимостью для дѣтей при посѣщеніи школы преодолѣвать весьма крупныя разстоянія. Въ видахъ устраненія этого затрудненія при школахъ начали возникать ночлежные пріюты и общія квартиры, избавляющія учениковъ отъ ежедневныхъ путешествій. Земство съ своей стороны рѣшило придти на помощь подобнымъ пріютамъ, выдавая субсидіи сельскимъ обществамъ на ихъ устройство и содержаніе. Херсонская губернія, по числу находящихся въ ней народныхъ школъ, занимаетъ среднее мѣсто. Между тѣмъ, по исчисленію губернской земской управы, для введенія общаго обученія недостаетъ еще 968 школъ. Изъ 2,755 поселеній имѣются школы министерскія, земскія, приходскія, нѣмецкія и еврей-

скія лишь въ 646 поселеніяхъ. Расходъ по устройству новыхъ 968 школъ такъ великъ, что земство безъ сторонней помощи рѣшительно не въ состояніи удовлетворить насущныхъ потребностей народнаго образованія въ смыслѣ всеобщаго обученія грамотѣ. Чтобы хотя постепенно приближаться къ этой цѣли, херсонская губернская управа начертала такой планъ дѣйствій: прежде всего озаботиться устройствомъ школъ въ тѣхъ большихъ селеніяхъ, гдѣ онѣ вовсе отсутствуютъ (въ 45 пунктахъ); затѣмъ устраивать новыя школы и расширять старыя въ тѣхъ большихъ поселеніяхъ, гдѣ онѣ имѣются въ недостаточномъ числѣ и гдѣ онѣ не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться (167 школъ), и, наконецъ, озаботиться устройствомъ школъ въ мелкихъ поселеніяхъ. По самому минимальному разсчету, одно только устройство школьныхъ зданій вызоветъ расходъ въ одинъ милліонъ рублей. Такою суммой земство не располагаетъ, и херсонская губернская управа считаетъ необходимымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о пособіи земству въ этомъ дѣлѣ общегосударственной субсидіи. За введеніемъ винной монополіи сельскія общества лишатся значительнаго дохода отъ сдачи кабаковъ. Поэтому предполагается ходатайствовать предъ правительствомъ объ отчисленіи изъ суммъ будущаго питейнаго сбора на улучшеніе народнаго образованія той суммы, которая будетъ потеряна обществами отъ замѣны нынѣшняго порядка отдачи кабаковъ винною монополіей. При введеніи винной монополіи сельскія общества Херсонской губерніи потеряютъ около 90 тыс. руб.

Съ цѣлью увеличить денежныя средства на народное образованіе цѣлый рядъ земствъ ходатайствуетъ передъ правительствомъ о разрѣшеніи употребить суммы, оставшіяся отъ содержанія административно-судебныхъ учрежденій, на расширеніе дѣла народныхъ школъ. Мотивами къ этому ходатайству является не только то соображеніе, что народное образованіе составляетъ главнѣйшую и первостепенную нужду, а также и то обстоятельство, что освободившаяся сумма далеко не достаточна для приведенія дорогъ въ порядокъ. Съ особенною рельефностью указано на такое положеніе въ ходатайствѣ смоленскаго губернскаго земства. По сообщенію *Смоленскаго Вѣстника*, редакціонная коммиссія, докладчикомъ которой предъ земскимъ собраніемъ выступилъ извѣстный экономистъ А. С. Посниковъ, съ полною очевидностью выяснила, что если употребить оставшіяся отъ содержанія административно-судебныхъ учрежденій суммы на улучшеніе путей сообщенія, какъ это говорится въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, то населеніе не получитъ той пользы, какая можетъ быть принесена ему, если средства эти, около 170 р., будутъ употреблены въ губерніи на народное образованіе. Необходимость народнаго образованія,—говорится въ докладѣ,—давно и сильно ощущается какъ самимъ населеніемъ, такъ и людьми, близко знакомыми съ населеніемъ и его нуждами. Смоленское сельскохозяйственное общество при выясненіи нуждъ земледѣлія указывало, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ для развитія и процвѣтанія земледѣлія несомнѣнно нужно считать невѣжество населенія. Ре-

дакціонная коммиссія указываетъ, что если употребить оставшуюся въ распоряженіи земства сумму на дорожныя сооруженія, то этимъ врядъ ли возможно основательно улучшить дороги, такъ какъ по имѣющимся даннымъ въ Смоленской губерніи однихъ подъѣздныхъ путей триста слишкомъ верстъ; и если приступить къ улучшенію дорогъ надлежащимъ образомъ, то нужно всѣ дороги или шоссировать, или устраивать рельсовые пути, что стóитъ въ среднемъ 8 тыс. рублей верста, такъ что сколько - нибудь существенное улучшеніе дорожныхъ сооруженій врядъ ли и возможно на имѣющіяся въ настоящее время въ распоряженіи земства средства. Между тѣмъ, употребивъ капиталъ около 170 т. р. на народное образованіе губерніи, можно развить его весьма существеннымъ образомъ. А потому редакціонная коммиссія полагаетъ возбудить ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи употребить сумму, оставшуюся отъ административно-судебныхъ учрежденій, цѣликомъ на народное образованіе въ Смоленской губерніи и *просить г. министра народнаго просвѣщенія гр. Делянова присоединиться къ этому ходатайству*. Собраніе постановило: принять предложеніе редакціонной коммиссіи и возбудить надлежащее ходатайство.

Весьма важное извѣстіе изъ сферы народно-просвѣтительнаго движенія сообщено газетой *Приазовскій Край*. По ходатайству мѣстной дирекціи народныхъ училищъ,—читаемъ въ газетѣ,—министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть сто восемьдесятъ одну народную библіотеку при училищахъ Кубанской области. Три изъ этихъ библіотекъ открываются въ Екатеринодарѣ, три—въ Ейскѣ, три—въ Темрюкѣ, двѣ—въ Новороссійскѣ, двѣ—въ Анапѣ и сто шестьдесятъ восемь—въ станицахъ, селахъ и хуторахъ. Всѣхъ же населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ открываются народныя библіотеки, — 156. Открытіе сразу почти при половинѣ существующихъ въ области школъ народныхъ библіотекъ,—говоритъ по этому поводу газета,—это такой выдающійся фактъ, къ какимъ мы совсѣмъ не привыкли, особенно въ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ земскихъ учрежденій. Дирекція народныхъ училищъ Кубанской области открытіемъ 181 народной библіотеки, за которымъ, несомнѣнно, послѣдуетъ открытіе библіотекъ и при всѣхъ остальныхъ школахъ области, создаетъ себѣ право на общую признательность. Надо замѣтить,—добавляетъ газета,—что въ послѣднее время въ Кубанской области дѣло народнаго образованія вообще пошло быстрыми шагами. Достаточно указать на слѣдующіе факты: въ нынѣшнемъ учебномъ году при училищахъ области открыто 52 воскресныхъ школы; въ 1894 году открыты параллельныя отдѣленія при 22 училищахъ; въ томъ же году открыто 12 новыхъ начальныхъ училищъ и преобразованы 10 начальныхъ школъ въ двуклассныя; наконецъ, введены занятія съ казаками, привлекавшимися къ временному строевому ученью, причемъ такихъ казаковъ, съ которыми велись занятія въ школахъ, было въ одномъ изъ трехъ инспекторскихъ районовъ области,—именно во второмъ,— 3,001 ч. Энергическая дѣятельность дирекціи народныхъ училищъ Кубанской области, находящая поддержку и содѣйствіе со стороны мѣст-

ной администраціи, должна бы послужить примѣромъ для дирекцій тѣхъ мѣстностей Россіи, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій и гдѣ нѣтъ, поэтому, и органа, который заботился бы о расширеніи народно-образовательныхъ средствъ. Примѣръ Кубанской области показываетъ, что дирекція можетъ не ограничиваться однимъ наблюденіемъ за школами и, вообще, чисто-полицейскою ролью, какою довольствуются многія дирекціи, но и принять на себя починъ въ дѣлѣ расширенія народно-образовательныхъ средствъ.

Съ какимъ сочувствіемъ относится само населеніе Кубанской области къ распространенію въ немъ образованія, это видно изъ того значительнаго количества земли, какое отведено населеніемъ для содержанія школъ. Оказывается, что въ Кубанской области 136 станичныхъ и сельскихъ училищъ имѣютъ собственные школьные участки. Размѣры ихъ весьма разнообразны; но преобладаютъ участки отъ 100 до 300 десятинъ. Всего по области подъ школьные участки занято 27,609 съ половиною десятинъ. Приговоры обществъ объ отводѣ школьныхъ участковъ начали составляться еще съ середины 70-хъ годовъ и продолжаютъ составляться понынѣ. Въ приговорахъ этихъ цѣль отвода обозначена либо въ общемъ видѣ «на содержаніе училища», либо съ болѣе частнымъ обозначеніемъ — «на училище, библіотеку и учебныя пособія». Распоряжаются участками чаще училищныя попечительства, и лишь иногда станичныя общества оставляютъ право это за собой. Доходъ отъ земельныхъ участковъ уже и въ настоящее время является изряднымъ подспорьемъ для школъ, удовлетворяя добрую часть ихъ нуждъ. Въ будущемъ же, когда край больше заселится и арендныя цѣны, которыя быстро поднимаются, достигнутъ того же уровня, на которомъ онѣ стоятъ во внутренней Россіи, доходъ отъ школьныхъ участковъ будетъ играть весьма видную роль въ дѣлѣ народнаго образованія въ Кубанской области.

Всѣ согласны, что задача школы заключается не въ томъ только, чтобы доставить тотъ или другой запасъ знаній; гораздо важнѣе то значеніе школы, что она открываетъ возможность дальнѣйшаго самообразованія. Съ цѣлью облегчить пути къ саморазвитію, земствомъ, различными обществами и частными лицами открываются народныя читальни, библіотеки, чтенія, распространяются полезныя книги, устраиваются народные театры. Однимъ изъ важнѣйшихъ путей къ той же цѣли является изданіе народной газеты. Но, какъ извѣстно, наиболѣе распространенныя въ народѣ изданія — *Сельскій Вѣстникъ* и *Свѣтъ* — не отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ народной газетѣ. Нужда же въ такой газетѣ огромная. А потому нельзя не отнестись съ сильнѣйшимъ сочувствіемъ къ предложенію г. Сигова объ изданіи пермскимъ земствомъ народной газеты. Итоги 25-лѣтней дѣятельности пермскаго земства на пользу просвѣщенія края, — говоритъ г. Сиговъ въ своей запискѣ, напечатанной въ *Екатеринбургской Недѣлѣ*, — даютъ въ результатѣ весьма почтенныя цифры: въ Пермской губерніи насчитывается теперь до 700 земскихъ нормальныхъ школъ съ 50 тыс. учащихся. Съ 1871 по 1895 годъ въ нихъ окончило

курсъ болѣе 100 тысячъ человѣкъ и не окончило, но научилось грамотѣ не менѣе 200,000. Такимъ образомъ однѣ земскія нормальныя школы (не считая церковно-приходскихъ, школъ грамоты, миссіонерскихъ и другихъ, пользующихся пособіями отъ земства) создали въ губерніи контингентъ грамотнаго люда не менѣе какъ въ 300,000 человѣкъ. Результаты школьнаго обученія, конечно, не исчерпываются одною грамотой: школа даетъ и зачатки общаго развитія. Но зачатки просвѣщенія еще не есть самое просвѣщеніе, какъ орудіе для работы,—не то же, что самая работа. 300,000 грамотныхъ, которымъ доступно печатное слово,—это лишь отрядъ рабочихъ, вооруженныхъ орудіями труда, но еще не приступившихъ къ самой работѣ. Во всемъ должна быть строгая послѣдовательность. До сихъ поръ въ дѣлѣ просвѣщенія народа земство выполняло кропотливый подготовительный трудъ, создавало почву для иной, болѣе высшей культурной работы. Его 25-лѣтнія усилія, увѣнчавшіяся столь отрадными результатами, даютъ ему возможность и право нынѣ же приступить къ воздѣлыванію имъ же созданной почвы. Самымъ крупнымъ шагомъ на этомъ пути,—по мнѣнію автора записки,—будетъ изданіе народной газеты, которая, при удачной постановкѣ ея, можетъ дать наиболѣе значительные и наиболѣе важные по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ результаты.

Народныя школы, библіотеки, читальни, чтенія, книжные склады, народный театръ, народная газета—все это учреждается съ цѣлью поднять нравственное достоинство народа. Практикующаяся же у насъ розга ведетъ какъ разъ къ обратному результату. Естественно, что общество, проникнувшееся сознаніемъ обязанности работать для умственнаго и нравственнаго возвышенія массы, должно было выступить за отмѣну позорящаго тѣлеснаго наказанія. Объ отмѣнѣ его хлопочетъ земство, дворянство, ученыя общества, печать. О томъ же хлопочатъ теперь степной генералъ-губернаторъ баронъ Таубе и главный начальникъ Туркестанскаго края баронъ Вревскій. Поводомъ къ ихъ ходатайству послужила,—по словамъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей*,—слѣдующая аномалія. Присоединяя Туркестанскій край, правительство наше отказалось ввести туда тѣлесное наказаніе. Туземцы сравнены въ правахъ съ сельскимъ населеніемъ коренной Россіи, они разбиты на волости, но изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, и народнымъ судамъ, компетенція которыхъ выше компетенціи судовъ волостныхъ, предоставлено налагать на виновныхъ наказанія только въ видѣ денежныхъ взысканій и заключенія подъ стражу. Не такъ обстоитъ дѣло съ пришлымъ русскимъ населеніемъ. Это населеніе, при первоначальномъ своемъ поселеніи, также не знало тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ группировалось исключительно въ городахъ и немногихъ селеніяхъ, не соединенныхъ въ волость. Съ теченіемъ времени число русскихъ селеній значительно увеличилось и продолжаетъ расти, такъ что они уже соединены или находятся наканунѣ соединенія въ волости, суды которыхъ имѣютъ право налагать тѣлесныя наказанія. Примѣненіе этихъ унизительныхъ наказаній къ русскому человѣку, рядомъ съ освобожденнымъ отъ этого наказанія туземнымъ населеніемъ,

признано мѣстной администраціей явленіемъ не только крайне вреднымъ, но даже и опаснымъ.

Тридцать четыре года уже отдѣляютъ насъ отъ времени крѣпостного права и только четыре года осталось до наступленія двадцатаго вѣка, а между тѣмъ,—говоритъ *Приазовскій Край*,—какъ много некультурнаго и варварскаго сохранилось еще въ нашемъ отечествѣ, какъ сильны еще въ насъ отголоски грубости дореформенной Россіи, какъ часто приходится наблюдать случаи самаго жестокаго поруганія человѣческой личности и нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій справедливости! Газета не имѣетъ въ виду приводить всѣхъ примѣровъ и иллюстрацій въ подтвержденіе только-что высказанной мысли, которые безъ труда могли бы быть собраны, а указываетъ лишь на одно весьма распространенное на Руси явленіе, свидѣтельствующее, какъ мало признается у насъ за представителями простого народа право на уваженіе къ ихъ личности. Войдите въ то или другое изъ нашихъ провинціальныхъ учрежденій оффиціальнаго характера,—въ полицейскій участокъ, въ казначейство, почтовую контору, въ разныя палаты, приказы, канцеляріи и т. п.,—и въ громадномъ большинствѣ случаевъ вы увидите такую картину. Если проситель одѣтъ прилично, имѣетъ видъ человѣка богатаго или «благороднаго», то чиновникъ говоритъ ему «вы», а иногда даже пригласитъ его присѣсть, и вообще, за немногими исключеніями, ведетъ себя съ нимъ болѣе или менѣе вѣжливо. Но если проситель одѣтъ въ крестьянскую сермягу или мѣщанскій армякъ,—словомъ, если онъ человѣкъ «простой»,—то всякій казначей, почтмейстеръ и другого рода чины сносятся съ нимъ уже иными фразами, въ родѣ слѣдующихъ: «тебѣ что?» «подожди», «куда лѣзешь, не суйся», «я сказалъ тебѣ» и т. д. Это различіе въ обращеніи съ просителями однихъ и тѣхъ же должностныхъ лицъ, основанное на внѣшнемъ видѣ человѣка, настолько рѣзко бросается въ глаза, что только наша россійская привычка мириться со всѣмъ безъ разсужденій дозволяетъ такому порядку вещей спокойно продолжать свое существованіе. Выбирая «ты» или «вы» для сношенія съ просителями, чиновники руководствуются при этомъ исключительно наружностью даннаго лица и настроеніемъ своего духа. Поэтому часто бываетъ, что одинъ и тотъ же россійскій обыватель, получая деньги изъ сберегательной кассы казначейства, слышитъ обращенное къ нему «вы», а когда въ тотъ же день онъ отправится на почту, чтобы послать эти деньги въ другой городъ, ему уже говорятъ «ты», «не лѣзь». Сегодня какой-нибудь мастеровой или женщина, въ скромномъ платьѣ и платкѣ вмѣсто шляпки, приходятъ въ извѣстное учрежденіе, гдѣ имъ говорятъ безцеремонно «ты», а завтра тѣ же лица, будучи одѣты болѣе прилично, принимаются въ томъ же присутственномъ мѣстѣ уже иначе и слышатъ обращенное къ нимъ «вы». Сегодня чиновникъ очень хорошо настроенъ и изъ двадцати просителей скажетъ «ты» только пяти, а завтра то же лицо, вслѣдствіе семейной непріятности, изъ тѣхъ же двадцати просителей обратится на «ты» къ пятнадцати. Неужели же нормально такое явленіе? Вѣдь, всякій человѣкъ, на-

дѣнетъ ли онъ праздничный костюмъ или рабочій, одинаково дорожитъ своимъ достоинствомъ, какъ равно одинаково оскорбляется грубымъ съ нимъ обращеніемъ на почтѣ, въ полицейскомъ управленіи или въ конторѣ государственнаго банка.

Въ нашихъ законахъ,— продолжаетъ газета,— нѣтъ ни одного постановленія, которое бы позволяло чиновникамъ говорить кому бы то ни было «ты». Напротивъ того, по 718 ст. т. III Уст. о службѣ гражданской, изд. 1876 г., «никто изъ служащихъ, въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ смотрѣть ни на какое лицо». Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, также убѣждаетъ насъ, что законодатель нигдѣ не дѣлаетъ различія между тѣми или другими сословіями и равно ограждаетъ честь какъ знатнаго сановника, такъ и простого мужика. Тѣ статьи этого устава, которыя говорятъ объ обидахъ на письмѣ, на словахъ и дѣйствіемъ, не устанавливаютъ никакого различія между тѣмъ, будетъ ли оскорбленъ потомственный дворянинъ, помѣщикъ или мѣщанинъ, назначая извѣстную кару за тотъ или другой видъ оскорбленія безъ всякой оговорки относительно состоянія обиженнаго.

Однимъ словомъ, право на честь и доброе имя есть общее для всѣхъ русскихъ гражданъ право состоянія, которое можетъ быть отнято не иначе, какъ судебнымъ приговоромъ. Г. Дружининъ, указывая въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* на то, что въ мировыхъ и окружныхъ судахъ и въ судебныхъ палатахъ ко всѣмъ безъ изъятія допрашиваемымъ лицамъ обращаются на «вы», порицаетъ усвоенную многими земскими начальниками привычку говорить подвѣдомственнымъ имъ лицамъ «ты» и заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Подобная практика,—т.-е. обращеніе на «вы»,—извѣстнымъ образомъ воспитывала бы населеніе, и еслибъ даже она не имѣла прямого основанія въ законѣ, все-таки каждое учрежденіе, само собою, должно ставить себѣ эту задачу — подъемъ въ населеніи чувства чести и личнаго достоинства». Нельзя не согласиться,— заключаетъ *Приазовскій Край,* — что воспрещеніе всѣмъ должностнымъ лицамъ говорить кому бы то ни было «ты» освободило бы отъ незаслуженныхъ оскорбленій множество нашихъ согражданъ и, способствуя укрѣпленію въ населеніи чувства человѣческаго достоинства, оказало бы тѣмъ самымъ благотворное вліяніе на народную массу.

Нижегородскій Листокъ разсказываетъ, что въ судебныхъ отчетахъ по дѣлу о продовольственныхъ злоупотребленіяхъ саратовскаго земскаго начальника Дмитріева сказано, что Дмитріевъ при допросѣ свидѣтелей-крестьянъ обращался къ нимъ на «ты». Предсѣдатель палаты по этому поводу сказалъ подсудимому:

— Г. Дмитріевъ, при обращеніи къ свидѣтелю прошу васъ употреблять ту форму, въ какой мы обращаемся и къ вамъ, и къ свидѣтелю, то-есть говорите ему «вы», а не «ты».

Но развѣ такъ и слѣдуетъ быть,—говоритъ по этому поводу газета,— чтобы русскій крестьянинъ только «предъ лицомъ суда, только подъ охра-

ной предсѣдателя палаты былъ гарантированъ отъ пренебрежительнаго и не обоюднаго «ты», которымъ отмѣчено у насъ обращеніе къ мужичьему сословію?» Развѣ не странно, что въ саратовской судебной палатѣ отъ г. Дмитріева требовали, чтобъ онъ говорилъ вызваннымъ крестьянамъ «вы», а внѣ стѣнъ этой судебной палаты тотъ же г. Дмитріевъ тѣмъ же крестьянамъ ни въ какомъ случаѣ не скажетъ «вы», а непремѣнно и принципіально будетъ говорить «ты», будетъ требовать поклоновъ и несомнѣнно засадитъ на три дня подъ арестъ того мужика, который осмѣлится принять къ свѣдѣнію слова предсѣдателя саратовской судебной палаты.

Грубое обращеніе на «ты»,—продолжаетъ газета,—еще крѣпко живетъ въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Доподлинно извѣстно, что многіе земскіе начальники считаютъ принципіально предосудительнымъ говорить крестьянамъ «вы». Они перечеркиваютъ *бланки* съ напечатаннымъ текстомъ «вы», введенное мировыми судьями, и старательно замѣняютъ повелительнымъ «ты». Изъ нежеланія сказать крестьянину «вы» происходятъ иногда такіе курьезы. Помѣщикъ проситъ нотаріуса написать довѣренность на имя старосты его экономіи. Нотаріусъ, ни что же сумняшеся, назвалъ въ бумагѣ старосту на «вы». Когда помѣщикъ это увидалъ, то сильно вознегодовалъ и отказался подписать довѣренность.

— Напишите на «ты», а то, пожалуй, онъ вообразитъ, что онъ и дѣйствительно «вы».

Нотаріусъ ссылался на форму. Въ результатѣ довѣренность была передѣлана, согласно требованію помѣщика, и тогда имъ подписана. Конечно,—заключаетъ газета,—пока для крестьянства существуютъ розги, пока крестьяне обязаны «ломать шапку», пока печатаются для мужиковъ бланки на «ты», слова саратовскаго и другихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ будутъ производить впечатлѣніе лишь курьезныхъ жизненныхъ противорѣчій.

Тема о значеніи словъ «ты» и «вы» проникла и въ спеціальные военные журналы. Извѣстный генералъ Скугаревскій заявилъ себя въ журналѣ *Развѣдчикъ* убѣжденнымъ сторонникомъ обращенія на «вы» не только къ вольноопредѣляющимся, но и вообще къ нижнимъ чинамъ арміи. Провинціальная печать отнеслась съ большимъ вниманіемъ и теплыми привѣтствіями къ статьѣ генерала Скугаревскаго. *Кіевское Слово* правильно замѣчаетъ, что чести быть солдатами удостоиваются ежегодно двѣсти съ лишнимъ тысячъ человѣкъ и притомъ не вслѣдствіе побужденій честолюбія, а въ силу существованія общеобязательной воинской повинности. Въ интересахъ арміи, конечно, желательно, чтобы всѣ проходящіе военную службу смотрѣли на свое военное званіе какъ на честь для себя. Но такой взглядъ едва ли можетъ возникнуть при связанной съ солдатствомъ необходимости мириться съ тѣмъ, что̀ по общепринятому въ обществѣ мнѣнію унизительно. Газета выражаетъ пожеланіе, чтобы рекомендуемое г. Скугаревскимъ правило—обращеніе со всѣми на «вы»—дѣйствительно осуществилось въ самомъ непродолжительномъ времени. Любопытно замѣтить при этомъ,—замѣчаетъ *Нижегородскій Листокъ*,—что въ послѣднемъ но-

мерѣ *Развѣдчика* ген. Драгомировъ, такъ горячо въ началѣ защищавшій форму обращенія на «ты», послѣ статьи ген. Скугаревскаго пришелъ къ болѣе сдержанному выводу и заявляетъ теперь: «Нужно говорить всѣмъ нижнимъ чинамъ что-нибудь одно: или «ты», или «вы», не дѣлая между ними никакой розни; и если для льготныхъ нижнихъ чиновъ такъ ужъ унизительно «ты», нужно всѣмъ говорить «вы». Вопросъ объ употребленіи мѣстоименія «ты» или «вы» въ арміи,—продолжаетъ газета,—является, собственно говоря, осколкомъ большого вопроса о необходимости внѣшняго уваженія къ человѣческой личности, независимо отъ того, къ какому сословію она принадлежитъ или какимъ матеріальнымъ достаткомъ она обладаетъ. Этотъ большой вопросъ въ свою очередь тѣсно связанъ съ такимъ же большимъ вопросомъ о законности, о томъ жупелѣ, который такъ пугаетъ охранительную печать. Тамъ, гдѣ осуществлена законность во всѣхъ даже детальнѣйшихъ примѣненіяхъ дѣйствующаго права, тамъ человѣческая личность охраняется отъ всякаго нарушенія ея правъ, свободна, слѣдовательно, и отъ оскорбительнаго внѣшняго обращенія. У насъ, правда, существуетъ законъ, обязывающій всѣхъ состоящихъ на гражданской службѣ обращаться вѣжливо и деликатно съ просителями и вообще лицами, приходящими въ извѣстныя учрежденія; изъ этого правила непосредственно вытекаетъ требованіе употребленія во всѣхъ случаяхъ «вы», а не «ты»... На практикѣ, однако, мы видимъ совершенно обратное: «ты» у насъ имѣетъ самое широкое распространеніе,—оно употребляется каждый разъ, когда въ учрежденіе является проситель, одѣтый въ крестьянское платье или вообще въ бѣдную одежду. Кромѣ этого весьма часто оскорбительнаго «ты», и вообще обращеніе съ обывателями у насъ заставляетъ желать много и много лучшаго. Грубый, рѣзкій тонъ, грозные окрики, формальныя придирки, преднамѣренныя промедленія и проволочки, полное невниманіе въ нуждѣ, подчасъ весьма горькой,—вотъ чѣмъ характеризуется у насъ обращеніе съ сѣрымъ просителемъ, нерѣдко по-долгу обивающимъ пороги учрежденій и не достигающимъ все-таки никакихъ результатовъ. Да и вообще во всѣхъ сферахъ жизни у насъ преобладающею чертой является крайняя грубость,—и повинными въ этомъ грѣхѣ надо считать всѣхъ, не исключая и такъ называемаго образованнаго общества, щедро разсыпающаго по отношенію къ простому народу и «ты», и вообще всякія не особенно культурныя выраженія. Конечно, съ развитіемъ образованія, съ ростомъ культуры, самъ собою выйдетъ изъ употребленія и этотъ печальный обычай. Но законъ можетъ и долженъ предупредить этотъ естественный процессъ, пойдя навстрѣчу стремленіямъ прогрессивныхъ элементовъ общества и установивъ, какъ строгую норму, предписаніе вѣжливыхъ формъ обращенія во всѣхъ учрежденіяхъ. Этотъ моментъ послужитъ толчкомъ для того, чтобы грубые обычаи пошли бы по пути смягченія и подъ двойнымъ давленіемъ—закона и просвѣщенія—совершенно уничтожились бы.

Въ заключеніе нашего очерка укажемъ на важное для сельскаго населенія постановленіе общаго собранія перваго, второго и кассаціонныхъ

департаментовъ сената по вопросу о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ. Желательно, чтобъ это сенатское постановленіе сдѣлалось извѣстнымъ массѣ сельскаго населенія, и потому знаніе о немъ надо распространять среди крестьянъ всѣми дозволенными способами.

Какъ извѣстно, крестьянское хозяйство у насъ постоянно подвергается риску полнаго разгрома при взысканіи какъ казенныхъ недоимокъ и платежей, такъ и частныхъ долговъ. Законъ объявляетъ, правда, что на удовлетвореніе кредиторовъ можетъ быть обращена только та часть имущества должника, отчужденіе которой возможно безъ разстройства крестьянскаго хозяйства; но практика не перестаетъ представлять примѣры продажи на покрытіе такихъ взысканій рѣшительно всего крестьянскаго имущества. Зависитъ это прежде всего, конечно, отъ отсутствія въ законѣ достаточныхъ указаній, какіе именно предметы и въ какомъ количествѣ признаются безусловно необходимыми для крестьянскаго хозяйства и потому не подлежатъ продажѣ по взысканіямъ. Въ виду неопредѣленности на этотъ счетъ закона, сенатъ сдѣлалъ постановленіе, чтобъ опись крестьянскаго имущества при взысканіи частныхъ долговъ производилась не иначе, какъ въ присутствіи старосты и старшины, опредѣляющихъ, что̀ можетъ быть продано для удовлетворенія истца безъ разстройства крестьянскаго хозяйства.

И. Иванюковъ.

Критикъ-декадентъ.

(*А. Л. Волынскій:* «Русскіе критики. Литературные очерки». Спб., 1896 г.).

„Мысль моя, какъ острый мечъ,
Смѣло губитъ предразсудки,
Созерцая смутный смерчъ
Въ волосахъ моей малютки,
Ниспадающихъ до плечъ...“
Изъ русскихъ декадентовъ.

I.

Если читатель, прочитавши нашъ эпиграфъ, съ недоумѣніемъ разведетъ руками, то это докажетъ только то, что онъ мало знакомъ съ декадентствомъ вообще и съ привлекательною литературною личностью г. Волынскаго въ частности. Вступая въ область декадентства, нужно отрѣшиться отъ обыкновенныхъ критическихъ пріемовъ и нужно, кромѣ того, вооружиться рѣшимостью ничему не удивляться и ничѣмъ не оскорбляться. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что декаденты, импрессіонисты, символисты и т. п.—люди-психически больные и потому невмѣняемые. Это мнѣніе Макса Нордау — мнѣніе, на нашъ взглядъ, очень узкое и одностороннее, защитить которое нѣмецкому критику-врачу рѣшительно не удалось (см. его книгу *Вырожденіе*). Я хочу сказать только то, что декадентство— явленіе ничтожное, а сами декаденты — люди не серьезные. Это совсѣмъ не болѣзненные выродки, какъ полагаетъ Нордау, а просто духовные недоросли, какіе всегда были и всегда будутъ, потому что въ семьѣ не безъ урода. Судьбы какой-либо націи или расы или, еще менѣе, всего человѣчества, тутъ ровно не причемъ. Ни о какомъ «вырожденіи» тутъ не должно быть и рѣчи. Никакого другого декаданса (упадка) кромѣ своего собственнаго, личнаго, декаденты не представляютъ и не выражаютъ.

Послѣ этого стóитъ ли говорить о нихъ? На всякое чиханье не наздравствуешься и за всякой печатной безсмыслицей не угоняешься. И не противорѣчу ли я самъ себѣ, собираясь писать даже цѣлую статью о критикѣ-декадентѣ, когда, на основаніи моихъ же собственныхъ заключеній, самое естественное было бы предоставить г. Волынскому полный про-

сторъ губить предразсудки какъ мечъ, созерцая въ волосахъ смутный смерчъ? Пусть его забавляетъ публику, какъ онъ давно уже забавляетъ критику. Такая роль не лишена даже нѣкотораго утилитарнаго значенія, и зачѣмъ же мѣшать человѣку, избравшему эту роль не только сознательно, но и по призванію, по естественной склонности?

Вашими бы устами, да медъ пить, сказали бы мы читателю, предъявившему намъ такія замѣчанія. Очень легко было бы работать критикамъ, еслибъ они могли во всѣхъ подходящихъ случаяхъ ограничиться брамбеусовской фразой: «Ванька! Это твоя литература!»—сохраняя увѣренность, что послѣ этого читатель уже самъ, собственными силами, разглядитъ шарлатана подъ маской философа или критика. Къ сожалѣнію, читатели далеко не всегда внимательны. «Мысль моя, какъ острый мечъ, смѣло губитъ предразсудки»,—увы, сколько читателей дальше этого и вникнуть не захотятъ или не сумѣютъ, а, вѣдь, что же дурного въ этомъ заявленіи самоувѣреннаго декадента? Губить предразсудки—это дѣло прямо превосходное и если вы, повѣривъ декаденту на-слово, не доберетесь до смутнаго смерча въ волосахъ малютки, то вы должны будете почтить дѣятельность декадента самымъ искреннимъ уваженіемъ. «Я хотѣлъ не разсказывать, а судить», заявляетъ г. Волынскій въ предисловіи къ своимъ очеркамъ. Что же?—это прекрасно: пусть разсказываютъ біографы и библіографы, а дѣло критики освѣщать и оцѣнять факты. Далѣе г. Волынскій объявляетъ, что его судъ будетъ безпощаденъ: «Критика историческихъ явленій должна быть безпощадною въ своихъ приговорахъ надъ отживающими системами и отдѣльными предвзятыми сужденіями». И это очень хорошо: судить, такъ ужъ судить, безъ сантиментальности, безъ послабленій. Правда, когда подумаешь, что подъ «историческими явленіями», подлежащими безпощадному суду г. Волынскаго, подразумѣваются три главныхъ критика наши,—Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ,—становится какъ-то грустно: по человѣчеству судя, ихъ жалко, да жалко и самого себя, то-есть, собственно, тѣхъ привычныхъ представленій, которыя связаны съ именами этихъ писателей. Чисты, прекрасны, почти святы эти представленія и какъ же горько услышать отъ свѣжаго человѣка, что они—не болѣе какъ грубая ошибка и иллюзія наша. Однако, дѣлать нечего: Платонъ—другъ, но истина—другъ еще болѣе, и если г. Волынскій овладѣлъ истиной, то ужъ, конечно, мы не отступимся отъ него. А онъ именно овладѣлъ. Критика Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева была болѣе чѣмъ слаба. Она «никогда не углублялась до истинно-философскихъ идей; она «не умѣла укрѣпить гуманныя стремленія на непоколебимыхъ основаніяхъ»; она—«оставляла безъ разработки то, что есть самаго существеннаго во всякомъ глубокомъ поэтическомъ произведеніи»; она «не вскрывала духовныхъ источниковъ искусства». Все это съ теченіемъ времени сдѣлаетъ г. Волынскій: онъ углубится, онъ укрѣпитъ, онъ разсмотритъ, онъ вскроетъ. Онъ сдѣлаетъ это, потому что онъ знаетъ, какова должна быть истинная критика: «Истинная критика должна изслѣдовать художественныя и поэти-

ческія произведенія, такъ сказать извнутри, подходя къ нимъ съ идеалистическимъ мѣриломъ и разсматривая весь конкретный матеріалъ искусства только какъ форму болѣе или менѣе совершеннаго воплощенія высшихъ философскихъ началъ». Г. Волынскій обѣщаетъ далѣе, что при такой критикѣ «извнутри» искусство «окрѣпнетъ» и «создастъ совершенные образцы новой красоты, болѣе прозрачной».

Вотъ, не угодно ли. Мы убѣждены, что не десятки, а сотни читателей будутъ ошеломлены самоувѣреннымъ тономъ г. Волынскаго, и не сообразятъ, что передъ ними совсѣмъ не новаторъ, а просто декадентъ. Недавно умершій Поль Верленъ очень хорошо опредѣлилъ сущность декадентства: «Они мнѣ надоѣли, всѣ эти цимбалисты! Когда въ самомъ дѣлѣ хотятъ произвести переворотъ въ искусствѣ, поступаютъ не такъ. Въ 1830 г. шли въ битву съ однимъ знаменемъ, на которомъ было написано: «Эрнани!» А теперь всякій лѣзетъ съ своимъ знаменемъ, на которомъ написано: «Реклама!» Это самое слово написано и на знамени нашего критика-декадента. Надо отдать справедливость г. Волынскому: изъ тысячи существующихъ способовъ рекламировать себя онъ избралъ самые вѣрные, самые испытанные. Первый изъ этихъ способовъ состоитъ въ томъ, чтобы безъ драки попасть въ большія забіяки. Въ каждой литературѣ есть своего рода «слоны», установившіеся авторитеты и репутаціи, нападая на которые можно чрезвычайно выгодно оттѣнить свою умственную самостоятельность. Когда-то еще разберутъ, что вамъ, въ сущности, совсѣмъ нечего сказать, что вся ваша мнимая полемика противъ этихъ авторитетовъ именно только лай съ безопаснаго разстоянія, а до тѣхъ поръ наивные люди будутъ говорить другъ другу: знать онъ силенъ! При этомъ можно похваливать самого себя,— не прямо, конечно, а косвенно, осторожно инсинуируя читателю высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ. «Видно по всему, что А. не былъ знакомъ со всѣми извилистыми оттѣнками и неуловимо-нѣжными нюансами геніальнаго ученія Канта» (простите, читатель, что я такъ глупо-напыщенно выражаюсь,—я, вѣдь, подражаю),— эта фраза, конечно, значитъ не только то, что *А. не былъ знакомъ,* а также и то, что я-то, авторъ этой фразы, ужъ, разумѣется, знакомъ и съ оттѣнками, и съ нюансами. «Не подлежитъ сомнѣнію, что В. выступилъ на критическое поприще безъ глубокой теоретической подготовки, безъ возвышеннаго настроенія чуткихъ нервовъ, безъ вдохновеннаго подъема обнаженной души» (простите, читатель),—это значитъ, что у меня и подготовка глубока, и нервы чутки, и душа вдохновенно обнажена. Вотъ, стало-быть, я какая жаръ-птица въ литературѣ! Второй способъ импонировать читателю, прекрасно усвоенный г. Волынскимъ, состоитъ въ томъ, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ сохранять апломбъ и нахмуренно-значительный видъ, хотя бы рѣчь шла о выѣденномъ яйцѣ или о такомъ предметѣ, въ которомъ я ровно ничего не понимаю. Кто твердо стоитъ на собственныхъ ногахъ, тому не зачѣмъ подниматься на ходули; кто дѣйствительно талантливъ, тотъ спокойно можетъ оставаться самимъ собою, не ломаться

и не позировать передъ читателемъ. Талантливый человѣкъ и пошутитъ, посмѣется, если предметъ разговора допускаетъ шутку, и безъ всякаго стѣсненія скажетъ: «не знаю» или «не понимаю», когда предметъ выходитъ изъ предѣловъ его компетентности. Для претенціозной бездарности этого никакъ нельзя. Веселая шутка унизитъ ея достоинство,— вѣдь, оно такое маленькое—прямодушное «не знаю» пошатнетъ ея авторитетъ,—вѣдь, онъ и безъ того еле держится. Впрочемъ, все это сказано гораздо раньше и гораздо лучше насъ. Помнитъ ли читатель старую повѣсть Льва Толстого *Поликушка?* Придурковатый герой этой повѣсти сдѣлался съ голода коноваломъ и пріобрѣлъ успѣхъ, сталъ авторитетомъ въ глазахъ мужиковъ, изъ которыхъ каждый въ десять разъ былъ умнѣе его. «Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ,— разсказываетъ Толстой,— это никому не было извѣстно и еще меньше ему самому. Пріемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самые, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и на нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно-нахмуренное лицо Поликея и его тонкія, засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ живое тѣло съ затаенною мыслью: «куда кривая не вынесетъ!»—и, показывая видъ, что онъ знаетъ гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ держитъ цѣлительную тряпку или стклянку съ купоросомъ, — мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобъ у Поликея поднялась рука рѣзать, не зная. Самъ онъ никогда не могъ бы этого сдѣлать». Поликей убѣдилъ въ своихъ познаніяхъ даже свою жену, которая, зная его лучше всѣхъ, не уважала его нисколько и, все-таки, думала: «Вишь, дошлый! Откуда что берется!» Такихъ Поликеевъ сколько угодно во всякой человѣческой дѣятельности, между прочимъ и въ литературѣ. Въ нашей литературѣ Поликеямъ особенно привольно потому именно, что русскіе читатели (какъ и русскіе писатели) простодушнѣе, чистосердечнѣе, нежели ихъ западные собраты. Какъ толстовскій мужикъ, нашъ читатель «не можетъ представить себѣ» шарлатанство систематическое и сознательное, не можетъ представить, чтобы можно было рѣшиться «рѣзать не зная». Читатель судитъ по себѣ, а «самъ онъ не могъ бы этого сдѣлать». Вотъ почему въ безсмыслицѣ онъ склоненъ видѣть глубокомысліе, нарочно закутанное въ аллегорію, въ юродивыхъ выкрикиваньяхъ — наитіе высшей силы. Вотъ и извольте при такихъ условіяхъ презрительно игнорировать декадентское и всякое другое шарлатанство!

Въ огромной (пятьдесятъ слишкомъ печатныхъ листовъ,— обстоятельство, конечно, не случайное и характерное) книгѣ г. Волынскаго самую существенную часть занимаютъ сокрушительныя ниспроверженія Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева. На этихъ трехъ послѣдовательныхъ ниспроверженіяхъ мы теперь и остановимся. Это именно ниспроверженія, а не опроверженія: аргументовъ въ нихъ нѣтъ или очень мало, но шумныхъ

фразъ, задорныхъ словъ, крикливыхъ метафоръ—цѣлая коллекція. Ote-toi de là, que je m'y mette — вотъ плохо замаскированный смыслъ всей этой элоквенціи въ декадентскомъ вкусѣ.

II.

«Имя Бѣлинскаго вызываетъ почти всеобщее поклоненіе»,—такъ начинаетъ г. Волынскій. Но мы, — продолжаетъ г. Волынскій, — «не побоимся отмѣтить пробѣлы въ его общемъ міросозерцаніи и промахи въ его критическихъ сужденіяхъ». Какъ видите, павлинъ съ перваго же шага раскидываетъ вѣеромъ свой хвостъ и съ горделивой осанкой проходитъ мимо насъ. Ахъ, неразумная, тщеславная птица! «Мы не побоимся»,— да чего же тутъ бояться? Вѣдь, даже не критикъ, а всего только обстоятельный біографъ Бѣлинскаго, г. Пыпинъ, преспокойно, безъ всякихъ геройскихъ позъ, отмѣчалъ въ своемъ трудѣ и «пробѣлы», и «промахи» Бѣлинскаго. То же дѣлали и другіе писатели, и никто изъ нихъ своею смѣлостью не хвасталъ, не потому только, что хвастаться вообще неприлично, но и потому, что тутъ и нѣтъ никакой смѣлости. Кто же считалъ Бѣлинскаго непогрѣшимымъ? Но прежде, чѣмъ дойти до «промаховъ» Бѣлинскаго, смѣлый критикъ тутъ же, въ приступѣ къ статьѣ, на первой ея страницѣ, совершаетъ съ своей стороны такой «промахъ», который свидѣтельствуетъ не о простой ошибкѣ, а о совершенной неспособности къ логическому мышленію. Въ критикѣ Бѣлинскаго, — заявляетъ г. Волынскій, — «мы должны найти тотъ матеріалъ, изъ котораго создалась послѣдующая журнальная критика». Совершенно справедливо. Эту самую мысль высказывали и Добролюбовъ, и Писаревъ, и другіе, родственные имъ по духу, критики, открыто признававшіе себя послѣдователями и продолжателями Бѣлинскаго. Ничего другого этотъ фактъ собою не показываетъ, какъ только то, что Бѣлинскій былъ у насъ основателемъ цѣлой критической школы, и притомъ такой, къ которой принадлежатъ «наиболѣе авторитетные и вліятельные русскіе критики», по собственному признанію г. Волынскаго. Представьте же, что всего черезъ десятокъ страницъ г. Волынскій пишетъ: «критика Бѣлинскаго не создала никакой школы и осталась безъ рѣшительнаго воздѣйствія на исторію нашего дальнѣйшаго эстетическаго развитія», а еще черезъ два десятка страницъ то же самое утверждается въ категорической формѣ: «*не забудемъ*, что критической школы у насъ, все-таки, нѣтъ». Итакъ, критика Бѣлинскаго доставила матеріалъ, «изъ котораго создалась послѣдующая журнальная критика», и та же критика «осталась безъ рѣшительнаго воздѣйствія на исторію нашего дальнѣйшаго эстетическаго развитія» и «не создала никакой школы». Учитель—на лицо, ученики—на лицо, ученье—на лицо, а школы «у насъ, все-таки, нѣтъ». *Не забудемъ*, что этотъ перлъ «идеалистическаго мышленія» мы нашли, едва приступивъ къ чтенію книги г. Волынскаго.

Тутъ же, рядомъ, мы находимъ другую критическую жемчужину, доказывающую одно изъ двухъ: или невѣжество г. Волынскаго, или его не-

добросовѣстность. Характеризуя въ общихъ фразахъ литературу слѣдовавшаго за Бѣлинскимъ періода, г. Волынскій усматриваетъ въ ней, главнымъ образомъ, «журнальныя сатурналіи, которыя устраивались съ высшими либеральными цѣлями, съ негодованіемъ противъ всего, что не соприкасается съ матеріальными нуждами даннаго времени». Что же,—спросимъ мы,—идея свободы, идея личности, идея человѣческаго достоинства, идея просвѣщенія, идея равенства передъ закономъ и т. д.—всѣ эти идеи находятся въ противорѣчіи съ «высшими либеральными цѣлями»? Или быть можетъ эти идеи—совсѣмъ не идеи, а всего только «матеріальныя нужды даннаго времени»? Передъ литературою характеризуемаго періода стояла задача, заслонявшая собою всѣ другія,—задача, рѣшенная 19 февраля 1861 года. Какъ полагаетъ г. Волынскій, вопросъ освобожденія былъ ли исключительно (или хотя бы только преимущественно) вопросомъ одного матеріальнаго благосостоянія? Никакъ онъ не полагаетъ, разумѣется, потому, что разсуждать—не по его части. Онъ огласилъ воздухъ «протестантской» фразой,—съ него и достаточно. Такое же значеніе и такую же цѣль имѣютъ и прочія фразы вступленія, вродѣ того, напримѣръ, что у Бѣлинскаго «не было всеобъемлющей системы мысли», что у него «философскія убѣжденія разносились по теченію вѣтра», что онъ «не былъ мыслителемъ, философомъ, призваннымъ вырабатывать какія-нибудь новыя идеи, раскрывать новые духовные горизонты». Читатель обнаружилъ бы большую недогадливость, еслибы не сообразилъ, у кого онъ долженъ искать «всеобъемлющую систему мысли» и «новыя идеи, новые горизонты» и даже «новыя мозговыя линіи». Однако, вѣдь, мало сказать; надо бы постараться доказать. Къ удивленію, забывая свое торжественное обѣщаніе не разсказывать, а судить, г. Волынскій спокойно переходитъ въ слѣдующей главѣ къ описанію «внѣшняго вида» Бѣлинскаго. Это описаніе можетъ доставить читателю нѣсколько веселыхъ минутъ. Мы узнаемъ изъ него, что у Бѣлинскаго была «выдающаяся лопатка», «тембръ нервическаго, хрипящаго голоса» и глаза «сверкавшіе золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ». На улицѣ Бѣлинскій «производилъ впечатлѣніе травленнаго волка», за то дома «не робѣлъ» и ходилъ въ сюртукѣ «застегнутомъ на-криво». Затѣмъ начинается полемика съ Тургеневымъ, который, по мнѣнію г. Волынскаго, представилъ Бѣлинскаго «въ электрическомъ свѣтѣ великолѣпныхъ фразъ» и изобразилъ его «съ поэтическимъ интригантствомъ». Съ *поэтическимъ интригантствомъ*—каково выраженьице! Гончаровъ характеризовалъ Бѣлинскаго тоже неудовлетворительно, хотя и безъ интригантства, за то характеристика, сдѣланная Достоевскимъ, великолѣпна. Еще бы! Достоевскій и Бѣлинскій «стояли рядомъ, глядѣли другъ другу въ глаза» и говорили: Бѣлинскій—«съ взвизгивающей хрипотою въ голосѣ», а Достоевскій «съ гнѣвнымъ испугомъ въ глазахъ». Послѣ этого какъ же имъ было не понять другъ друга? Не надо думать, что «гнѣвный испугъ» Достоевскаго былъ вызванъ «взвизгивающей хрипотою» Бѣлинскаго,—совсѣмъ нѣтъ: несмотря на свой испугъ, Достоевскій относился независимо къ Бѣлинскому,

не имѣвшему никакого вліянія на его произведенія,—на «эти раскаленныя, безформенныя глыбы высшей психологической правды». Эти глыбы, какъ и всю картину, недовѣрчивый читатель найдетъ на 20 страницѣ *Очерковъ* г. Волынскаго. А еще черезъ страницу читатель найдетъ другую, еще болѣе удивительную картину, изображающую, какъ Бѣлинскій, умирая, «лежа въ жару, безъ силъ и безъ памяти»,—«вдругъ разразился патетическою рѣчью къ русскому народу». Откуда почерпнулъ г. Волынскій извѣстіе о такомъ чудѣ? А какъ же: «Панаевъ разсказываетъ, что за четверть часа до смерти Бѣлинскій вдругъ вскочилъ съ постели, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, проговорилъ невнятно, но съ энергіею какія-то слова и началъ падать». Вотъ откуда! *Какія-то слова*, произнесенныя *невнятно*, г. Волынскій на глазахъ читателя превращаетъ въ *патетическую рѣчь къ русскому народу* — и ничего, нисколько не конфузится. Онъ разсказываетъ, какъ судитъ, и судитъ, какъ разсказываетъ—съ передержками.

Вторая половина первой статьи о Бѣлинскомъ (ниспроверженіе состоитъ изъ трехъ статей) заключаетъ въ себѣ изложеніе кое-какихъ критическихъ отзывовъ о дѣятельности знаменитаго критика. Давать намъ здѣсь, по характеру нашей теперешней задачи, совсѣмъ нечего, за исключеніемъ, впрочемъ, одного пункта. Можете ли вы представить себѣ г. Волынскаго въ роли защитника Бѣлинскаго? Трудно, конечно, но г. Волынскій въ самомъ дѣлѣ беретъ на себя эту роль, и сколько же благороднѣйшаго пыла и негодованія онъ обнаруживаетъ при этомъ случаѣ! Какъ настоящій философъ, г. Волынскій ставитъ вопросъ широко и частному инциденту даетъ значеніе показателя «нашихъ литературныхъ нравовъ», презираемыхъ имъ со всею страстью безукоризненно - нравственнаго писателя. Ну, какіе же наши нравы, г. Волынскій? А вотъ видите ли: въ *Сѣверной Пчелѣ* почти сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ напечатанъ о Бѣлинскомъ пасквильный фельетонъ Ксенофонта Полевого — вотъ и все, весь поводъ къ изобличенію нашихъ нравовъ. Хорошо ужъ и это, но г. Волынскій, по обыкновенію, не могъ воздержаться, чтобъ еще больше не напутать: изъ его же собственныхъ показаній слѣдуетъ, что нравы, на которые онъ ополчается, были даже очень не дурны. «Фельетоны Полевого, — говоритъ г. Волынскій, — вызвали шумный протестъ въ литературныхъ кружкахъ, и надо сказать правду — по заслугамъ». Чего же вамъ еще нужно, г. Волынскій? Но самое лучшее впереди. Просимъ читателя оцѣнить слѣдующую тираду: «Изданіе сочиненій Бѣлинскаго не имѣетъ никакого литературнаго значенія. Онъ почти исключительно писалъ критическія статьи, рѣзко, дерзко, безпрестанно увлекаясь своими страстями и разными личными отношеніями. Несчастный можетъ быть и не подозрѣвалъ этого, бѣсновался, увлекался и умеръ жалкимъ образомъ, не принесши никакой пользы нашей литературѣ, но извративши понятія многихъ юношей, возроставшихъ во время его широкошумной дѣятельности». Что же особеннаго въ этой, именно въ этой тирадѣ г. Волынскаго?—съ удивленіемъ спроситъ читатель. Среди его безчисленныхъ утвержденій, что «Бѣлинскій вы-

шелъ на арену журналистики безъ научной и философской подготовки, даже безъ надлежащаго знакомства съ европейскою литературой», что онъ «путался въ наивныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, громоздя риторическія фразы», что ему «систематическое мышленіе не давалось», что онъ «не умѣлъ примѣнять трудныхъ философскихъ теоремъ къ вопросамъ жизни», что онъ попросту «не вѣдалъ, что творилъ» и т. д. и т. д.,—среди океана такихъ утвержденій приведенная тирада представляется чѣмъ-то совершенно незначительнымъ. Правда, читатель. Но дѣло въ томъ, что приведенная тирада принадлежитъ не г. Волынскому, а Полевому, и г. Волынскій именно по ея поводу изливаетъ свой благородный гнѣвъ, называетъ эту тираду «совершенно невѣроятной выходкой», «общими, совершенно нелѣпыми и позорными словами». *Ты глаголеши!*—можемъ сказать мы г. Волынскому. Фельетонъ Полевого,—говоритъ г. Волынскій,—«классическій образчикъ газетной наглости»,—такъ; но не знаетъ ли г. Волынскій примѣра, тоже достойнаго быть классическимъ, журнальной наглости? «Полевой,—продолжаетъ г. Волынскій,—одинъ изъ первыхъ въ длинномъ ряду газетныхъ шарлатановъ, не церемонящихся никакими соображеніями умственной и нравственной благопристойности»,—правда; но на кого надо указать, какъ на одного изъ самыхъ послѣднихъ журнальныхъ шарлатановъ этого рода?... И необходимо замѣтить еще вотъ что: на сторонѣ Полевого были смягчающія обстоятельства, которыхъ нѣтъ у г. Волынскаго. Во-первыхъ, у Ксенофонта Полевого ни за себя, ни за брата (Николая Полевого, извѣстнаго критика) не прошла еще въ то время боль отъ ударовъ, которые наносилъ имъ Бѣлинскій, какъ полемистъ и какъ рецензентъ, такъ что личное раздражительное чувство Ксенофонта Полевого было вполнѣ естественно; во-вторыхъ, огромное значеніе Бѣлинскаго, извѣстное теперь каждому толковому гимназисту, прежде было ясно только для такихъ людей, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Ни одного изъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ на сторонѣ г. Волынскаго нѣтъ и стало быть... Заключеніе такъ ясно, что его на этотъ разъ сумѣетъ правильно сдѣлать даже г. Волынскій.

Съ первою частью сокрушительнаго «ниспроверженія» Бѣлинскаго мы покончили. Какъ видите, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, и грозное «мы не побоимся» г. Волынскаго оказалось не столько грозно, сколько забавно. Что-то ждетъ бѣднаго Бѣлинскаго во второй части? Но вторая статья г. Волынскаго начинается слѣдующимъ неожиданнымъ заявленіемъ: «подробному и всестороннему изученію Бѣлинскаго должно предшествовать знакомство со Станкевичемъ». Вотъ это сюрпризъ! Почему *должно предшествовать?* Потому что Станкевичъ имѣлъ «огромное вліяніе» на Бѣлинскаго. Но на Бѣлинскаго имѣли не меньшее вліяніе и Боткинъ, и Бакунинъ, и Герценъ, и Грановскій: неужели характеристикѣ Бѣлинскаго должны предшествовать характеристики всѣхъ этихъ людей? Въ видахъ увеличенія объема статьи или книги такой пріемъ удобенъ, но это совсѣмъ не критическій пріемъ. О Станкевичѣ мы узнаемъ отъ г. Во-

щейся аристократіи. Мы видимъ и старыхъ помѣщиковъ, и теплично воспитанныхъ дамъ, и крестьянъ, и студентовъ, идущихъ на смѣну прежнему поколѣнію. Народъ изображенъ у Ожешковой правдиво, съ его по неволѣ грубою борьбой за существованіе, съ его свѣжею, сохранившею поэзію душою. Въ разсказъ о томъ, какъ живутъ крестьяне въ хатѣ и въ полѣ, вставлены красивыя легенды (*Янъ и Цецилія*), задушевныя и граціозныя народныя пѣсни. До чего бы ни коснулась рука художницы, все это получаетъ прелесть и значительность. Не скрывая жесткихъ и грубыхъ чертъ, польская писательница имѣетъ даръ не удручать такими впечатлѣніями, не топтать въ грязь даже пошлой или жестокой человѣческой души.

Старый Анзельмъ жалуется на то, что растетъ убожество крестьянъ и душевный мракъ все сильнѣе охватываетъ ихъ. Въ жалобахъ старика есть преувеличеніе, какъ и въ горькихъ словахъ Янко: «Сѣй для того, чтобы быть сытымъ, стройся, чтобы было гдѣ преклонить голову! И у скота есть такое же счастье! Если захочешь полюбить кого-нибудь настоящею любовью, то любовь эта тебѣ не по росту; сдѣлать что-нибудь для людей захочешь,—для этого нѣтъ у тебя ни средствъ, ни умѣнья. На погибель только Господь даетъ крылья мелкимъ букашкамъ!» Авторъ не далъ погибнуть букашкѣ, и въ этомъ нѣтъ ничего произвольнаго или неправдоподобнаго. Бодрое сердце писателя подсказываетъ правду, возможное и радостное, а мягкій тонъ описанія темныхъ сторонъ деревенской жизни, какъ, напримѣръ, драки между крестьянами на полѣ, даетъ читателю возможность правильнѣе и спокойнѣе оцѣнивать явленія деревенской жизни.

Г-жа Элиза Ожешкова съ не меньшею правдивостью рисуетъ и отношенія между крестьянами и панами. Устами старика Стшалковскаго она даетъ панамъ добрый совѣтъ: «если бы панъ Корчиньскій,—говоритъ Стшалковскій,—обращался съ нами по-братски, по-людски, то едва ли бы ошибся въ разсчетѣ,—и ему бы лучше было, и намъ. Дѣло въ томъ, что у пана Корчиньскаго много земли, а у насъ много рукъ; у пана Корчиньскаго разуму больше, а у насъ больше силы. И онъ и мы—люди одного ремесла, только у него дѣло идетъ въ большомъ размѣрѣ, а у насъ въ маломъ. Вотъ я и говорю: никакъ не можетъ быть, чтобы руки не нужны были землѣ, а земля рукамъ, сила разуму и разумъ силѣ. Не можетъ быть, чтобы людямъ одного ремесла не нужно было иногда собираться вмѣстѣ, потолковать о дѣлѣ, обсудить, что нужно, помочь другъ другу въ случаѣ нужды. Вотъ оно что...»

Однимъ изъ наиболѣе удачныхъ образовъ въ романѣ *Надъ Нѣманомъ* является, по моему мнѣнію, представитель лучшей части молодого поколѣнія, Витольдъ Корчиньскій. Естественная смѣсь восторженности и глубокой, беззавѣтной преданности дорогимъ идеаламъ съ нѣсколько приподнятою и книжною фразеологіей, нѣжная любовь къ отцу и задорная строптивость,—удивительно изображены авторомъ. Сцены, въ которыхъ Витольдъ ссорится съ отцомъ, вступается за народъ, за «теоріи», а, въ концѣ-концовъ, сердечно сближается съ нимъ въ серьезный союзъ, — написаны съ рѣдкою

даровитостью и теплотой. Хорошо на душѣ становится отъ такой развязки томительныхъ столкновеній между отцами и дѣтьми.

Легкими, граціозными штрихами обрисована дѣвочка-подростокъ, Мариня, будущая подруга Витольда. Мать Марини съ понятною тревогой слѣдитъ за сближеніемъ молодыхъ людей. Но восторженный юноша говоритъ милой и вдумчивой дѣвочкѣ все о народѣ, общинѣ, интеллигенціи, иниціативѣ, просвѣщеніи, и мать Марини улыбается съ снисходительною и гордою въ одно и то же время улыбкой. «Ладно,—сказала она,—если такъ, то ладно. Пусть себѣ говорятъ о такихъ хорошихъ вещахъ!» Обернувшись снова, она увидѣла, какъ Мариня медленно поднялась, въ глубокой задумчивости взяла своего товарища подъ руку и направилась съ нимъ вдоль ольховаго лѣса къ деревнѣ. «Казалось, какая-то невидимая сила влекла ихъ туда. Теперь ихъ фигуры, близко склоненныя другъ къ другу, рельефно выдѣлялись на зеленомъ фонѣ лѣса. Онъ больше чѣмъ когда-либо имѣлъ видъ апостола, проповѣдующаго свои мысли, она шла съ наклоненною головой, съ опущенными рѣсницами и съ тихою, восторженною улыбкой на свѣжихъ устахъ, которая сопровождаетъ пробужденіе молодой мысли и воли».

Какъ ни мягокъ и ни гуманенъ авторъ, отъ него зло достается пани Корчиньской, Терезѣ, и имъ подобнымъ женщинамъ. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, изображеніе Терезы почти впадаетъ въ шаржъ. Но нельзя безъ улыбки читать, какъ бесѣдуютъ между собою о «высшихъ интересахъ» пани Корчиньская и Тереза. Авторъ усиливаетъ впечатлѣніе рѣзкимъ контрастомъ. Сейчасъ же за сценой въ деревнѣ и на Нѣманѣ, гдѣ рыбаки, ночью, съ огнемъ, выѣхали ловить рыбу, мы переносимся въ спальню пани Эмиліи. Тереза читаетъ ей глупый французскій романъ. Героиня романа, знаменитая куртизанка, представленная Людовику XIV. «Каковъ былъ мой восторгъ,— говоритъ куртизанка, — когда по улыбкѣ короля-солнца я догадалась, что на горизонтѣ его двора вскорѣ засіяетъ новая звѣзда первой величины! Я чувствовала, что вступаю въ святилище величія, блеска, изящества и роскоши».

«— Милая Тереза,—перебилъ чтеніе слабый и мягкій голосъ пани Эмиліи,—можешь ли ты себѣ представить подобное божество?

«— Ахъ!—вздрогнула Тереза,—трудно представить себѣ.

«— Быть звѣздой первой величины при дворѣ великаго короля... наслаждаться, сіять!...

«— Быть любимой!

«— О, да! И кѣмъ любимой? Маркизомъ де-Креки! И какова должна была быть любовь такихъ изящныхъ, прекрасныхъ, поэтичныхъ людей!

«— Ахъ! Я не могу себѣ даже и представить такого счастья!

«— При такихъ условіяхъ и я была бы здорова, весела, довольна, могла бы танцовать, дышать полною грудью,—однимъ словомъ, жить! Правда, Тереза?

«— О!»

Другой контрастъ. Злой, на этотъ разъ, авторъ только что нарисовалъ тяжелую деревенскую сцену: крестьяне проиграли тяжбу съ помѣщикомъ, имъ грозитъ разореніе. Въ это время въ безмятежномъ пріютѣ «высшихъ интересовъ», въ спальнѣ пани Эмиліи, происходитъ многознаменательный разговоръ. Пани Эмилія спрашиваетъ:

«— Какъ ты думаешь, Тереза, среди эскимосовъ существуетъ настоящая, горячая, поэтическая любовь?»

Хорошая, талантливая, поэтическая книга романъ *Надъ Нѣманомъ*. Мнѣ хочется повторить, примѣняя къ Элизѣ Ожешковой, слова И. И. Иванова о дѣятельности Тургенева: «Для родины писателя она неизмѣнно исполнена была жгучихъ интересовъ современности, стремилась дать отвѣты на возникающіе вопросы, внести посильный свѣтъ въ смуту переживаемой дѣйствительности» *).

Пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о новомъ трудѣ г. Иванова. Этотъ молодой писатель—мой старый антогонистъ. Мы спорили съ нимъ еще въ *Артистѣ*, причемъ онъ держалъ сторону Писарева, а я Добролюбова (рѣчь шла о Катеринѣ въ *Грозѣ*). Нѣтъ ничего радостнѣе, какъ видѣть ростъ и расцвѣтъ новыхъ литературныхъ и ученыхъ силъ, хотя бы эти силы развивались и не совсѣмъ такъ, какъ намъ бы хотѣлось. Честный, неустанный, независимый трудъ не можетъ не привлекать къ себѣ сочувствія и уваженія.

И. И. Ивановъ написалъ о Тургеневѣ большую книгу. Творецъ *Дворянскаго гнѣзда,* par le temps qui court, не пользуется тѣмъ значеніемъ, какое подобаетъ его великому таланту. Тѣмъ больше заслуга біографа и критика, который съ такою любовью отнесся къ жизни и дѣятельности Тургенева.

Свою книгу г. Ивановъ заключаетъ напоминаніемъ о томъ, какъ хоронили Тургенева: «Гробъ сопровождали до двухъ сотъ восьмидесяти депутацій, погребальная колесница утопала въ вѣнкахъ, начальныя школы, гимназіи, лицеи, академія наукъ и университеты отдавали послѣднія почести великому борцу за просвѣщеніе. Крестьяне, женскіе курсы, представители далекихъ провинціальныхъ захолустій несли дань благоговѣнія мужественному защитнику народной свободы, общественной равноправности и культурной гражданственности; періодическія изданія, консерваторіи, театры сошлись на поклонъ къ геніальному подвижнику благороднаго русскаго слова и художественнаго творчества; французы, нѣмцы, евреи, поляки, болгары привѣтствовали прахъ безсмертнаго вождя своего народа по пути національной терпимости и всемірной цивилизаціи»...

Авторъ тщательно собралъ матеріалы для біографіи и характеристики Тургенева, и читатели найдутъ въ его книгѣ много новаго и цѣннаго. Рѣдко кто знаетъ у насъ, напримѣръ, что Тургеневъ передъ освобожденіемъ крестьянъ задумывалъ основать *общество для распространенія гра-*

---

*) *Ив. Ивановъ*: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество". Изд. журнала *Міръ Божій*. Спб., 1896 г.

мотности и первоначальнаго обученія. Много лѣтъ спустя, въ перепискѣ съ Герценомъ, онъ продолжаетъ горячо отстаивать необходимость энергическихъ усилій, чтобы просвѣтить народъ. «Роль образованнаго класса въ Россіи,—писалъ Тургеневъ,—быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать и принимать».

И. И. Ивановъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе, какъ тяжело жилось Тургеневу за-границей, въ Парижѣ, какъ въ сущности мало цѣнили и понимали его многіе изъ французскихъ друзей... Были, конечно, и исключенія, какъ Жоржъ Зандъ, Флоберъ. Въ высшей степени замѣчателенъ отзывъ Тургенева о знаменитой писательницѣ. «Кто знакомился съ Жоржъ Зандъ, тотчасъ чувствовалъ,—пишетъ Тургеневъ,—что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью и участіемъ. И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ, Жоржъ Зандъ—одна изъ нашихъ святыхъ»...

За подробностями о парижскихъ пріятеляхъ Тургенева отсылаемъ читателя къ книгѣ г. Иванова. Конечно, съ тѣхъ поръ интересъ къ Россіи возросъ у французовъ, увеличилось и ихъ знаніе русской жизни и литературы, но многое осталось по-прежнему. Не рѣдко приходится слышать удивительно нелѣпые отзывы о нашихъ общественныхъ явленіяхъ, еще чаще мы видимъ полное равнодушіе къ думамъ и заботамъ неоффиціальной Россіи.

Само собою разумѣется, мы съ истиннымъ удовольствіемъ стараемся отмѣчать во французской печати все то, что говоритъ о дѣйствительномъ интересѣ къ духовнымъ потребностямъ нашей родины. И на этотъ разъ я укажу читателямъ на статью Альфреда Рамбо: *Россія, которая читаетъ* *). Авторъ передаетъ въ этой статьѣ результаты извѣстнаго изслѣдованія Н. А. Рубакина: *Этюды о русской читающей публикѣ.* Рамбо полагаетъ, что русскій писатель слѣдовалъ методѣ Геннекена (разсматривать читателей, а не писателей). Такъ, вѣдь, всегда полагается, что во всемъ первое мѣсто и иниціатива принадлежатъ французу. Я думаю, что большая часть составительницъ сборника *Что читать народу* и не слыхивала, напримѣръ, о названномъ французскомъ критикѣ.

Рамбо справедливо замѣчаетъ, что судить о Россіи по Тургеневу, Толстому и Достоевскому—это одно дѣло: тогда намъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ XIX вѣка; если же оцѣнивать насъ *по методѣ Геннекена,* то результатъ будетъ противоположный. Но Рамбо отмѣчаетъ, что прогрессъ въ Россіи съ освобожденія крестьянъ громаденъ. Русскому народу,—такъ кончаетъ онъ свою статью,—чтобы стать такимъ же культурнымъ народомъ, какъ его западные сосѣди, не достаетъ только научной

---

*) *La Russie qui lit* (*Journal des Débats*, 19 février).

пищи. Должно позаботиться, — говоритъ Альфредъ Рамбо, — чтобъ этотъ недостатокъ былъ поскорѣе заполненъ.

За такое пожеланіе нельзя не сказать сердечнаго спасибо. Рамбо, который знаетъ русскій языкъ и слѣдитъ за нашею литературой, могъ бы отмѣтить, какъ много дѣлается въ этомъ отношеніи русскимъ образованнымъ обществомъ, *интеллигенціей,* по общепринятому словоупотребленію.

Книгъ у насъ дѣйствительно мало, и книги эти дороги. Въ интересахъ народнаго просвѣщенія было бы желательно сокращеніе того срока, послѣ котораго сочиненія умершихъ писателей становятся общимъ достояніемъ. Пятьдесятъ лѣтъ черезчуръ много. Полвѣка переживутъ, конечно,—они переживутъ и столѣтія,—произведенія величайшихъ нашихъ писателей, большая же часть хорошихъ книгъ, весьма и весьма полезныхъ въ свое время, черезъ такой длинный промежутокъ времени потеряетъ образовательное значеніе. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, минуло полвѣка со дня кончины извѣстнаго и очень даровитаго критика, публициста и историка Н. А. Полевого; но большая часть его сочиненій теперь уже не возбудитъ интереса въ обширномъ кругѣ читателей.

Полевой, въ предисловіи къ собранію своихъ критическихъ статей, писалъ слѣдующее: «Я не судья самъ себѣ. Но никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны,—скажутъ мнѣ,—и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго,—потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую».

Полевой говоритъ далѣе: «Пусть мы не достигли искомыхъ нами идеаловъ, по крайней мѣрѣ порадуемся, что не безплодно утраченная протекла жизнь наша»...

Чернышевскій, приведя эти слова, замѣчаетъ: «Сколько благородства въ этихъ словалъ и какою правдой вѣетъ отъ нихъ! Кто такъ говоритъ, тотъ не лжетъ, и дѣйствительно не безплодно протекла жизнь этого человѣка, и не съ осужденіемъ, а съ признательностью должны мы вспоминать его» *).

В. Гольцевъ.

---

*) *Очерки гоголевскаго періода русской литературы*, стр. 49.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Генералъ Баратіери потерпѣлъ отъ абиссинцевъ полное пораженіе. Большая часть офицеровъ погибла или взята въ плѣнъ, нѣсколько тысячъ солдатъ убито или ранено, итальянцы оставили въ рукахъ непріятеля болѣе семидесяти пушекъ. Это тяжелое несчастіе вызвало взрывъ народнаго негодованія. Оно сдѣлало то, чего не могли достигнуть всѣ настойчивыя усилія вождей консервативной и радикальной оппозиціи: кабинетъ Криспи вышелъ въ отставку. Противъ продолженія африканской экспедиціи были внушительныя демонстраціи во многихъ городахъ Италіи. Толпа мѣшала отправкѣ войскъ, назначавшихся въ Массову, вступала въ столкновенія съ полиціей и войсками, были раненые и даже убитые. Король Гумбертъ принужденъ былъ предложить образованіе новаго кабинета генералу Рикотти и Рудини. Они оба — противники политики павшаго, наконецъ, министра-президента, и король долго не соглашался принять ихъ условія, потому что въ его глазахъ пораженіе при Адуѣ требуетъ отомщенія. Честолюбивые и воинственные планы, которые принесли столько зла Италіи, на этотъ разъ однако должны были отступить передъ общественнымъ негодованіемъ и несомнѣннымъ финансовымъ и экономическимъ разстройствомъ королевства. Конечно, пораженіе, нанесенное Менеликомъ войскамъ короля Гумберта, принижаетъ положеніе послѣдняго въ тройственномъ союзѣ, но самый союзъ этотъ ни на что не нуженъ итальянскому народу, обязывая въ то же время страну истощаться въ вооруженіяхъ и вести торговую войну съ Французскою республикой.

Будетъ безуміемъ и преступленіемъ, если кровь, пролитая при Адуѣ, не помѣшаетъ королю Гумберту и безъ Криспи вести прежнюю великодержавную и наступательную политику.

Извѣстія о рѣшительномъ пораженіи итальянской экспедиціонной арміи особенно тяжелое впечатлѣніе произвели, конечно, въ Германіи и среди австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ. Руководитель иностранной политики Габсбургской монархіи, графъ Голуховскій, немедленно отправился въ Берлинъ и имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ императоромъ Вильгельмомъ и княземъ Гоенлоэ. Въ нѣмецкой печати раздаются голоса, требующіе, чтобъ Италія возстановила свою военную честь. *National-Zeitung* замѣчаетъ, что только благодаря тройственному союзу Италія можетъ послать въ Африку

достаточную боевую силу, не опасаясь нападеній на собственную территорію *). Но откуда же Италіи могло грозить нападеніе? Франція никогда не помышляла объ этомъ, несмотря на задорныя выходки итальянскаго правительства. Однако, и нѣмецкія газеты осуждаютъ опрометчивость генерала Баратіери и нарушеніе бывшимъ министромъ-президентомъ требованій правильной конституціонной жизни: расходованія денегъ, не разрѣшенныхъ парламентомъ, произвольной отсрочки засѣданій палаты депутатовъ, давленія на выборахъ и т. п.

Сторонники тройственнаго союза надѣялись, что кабинетъ Криспи переживетъ тяжелое несчастіе. Эти надежды не оправдались. Маркизъ ди-Рудини—не врагъ союза съ Германіей и Австро-Венгріей, но вовсе не пламенный его сторонникъ. Ему придется продолжать африканскую экспедицію, но онъ, по всей вѣроятности, откажется отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій и постарается заключить съ негусомъ почетный для Италіи миръ. Во всякомъ случаѣ нельзя не привѣтствовать паденія Криспи, управленіе котораго привело Италію къ разоренію и униженію.

Французы отнеслись къ тяжкому пораженію итальянскихъ войскъ сдержанно и съ сочувствіемъ къ несчастію. Злорадства почти не было замѣчено, за то оно некрасиво обнаружилось въ нѣкоторыхъ «охранительныхъ» органахъ нашей печати, тяготѣющихъ къ абиссинскимъ порядкамъ и нравамъ. Еслибы не битва при Адуѣ и не паденіе Криспи, то французское общественное мнѣніе было бы въ настоящее время всецѣло поглощено внутренними дѣлами. Кабинецъ Леона Буржуа остается на мѣстѣ и продолжаетъ вести борьбу съ сенатскимъ большинствомъ и съ оппортюнистами палаты депутатовъ. Большинство бюджетной коммиссіи палаты высказалось противъ правительственнаго законопроекта подоходнаго налога. Это не предрѣшаетъ окончательно голосованія палаты, но является, конечно, весьма тревожнымъ для кабинета признакомъ. Въ парламентѣ въ скоромъ времени должно произойти поэтому генеральное сраженіе. Если голосованіе палаты окажется не въ пользу правительства, то кабинетъ Буржуа выйдетъ въ отставку, но выйдетъ почетно, вслѣдствіе принципіальнаго разногласія съ большинствомъ народныхъ представителей. Нужно замѣтить, что общественное мнѣніе все сильнѣе и сильнѣе высказывается въ пользу реформаторскихъ плановъ Леона Буржуа и его товарищей. Путешествіе президента республики на югъ Франціи было сплошнымъ торжествомъ для сопровождавшаго Фора министра-президента. Это путешествіе,—пишетъ парижскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—напоминаетъ знаменитое путешествіе Греви и Гамбетты въ Нормандію. Фора вездѣ встрѣчали очень радушно, а Леона Буржуа—съ энтузіазмомъ. Неустанно гремѣли клики: *да здравствуетъ министерство* и *долой сенатъ*. «И это совершенно понятно,—говорилъ корреспонденту французъ-собесѣдникъ:—вѣчное топтанье на одномъ мѣстѣ не сладко никому; въ провинціи же оно даетъ себя чувство-

*) *National Zeitung*, 3 März.

вать еще сильнѣе, чѣмъ въ столицѣ. Естественно, что провинціалы съ самаго же начала отнеслись очень сочувственно къ министерству, которое поставило себѣ задачей провѣтрить, освѣжить застоявшійся воздухъ и серьезно приняться за разрѣшеніе стоящихъ на очереди вопросовъ, а сенатъ своимъ противодѣйствіемъ только подлилъ масла въ огонь и еще больше раздулъ популярность министерства Буржуа въ провинціи» *). Органы буржуазныхъ республиканцевъ встревожены. Они нападаютъ на Фора, который относится сочувственно къ кабинету Буржуа и въ одной изъ своихъ отвѣтныхъ на привѣтствія рѣчей, въ деликатной формѣ, не согласился съ требованіемъ безучастія государственной власти къ экономическимъ нуждамъ народа. Фора упрекаютъ и въ неблагодарности, потому что онъ былъ избранъ президентомъ республики преимущественно оппортюнистами противъ кандидата радикаловъ — Бриссона. Нечего и говорить о нелѣпости этихъ обвиненій: Форъ избранъ президентомъ Французской республики, а не партіи оппортюнистовъ, и управлять, въ предѣлахъ конституціи, долженъ въ интересахъ всего народа.

Новые выборы въ вѣнскую думу опять дали большинство двухъ третей коалиціи, предводимой антисемитами. Правительству графа Бадени не удалось перетянуть на свою сторону мелкое чиновничество; надежды нѣмцевъ-централистовъ на раздоръ въ лагерѣ коалиціи также не оправдались. Въ бургомистры Вѣны могутъ выбрать снова Люгера, и тогда министерству предстанетъ непріятная дилемма: или кассировать это избраніе и во второй разъ распустить только что выбранную думу, или получить отъ императора утвержденіе Люгера городскимъ головою и такимъ образомъ признаться въ своемъ пораженіи. Нѣкоторые предлагаютъ компромиссъ: пусть на мѣсто городского головы выберутъ другое лицо, Люгеръ же удовольствуется преобладающимъ фактическимъ вліяніемъ и постомъ товарища городского головы (для него не нужно согласія императора).

Пражская *Politik*, подчеркивая результаты вѣнскихъ выборовъ, говоритъ, что ихъ отличіе отъ сентябрьскихъ состоитъ въ томъ, что тогда пораженіе потерпѣла нѣмецкая либеральная партія, а теперь вмѣстѣ съ нею и правительство, распустившее думу и не утвердившее Люгера. *Politik* полагаетъ, что графъ Бадени не пойдетъ на уступки, что онъ, въ угоду нѣмцамъ-централистамъ (пора бы ихъ перестать называть либералами), скорѣе согласится на ограниченія и стѣсненія самоуправленія Вѣны. Совершенно справедливо замѣчаніе старо-чешской партіи, что такой образъ дѣйствій отымаетъ всякое уваженіе къ когда-то могущественной политической партіи и дѣлаетъ *вѣнскій вопросъ* вопросомъ общегосударственнымъ **).

Въ шведскомъ парламентѣ вождь крайней лѣвой, депутатъ Гаденъ, указалъ недавно на длинный рядъ недостойныхъ поступковъ офицеровъ и на

*) *Русскія Вѣдомости*, 4 марта.

**) *Politik*, № 62.

дурное обращеніе съ солдатами въ шведской арміи. Рѣчь Гадена вызвала рѣзкій отвѣтъ со стороны военнаго министра, возбудила бурю въ палатѣ и въ печати. Либеральная партія давно уже съ печалью и тревогой слѣдитъ за развитіемъ въ Швеціи милитаризма. Усиленныя вооруженія разоряютъ страну, плохо отражаются на общественныхъ нравахъ и готовятъ Швеціи большія бѣды. Противъ кого вооруженія эти могутъ быть направлены? Противъ Россіи и Норвегіи. Но наше отечество не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній противъ своей забалтійской сосѣдки, а Норвегія законными и мирными способами борется за свое право, за свою политическую автономію. Не хочетъ ли шведское правительство «завоевать» Норвегію и обращаться потомъ съ нею какъ съ покоренною страной? Но этого не можетъ допустить международное право и европейское общественное мнѣніе.

Естественно, что либеральная партія въ Швеціи самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ мысли о вооруженномъ нападеніи на Норвегію.

Дознаніе, произведенное вслѣдствіе упомянутой рѣчи Гадена, вынудило военнаго министра признать многіе факты злоупотребленій (въ томъ числѣ въ интендантскомъ управленіи), которые онъ прежде совершенно отрицалъ. Все это напоминаетъ, въ миніатюрѣ, явленія, сопутствующія милитаризму въ странѣ его наибольшаго развитія, въ Германіи, да и совершается не безъ вліянія нѣмецкой дипломатіи. Образовался въ Швеціи, по примѣру Пруссіи, и союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Шведскіе аграріи владѣютъ большинствомъ въ верхней палатѣ и никакъ не могутъ найти достаточно, по ихъ мнѣнію, консервативнаго министерства.

Конгрессъ и сенатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ признали кубанскихъ инсургентовъ за воюющую сторону. Въ Испаніи это извѣстіе повело къ бурнымъ патріотическимъ и анти-американскимъ манифестаціямъ, послышались призывы къ войнѣ съ великою заатлантическою республикой. Еслибъ эта война въ самомъ дѣлѣ началась, то Испанія не только потеряла бы Кубу, но и многое другое. И національному испанскому тщеславію придется смириться. Несчастный островъ, на которомъ такъ много льется теперь крови, могъ бы быть привязанъ къ метрополіи лишь разумными реформами, предоставленіемъ мѣстному населенію достаточной доли самоуправленія.

Нельзя не замѣтить, что доктрина Монро—*Америка для американцевъ*—въ послѣднее время, при президентѣ Кливелендѣ, превращается изъ оборонительной въ наступательную по отношенію къ Европѣ и что шовинизмъ обнаруживается въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ неожиданною силой. Надо надѣяться, что эти увлеченія общественнаго мнѣнія скоропреходящи и не глубоки и не доведутъ Стараго Свѣта до рѣзкаго отпора Новому Свѣту.

Когда дописывалось это обозрѣніе, телеграфъ принесъ важныя извѣстія, которыя необходимо отмѣтить. Новое итальянское министерство явилось

передъ парламентомъ и сдѣлало сообщеніе о программѣ своей политики. Нынѣшній кабинетъ будетъ вести дѣло въ Африкѣ съ осторожностью, миролюбіемъ и достоинствомъ. Политика завоеваній отвергается, кабинетъ не стремится къ протекторату надъ Абиссиніей. Министерство обращается къ единенію палаты и не проситъ ее о довѣріи, а постарается заслужить его. Телеграфъ прибавляетъ, что палата оказала новому министерству отличный пріемъ. Въ засѣданіи присутствовали депутаты Де-Феличе и Боско, посаженные Криспи въ тюрьму за политическія преступленія и немедленно освобожденные, какъ только получилъ власть кабинетъ ди-Рудини.

Въ это же время англійское правительство приступаетъ къ экспедиціи по направленію къ Донголѣ. Движеніе дервишей къ Кассалѣ и пораженіе итальянцевъ при Адуѣ являются неблагопріятными событіями и для британскаго владычества въ Египтѣ. За долгіе годы этого владычества египетская армія получила удовлетворительную организацію и самъ хедивъ, повидимому, не противится попыткѣ завоеваній въ Суданѣ. Движеніе англо-египетскаго отряда вверхъ по долинѣ Нила можетъ обезпечить положеніе итальянцевъ въ Кассалѣ. Англійское правительство, въ лицѣ Керзона, дало въ нижней палатѣ объясненія, что оно, снаряжая экспедицію, преслѣдуетъ и эту цѣль, т.-е. косвенную, но весьма существенную помощь итальянской арміи.

Съ точки зрѣнія британскихъ интересовъ, такой образъ дѣйствія вполнѣ понятенъ. Несомнѣнно также, что успѣхъ похода въ Суданъ усилитъ положеніе англичанъ въ Египтѣ, а военныя неудачи поведутъ къ новымъ экспедиціямъ. Объ освобожденіи страны фараоновъ отъ англійскаго занятія и политической гегемоніи не можетъ поэтому быть и рѣчи. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ «обратилъ вниманіе» лорда Дефферина на важныя послѣдствія экспедиціи къ Донголѣ, но и британскій посолъ въ Парижѣ, и англійское правительство сами, конечно, знаютъ всю важность этихъ послѣдствій. Англію нельзя сравнивать съ Италіей, и за свои владѣнія и колоніальныя выгоды она держится съ упрямою, холодною, разсчитанною энергіей *). Умѣетъ, однако, Англія и во-время отступить, когда она наталкивается на серьезную опасность. Такъ было недавно въ армянскомъ вопросѣ. Читатели помнятъ, въ какихъ рѣзкихъ, прямо грубыхъ выраженіяхъ отзывался лордъ Салисбюри о правительствѣ турецкаго султана. Казалось, что военное вмѣшательство Англіи было неминуемо, британскій флотъ былъ уже у входа въ Дарданеллы. Но, убѣдившись въ томъ, что ни Россія, ни Франція, ни тѣмъ болѣе Австро-Венгрія и Германія не желаютъ принимать противъ Турціи принудительныхъ мѣръ, британскій (консервативный) левъ махнулъ хвостомъ на армянскій вопросъ.

Въ данномъ случаѣ нельзя не пожалѣть о такомъ исходѣ дѣла. Евро-

*) Въ *Revue de Paris* (1 mars) появилось начало интересной статьи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ французской республики Габріеля Ганото: *Раздѣлъ Африки*. Въ первой части статьи находятся историческія справки, указанія на препятствія колонизаціи Африки, и т. д.

пейскимъ державамъ (преимущественно, повидимому, русской дипломатіи) удалось остановить дальнѣйшее избіеніе армянъ, но объ обѣщанныхъ турецкимъ правительствомъ реформахъ опять нѣтъ никакихъ извѣстій. Мусульманская религія стоитъ, разумѣется, серьезнымъ препятствіемъ къ введенію въ областяхъ Турецкой имперіи европейскихъ основъ политической жизни, но при доброй волѣ правительства невѣжественный магометанскій фанатизмъ могъ бы быть обузданъ, жизнь, имущество и человѣческое достоинство христіанскаго населенія, подвластнаго повелителю правовѣрныхъ, могли бы быть обезпечены. Въ самомъ турецкомъ обществѣ существуютъ реформаторскія теченія, но противъ нихъ жестоко борется правительство. Поучительно въ этомъ отношеніи письмо одного изъ вождей движенія, Ахмеда Ризы, напечатанное въ *Justice*, въ февралѣ нынѣшняго года. Авторъ заявляетъ, что «молодая Турція» стремится къ мирному торжеству ея идей, идей европейскаго прогресса. *Молодая Турція* желаетъ реформъ для всѣхъ областей, для всего населенія имперіи, не ослабляя оттоманскаго элемента, у котораго Ахмедъ Риза признаетъ «славное прошлое».

Не касаясь вопроса о томъ, насколько *славно* это кровавое прошлое, мы не можемъ не выразить сочувствія стремленіямъ вывести Турецкую имперію изъ мусульманской спячки и фанатизма. Иностранные друзья нашего отечества (все французы) съ необычайною любезностью приглашаютъ Россію занять Константинополь *). Но каждый разумный русскій вынужденъ отклонить это предложеніе. У насъ много, безконечно много дѣла у себя дома. Выходъ въ открытое море долженъ быть обезпеченъ для нашего флота договорами. Къ счастью, разумѣется, совѣты и дружественныя подталкиванія иностранныхъ шовинистовъ, приводящіе въ умиленіе нашихъ собственныхъ шовинистовъ, не оказываютъ никакого вліянія на миролюбивую по существу политику Россіи. Отмѣтимъ въ заключеніе интересный *мемуаръ*, адресованный державамъ въ исполненіе постановленія брюссельской междупарламентарной конференціи ея президентомъ, бельгійскимъ сенаторомъ Декамомъ. Въ мемуарѣ развивается проектъ постояннаго международнаго третейскаго суда.

Нашимъ штатскимъ побѣдителямъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ приведемъ въ поученіе слѣдующія слова, которыя въ 1890 году покойный маршалъ Канроберъ писалъ на междупарламентарную конференцію въ Лондонѣ: «Вы правы, трудясь для того, чтобы воспрепятствовать войнѣ; я-то ее знаю, это—дурная вещь (vilaine chose), не дѣлайте ея» **).

В. Г.

---

*) См., напримѣръ, статью *Tallichet:* „La Russie à Constantinople" (*Bibliothèque universelle et Revue Suisse* 1896, Janvier).

**) Заимствую изъ статьи Фредерика Пасси: *Le mouvement de Paix en Europe* (*Revue des Revues*, 1 mars). О бѣдствіяхъ войны см. *Novicow*: „Les luttes et les gaspillages des Sociétés modernes"; его же: „Les bienfaits de la guerre".

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь,

г. редакторъ!

Отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, въ совѣтъ Московскаго комитета грамотности поступило пожертвованіе въ размѣрѣ 63 тыс. руб. (55 тыс. руб. деньгами и закладными листами и около 8 тыс. руб. % бумагами), причемъ жертвователемъ выражено желаніе употребить эту сумму на слѣдующія цѣли:

1) Тридцать тысячъ рублей на безплатную разсылку книгъ въ народныя библіотеки, устраиваемыя по правиламъ 15 мая 1890 г.—цѣною отъ 100 р. до 300 р. каждая,—изъ книгъ по каталогу, одобренному комитетомъ грамотности; б) 10 тыс. руб. на школьныя библіотеки—цѣною отъ 10 до 50 руб. каждая и на высылку учебниковъ въ бѣднѣйшія школы; 2) пятнадцать тысячъ руб. на изданія полезныхъ книгъ для народнаго чтенія и другія изданія комитета грамотности и на устройство книжныхъ складовъ; 3) пять тысячъ руб. на другія нужды комитета по его усмотрѣнію, 4) и восемь тысячъ на воскресные классы и повторительные.

Что касается остальныхъ пяти тысячъ руб., то они, согласно съ волею жертвователя, должны быть распредѣлены примѣнительно къ изложеннымъ выше указаніямъ.

Общее собраніе членовъ комитета грамотности, состоявшееся 28 минувшаго февраля, утвердивъ всѣ заключенія состоящихъ при комитетѣ коммиссій относительно осуществленія вышеизложенныхъ предположеній, единогласно постановило выразить жертвователю свою глубочайшую благодарность за его щедрый даръ на дѣло народнаго образованія, сообщивъ о томъ въ наиболѣе распространяемыхъ органахъ печати.

Исполняя это постановленіе комитета, я имѣю честь просить васъ, милостивый государь, дать настоящему письму мѣсто на страницахъ вашего журнала.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности. *В. Вахтеровъ* (исполн. обяз. предсѣдателя комитета).

Въ статьѣ П. Б. Струве: *Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Оболенскаго* (февраль 1896 г.) вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
101	25 сверху	Таковы ли заимствованія, связанныя съ развитіемъ торговыхъ сношеній?	Таковы же заимствованія, связанныя съ развитіемъ торговыхъ сношеній.
110	15 „	сельфакидоры	сельфакторъ
111	15 снизу	обновить	обставить
113	18 „	противъ нихъ	противъ насъ
114	12 сверху	извѣстнаго рода мыслей	извѣстнаго ряда мыслей

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Мартъ 1896 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика. — Философія, психологія и педагогика.—Исторія, исторія литературы и біографіи.—Этнографія и языкознаніе.—Политическая экономія.—Юридическія книги.— Естествознаніе.— Медицина. — Учебники. — Справочныя книги и календари. II. **Періодическія изданія**: «Русское Богатство», *январь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.— «Новое Слово», *январь*. — «Образованіе», *январь — мартъ*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1896 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго". — „Стихотворенія Л. Г***".— „Грезы и тѣни". *А. Амфитеатрова.*

Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ, съ двумя портретами, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1896 г. Цѣна 6 руб., съ пересылк. 7 руб. Яковъ Петровичъ Полонскій родился въ 1820 году. Первыя стихотворенія его, вошедшія въ настоящее изданіе, написаны въ 1840 году, когда онъ былъ студентомъ Московскаго университета. Въ 1844 году вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго подъ заглавіемъ *Гаммы*. Маститый поэтъ занимаетъ такое выдающееся мѣсто въ русской литературѣ, что мы считаемъ невозможнымъ входить въ оцѣнку его стихотворныхъ произведеній въ короткомъ библіографическомъ отзывѣ, вызванномъ новымъ изданіемъ произведеній, занимающемъ по времени своего появленія въ свѣтъ пятидесяти-шестилѣтній періодъ. А потому мы ограничиваемся лишь нѣсколькими словами объ изданіи г Маркса, значительно дополненномъ новыми произведеніями знаменитаго поэта, написанными имъ послѣ изданія полнаго собранія его сочиненій въ 1885 — 1886 г., совершенно распроданнаго. Въ новомъ изданіи г. Маркса стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по времени написанія ихъ, съ обозначеніемъ горсдовъ, гдѣ они написаны. Въ такомъ порядкѣ напечатаны въ первыхъ двухъ томахъ и въ началѣ третьяго всѣ мелкія по размѣрамъ стихотворенія, начиная съ годовъ студенчества (1840 г.) до нашихъ дней, т.-е. до 1895 года. Вторая половина третьяго тома занята болѣе крупными произведеніями 50-хъ, 60-хъ и начала 70-хъ годовъ; въ четвертомъ томѣ — произведенія 70-хъ годовъ и либретто оперы *Вакула кузнецъ;* въ пятомъ томѣ—произведенія 80-хъ и 90-хъ годовъ. Въ пятомъ томѣ напечатанъ алфавитный указатель ко всѣмъ пяти то-

мамъ. Романы и повѣсти г. Полонскаго, написанные прозой, не вошли въ это изданіе. Къ первому и пятому тому приложены портреты автора съ его факсимиле.

Стихотворенія Л. Г*. Отголоски жизни (1879—1895 гг.). Больныя души, повѣсть въ стихахъ.—Ипатія, драматическ. поэма.—Мирра, драматическія картины древней Индіи. Изданіе П. К. Прянишникова. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 75 к.** Книгъ и книжекъ, наполненныхъ стихами и виршами разныхъ сочинителей, издается у насъ такое множество, что попавшій въ Россію „знатный иностранецъ" можетъ вообразить, будто поэтовъ въ нашемъ отечествѣ видимо-невидимо и поэзія среди нашихъ снѣговъ такъ и сыплетъ свои неувядаемые цвѣты. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ: въ старые годы, въ „благополучное помѣщичье время", стиховъ писалось не въ примѣръ больше, и поэты тогда были настоящіе, ибо писавшіе стихи не мнили себя поэтами и стиховъ своихъ не печатали. Теперь не то, нынѣ каждый, нацарапавшій тетрадку стишковъ, удручаетъ ими всѣ редакціи и, встрѣчая вездѣ одно „недоброжелательство", печатаетъ свои сочиненія собственнымъ иждевеніемъ, либо при помощи благосклонныхъ издателей, и книжный рынокъ переполняется стихотворнымъ хламомъ. Въ лежащемъ передъ нами ворохѣ отдѣльныхъ изданій стихотвореній привлекла наше вниманіе большая и толстая (въ 380 стран.) книга г. Л. Г , изданная г. Прянишниковымъ на хорошей бумагѣ и съ немалыми претензіями. Мы раскрыли книгу и заинтересовались слѣдующимъ въ ней новшествомъ: авторъ ставитъ большія, прописныя, буквы только тамъ, гдѣ это полагается въ прозаическомъ сочиненіи, т.-е. послѣ точки. Приводимъ образчикъ:

„За что же ты, съ душой такой высокой,
молчаніемъ мнѣ истомила грудь?
Желанная, хоть слово! Что-нибудь
   подай въ отраду. Подвязать осокой
цвѣтокъ болящій—свято,—все равно,
какъ и съ мольбою неподдѣльно-жаркой
храмъ, бурями расшатанный давно,
   скрѣпить воздушной, смѣлой аркой!"

Вотъ конецъ другого стихотворенія г. Л. Г.:

„Ты лгала, меня-ль храня, иль себя оберегая,—
что мнѣ въ томъ? Но жаль, что ты обманула, дорогая".

Чтобы покончить съ „поэзіей" г. Л. Г., мы приведемъ еще начало одного длиннаго стихотворенія:

„Льется розъ ароматъ, каприфолій, цвѣтущей айвы.
Я дышу и боюсь: не вскружилъ бы онъ мнѣ головы.
Всѣ кустами, травою холмы зеленѣютъ вокругъ
и въ узорахъ цвѣтовъ запестрѣлъ и заискрился лугъ".

Разбирать египетскую драму *Ипатія* и индійскую драму *Мирра* мы не будемъ,—признаемся, у насъ не хватило терпѣнія прочесть ихъ сполна. Съ насъ довольно заключительной сцены *Мирры*:

„Цинирасъ (*натискомъ ломаетъ дверь на башню. Восходитъ солнце*).
Кенхреисъ (*хочетъ кинуться и удержать его, но у нея нѣтъ силъ*).
Постой... Циниръ!... прости, я умоляю!...
Цинирасъ (*сломавъ окончательно дверь, убѣгаетъ наверхъ*).
Мирра (*въ то же мгновеніе падаетъ мимо окна внизъ съ вершины башни*).
Кенхреисъ (*увидавъ это, страшно вскрикнула*). А!... (*Кидается къ окну съ протянутыми руками, будто желая удержать дочь*) Мирра!! (*взглянувъ въ окно*).
А!! Разбилась, вся разбилась!"

Грезы и тѣни. Книга легендъ Александра Амфитеатрова. Москва, 1896 г. Цѣна 1 рубль. Авторъ разсказываетъ нѣсколько легендъ, слышанныхъ и записанныхъ имъ на Кавказѣ, въ Карпатахъ, въ Молдавіи, въ Италіи и Сициліи и на островѣ Корфу, и три случая, изъ которыхъ одинъ подъ заглавіемъ *Конокрады*,—совершенно реальный, а два другихъ,—*Статуя сна* и *Кимерійская болѣзнь*,—характера фантастическаго. „Фантастическаго, однако, въ нихъ ровно ничего нѣтъ, — говоритъ г. Амфитеатровъ въ предисловіи. — Это просто попытки иллюстрировать нѣкоторыя явленія изъ области психопатологіи". Эти двѣ „иллюстраціи" удались автору какъ нельзя лучше, въ особенности же первая, въ которой съ большою живостью передаются впечатлѣнія, пережитыя разсказчикомъ въ лунную ночь на знаменитомъ кладбищѣ Генуи,—этомъ поразительномъ „городѣ мертвыхъ", громадномъ некрополѣ-музеѣ, которому равнаго нѣтъ, кажется, во всемъ мірѣ. Мы считаемъ себя вправѣ подтвердить сказанное авторомъ, что „фантастическаго тутъ ничего нѣтъ", такъ какъ пишущій эти строки испытывалъ на себѣ, въ тѣхъ же галлереяхъ и при сходныхъ обстоятельствахъ, психопатологическія явленія, очень близкія къ тому, что разсказано авторомъ. Надо побывать въ этихъ гигантскихъ усыпальницахъ, поблуждать по нимъ не въ компаніи туристовъ, а совсѣмъ одному, среди многихъ сотенъ мраморныхъ фигуръ въ натуральный ростъ человѣка, чтобы понять и оцѣнить всю правдивость и прелесть этого разсказа... Не можемъ того же сказать о *Кимерійсскй болѣзни*,—повѣствованіи, отлично написанномъ, но остающемся, все-таки, „фантастическимъ", ибо передаваемое „явленіе изъ области психопатологіи" ничѣмъ не объяснено, хотя и „написано,—какъ утверждаетъ авторъ,—подъ живымъ впечатлѣніемъ одного наблюденія Крафтъ-Эбинга". То, что г. Амфитеатровъ называетъ „кимерійскою болѣзнью", несомнѣнно, существуетъ подъ вліяніемъ климата, тумановъ, хмураго неба, мятелей и морозовъ, разрисовывающихъ своими узорами оконныя стекла и закрывающихъ отъ насъ свѣтъ Божій. Болѣзнь эта называется въ Англіи сплиномъ, у насъ—хандрой. Какъ ее ни называй, она кончается иногда очень плохо, самоубійствомъ или сумасшествіемъ, и лѣченіе авторомъ указано, по нашему мнѣнію, вѣрное — бѣжать на югъ, гдѣ солнце свѣтитъ ярко и прогоняетъ быстро „недугъ, порожденный туманомъ и мракомъ". Къ счастью для насъ, такіе недуги очень рѣдко проявляются въ такихъ формахъ, о которой разсказываетъ авторъ, и вліяніе „тумановъ и мрака" выражается совсѣмъ иначе, чѣмъ это кажется автору. Изъ легендъ намъ болѣе другихъ нравится *Польская легенда объ изваяніи Христа въ Браиловѣ*. Она характерна, національна, отлично передана. „Элегія" *Зоэ* слишкомъ напоминаетъ французскіе мелкіе разсказцы, легкіе, красивые и крайне легковѣсные. „Тосканская легенда" *Мертвые боги*—неизмѣримо содержательнѣе и красивѣе.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Языкъ и искусство". *Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.*—„Геніальность и вырожденіе". *Д-ра Вильяма Гирша.*—„Народныя библіотеки и читальни". *Н. В. Тулупова.*

Языкъ и искусство. Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. „Русская библіотека". № 8. Изд. І. Юровскаго. Спб., 1895 г. Ц. 20 к. Въ издаваемую г. Юровскимъ (онъ же издаетъ теперь и серію перевод-

ныхъ брошюръ подъ общимъ названіемъ „Международной библіотеки") „Русскую библіотеку" входятъ: статьи изъ общихъ журналовъ, имѣющія продолжительный интересъ; общедоступныя статьи изъ спеціальныхъ журналовъ, общедоступные отдѣлы, введенія, главы и т. п. изъ обширныхъ спеціальныхъ сочиненій. Интересный этюдъ проф. Овсянико-Куликовскаго, помѣщенный первоначально въ *Вѣстникѣ Европы*, посвященъ выясненію генетической связи процесса художественнаго воображенія съ тѣми богатыми процессами фантазіи, какіе были связаны съ первобытнымъ языкомъ, въ которомъ проф. Овсянико-Куликовскій, слѣдуя проф. Потебнѣ, видитъ „первоисточникъ" искусства вообще. Этюдъ можно рекомендовать всѣмъ интересующимся вопросами искусства, — всѣмъ, имѣющимъ дѣло съ преподаваніемъ языка, какъ живое и талантливое освѣщеніе вопроса; онъ же могъ бы послужить и хорошимъ матеріаломъ для внѣкласснаго чтенія учащейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи, которая, къ сожалѣнію, болѣе, чѣмъ часто, поневолѣ составляетъ себѣ убѣжденіе, что языкъ къ искусству ни малѣйшаго отношенія не имѣетъ, что этотъ даръ Божій созданъ ему, учащемуся юношеству, на пагубу въ видѣ цѣлаго ряда грамматикъ. Въ виду того, что основы этой почтенной науки-грамматики сложились въ эпоху господства формальныхъ методовъ мышленія, очень далекихъ отъ методовъ современной науки, можно выучить всѣ грамматики и ничего не видѣть, не понимать въ языкѣ, какъ реальномъ явленіи, живомъ продуктѣ духовной дѣятельности.

Не излагая содержанія брошюры, мы укажемъ лишь нѣсколько неточныхъ, по нашему мнѣнію, утвержденій почтеннаго профессора. Такъ, *психологія чувствованій* необходима для объясненія не только лирическихъ, музыкальныхъ и архитектурныхъ образовъ, но и для образовъ литературы, живописи и скульптуры, такъ какъ *основнымъ и необходимымъ* признакомъ *художественности* образа является, кромѣ соединенія въ немъ абстрактнаго съ конкретнымъ, еще нѣкоторое (реальное или возможное) воздѣйствіе его на то или другое изъ *эстетическихъ чувствованій* (изящнаго, высокаго, трогательнаго, смѣшного и т. п.). Вообще авторъ слишкомъ стушевываетъ эмоціональный элементъ—„искусство есть извѣстная работа *мысли*" (стр. 63),—безъ котораго, конечно, немыслимо не только развитое искусство, но и никакая дѣятельность воображенія. Чтобы человѣкъ, увидѣвъ столъ, сначала сказалъ: „это — столъ" и лишь потомъ узналъ эту вещь, чтобы „слово подвернулось раньше мысли" (стр. 15),—это совершенно невозможно; вѣроятно, здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе. Далѣе, въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ говоритъ о процессѣ созданія художественныхъ произведеній, какъ о подыскиваніи образовъ для воплощенія той или другой идеи (стр. 18—20 и др.). Однако, эта теорія процесса художественнаго творчества далеко не общепризнана и врядъ ли вѣрна,—врядъ ли, творя *Отелло*, Шекспиръ исходилъ изъ *идеи* ревности, „объясняя ее сначала самому себѣ, а потомъ уже всему человѣчеству". Эта теорія является одной изъ основныхъ мыслей автора,—однако ея несостоятельность не разрушаетъ еще, по нашему мнѣнію, всего построенія. Заключительныя замѣчанія—объ „искусствахъ *эмоціональныхъ* (архитектурѣ, лирикѣ и музыкѣ), въ отличіе отъ *интеллектуальныхъ или образныхъ* (поэзіи, живописи и скульптурѣ) очень недостаточны, и задачу—найти связь съ внутренней художественной работой мысли и слова, наприм., архитектуры—врядъ ли можно признать благодарной.

Геніальность и вырожденіе. Д-ра Вильяма Гирша. Переводъ съ нѣмецкаго. Переводъ книги г. Гирша кажется намъ совершенно своевременнымъ. Давно пора разобраться въ нѣкоторыхъ смутныхъ психіатрическихъ понятіяхъ, проникшихъ въ публику и толкуемыхъ ею вкривь и вкось. Г. Гиршъ счастливо соединяетъ серьезную научную подготовку съ умѣньемъ ясно и популярно излагать свой предметъ, поэтому книга его, вѣроятно, будетъ имѣть у насъ такой же успѣхъ, какъ и въ Германіи. Первая ея половина посвящена оцѣнкѣ извѣстныхъ взглядовъ Ц. Ломброзо на геніальность и помѣшательство, вторая—трактуетъ о Максѣ Нордау и пресловутомъ литературномъ „вырожденіи". Своему изслѣдованію авторъ предпосылаетъ небольшое введеніе, въ которомъ кратко излагаетъ основныя понятія психологіи и выясняетъ отношеніе послѣдней къ психіатріи. Переходя къ вопросу о геніальности, г. Гиршъ указываетъ на неопредѣленность самого этого термина и справедливо полагаетъ, что наука должна или вовсе отрѣшиться отъ этого понятія, или ограничить его точно установленнымъ сочетаніемъ психологическихъ процессовъ (стр. 30). Анализируя признанныхъ геніевъ въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, онъ приходитъ къ убѣжденію, „что со словомъ геніальность мы не можемъ связать опредѣленнаго психологическаго понятія" (стр. 59). Что общаго въ самомъ дѣлѣ между геніемъ Шекспира и Наполеона, Ньютона и Рафаэля? Съ другой стороны, хотя у геніевъ и встрѣчаются нѣкоторые общіе процессы, но они вовсе не характерны для геніевъ, а въ менѣе интензивной формѣ попадаются и у обыкновенныхъ смертныхъ. Такъ же осторожно нужно, по его мнѣнію, подходить и къ діагнозу ненормальности у отдѣльныхъ выдающихся личностей. „Рѣшеніе вопроса,— говоритъ онъ, — слѣдуетъ ли такое-то явленіе считать болѣзнью, или нѣтъ, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, насколько это явленіе отступаетъ отъ общепринятой нормы, а мы должны опредѣлить, не идетъ ли дѣло о явленіяхъ, мѣшающихъ физіологической дѣятельности организма или ослабляющихъ производительную способность индивидуума". Съ этой точки зрѣнія тотъ или другой болѣзненный симптомъ вовсе не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для констатированія помѣшательства: во-первыхъ, въ извѣстной комбинаціи психическихъ силъ даннаго субъекта онъ можетъ оказаться совершенно нормальнымъ, а, во-вторыхъ, одинъ и тотъ же симптомъ является часто результатомъ совершенно различныхъ душевныхъ эмоцій и въ зависимости отъ вызвавшей его причины можетъ оказаться или нормальнымъ, или болѣзненнымъ. Приглядываясь къ чертамъ сходства, выставленнымъ между геніемъ и помѣшаннымъ такими изслѣдователями, какъ Моро-де-Туръ, Ломброзо и ихъ учениками, г. Гиршъ приходитъ къ заключенію, что „геніальность во многомъ походитъ на помѣшательство, но только лишь такъ, какъ золото похоже на мѣдь; ихъ сходство заключается лишь во внѣшнемъ видѣ; когда же мы начинаемъ основательно изслѣдовывать это дѣло, то находимъ, что тутъ имѣются существенно различныя вещи и что мы не имѣемъ никакого права предположить родство между геніальностью и помѣшательствомъ или, какъ это дѣлаетъ Моро, считать геніальность болѣзненнымъ состояніемъ" (стр. 99). Въ своихъ взглядахъ на *вырожденіе* г. Гиршъ ближе всего подходитъ къ Маньяну; послѣдній же, какъ извѣстно, сильно расширяетъ это понятіе, вводя въ него, кромѣ наслѣдственныхъ формъ Мореля, и всѣ тѣ случаи психической дисгармоніи, которые явились результатомъ болѣзней дѣтскаго возраста.

Но Маньянъ, все-таки, признаетъ наслѣдственность главнымъ факторомъ вырожденія. Авторъ же разбираемой книги полагаетъ, что „если желательно удержать понятіе дегенераціи или вырожденія, то это возможно лишь при условіи, чтобы свести къ нему всѣ тѣ случаи, въ которыхъ дѣло идетъ о недостаточномъ развитіи или, такъ сказать, изувѣченномъ психическомъ организмѣ“ (стр. 103), и такимъ ооразомъ моментъ наслѣдственности отодвигаетъ на второй планъ. Что касается постановки діагноза вырожденія въ отдѣльныхъ случаяхъ, то она, по мнѣн.ю г. Гирша, не можетъ представить особыхъ затрудненій, такъ какъ въ сущности эта болѣзнь выражается отсутствіемъ равновѣсія въ умственной жизни, а послѣднее легко можетъ быть усмотрѣно всякимъ опытнымъ психіатромъ. Но и здѣсь при констатированіи болѣзни должны примѣняться тѣ правила, о которыхъ упомянуто было выше: отдѣльные симптомы сами по себѣ вовсе не могутъ служить признакомъ вырожденія, такъ какъ послѣднее отличается отъ другихъ душевныхъ болѣзней именно нетипичностью проявленія и теченія его симптомовъ (стр. 106). Понятно поэтому, какую ошибку дѣлаетъ Максъ Нордау, старающійся уловить въ произведеніяхъ современныхъ писателей признаки вырожденія и на основаніи послѣднихъ поставитъ свой діагнозъ. Литературныя произведенія могутъ, конечно, помочь намъ разобраться въ психическомъ состояніи автора, но лишь какъ второстепенный источникъ и при достаточно осторожномъ разграниченіи взглядовъ и состояній самого автора отъ умственной физіономіи изображаемыхъ имъ героевъ. Лучшая часть книги г. Гирша та, въ которой онъ шагъ за шагомъ разбиваетъ ненаучные и парадоксальные взгляды Макса Нордау. Значительно слабѣе его старанія дать со своей стороны образцы научной постановки діагноза психическаго разстройства у нѣкоторыхъ писателей (Руссо, Тассо, Стриндбергъ). И Максъ Нордау имѣлъ нѣкоторое право замѣтить въ своемъ *Отвѣтѣ критикамъ* (американскій журналъ *Century*, August, 548), что, обвиняя его въ дилетантизмѣ, г. Гиршъ самъ, однако, пользуется его методомъ констатированія помѣшательства.

Народныя библіотеки и читальни. Н. В. Тулупова. Москва, 1896 г. Одна изъ самыхъ существеннѣйшихъ нуждъ той многочисленной части русскаго народа, которая стремится къ просвѣщенію, это—потребность въ библіотекахъ и читальняхъ. Тѣ и другія могли бы служить для народа самымъ удобнымъ, доступнымъ и постояннымъ средствомъ для разумнаго отдыха отъ труда, для отвлеченія отъ дурного общества, пьянства, пороковъ и преступленій, не говоря уже о великомъ просвѣтительномъ значеніи чтенія. Не жестокая ли это насмѣшка надъ русскимъ народомъ—научить его грамотѣ въ школѣ и оставить его безъ книгъ и безъ возможности продолжать образованіе по выходѣ изъ школы?

А, между тѣмъ, дѣло устройства у насъ народныхъ библіотекъ находится еще въ зародышѣ. Къ нему стали приступать только въ послѣдніе два-три года, если не считать крайне рѣдкихъ, единичныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто то тутъ, то тамъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи. И еще долго, кажется, придется ожидать намъ того времени, когда это дѣло приметъ прочную, серьезную организацію.

Больше всего приложили свою энергію къ дѣлу устройства народныхъ библіотекъ наши земскіе дѣятели. Первымъ выступило на этотъ путь херсонское уѣздное земство. Еще въ 1876 году оно устроило при всѣхъ своихъ школахъ безплатныя народныя читальни. Черезъ каж-

дые два-три года читальни пополняются новыми книгами: въ 1893 г., наприм., было вновь выписано 4,600 экземпляровъ на 1,039 рублей. Вслѣдъ за херсонскимъ являтся земство Московской губ. Оно постановило содѣйствовать устройству такихъ библіотекъ, которыя могли бы ссужать книгами лицъ, окончившихъ курсъ земской школы. Оно же помогаетъ уѣзднымъ земствамъ и въ устройствѣ учительскихъ библіотекъ.

Далѣе слѣдуетъ указать на земства — казанское, тверское, петербургское и черниговское. Въ двухъ послѣднихъ книги выдаются всему грамотному сельскому населенію, а не однимъ учащимся и учившимся въ земской школѣ. Впрочемъ, такой порядокъ сталъ вводится и въ другихъ мѣстахъ.

Кромѣ земствъ, починъ въ дѣлѣ распространенія народныхъ библіотекъ взяли на себя также комитеты и общества грамотности, частныя лица, школьная администрація, общества трезвости и, наконецъ, сами крестьяне.

Въ ряду разныхъ просвѣтительныхъ обществъ видное мѣсто занимаетъ петербургскій и московскій комитеты грамотности, а также харьковское и кіевское общества грамотности, нижегородское общество распространенія начальнаго образованія и коммиссія по устройству народныхъ читаленъ, существующая при московскомъ обществѣ распространенія полезныхъ книгъ.

Что касается до участія самого народа въ устройствѣ библіотекъ и читаленъ, то оно стало замѣтно проявляться только въ самое послѣднее время и успѣхъ этого дѣла растетъ очень быстро. Всего какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ тому назадъ объ этомъ предметѣ среди крестьянъ не было и рѣчи. Теперь же обстоятельства перемѣнились, и ассигновки, дѣлаемыя волостными и сельскими сходами, въ интересахъ просвѣщенія, нужно считать сотнями. Авторъ приводитъ цифровыя данныя о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ составлены уже приговоры объ открытіи библіотекъ; о тѣхъ, гдѣ вопросъ о библіотекахъ назрѣлъ, но пока еще не составлено приговоровъ, о тѣхъ, гдѣ тоже поднимался этотъ вопросъ, но отклоненъ только по недостатку средствъ, и, наконецъ, о тѣхъ, гдѣ библіотеки уже открыты и благополучно функціонируютъ. Для примѣра укажемъ на постановленіе николаевскаго волостного схода Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи—открыть библіотеку-читальню при волости и на нее ассигновать 500 рублей. Кимрское сельское общество, Тверской губ , пожертвовало на такое же дѣло отдѣльный домъ для помѣщенія библіотеки, 200 рублей на ея обстановку и постановило давать ежегодно по 300 рублей на покупку книгъ и содержаніе библіотеки.

Въ небольшой срокъ,— конецъ 1894 и начало 1895 г.,— приговоровъ, подобныхъ двумъ, только что приведеннымъ, было постановлено: въ Пермской губ. 13, Самарской—11, Саратовской—9, Вятской—8, Ярославской—7, Тамбовской—6 и т. д., и т. д. Къ сожалѣнію, формальности, которыми у насъ обставлено открытіе библіотеки, часто очень надолго (на годъ и даже на два) затягиваютъ осуществленіе приговоровъ о библіотекахъ. Такъ, въ Черняевской волости, Тульской губерніи, приговоръ о библіотекѣ обществомъ былъ постановленъ еще въ февралѣ 1893 года, а разрѣшенія на открытіе библіотеки не получено и до сихъ поръ. Такого же рода печальные факты встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Факты эти много тормазятъ дѣло. Впрочемъ, будемъ утѣшаться тѣмъ, что они— не повсемѣстны. И то, вѣдь, хорошо.

———

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БІОГРАФІИ.

„Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ“. *А. Мюллера.*—„Литературное движеніе въ XIX столѣтіи“. *Ж. Пелисье.* — „Автобіографія Тамерлана“. Перев. съ тюркскаго *Нила Лыкошина.*—„Революціонный Парижъ“.—„Вѣнокъ на могилу“.

Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. А. Мюллера. Перев. съ нѣмец. подъ ред. прив.-доц. Н. А. Мѣдникова. Т. III и IV. Спб., 1896 г. Книга Мюллера, вошедшая въ серію изданій Онкена, пользуется въ Германіи почетной извѣстностью. Она представляетъ собою первый опытъ исторіи всѣхъ народностей, принявшихъ исламъ, со времени ихъ обращенія вплоть до нашихъ дней. Цѣлью автора было, по его собственнымъ словамъ,—дать очеркъ внѣшней политической исторіи мусульманскихъ государствъ, и въ этомъ смыслѣ его трудъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: глубокая эрудиція и замѣчательное литературное дарованіе автора сдѣлали его книгу самымъ научнымъ и наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ популярныхъ сочиненій въ этой области. Спеціалисты указывали на нѣкоторыя, подчасъ очень крупныя, ошибки автора, особенно въ изложеніи мусульманской догматики (преимущественно ученія шіитовъ), но это—мелочи, мало останавливающія на себѣ вниманіе большой публики, для которой предназначается *Исторія Ислама*. Главнымъ недостаткомъ послѣдней является преобладаніе внѣшней исторіи надъ внутренней. Характеристика экономическаго и соціальнаго строя мусульманскихъ государствъ, исторія учрежденій, науки, литературы, искусства и нравовъ—или совершенно отсутствуютъ, или сведены до минимума; біографіи мусульманскихъ властителей и, прежде всего, исторія ихъ войнъ—составляютъ главное содержаніе книги. Тѣмъ не менѣе, при бѣдности нашей литературы по исторіи Востока, русскій переводъ книги Мюллера является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Къ сожалѣнію, небрежность перевода первыхъ двухъ томовъ должна значительно затруднить ихъ чтеніе; послѣдніе два тома переведены хотя отнюдь не безукоризненно, но, все-таки, болѣе сносно. Карты, приложенныя къ IV тому, изъ рукъ вонъ плохи; многихъ названій совершенно невозможно разобрать.

Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. Жоржа Пелисье. Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Цѣна 2 рубля. Москва, 1895 г. Еслибъ потребовалось въ одной фразѣ охарактеризовать книгу г. Пелисье, мы назвали бы ее исторіей художественно-литературныхъ формъ во Франціи XIX столѣтія. Правда, авторъ не игнорируетъ главнѣйшихъ философскихъ, соціальныхъ и политическихъ движеній, но исходною точкой его критики въ большинствѣ случаевъ является стиль, художественная форма. Самыя оглавленія отдѣльныхъ частей книги: „романтическій лиризмъ, романтическая драма, исторія, романъ“,—представляетъ полную противоположность, напримѣръ, дѣленіямъ Брандеса, который разсматриваетъ воззрѣнія литературныхъ школъ по ихъ отношеніямъ къ вопросамъ философскимъ, политическимъ, соціальнымъ и другимъ.

Эта точка зрѣнія остается основной при обзорѣ г. Пелисье трехъ главныхъ направленій въ литературѣ XIX вѣка: классическаго, романтическаго и реалистическаго. Классическое искусство съ самаго начала нынѣшняго столѣтія является, по мнѣнію г. Пелисье, лишь совокупностью сухихъ безплодныхъ формулъ; поэты унаслѣдовали отъ своихъ образцовъ XVII в. только извѣстную систему да выспренность

выраженій; критика подавляла малѣйшее отступленіе отъ классическихъ традицій и препятствовала всякому проявленію оригинальнаго творчества. Главный фактъ, способствовавшій обновленію французской литературы, преобладающій въ началѣ романтизма и въ эпоху его наибольшаго процвѣтанія, это—возрожденіе въ извѣрившемся обществѣ спиритуалистическихъ идей, соединенныхъ естественнымъ сродствомъ съ христіанскимъ чувствомъ. Романтизмъ былъ для поэзіи тѣмъ же, чѣмъ либерализмъ для политики XVIII вѣка: онъ освободилъ французское творчество отъ угнетающихъ формулъ и рабскихъ подражаній, „придалъ крылья литературѣ и выпустилъ ее, трепещущую энтузіазмомъ, въ тѣ высшія области, гдѣ она свободно паритъ надъ всѣми условіями". Переходя затѣмъ къ реалистическому направленію, г. Пелисье не останавливается подробно на французскомъ позитивизмѣ и развитіи естествознанія. Впрочемъ, вкратцѣ онъ развиваетъ мысль о вліяніи точныхъ наукъ на образованіе реалистическаго направленія. Его симпатіи вполнѣ принадлежатъ реализму, сущность котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ искреннемъ стремленіи извлечь наибольшую нравственную пользу изъ жизненной правды. Въ современной молодой литературѣ г. Пелисье не видитъ признаковъ, которые могли бы служить предвѣстіемъ новаго нарождающагося теченія. Реализмъ остается мощнымъ оплотомъ противъ вырожденія, заразившаго многіе молодые умы и таланты, противъ декадентства, которое есть не что иное, какъ худосочіе, малокровіе, болѣзненная нервозность „утонченныхъ натуръ", и противъ другихъ болѣзненныхъ явленій конца вѣка.

Автобіографія Тамерлана. Переводъ съ тюркскаго. Нила Лыкошина. Издано сыръ-дарьинскимъ статистическимъ комитетомъ на средства, отпущенныя ген.-губерн. барон. А. Б. Вревскимъ. Ташкентъ, 1894 г. Свѣдѣнія, которыя сообщаетъ переводчикъ о происхожденіи и судьбѣ этого любопытнаго историческаго памятника, чрезвычайно сбивчивы и недостаточны. Нѣкоторое знаніе тюркскаго, языка, говоритъ онъ, дало ему возможность ознакомиться съ изданнымъ въ 1891 г. небольшимъ трактатомъ *Амиръ-Тимуръ. Обстоятельства его жизни, походы, остановки, сраженія и миры*. Брошюра эта была издана. Н. П Остроумовымъ, а рукопись найдена въ Бухарѣ. „Текстъ рукописи,—читаемъ мы ниже (стр. 3),— получился отъ перевода персидскаго списка съ автобіографіи, сдѣланнаго (перевода или списка?) въ 1836 году ходжентскимъ жителемъ Набиджанъ Хатифомъ по приказанію кокандскаго хана Сяйидъ Мухаммадъ Али-Хана". Вотъ все, что читатель узнаетъ изъ предисловія г. Лыкошина; между тѣмъ, автобіографія Тамерлана—слишкомъ интересный памятникъ, чтобы можно было обойти молчаніемъ его происхожденіе и историческую достовѣрность. Дѣло въ томъ, что до насъ дошелъ, подъ именемъ Тимура, персидскій переводъ его записокъ, открытый, если не ошибаемся, въ серединѣ XVII вѣка. Эта, довольно объемистая рукопись была нѣсколько разъ переведена то частями, то цѣликомъ на франц. и англ. языки (изд. Stewart'a, Лондонъ, 1830 г.; Davy, Оксфордъ, 1783 г.; Langlès, Парижъ, 1787 г. и друг.). „Это, — говоритъ Авг. Мюллюръ (*Исторія Ислама*, рус. пер., т. III, стр. 292),—частью военные разсказы, частью разсужденія военно-политическаго характера, по содержанію которыхъ часто едва ли возможно заключить, что въ лицѣ ихъ автора мы имѣемъ передъ собой одного изъ величайшихъ извергов всѣхъ временъ. Ихъ не считаютъ прямо поддѣльными, но остается сомнительнымъ, насколько единственный сохранившійся персидскій пере-

водъ ихъ соотвѣтствуетъ оригиналу, написанному на восточно-турецкомъ языкѣ, и даже насколько этотъ оригиналъ лично написанъ или предиктованъ самимъ Тимуромъ". Теперь передъ нами русскій переводъ этого памятника,—переводъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ, значитъ, очень далекій отъ первоначальнаго подлинника. Притомъ, это, повидимому, переводъ лишь нѣкоторой части автобіографіи, такъ какъ тюркскій переводчикъ въ послѣсловіи къ своему труду заявляетъ: „Я остановился на описаніи примиренія Тимура съ Хусайномъ, во-первыхъ (!), потому, что на этомъ оканчивалась и персидская рукопись, съ которой я переводилъ, а, во-вторыхъ, и потому, что „миръ лучше войны". Согласно съ этимъ изреченіемъ я и закончилъ свой трудъ описаніемъ примиренія, чтобы въ концѣ было хорошее" Во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны г. Лыкошину и за этотъ скромный даръ. Пользоваться его книжкой для историческихъ изысканій едва ли будетъ возможно, но читается она съ большимъ интересомъ; восточный колоритъ и колоссальная личность автора, проблески глубокой мысли и истинной поэзіи производятъ обаятельное впечатлѣніе. Переводъ сдѣланъ очень хорошимъ языкомъ.

Революціонный Парижъ, по неизданнымъ документамъ Ж. Ленотръ, переводъ Н. Ломакина. Москва, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Сто лѣтъ слишкомъ прошло со времени первой французской революціи, и о ней существуетъ огромнѣйшая литература на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ, начиная съ многотомныхъ исторій Тьера, Мишеле, Луи Блана, Зибеля, Эдгарда Кине и др., и кончая мемуарами, сборниками документовъ, рѣчей и писемъ, частными изслѣдованіями и т. под. И все-таки дѣло „розыска" относительно событій и дѣйствующихъ лицъ великой кровавой драмы оказывается далеко не конченнымъ, по мнѣнію Ж. Ленотра, которое онъ подкрѣпляетъ книжкой въ 28 печатныхъ листовъ, не исчерпывающею предмета во всемъ его объемѣ, намѣченномъ авторомъ въ предисловіи. Г. Ленотръ говоритъ: „я попытался стать *репортеромъ* великой революціи". . „Въ моей работѣ главное мѣсто занимаютъ вещи, а не люди, и я старался всегда изобразить актеровъ при тѣхъ декораціяхъ, въ которыхъ они играли свои роли. Можетъ-быть это плохое средство быть занимательнымъ, но за то хорошій способъ быть правдивымъ" Авторъ стремится возстановить „топографію Парижа, какимъ онъ былъ сто лѣтъ назадъ". Г. Ленотръ „тоже можетъ сказать, какого цвѣта былъ коверъ у Робеспьера, какъ звали горничную жены Дантона... чѣмъ бы поужиналъ Маратъ въ день своей смерти"... Авторъ много потрудился, доискиваясь, сколько было у Робеспьера крѣпкихъ чулокъ и сколько худыхъ, сколько у него было поношенныхъ штановъ, какія были юбки у Шарлоты Корде, что лежало на тарелкѣ, стоявшей на окнѣ у Марата, когда онъ сидѣлъ въ ваннѣ, гдѣ находится теперь эта ванна, у кого хранятся листки газеты, испачканные кровью Марата, въ какомъ домѣ была гостиница, въ которой остановилась Шарлота Корде, какъ звали коридорнаго, вносившаго въ номеръ ея чемоданъ... Прочитавши книгу и узнавши доподлинно всѣ эти и имъ подобныя подробности, приходится согласиться съ авторомъ, что онъ выбралъ очень „плохое средство быть занимательнымъ", и добавить къ этому, что его „способъ быть правдивымъ"—хлопотливъ до крайности, потребовалъ огромнаго труда и далъ ничтожные результаты, не историческаго, а аматёрскаго значенія. Такой „способъ хорошъ" только тогда, когда имъ пользуются для правдиваго возстановленія быта извѣстнаго вре-

мени, для розысканія, хотя бы мелкихъ, подробностей, что-либо прибавляющихъ къ характеристикѣ извѣстныхъ лицъ, къ уясненію событій, и самое пустое дѣло такой „способъ“, если онъ ведетъ къ тому, чтобъ узнать имя горничной жены Дантона, имя лакея, вносившаго чемоданы, когда ни слуги, ни внесенныя ими вещи не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ исторіи. Кое-гдѣ, впрочемъ, мелькаютъ въ книжкѣ г. Ленотра отрывочныя бытовыя картинки и кое-какія мелочи, мало извѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя. Для людей, спеціально интересующихся исторіей французской революціи, трудъ г. Ленотра можетъ быть полезнымъ во многихъ отношеніяхъ для большой публики—это просто скучноватая книга. Переводъ сдѣланъ неудовлетворительно, что доказывается нижеслѣдующей фразой: художникъ „написалъ ее въ красной рубашкѣ *настоящихъ палачей*“, въ скобкахъ приведены подлинныя французскія слова: „chemise rouge des parricides“ (стр. 261). На стр. 295:—„теряющій невозмутительную самоувѣренность“. На стр. 297: „Его (Дантона) мужскія качества были скомпрометированы, но не утрачены“... Дантонъ „кинулся на ихъ съ кнутомъ“. „Дворъ намѣренъ овладѣть людьми, пользующимися популярностью“... „Онъ зналъ его по собраніямъ клуба *любимцевъ*“. Домъ „былъ построенъ общиной *Зачатіевскаю* женскаго монастыря“ (стр. 30). „Воспитаніе въ монастырѣ *Консепсіонъ*“ (стр. 34). „Мастерская расположена была подъ музеемъ въ галлереѣ выходящаго на набережную Лувра, и примыкая къ нему корридоромъ, который выходилъ на улицу Фруа-Манто“. Переводчикъ, видимо, усердно пользовался словаремъ, но французскій языкъ знаетъ слабо и не всегда ясно понимаетъ настоящій смыслъ подлинника.

Вѣнокъ на могилу. Статьи, посвященныя памяти бывшаго эстляндскаго губернатора князя В. С. Шаховского. Съ портретомъ и 10 фототипіями. Изданіе газеты „Ревельскія Извѣстія“, подъ редакціей Г. Янчевецкаго. Ревель, 1896 г. Ц. 2 р. Князь Сергѣй Владиміровичъ Шаховской, уроженецъ и воспитанникъ Москвы, родился въ 1852 году, окончилъ курсъ университета въ 1874 году, послѣ годичной подготовки въ Азіатскомъ департаментѣ, былъ назначенъ секретаремъ консульства въ Рагузѣ и, еще годъ спустя, въ тревожное время герцеговинскаго возстанія, былъ отозванъ въ Петербургъ „за слишкомъ большое сочувствіе“ этому возстанію. Въ лежащей передъ нами книгѣ не выяснено, въ чемъ выразилось „сочувствіе“ молодого дипломата, и лишь сказано, что отозванъ онъ „по указанію на то изъ Вѣны“. Дальнѣйшее содержаніе статьи, озаглавленной *Біографическія свѣдѣнія*, показываетъ намъ кн. Шаховского горячо увлеченнымъ славянскимъ дѣломъ на Балканскомъ полуостровѣ и принимающимъ затѣмъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ за освобожденіе славянъ, въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго креста. Эта статья и другая коротенькая статейка о дѣятельности С. В. Шаховского въ той же должности въ Туркестанѣ представляютъ наибольшій интересъ какъ для характеристики самого симпатичнаго дѣятеля, такъ и общества того времени, тѣхъ странныхъ порядковъ, при которыхъ ему приходилось работать и съ которыми нерѣдко доводилось вступать въ борьбу, далеко небезопасную для молодого человѣка. Къ счастью для кн. Шаховского, его труды получили надлежащую оцѣнку, и столкновенія его съ „формалистикой“ и „канцелярщиной“, опаснѣйшими врагами живого дѣла, не испортили ему служебной дороги. По возвращеніи изъ Средней Азіи, кн. Шаховской

былъ назначенъ черниговскимъ, потомъ эстляндскимъ губернаторомъ и на этомъ посту скончался въ Ревелѣ въ 1894 г. Составитель книги не касается административной дѣятельности бывшаго губернатора потому,—какъ онъ поясняетъ,—что „все это слишкомъ живо еще, чтобы быть предметомъ спокойнаго чтенія или изложенія...“ Нѣкоторыя изъ статей, хотя косвенно и отрывочно, соприкасаются однако съ дѣятельностью администратора и даютъ любопытный матеріалъ для будущаго историка Прибалтійскаго края и для полной біографіи кн. С. В. Шаховского.—Сборъ съ продажи изданія предназначенъ на доброе дѣло,—въ пользу дѣтей православныхъ эстовъ.

ЭТНОГРАФІЯ, ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ“.—„Лекціи по славянскому языкознанію“. Проф. *Флоринскаго*.—„Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи“. Сост. *Н. Я. Никифоровскій*.—„Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ“. Этнографическ. очеркъ *А. Е. Богдановича*.

Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Кустанаева. Ташкентъ, 1894 г. Эта небольшая книжка представляетъ изъ себя очень любопытное явленіе: воспитанникъ Туркестанской учительской семинаріи Худобай Кустанаевъ, по происхожденію киргизъ, задумалъ нарисовать въ общихъ чертахъ картину жизни своихъ соотчичей и посвятилъ свой первый трудъ „Туркестанской учительской семинаріи въ знакъ искренней благодарности за полученное въ ней образованіе“. Это образованіе помогло г. Кустанаеву стать выше своей среды, сознательно дать себѣ отчетъ въ ея сильныхъ и слабыхъ сторонахъ. Въ довольно живыхъ, безхитростныхъ очеркахъ проходитъ передъ нами жизнь киргиза-малоордынца со всѣми ея горестями и радостями. Любопытнѣе всего, конечно, то, что рисуетъ ее человѣкъ близкій, свой, а не случайный, мимолетный пришлецъ, которому трудно разобраться въ совершенно новыхъ впечатлѣніяхъ. Г. Кустанаевъ поставилъ себѣ только одну цѣль—чисто научную; ни защита киргизъ, ни обвиненіе ихъ не входили въ его писательскіе планы. Это еще болѣе увеличиваетъ цѣнность труда: подобнымъ трудамъ всегда грозитъ опасность обратиться въ памфлетъ того или иного характера. Редакцію изданія принялъ на себя г. Воскресенскій, учитель семинаріи. Ему въ вину нужно поставить нѣкоторые промахи изложенія, наприм., „широкіе штаны, чисто Гоголевскаго сравненія съ Чернымъ моремъ, дополняютъ нижнее бѣлье киргиза“ (стр. 10) и пр.

Лекціи по славянскому языкознанію. Проф. Флоринскаго. Ч. I. Кіевъ, 1895 г. Несмотря на многолѣтніе толки о славянскомъ единеніи и необходимости тщательнаго изученія славянскаго міра, наша литература до сихъ поръ еще очень бѣдна мало-мальски сносными руководствами для изученія славянскихъ языковъ и литературъ: почти совсѣмъ нѣтъ ни словарей, ни хрестоматій, ни грамматикъ. Начинающій славистъ находится почти въ безвыходномъ положеніи, если не можетъ воспользоваться литографированными университетскими курсами.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не одобрить счастливой мысли проф. Флоринскаго напечатать свой университетскій курсъ, тщательно и общедоступно изложенный. Книга г. Флоринскаго очень удобна для первоначальнаго ознакомленія съ славянскими языками. Въ введеніи можно найти краткія, но содержательныя свѣдѣнія о славянской семьѣ язы-

ковъ, ихъ отношеніи къ другимъ языкамъ, ихъ исторіи, классификаціи, задачахъ и методахъ славянскаго языкознанія, трудахъ по общему и сравнительному изученію славянскихъ языковъ. Эта глава отличается отчетливостью изложенія и даетъ хорошія предварительныя свѣдѣнія. Рядомъ съ теоріей генеологическаго древа указана волнообразная; авторъ выражается о нихъ очень сдержанно, хотя пора бы ужъ высказаться рѣшительнѣе за вторую—противъ первой.

Первая часть заключаетъ въ себѣ обзоръ болгарскаго, сербо-хорватскаго и словинскаго (словенскаго) языковъ. Каждый изъ отдѣловъ начинается обзоромъ изученія того или иного языка, затѣмъ указывается площадь распространенія языка, его историческія судьбы, звуковыя и формальныя особенности, удареніе и неизмѣняемыя слова. Особенно цѣнны замѣчанія и матеріалы по діалектологіи этихъ славянскихъ языковъ, очень мало пока извѣстной у насъ въ Россіи. Книга заключается дополненіями и поправками. Несмотря на большіе размѣры (болѣе 500 большихъ страницъ) она стоитъ недорого—3 р.

Пожелаемъ въ заключеніе почтенному и полезному труду г. Флоринскаго успѣха и скорѣйшаго окончанія.

Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (Этнографическія данныя). Составилъ Н. Я. Никифоровскій, Витебскъ, 1895 г.—Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича, Гродно, 1895 г. Объемистые *Очерки* г. Никифоровскаго являются перепечаткой изъ *Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей;* очеркъ г. Богдановича также былъ уже напечатанъ въ болѣе краткомъ видѣ въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 г. Настоящія отдѣльныя изданія сдѣлаютъ оба труда болѣе доступными для этнографовъ, для которыхъ тотъ и другой будутъ имѣть значеніе первоисточниковъ, такъ какъ въ основѣ обоихъ положены личныя наблюденія ихъ авторовъ. Оба автора уроженцы Бѣлоруссіи. Г. Никифоровскій помнитъ крестьянскую „обиходность“ бѣлорусса такою, какой она была тридцать лѣтъ назадъ, и спѣшитъ сохранить воспоминанія о ней для этнографической науки, пока эти воспоминанія о дореформенномъ бытѣ бѣлорусскаго крестьянина не успѣли окончательно изгладиться изъ памяти. Обширный бытовой матеріалъ, сообщаемый авторомъ, группируется имъ въ слѣдующіе рубрики: пища, одежда, жилье, и „такъ, сякъ, вокругъ да около“. Всѣ стремленія автора сводятся къ тому, чтобъ изложить свои данныя такъ, какъ онъ ихъ знаетъ и помнитъ. Такимъ образомъ, *Очерки* носятъ характеръ сырого матеріала. Этнографъ-спеціалистъ будетъ особенно благодаренъ составителю за эту авторскую сдержанность и охотно проститъ ему литературныя несовершенства его языка. Гораздо болѣе обработанъ матеріалъ въ *Очеркѣ* г. Богдановича. Поставивъ своею задачей изобразить остатки языческихъ вѣрованій бѣлоруссовъ, авторъ классифицируетъ эти остатки на „пережитки фетишизма“, „пережитки анимизма“, „пережитки олицетвореній“ и „пережитки солнечнаго культа“. Внѣ этой классификаціи стоятъ остальныя 4 главы книги (около 50 стр.), посвященныя бѣлорусской демонологіи. Авторъ ссылается на Спенсера и Тайлора и комментируетъ свои данныя съ помощью различныхъ миѳологическихъ теорій. Главнымъ достоинствомъ книги остается, однако же, и здѣсь—свѣжій матеріалъ, лично собранный г. Богдановичемъ въ Минской, частью Могилевской и Витебской губерніяхъ. Надо, однако, замѣтить, что въ употребленіи автора этотъ матеріалъ является иногда

уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ; онъ „старается, по мѣрѣ возможности, описывать обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе—*типично,* внося въ описаніе всѣ извѣстныя ему „характерныя особенности“. Для этой цѣли онъ сводитъ въ одну картину „нѣсколько записей одного и того же пережитка“, сдѣланныхъ въ „разныхъ мѣстностяхъ“. Такимъ образомъ, пріемы автора не исключаютъ возможности реставраціи древняго „пережитка“ навстрѣчу представленію о смыслѣ этого пережитка той или другой теоріи. Другое неудобство этихъ пріемовъ заключается въ слишкомъ общей формѣ, которыя принимаютъ подчасъ его „типическія“ описанія. Нельзя, поэтому, не высказать желанія, чтобъ авторъ нашелъ возможность, независимо отъ книги, напечатать и подлинныя свои записи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика“. ***К. Головина.***

Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ. К. Головина. Спб., 1896 г. Въ спорѣ народниковъ съ марксистами мы видѣли до сихъ поръ столкновеніе *двухъ* міросозерцаній, представители которыхъ, радикально расходясь между собой во многихъ экономическихъ и соціологическихъ вопросахъ, имѣли, однако, то общее, что въ одинаковой мѣрѣ являлись людьми науки, вооруженными необходимымъ арсеналомъ знаній: если на сторонѣ однихъ было то преимущество, что они лучше знакомы съ новѣйшей экономической литературой, за то другіе могли похвастаться болѣе непосредственнымъ знакомствомъ съ экономическою жизнью Россіи. Но вотъ на сценѣ появляется третья спорящая сторона: г. Головинъ, выступающій представителемъ новаго взгляда на затронутые вопросы и въ то же время представителемъ новаго типа критика и мыслителя. Посмотримъ же, прежде всего, каковъ г. Головинъ въ роли критика и самостоятельнаго мыслителя, а затѣмъ обратимся и къ тому новому взгляду, который имъ выдвигается въ его книгѣ.

Доктрина народниковъ и ученіе, котораго придерживаются ихъ противники, одинаково неудовлетворительны въ глазахъ г. Головина: „трехполье, какъ крайній предѣлъ для нашей агрономіи,—читаетъ мы на стр. 83,—деревянная посуда вмѣсто фарфора, лапти, тулупы и самодѣльныя рубахи на одежду, и, въ особенности, поменьше машинъ, какъ можно поменьше—вотъ блестящая картина экономическаго благополучія, какую намъ рисуютъ гг. народники“. Сторонникъ прогресса („съ мужикомъ“), г. Головинъ не сочувствуетъ возведенію въ идеалъ „промышленнаго застоя“; ему, впрочемъ, приходится признать (стр. 9), что это не единственный идеалъ народниковъ. „Основное положеніе народничества, проходящее красною нитью черезъ всю его литературу, сводится къ тому, что продуктъ труда долженъ во всей цѣлости принадлежать работнику“. Какъ же относится г. Головинъ къ *этому* идеалу? Вообще нескупой на слова, нашъ авторъ, къ сожалѣнію, именно въ данномъ случаѣ хранитъ молчаніе. Но изъ того общаго осужденія, которое онъ произноситъ всему народническому ученію, приходится заключить, что и этотъ второй идеалъ народниковъ симпатиченъ ему не болѣе, чѣмъ первый. Отъ общихъ замѣчаній о народничествѣ г. Головинъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ положеній его представителей. Но тутъ происходитъ нѣчто странное. Цитируетъ г. Головинъ

вполнѣ правильно, но тѣмъ не менѣе цитируемыя мѣста получаютъ у него совершенно неожиданный смыслъ. Г. В. В., наприм., повторяетъ ту общеизвѣстную истину, что съ увеличеніемъ зерна на рынкѣ (вслѣдствіе улучшенія пріемовъ обработки) цѣны на хлѣбъ понижаются. Г. Головинъ комментируетъ: „Иначе говоря, г. В. В. не въ силахъ допустить, чтобы трудъ могъ быть примѣненъ болѣе или менѣе продуктивно“ (стр. 38). Дѣйствительно, „иначе говоря“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 67) тому же писателю приписывается слѣдующій нелѣпый взглядъ: „съ его (г. В. В.) точки зрѣнія, если 10 человѣкъ дѣлаютъ то, что могли бы исполнить 5, цѣнность продукта отъ этого удвоивается“. Нечего и говорить, что въ *Очеркахъ теоретической экономіи,* на которые ссылается г. Головинъ, ничего подобнаго мы не находимъ.

Въ критикѣ экономическаго матеріализма нашъ авторъ обнаруживаетъ такое же глубокое пониманіе критикуемыхъ авторовъ и, кромѣ того, замѣчательную развязность. Вотъ образецъ этой критики: „Въ теоріи Маркса сразу бросается въ глаза ея *коренное внутреннее противорѣчіе.* Ученіе, сводящее всѣ жизненныя явленія къ желѣзной необходимости, должно бы *излагаться* спокойно, а на самомъ дѣлѣ оно не что иное, какъ стѣнобитное орудіе, предназначенное къ разрушенію порядка, *яко бы* закономѣрнаго и необходимаго“ (стр. 115). Какое, подумаешь, правда, жестокое „внутреннее противорѣчіе всего ученія!“ Переходя къ ученикамъ, г. Головинъ становится еще развязнѣе. „Если выкинуть изъ книги г. Струве смутныя надежды на имѣющее когда-нибудь совершиться „обобществленіе“ и освободить ее отъ ненужнаго философскаго балласта, его программа очень близко подойдетъ къ тому, что я позволилъ себѣ высказать на предыдущихъ страницахъ. А произвести эту операцію надъ работой молодого ученаго вовсе не трудно“ (стр. 88).

Но г. Головинъ не только критикуетъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поучаетъ. Дѣло идетъ о приведенномъ выше утвержденіи г. В. В. „Пониженіе цѣны продукта,—разсуждаетъ г. Головинъ (стр. 46),—вызванное большей производительностью усовершенствованнаго труда, не настолько велико, чтобъ уравновѣсить прибыль отъ расширенія сбыта. Еслибъ г. В. В. лучше припомнилъ ученіе самого Маркса, онъ догадался бы, что въ этомъ заключается такъ называемая относительная добавочная стоимость der relative Mehrwert“. Должно замѣтить, что замѣчаніе это бросаетъ совершенно новый свѣтъ на ученіе Маркса, который, какъ оказывается, былъ очень далекъ отъ правильнаго пониманія имъ самимъ введеннаго термина! Да проститъ намъ читатель еще одну цитату, долженствующую служить образцомъ самостоятельныхъ экономическихъ разсужденій г. Головина. „Съ точки зрѣнія *строгихъ* марксистовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые своего учителя плохо понимаютъ (почему они и называются *строгими*?), усиленіемъ производства никакой прибавки цѣнности достигнуто не будетъ, такъ какъ цѣнность измѣряется яко бы количествомъ затраченнаго труда... Укажу лишь на то, что для населенія данной мѣстности не совсѣмъ - таки все равно (кто же говоритъ „все равно?“), если съ помощью той же работы оно пріобрѣтаетъ большее количество продуктовъ. Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно: и производительность труда, и благосостояніе человѣческихъ обществъ растутъ (г. Головинъ, повидимому, думаетъ, что благосостояніе расти можетъ лишь съ „прибавкой цѣнности“), а стало быть намъ *остается признать* одно изъ двухъ: либо, что одно и то же количество труда можетъ создавать неодинаковыя цѣнности,

либо (далѣе, всего лучше!), что цѣнность сама по себѣ безразличное мѣрило для опредѣленія богатства“ (стр. 28). Можемъ завѣрить г. Головина, что еслибъ эта тирада была произнесена имъ на студенческомъ экзаменѣ по политической экономіи, ему бы пришлось зазимовать на первомъ курсѣ. Къ счастью для нашего автора, экзамена по политической экономіи ему, вѣроятно, уже не предстоитъ и онъ свободно можетъ поучать публику. Бумага все терпитъ.

Полноты ради намъ слѣдовало бы остановиться далѣе на многихъ рѣшительныхъ и голословныхъ утвержденіяхъ г. Головина, въ родѣ того, что „въ Западной Европѣ потребленіе выразится 11 или 12 пудами муки на жителя, а въ Россіи—15 пудами“ (стр. 66), что „число головъ (рогатаго скота) вплоть до 1894 г. нигдѣ замѣтно не сокращалось“ (стр. 81), или что „обезземеленія крестьянства, о которомъ говорится въ книгѣ Маркса, нигдѣ, кромѣ Англіи, въ Европѣ не происходило“ (стр. 115),—но размѣръ настоящей рецензіи этого не позволяетъ. Мы вынуждены обратиться прямо къ тому „новому слову“, которое взялся произнести г. Головинъ. Вотъ оно во всей его красотѣ и неприкосновенности: „Намъ совѣтуютъ (марксисты) не противиться неизбѣжному злу и бодро идти на встрѣчу капитализму. Это очень походитъ на извѣстную поговорку: „идетъ бѣда—растворяй ворота“. *Но такая ли ужъ въ самомъ дѣлѣ бѣда?*“ (стр. 149). Въ глазахъ г. Головина отнюдь нѣтъ. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному въ Россіи уже совершился. И что же? Ничего, кромѣ благодѣянія, это не принесло странѣ. „Гдѣ у насъ признаки того болѣзненнаго роста капитала, при которомъ онъ становится развращающимъ властелиномъ страны? Гдѣ у насъ замѣтно грозное обезземеленіе крестьянства“ *)? И г. Головинъ клянется, что капитализмъ на русской почвѣ будетъ не капитализмомъ, а своего рода раемъ земнымъ. „Оборони насъ Богъ, слѣпо подражая Западу, помогать обезземеленію мужика. Если жалокъ и нелѣпъ мужикъ безъ прогресса, немногимъ лучше и прогрессъ безъ мужика“. Еще бы, вѣдь, извѣстно, что одинъ мужикъ можетъ трехъ генераловъ прокормить, какъ же безъ него станутъ обходиться эти послѣдніе? „Къ счастью, у мужика большое *преимущество* передъ крупнымъ землевладѣльцемъ. Обходясь безъ наемныхъ батраковъ и свою работу *не цѣня ни во что* („большое преимущество!“), крестьянинъ можетъ производить дешевле любого крупнаго собственника и, стало быть, съ нимъ конкуррировать“ (стр. 159). Впрочемъ, крупные собственники, земельные и не земельные, не потерпятъ никакого ущерба, они даже еще процвѣтутъ—*на благо своего отечества*, ибо „наличность достаточныхъ классовъ не только ничего не отнимаетъ у рабочаго населенія, но значительно увеличиваетъ его покупательную способность, возвышая его заработокъ, благодаря производству предметовъ роскоши“.

Такова утопія г Головина. Боимся, что скептикамъ покажется это недостаточнымъ; они скажутъ, пожалуй, что если г. Головинъ не позволяетъ намъ вѣрить вслѣдъ за народниками въ существованіе *особыхъ путей* для Россіи логично ли допускать въ то же время возможность для нея *особаго* капитализма?

---

*) Замѣтимъ, что этотъ реторическій вопросъ у самого же г. Головина получаетъ нежелательный для автора отвѣтъ. На стр. 33 читаемъ: „образованіе фактическаго сельскаго пролетаріата среди надѣленныхъ землею крестьянъ, пролетаріата безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ—было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ большей свободы передвиженія“.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Военно-уголовное право“. Сост. *В. Д. Кузьминъ-Караваевъ I*.—„Условное осужденіе въ Норвегіи“. *А. Піонтковскаго*.—„Общественное мнѣніе“. *Проф. Гольцендорфа*. — „Элементы общаго ученія о правѣ“. Соч. *проф. А. Меркеля*.— „О заключительномъ словѣ предсѣдателя“. *В. Даневскаго*.

Военно-уголовное право. Составилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ I. Спб., 1895 г. Книга г. Кузьмина-Караваева представляетъ изъ себя первый въ нашей литературѣ опытъ систематическаго изложенія русскаго военно-уголовнаго права и благодаря этому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вышедшій первый томъ охватываетъ половину общей части—ученіе о военно-уголовномъ законѣ и ученіе о воинскомъ преступномъ дѣяніи. Въ обширномъ введеніи авторъ опредѣляетъ предметъ, задачи и предѣлы науки военно-уголовнаго права. По мнѣнію автора, „военно-уголовное право имѣетъ своимъ предметомъ изученіе природы воинскихъ преступныхъ дѣяній, воинскихъ наказаній и условій ихъ назначенія“ (стр. 1). Уже самое это опредѣленіе указываетъ двойственный характеръ военно-уголовнаго права. Съ одной стороны самое понятіе преступленія, понятіе наказанія, условія приложенія наказанія къ преступленію нисколько не зависятъ отъ того, являются ли преступленіе и наказаніе воинскимъ или не воинскимъ; поэтому, какъ говоритъ авторъ (стр. 88), „формально военно-уголовное право есть отрасль права уголовнаго общаго и, потому, въ общихъ уголовно-правовыхъ началахъ стоитъ въ полной отъ него зависимости“. Но исключительныя условія военнаго быта и возникающія среди нихъ своеобразныя по содержанію правовыя отношенія вызываютъ существованіе спеціальныхъ правовыхъ нормъ, нарушенія которыхъ составляютъ спеціальныя воинскія преступныя дѣянія, влекущія за собой спеціальныя воинскія наказанія. Слѣдовательно, военно-уголовное право есть самостоятельная отрасль общаго уголовнаго права. Оно самостоятельно настолько, насколько предметъ его изученія составляютъ *воинскія* преступныя дѣянія, *воинскія* наказанія и условія *ихъ* примѣненія“ (стр. 90).

Упомянутыя своеобразныя условія военнаго быта авторъ излагаетъ во второй главѣ введенія. Опредѣливъ понятіе войска, какъ внѣшней вооруженной силы государства, авторъ указываетъ (стр. 15), что основнымъ условіемъ военнаго быта является идея единой воли, опредѣляющая всѣ остальныя условія: воинскую дисциплину, военную іерархію, воинскую честь, военное воспитаніе, связь съ государственною организацій, особую организацію предводительства, систему комплектованія, техническое военное образованіе и систему команднаго и административнаго военнаго управленія. Всѣ эти условія, связанныя между собой, въ совокупности, обусловливаютъ успѣхъ военнаго дѣла.

Характеръ изложенія общей части военно-уголовнаго права опредѣляется указанною выше особенностью этого права, какъ науки формально представляющей лишь отрасль общаго уголовнаго права. Въ виду этого авторъ не даетъ полнаго изложенія ученія о преступномъ дѣяніи; мы встрѣчаемъ лишь отрывочныя, общепризнанныя положенія изъ ученія объ уголовномъ законѣ и о преступномъ дѣяніи; главная задача автора состоитъ въ указаніи того, какъ примѣняются и какимъ подвергаются измѣненіямъ эти положенія общей теоріи при соприкосновеніи ихъ съ своеобразными явленіями, опредѣляемыми особенностями военнаго быта. Эту задачу авторъ осуществилъ вполнѣ удачно.

Въ общемъ книга г. Кузьмина-Караваева не только является весьма цѣнной для военныхъ, но даетъ и юристу-невоенному не мало полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній.

Условное осужденіе въ Норвегіи. А. Піонтковскаго. Одесса, 1895 г. Условное осужденіе — это осуществленіе въ жизни практическихъ мѣръ, предлагаемыхъ уголовною политикой, стремящейся къ построенію цѣлесообразной борьбы съ развитіемъ и проявленіемъ преступной дѣятельности. Современныя уголовно-соціологическія изслѣдованія уже установили зависимость преступленія отъ взаимодѣйствія условій внѣшней среды и индивидуальныхъ особенностей человѣка. Теперь уголовная политика направляетъ свои удары на устраненіе причинъ, обусловливающихъ ненормальныя явленія, т.-е. заботится объ улучшеніяхъ во внѣшней средѣ, воздѣйствующей на преступника, и о созданіи цѣлесообразныхъ мѣръ борьбы съ самой преступною личностью. Такимъ образомъ, задачей законодателя теперь является не только механическое возмездіе зломъ за зло, но и въ значительной мѣрѣ построеніе спеціальныхъ средствъ, могущихъ защитить и предохранить общество отъ преступныхъ посягательствъ. Къ числу средствъ послѣдняго рода принадлежитъ и институтъ условнаго осужденія или система испытанія.

Сущность новой системы заключается въ *отпущеніи осужденнаго на испытаніе въ теченіе неопредѣленнаго времени, вмѣсто немедленнаго примѣненія опредѣленнаго по суду наказанія*, въ той или другой формѣ. *Наказаніе окончательно не отмѣняется, но отлагается временно, подъ условіемъ примѣненія его въ случаѣ, если обнаружится неспособность обвиненнаго въ приспособленіи къ условіямъ общежитія и въ сдерживаніи себя отъ дальнѣйшихъ закононарушеній.* Такимъ образомъ, институтъ является сильнымъ средствомъ воздѣйствія на личность преступника путемъ страха передъ возможностью неминуемой кары въ случаѣ нежеланія приспособиться къ современнымъ формамъ общественной жизни. Въ виду этого система условнаго осужденія является однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ *случайнымъ* преступнымъ лицомъ, который не долженъ быть подвергаемъ тѣмъ же карательнымъ мѣрамъ, какія примѣняются къ преступникамъ по профессіи. Образовавшись впервые въ Сѣверной Америкѣ, подъ именемъ probation system (основаніемъ его послужило учрежденіе въ Массачузетсѣ, въ 1869 г. особаго органа постоянной защиты и покровительства юнымъ преступникамъ), институтъ видоизмѣняется, но не утратилъ своей юридической природы, по мѣрѣ распространенія его во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Австралія (въ 1886 г.), Англія (въ 1887 г.) дополнили имъ свои карательныя системы. Бельгія, Франція и нѣкоторые кантоны Швейцаріи воплотили его въ свои кодексы. Система испытанія — на пути къ законодательной санкціи во многихъ государствахъ Западной Европы, такъ какъ юриспруденція въ особенности германская является усердной пропогандисткой въ дѣлѣ примѣненія недавно зародившагося института на практикѣ.

Подъ вліяніемъ охватившаго западно-европейскую науку движенія, идея условнаго осужденія обратила на себя вниманіе и среди нашихъ криминалистовъ, которые не только отдѣльными изслѣдованіями, благопріятно относящимися къ этому виду карательныхъ мѣръ, высказались въ пользу принятія этого института нашимъ законодательствомъ, но и обосновали практически свои мнѣнія, изложенныя на четвертомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1894 г. въ Петербургѣ. Небольшая брошюра, принадлежащая перу профессора Ново-

россійскаго университета А. Піонтковскаго, въ 1894 г. напечатавшаго большое изслѣдованіе объ условномъ осужденіи, знакомитъ насъ съ вступившимъ въ силу 6 іюня 1894 г. норвежскимъ закономъ, установившимъ въ странѣ систему испытанія и условія ея примѣненія.

Общественное мнѣніе. Проф. Гольцендорфа. Перев. Н. Бера. Спб., 1895 г. Пятнадцать почти лѣтъ тому назадъ вышла въ свѣтъ такая же небольшая книжечка, какъ и настоящая, только подъ инымъ заглавіемъ и въ другомъ переводѣ. Появленіе этого изданія было встрѣчено восторженными отзывами, не столько по адресу автора книги, Франца Гольцендорфа, пользуюшагося извѣстностью ученаго государствовѣда, сколько по поводу вопросовъ, возбужденныхъ имъ. Гольцендорфъ въ своей брошюрѣ выбралъ предметомъ обсужденія общественное мнѣніе—могучій факторъ современной государственной жизни, вкратцѣ ознакомилъ насъ съ значеніемъ и ролью общественнаго мнѣнія въ государствѣ, съ исторіей появленія и развитія этого, можетъ быть, ничѣмъ не замѣнимаго общественнаго фактора. И *Русская Мысль* высказалась по поводу своевременнаго появленія въ русскомъ переводѣ брошюры, возбуждающей особенный интересъ въ русскихъ читателяхъ. И вотъ почему въ Западной Европѣ общественное мнѣніе достигло въ настоящее время могущественнаго развитія, тамъ оно является однимъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ общественной жизни. Къ голосу общественнаго мнѣнія прислушиваются выдающіеся политическіе дѣятели и въ рѣдкихъ случаяхъ немногіе рѣшаются идти наперекоръ ему. Право общественнаго мнѣнія громко и открыто высказываться по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ какое-либо общественное значеніе, свобода его проявленія и выраженія во всѣхъ формахъ и всѣми выработанными культурной жизнью и техникой способами—никѣмъ не оспариваются въ цивилизованныхъ странахъ.

Нѣсколько иначе поставлено дѣло у насъ въ Россіи. Право выраженія общественнаго мнѣнія и необходимость участія его въ государственныхъ дѣлахъ если не отрицается въ принципѣ, то на практикѣ лишено возможности высказываться такъ же твердо, опредѣленно и открыто, какъ на Западѣ. Большинство мѣропріятій и явленій государственной жизни до того момента, когда они становятся уже осуществившимися фактами, не извѣстны ни обществу, ни печати. Обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ является правонарушеніемъ. А между тѣмъ общественное мнѣніе, отъ котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ благопріятное осуществленіе правительственныхъ предначертаній, является одинаково интереснымъ и для политика-практика и для человѣка науки.

Авторъ, впрочемъ, ограничилъ свою задачу: его цѣль только отмѣтить историческій ходъ развитія общественнаго мнѣнія, понятіе его, опредѣленіе его цѣнности, процессъ зарожденія и, главнымъ образомъ, вопросъ объ отношеніи, въ которое должно стать современное государство къ общественному мнѣнію. Коснувшись слегка и вкратцѣ значенія общественнаго мнѣнія въ классическомъ мірѣ и въ средніе вѣка, проф. Гольцендорфъ останавливается подробно на процессѣ образованія мнѣнія и задачахъ государства по отношенію къ нему. Упомянувъ о томъ, что общественное мнѣніе является, такъ сказать, естественнымъ росткомъ души извѣстнаго народа въ широкомъ смыслѣ слова,—росткомъ, который возможно вырвать не иначе, какъ вмѣстѣ зъ народнымъ духомъ,—авторъ доказываетъ, что общественное мнѣніе, такъ или иначе, но всегда будетъ дѣйствовать на государствен-

ную власть даже при самомъ деспотическомъ режимѣ. Такимъ образомъ, каждое правительство, желающее приносить дѣйствительную пользу странѣ и разсчитывающее на свою прочность, обязано внимательно прислушиваться къ требованіямъ общественнаго мнѣнія, и что это бываетъ въ дѣйствительности такъ, показываетъ сравненіе жизни различныхъ странъ. Помимо нѣкоторыхъ общихъ признаковъ, общественное мнѣніе въ каждой отдѣльной странѣ имѣетъ и нѣкоторыя характерныя особенности, находящіяся въ зависимости отъ національности, историческаго хода государственнаго развитія и формы правленія.

Въ главѣ о предметѣ и содержаніи общественнаго мнѣнія, авторъ указываетъ на „различную цѣнность проявленій общественнаго мнѣнія по отношенію къ различнымъ сферамъ жизни, къ различнымъ вопросамъ и злобамъ дня“. Предусматривая дѣйствительную опасность, могущую возникнуть отъ давленія общественнаго мнѣнія на отдѣльную личность, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушаетъ вѣру въ призрачныя опасности, которыя, по мнѣнію людей рутины, вызываетъ яко бы всякое проявленіе общественнаго мнѣнія. Въ глазахъ деспотовъ,—говоритъ проф. Гольцендорфъ,—и по воззрѣніямъ, царившимъ въ старыя времена въ чиновничьей кастѣ, каждый относящійся небезразлично къ общественнымъ интересамъ являлся уже человѣкомъ опаснымъ. Такъ, наприм., во Франціи передъ революціей считались благонадежными людьми только не имѣвшіе никакихъ политическихъ мнѣній. Но, по мнѣнію автора брошюры, такіе благонадежные люди и есть самый опасный элементъ общественнаго порядка и государственныхъ формъ, такъ какъ человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ взглядовъ на предметъ, всегда представляетъ собою величину, способную двигаться по направленію общественнаго вѣтра въ ту и другую сторону. Изъ этого слѣдуетъ необходимость прочной выработки политическихъ убѣжденій. Задача общества и государства содѣйствовать такой выработкѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ важнымъ факторомъ, создающимъ общественное мнѣніе и, въ то же время, выражающимъ его, является свободная печать. Свобода печати есть лучшая гарантія за развитіе общественнаго мнѣнія безъ сильныхъ потрясеній и колебаній, говоритъ Гольцендорфъ. Но если слѣдуетъ относиться внимательно и съ уваженіемъ къ честному печатному слову, нельзя не относиться съ презрѣніемъ къ той части прессы, которая не укрѣпляетъ, а возбуждаетъ только общественное мнѣніе. Послѣдняя, „стремясь, во что бы то ни стало, къ достиженію власти и могущества, выдаетъ принципы своей программы за единственно истинныя начала политической мудрости; замалчиваетъ возраженія своихъ политическихъ противниковъ; пренебрегаетъ честной полемикой; оставляетъ безъ обсужденія или извращаетъ факты, идущіе въ разрѣзъ съ ихъ собственными воззрѣніями, старается дискредитировать въ глазахъ общества, смѣшать съ грязью личность и взгляды своихъ враговъ и скрыть авторовъ своихъ статей подъ маской анонимности“ (стр. 99).

Переходя къ дѣйствительности, проф. Гольцендорфъ констатируетъ тотъ фактъ, что общественное мнѣніе нашего времени образуется быстро, охватываетъ въ короткое время огромныя пространства, но за то отличается меньшей устойчивостью въ сравненіи съ общественнымъ мнѣніемъ прежнихъ вѣковъ, которое больше опиралось на историческія преданія и традиціи народа, нежели теперь. Образованіе большихъ государствъ, усовершенствованія путей сообщенія, телеграфы и пресса придали общественному мнѣнію новый характеръ. Громадное

значеніе при образованіи современнаго общественнаго мнѣнія имѣетъ и то обстоятельство, что главнѣйшею заботой большинства въ настоящее время является стремленіе обезпечить свое существованіе съ экономической стороны, а событіямъ общественной жизни удѣляется сравнительно мало времени. Вслѣдствіе этого, установленіе опредѣленнаго, яснаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія встрѣчаетъ въ настоящее время едва ли не больше препятствій, нежели прежде.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы отмѣчали значеніе затронутыхъ вопросовъ и необходимость внимательнаго знакомства съ ними. Въ настоящую минуту мы видимъ передъ собой мало измѣненій къ лучшему въ развитіи пониманія важности и задачъ общественнаго мнѣнія, и если рекомендовать содержаніе книжки проф. Гольцендорфа вниманію читателей не безполезно никогда, то въ наше время сдѣлать это болѣе чѣмъ умѣстно.

Элементы общаго ученія о правѣ. Соч. проф. А. Меркеля. Пер. съ нѣм. студента Харьковскаго Императорскаго университета Бориса Попова. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к. Предлагаемая книжка представляетъ переводъ сочиненія, помѣщеннаго въ послѣднемъ изданіи *Encyclopedie der Rechtswissenschaft*. Leipzig, 1890 г. Она состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой, „Объективное право", г. Меркель, сдѣлавъ общую характеристику права, доказываетъ, что оно не имѣетъ самостоятельной цѣли, а служитъ только средствомъ. Затѣмъ авторъ, выяснивъ взаимное отношеніе положительнаго права и справедливости, опредѣляетъ природу и происхожденіе государства и излагаетъ теоріи о государствѣ и объ основаніи его власти. Глава вторая трактуетъ о субъективномъ правѣ и правоотношеніяхъ. Книжка г. Меркеля можетъ послужить полезнымъ пособіемъ для изучающихъ право, тѣмъ болѣе, что въ ней мы находимъ не мало указаній на литературу предмета.

О заключительномъ словѣ предсѣдателя. В. Даневскаго. Спб., 1896 г. Вопросъ о необходимости заключительнаго слова предсѣдателя, о его объемѣ и характерѣ является очень спорнымъ въ литературѣ и весьма разнообразно разрѣшается въ дѣйствующихъ законодательствахъ. Проф. Даневскій въ своей брошюрѣ подробно и обстоятельно разбираетъ данный вопросъ, а въ заключеніе предлагаетъ рядъ необходимыхъ, по его мнѣнію, измѣненій въ дѣйствующемъ у насъ законѣ. Самый вопросъ о необходимости заключительнаго слова авторъ рѣшаетъ въ такомъ смыслѣ, что „заключительное слово не есть безусловная необходимось" (стр. 36), такъ какъ „потребность резюме ощущается далеко не по всѣмъ дѣламъ". Доказывая излишность заключительнаго слова, авторъ указываетъ, что послѣдствіемъ всякаго резюме „можетъ быть одно изъ двухъ: a) или присяжные будутъ вполнѣ руководствоваться словами предсѣдателя, т.-е. опять же не присяжные, а предсѣдатель будетъ рѣшать вопросъ о виновности, b) или же судьи народные не послѣдуютъ за предсѣдательскими указаніями, и тогда резюме—безполезная формальность" (стр. 34). Но въ дѣйствительности бываетъ не такъ: не руководствуясь всецѣло словами предсѣдателя и не оставляя ихъ безъ всякаго вниманія, присяжные при содѣйствіи резюме составляютъ себѣ лишь болѣе опредѣленное и точное представленіе о разбираемомъ дѣлѣ. Вообще значеніе резюме для присяжныхъ громадное. Группируя и систематизируя обстоятельства дѣла, содѣйствуя, какъ говоритъ Случевскій, уравновѣшенію разности силъ сторонъ и, что самое главное, излагая и разъясняя законы, относящіеся къ дѣлу

и большею частью для присяжныхъ неизвѣстные, предсѣдатель своимъ резюме обезпечиваетъ присяжнымъ засѣдателямъ возможность болѣе яснаго и точнаго отчета въ постановляемомъ ими рѣшеніи, и это обезпеченіе исчезнетъ, если сдѣлать заключительное слово необязательнымъ.

Говоря объ объемѣ заключительнаго слова, авторъ вполнѣ правильно замѣчаетъ, что главнѣйшее значеніе имѣетъ разъясненіе юридической стороны дѣла, причемъ указаніе на тяжесть угрожающаго подсудимому наказанія можетъ лишь содѣйствовать къ выясненію полной картины предложеннаго на рѣшеніе присяжныхъ дѣла. Но нельзя согласиться съ авторомъ, что фактическая часть заключительнаго слова совершенно излишняя за исключеніемъ случаевъ искаженія сторонами существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Прежде всего надо замѣтить, что, излагая юридическую сторону дѣла, невозможно совершенно не коснуться стороны фактической, да, къ тому же, присяжнымъ сжатое изложеніе наиболѣе существенныхъ обстоятельствъ дѣла во многихъ случаяхъ, особенно въ дѣлахъ сложныхъ, можетъ быть только полезно. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что изложеніе предсѣдателемъ обстоятельствъ дѣла будетъ всегда одновременно и выраженіемъ его мнѣнія о виновности подсудимаго, но само по себѣ подобное выраженіе мнѣнія не имѣетъ ничего предосудительнаго и вреднаго и было бы правильнѣе относиться съ бо́льшимъ довѣріемъ къ присяжнымъ, не сомнѣваясь, что они сумѣютъ критически отнестись къ мнѣнію предсѣдателя. Точно также нельзя согласиться со словами автора, что „на судѣ предсѣдатель обязанъ направлять ходъ дѣла къ раскрытію истины, т.-е. къ разъясненію своего убѣжденія“ (стр. 39). На судѣ предсѣдатель направляетъ дѣла къ полному раскрытію обстоятельствъ, всестороннему разъясненію дѣла и путемъ этого не разъясняетъ, а пріобрѣтаетъ убѣжденіе, отражающееся потомъ въ его резюме.

Въ заключеніи брошюры авторъ, какъ намъ кажется, впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собой: въ проектѣ правилъ, долженствующихъ замѣнить ст. 801—804 Уст. Уг. Суд., заключительное слово является обязательнымъ, вопреки высказанному раньше авторомъ мнѣнію о его излишности.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Les couleurs et la photographie“, *par G. Niewenglowski et A. Ernault.* — „Grundzüge der Mathematichen Chemie“.

Les couleurs et la photographie. Reproduction photographique directe et indirecte des couleurs. Par Mm. Gaston Niewenglowski et Armand Ernault. Paris, 1895. Книга Нивенгловскаго и Арм. Ерно можетъ оказать большую услугу тѣмъ любителямъ фотографіи, которые пожелали бы ознакомиться съ тѣми научными началами, на которыхъ основана цвѣтная фотографія, сдѣлавшая за послѣднее время такіе значительные успѣхи. Извѣстно, что, благодаря трудамъ и генію знаменитаго французскаго физика Липпмана, въ настоящее время можно получать фотографическія изображенія, передающія вполнѣ хорошо окраску предметовъ. Оранжевый цвѣтъ апельсиновъ, зелень травы, румянецъ щекъ—все это теперь можно запечатлѣть на фотографической пластинкѣ. Но для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ тѣ принципы, на коихъ покоится цвѣтная фотографія, необходимо имѣть ясное представленіе о природѣ свѣта. По этой причинѣ авторы начинаютъ свою книгу

съ изложенія законовъ оптики и волнообразной теоріи свѣта. Въ третьей части своего труда они, вкратцѣ ознакомивъ читателя съ физіологіей зрѣнія, описываютъ способы приготовленія пластинокъ и полученія негативовъ и позитивовъ. Четвертая часть посвящена хромофотографіи, причемъ авторы приводятъ въ историческомъ порядкѣ опыты, дѣланные съ цѣлью полученія цвѣтной фотографіи: они знакомятъ съ работами Эдм. Беккереля, а затѣмъ переходятъ къ работамъ Липпмана. Въ заключительной пятой главѣ говорится о фото-хромографіи, т.-е. о полученіи цвѣтной фотографіи съ помощью цвѣтныхъ экрановъ. Въ концѣ книги приложена литература предмета. Кромѣ того, книга снабжена портретами Д. Липпмана, Эдм. Беккереля, Дюко-дю-Горона, хромофототипографическими снимками бабочекъ и одною анаглифическою таблицей.

Grundzüge der Mathemathischen Chemie. Energetik der chemischen Erscheinungen von D-r Georg Helm, o. professor an der K. Techn. Hochschule zu Dresden. Leipzig, 1894. Лѣтъ тридцать тому назадъ проф. В. В. Марковниковъ, заканчивая свою вступительную лекцію въ Одесскомъ университетѣ, высказалъ надежду, что настанетъ время, когда рядомъ съ опытною химіей выростетъ другая отрасль науки—математическая химія. Прошло немного времени, и надежда эта сбылась. Дѣйствительно, въ настоящее время, благодаря развитію термодинамики, мы можемъ обсуждать многіе вопросы химической механики, пользуясь математическими формулами. Къ сожалѣнію, большинству химиковъ статьи по химическимъ вопросамъ, наполненныя математическими знаками, недоступны, поэтому-то нельзя не привѣтствовать появленія книги Helm'а, въ которой сранительно въ ясной и понятной формѣ излагаются основные принципы термодинамики и ея приложеній къ химіи. Для того, чтобы читать эту книгу, нужно быть знакомымъ только съ самыми основными понятіями дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Вся книга Гельма состоитъ изъ четырехъ частей: первая посвящена изложенію ученія объ энергіи, вторая — объ энтропіи, третья—о химическомъ напряженіи (chemische Intensität) и четвертая—о фазахъ. Книга Гельма можетъ быть полезна всякому, кто пожелаетъ приступить къ изученію приложеній термодинамики къ химіи.

МЕДИЦИНА.

„Лѣченіе морскими купаньями въ Ялтѣ и вообще на южномъ берегу Крыма“. *Н. В. Дмитріева.*— „Привычные запоры и геморрой“. *Ф. Фейгина.*—„Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста“. *Б. Гейтцъ.*— „Искусство прописывать рецепты“- *Prof. Dujardin-Beaumetz.*

Лѣченіе морскими купаньями въ Ялтѣ и вообще на южномъ берегу Крыма. В. Н. Дмитріева. Изд. 2-е. Одесса, 1895 г. Второе изданіе книги, могущей оказать большую услугу посѣтителямъ черноморскихъ и другихъ купаній, заключаетъ лишь незначительныя измѣненія. Авторъ ставитъ въ заслугу ялтинскому купанью, не признавая однако, его наилучшимъ, открытость бухты и частое волненіе, придающія купанью надлежащую силу. Въ названной брошюрѣ сообщаются весьма полезныя свѣдѣнія о морскомъ купаньи вообще, о физико-химическихъ свойствахъ морской воды, объ особенностяхъ морского воздуха, физіологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи купанья, съ указаніемъ случаевъ, когда послѣднее рекомендуется или же не допускает-

ся. Въ заключеніе преподаются совѣты относительно правильнаго пользованія морскими купаньями, ваннами и проч. съ краткимъ наставленіемъ для купающихся въ морѣ.

Привычные запоры и геморрой. Причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Ф. Фейгинъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к. Авторъ, подробно описывая исторію возникновенія собственной болѣзни, наблюдаемой имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, обращаетъ вниманіе на связь геморроя съ безконечнымъ рядомъ разнообразныхъ болѣзненныхъ припадковъ, въ настоящее время относимыхъ къ самостоятельнымъ заболѣваніямъ. По его словамъ, современное понятіе о геморроѣ, основанное на данныхъ, добытыхъ ножомъ и микроскопомъ, дальше стоитъ отъ истины, нежели старое ученіе объ этомъ недугѣ. Между прочимъ, онъ обращается къ врачамъ и не-врачамъ съ просьбою о сообщеніи ему „исторій развивавшагося у нихъ геморроя, настолько обстоятельно изложенныхъ, чтобы онѣ могли послужить для него матеріаломъ для монографіи“ (по адресу чрезъ книжный магазинъ Риккера въ Петербургѣ). Авторъ брошюры утверждаетъ, что исторія его болѣзни „представляется, во многихъ отношеніяхъ, весьма поучительною, какъ для врачей практиковъ, такъ и для каждаго больного, одержимаго геморроемъ“. Въ особенности предлагаемая имъ гипотеза имѣетъ значеніе для тѣхъ геморроидалистовъ, у которыхъ угнетенное состояніе души, обусловленное геморроемъ и привычными запорами, „до такой степени отравляетъ жизнь, что зародившаяся и неотступно преслѣдующая ихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, мысль о самоубійствѣ столь нерѣдко многими изъ нихъ приводится въ исполненіе“.

Вторая часть брошюры д-ра медицины Фейгина, „члена многихъ ученыхъ обществъ“, какъ значится на обложкѣ, посвящена лѣченію геморроя, причемъ авторъ предлагаетъ слово „запоръ“, которое „приводитъ въ смущеніе щепетильныхъ дамъ и, въ особенности, дѣвицъ“, замѣнить словами „упрямство желудка“. Вообще, эта брошюра, помимо увлеченія автора сводить всѣ недуги къ одной причинѣ, цѣнить значеніе которой не всякій въ состояніи, среди публики можетъ легко породить не совсѣмъ желательныя послѣдствія.

Тѣ недомоганія, которыя вызываются геморроемъ могутъ существовать и безъ него, но разобраться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ только врачъ. Надо полагать, что проектируемый авторомъ „enquête“, геморроидалистовъ доставитъ весьма любопытные матеріалы, но здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду склонность массы людей къ ипохондрическому настроенію.

Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. В. Гейтцъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Лекціи директора елизаветинской клинической дѣтской больницы и почетнаго профессора клиническаго института вел. кн. Елены Павловны являются какъ бы дополнительной сводкой двухъ изданій его книги *Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста*. Въ 42 лекціяхъ (около 500 страницъ) наиболѣе подробно излагаются общая патологія, этіологія и терапія дѣтскихъ болѣзней, въ связи съ гигіеной содержанія, питанія дѣтей и пр. Какъ и всѣ изданія фирмы Риккера, внѣшняя сторона книги не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изложеніе живое и снабжено многими дополнительными замѣчаніями относительно смертности и профилактики дѣтскаго возраста, условій его развитія, анатомо-физіологическихъ особенностей и т. д., съ критическимъ разборомъ современнаго ученія о сущности заразныхъ болѣзней. Признавая громадную пользу бактеріо-

логіи для врачебной діагностики, авторъ, однако, высказывается противъ господствующаго ученія паразитологовъ, что вся группа инфекціонныхъ заразительныхъ болѣзней всецѣло вызывается и обусловливается специфическими патогенными микроорганизмами. Это, по его мнѣнію, „далеко фактически не доказано и зачастую не отвѣчаетъ ни этіологическимъ, ни клиническимъ, ни патолого-анатомическимъ даннымъ, уже выработаннымъ наукою“. Онъ склоняется болѣе къ тому мнѣнію, что патологически измѣненные элементы органовъ и тканей могутъ, сами по себѣ, служить условіемъ для самозараженія организма и развитія въ немъ острой смертельной инфекціонной болѣзни.

Искусство прописывать рецепты. Prof. Dujardin - Beaumetz. Перев. съ французъ. д-ра В. К. Панченко. Съ 20 рисун. въ текстѣ. Спб., 1896 г. Книжка недавно умершаго французскаго клинициста представляетъ интересъ, главнымъ образомъ, для начинающихъ медиковъ, какъ справочное пособіе по рецептурѣ. Въ 27 главахъ, включая историческій очеркъ развитія фармацевтическаго искусства, излагаются всѣ необходимыя въ практикѣ свѣдѣнія о различныхъ пріемахъ назначенія лѣкарствъ при наружномъ и внутреннемъ употребленіи. Изложеніе весьма живое, содержащее много полезныхъ анекдотическихъ указаній изъ области исторіи медицины и терапевтической практики. Дозировка рецептныхъ формулъ въ русскомъ переводѣ показана по десятичной и старой аптечной системѣ, что представляетъ удобство для пользованія ими.

УЧЕБНИКИ.

„Вешніе всходы“. *Д. И. Тихомирова.*—„Очеркъ Таврической губерніи въ историко-географическомъ отношеніи“.

Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій, въ школѣ и семьѣ.—Вешніе всходы. Вторая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ.—Вешніе всходы. Руководство для учителя къ первой и второй книгѣ. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе“. Москва, 1896 г. Цѣна первой книги 30 к., второй—35 к. и Руководства—30 к. Кому изъ лицъ, интересующихся народною школой, не приходилось при разговорѣ съ народными учителями и учительницами выслушивать ихъ жалобы на отсутстіе у насъ подходящей христоматіи для класснаго чтенія? Все то, что выходило изъ печати послѣ книгъ Ушинскаго и барона Корфа, было изъ рукъ вонъ плохо, особенно не по заслугамъ распространенныя книги гг. Баранова и Радонежскаго, написанныя наскоро, необдуманно, безъ малѣйшаго сознанія серьезныхъ задачъ народной книги. Счастливымъ исключеніемъ изъ этой жалкой литературы является новый трудъ г. Тихомирова. Спѣшимъ оговориться: это—не тотъ г. Тихомировъ, о которомъ намъ приходилось упоминать при нашемъ отзывѣ о *Русской Школѣ* и который написалъ такую *Дидактику*, въ которой трудно что-нибудь понять, а что̀ понятно, то давно извѣстно всѣмъ и каждому. Намъ кажется, что написать такую книгу, какъ *Вешніе всходы,*—это заслуга, и заслуга серьезнѣйшая по отношенію къ народной школѣ. Теперь уже не будетъ жалобъ, что нѣтъ книги для чтенія въ начальной школѣ. Главныя достоинства этой книги—доступность ея по языку и содержанію, занимательность и серьезность этого содержанія и строго проведенная

послѣдовательность перехода отъ легкаго и простѣйшаго къ болѣе серьезному, литературному и научно-популярному способу выраженія. Не ищите здѣсь и присущихъ такимъ книгамъ слащавой сантиментальности и квасного патріотизма Не найдете и обычныхъ досужихъ разглагольствій, скучныхъ сентенцій о „честности высокой“ и сухой матеріи въ видѣ голыхъ географическихъ и историческихъ номенклатуръ и т. п.

Самый неопытный учитель сумѣетъ учить по этой книгѣ, такъ какъ авторъ помѣстилъ при статьяхъ примѣрные вопросы къ выясненію ихъ содержанія и смысла, а въ *Руководствѣ для учителя* подробно обсуждаетъ назначеніе этой книжки и даетъ методическія указанія.

Пока вышли двѣ части, а третья послѣдуетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Каждая изъ этихъ книгъ дѣлится на двѣ главныя части: 1) Среди людей и 2) Среди природы и людей. Предѣлы библіографической замѣтки не позволяютъ намъ войти въ подробное разсмотрѣніе этого почтеннаго труда; но мы увѣрены, что онъ встрѣтитъ солидную и обстоятельную критику какъ со стороны основныхъ идей и воззрѣній автора на задачи народной школьной хрестоматіи, такъ и со стороны того плана, которымъ онъ руководствовался, а равно и содержанія избранныхъ имъ статей и, наконецъ, его методическихъ указаній и вообще дидактическихъ положеній. Такой подробной критики заслуживаетъ книга какъ въ виду спорности и невыясненности нѣкоторыхъ изъ указанныхъ вопросовъ, такъ въ особенности—въ виду достоинствъ книги и того большаго труда, который былъ потраченъ на тщательную разработку ея какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

Очеркъ Таврической губерніи въ историко-географическомъ отношеніи (Учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Для городскихъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній и для народныхъ учителей Таврической губерніи. Составилъ П. Татариновъ. Симферополь, 1894 г. Цѣна безъ географической карты 40 коп., съ географической картой (Ильина) 60 коп. Г. Татариновъ, какъ видно изъ предисловія, предназначаетъ свой *Очеркъ* для учителей Таврической губерніи, съ цѣлью облегчить этимъ послѣднимъ занятія съ учениками по родиновѣдѣнію. Намъ уже приходилось отмѣчать появленіе на свѣтъ за послѣднее время подобныхъ очерковъ различныхъ губерній, написанныхъ съ тою же цѣлью. По существующей программѣ курсъ географіи въ начальной школѣ долженъ заключаться въ занятіяхъ родиновѣдѣніемъ въ узкомъ значеніи этого слова, т.-е. въ ознакомленіи ученика, главнымъ образомъ, съ роднымъ городомъ и родною губерніей. Поэтому изданіе въ свѣтъ очерковъ отдѣльныхъ губерній является, во всякомъ случаѣ, дѣломъ полезнымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ учителямъ начальныхъ школъ.

Книга г. Татаринова раздѣлена на двѣ части. Въ первой изложенъ географическій очеркъ губерніи, вслѣдъ за которымъ слѣдуетъ историческій, а вторая содержитъ въ себѣ описаніе уѣздовъ и городовъ Таврической губерніи. Къ сожалѣнію, г. Татариновъ не всегда умѣетъ разобраться и оріентироваться въ матеріалѣ, благодаря чему книга его временами изобилуетъ ненужными подробностями. Лишнимъ, напримѣръ, намъ кажется перечисленіе высотъ всѣхъ горныхъ вершинъ (стр. 6), а также подробный перечень даже самыхъ ничтожныхъ рѣчекъ губерніи (стр. 10). Не менѣе лишнимъ находимъ мы во второй части слишкомъ точное распредѣленіе границъ всѣхъ уѣздовъ, которое не дастъ ровно ничего ученикамъ и только обременитъ ихъ па-

мять. Г. Татариновъ съ большою добросовѣстностью отнесся къ своему труду, и въ этомъ ему нельзя отказать; онъ воспользовался многими источниками, и если изложеніе его подчасъ страдаетъ сухостью, то все же въ его книгѣ учитель найдетъ достаточное количество, которое нужно только умѣть выбрать.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ, КАЛЕНДАРИ.

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ". Сезонъ 1894—1895 г.— „Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 г.".—„Памятная книжка Варшавской губ. на 1896 годъ".—„Памятная книжка Дагестанской области". — „Крылатыя мысли". *Влад. Чуйкова.*

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1894—1895 годовъ (Пятый годъ изданія). Приложенія: книги 1-я и 2-я. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Редакторъ А. Е. Молчановъ. Спб., 1895 и 1896 гг. Приложенія къ *Ежегоднику* даютъ, какъ и въ прошедшемъ году, много очень разнообразнаго и любопытнаго матеріала для исторіи русскаго театра и для харектеристики выдающихся сценическихъ дѣятелей, артистовъ и писателей. Первое *Приложеніе*, помѣченное 1895 годомъ, начинается біографическимъ очеркомъ Н. А. Селиванова: *Елена Ивановна Гусева, драматическая актриса,* со дня рожденія которой исполнилось сто лѣтъ. Скончалась она 27 февраля 1853 г., на сценѣ Александринскаго театра во время утренняго спектакля на масляницѣ, когда на сценѣ шла извѣстная пьеса *Русская свадьба,* въ которой Е. И. Гусева играла роль няни молодого князя. Роль молодого князя игралъ Максимовъ. Окончивъ свою сцену съ Максимовымъ, „она пришла за кулисы, зашаталась и упала на руки кого-то изъ стоявшихъ тамъ... ее отнесли въ уборную",—говоритъ П. А. Каратыгинъ въ своихъ *Запискахъ.* „Finita la comedia! Она въ одно время сошла съ обѣихъ сценъ—и съ жизненной, и съ театральной!" „Кто-то изъ актеровъ вышелъ и возвѣстилъ, что *по болѣзни* (!) актрисы г-жи Гусевой ея роль займетъ г-жа Рамазанова... и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ, комедія кончилась къ полному удовольствію почтенной публики. Между тѣмъ, въ продолженіе антракта весь закулисный міръ перебывалъ въ той уборной, гдѣ на кушеткѣ лежала новопреставленная раба Божія!... Я также зашелъ туда, взглянулъ на нее, и какое-то давящее душу, болѣзненное чувство овладѣло мною: бѣдная старушка, разрисованная, нарумяненная, въ цвѣтной глазетовой куцавейкѣ, скрестивъ руки, покоилась вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ..." За недѣлю передъ этимъ (20 февраля) умеръ извѣстный актеръ Брянскій, ровно двѣ недѣли спустя (13 марта) умеръ В. А. Каратыгинъ. Въ статьѣ, посвященной памяти Е. И. Гусевой, кромѣ характеристики артистки, читатели найдутъ нѣсколько интересныхъ подробностей о положеніи русскихъ актеровъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Къ статьѣ приложенъ очень хорошій портретъ съ такимъ факсимиле: „Актриса Елена Гусева".

Далѣе слѣдуетъ статья А. А. Ярцева *Первый памятникъ русскому актеру,* въ которой разсказана исторія сооруженія памятника Михаилу Семеновичу Щепкину въ гор. Суджѣ, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о провинціальныхъ родственникахъ славнаго артиста, припоминается нѣсколько случаевъ анекдотическаго характера за время пребыванія Щепкина въ гостяхъ у родныхъ и передаются подробности торжествъ

при открытіи памятника 9 мая 1895 г. Очень любопытны разсказы П. И. Вейнберга, озаглавленные: *Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній. М. С. Щепкинъ и П. С. Мочаловъ.* Въ нихъ авторъ очень живо и увлекательно передаетъ полученныя имъ въ дѣтствѣ, въ бытность въ Одессѣ, впечатлѣнія отъ игры Щепкина и, въ особенности, отъ его „читки" басенъ Крылова въ давно забытой пьесѣ кн. А. А. Шаховского *Эзопъ у Ксанфа.* Юный театралъ пришелъ въ неописуемый восторгъ и побѣжалъ за кулисы къ Щепкину. Великій артистъ внимательно выслушалъ мальчика, добродушно обласкалъ его и побесѣдовалъ съ нимъ объ искусствѣ. По недостатку мѣста, мы не воспроизводимъ всего разговора и ограничимся лишь нѣсколькими фразами, сказанными Щепкинымъ. „Для актера читка—важное, очень важное дѣло. Съ нея надо начинать учиться актеру... Подражать никому, душа моя, не слѣдуетъ, надо все по-своему дѣлать... А *какъ* научиться хорошо читать... это объяснять тебѣ еще рано... Подрости сначала. А покамѣстъ старайся читать „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой"... Дуракъ былъ Фамусовъ, неучъ большой, а одну умную вещь, все-таки, сказалъ... И чувство нужно, и толкъ нуженъ (толкъ прежде всего), и разстановка тоже нужна, очень нужна"... Черезъ нѣсколько лѣтъ Щепкинъ былъ опять въ Одессѣ и на этотъ разъ съ П. С. Мочаловымъ, „передъ которымъ,—по словамъ г Вейнберга,—по сущности и, пожалуй, по степени врожденнаго дарованія, отчасти блѣднѣлъ даже Щепкинъ".

Во второмъ *Приложеніи* напечатана статья академика Л. Н. Майкова: *Щепкинъ о Рашели,* съ приложеніемъ писемъ М. С. Щепкина къ П. В. Анненкову и съ портретомъ Щепкина. Русскій человѣкъ отдаетъ должное знаменитой французской артисткѣ, восхищается ея удивительною декламаціей, силой ея трагическаго таланта, но многое, доставившее славу Рашели, признаетъ непригоднымъ для нашей сцены и для русскихъ актеровъ. Изученіе, „школа" необходимы, но выучкою и умѣньемъ не должно „злоупотреблять", какъ то дѣлала Рашель и отчего, по словамъ Щепкина, „какъ только дѣло дойдетъ (въ драмѣ) до какого-нибудь чувства, то лицо уничтожено, а является трагическая Рашель". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чувству нельзя давать волю: „Какъ бы ни было вѣрно чувство, но ежели оно перешло границы общей идеи, то нѣтъ гармоніи, которая есть *общій* законъ всѣхъ искусствъ... Естественность и истинное чувство необходимы въ искусствѣ, но настолько, насколько допускаетъ общая идея. Въ этомъ-то и состоитъ все искусство, чтобъ уловить эту черту и устоять на ней..." Статья Д. А. Каропчевскаго *Провъ Михайловичъ Садовскій* очень живо воспроизводитъ сценическій образъ творца поразительныхъ типовъ въ комедіяхъ Островскаго. Авторъ даетъ основательный и, въ большинствѣ случаевъ, детальный разборъ игры Садовскаго въ пьесахъ нашего славнаго драматурга, открывшаго своими произведеніями цѣлый новый міръ, до него почти совсѣмъ невѣдомый русской театральной публикѣ. Въ настоящее время очень немногія пьесы Островскаго идутъ на сценахъ Императорскихъ и частныхъ театровъ единственно потому, что нѣтъ исполнителей для главныхъ лицъ его комедій. Воспоминанія г. Каропчевскаго, подкрѣпленныя приводимыми имъ отзывами Баженова и Родиславскаго, останутся въ высшей степени важнымъ указаніемъ того, какъ понималъ и какъ олицетворялъ П. М. Садовскій эти типы, не находящіе для себя исполнителей въ теченіе четверти столѣтія. Замѣчательно и для всѣхъ артистовъ поучительно, между прочимъ, то,

что сообщаетъ г. Каропчевскій объ исполненіи Садовскимъ роли Краснова въ драмѣ *Грѣхъ да бѣда*... Пьеса шла въ первый разъ 21 января 1863 года и часто повторялась въ теченіе этого сезона и въ слѣдующемъ году, „и публика привыкла видѣть въ Красновѣ мягкаго, любящаго человѣка, съ нѣжной, неудовлетворенной душой“. „Убійство выходило у него простою вспышкой, аффектомъ“... Въ маѣ 1867 года авторъ опять видѣлъ Садовскаго въ той же роли и вотъ какъ передаетъ свои впечатлѣнія: „Я взглянулъ... и глазамъ не повѣрилъ. Это былъ совершенно другой Красновъ, другой типъ, не имѣвшій ничего общаго съ прежнимъ! Гримировка осталась тою же, но внутренній человѣкъ совершенно измѣнился. Передо мною былъ Красновъ энергичный, твердый, скрывающій подъ учтивой купеческой внѣшностью желѣзный характеръ“... Мы не имѣемъ возможности слѣдить за авторомъ,— намъ пришлось бы выписать нѣсколько страницъ,— и потому ограничимся заключеніемъ: „Если я прибавлю,—говоритъ авторъ,—что исполненіе было настоящимъ экспромтомъ, то всякому, понимающему технику работы актера, едва ли нужно объяснять, какими творческими силами долженъ обладать артистъ, который разомъ пересоздалъ заново роль, исполнявшуюся имъ уже четыре года, и пересоздалъ такъ, что отъ старой роли не уцѣлѣло ни одного движенія, ни одной ноты“...

Чтобы закончить, мы считаемъ нужнымъ сообщить читателямъ содержаніе этихъ двухъ выпусковъ, кромѣ статей, о которыхъ мы говорили. Въ первомъ изъ нихъ помѣщена статья В. Н. Перетца: *Кукольный театръ на Руси;* во второмъ: *Прошлое итальянскаго театра въ Петербургѣ,* М. М. Иванова, и біографическій очеркъ (неоконченный): *Князь Александръ Александровичъ Шаховской,* А. А. Ярцева. Ко всѣмъ статьямъ приложены отличные портреты, воспроизведенія фототипіей сценъ и др. иллюстраціи.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 годъ. Изданіе Ф. П. Романова. Годъ третій. Томскъ, 1896 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Въ большомъ томѣ (въ 500 страницъ убористой печати), достаточно полныя календарныя свѣдѣнія занимаютъ очень немного мѣста, и вся суть, все значеніе изданія г. Романова заключается въ массѣ самыхъ разнообразныхъ и тщательно собранныхъ данныхъ, историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, статистическихъ и современно-бытовыхъ, относительно громадной части Русской имперіи, называемой Сибирью. Книга носитъ заглавіе *Торгово-промышленный календарь*, но собственно „торгово - промышленный“ ея отдѣлъ составляетъ лишь приложеніе къ ней сверхъ пятисотъ страницъ текста. Отдѣлъ этотъ не составляетъ основы книги, это лишь добавленіе къ ней, имѣющее характеръ сборника объявленій и рекламъ, представляющихъ, несомнѣнно, большой интересъ исключительно для коммерческаго люда, занимающагося торговлей какъ въ Сибири, такъ и съ Сибирью. Самый же текстъ изданія г. Романова представляетъ собой подробное и любопытнѣйшее описаніе всей Сибири вообще и затѣмъ отдѣльно, по частямъ, по губерніямъ и областямъ, на которыя она административно дѣлится. Въ этихъ описаніяхъ сообщаются нижеслѣдующія свѣдѣнія: географическое положеніе губерніи или области, пространство, устройство поверхности, климатъ, растительность, фауна, земледѣліе и скотоводство, промышленность, торговля и ярмарки, движеніе населенія, подати и сборы, занятія населенія, общественное благоустройство, народное образованіе, административное дѣленіе, описаніе городовъ, находящихся въ области. Такимъ обра-

зомъ описаны губернiи: Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская; области: Акмолинская, Якутская, Забайкальская, Амурская, Приморская и островъ Сахалинъ. Необъяснимъ для насъ пропускъ въ такомъ изданiи столь важнаго торговаго пункта, какъ Кяхта, которой, за-одно съ Троицкосавскомъ, отведено всего нѣсколько строкъ. За симъ слѣдуетъ интересная статья *Очеркъ жизни на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азiи*, а въ статьѣ этой особеннаго вниманiя заслуживаютъ тѣ страницы (321—325), на которыхъ авторъ говоритъ о ссыльно-поселенцахъ, по-мѣстному, „хайлахахъ", водворяемыхъ среди туземцевъ-якутъ. Эти „хайлахи", по совершенно справедливому мнѣнiю автора, подкрѣпленному неопровержимыми доказательствами, составляютъ истинное бѣдствiе для тѣхъ мѣстностей, куда ихъ ссылаютъ, настоящую язву, неповинно губящую беззащитныхъ и смирныхъ инородцевъ. „Послѣ поѣздки миссъ Марсденъ,— такъ заключаетъ авторъ свою статью,— великодушные люди измышляютъ средства, какъ помочь нѣсколькимъ десяткамъ прокаженныхъ. Это хорошо; но не найдутъ ли также великодушные люди способъ, какимъ образомъ избавить не нѣсколько десятковъ, а поголовно все якутское населенiе области отъ не менѣе страшной проказы, подтачивающей экономическое положенiе и нравственность края; этой проказѣ имя *хайлахъ*". Мы полагаемъ, что тутъ ужъ никакiе „великодушные люди" ничего не подѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока надъ несчастными якутами не сжалятся администрацiя края и вѣдомство, распоряжающееся ссыльными. На обязанности всѣхъ русскихъ людей, близко знающихъ дѣло, лежитъ обращать вниманiе лицъ, власть имѣющихъ, на эту „проказу" и настаивать на ея устраненiи, не ожидая прiѣзда и вмѣшательства въ дѣло благотворительныхъ „миссъ" и человѣколюбивыхъ „мистеровъ"...

Въ приложенiи къ *Календарю* въ видѣ отдѣльной статьи напечатанъ очеркъ, озаглавленный *Городъ Владивостокъ*. Въ этой статьѣ, очень обстоятельной, особеннаго вниманiя заслуживаютъ нижеслѣдующiе факты: жителей въ городѣ—мужчинъ 5,500, женщинъ 2,700 (мы беремъ круглыя цифры), войскъ 9,660; въ счетъ жителей входитъ: осѣдлыхъ китайцевъ муж. 3,655, жен. 36; корейцевъ муж. 293, жен. 102; японцевъ муж. 187, жен. 177; иностранныхъ подданныхъ муж. 108, жен. 62. Слѣдовательно, русскихъ, за исключенiемъ войскъ, оказывается муж. 1,357, жен. 2,323. Всѣхъ торговыхъ заведенiй 382, изъ нихъ принадлежитъ: русскимъ 145, китайцамъ 180, японцамъ 30, иностранц. др. нацiй 27. „Свѣдѣнiй о числѣ ремесленниковъ не имѣется. Мастеровыхъ много китайцевъ и японцевъ. Нѣкоторыя мастерства всецѣло находятся въ рукахъ инородцевъ"... Добрая половина ломовыхъ извозчиковъ — манзы (китайцы). „Рыболовство въ ближайшихъ окрестностяхъ города находится въ рукахъ китайцевъ и японцевъ, равно какъ и другой промыселъ—трепанговый". „Самымъ выгоднымъ является капустный (морской) промыселъ, которымъ занимаются китайцы и мѣстный купецъ Я. Л. Семеновъ". „Значительныхъ размѣровъ достигаетъ уловъ крабовъ, гиримсовъ и устрицъ. Этими промыслами занимаются инородцы". „Наиболѣе крупныя заготовки дровъ и строевого лѣса производятся русскими, а мелкiя—китайцами и частью корейцами; рабочими же въ этихъ операцiяхъ опять-таки преимущественно китайцы и корейцы". Кромѣ осѣдлыхъ китайцевъ, „ежегодно съ началомъ навигацiи значительное число ихъ прибываетъ на пароходахъ и черезъ сухопутную границу". Въ 1894 г. ихъ явилось до 45,00 чел., корейцевъ прибыло 3,000 слишкомъ. Число прибывающимъ

японцевъ изъ года въ годъ увеличивается. „Всѣ необходимые жизненные продукты владивостокскій житель получаетъ черезъ китайца, жилище строитъ ему китаецъ, одежду шьетъ китаецъ, пищу приготовляетъ китаецъ, няньчаетъ его дѣтей китаецъ-нянька"... Въ результатѣ выходитъ, что все въ рукахъ китайцевъ, и Владивостокъ — русскій городъ лишь потому, что управляютъ имъ русскіе чиновники и охраняютъ его русскія войска.

Памятная книжка Варшавской губерніи на 1896 годъ. Съ портретомъ и картою губерніи. Составилъ Н. Ѳ. Акаёмовъ. Варшава, 1896 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 коп. Оглавленіе перваго отдѣла книжки начинается такъ: Календарь, Россійскій Императорскій Домъ, Установленія центральнаго управленія Россійской имперіи. За тѣмъ слѣдуетъ „мѣстное управленіе" съ перечисленіемъ учрежденій по ихъ вѣдомствамъ, начальствующихъ и служащимъ въ нихъ лицъ, что составляетъ полный адресъ-календарь губерніи и уѣздовъ. Этотъ отдѣлъ заканчивается *Алфавитнымъ указателемъ*, облегчающимъ справки. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены: Географическій очеркъ Варшавской губерніи и очень интересный, отлично составленный „историко-этнографическій очеркъ" *Куявы*,—такъ называется часть губерніи за Вислой, прилегающая къ прусской границѣ. Третій отдѣлъ занятъ „статистическими свѣдѣніями". Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщенъ списокъ частновладѣльческихъ имѣній въ алфавитномъ порядкѣ съ обозначеніемъ именъ владѣльцевъ и съ подраздѣленіемъ по уѣздамъ и именамъ. Далѣе слѣдуетъ указатель выдающихся хозяйствъ, въ которыхъ наиболѣе развиты коневодство, скотоводство, птицеводство и рыбоводство. О садоводствѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ, что можетъ повести къ двумъ предположеніямъ: или въ губерніи совсѣмъ нѣтъ садовъ, заслуживающихъ упоминанія, или составитель сдѣлалъ въ этомъ отношеніи пропускъ, тѣмъ болѣе удивительный, что относительно другихъ отраслей хозяйства упоминаются такія, которыя приносятъ владѣльцамъ не болѣе 200 р. дохода. Далѣе слѣдуетъ списокъ ярмарокъ и базаровъ, фабрикъ и заводовъ. Насколько точенъ и полонъ этотъ списокъ, мы не знаемъ, но считаемъ себя вправѣ выразить наше удивленіе по тому поводу, что въ цѣлой губерніи упомянутъ только одинъ заводъ глиняной посуды, одна пекарня, одна фабрика пуговицъ и наперстковъ, одна фабрика тесемокъ, одна ткацкая, одна шляпная и шапочная... Книга заканчивается спискомъ благотворительныхъ учрежденій. Къ книгѣ приложены: портретъ графа П. А Шувалова, рисунокъ изобращающій Гроховскій памятникъ и карта губерніи.

Памятная книжка Дагестанской области. Съ тремя портретами и схематическою картой. Издана по распоряженію г. военнаго-губернатора Дагестанской области. Составилъ Е. И. Козубскій. Темиръ-Ханъ-Шура, 1895 г. Эта „книжка" представляетъ собой тяжеловѣсный томъ въ 700 страницъ очень большого формата, наполненныхъ интереснѣйшими свѣдѣніями, составленными обстоятельно и дѣльно. Книга начинается историко-этнографическимъ очеркомъ, озаглавленнымъ: *Учрежденіе Дагестанской области, ея территоріальный составъ и населеніе.* За тѣмъ слѣдуетъ *Обзоръ состоянія Дагестанской области за 1892—1894 г.* со множествомъ таблицъ, наглядно показывающихъ, въ какомъ положеніи находятся различныя части края относительно земледѣлія, садоводства и виноградорства, огородничества, способовъ обезпеченія народнаго продовольствія, ско-

товодства, рыболовства, промышленности: горной, фабричной, заводской, ремесленной и кустарной, торговли, движенія населенія, податныхъ сборовъ и отправленія натуральныхъ повинностей, акцизныхъ сборовъ, доходовъ и расходовъ на мѣстныя нужды, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, народнаго просвѣщенія, нравственности населенія, поскольку она можетъ быть опредѣляема числомъ и родомъ ежегодно совершаемыхъ преступленій и числомъ обвиненныхъ по суду. 260 страницъ книги занимаетъ списокъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области, съ обозначеніемъ количества „дымовъ", числа жителей, ихъ національности, разстоянія отъ мѣстопребыванія административныхъ учрежденій. 268 страницъ посвящены *Опыту Библіографіи Дагестанской области*, заключающему въ себѣ 1.508 заглавій книгъ и брошюръ на разныхъ языкахъ, изъ каковыхъ изданій можно почерпнуть всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ краѣ, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Интересующійся Дагестанскою областью въ какомъ бы ни было отношеніи найдетъ въ книгѣ г. Козубскаго обстоятельные отвѣты на всѣ могущіе возникнуть вопросы. Трудъ почтеннаго составителя даетъ полную картину этого малопосѣщаемаго и малоизвѣстнаго края.

Крылатыя мысли. Сборникъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ цитатъ, снабженныхъ русскимъ переводомъ и расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Цитаты французскія, итальянскія и англійскія. Общая библіотека Владиміра Чумикова, № 1. Спб. Цѣна 40 коп. Подъ такимъ длиннымъ заглавіемъ выпущена въ свѣтъ крошечная книжечка въ 6 листовъ маленькаго формата, потѣшная съ перваго взгляда на нее тѣмъ, что поставленный во главѣ ея нѣмецкій эпиграфъ начинается опечаткой. Въ слѣдующемъ за нимъ предисловіи издатель задаетъ себѣ вопросъ: „кому можетъ пригодиться его сборникъ?"—и отвѣчаетъ, разумѣется, что его книжечка пригодна множеству лицъ не только „для справокъ, но и для чтенія". Съ такимъ мнѣніемъ г. Чумикова мы согласиться не можемъ и находимъ, что его *Сборникъ* никому не нуженъ и ни на что не пригоденъ. Это просто случайный наборъ фразъ, нахватанныхъ откуда попало и какъ попало, „снабженныхъ" довольно часто такими переводами, какими лучше было бы ихъ не „снабжать". Вотъ примѣръ *Крылатой мысли* на англійскомъ языкѣ и ея перевода на русскій языкъ: „Never, never, never, never!—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!" Необыкновенно блестящая мысль и удивительный переводъ, не согласующійся ни съ однимъ словаремъ. Французская *Крылатая мысль:* „Ça ira!"—въ русскомъ переводѣ: „Ужъ пойдетъ!" „Du côté de la barbe est la toute-puissance.—*Все* могущество на сторонѣ бороды". „Écrasez l'infâme!—Раздавите *гадкаго!*" „Il est avec le ciel des *accommandements*",—и переводъ: „*Онъ* состоитъ въ соглашеніи съ небомъ". Слова *accommandements* во французскомъ языкѣ нѣтъ, а есть accommodement; изреченіе же: il est avec le ciel des accommodements значитъ по-русски: можно сладиться и съ небомъ. Такого вранья въ книжкѣ не оберешься. Чтобы покончить съ г. Чумиковымъ, приведемъ его послѣднюю цитату на французскомъ языкѣ: „Vous êtes un sot en trois lettres, mon fils", переведенную по-русски: „Вы дуракъ въ трехъ буквахъ (s-o-t), мой сынъ". Не такъ это, г. Чумиковъ; для перевода „летучихъ мыслей" надо подыскивать на томъ языкѣ, на который вы ихъ переводите, соотвѣтствующія фразы, выражающія ту же мысль, не гонясь за буквами,—тогда выйдетъ по-русски: „Дуракъ вы форменный, мой сынъ!"

Періодическія изданія.

„Русское Богатство“, *январь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *февраль.*—„Новое Слово“, *январь.*—„Образованіе“, *январь—мартъ.*

Всѣмъ нашимъ читателямъ, насчитывающимъ себѣ полвѣка жизни, вѣроятно, памятно то потрясающее впечатлѣніе, которое въ дни ихъ юности произвели на нихъ *Записки изъ Мертваго дома*... Трудно сравнить это впечатлѣніе съ впечатлѣніями отъ какого-либо другого художественнаго или просто литературнаго произведенія. Точно яркая молнія внезапно разрѣзала густыя, мрачныя тучи и въ ея свѣтѣ предъ изумленными и восхищенными глазами молодыхъ читателей появился мученическій образъ страдающаго русскаго человѣка... Именно человѣка, а не просто арестанта, „шпанки“ или „Ивана безъ прозванія“... Г. Мельшинъ, авторъ статей *Въ мірѣ отверженныхъ,* не могъ разсчитывать,—да и не разсчитывалъ,—чтобъ его очерки жизни каторжныхъ произвели впечатлѣніе хоть сколько-нибудь похожее на то неизгладимое и могучее впечатлѣніе... И не въ одномъ талантѣ тутъ дѣло. Самъ авторъ, разумѣется, склоненъ приписывать разницу въ впечатлѣніяхъ именно сравнительно меньшей степени его таланта, онъ это прямо и высказываетъ. Было бы неумѣстно производить объективный анализъ степени его таланта по сравненію съ талантомъ автора *Мертваго дома.* Не надо забывать и того, что послѣдній былъ уже величиной извѣстной и крупной въ нашей литературѣ до *Записокъ изъ Мертваго дома,* а г. Мельшинъ выступилъ съ своими очерками въ первый разъ. Но, повторяемъ, дѣло, все-таки, не въ томъ,—все это причины второстепенныя. Г. Мельшинъ, несомнѣнно, человѣкъ талантливый, хотя можетъ быть и не достаточно опытный и черезчуръ скромный и даже робкій. Онъ какъ будто боится дать полную волю своимъ художественнымъ стремленіямъ, боится индивидуализировать своихъ личностей и слишкомъ часто вмѣсто живого образа даетъ абстракцію или простое разсужденіе. Что тутъ играетъ роль больше: нерѣшительность, чѣмъ неспособность индивидуализировать,—это доказывается тѣмъ, что чѣмъ дальше развивается его разсказъ, тѣмъ больше въ немъ встрѣчается живыхъ и художественныхъ образовъ. Въ послѣднемъ очеркѣ, наприм., прелестный образъ молодого „орленка степей“, узбека Усанки, уже стоитъ предъ вами живымъ, блещущимъ красками настоящаго художественнаго образа. Правда, Усанка г. Мельшина очень сильно напоминаетъ прелестнаго татарченка Алея Достоевскаго. Но это только напоминаніе, а отнюдь не подражаніе. Въ изображеніи Усанки есть много такихъ тоновъ, которыхъ вы не найдете въ образѣ Алея и которыхъ Достоевскій, несмотря на все превосходство своего таланта, и дать не могъ, потому что они, эти тоны, были чужды его художественной личности... Прочтите, наприм., поэтическую пѣсню сартовъ, переведенную Усанкой разсказчику:

„Мы покинули нашу родину, женъ, матерей, дѣтей и братьевъ; мы покинули наши прекрасныя поля, гдѣ растутъ джугара, рисъ и марена, гдѣ спѣетъ и наливается сладкій урюкъ. Боже, не оставь насъ, не позабудь на чужбинѣ!... Страшна чужбина, куда мы идемъ, гдѣ безжалостные враги закуютъ насъ въ цѣпи, заключатъ въ мрачныя подземелья, заставятъ работать тяжкую работу. Великій Боже, не оставь насъ на чужой сторонѣ, не позабудь насъ!... Въ страшную годовщину разлуки, когда наши жены и матери будутъ оплакивать насъ,

какъ мертвыхъ, и призывать Тебя въ свидѣтели своего горя, великій Отецъ, сосчитай ихъ и наши слезы, вспомни о насъ на чужбинѣ!“

Эта тихая жалоба настрадавшихся сердецъ, этотъ вопль измученнаго человѣчества, несомнѣнно, представляетъ нѣчто иное большее, чѣмъ тотъ апоѳеозъ всеискупляющаго страданія, какой выражается почти во всѣхъ наиболѣе поэтическихъ образахъ Достоевскаго... И когда вы кончаете трагическій разсказъ о жизни и смерти степного орленка Усанки, въ вашихъ ушахъ продолжаетъ звучать не только эта поэтически-красивая молитва, но и грустныя недоумѣнія Усанки: „Зачѣмъ, скажи, Николайчикъ, человѣкъ на свѣтъ приходитъ? Зачѣмъ каторга на свѣтъ? Зачѣмъ урусъ законъ нехорошій? Наша сторона законъ лютче: убилъ человѣкъ — самъ земля кушай. Башка рубійтъ! Колъ сажайтъ! А то каторга!... Мучиться, плякать. Ахъ, нашъ законъ лютче! Умирайтъ надо, Николайчикъ!“

И какъ ни ужасно это: башка рубійтъ, колъ сажайтъ, а вы невольно соглашаетесь съ Усаномъ, что „урусъ законъ нехорошій“, что для степного орла нуженъ хоть и не жестокій законъ „наша сторона“, то и не „нехорошій урусъ законъ“, что для него нуженъ высшій законъ справедливости и любви. Да и не однимъ степнымъ орламъ такой законъ нуженъ.

И все же, несмотря на яркость типовъ Усанки и многихъ другихъ личностей, нарисованныхъ намъ г. Мельшинымъ, несмотря на то, что авторъ открываетъ намъ если не новые, то основательно забытые нами міры, его произведеніе не можетъ разсчитывать на такое впечатлѣніе, которое когда-то произвели *Записки изъ Мертваго дома,* даже въ уменьшенной степени. И опять-таки повторяемъ, что причина этого не въ степени таланта. Есть другая основная и болѣе общая. Само общество съ тѣхъ поръ если и не выросло, то сдѣлалось старше, много извѣдало, много испытало, кое-чему выучилось и значительно поблекло и поблѣднѣло. Нѣтъ въ немъ ни той свѣжести чувствъ, какая отличала его въ ту эпоху, ни той отзывчивости, ни того страстнаго и дѣятельнаго интереса къ личности. Въ сущности, это послѣднее и составляетъ основную причину той пресловутой блѣдности нашей жизни и нашей литературы, на которую слышится такъ много плохо мотивированныхъ и еще хуже уясненныхъ жалобъ. Наши народники жалуются на отсутствіе якобы въ салонахъ нашей литературы мужика, на то, что и въ беллетристикѣ онъ яко бы исчезъ, и въ серьезныхъ статьяхъ его интересы отсутствуютъ, что будто бы „вездѣ одно стремленіе къ самодовлѣющимъ интересамъ собственнаго культурнаго существованія“ (Г. С. К. „Обозрѣніе внутренней жизни“, *Новое Слово*). Въ этихъ жалобахъ не вѣрны и самые факты, не вѣрно и ихъ освѣщаніе. Въ нашу эпоху возрожденія, также, впрочемъ, какъ и во всякую изъ такихъ эпохъ, преобладала одна общая и основная черта: это—живой и глубокій интересъ къ личности. Не къ личности того или иного общественнаго класса, не къ мужику, какъ таковому, а просто къ человѣческой личности. И этотъ интересъ былъ такъ напряженъ и силенъ, что онъ проходитъ красною нитью во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни, во всѣхъ стремленіяхъ и настроеніяхъ тогдашняго общества. Всякая личность, всякій закорузлый мужичонко, всякая „тюремная трава безъ названія“ были дороги тому обществу какъ люди, какъ личности. И чѣмъ менѣе знакомы они ему были, чѣмъ болѣе они представляли для него таинственныхъ незнакомцевъ, тѣмъ дороже, тѣмъ, такъ сказать, милѣе они ему были. Въ то время, въ

такія эпохи общественнаго возрожденія вообще, человѣкъ жадно стремится къ открытію все новыхъ и новыхъ человѣческихъ міровъ. И чѣмъ новѣе, чѣмъ страшнѣе въ своей неизвѣданности эти міры, тѣмъ они для такого общества интереснѣе, тѣмъ больше любви и дѣйственной мысли и воли оно вноситъ въ ихъ изученіе, стремясь поглотить ихъ своей мыслью, ассимилировать ихъ себѣ своей волей или самому расплыться въ нихъ, въ ихъ страданіяхъ и ихъ радостяхъ. И, притомъ, замѣтьте, что такому молодому или, лучше сказать, помолодѣвшему, возродившемуся обществу еще все неизвѣстно. Несмотря на *Записки охотника* и на крестьянскіе разсказы Григоровича, міръ мужика, или, какъ тогда говорили, „простолюдина“, этотъ настоящій міръ оскорбленныхъ и угнетенныхъ, оставался совершенно невѣдомой страной. Народники и не народники (Помяловскій, Слѣпцовъ) выступили позже. Достоевскій открывалъ читателю новый, неизвѣданный еще имъ міръ. И при тогдашнихъ общественныхъ представленіяхъ это былъ не міръ „отверженныхъ“, не міръ арестантовъ, несчастныхъ, какъ его понималъ самъ авторъ, а просто міръ мужиковъ, міръ русскаго многострадальнаго народа. Арестантъ для того общества не былъ просто отбросомъ, выкинутымъ изъ бездны народнаго моря, а обломкомъ народнаго міра, живымъ и реальнымъ представителемъ самого страдающаго народа. Какой-нибудь Акулининъ мужъ Достоевскаго, открывалъ предъ читателемъ огромныя перспективы на народное море.

Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось, и, прежде всего, измѣнилась степень напряженности интереса общества къ человѣческой личности. Мужикъ, разумѣется, не отсутствуетъ въ „салонахъ русской литературы“. Это пустяки. Наоборотъ, онъ переполняетъ эти салоны, посредственно или непосредственно. И иначе, разумѣется, и быть не можетъ просто потому, что безъ него, безъ мужика-то, никакъ обойтись ни литературѣ, ни жизни нельзя. Но онъ, какъ личность, въ литературѣ поблѣднѣлъ такъ же, какъ поблѣднѣло и все общество. Онъ тоже старше сталъ и многое извѣдалъ. А, главное, онъ теперь и въ беллетристикѣ, и въ статьѣ фигурируетъ уже не какъ личность, а какъ цифра, какъ абстракція, необходимая и даже основная—и, тѣмъ не менѣе, все же только какъ абстракція. Онъ теперь дѣйствуетъ, такъ сказать, массой, также, впрочемъ, какъ массой дѣйствуютъ теперь и культурные герои беллетристики. Это не остановка въ развитіи, а извѣстная полоса развитія,— полоса, которая, вѣроятно, скоро и кончится. Появятся и захватятъ общество новыя центральныя идеи, въ родѣ тѣхъ, какія захватывали его въ эпоху освобожденія, и личность снова заиграетъ и въ жизни, и въ беллетристикѣ всѣми присущими ей яркими жизненными красками, и снова мы съ страстною жаждой устремимся къ изученію все новыхъ и новыхъ человѣческихъ міровъ, и снова это изученіе будетъ полно и дѣятельной любви, и дѣйственной мысли.

Въ нашей литературѣ были попытки провести параллель между двумя „личными“ теченіями, старымъ и новымъ, между такъ называемой писаревщиной и такъ называемымъ толстовствомъ. И несомнѣнно, что аналогія между этими двумя теченіями имѣется. Она заключается въ отправной точкѣ обоихъ теченій. И для Писарева, и для Толстого, и для мыслящаго реалиста и для толстовца--точка отправленія одна и та же: человѣческая личность вообще и ея самоусовершенствованіе. И, однако, какая разница. „Избравъ одну и ту же отправную точку, два теченія пошли по совершенно-отличнымъ путямъ. Первое направлялось къ всестороннему развитію всѣхъ силъ и способностей свободной, да-

же вольной отъ всего, личности; второе, наоборотъ, брало личность, урѣзанную, подневольную если не общественному строю, то отвлеченному принципу, и стремилось еще болѣе урѣзать ее, привести ее къ самоотрицанію, къ самоограниченію ея силъ и способностей... Тутъ, несомнѣнно, отразилась вся разница эпохъ,—эпохи возрожденія съ одной стороны и эпохи общественной и идейной реакціи съ другой. Дорожить и интересоваться человѣкомъ, какъ личностью, можетъ только свободная же личность; для аскета же и аскетизма личность можетъ быть дорога, но она не интересна. Мы, однако, далеко уклонились въ этихъ объясненіяхъ отъ г. Мельшина и отъ міра отверженныхъ. Но такое отклоненіе не совсѣмъ ненамѣренное. Дѣло въ томъ, что г. Мельшинъ несомнѣнно одинъ изъ немногихъ въ нашей текущей литературѣ, который стоитъ на точкѣ зрѣнія эпохи нашего возрожденія. Для него отверженные, какъ мы выразились выше, не отбросы изъ народнаго моря, а обломки народнаго міра и его представители. И такая точка зрѣнія и до сихъ поръ настолько еще плодотворна, что приводитъ къ новымъ и довольно любопытнымъ выводамъ. Она во всякомъ случаѣ куда плодотворнѣе взглядовъ всякихъ ученыхъ криминалистовъ, ломброзистовъ или иныхъ.

Очерки г. Мельшина настолько интересны, что они могли бы послужить предметомъ отдѣльнаго этюда. Понятно, что дать такого этюда мы здѣсь не можемъ и потому ограничимся немногими выписками, чтобы познакомить нашихъ читателей съ типами очерковъ и съ манерой автора... Вотъ, напримѣръ, передъ вами два каторжника, Гончаровъ и Малаховъ... Это натуры противоположныя во всѣхъ смыслахъ и именно настолько, насколько протиположны Сибирь и метрополія. Парамонъ Малаховъ—рассейскій и обладаетъ нѣкоторымъ внѣшнимъ лоскомъ... Но въ душѣ онъ оставался настоящимъ типомъ вандейца, закоренѣлаго въ традиціонныхъ взглядахъ и предразсудкахъ, когда рѣчь заходила о жгучихъ, задѣвавшихъ его убѣжденія вопросахъ, онъ забывалъ свою цивилизованность. „Многоученость“ онъ съ презрѣніемъ отвергалъ; противъ научныхъ открытій еще онъ ничего не имѣлъ, но когда отъ практики дѣло переходило къ обобщеніямъ, покушавшимся, по его мнѣнію, на вѣковѣчныя святыни, онъ лѣзъ на стѣну, онъ былъ идеалистъ, страстный и увлекающійся человѣкъ, ни въ чемъ не знавшій мѣры. Говорилъ онъ съ паѳосомъ, воодушевляясь и волнуясь, и краснорѣчіемъ своимъ электризовалъ не только слушателей, но и себя. Его всѣ считали человѣкомъ честнымъ и самостоятельнымъ. Нравъ у него былъ далеко не мрачный; подъ серьезностью таилось много юмора и подчасъ чисто-ребяческаго легкомыслія. Однимъ словомъ, Парамонъ—это чисто-русскій крестьянинъ съ не совсѣмъ заурядной индивидуальностью, но со всѣми свойствами заурядпаго мужика... Сибирякъ Гончаровъ—умъ чисто-практическій, мало интересовавшійся отвлеченными умствованіями, но за то дававшій другимъ въ этомъ отношеніи полную свободу... Чѣмъ-то черствымъ, бездушно-трезвымъ и эгоистичнымъ вѣетъ отъ этого сибирскаго типа. Въ разсказахъ о безсердечной до сладострастія жестокости сибяряковъ есть доля правды. Практичность и трезвость ихъ взглядовъ, хитрость и умѣнье сдерживаться бросаются въ глаза. У Гончарова былъ именно ясный сибиряцкій умъ, умѣвшій быстро оріентироваться въ житейскихъ вопросахъ, при полномъ отсутствіи расположенія къ общимъ метафизическимъ вопросамъ,—расположенія, вырабатываемаго старой культурой, даже такой, какова русская культура. Гончаровъ былъ звѣрь, но и у звѣря,—замѣчаетъ

авторъ,—бываютъ черты, оставляющія свѣтлую память. Когда этотъ звѣрь вспоминалъ о своей маленькой внучкѣ, изъ-подъ его свирѣпыхъ бровей градомъ хлынули слезы. Этотъ звѣрь любилъ дѣтей и однажды изувѣчилъ учителя, истязавшаго ребенка.

И Гончаровъ, и Малаховъ—личности крупныя. Но еще крупнѣе и характернѣе ихъ Семеновъ. Это не просто звѣрь, а отрицатель и нигилистъ. Онъ почти никогда не вмѣшивался въ общіе разговоры и только иногда вставлялъ какое-нибудь ѣдкое замѣчаніе, обнаруживающее его озлобленіе и презрѣніе ко всему обыденному, прѣсному, ко всякой честной посредственности. Умственный складъ и обликъ его былъ дикъ и страненъ; онъ поражалъ безсердечной эгоистичностью и какой-то убѣжденною развращенностью. Сбить его съ позиціи въ спорахъ было невозможно, такъ какъ ничего кромѣ грубой матеріалистически-послѣдовательной логики онъ не признавалъ. Одна красная полоса разстилалась надъ всѣми его чувствами, думами и вожделѣніями: непримиримая ненависть ко всѣмъ традиціямъ и порядкамъ, начиная съ экономическихъ и кончая религіозно-нравственными, ко всему, что клало хоть малѣйшую узду на его непокорную волю и неудержимую жажду наслажденій. „Наплюй на законъ, на вѣру, на мнѣніе общества, рѣжь, грабь и живи во всю,—таковъ девизъ этого Стеньки Разина“. Страшный человѣкъ Семеновъ, но было бы заблужденіемъ считать его рѣдкимъ исключеніемъ. Семеновыхъ создаетъ сама жизнь, наполняя ихъ душу одной безграничной злобой и отнимая у нихъ всякіе идеалы. „Зачѣмъ я о другихъ стану заботиться,—говоритъ онъ,—когда меня никто и никогда не жалѣлъ?“ У него была одна думка: отмстить односельчанамъ, избившимъ его. Это не было у него пустой мечтой; она сидѣла у него въ крови и была однимъ изъ главныхъ демоновъ, владѣвшихъ его душой... „Принимая за чистую монету эту кошмарно-кровавую атмосферу злобы и мести,—говоритъ авторъ,—можно бы было ужаснуться за русскій народъ, столько прославленный своей кротостью и христіанскимъ всепрощеніемъ и порождающій изъ своихъ нѣдръ подобныхъ чудовищъ зла и ненависти...“ Когда арестанты разъ, мечтая, рѣшили, что правительство должно бы было всѣхъ ихъ выпустить на волю, Семеновъ закричалъ: „а я собралъ бы всѣхъ насъ въ одну тюрьму, со всего свѣта собралъ бы—и запалилъ бы со всѣхъ концовъ. Изъ порченнаго человѣка не выйдетъ честнаго!“

„И слова эти прозвучали глубокой, какой-то даже безстыдной искренностью и много горькой правды почувствовалъ я въ нихъ“,—разсказываетъ авторъ.

Страшно, читатель?... Да?... А вамъ не было страшно, когда вы читали о прирожденной преступности, системахъ одиночнаго заключенія и тому подобныхъ прелестяхъ?

Г. Мельшинъ рисуетъ не однихъ только героевъ, а и толпу, арестантскую „шпанку“. И по правдѣ сказать, образъ этой толпы куда внушительнѣе... и страшнѣе даже Семенова. „Въ отчаяніе, прямо въ ужасъ приводила меня,—говоритъ г. Мельшинъ,—непроглядная темнота, царившая въ этихъ первобытныхъ умахъ, и я спрашивалъ себя (напрасно спрашивали. Если Мултанское преступленіе и не было жертвоприношеніемъ, то то обстоятельство, что оно было симуляціей, не менѣе ужасно. Гдѣ, въ какой другой странѣ возможны подобныя симуляціи?): неужели тамъ, въ глубинѣ Россіи, еще больше темноты и умственной дичи? Неужели эти люди—тѣ же русскіе люди?“

Вотъ, напримѣръ, передъ вами Яшка Тарбаганъ. Казалось, онъ и на свѣтъ-то появился затѣмъ только, чтобы жить въ тюрьмѣ и быть парашникомъ. Ничто въ мірѣ не занимало его такъ, какъ чисто тюремные интересы. А между тѣмъ онъ когда-то жилъ, имѣлъ жену и дѣтей. Онъ ребенкомъ еще извѣдалъ всѣ прелести тюрьмы, никакихъ наказаній не страшился и быстро опускался по наклонной плоскости пьянства и кражъ. Работать онъ не умѣетъ и не хочетъ, и вся жизнь его пойдетъ по тому же пути бродяжества и кражъ... А вотъ вамъ еще типъ изъ той же галлереи образовъ русской толпы—Чирокъ... Личность Чирка представляла какую-то причудливую смѣсь серьезнаго съ шутливымъ, комизма съ трагизмомъ, чисто-дѣтской наивности и простодушія съ плутоватостью и лукавствомъ. Отъ него вѣяло чѣмъ-то такимъ простымъ и хорошимъ, что рѣдко кто не любилъ его. Даже въ минуты яростнаго гнѣва онъ былъ въ сущности безобиденъ. А между тѣмъ на волѣ этотъ же самый шутъ-Чирокъ отправилъ на тотъ свѣтъ съ десятокъ душъ и не чувствовалъ въ томъ никакого раскаянія... И при этомъ онъ больше на тихой манеръ наровилъ... А чтобъ убивать, такъ ужъ развѣ неминучее дѣло было. Такъ и тогда больше удавочку въ ходъ пущалъ или сулему".

И идеалистъ Малаховъ, и добродушный шутъ Чирокъ, и даже звѣрь Семеновъ наши братья,—и не только по христіанству и по человѣчеству, а и по ихъ общности съ нами въ той культурѣ, которая создана русской исторіей, т.-е., въ сущности говоря, отчасти и нами самими. И что же такое, въ сущности говоря, представляютъ собой эти наши братья?... А вотъ что: „Это были по-истинѣ взрослыя дѣти, совершенныя дѣти, въ умахъ и душахъ которыхъ, какъ на дѣвственной почвѣ, легко могли взойти и худое, и доброе сѣмя..." И что же мы сдѣлали и дѣлаемъ съ этими людьми, съ этой дѣвственной почвой?

Г. Мельшинъ не особенно много мѣста отводитъ описанію порядковъ „образцовой" Шелайской тюрьмы. Но и того, что онъ сообщаетъ объ этихъ порядкахъ, достаточно, чтобы понять, какъ много мы прогрессировали со времени Мертваго дома. О, конечно, много; тамъ былъ маіоръ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ провозглашавшій, что, онъ „здѣсь и Богъ и царь", а теперь начальникомъ шелайской тюрьмы состоитъ „бравый капитанъ", уже сполна подчиненный закону и, главное, инструкціи. Разница несомнѣнно большая, хотя арестанты, благодаря отсутствію у нихъ чувства законности, обоихъ называютъ „шестиглазыми". Прогрессъ совершился въ сторону законности. Но законность-то эта совершенно особая, своеобразная, чисто-русская. Это та самая законность, которая совершенно несогласована съ жизнью и отъ которой жизни туго приходится... Лучезаровъ типичный человѣкъ инструкціи и познакомиться съ его разсужденіями не лишнее, такъ какъ такихъ законниковъ и не въ шелайской тюрьмѣ встрѣчаешь на каждомъ шагу... „Я полагаю,—говоритъ онъ,—что для русскаго человѣка образованіе не главное. Гораздо важнѣе дисциплина ума и характера... Я во всемъ люблю точность,—продолжаетъ онъ,—я солдатъ; я люблю, чтобы каждый мой шагъ былъ правиленъ и послѣдователенъ... Запрещеніе частной пищи логически вытекаетъ изъ всего каторжнаго режима... Въ каторгу приходятъ не ѣсть и спать, а страдать и нести возмездіе. Необходима узда, необходимы строгія рамки во всемъ, также и въ пищѣ. Конечно, исправить арестантовъ вещь хорошая. Я самъ задаюсь этою цѣлью; но въ первый разъ слышу, чтобы на этотъ народъ могло что-

нибудь дѣйствовать, кромѣ страха и наказаній всякаго рода. Собственно я далеко не поклонникъ тѣлесныхъ наказаній; это я не разъ высказывалъ и самимъ арестантамъ. Если хотите, я даже принципіальный противникъ плетей и розогъ: къ чему онѣ? Что онѣ значатъ для такихъ артистовъ? Арсеналъ наказаній и безъ того достаточенъ. Но я держусь во всемъ строгой законности, буквы закона и не вижу иныхъ средствъ исправленія, кромѣ тѣхъ, какія мнѣ указаны инструкціей. Современные тюремные дѣятели признаютъ только одно средство—страхъ, а все прочее, книжечки эти, гаданія одни".

И вотъ такому-то молодцу, такому-то человѣку закона и инструкціи отдается въ руки жизнь и смерть этихъ „настоящихъ дѣтей, этой дѣвственной почвы". Легко понять, что̀ именно должно случиться... Не хороша, разумѣется, тюремная община и ея порядки и традиціи; но это все было единственнымъ, въ чемъ отверженные чувствовали и сознавали себя людьми, а не голыми цифрами, номерами,—единственнымъ, въ чемъ проявлялись лучшія достоянія человѣческой природы, достоянія личности: преданность установившимся традиціямъ и творчество новыхъ началъ... Это былъ для всякаго отверженнаго священный уголокъ, предъ которымъ останавливалась его разнузданная воля. И вотъ г. Мельшинъ свидѣтельствуетъ, что это послѣднее прибѣжище отнято у отверженныхъ въ „образцовой" тюрьмѣ, что традиціи тюремной общины, и сдерживающія и по своему воспитывающія личность, расшатаны и падаютъ. И взамѣнъ-то, вѣдь, бравый капитанъ ничего дать не можетъ, кромѣ инструкціи. Личность, и безъ того слабая, окончательно устранена, и ея мѣсто занимаетъ номеръ. А, вѣдь, этому номеру, какъ-никакъ, жить придется. Не удивительно, что соотвѣтственно своему расшатанному существу, своей выѣденной Лучезаровскимъ режимомъ душѣ онъ и жить будетъ не какъ человѣкъ, а какъ номеръ.

А, вѣдь, самые факты, самая жизнь указываютъ, что можно и должно замѣнить падающія традиціи тюремной общины, какіе воспитательные элементы должны быть внесены въ среду этихъ „настоящихъ дѣтей", въ которыхъ такъ слаба человѣческая личность или такъ жестоко извращена жизнью. Мы уже указывали въ прошломъ обозрѣніи на вліяніе на тюрьму книги... „Среди всякихъ терній и шиповъ, которыми была усѣяна педагогическая дѣятельность,—разсказываетъ авторъ,—среди всякаго рода горечи и отравы, которую она порой проливала въ душу, оставалось отъ нея что-то доброе, свѣтлое, теплое, что̀ озаряло и согрѣвало всю камеру. Арестанты пріучались съ уваженіемъ относиться къ бумагѣ и книгѣ; мысли ихъ настраивались на высшій тонъ и ладъ"... Но это, вѣдь, противъ инструкцій или не включено въ нихъ—и инструкція продолжаетъ выѣдать душу и ослаблять и безъ того слабую личность, и отверженные должны всю свою жизнь оставаться номерами. Да и одни ли только отверженные превращаются въ номера? Не выѣдаетъ ли эта своеобразная законность душу и у другихъ, не отверженныхъ? О, какъ часто злоупотребляютъ этимъ драгоцѣннымъ словомъ люди инструкціи!

Въ газетахъ сообщалось, что подъ предсѣдательствомъ сенатора Таганцева образована при министерствѣ юстиціи коммиссія для разсмотрѣнія тюремныхъ порядковъ... Еслибы коммиссія познакомилась съ очерками г. Мельшина? Можетъ быть тогда изъ-за груды оффиціальныхъ отчетовъ, изъ-за сухихъ статистическихъ цифръ выглянула бы жалкая и страдальческая фигура „отверженнаго"—и тогда среди ученыхъ тео-

рій и соображеній почувствовалось бы тихое, но могучее вѣяніе жизни, послышался бы молящій голосъ, убѣждающій, что этимъ „дѣтямъ“ не нужна тюрьма, не нуженъ страхъ, не нужны наказанія... А нужны любовь, исправленіе, сожалѣніе, развитіе умственное и нравственное,—исправительная колонія съ зрѣло обдуманнымъ и послѣдовательно проведеннымъ планомъ работъ и образованія... И, вѣдь, этого требуютъ не жалость, не сочувствіе къ несчастнымъ, а простой долгъ предъ обществомъ, въ которомъ такъ поблѣднѣла и ослабѣла личность.

Законность, отъ которой жизни приходится туго, т.-е. несогласованіе закона съ далеко ушедшей отъ него впередъ жизнью, часто доставляетъ массу ненужныхъ и очень тяжелыхъ страданій человѣку. Таковъ, въ сущности, смыслъ разсказа г-жи Шабельской. „Наброски карандашомъ--Легенда“. Самъ по себѣ разсказъ г-жи Шабельской довольно плохъ,—ужъ очень много въ немъ сантиментальности. Но написанъ онъ очень тепло и тенденція его весьма симпатична... Молоденькая дѣвушка, русская, наивная и ничего не понимающая въ жизни, точно пятилѣтній ребенокъ, но добрая и съ благородными инстинктами, случайно знакомится съ больною старушкой-еврейкой и съ ея семейными дѣлами, съ ея нуждой и горестями. У ней Антоша (имя дѣвушки) увидала ея второго сына музыканта. Молодые люди полюбили другъ друга. Антоша въ своей по-истинѣ райской невинности не понимаетъ всего ужаса положенія „жида“, этого отверженца нашей якобы европейской культуры. Случайно произнесенное ею слово—и чуткое наболѣвшее сердце сына оскорбленной и униженной расы, обливаясь кровью, почувствовало всю пропасть, раздѣляющую его, пасынка жизни, отъ дочери привиллегированнаго народа. Антоша поняла, наконецъ, и пришла съ покаяніемъ... Но... „Ему хотѣлось сказать ей, что онъ ее понимаетъ, что онъ благодаренъ ей, что онъ провелъ ночь полную муки и отчаянія. Въ эту ночь онъ любилъ и ненавидѣлъ ее до страданія. Въ эту мучительную ночь, проведенную безъ сна, понялъ онъ, какая бездна раздѣляетъ ихъ. И *эта бездна вырыта злобою людской, эта бездна залита кровью и слезами*, и если даже она протянетъ ему руку оттуда, съ той стороны, онъ не коснется ея; онъ долженъ остаться здѣсь, по эту сторону, гдѣ его мать, гдѣ народъ его“. Она протягиваетъ ему руку, она простонала: люблю, люблю!... И ей „вдругъ показалось, что все вокругъ темнѣетъ, она стоитъ на краю пропасти и тотчасъ свалится въ нее. Она протянула къ нему руки, онъ отскочилъ, онъ не смѣлъ дотронуться до этихъ рукъ. Разъ онъ коснется ихъ, онъ уже пойдетъ за ней, онъ забудетъ все—все, къ чему призываетъ его долгъ, его совѣсть...“ Антоша выдержала нервную горячку, а онъ... Онъ не игралъ уже той легенды, слушая которую она полюбила его... „Ну, да ничего,—говоритъ его профессоръ,—онъ доработается до артиста, у него много силы и страсти“. Конечно, ничего. Молоды,—раны подживутъ; и не такія раны заживаютъ. Но кто и когда сосчиталъ эти мелкія раны? Не покрыто ли ими все тѣло безъ ума, безъ разума страдающаго человѣчества? И зачѣмъ, и кому нужны эти раны, зачѣмъ отнимается у людей та крохотная доля счастія, которую они могли бы взять отъ жизни?...

Въ февральской книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* обращаетъ на себя вниманіе „Петербургская новелла“ г-жи Гиппіусъ подъ довольно страннымъ заглавіемъ: *Златоцвѣтъ*. Не то, чтобъ эта новелла была особенно любопытна сама по себѣ. Г-жа Гиппіусъ вообще довольно талантлива, и если ея поэтическія произведенія ниже всякой критики, то ея беллетри-

стическія произведенія бываютъ иногда очень живы и симпатичны, хотя она никакъ не можетъ отдѣлаться отъ вычурности и жеманничанья, свойственнаго всѣмъ искателямъ новой красоты. Такъ и въ ея новеллѣ. Въ ней есть нѣкоторая героиня Валентина, отъ описанія наружности которой мы читателя, конечно, избавимъ. Такъ вотъ этой героинѣ „стоитъ засмѣяться, даже улыбнуться—и *золотые* (?) глаза суживались; она дѣлалась непонятной, непроницаемой, женственно лживой и особенно прекрасной. Все невѣрное и неясное,—глубокомысленно замѣчаетъ авторъ,—имѣетъ надъ нами силу. Можетъ быть женщина сама не знаетъ тайны, которую, кажется, что она скрываетъ. (Повѣрьте, г-жа Гиппіусъ, что прекрасно она эту тайну знаетъ!) Но есть призракъ (?), ощущеніе тайны и потому женственность такъ привлекательна...“ И далѣе: „опять все лицо приняло выраженіе невѣрности и тайны той неисцѣлимой (?) и прекрасной туманности, которая часто привлекаетъ сильнѣе правды...“ Есть и герой, литераторъ Звягинъ, „вся фигура котораго производила впечатлѣніе не то неполности, не то, напримѣръ, какой-то сложности, грубоватой значительности и ума. Точно змѣя съ отрубленнымъ хвостомъ, которая движется и живетъ, такъ что, глядя на нее, начинаешь вѣрить, что въ сущности ей этотъ хвостъ совсѣмъ не необходимъ...“ Да, хорошо нынѣ пишутъ литераторы!... Мы, конечно, не обратили бы вниманія на всѣ подобныя чудачества, если бы не было особыхъ, такъ сказать, спеціальныхъ причинъ. Во-первыхъ, въ новеллѣ г-жи Гиппіусъ „знакомыя все лица“: наприм., эстетикъ и европеецъ, Павелъ Викторовичъ, всякую европейскую премудрость, до символизма включительно, произошедшій, считающій себя обладателемъ самаго тонкаго чутья, вѣрившій въ почти чудесную силу своего обонянія и слышащій запахъ фіалокъ уже въ январѣ. „Никакое самое легкое движеніе воды не могло ускользнуть отъ него, каждый новый звукъ, даже безъ усилія съ его стороны, летѣлъ къ нему навстрѣчу и соединялся съ нимъ, какъ въ раскрытый ротъ ласточки сами попадаютъ комары и мухи, когда она стремительно несется въ вечернемъ небѣ. Онъ смотрѣлъ на маститыхъ бѣлобородыхъ критиковъ, напоминавшихъ древнихъ тяжеловѣсныхъ бояръ и думалъ, какъ онъ далеко отъ нихъ. Увы! Какъ свѣжая штукатурка, упорно падая, обнажаетъ заслуженные, обветшалые кирпичи, такъ сквозь каждое самое горячее, даже умное слово П. В. виднѣлась сѣдая, неподвижная старость, традиціи отцовъ, шестидесятые, даже пятидесятые годы. И жаръ его—не молодой или вѣчно юный жаръ, а какой-то неожиданный, запоздавшій, какъ иногда, къ удивленію и досадѣ хозяйки, начинаетъ шумѣть и кипѣть самоваръ, въ которомъ уже нѣтъ воды“. Если вы къ этому описанію прибавите описаніе наружности и костюма, то сразу узнаете оригиналъ. Скверная это манера—портреты рисовать. Но г-жа Гиппіусъ безпристрастна. Она и своимъ жрецамъ новаго слова въ искусствѣ, спуску не даетъ. „Змѣя съ отрубленнымъ хвостомъ“, литераторъ Звягинъ изображенъ открытымъ, безпринципнымъ проходимцемъ. Онъ на вечерѣ у генерала Лукашевича читаетъ рефератъ объ Уайльдѣ. „Звягинъ щеголялъ своей приверженностью къ Уайльду, онъ со вкусомъ и удовольствіемъ произносилъ самые беззастѣнчивые афоризмы Уайльда, дѣйствительно, не заботясь о сѣдыхъ бородахъ людей, привыкшихъ держать знамя. Они молчали—тѣмъ лучше; онъ не испугался бы ихъ негодованія, громко выраженнаго. И онъ былъ доволенъ собой, своей смѣлостью и своимъ рефератомъ“. На протяженіи всей новеллы „змѣя съ отрубленнымъ хво-

стомъ“ препротивно кривляется. Это какой-то пустой пузырь, очень склизкій, очень противный и надутый однимъ только самомнѣніемъ и наглостью. Въ заключеніе онъ женится на бѣдненькой, увлеченной имъ переводчицѣ, на груди которой и изливаетъ свои крокодиловы слезы обиженнаго самолюбія, такъ какъ прекрасная Валентина съ ея *неисцѣлимыми туманами* отвергла его. Жаль, конечно, бѣдненькую переводчицу. Но что же это, однако, такое? До чего доходитъ наша беллетристика? Вѣдь, г-жа Гиппіусъ уподобилась знаменитой птицѣ, невѣжливо обошедшейся съ собственнымъ гнѣздомъ. Ея новелла, вѣроятно, будетъ имѣть успѣхъ—но это, вѣдь, успѣхъ скандала. Или, можетъ быть, это и есть новое слово и новая красота, которую такъ давно обѣщаетъ намъ *Сѣверный Вѣстникъ*? Литературные нравы петербургскихъ литераторовъ извѣстнаго сорта изображаются авторомъ въ отзывѣ лакея о литературныхъ вечерахъ генерала Лукашевича: „Такъ, ругаются больше. Словъ, конечно, по своему образованію не говорятъ, а ругаются важно, да норовятъ все, знаете, пообиднѣе, изнутра хватить. Иной такъ и позеленѣетъ весь и трясется. Ну, а то и не ругаются даже, а такъ по-малу языкомъ поворочаютъ—и будетъ... Скучное ихъ житье“.

Очень недурны и юнкера-декаденты, пишущіе стихи вродѣ самой г-жи Гиппіусъ, наприм.:

Лежу я въ синемъ гробѣ
На самомъ краю земли и т. д.

Они въ корпусѣ писали сначала стихи порнографическіе, потомъ одному изъ нихъ, Ховецкому, какой-то литераторъ вродѣ „змѣи съ отрубленнымъ хвостомъ“ сказалъ, что его стихи „самые декадентные и символическіе, т.-е. самые новые, въ самомъ модномъ духѣ. Такіе стихи, говорятъ, теперь гораздо моднѣе писать, чѣмъ подъ мундиръ бѣлый муаръ подкладывать. Самый шикъ теперь—декадентство“. И вотъ около Ховецкаго образовалась цѣлая группа декадентовъ, которые не только писали стихи, но и старались держаться взглядовъ и привычекъ, свойственныхъ декадентамъ.

Вообще г-жа Гиппіусъ очень зло высмѣяла теоріи и практику глашатаевъ новыхъ словъ и пророковъ новой невѣдомой красоты. Конечно, не грѣшно смѣяться надъ тѣмъ, что, дѣйствительно, смѣшно, но... г-жа Гиппіусъ еще и „башмаковъ не износила“ съ той поры, когда посвятила свою книгу одному изъ такихъ пророковъ.

Безстыдничанье въ обществѣ и въ литературѣ прикрывается иногда и весьма серьезными масками холодности, безпристрастія и важно презрительнаго отношенія къ тѣмъ яко бы мелочамъ, которыми занимается мыслящая часть общества и лучшія литературныя силы. Одна провинціальная газета замѣтила, что „крикливые концерты нашихъ символистовъ кажутся *Сѣверному Вѣстнику* явленіемъ болѣе важнымъ, нежели борьба между марксизмомъ и народничествомъ“. И вотъ г. Прозоровъ съ маской серьезнаго европейскаго публициста, для котораго всѣ эти споры о будущемъ экономическомъ развитіи Россіи сущіе пустяки, внушительно заявляетъ: вопросъ, молъ, этотъ загорѣлся по поводу выхода двухъ книгъ (а такъ безъ этихъ книгъ онъ бы не загорѣлся, потому пустой, вѣдь, вопросъ, совсѣмъ значеніе не имѣющій,— такъ, что ли?) Книги Струве и Бельтова во всякой серьезной литературѣ вызвали бы небольшіе отчеты. (А во Франціи? Тамъ такія силы выступаютъ съ обсужденіемъ этого вопроса, какъ Жоресъ). Но по

свойству нашихъ журнальныхъ кружковъ, живущихъ обособленною жизнью, иногда внезапно разражается цѣлая полемическая буря въ нашемъ литературномъ стаканѣ, — такая буря, которая не выходитъ за его предѣлы, но за то кипитъ съ лишеннымъ всякой пропорціональности оживленіемъ. Затѣмъ она столь же внезапно стихаетъ. Пока длится буря въ журнальныхъ кружкахъ, каждый предпринимаетъ немедленно и окончательно рѣшить міровой вопросъ и удивляется, что есть люди, чуждые и этой иллюзіи и этой торопливой возни съ импровизированнымъ вопросомъ, какъ съ мячемъ, брошеннымъ въ дѣтскую и затѣмъ оставляемымъ въ покоѣ, когда дѣти, пошумѣвъ, утомятся.

Вотъ, вѣдь, сколько важности этой самой у г. Прозорова! Нашъ народъ такому важничанью давно уже далъ очень мѣткое прозвище „чистоплюйства". Вокругъ чистоплюя кишатъ мелкіе людишки съ своими кровными дѣлами, и волнуются, и мыслятъ, и иногда дѣлаютъ, потому что у нихъ на сердцѣ наболѣло, и не за себя наболѣло, а за то, что всего дороже человѣку: за свою родину и за свой народъ; вокругъ него совершаются важные и внушительные житейскіе факты,— не только люди, а камни вопіять начинаютъ, идея вѣрная или ложная,—это все равно въ данномъ случаѣ,—проникаетъ всюду, широко распространяется, отражается въ мѣропріятіяхъ, въ оффиціальныхъ докладахъ даже, растетъ и множится и по-своему формируетъ жизнь— а чистоплюй стоитъ себѣ въ величественной позѣ Юпитера съ Троицкой и важно провозглашаетъ: пустое все, буря въ литературномъ стаканѣ! Эхъ, право, ужъ лучше было бы символистической свистопляской заниматься, чѣмъ такія торжественно лицемѣрныя рѣчи говорить.

Какъ разъ въ томъ же журналѣ, въ которомъ г. Прозоровъ произноситъ свои чистоплюйскія рѣчи, теперь печатается очень дѣльная и серьезная статья проф. Исаева о развитіи русскаго народнаго хозяйства. Почтенный профессоръ тоже прибавляетъ свою волну къ бурѣ въ нашемъ литературномъ стаканѣ. И эта волна заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Но теперь мы не будемъ трактовать о статьѣ г. Исаева, такъ какъ она не кончена и намъ придется посвятить ей часть нашего обозрѣнія въ будущемъ мѣсяцѣ. А теперь перейдемъ къ изложенію очень интересной статьи проф. Яроцкаго, посвященной тому же вопросу (*Односторонняя теорія экономическаго развитія—Новое Слово*).

Г. Яроцкій занимаетъ въ вопросѣ объ экономическомъ развитіи совершенно особое, не полемическое въ сущности, положеніе. Онъ сводитъ этотъ вопросъ къ вопросу о методѣ соціологіи вообще и экономическихъ изслѣдованій въ частности. Его взгляды, какъ увидитъ читатель, даже очень напоминаютъ взгляды извѣстнаго американскаго соціолога Лестера Уорда. Говоримъ, напоминаютъ, а не заимствованы имъ у Уорда, потому что признаковъ заимствованія мы не замѣтили и весьма вѣроятно, что почтенный авторъ пришелъ къ нимъ вполнѣ самостоятельно. Оно и понятно,—взгляды Уорда въ сущности такъ просты и, такъ сказать, прозразны, что они, какъ говорится, въ воздухѣ носятся и легко усвоиваются всякимъ серьезно мыслящимъ человѣкомъ. Тѣмъ болѣе, что Уордъ имѣлъ предшественниковъ, между прочимъ, и въ нашей литературѣ. Во Франціи Фулье, наприм., съ своими идеями-силами тоже пришелъ къ аналогичнымъ взглядамъ совершенно независимо отъ Уорда, котораго онъ, вѣроятно, даже и не читалъ. Г. Яроцкій также, какъ и Уордъ, признаетъ существованіе въ общественной, а въ томъ числѣ и экономической, жизни двухъ различныхъ процес-

совъ: безсознательнаго, генетическаго, какъ выражается Уордъ, и сознательнаго, по терминологіи Уорда цѣлесообразнаго, телеологическаго. Изъ существенныхъ различій этихъ двухъ процессовъ почтенный авторъ и дѣлаетъ свои выводы относительно метода изученія соціологіи вообще и экономики въ частности, а также и въ примѣненіи къ занимающему насъ вопросу о будущемъ экономическомъ развитіи Россіи. Теперь въ модѣ,—говоритъ авторъ,—теорія или формула не только экономическаго, но и всего общественнаго развитія, которая, претендуя на высшую степень объективности, утверждаетъ, что сознательное коллективное творчество не причемъ въ процессѣ развитія и что изучать процессъ развитія слѣдуетъ только съ точки зрѣнія причинности, а не цѣлесообразности явленій, что воля и сознаніе безсильны. Въ примѣненіи къ Россіи эта теорія доказываетъ неизбѣжность для нея капиталистической ступени развитія и не только въ области обрабатывающей промышленности, но и въ сельскомъ хозяйствѣ; въ послѣднемъ должна произойти капитализація промысла, уничтоженіе общины и обезземеленіе значительной массы крестьянства. Для опроверженія этой односторонней теоріи, по мнѣнію автора, именно и слѣдуетъ доказать ту двойственность общественныхъ явленій, о которой мы говорили выше. И въ результатѣ, какъ конечный выводъ методологіи, получится то, что наука, изучающая экономическія явленія, должна включать элементы историческіе и искусства, т.-е. прямыя указанія на практическія мѣропріятія для обезпеченія благосостоянія. По отношенію къ большинству общественныхъ явленій можно сказать, что они обнаруживаютъ одинаковую послѣдовательность въ развитіи; сначала они продукты безсознательнаго коллективнаго творчества (генетическія), а потомъ въ исторіи переходятъ въ разрядъ телеологическихъ. Это въ особенности замѣтно въ сферѣ правового творчества. Правда, такой переходъ не всегда очевиденъ, потому что совершается онъ исподволь, при совмѣстномъ участіи двухъ факторовъ (безсознательнаго и сознательнаго творчества). Тѣмъ не менѣе эти два фактора существуютъ и противополагать ихъ другъ другу мы имѣемъ право. Еслибъ явленія экономическія могли быть отнесены только къ первой изъ двухъ категорій (безсознательнаго творчества), то и методъ ихъ изслѣдованія сводился бы къ точкѣ зрѣнія причинности, а не цѣли. Но это не такъ—и потому еще не вполнѣ рѣшенъ вопросъ о единствѣ метода изслѣдованія экономическихъ явленій. Многими экономистами и до сихъ поръ признается единственнымъ пригоднымъ въ ихъ наукѣ методъ дедуктивный. Такъ полагаетъ, наприм., и Менгеръ. Но за то, оставаясь вполнѣ послѣдовательнымъ, онъ не могъ составить полнаго курса и ограничился въ сущности однимъ введеніемъ. Такой способъ построенія науки оказался пригоднымъ только для созданія остова чистой теоретической экономіи.

Въ такой формѣ развившаяся наука оказалась отвлеченной, не говоря уже объ одностороннемъ и слишкомъ узкомъ освѣщеніи явленій. При этомъ необходимо задача науки сводится къ изученію того, *что есть* и *какъ и почему есть*, съ полнымъ исключеніемъ вопроса о томъ, что *должно быть*. При подобномъ изученіи экономическихъ явленій приходится устранить всѣ индивидуальныя особенности, тогда какъ изученіе массовыхъ явленій всего лучше достигается методомъ статистическимъ, который неоспоримо есть лучшій представитель метода индуктивнаго и обратной дедукціи и безусловно отрицаетъ всякія апріорныя (дедуктивныя) построенія. Вообще съ такимъ узкимъ пониманi-

емъ задачи политической экономіи помириться нельзя, тѣмъ болѣе, что экономическія явленія не только измѣняются по мѣрѣ развитія формъ, но и подъ вліяніемъ элемента цѣлесообразности. Слѣпая вѣра въ такую всеобщую формулу развитія, которая выражаетъ торжество неподдающихся человѣческому воздѣйствію законовъ, приводитъ къ своего рода горделивому помѣшательству, къ претензіи на исключительный *объективизмъ*. Но такой объективизмъ въ сущности есть замаскированный оптимизмъ. Общее между такимъ объективизмомъ и оптимизмомъ школы буржуазныхъ экономистовъ то, что они одинаково вѣрятъ въ господство естественно-экономическихъ законовъ и не признаютъ сознательнаго, наприм. государственнаго, вмѣшательства въ сферу народнаго хозяйства. Различіе не въ томъ, что буржуазные экономисты смотрѣли на процессъ развитія экономическихъ явленій какъ на завершившійся. Съ этимъ, конечно, не согласятся современные объективисты, такъ какъ у нихъ есть иные идеалы. Потому-то у нихъ этотъ объективизмъ только *мнимый*, ибо никакъ нельзя при опредѣленіи ихъ теоріи избѣжать опредѣленій, въ родѣ стремленій „къ лучшему". Вообще и у классическихъ экономистовъ, и у современныхъ объективистовъ есть общее, а именно — перенесеніе центра тяжести всѣхъ вопросовъ на процессъ производства и отодвиганье на второй планъ вопроса о распредѣленіи. Далѣе почтенный авторъ переходитъ къ конкретнымъ примѣрамъ. У насъ, — говоритъ онъ, — сохраняется форма мелкой промышленности, занимающая около 8 милліоновъ рабочихъ, тогда какъ крупная промышленность занимаетъ только полтора милл. Слѣдуетъ ли, что кустари обречены на превращеніе въ наемныхъ рабочихъ и что безсильны всѣ мѣры для развитія кустарныхъ промысловъ, и что даже такія мѣры нежелательны? Теорія отвѣчаетъ утвердительно на такой вопросъ... Это настоящій образецъ дедукціи, не принимающей во вниманіе привходящаго условія какъ для западныхъ странъ, такъ и для насъ. Это условіе тамъ заключалось въ предшествовавшемъ этому процессу капитализированія промысловъ обезземеленіи У насъ же привходящее условіе иное: надѣленіе крестьянъ землей. Отрицательнаго условія для тождества въ процессѣ развитія не имѣется на лицо. Въ качествѣ же положительнаго это условіе даетъ возможность нашимъ кустарямъ держаться дольше въ качествѣ самостоятельныхъ производителей. Они оказываются въ состояніи выдерживать конкурренцію съ капиталистическими производствами лучше, чѣмъ безземельные мелкіе производители. Далѣе теорія утверждаетъ, что и сохраненіе земли за крестьянами противорѣчитъ формулѣ и земля, какъ одинъ изъ условныхъ видовъ капитала, должна перейти въ руки капиталистовъ. Во всемъ этомъ много ненаучной аналогіи, потому что апріорность отправного пункта заключается въ недоказанномъ положеніи, что въ основѣ всего общественнаго развитія лежатъ одни экономическіе факторы и въ частности формы производства. А далѣе путь доказательства такой: капитализмъ восторжествовалъ въ промышленности обрабатывающей, значитъ то же *должно* произойти и въ земледѣліи. А между тѣмъ именно въ Европѣ мы и замѣчаемъ многообразіе въ условіяхъ земледѣлія и землевладѣнія и спрашивается, какъ же это нивеллирующій все законъ капиталистическаго развитія допустилъ это многообразіе? Единственнымъ объясненіемъ можетъ быть только многообразіе факторовъ общественнаго развитія, въ данномъ случаѣ разныхъ другихъ соціальныхъ условій и силъ, кромѣ чисто-экономическихъ. Эти другіе факторы, политическіе, правовые, бытовые и

проч., подъ формулу не подходятъ и тутъ-то и обнаруживается ихъ самостоятельное вліяніе. Оставаясь даже на почвѣ чисто-экономической, возможно доказать, что въ земледѣліи и землевладѣніи крупнымъ капиталамъ не такъ легко восторжествовать надъ мелкимъ производствомъ, какъ въ промышленности обрабатывающей.

Остановимся на минуту въ изложеніи статьи г. Яроцкаго и приведемъ нѣкоторыя данныя, доказывающія, какъ нелегко справиться капитализму съ мелкимъ производствомъ въ обрабатывающей промышленности даже въ Европѣ, т.-е. съ рабочими безземельными. Г. Н. К. въ корреспонденціи изъ Франціи *(Русское Богатство)* приводитъ любопытныя цифры, указывающія, какъ мало подвинулась концентрація производства даже въ такомъ промышленномъ центрѣ, какъ Парижъ. На каждаго хозяина въ Парижѣ приходится не больше трехъ рабочихъ (на 687,000 лицъ, занимающихся промышленностью, хозяевъ 163,000, въ изготовленіи одежды и articles de Paris отношеніе еще ниже); мастерокъ является, очевидно, преобладающимъ типомъ экономической жизни Парижа. Въ сферѣ игрушечнаго производства капиталистъ эксплуатируетъ ремесленника, *работающаго на дому, не въ качествѣ фабриканта*, а въ качествѣ скупщика и кредитора. Вообще цѣлыя отрасли приготовленія одежды страдаютъ не отъ конкурренціи крупнаго производства, а отъ эксплуатаціи ремесленника *торговымъ капиталомъ*, зачастую громаднымъ базаромъ. Въ концѣ-концовъ получается та ужасная система эксплуатаціи мелкой промышленности, которая называется *системой высасыванія пота* и которая позволяетъ жить на тѣлѣ рабочаго класса множеству паразитовъ, отъ мелкихъ піявокъ до громадныхъ магазиновъ.

Итакъ, и въ обрабатывающей промышленности, по крайней мѣрѣ во многихъ важныхъ ея отрасляхъ, и въ странахъ съ уже сильно развитою капиталистическою системой производства мелкому промыслу приходится пропадать не отъ конкурренціи крупной промышленности,— и стало-быть не приходится неизбѣжно быть капитализированнымъ,— а отъ эксплуатаціи торговымъ капиталомъ, противъ чего, конечно, возможна успѣшная борьба не только у насъ, при обладающемъ землей рабочемъ, но и въ Европѣ, мѣрами болѣе или менѣе извѣстными. Тѣмъ больше это можно утверждать по отношенію къ земледѣльческому промыслу. Марксъ въ III томѣ *Капитала* говоритъ слѣдующее: „Мораль исторіи, которую можно извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія, заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію или раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистическою системой (хотя послѣдняя и способствуетъ его техническому развитію) и требуетъ или рукъ самостоятельно работающихъ мелкихъ земледѣльцевъ, или контроля ассоціированныхъ производителей“ (1 часть, стр. 98). И далѣе: „Затрата денежнаго капитала на покупку земли не есть затрата земледѣльческаго капитала. Она есть даже уменьшеніе того капитала, которымъ мелкіе крестьяне могли бы пользоваться непосредственно въ сферѣ производства; эта затрата соотвѣтственно уменьшаетъ объемъ средствъ производства и суживаетъ поэтому экономическое основаніе для воспроизведенія. Она подводитъ крестьянина подъ гнетъ ростовщика, такъ какъ въ этой сферѣ рѣже встрѣчается настоящій кредитъ. Это есть препятствіе для земледѣлія даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о покупкѣ большихъ имѣній. Она противорѣчитъ въ дѣйствительности капиталистическому способу производства, для котораго безразлично, все равно—унаслѣ-

довано или куплено имѣніе“ (2 ч., стр. 344). Такимъ образомъ,—замѣчаетъ г. Яроцкій,—масса капиталовъ отвлекается отъ прямыхъ производительныхъ цѣлей, потому что приходится тратить ихъ на покупку земли, чего, конечно, не бываетъ въ общинѣ, наприм... Нужно прибавить къ этому и то соображеніе, что затрата капитала на покупку земли дѣлается все болѣе и болѣе непроизводительной, потому что цѣна земли возрастаетъ, а доходность ея падаетъ (въ Европѣ и у насъ) съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ... Изъ всего этого очевидно, что тѣ, которые, не дождавшись изданія третьяго тома, произнесли свой абсолютный приговоръ надъ будущностью нашего русскаго экономическаго развитія и въ частности рѣшили для торжества капитализма пожертвовать земельною общиной, согрѣшили противъ творца самой формулы, которую онъ самъ и не думалъ чрезмѣрно обобщать и придавать ей отвлеченный отъ времени и мѣста смыслъ... Возвращаясь къ вопросу о методѣ въ политической экономіи, профессоръ замѣчаетъ: если признано будетъ самостоятельное значеніе такого фактора, какъ стремленіе къ обезпеченію общественныхъ цѣлей и интересовъ, то и задача науки должна заключаться не только въ постиженіи истины, но и въ изученіи средствъ для достиженія этихъ цѣлей. Другими словами, съ чистою наукой въ неразрывной связи должна находиться и наука прикладная, экономическая политика, какъ искусство (того же, по словамъ Уорда, требуетъ и аналогія съ ходомъ развитія наукъ физическихъ и біологическихъ). Несомнѣнно,—заключаетъ г. Яроцкій,—что болѣе сложные методъ, задачи и содержаніе политической экономіи представляютъ и гораздо больше трудностей при исполненіи. Преодолѣніе этихъ трудностей не есть, однако, дѣло невозможное, и во всякомъ случаѣ это задача болѣе благородная, чѣмъ облеченіе себя въ тогу научнаго объективизма, тѣмъ болѣе, что, какъ мы говорили, и объективизмъ-то это мнимый... Такая постановка вопроса въ настоящее время не есть достояніе только одной политической экономіи. Напротивъ, это явленіе свойственно всѣмъ общественнымъ наукамъ вообще; такое же движеніе обнаруживается и въ правовѣдѣніи, гдѣ отвлеченную догматику все болѣе и болѣе замѣняетъ глубокая философская постановка вопросовъ на почву цѣлесообразности правовыхъ нормъ и институтовъ.

Выше мы приводили мнѣніе г. С. К. объ якобы отсутствіи въ салонахъ россійской литературы мужика. *Новое Слово*—журналъ новый и направленіе его еще недостаточно ясно опредѣлилось, хотя несомнѣнно, что это журналъ народническій, Въ добрый часъ! Мы будемъ рады, если народничество получитъ возможность высказать свои, по правдѣ сказать, довольно таки туманныя положенія. Но пока *Новое Слово* еще ничего не высказало. Всякій опытный журнальный читатель знаетъ, что духа и направленія журнала слѣдуетъ искать въ послѣднихъ его отдѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не въ статьяхъ же, въ родѣ статьи проф. Яроцкаго, искать его,—такая статья могла быть напечатана и не въ народническомъ журналѣ. И не въ плохомъ разсказѣ г. Савихина изъ народной жизни—плохіе разсказы изъ народнаго быта печатаются въ журналахъ самаго разнообразнаго направленія. Поищемъ же направленія журнала въ его руководящихъ отдѣлахъ. На первый разъ обратимся къ тому же г. С. К. Теперь еще можно услышать и изъ либеральнаго лагеря,—говоритъ онъ,—что народничество есть доктрина узкая, давно уже будто бы пережитая и брошенная Европой. Смѣемъ думать,—заявляетъ онъ,—что не только въ Европѣ, но даже

въ Америкѣ есть соотвѣтственныя народническимъ доктрины, которыя лишь нѣсколько видоизмѣняются и иначе называются и что представители ихъ не только не отрицаютъ науки и искусства, а, напротивъ, чтутъ ихъ, а порицаютъ только условія, дѣлающія ихъ не всѣмъ доступными, да тѣ практическія примѣненія, когда онѣ являются орудіемъ эксплуатаціи.

Такъ вотъ какой съ Божіей помощью оборотъ выходитъ. Вѣдь, это нѣкоторая эволюція въ доктринѣ народничества, потому что замолкли тѣ торжественные звуки тромбоновъ и литавръ, съ которыми когда-то народничество выѣзжало въ свой походъ противъ ничтожной по силѣ и духу интеллигенціи. И такую эволюцію можно, разумѣется, только привѣтствовать. Подъ такимъ опредѣленіемъ доктрины подпишутся очень многіе, которые никогда не мнили себя народниками. Но они все же захотятъ называться иначе—и будутъ имѣть на сіе резонныя основанія. Потому что тѣ доктрины, о которыхъ теперь говоритъ г. С. К., сами по себѣ, а народничество, какъ оно у насъ слагалось въ жизни и выражалось въ литературѣ, всегда имѣло нѣкоторый специфическій запахъ.

Звуки тромбоновъ умолкли, да не совсѣмъ. Въ той же статьѣ г. С. К., утверждая, что мужикъ исчезъ изъ нашей беллетристики, утверждаетъ далѣе, что и въ серьезныхъ отдѣлахъ нашихъ органовъ печати прежде преобладали статьи, касавшіяся живыхъ явленій и интересовъ народной жизни, а теперь, молъ, пошли статьи по эстетикѣ, личной этикѣ и т. п., и что въ этомъ видно стремленіе къ самодовлѣющимъ интересамъ собственнаго культурнаго существованія. Конечно,—продолжаетъ авторъ,—при этомъ вездѣ фигурируютъ народные интересы, но вы ясно видите (о, сколь проницательны гг. народники!), что дѣло совсѣмъ не въ нихъ, а въ томъ, что культурный человѣкъ просто самъ жить хочетъ. Ничего въ этомъ неестественнаго и худого нѣтъ (ну, и на томъ спасибо); но худо, если онъ игнорируетъ, обособляетъ и противополагаетъ свои интересы народнымъ.

Вотъ это то и есть тотъ специфическій запахъ, который не позволяетъ людямъ, готовымъ подписаться подъ доктриной, какъ ее теперь формулировалъ г. С. К. называть себя народниками и заставляетъ ихъ предпочитать иныя названія. Дѣло въ томъ, что вышеприведенныя заявленія автора или прямо невѣрны, или ломятся въ открытыя двери. Предлагаемъ ему сосчитать всѣ тѣ появляющіяся въ журналахъ и газетахъ статьи, гдѣ, посредственно или непосредственно, фигурируетъ мужикъ и общенародные интересы, и сравнить число такихъ статей съ числомъ тѣхъ, гдѣ говорится о спеціальныхъ интересахъ и желаніяхъ культурнаго человѣка. Смѣемъ въ свою очередь полагать, что цифры выдутъ достаточно внушительныя и въ корень поражающія утвержденіе г. С. К. А дальше онъ просто ломится въ открытыя двери. Много ли фактовъ и явленій нашей общественной жизни онъ наблюдалъ, въ которыхъ культурные люди, какъ общество, какъ группа даже, противопологала бы свои интересы народнымъ? Противъ одного факта, вродѣ саратовскаго синдиката сельскихъ хозяевъ, исключающаго участіе мелкихъ производителей, приводимаго хроникеромъ, можно поставить тысячи фактовъ, заявленій, ходатайствъ и прямыхъ мѣропріятій земствъ и иныхъ учрежденій, въ которыхъ культурные люди являются не въ раздробь, не какъ личности, а какъ группа. И всѣ таковыя заявленія, ходатайства и мѣропріятія неизмѣнно являются выраженіемъ не *своихъ*, а народныхъ интересовъ. Для всякаго безпри-

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Цѣна каждой части 1 руб.
— Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Saatswissenschaften. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1895 г. Ц. 30 коп.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
***Зимницкій, В.** Условія и пріемы объяснительнаго чтенія. М., 1895 г. Ц. 55 к.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Игра футоолъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Морозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
Ирусъ, П., д-ръ. Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
Іерингъ. Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
Іодль, Фр. Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каринскій, М. Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа.

Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

***Карѣевъ, И.** Старые и новые этюды объ эконономическомъ матеріализмѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

* **Келльнеръ, Л.** Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кернъ, Э. Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаг языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

***Кирстенъ, Г.** Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

***Кирхнеръ, I.** Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

***Кирхманъ, Ф.** Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Ковалевскій, Е. Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско - литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
***Комаровъ, А.** Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
***Коменскій, Я. А.** Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Т. II. Мелкія соч. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М, 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
— *Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Корнигъ, И. Г., д-ръ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
*— Разсказы дикаго человѣка. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.
— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.
Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.

*— Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1. р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кудрявцевъ, В. Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

Кудрявцевъ-Платоновъ, сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

***Курсье, Э.** Русско - французско - нѣмецкіе обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ланге, К. проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

***Леббокъ, С.** Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сывареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лебо, Эжень. Трактатъ о человѣческой физіономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 г. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
***Лоранъ, Э.** Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
*— Нейрастенія. П., 1896 г. Ц. 15 к.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 руб.
Лялина, М. Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к

— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

*Мангуби, И. Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ французъ. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Физіологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
— Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
— Лицемѣрный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
— Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
— Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Мейеръ, Аксель, д-ръ. Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фуллье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъкъ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Кратк руководство къ уходу за акваріум его населеніемъ. Спб., 1894 75 к.
Милль, Джонъ-Стюар ванія политической эконом Ц. 1 р.
*— О подчиненіи женщи Ц. 60 к.
Мильтонъ. Потеря ный рай. Спб., 1891
Милюковъ, П. хозяйство въ Росс Великаго. Спб., 1
— Спорные вопрос Московскаго госу Ц. 1 р.
Михайловъ- анекдотовъ изъ людей. Т. 2. Сп
Михайловск и жизнь. Спб.
— Критическіе въ русской временья. Спб
Михеевъ, В и разсказы. М.
Мольеръ, Со 1884 г. Ц. 7 р
Молло, М. Пр фессіи во Фр 80 к.
Момсенъ, Ѳ. Невѣдомскаго. Т Т. II и III, ц. ц. 3 р. 50 к. М.
Мопассанъ, Г. Москва, 1894 г. 1
— Сочиненія, избра 1 т. М 1893 г. Ц. Т. 2-й. М., 1894 г.
— На водѣ, сборник съ фр. Никифорова, Л. Толстого. М., 1894
Морлей, Джонъ. В съ 4-го англ. изд. М.,
— Руссо. Перев. съ англ. скаго. Ц. 2 р. 50 к. М.,
— Дидро и энциклопедисты Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к
Моръ. Краткая этимологія языка. Спб., 1894 г. Ц. 1

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія осно біологическихъ и врачебныхъ изслѣдованія съ физіолог ковой для естество и студентовъ. М
Москвичъ. (4 изд.) 1 р.
М

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей ...шаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
...исты. Романъ. Кіевъ, 1892 г.

...ъ за друга. Изъ
...Повѣсть для
... 1893 г.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. ...к.

...ла о раздробительной торговлѣ ...напитками (изд. 2). М., 1894 г.

...ля игры, занятія для дѣтей ...: 1) „Подвижныя живот-...ѣзыванія, склеиванія и ... выпуска. Ц. каждому ...щему въ себѣ по 4 ...кз. животныхъ, 45 ... по трафаретамъ“: ...ныхъ шаблоновъ ...Животныя (шесть ...животныхъ). Ц. ...оп.—3) „Тѣне-...сателей“. (Для ...на стѣнѣ). Ц. ...инки, служа-...оизведеніямъ ...риложеніемъ ...ей, портре-...веденій: а) ...б) „Мазай и ...в) „Дѣдуш-...ждой кар-...тѣни“. Ц. ...е путеше-...ѣздники“. ...вадратъ“. ...й кругъ“. ...одвижная ... коп.—11) ... Ц. 15 к.— ...икахъ. (6 ... въ кра-

... грамот-...оск. общ. ...5 к.
...нихъ жи-...андта со ...мъ (Изд.

...етовъ (16 ...Ц. 20 к. ...ыя басни ...е. Кіевъ, ...11-й, 12-й

...ъ прилож. ...894 г. Ц.

...ги. Кіевъ,

...иги. Кіевъ,

Овсянико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Огіевскій, В. Борьба съ вредными лѣсными насѣкомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

*— Надъ Нѣманомъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общ. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

*— Бесѣды о препод. словесн. М., 1896 г. Ц. 80 к.

*— Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.

*— Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.

*— Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

***Острогорскій и Семеновъ.** Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.

***О** дѣлахъ житейскихъ. М., 1886 г. Ц 1 р. 25 к.

Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджелло, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юмъ, Ѳедотовъ

Павоне, К., д-ръ. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред.

В. Преображенскаго. М., 1894 годъ. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Перев. Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Перковскій, П. Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
Перси. Краткое изложеніе рѣзьбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Песталоцци, Г.** Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Ц. кажд. т. 2 р. 50 к.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
***Пло, О.** Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
По, Эдгаръ. Баллады и фантазіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Киш., 1895 г. Ц. 65 к.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Посновъ, А. Руководство къ правильной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
— Голодъ. М., 95 г. Ц. 40 к.
Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и подделка простыхъ породъ дерева. 2-е доп. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Програмы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

*Программа чтенія для самообразованія. П., 1895 г. Ц. 40 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Пфлюгеръ, Э. Ф. В. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Раменскій, Н. Братья-изгои. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.
Рашевскій, И., д-ръ. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
***Рено, А.** Героизмъ. П., 1896 г Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Робертъ, Карлъ. Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
— Краткое руководство миніатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
Рогова, О. И. Рѣпосчетъ. Спб., 95 года. Ц. 2 р.
— Ласточкино гнѣздо. Спб., 94 г. Цѣна 2 руб.
— Ландышъ. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Сынъ гетмана. Спб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Снб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ рас-

крашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Сбп., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
*— Крестьянская школа. П., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьк., 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А.С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за кажд т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сахаровъ, А. По русской землѣ. Второе изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словесн. на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіэна (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
***Селивановскій, И.** Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
***Семеновъ, Д.** Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
Серебрениковъ, В. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.
Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. II. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.
Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.
Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
Скворонская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и

распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.
Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Словцовъ, И. Обозрѣніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.
Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
***Смирновъ, В.** О внутренности земли. М., 1895 г. Ц. 80 к.
Смирнова, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
*— Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
Соколовъ, Н. Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
Соковнинъ, А. Быть и казаться. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Спб., 1896 г. Цѣна 50 к.
Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
***Сорокинъ, В.** О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологі и обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. 2-е изд. Спб., 95 г. Ц. 2 р.
Средина и постоянство. (Свящ. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Станюковичъ, К. М. Откровенные. Ром. въ двухъ част. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М, 1893 г. Ц. 30 к.
Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Стороженко, Н. И., проф Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Страбонъ Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г
Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р 30 к.
Струве, Генрихъ. Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
Струнниковъ, А. Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
Судебныя драмы. Жанъ Делаклоншъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сѣровъ, А. Н. Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академія) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М. 1891 г. Ц. 60 к.
Тжаска, А. Русская азбука съ прибавленіемъ церк.-слав. азбуки М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т I Ц. 3 р. М 83 г. Т. II. Ц. 3 р М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 руб. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
— Вешніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.
— Вешніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
— Вешніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
— Международный конгресъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированіи. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

*Торговая и дѣловая корреспонденція. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую

природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Ученіе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 188? г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ. М., 1891 г. Вып. I. Ц. 25 коп. Вып. II. Ц. 40 к.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файнштейнъ. С., Мнемоника. 5-е изд. Одесса, 95 г. Ц. 35 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

***Фарраръ, В.** Женщины у домашняго очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

— Изъ прошлаго и настоящаго. Ц. 1 руб. 25 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Ферре. Фотогравированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.

*— Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Ферри, Энрико. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ

на-

ль-
то-
ка-
злы
но.

ри
іи
ю

При этой книгѣ разсылается всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ объявленіе отъ издателя А. Ф. Девріена о подпискѣ на „Ботаническій Атласъ“ и на соч. К. Келлера „Жизнь моря“.

